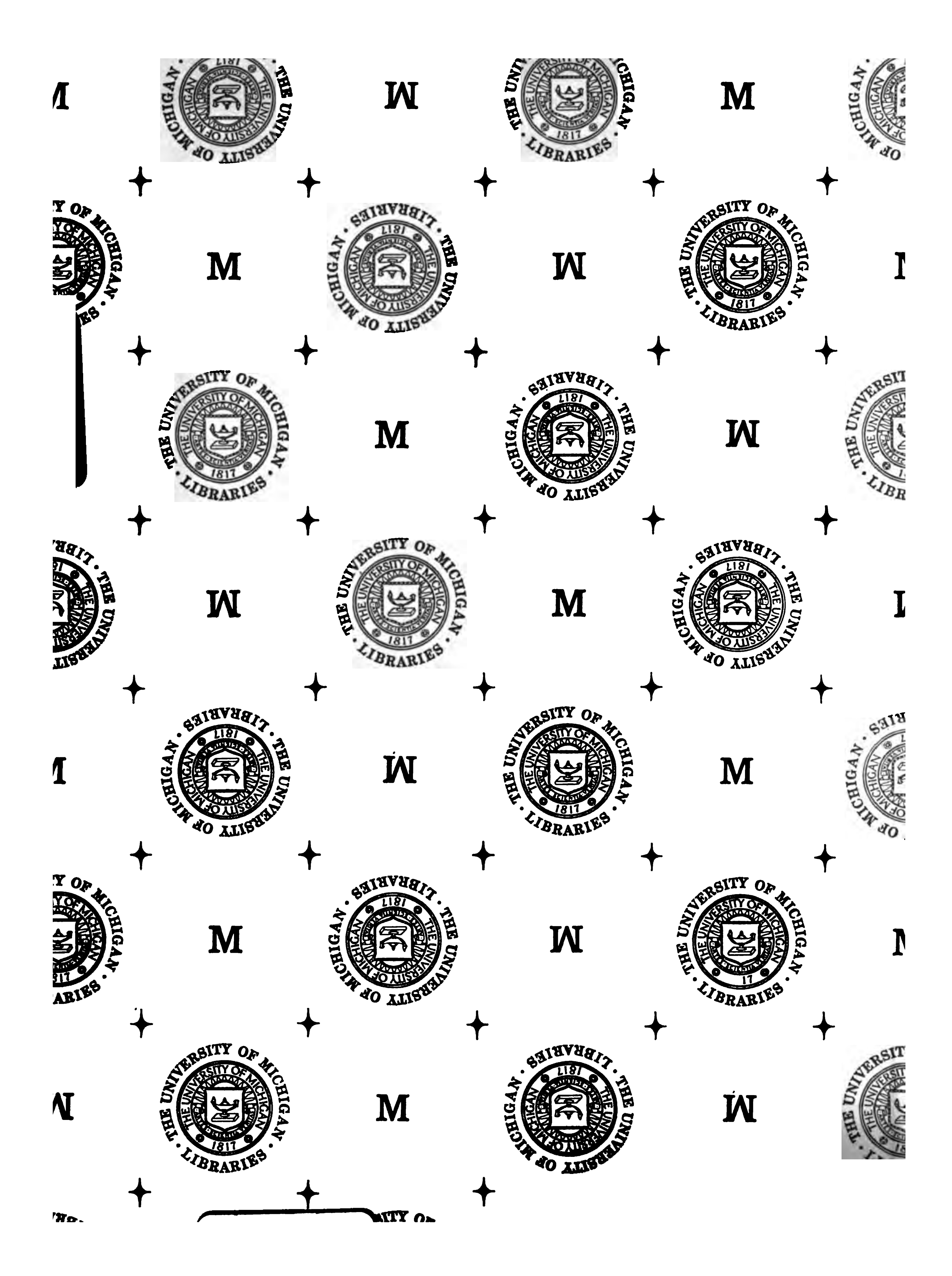
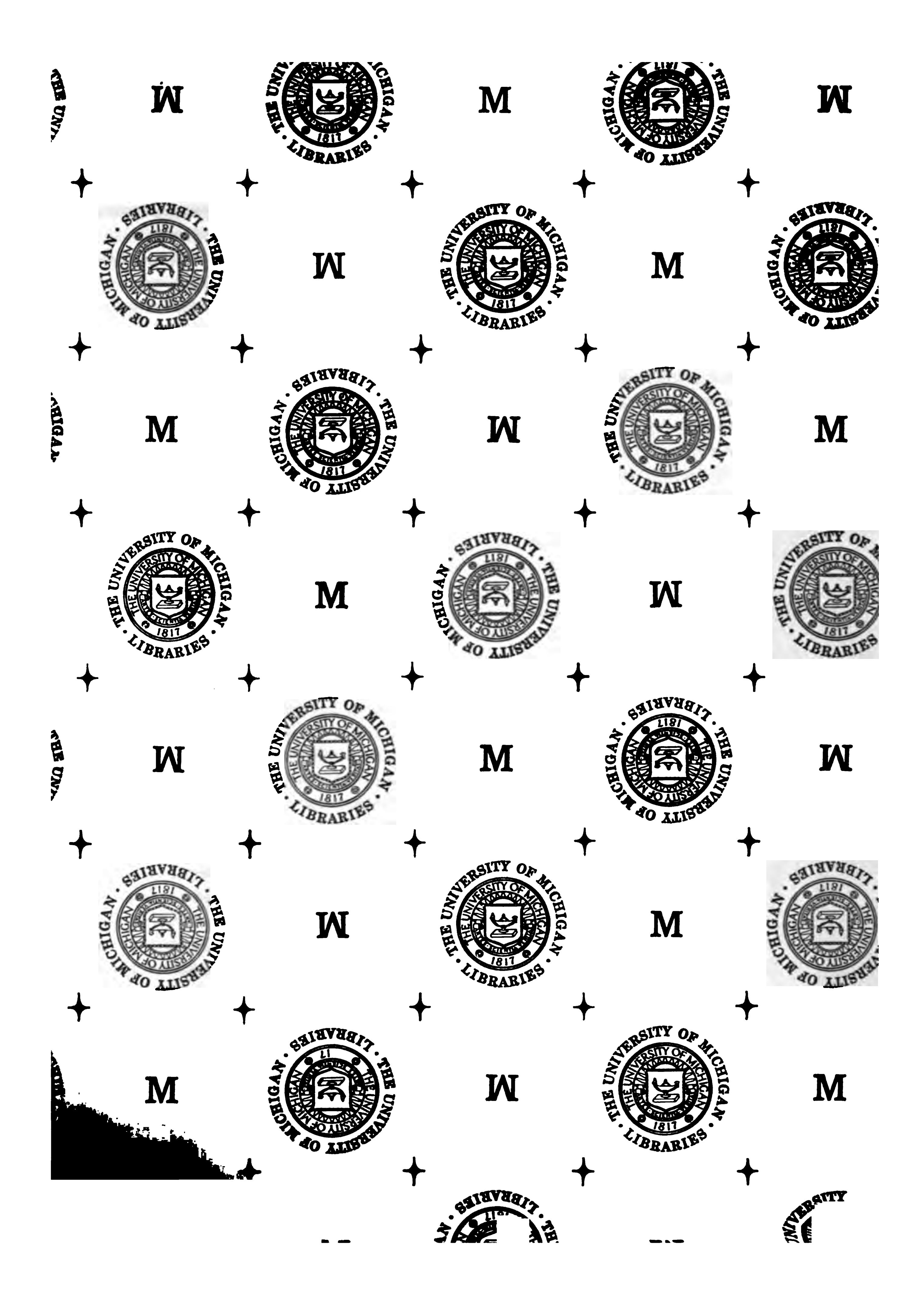
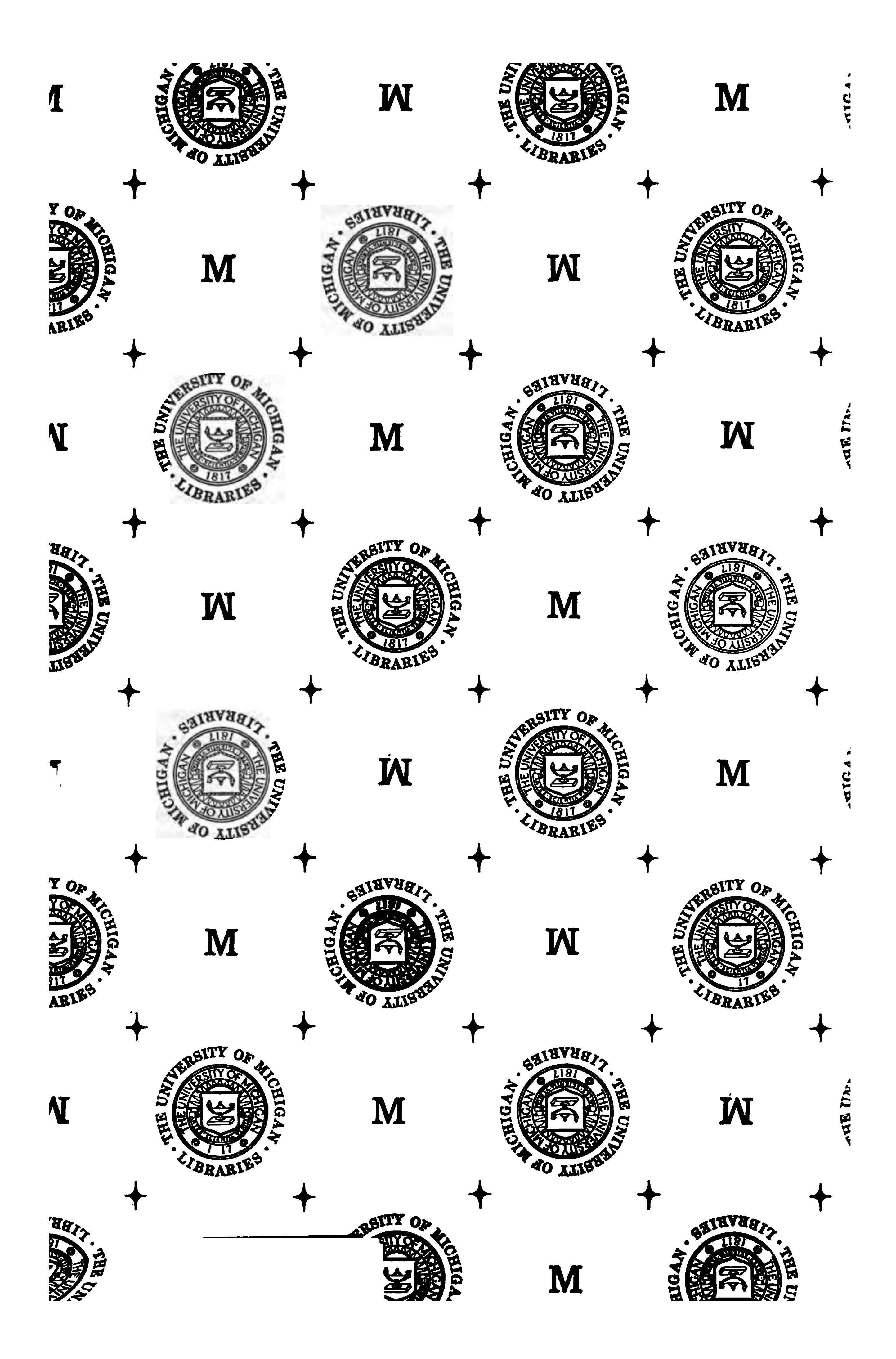
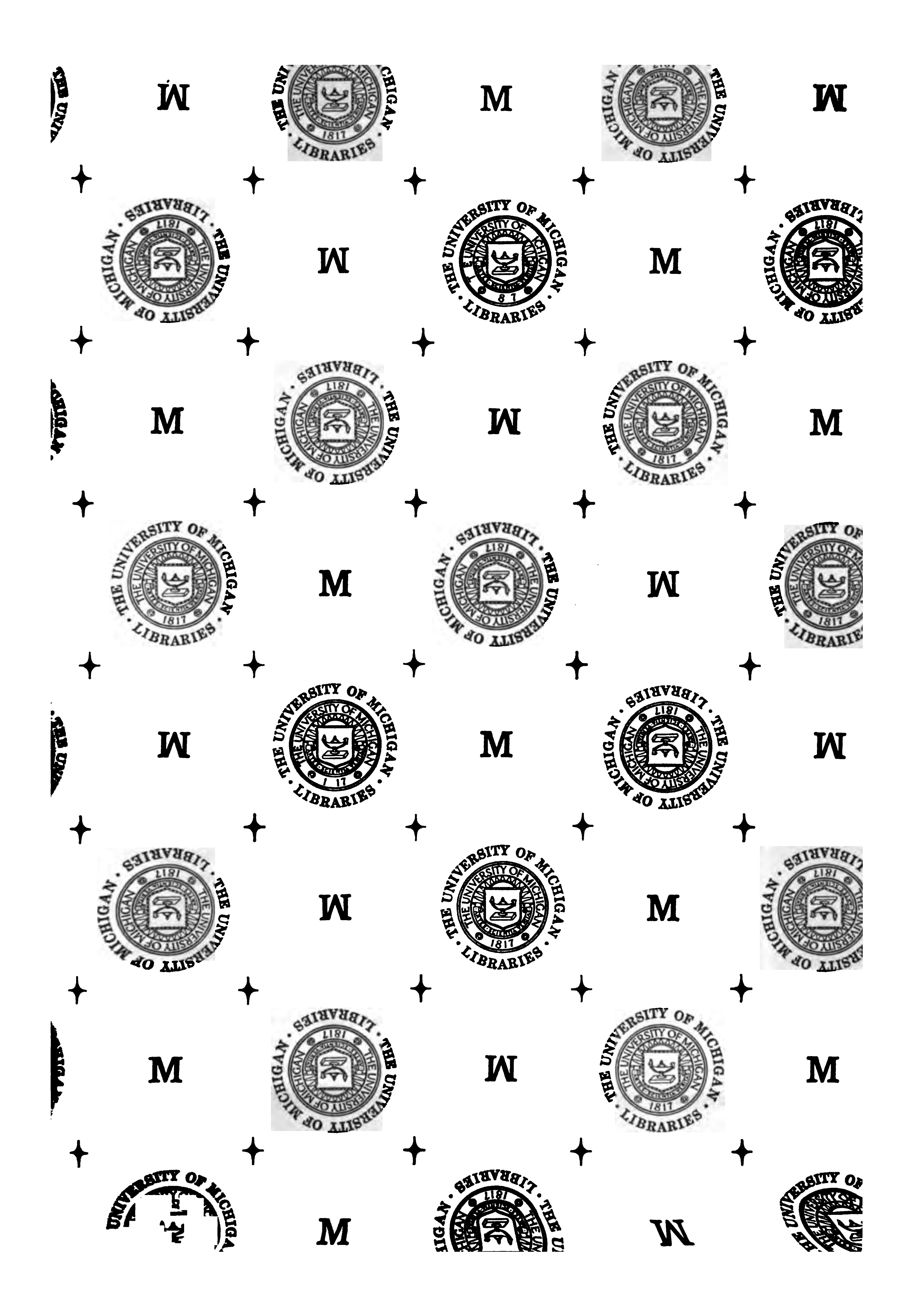

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817


THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817
M


THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817
M


THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817
M

ДРЕВНЯЯ
РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

ДРЕВНЯЯ
РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

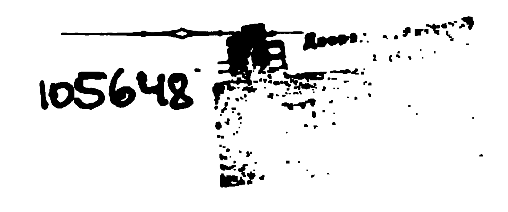
ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ИСТОРІЯ,

ДО МОНГОЛЬСКАГО ИГА.

СОЧИНЕНІЕ

М. Погодина.

ТОМЪ I.



МОСКВА.
Въ Сѵнодальной Типографіи.
1871.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ,

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ,

САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССІИ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Ведя свой родъ изъ крѣпостнаго крестьянства, спѣшу принести Освободителю дань сердечной, глубокой благодарности

Русское государство, въ образѣ происхожденія и въ ходѣ событій, представляетъ совершенное различіе съ западными государствами.

Счастливымъ себя почту, если, трудясь много и долго, успѣлъ найти и представить ясно, хотя нѣкоторыя своеобразныя наши черты.

Вѣрное уразумѣніе прожитой жизни содѣйствуетъ опредѣленію и достиженію цѣли.

Да поможетъ Богъ ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ вести насъ неукоснительно, по начатому славному пути освобожденія, къ этой завѣтной цѣли— народнаго развитія, образованія, благосостоянія,—человѣческаго совершенствованія, въ духѣ святаго ученія Христова.

Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

1871 года,
Мая 19.

вѣрноподданный,

Михаилъ Погодинъ.

ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

Преданіе, донесшееся изъ глубины вѣковъ, до нашихъ лѣтописателей, указываетъ племенамъ Словенскимъ первоначальное жилище въ Европѣ на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ,— Дунаѣ, который до сихъ поръ еще слышится у насъ повсюду въ народныхъ пѣсняхъ. «По мнозѣхъ временѣхъ» (по потопѣ), говоритъ древнѣйшій лѣтописатель нашъ Несторъ, жившій въ XI столѣтіи, «сѣли суть Словени по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска».

Отсюда, вслѣдствіе естественнаго размноженія и другихъ побудительныхъ обстоятельствъ, выселялись они по временамъ,— задолго до Рождества Христова,—и заняли наконецъ почти всю среднюю Европу.

Наша страна получила себѣ обитателей, по случаю нашествія съ запада Кельтовъ или Волоховъ, которые, растревоживъ Словенъ въ ихъ пригрѣтомъ гнѣздѣ, заставили многихъ искать себѣ новыхъ жилищъ. Они тогда стояли уже на извѣстной степени образованія, знакомые съ земледѣліемъ и первоначальными искусствами, говорили языкомъ богатымъ и значительно развитымъ, имѣли понятія и вѣрованія, о Богѣ и жизни посмертной, принесенныя еще изъ прародины своей Индіи, съ коей до сихъ поръ обнаруживаютъ свойство.

Одни изъ Словенъ, племена Ляшскія, приняли направленіе съ Дуная къ сѣверо-западу; другія, наши, къ сѣверо-востоку.

Передовымъ изъ послѣднихъ были собственно такъ-называемые Словене. Напираемые сзади свѣжими толпами, они должны были спѣшно и усильно прокладывать себѣ дорогу, шли-шли и достигли наконецъ озера Ильмеря, раздвинувъ обитавшую въ этихъ мѣстахъ Чудь. Здѣсь только могли они остановиться, и построили себѣ Новгородъ.

«Словени же сѣдоша около озера Ильмеря, прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и́ Новгородъ».

Словенскій конецъ, улица Славно, ручей Словенскій, извѣстные до сихъ поръ въ Новѣгородѣ, указываютъ своими именами, можетъ быть, на мѣста перваго поселенія.

Соплеменники, слѣдовавшіе по ихъ стопамъ, остановились также по пути, когда натискъ съ юга утихнулъ, гдѣ кому случилося, на Двинѣ, Припети, Сожѣ—Кривичи, Дреговичи.

Другіе, еще прежде поворотившіе направо, разселились по Днѣстру, Бугу, Днѣпру и ихъ притокамъ,—Тиверцы, Хорваты, Сѣверяне, Поляне.

Всѣ они не составляли сплошнаго народонаселенія, раздѣляясь между собою рѣками, лѣсами, горами, болотами и степями.

Поляне, по сказанію лѣтописца, отличались тихими и кроткими нравами. Бракъ издавна совершался между ними по взаимному согласію. Семейныя отношенія отличались скромностію. Древляне же имѣли обычаи дикіе, подобно звѣрямъ, съ коими жили въ дремучихъ лѣсахъ своихъ, питались всякою нечистотою, въ распряхъ и ссорахъ убивали другъ друга, брака полюбовнаго не знали, но уводили или похищали себѣ женъ. Такъ жили и Радимичи, Вятичи, Сѣверяне. Они сходились на игрища и плясанья между селами, и тамъ выбирали себѣ дѣвицъ, съ кѣмъ которая сговорится. Многоженство было у нихъ въ обыкновеніи. Надъ покойниками совершалась тризна, насыпалась кладь высокая, на которой трупъ былъ сожигаемъ. Сожженныя кости собирались въ малую сосудину и поставлялись на столпахъ при дорогахъ. Такъ поступали Вятичи даже до II столѣтія, Кривичи и другіе. Мыться и париться въ баняхъ составляло древнѣйшій обычай, которому удивился еще, какъ говоритъ преданіе, Св. Апостолъ Андрей.

Болотистая и лѣсистая, бѣдная дарами природы, страна досталась на долю Словенамъ, которые, опознавшись, должны были подумать о средствахъ снискивать индѣ себѣ пропитаніе.

Къ счастію недостатки ихъ вознаграждались удобствами водяныхъ сообщеній, не только съ ближними, но и самыми отдаленными землями.

Вскорѣ познакомились они съ своими приморскими сосѣдями: это были родственныя племена, выселившіяся прежде ихъ съ Дуная, а далѣе Норманны, извѣстные у нихъ подъ именемъ Варяговъ, самый дѣятельный и удалой народъ въ Европѣ того времени, которые уже съ V вѣка хозяйничали на всѣхъ моряхъ, и имѣли сообщенія по всѣмъ берегамъ, въ Британіи, Галліи, Германіи, Италіи, наконецъ ближайшіе, Финны такъ называемая ими—Чудь.

Чудью, состоявшею изъ множества племенъ, заселенъ былъ, по другую сторону за Новогородцами, и весь Востокъ, отъ Сѣвернаго моря до Каспійскаго.

Смышленные пришельцы провѣдали, гдѣ водятся въ особенности естественныя произведенія, въ коихъ они наиболѣе имѣли нужды, и что могутъ они предлагать въ замѣну Перми, Булгарамъ, Козарамъ, Югрѣ. Имъ удалось даже стать твердой ногою впослѣдствіи на самыхъ выгодныхъ для себя въ этомъ отношеніи точкахъ, откуда они могли основать свою власть надъ окружными странами. Такъ произошли новыя населенія, оказавшіяся вскорѣ для нихъ необходимыми—Изборскъ, Торжекъ, Бѣлозерскъ, Ростовъ, Муромъ, Бѣжецкъ, Волокъ Ламскій.

Въ торговлѣ Новогородской приняли вскорѣ участіе и Норманны, нигдѣ не упускавшіе случаевъ заводить свои связи, и разселявшіеся повсемѣстно; они распространили Новогородскую торговлю еще далѣе, до самаго устья Волги, куда, съ противоположной стороны, чрезъ Каспійское море, изъ внутренней Азіи, проникло съ одинакою цѣлію другое бодрое, живое, и вмѣстѣ образованное племя того времени—Арабы.

Арабы провозили въ устье Волги къ Козарамъ ароматы, южные плоды, шерстяныя ткани, драгоцѣнные каменья, которые до сихъ поръ удерживаютъ у насъ свои восточныя наименованія: изумрудъ, яхонтъ, бирюзу, жемчугъ..... Чудскія племена доставляли мѣха, рыбу, хлѣбъ, металлы, юфть. Изъ низовыхъ южныхъ Славянскихъ поселеній получался хлѣбъ, медъ, воскъ. Изъ Греціи паволоки, золото, вино. Норманны

торговали мечами Франкской работы, янтаремъ, пухомъ, невольниками.

Очень рано между всѣми сими народами началась взаимная мѣна, изъ коей мало по малу, по мѣрѣ распространенія сообщеній, образовалась правильная обширная торговля съ опредѣленными путями.

«Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки,» говоритъ Несторъ «и изъ Грекъ по Днѣпру, и вверхъ Днѣпра волокъ до Ловати, по Ловати внити въ Илмеръ озеро великое, изъ негоже озера потечетъ Волховъ, и втечетъ въ озеро великое Нево, того озера устье внидетъ въ море Варяжское.»

«Тѣмъ-же изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвалисы... Потече Волга на востокъ, и втечетъ семидесятью жерелъ въ море Хвалисское» (Каспійское).

Огромное количество монетъ Арабскихъ (диргемовъ), седьмаго, осьмаго и слѣдующаго вѣковъ, равно какъ и Византійскихъ, Норманскихъ, находимыхъ безпрестанно по всему этому пространству, служитъ не опровержимымъ доказательствомъ живаго сообщенія между племенами, здѣсь обитавшими, съ отдаленной древности.

Смышленные Словене умѣли воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ, на перепутьѣ Норманновъ въ Грецію и къ Финскимъ племенамъ, передавали товары изъ рукъ въ руки, и богатѣли. Городъ ихъ сдѣлался въ нѣкоторомъ смыслѣ складочнымъ мѣстомъ на Сѣверѣ. Слава о Новѣгородѣ распространилась по всему Варяжскому или Балтійскому поморію, и Исландскія саги наполнились сказаніями о богатствѣ и могуществѣ великаго Гольмгарда.

Точно такое значеніе получилъ на югѣ Кіевъ, принадлежавшій другому Славянскому племени, Полянамъ, (предкамъ кажется нынѣшнихъ Великоросіянъ).

Новгородъ подвергся нападенію Норманновъ, господствовавшихъ на всѣхъ сосѣднихъ моряхъ, Кіевъ со всѣми южными племенами—Козаровъ, которыхъ главная сила сосредоточивалась въ Итилѣ, нынѣшней Астрахани, на устьѣ Волги.

Въ 859 году, (первое опредѣленіе времени въ Лѣтописи) какая-то ватага Норманновъ, называвшихся у насъ Варягами, приплыла по Варяжскому морю, въ устье Невы, разсыпалась по сторонамъ, и обложила данью встрѣченныя ею племена, Славянскія и Финскія.

Подданство продолжалось недолго: племена вскорѣ встали, одно за другимъ, потому ли, что были выведены изъ терпѣнія насильствомъ пришельцевъ, или потому, что увидѣли возможность легко справиться съ ними, и не захотѣли нести напрасныхъ убытковъ.

Какъ бы то ни было, хозяева прогнали незванныхъ гостей туда, откуда они приходили, «за море,» и начали по прежнему «владѣть сами о себѣ,» но вскорѣ перессорились между собою, «всталъ родъ на родъ,» полилася кровь, и усобицѣ невидать было конца, а Норманны, съ часу на часъ, могли воротиться съ новыми, еще большими силами, отмстить жестоко за полученное оскорбленіе и наложить иго тяжеле прежняго!

Тогда, среди общей смуты, пришла въ голову кому-то изъ воевавшихъ благая мысль, чтобъ прекратить кровопролитіе: «Поищемъ себѣ Князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по праву».

Совѣтъ заслужилъ одобреніе. Но гдѣ искать Князя, столько сильнаго, чтобъ онъ могъ дома держать свое имя грозно, и въ нужномъ случаѣ защитить мирныя племена отъ внѣшнихъ враговъ?

Здравый смыслъ, народный толкъ, указалъ имъ Норманновъ, которые господствовали по всему взморью, ближнему и дальнему,

ходили безпрестанно на всѣ четыре стороны, селились вездѣ, гдѣ пригрѣвало солнце, и готовы были служить кому угодно, лишь было бъ изъ чего, — Норманновъ, о которыхъ грозная слава разпространялась всюду. Да и когожъ въ то время выбирать было иначе? Кто имѣлъ столько силы и смѣлости, чтобъ взяться за такое трудное и опасное дѣло? Кто могъ лучше защитить отъ Норманновъ, какъ не ихъ соотечественники?

Словене, съ подчиненными имъ, болѣе или менѣе, Кривичами, Чудью, Весью и Мерею, пошли «за море,» къ одному Норманскому племени, почему-то имъ болѣе знакомому, которое жило, кажется, въ углу Варяжскаго моря, въ сосѣдствѣ и совокупности съ родственными намъ племенами, и «называлось Русью, какъ другія племена назывались Свеями, Англянами, Готами и Мурманами».

Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: придите княжить и володѣть нами, сказали имъ послы безъ всякихъ околичностей и условій. Вѣщія слова, опредѣлившія дальнѣйшій ходъ нашей Исторіи.

Норманны знали коротко ихъ землю, богатый Гольмгардъ, знали сосѣднюю, обильную мѣхами, Біармію или Пермь, знали примапчивую Грецію, куда многіе отъ нихъ часто ѣздили торговать въ Константинополѣ, и служить по найму въ императорской варангіи или гвардіи.

По этому пути, знаменитому austerveg Норманскихъ лѣтописей, ходили уже въ Грецію, лѣтъ за тридцать, нѣкоторые изъ той Руси, къ коей обратились теперь посланные.

Охотники нашлись-согласиться на вызовъ: три брата, князья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Они поднялись со всѣмъ своимъ племенемъ, «пояша по собѣ всю Русь,» и пришли къ намъ въ 862 году.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ РЮРИКЪ СЪ БРАТЬЯМИ. 862—879.

Старшій изъ братьевъ, Рюрикъ, сѣлъ въ Ладогѣ, откуда, при истокѣ Невы, всегда удобнѣе было встрѣтить Норманновъ, которые обыкновенно приставали къ этой гавани, извѣстной у нихъ подъ именемъ Альдейгоборга, Синеусъ поселился у Веси на Бѣлѣозерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ у Кривичей.

Война была любимымъ занятіемъ, промысломъ, привычкою и жизнью Норманновъ, и вотъ призванные братья, лишь только утвердились въ новыхъ становыхъ своихъ жилищахъ, какъ и начали «воевать всюду» съ сосѣдними племенами.

Но чрезъ два года меньшіе братья умерли; старшій, Рюрикъ, наслѣдовалъ ихъ волости, и переселился съ своею дружиною въ *Новгородъ,* главной городъ Словенъ, уже сильный, богатый торговлею, владѣвшій обширною волостью, и имѣвшій свои гражданскія учрежденія, — «и прозвались Новогородцы отъ нихъ, (отъ пришедшей Руси), Русскою землею, а прежде были Словене».

Мужамъ своимъ Рюрикъ роздалъ, кому Полоцкъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро, — съ обязанностію собирать дань, судить и рядить народъ, и приходить къ нему съ воями по требованію. Срубивъ самъ городъ въ Новѣгородѣ, (Городище?) онъ велѣлъ имъ также, по исконному обычаю Норманновъ, рубить вездѣ города или крѣпости, какъ необходимыя точки опоры, гдѣ легко держаться, откуда удобно нападать, куда можно приводить плѣнниковъ, и сносить добычу.

Мужи Рюриковы разошлись съ своими бранными родичами, которыхъ переселеніе съ Сѣвера продолжалось еще много времени, «и по тѣмъ городамъ», говоритъ древнѣйшая наша лѣтопись, «Варяги вездѣ нахо-

дники, а первые жители въ Новѣгородѣ Словене, въ Полоцкѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома». Пришельцы составили главную, господствующую часть городовъ Славянскихъ и Финскихъ, и военное, высшее сословіе новаго государства. «И тѣми всѣми (пришельцами и туземцами) обладаше Рюрикъ».

Привыкнувшіе къ воли Новогородцы вскорѣ не поладили съ нимъ, говоритъ позднѣйшая лѣтопись: «оскорбишася глаголюще, яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и рода его....уби Рюрикъ Вадима храбраго, и иныхъ много изби Новогородцевъ, совѣтниковъ его».

Двое изъ спутниковъ Рюрика, *Аскольдъ* и *Диръ,* ни князья, ни бояре, выпросились у него съ родомъ своимъ въ Константинополь, намѣреваясь, безъ сомнѣнія, служить въ числѣ императорскихъ тѣлохранителей или сѣкироносцевъ.

Отпущенные, они не попали однакожъ, куда собиралися: пронесясь въ легкихъ ладьяхъ по Днѣпру мимо Смоленска и Любеча, показавшихся имъ слишкомъ крѣпкими, они остановились подъ крутой горою, на которой, въ сѣни тополей и черешенъ, виднѣлся городокъ...

Осмотрясь и оспросясь они узнали, что городокъ называется Кіевымъ, что строители, три брата, Кій, Щекъ и Хоривъ, съ сестрою Лыбедью, умерли, а жители платятъ дань родамъ ихъ, Козарамъ.

Искателямъ приключеній понравилось мѣсто при широкой рѣкѣ, текущей прямо въ любезное для нихъ море, на перепутьѣ съ Сѣвера, изъ родины, въ Грецію—такъ тепло здѣсь и привольно, всего ростетъ кажется вдоволь. А жители смирны, воевъ нѣтъ, городокъ не крѣпокъ. Не остаться ли здѣсь?

Вздумано, сдѣлано. Аскольдъ и Диръ остались, а Поляне, самое тихое изъ племенъ Славянскихъ, приняли ихъ къ себѣ безъ прекословія.

Молва разнеслась объ удачѣ и выгодномъ поселеніи. Изъ Новагорода вскорѣ прибыло къ нимъ нѣсколько мужей, ушедшихъ отъ Рюрика. Послѣ могли останавливаться у нихъ проѣзжіе земляки, а другіе приплыть даже нарочно. Число товарищей пригульныхъ увеличивалось безпрестанно: они утвердились и начали владѣть Польскою землею, какъ владѣли ихъ единоплеменники на Сѣверѣ, и, подобно имъ, воевать съ сосѣдями.

Но такихъ легкихъ войнъ вскорѣ стало для нихъ недовольно. Другая мысль запала имъ въ голову, другая мечта овладѣла ихъ живымъ воображеніемъ, достойная Норманской крови. Они вздумали идти на Константинополь, о которомъ чудеса разсказывались на ихъ родинѣ. Миклагардъ, Миклагардъ, великій городъ! Чего тамъ нѣтъ! Какія сокровища вездѣ собраны! Сколько золота и серебра, паволокъ! Что за вина, что за яства! А защита плохая. Греческіе воины изнѣжены до того, что имя ихъ у родственныхъ варанговъ употребляется въ насмѣшку. О жителяхъ и думать нечего. Путь же не далекъ, морскія бури знакомы. Отъ чего не попытаться? Ходили-жъ ихъ братья, прежде и послѣ, на Римъ, на Парижъ, на Лондонъ, на Севиллу. Смѣлость города беретъ. Авось!

Начались приготовленія къ походу. Кликнутъ кличь, который, передаваясь отъ города къ городу, могъ вскорѣ донестися и до отдаленнаго Сѣвера.

Стали со всѣхъ сторонъ собираться охотники дѣлить труды, опасности и успѣхи,

какъ это случалось обыкновенно при всякомъ большомъ Норманскомъ предпріятіи. На Царьградъ, на Царьградъ!

Славяне принялись строить лодки, кои выдалбливались изъ одного дерева, и потому назывались у Грековъ однодеревками, а послѣ у казаковъ душегубками.

И черезъ два года пустилось по Днѣпру сборное ополченіе, изъ двухъ сотъ судовъ. Первыя четыреста пятдесятъ верстъ не представляли по рѣкѣ никакого затрудненія. Но вотъ начинаются страшные Днѣпровскіе пороги, продолженіе Карпатскихъ горъ, которые до сихъ поръ препятствуютъ свободному судоходству. Привычные къ водѣ Норманны успѣваютъ кое-какъ пробраться чрезъ всѣ преграды, гдѣ гребя, гдѣ плывя на парусахъ, гдѣ выходя на берегъ, и неся на плечахъ свои легкія лодки. Вотъ открылось раздольное море, и вонъ вдали показался предъ ними и желанный Константинополь.

Тамъ никто не ожидалъ гостей.

«Походъ этихъ варваровъ схитренъ былъ такъ,» свидѣтельствуетъ Патріархъ Фотій, «что и молва не успѣла предупредить насъ, дабы могъ кто-либо подумать о безопасности, и мы услышали о нихъ только тогда, когда ихъ увидѣли, хотя и отдѣлялись отъ нихъ многими странами и народоначальствами, судоходными рѣками и пристанищными морями.»

«Помните тотъ часъ несносный и горькій,» говоритъ онъ же послѣ, воспоминая это событіе, «когда, въ виду нашемъ плыли варварскіе корабли,...когда это море, утихнувъ, трепетно разстилало хребетъ свой, содѣлывая плаваніе ихъ пріятнымъ и тихимъ, а на насъ воздымало шумящія волны брани; когда они проходили предъ городомъ, и угрожали ему, простерши свои мечи?»

«Помните ту мрачную и страшную ночь, когда жизнь наша догарала съ послѣдними лучами солнца, и заря бытія нашего поглощалась глубокимъ мракомъ смерти?»

Быстро и смѣло вошли Русь «внутрь суду», въ пристань, высадились на берегъ, раздѣлили жребіемъ по себѣ предмѣстія и принялись убивать и грабить.

«Что это?» восклицаетъ ученый, краснорѣчивый проповѣдникъ, обливаясь слезами, въ соборномъ храмѣ Святыя Софіи, предъ собравшимся народонаселеніемъ столицы, «откуда упалъ на насъ этотъ дальне-сѣверный и страшный перунъ?... откуда нахлынуло это варварское, сгущенное и грозное море...?»

«Народъ жестокій и дерзскій разоряетъ и губитъ все, нивы, жилища, пажити, стада, женщинъ, дѣтей, старцевъ, юношей, всѣхъ сражая мечемъ, никого не милуя, ничего не щадя. Онъ, какъ саранча на нивѣ, и какъ ржавчина на винопрадѣ, или страшнѣе, какъ жгучій зной, тифонъ, наводненіе, или не знаю, что и сказать, явился въ странѣ нашей и сгубилъ жителей ея.»

Испуганнымъ Грекамъ показалось, что непріятели перелѣзли уже черезъ стѣны, и что городъ взятъ.

Молодаго Императора Михаила III не было тогда въ городѣ: онъ только что вышелъ на Агарянъ въ Малую Азію. Эпархъ или намѣстникъ послалъ къ нему извѣстіе, которое настигло его на Черной рѣкѣ. Михаилъ спѣшилъ воротиться...

Греки между тѣмъ вступили, безъ сомнѣнія, въ переговоры съ напавшею Русью. Предложена была имъ богатая дань, лишь сняли бы они осаду и удалились....

Всю ночь жители Константинополя провели въ безпрерывныхъ молитвахъ.

Фотій вынесъ изъ церкви Влахернской ризу Богоматери, и вмѣстѣ съ народомъ совершилъ крестный ходъ по городу у стѣнъ его, держа ризу на рукахъ своихъ. Всѣ молились усердно, слушая сугубыя эктеніи и литіи на опредѣленныхъ мѣстахъ.

И насталъ день спасенія, 5 Іюня 865 года.

Русь, видно, довольная богатствомъ награбленнымъ въ предмѣстіяхъ, довольная и полученною данью отъ города, удалилась стольже быстро, какъ и явилась, на своихъ легкихъ судахъ.

«Какъ только дѣвственная риза Богоматери обнесена была по стѣнѣ,» говоритъ Фотій во второмъ своемъ словѣ, по отшествіи враговъ, «варвары сняли осаду города, и мы избавились ожидаемаго плѣна, и сподобились нечаяннаго спасенія.» —...

«Мы избавились отъ грозы, избѣжали меча, и губитель миновалъ насъ, покрытыхъ ризою Матери Слова: воспоемъ вмѣстѣ съ нею благодарственныя пѣсни рожденному изъ нея Христу Богу нашему, —... Она оружіе наше и стѣна, щитъ и воевода.»

Долго послѣ сохранялось между Греками воспоминаніе объ этомъ внезапномъ нашествіи Руси.

Походомъ Кіевскихъ витязей Аскольда и Дира имя Руси огласилось въ мірѣ: «начаша прозывати Русска земля; о семь бо увѣдахомъ», говоритъ лѣтописецъ, «яко при семъ Цари (Михаилѣ) приходиша Русь на Царьградъ, яко же пишется въ лѣтописаньи Гречьстѣмъ».

Много золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней и паволокъ, добыли удалые Варяги, но они привезли въ Кіевъ сокровище еще драгоцѣннѣе золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней и паволокъ: они привезли сѣмя Христіанской вѣры для будущаго Государства, которое зачиналось въ Новѣгородѣ съ прибытіемъ перваго князя Рюрика, какъ родоначальника Русскихъ Государей.

Тотъже Патріархъ Фотій свидѣтельствуетъ объ ихъ обращеніи въ грамотѣ, писанной имъ къ Восточнымъ Епископамъ въ 865 году: «Россы, славные жестокостію, побѣдители народовъ сосѣдственныхъ, и въ гордости своей дерзнувшіе воевать съ Имперіею Римскою, оставили суевѣріе, исповѣдуютъ Христа, и суть друзья наши, бывъ еще недавно злѣйшими врагами. Они уже приняли отъ насъ Епископа и священника, имѣя живое усердіе къ богослуженію Христіанскому».

Такимъ образомъ, въ одно время съ зачаломъ государства въ Новѣгородѣ, началась у насъ и Христіанская вѣра въ Кіевѣ. Въ отличіе отъ народовъ западныхъ, получившихъ ее изъ Рима, мы приняли ее изъ Константинополя, отъ Грековъ, и именно въ то время, когда церковь вышла тамъ съ побѣдою изъ борьбы со всѣми лжеучителями, и успѣла отпраздновать торжество Православія, на основаніи семи вселенскихъ Соборовъ. Сообщилъ ее намъ Патріархъ, который первый возсталъ и противъ суемудрія западнаго и противъ папскаго властолюбія. Принесенное въ Русь богослуженіе, сохраняя въ себѣ учрежденія и преданія первыхъ временъ Христіанства, оживлялось вдохновенными славословіями великихъ духовныхъ пѣснопѣвцевъ, и незадолго предъ тѣмъ украсилось священной иконописью.

И Священное Писаніе со всѣми богослужебными книгами, къ счастію новыхъ Христіанъ, было только что переведено на Славянскій языкъ, для сосѣднихъ Славянскихъ странъ, двумя святыми братьями, уроженцами Селунскими, Кирилломъ и Меѳодіемъ. Проповѣдники Болгарскіе, ихъ ученики, могли принесть намъ Божественное слово на родномъ нарѣчіи, въ основаніе Русскаго духовнаго просвѣщенія.

Государственное начало, вѣра Христіанская и духовное просвѣщеніе на своемъ языкѣ— вотъ три сѣмени, великія, благодатныя, почти единовременно упавшія свыше на Славянскую почву, въ великое знаменіе будущности Русской!

А что происходило между тѣмъ на Сѣверѣ? Неужели Рюрикъ оставался, сложа руки, въ Новѣгородѣ?

Вѣроятно Норманскою веревкою, о которой надолго сохранилось воспоминаніе, онъ межевалъ землю, полученную во владѣніе, опредѣляя, куда должны тянуть ея волости или верви: къ князю, къ боярамъ, къ городамъ.

Можетъ быть онъ принималъ участіе въ Норманскихъ походахъ по Балтійскому и Нѣмецкому морямъ, въ Германіи, Франціи и Англіи; можетъ быть распространялъ предѣлы Новогородскаго владычества на востокѣ и югѣ, къ сторонѣ Уральскихъ горъ; можетъ быть въ продолженіи семнадцати лѣтъ онъ успѣлъ и тамъ и здѣсь поработать. Кіевская лѣтопись молчитъ объ этихъ дѣйствіяхъ, сообщая, въ 879 году, одно извѣстіе объ его кончинѣ, предъ которою онъ отдалъ на руки только что родившагося сына Игоря, (слѣдовательно онъ былъ еще тогда въ порѣ полнаго мужества), — родственнику своему Олегу, емуже предалъ и свое княженіе.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ОЛЕГЪ.

879—912

Олегъ, молодой, пылкій, дѣятельный, не долго усидѣлъ на мѣстѣ. Жажда ли дѣятельности, врожденная Норманну, желаніе найдти другое жилище удобнѣе и веселѣе низменныхъ болотъ сѣверныхъ, или распри съ строптивыми Новогородцами, были причиною, а онъ вскорѣ снарядился въ походъ. Народное преданіе придаетъ ему много воевъ: Варяговъ, Чудь, Словенъ, Мерю, Весь, Кривичей. Пошелъ онъ по тому обыкновенному пути, по которому издавна носилися къ югу сѣверные скитальцы. Малолѣтнаго Игоря онъ взялъ съ собою, какъ будто рѣшаясь заранѣе не возвращаться въ Новгородъ.

На Днѣпрѣ занялъ Олегъ Смоленскъ, городъ вольныхъ Кривичей, и посадилъ тамъ мужа своего; плывя далѣе внизъ, взялъ Любечь, гдѣ посадилъ также своего мужа. Наконецъ представился ему Кіевъ, на который зарился онъ можетъ быть и прежде издали. Надо взять и его!

Но городъ былъ крѣпокъ, утвержденный опытными Варягами. Осаждать его—понадобилось бы много времени; брать на щитъ— успѣхъ сомнительный, или покрайней мѣрѣ неизвѣстный: у Аскольда и Дира была своя храбрая дружина, а уступить безъ бою они не могли такое завидное владѣніе, принадлежавшее имъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ.

Олегъ рѣшился на хитрость, къ которой въ нужныхъ случаяхъ любили прибѣгать его соотечественники: онъ оставилъ часть своихъ лодокъ позади, въ прочихъ схоронилъ вои, и приплылъ подъ Угорское. Такъ называлась ближайшая гора къ Кіеву, гдѣ стояли

вежами Угры, (Венгры), шедшие въ Европу съ востока (898) чрезъ горы великія. Отсюда послалъ онъ къ Аскольду и Диру звать ихъ къ себѣ въ ладью, выдавая себя за проѣзжаго гостя, плывущаго въ Константинополь отъ князя Олега и княжича Игоря изъ Новагорода: «Придѣта къ намъ къ родомъ своимъ». Легковѣрные подались на обманъ. Они вышли изъ своей крѣпости, съ немногими провожатыми, спустились съ горы на берегъ, и приблизились къ ладьямъ. Вдругъ выскочили спрятанные воины и бросились на нихъ. Показался и самъ Олегъ. Вы не князья и не княжескаго рода, сказалъ имъ гордый Норманнъ, уважавшій больше всего благородство, а я князь, и вотъ сынъ Рюриковъ, прибавилъ онъ, указавъ на вынесеннаго между тѣмъ изъ ладьи ребенка Игоря. Несчастные пали въ тоже мгновеніе подъ мечами убійцъ. Тѣла ихъ отнесли на гору, гдѣ, въ Несторово время, былъ Ольминъ дворъ, и тамъ погребли. На мѣстѣ погребенія Аскольдова этотъ Ольма построилъ впослѣдствіи церковь св. Николая, а Дирова могила, говоритъ Несторъ, находится за монастыремъ Св. Ирины, —какъ-будто въ воспоминаніе объ ихъ христіанствѣ.

Смирные Поляне поддались спокойно новому пришельцу, какъ прежде Аскольду и Диру, и «сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ».

Онъ такъ полюбилъ доставшійся ему городъ, что рѣшился прекратить свой неопредѣленный путь, и водвориться здѣсь навсегда. «Се буди мати градомъ Русскимъ», сказалъ Олегъ. «Бѣша у него Варязи и Словѣни и прочи, прозвашася Русью».

Имя Руси сдѣлалось тогда принадлежностію Кіева, откуда начало расширяться далѣе и далѣе, не найдя еще своихъ предѣловъ....

Чтобъ утвердить свою власть Олегъ началъ ставить города въ новомъ княжествѣ, какъ ставилъ ихъ Рюрикъ съ своими мужами на сѣверѣ. Потомъ опредѣлилъ онъ дани Словенъ, Кривичей и Мери, то-есть раздѣлилъ землю на участки, (вѣроятно тысячи), и назначилъ, куда какой участокъ долженъ тянуть, къ какому городу, и сколько представлять дани. Сверхъ того указалъ онъ, чтобъ Новогородцы, оставшіеся безъ защиты, платили заморскимъ Варягамъ ежегодно триста гривенъ, или полтораста фунтовъ серебра, «мира дѣля».

Устроивъ такимъ образомъ домашнія дѣла, Олегъ, истый Норманнъ, началъ свои военные поиски. Всякой годъ, лишь только вскрывался Днѣпръ, отправлялся онъ на добычу въ быстрыхъ ладьяхъ, по рѣкамъ, въ него впадающимъ, справа и слѣва, и распространялъ предѣлы дани, заставляя мирныя и тихія племена Славянскія, одно за другимъ, признавать свою власть.

Въ 883 году, по Днѣпру, Припети и Ушѣ, онъ напалъ на Древлянъ, (жившихъ въ нынѣшней Волынской губерніи), и «примучивъ ихъ» опредѣлилъ давать по черной кунѣ.

Въ 884 году, по Деснѣ, ходилъ онъ на Сѣверянъ, (въ Черниговской губерніи), побѣдилъ ихъ, и возложилъ дань легкую, велѣвъ только отказаться отъ Козаръ. Олегъ сказалъ: я врагъ имъ, а не вамъ.

Въ 885 году, послалъ онъ спросить къ Радимичамъ, жившимъ по Сожѣ, (въ Могилевской губерніи): кому даете дань? Они отвѣчали: Козарамъ. Олегъ сказалъ: не давайте Козарамъ, а давайте мнѣ, —и Радимичи дали ему по щлягу, какъ платили прежде Козарамъ.

Всѣ эти племена, равно какъ и Дулебы, обитавшіе по Бугу, Хорваты, далѣе на западъ, къ горамъ Карпатскимъ, покорялись ему безъ сопротивленія, а съ Уличами и Тиверцами, жившими по Днѣстру, да моря, (въ Подольской губерніи), онъ долженъ былъ воевать.

Такъ далеко успѣлъ Олегъ въ короткое время разнести славу своего оружія, столько племенъ посчасливилось ему подчинить себѣ, но онъ не былъ доволенъ сими мирными завоеваніями. Чегоже ему хотѣлося болѣе?

Царьградъ,—вотъ куда устремлялись издавна жадные взоры и задушевныя мысли всѣхъ Варяговъ, вотъ гдѣ надѣялись они пріобрѣсти самую лестную для себя славу и самую богатую добычу, вотъ о какомъ походѣ думалъ и Олегъ.

Среди приготовленій, въ 903 году, женилъ онъ Игоря, вскормленика своего, бывшаго и по возрастѣ въ полномъ у него повиновеніи, приведя ему жену изъ Плескова, Варяжскаго рода, именемъ Ольгу.

Древнее преданіе такъ разсказываетъ объ этой женитьбѣ: Игорь узналъ случайно свою суженую, — онъ охотился по лѣсамъ за звѣрями въ Псковской области, и ему понадобилось переправиться съ одного берега рѣки на другой; издали увидѣлъ онъ плывшую внизъ лодку, подозвалъ къ себѣ, и велѣлъ перевезти. Лодкою правила молодая дѣвушка, прекрасная собою. Князь прельстился ею, но не получилъ согласія: она осыпала его упреками, и грозила даже броситься въ рѣку. «И абіе Игорь отложи юношеское мудрованіе свое», по свидѣтельству ея житія, «наипаче же со стыдѣніемъ и молчаніемъ пренде рѣку, внимая себѣ о таковыхъ (ея совѣтахъ) до времени, и оттолѣ паки иде въ Кіевъ.» Когда пришла пора ему жениться, онъ вспомнилъ объ этой встрѣчѣ, и Ольга приведена была ему изъ Плескова.

Греческій, такъ называемый, путь, равно какъ и Восточная Имперія, съ своими средствами защиты, становилися въ Кіевѣ съ каждымъ годомъ извѣстнѣе. Гости и воины, дружинами и по одиначкѣ, плавали безпрестанно взадъ и впередъ, съ Сѣвера въ Константинополь, и изъ Константинополя на Сѣверъ, въ Новгородъ, Швецію, Данію и Норвегію, гдѣ до сихъ поръ многочисленные руническіе камни съ ихъ именами свидѣтельствуютъ о количествѣ древнихъ путешественниковъ и живости сообщенія. Двѣ тысячи ладей наготовили Олегу Кривичи и прочіе Славяне, которые, по свидѣтельству Греческаго Императора Константина Багрянороднаго, нарубивъ зимою по горамъ лѣсъ, строили обыкновенно ладьи у себя дома, и потомъ по вскрытіи воды сплавливали въ ближнія озера, а оттуда въ Днѣпръ, до Кіева; тамъ покупала ихъ Русь, снабжала веслами, уключинами и прочими снастями, собственнаго издѣлія, и снаряжала для плаванія.

Долго собирался Кіевскій князь съ силами, и уже въ 906 году, слѣдовательно чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ по водвореніи своемъ въ Кіевѣ, оставя Игоря въ Кіевѣ, «иде Олегъ на Греки, поиже множество Варягъ, и Словенъ, и Чуди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Сѣверу, и Древляны, и Радимичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверцы».

Константинъ, почти современникъ, описалъ обыкновенное торговое плаваніе Руси въ Константинополь, которое можетъ подать намъ понятіе о трудностяхъ, предлежавшихъ военному многочисленному полчищу. Вотъ собственныя его слова, живо изображающія удалыхъ Варяговъ съ ихъ пріемами, обычаями и даже языкомъ:

«Снарядивъ суда, Русь спускалась по «Днѣпру до Витичева, крѣпкаго мѣста при «рѣкѣ, которое платило имъ дань. Здѣсь «оставались они дни два и три, пока всѣ «суда соберутся, а потомъ продолжали путь «до Днѣпровскихъ пороговъ. Первый порогъ «называется *Ессупи*, что по Русски и по «Славянски толкуется *не спать*. Порогъ «сей узокъ,... однако же въ срединѣ его есть «утесистыя высокія скалы, имѣющія видъ «островоъ. Вода, дошедъ до нихъ, подни«мается и низвергается съ величайшимъ и «ужаснымъ шумомъ. По сей причинѣ, Руссы «не отваживаются проходить чрезъ него, но «приставъ вблизи къ берегу, высаживаютъ «людей, а прочія вещи оставляютъ въ судахъ. «Такимъ образомъ, идутъ они нагіе въ водѣ, «щупая ногами, чтобы не наткнуться гдѣ «нибудь на камень, а между тѣмъ другіе «подвигаютъ, упираясь веслами, носъ, иные «середину, а иные корму судовъ, и такимъ «образомъ съ величайшею осторожностію «проходятъ сей первый порогъ въ углу онаго «близь берега.»

«Прошедъ порогъ, берутъ они остальныхъ «людей съ берега, и плывутъ далѣе ко «второму порогу, по Русски *Улворси*, по «Славянски *Островунипрагъ*, что значитъ «*островъ порога;* онъ также опасенъ и «затруднителенъ для прохода, и они опять «высаживаютъ людей, и поступаютъ съ суда«ми, какъ прежде.

«Такимъ же образомъ переходятъ они и « третій порогъ, называющійся *Геландри*,... «что по Славянски значитъ *звукъ порога*.

«Послѣ приходятъ они къ четвертому и «большему порогу, который называется по «Русски *Ейфаръ*, по Славянски *Неаситъ*, «отъ того, что въ скалахъ его гнѣздятся «*пеликаны*. Къ этому порогу всѣ суда «пристаютъ переднею частію, люди, «избираемые для содержанія стражи, вы«ходятъ и становятся на притинахъ. (Здѣсь «они содержатъ бдительную стражу отъ «Печенѣговъ). Прочіе же вынимаютъ изъ «судовъ вещи, также скованныхъ невольни«ковъ, и отводятъ ихъ на берегъ разстояні«емъ на 6000 шаговъ, пока не пройдутъ «порога. Послѣ этого, суда свои частію «тащатъ, частію несутъ на плечахъ до про«тивоположной стороны порога. Тутъ опять «спускаютъ ихъ на воду, садятся въ нихъ «со всѣмъ имуществомъ, и плывутъ далѣе.

«Дошедъ до пятаго порога, называюща«гося по Русски *Баруфоросъ*, по Славян«ски *Вулнипрагъ*, отъ того, что онъ со«ставляетъ *большое озеро*, переводятъ они «опять свои суда въ уголъ рѣки, какъ «при первомъ и второмъ порогахъ, и до«стигаютъ шестаго, который называется по «Русски *Леанти*, а по Славянски *Веруци*, «т. е. *кипѣніе жидкости*. И сей порогъ «проходятъ они такимъ же образомъ, и «доплываютъ до седьмаго, по Русски *Стру*«*бунъ*, по Славянски *Напрези*, что зна«читъ *малый порогъ*.

«И доходятъ до такъ называемаго *Кра*«*рійскаго перевоза*, гдѣ перевозятся *Хер*«*сонцы* изъ Руси, и *Печенѣги* въ Хер«сонъ. Перевозъ этотъ шириною съ *Гип*«*подромъ*, а высота (берега), усматривае«мая глазомъ съ низу, такова, что стрѣла «пущенная изъ лука, оттуда прямо ея до«стигаетъ. (По сей причинѣ приходятъ «сюда Печенѣги для нападенія на Русь).

«Прошедъ это мѣсто, пристаютъ они къ «острову, который называется именемъ *св.* «*Григорія*, (Хортицы). Здѣсь приносятъ они «свою жертву потому, что тамъ стоитъ отмѣн«ной величины дубъ. Они приносятъ въ

«жертву живыхъ птицъ: натыкаютъ кругомъ «стрѣлы, а иные кладутъ куски хлѣба и «мяса, и что у кого есть, какъ то у нихъ «водится. Также мечутъ жребій о птицахъ, «убивать ли ихъ и ѣсть, или оставлять въ «живыхъ.

«Чрезъ четыре дня достигали они Днѣ«провскаго устья, въ которомъ лежалъ «островъ Св. Еиферія (нынѣ Березань). «Здѣсь отдыхали они обыкновенно два и «три дня, снабжая свои суда потребными «вещами, а именно парусами, мачтами и «рулями, что все привозили съ собою. «Потомъ подавались къ Днѣстру, гдѣ еще «отдыхали. Отсюда, если вѣтеръ былъ по«путный, плыли на парусахъ къ рѣкѣ Бѣ«лой, гдѣ оставались нѣсколько времени, «и продолжали путь къ Селинѣ, которая «есть не что иное, какъ рукавъ рѣки Ду«ная. Далѣе не было для нихъ уже ни«какой опасности».

Олегъ счастливо преодолѣлъ всѣ препятствія, и явился подъ стѣнами Константинополя. Греки заградили пристань цѣпью отъ Акрополя до Галатской башни, а городъ заперли. Олегъ вышелъ на берегъ, и воины его, съ огнемъ и мечемъ, разсыпались по окрестностямъ, жгли церкви, разбивали палаты, а плѣнныхъ рубили, разстрѣливали, бросали въ море. По свидѣтельству Византійскихъ лѣтописателей, устрашенные Греки обратились съ просьбою о мирѣ къ Русскому Князю, на какихъ ему угодно условіяхъ, лишь бы только прекратить кровопролитіе и опустошеніе.

Олегъ отступилъ на нѣкоторое разстояніе отъ города, и послалъ къ Императорамъ Льву и Александру мужей своихъ—Карла, Фарлафа, Вельмуда, Рулава и Стемида, съ требованіемъ, чтобъ они обязались платить ему дань. Греки спросили, сколько дани угодно Руси. Олегъ потребовалъ по 12 гривенъ на ключь или лодку, (что составило около трехсотъ пудъ серебра), укладовъ на всѣ Русскіе города, Кіевъ, Черниговъ, Переславль, Полоцкъ, Ростовъ, Любечь, и прочіе города, гдѣ сидѣли Князья подъ его рукою сущіе, то есть, на все племя Русское, все военное сословіе, по городамъ разселившееся. Потребовалъ, чтобъ Греки выдавали Русскимъ сламъ сольбное, всего, чего они ни пожелаютъ, чтобъ Русскихъ гостей довольствовали они въ Константинополѣ впродолженіи полугода мѣсячиною — хлѣбомъ, мясомъ, рыбой, виномъ, овощами, позволяли имъ ходить въ бани, сколько угодно. Потребовалъ, чтобъ Греки снабжали Русь для возвратнаго пути якорями, веревками (ужа), парусами (прѣ) и съѣстными припасами, сколько чего понадобится.

Греки соглашались на все. Императоры просили только, чтобъ Русь, приходящая безъ дѣла, не требовала мѣсячины, и чтобъ прочимъ Князь приказалъ словомъ своимъ не буйствовать по селамъ. Они должны останавливаться въ предмѣстіи Св. Мамы за стѣною, гдѣ чиновники царскіе будутъ переписывать имена ихъ, и выдавать имъ ихъ мѣсячное, первое отъ Кіева, потомъ Чернигова, Переславля и отъ прочихъ городовъ. Они должны входить въ городъ въ сопровожденіи царскаго пристава, не болѣе какъ по пятидесяти человѣкъ, безъ оружія, и покупать что имъ вздумается, не платя ни за что мыта (пошлинъ).

Императоры, Левъ и Александръ, обязавшись платить дань, присягнули въ соблюденіи договоровъ, и поцѣловали крестъ, а Олегъ и мужи его приведены были на

роту (къ присягѣ) по Русскому закону: они клялись своимъ оружіемъ и Перуномъ, богомъ своимъ, также Волосомъ, скотіимъ богомъ.

Такъ кончился этотъ знаменитый походъ. Счастіе благопріятствовало смѣлому Олегу, и онъ достигнулъ своей цѣли: заставилъ трепетать Константинополь; заставилъ Императоровъ просить униженно мира, исполнить всѣ его желанія, и платить ему дань; получилъ богатую добычу для себя, для своихъ мужей, воиновъ, и для всего своего племени, вытребовалъ важнѣйшія преимущества для Руси на будущее время при всѣхъ сношеніяхъ ея съ Греціей, государственныхъ и торговыхъ.

Весело отправилось торжествующее ополченіе домой въ обратный путь, — «и приде Олегъ Кіеву, неся золото, и паволокы, и овощи, и вина, и всякое узорочье».

Подданные встрѣтили его съ радостію и прозвали вѣщимъ. Слава объ его подвигахъ пронеслась уже всюду. Дружина разсказывала чудеса. Жители съ удивленіемъ передавали изъ уста въ уста эти разсказы, какъ Олегъ съ двумя тысячами лодокъ перебрался черезъ Днѣпровскіе пороги, какъ, явясь предъ Константинополемъ, велѣлъ онъ вытащить всѣ свои суда на берегъ, поставилъ на колеса, и вспявъ (распустивъ) паруса, при попутномъ вѣтрѣ, подкатился подъ городскія стѣны; какъ напугалъ Грековъ; какъ угадалъ отраву въ присланныхъ отъ нихъ брашнахъ; какъ представился имъ какимъ-то святымъ, насланнымъ отъ Бога съ того свѣта наказать ихъ за грѣхи; какъ повѣсилъ онъ свой щитъ на вратахъ Константинополя; какъ на возвратномъ пути велѣлъ онъ любезной своей Руси исшить парусы шелковыя, (прѣ паволочитыя), а Словенамъ кропинныя, полотняныя, которые тотчасъ и разодрались вѣтромъ, и Словене говорили: «имемся своимъ толстинамъ, не даны суть Словеномъ прѣ кропинныя.»

Такіе разсказы сдѣлались народною собственностію; всякой передавалъ ихъ по своему, прибавляя и убавляя по усмотрѣнію; изъ нихъ безъ сомнѣнія сочинились пѣсни или саги по замышленіямъ боянимъ, которыя и дошли до перваго нашего лѣтописателя, передававшаго ихъ въ своей лѣтописи, съ простодушнымъ заключеніемъ: «бяху бо людіе погани и невѣгласи.»

Чрезъ пять лѣтъ по возвращеніи Олега, вслѣдствіе умножившихся отношеній между Русью и Греками, оказалось нужнымъ для обѣихъ сторонъ постановить разныя правила. Кіевской Князь отправилъ «мужи свои построити мира, и положити ряды межи Греки и Русью, равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царяхъ Львѣ и Александрѣ.

Посольство заключило письменный договоръ, до насъ дошедшій, одинъ изъ древнѣйшихъ, драгоцѣннѣйшихъ документовъ Европейскихъ, и вмѣстѣ памятниковъ нашей письменности, подающій ясное понятіе о гражданскомъ устройствѣ молодаго государства,—такаго содержанія:

Мы отъ рода Русскаго — Карлъ, Инегельдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды... Руалдъ, Фрелавъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидульфостъ, Стемидъ,—посланные отъ Олега, Великаго Князя Русскаго, и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его свѣтлыхъ бояръ и великихъ князей, къ вамъ, Льву, Александру и Константину, Царямъ Греческимъ.

Первымъ словомъ, да умиримся съ вами, Греки, и недопустимъ никого изъ нашихъ свѣтлыхъ князей обижать васъ. Такъ и вы храните къ свѣтлымъ князьямъ нашимъ, и ко всѣмъ, иже суть подъ рукою князя нашего, любовь непреложную.

Проказа (вредъ) доказывается свидѣтельствами: отвѣтчикъ клянется по вѣрѣ своей; за ложную клятву наказаніе.

Если убьетъ Христіанинъ Русина, или Русинъ Христіанина, да умретъ на мѣстѣ.

Если убійца убѣжитъ, то имущество его отдается ближнему убіеннаго, кромѣ женниной доли. Неимущій убійца остается подъ судомъ, держится тяжи, пока найдется, и тогда умретъ.

Если ударитъ кто кого мечемъ, или ушибетъ какимъ нибудь сосудомъ, то платитъ пять литръ серебра по закону Русскому; неимущій долженъ отдать все что имѣетъ, до послѣдняго платья, въ которомъ ходитъ, и поклясться, что заплатить за него некому: тѣмъ и кончится тяжа.

Если украдетъ что Русинъ у Христіанина, или Христіанинъ у Русина, и пойманный въ кражѣ окажетъ сопротивленіе, то обокраденный можетъ убить его и взять свое.

Если отдастъ украденное, и будетъ связанъ, долженъ воротить втрое.

Если Христіанинъ или Русинъ станетъ обыскивать насильно, и возметъ чужее, то долженъ отдать втрое.

Если выбросится Греческая ладья вѣтромъ великимъ на чужую землю, гдѣ случится быть Руси, и найдется кто снабдить ее съ рухломъ своимъ и отослать домой, то мы обязываемся проводить ее сквозь всякое страшное мѣсто до безстрашнаго.

Если за бурею, или землямъ бороненіемъ боронима, она не можетъ дойдти до своихъ мѣстъ спотружаемся гребцамъ мы Русь и допроводимъ съ куплею поздорову, по близости отъ земли Греческой.

Если же случится проказа близь Русской земли, то должны мы проводить ее въ Русскую землю; и продать рухло, а придя къ вамъ съ куплею, или въ сольбу къ царю вашему, представить вырученное съ честію.

За покражу и убійство на такой ладьѣ, виноватые изъ насъ Руси отвѣчаютъ прежде-реченною эпитимьею.

Плѣнныхъ проданныхъ, гдѣ окажутся, выкупать Руси и Грекамъ, за что проданы, или по челядинной цѣнѣ, и возвращать коегождо въ свою страну.

Въ случаѣ войны, когда будетъ нужна помощь, желающіе почестить царя вашего, и остаться у него на службѣ, своею волею да будутъ.

Плѣнные выкупаются по 20 золотыхъ.

Украденный, или бѣглый, или купленный челядинъ, возвращается въ Русь по жалобѣ; если у гостя пропадетъ челядинъ, то можетъ его отыскивать; кто противится обыску, тотъ погубитъ правду свою.

Послѣ Русина, умершаго въ Греціи на службѣ у царя, не урядивъ имѣнія своего, наслѣдство возвращается въ Русь къ милымъ ближнимъ: а уряженное отдается, кому написалъ, отъ Руси приходящей или удолжающей (то есть пребывающей въ Греціи).

Бѣглый злодѣй, по востребованіи, долженъ быть возвращенъ въ Русь, бывъ пойманъ, хотя-бъ и не желалъ того.

Си же вся да творять Русь Грекомъ идѣже аще ключится таково. Мѣсяца Сентября во 2, въ недѣлю 15, въ лѣто созданья 6420 (912).

Царв Левъ одарилъ пословъ золотомъ, паволоками и фофудьями, (кафтаны съ поясомъ), и желая привлекать Русь болѣе и болѣе къ Христіанской вѣрѣ, которую Греки всегда почитали вѣрнѣйшимъ средствомъ обуздывать дикіе народы, угрожавшіе ихъ царству, велѣлъ показать имъ церковную красоту, и полаты златыя, и сущее въ нихъ богатство... и страсти Господни, и вѣнецъ, и гвоздіе, и хламиду багряную, и мощи святыхъ. — Путеводители толковали любопытной Руси все ею видимое, и учили вѣрѣ своей. Послы по окончаніи всѣхъ дѣлъ отпущены были домой съ великою честію.

Послѣдніе годы своей жизни Олегъ провелъ въ покоѣ: «и живяше Олегъ миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, княжа въ Кіевѣ».

О кончинѣ его ходило въ народѣ также чудесное преданіе, какъ и объ жизни; разсказывали, что онъ нѣкогда въ молодости спрашивалъ волхвовъ, кудесниковъ, отъ чего приключится ему смерть. Одинъ кудесникъ отвѣчалъ, что смерть ему приключится отъ любимаго коня. Такъ я не сяду же на него никогда, и удалю съ глазъ моихъ, подумалъ Олегъ, и велѣлъ кормить на своей кон шнѣ, но никогда не приводить къ себѣ. Прошло много времени. Олегъ ходилъ на Грековъ и воротился. На пятой годъ по возвращеніи въ Кіевъ вспомнилъ онъ о любимомъ своемъ конѣ, призвалъ старѣйшину конюхомъ и спросилъ: гдѣ конь мой, котораго велѣлъ я тебѣ кормить и блюсти? Тотъ отвѣчалъ, что конь давно издохъ. Тогда Олегъ разсмѣялся и укорилъ кудесника: не надо вѣрить волхвамъ, все то ложь, что говорятъ они, вотъ конь мой умеръ, а я живъ. И захотѣлось ему видѣть кости палаго коня. Онъ поѣхалъ верхомъ къ тому мѣсту. Ему указали голыя кости и голой лобъ. Олегъ слѣзъ съ коня и толкнулъ ногою черепъ примолвивъ со смѣхомъ: не отъ этого ли лба взять мнѣ смерть, — какъ вдругъ выникнула оттуда змѣя, и укусила его въ ногу. Онъ разболѣлся и умеръ.

«И плакашеся по немъ вси людіе плачемъ великимъ, и несоша и погребоша и на горѣ, иже глаголется Щековица. Есть же могила его до сего дня», говоритъ лѣтописатель Несторъ, «словеть могила Олгова» (912).

Олегу, кажется — бездѣтному, наслѣдовалъ сынъ Рюриковъ Игорь.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИГОРЬ.

912—945.

Подданныя племена попытались было отложиться (913), привязанныя слабыми узами къ Кіеву, но Игорь сходилъ на Древлянъ (914), и возложилъ на нихъ дань больше Олеговой.

Новый Князь долженъ былъ отличиться какимъ нибудь необыкновеннымъ подвигомъ. Игорь вздумалъ идти въ дальнюю сторону, куда не ходили еще Варяги, на Востокъ, познакомиться съ другимъ моремъ, еще не извѣстнымъ, Каспійскимъ, и проповѣдать, что обрѣтается на его берегахъ. Восточныя страны были давно извѣстны въ Кіевѣ: «Тѣмъ же изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвалисы, на востокъ доити въ жребіи Симовъ», свидѣтельствуетъ лѣтописатель о древнѣйшемъ времени. Молва о Востокѣ могла доноситься до Кіева и чрезъ Русскихъ купцевъ, торговавшихъ

съ Козарами въ Итилѣ, на устьѣ Волги, какъ другіе торговали въ Константинополѣ и на Сѣверѣ.

Игорева Русь поплыла на пяти стахъ судахъ по Днѣпру въ Черное море, изъ Чернаго моря поворотили они не на право, какъ обыкновенно дѣлали въ походахъ на Грецію, а на лѣво, вверхъ, въ Азовское море, чрезъ Босфоръ Киммерійскій, потомъ поднялись вверхъ по Дону до пограничной крѣпости Саркела или Бѣлой вѣжи, построенной для Козаровъ Греческими мастерами. Отъ Саркела послали они просить Кагана, чтобъ онъ позволилъ имъ пройти чрезъ владѣнія, и рѣкою Волгою спуститься въ море Каспійское, обѣщая ему половину добычи, что возмутъ съ прибрежныхъ странъ.

Каганъ позволилъ. Русь добралась волокомъ до Волги, а Волгой, не то что Днѣпромъ, было ей съ пола-горя прокатиться до желаннаго раздолья морскаго.

Здѣсь, по извѣстію современныхъ Арабскихъ писателей, разсыпались они ватагами во всѣ стороны, и выходили на берегъ толпами въ Джилѣ (Гиланѣ), Дейлемѣ, Табарестанѣ, Абискунѣ и Нефтяной землѣ, до самой области Адербейджанской. Вездѣ проливали они кровь, захватывали въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, грабили, предавая остальное огню и мечу.

Возстенали всѣ народы, обитавшіе около этого моря, говоритъ современный Арабскій писатель Массуди, и возопили о помощи: съ незапамятныхъ временъ не видывали они никакого врага, который нападалъ бы на нихъ съ моря, гдѣ доселѣ плавали только суда купцовъ и рыболововъ.

Обитатели Гилана и Дейлема вооружились. Къ нимъ присоединились прибрежные жители Джорджана. Подошли вои изъ Берды, Аррана, Бейлекана и Адербейджана. Русь билась со всѣми, одолѣвала всѣхъ, напирала впередъ, и достигла Баку.

Возвращаясь на суда послѣ своихъ набѣговъ, онѣ искали обыкновенно убѣжища на островахъ, противъ Нефтяной земли, гдѣ было устроено у нихъ складочное мѣсто добычи. Государемъ Ширванскимъ былъ тогда Али, сынъ Гайсемовъ.

Снарядилось наконецъ общее ополченіе, и отправилось противъ нихъ къ островамъ, на лодкахъ и купеческихъ судахъ. Русь ударила въ противниковъ, и разбила. Нѣсколько тысячъ Мусульманъ пало въ битвѣ, или потонуло въ волнахъ. Съ тѣхъ поръ нѣсколько мѣсяцевъ хозяйничала Русь спокойно на Каспійскомъ морѣ, и ни одинъ изъ окрестныхъ народовъ немогъ предпринять ничего противъ нихъ. Все приморское населеніе стояло только на стражѣ, опасаясь ежечасно ихъ нападенія.

Награбясь до сыта, со множествомъ плѣнницъ, Русь отправилась обратно къ устью Волги, и послала впередъ къ Кагану Козарскому условную часть добычи.

Аларасія (его гвардія) и другіе Мусульмане, жившіе въ странѣ Козарской, узнавъ по слуху о неистовствахъ Руси, приступили къ Кагану: позволь намъ, говорили они, отомстить этому племени. Они вторглись въ земли братьевъ нашихъ Мусульманъ, пролили кровь ихъ, поплѣнили женъ идѣтей.

Царь не въ силахъ былъ удержать раздраженное населеніе, и только предъувѣдомилъ Русь о враждебныхъ намѣреніяхъ Мусульманъ. Сіи послѣдніе, собравъ войско, потянулись внизъ по рѣкѣ, ища встрѣтить непріятеля. Многіе Христіане изъ Итиля къ нимъ присоединились.

Завидѣвъ ихъ, Русь сошла съ судовъ, и выстроилась въ боевой порядокъ на берегу. Число противниковъ простиралось до пятнадцати тысячъ вооруженныхъ и конныхъ. Бой длился три дня, и наконецъ Мусульмане побѣдили. Русь была побита мечемъ, другіе, спасаясь на суда, потонули. Только три тысячи спаслось, переправясь на другую сторону рѣки, смежную съ землею Бертасовъ, (нынѣшнихъ Чувашей). Здѣсь они вышли на берегъ, и были истреблены Буртасами, а отчасти Булгарами Мусульманами, въ странѣ которыхъ искали себѣ убѣжища. Вся ихъ добыча, плоды тяжелыхъ трудовъ, достались въ чужіе руки. Избѣгли меча только немногіе.

Силы Кіевской Руси разстроились совершенно вслѣдствіе этого пораженія, и вотъ почему, вѣроятно, лѣтопись наша молчитъ двадцать пять лѣтъ объ ея дѣйствіяхъ, извѣщая только о краткой войнѣ съ Печенѣгами.

Это кочевое Турецкое племя, подвинувшись изъ-за восточныхъ низовей Волги, заняло въ то время южное перепутье всѣхъ своихъ предшественниковъ—Гунновъ, Угровъ, Аваровъ, нынѣшнія Новороссійскія степи, и съ 915 года начало набѣгами своими тревожить Русскія владѣнія, хотя Игорь, бывъ съ ними сначала въ мирѣ, и указывалъ имъ путь къ Дунаю, гдѣ, по лѣвому берегу, господствовали уже ихъ соотечественники.

Торговыя сношенія Руси съ прочими Восточными племенами не прерывались, не смотря на это несчастное событіе, и вотъ что разсказываетъ намъ объ нихъ Арабскій географъ XIII вѣка Якутъ, въ дополненіе нашихъ свѣдѣній объ этомъ племени, которое вскорѣ у насъ совершенно ославянилось.

«Ахмедъ, сынъ Фодлана, посланный (въ «922 году) Калифомъ Муктедиромъ изъ «Багдада къ Царю Болгаровъ, описалъ видѣнное имъ на пути: я читалъ его записки, «и сообщаю оныя здѣсь не безъ удивленія.

«Я видѣлъ Рускихъ купцевъ,» —говоритъ онъ,— «въ пристани рѣки Итиля (Волги). «Росту они высокаго, и стройны какъ пальма; «тѣло у нихъ красное. Они не носятъ ни «кафтановъ, ни камзоловъ: мужчина накидываетъ на себя съ боку грубую одежду, «такъ, что одна рука остается свободною. «У всякаго топоръ, большой ножъ и мечь. «Никогда не ходятъ они безъ оружія. Мечи «ихъ широки и работы Франкской, съ насѣчкою. У всякой женщины привязана «на груди маленькая коробочка, желѣзная, «мѣдная, серебреная или золотая, соразмѣрно съ достаткомъ ея мужа. На коробочкѣ кольцо; къ кольцу привязанъ ножъ. «На шеѣ цѣпи золотыя и серебряныя. «Мужъ, имѣющій десять тысячъ драхмъ, «заказываетъ для жены цѣпь золотыхъ дѣлъ «мастеру; пріобрѣтая еще десять тысячъ «даетъ ей вторую, и такъ далѣе. Посему «богатыя Русскія жены носятъ множество «цѣпей. Главнымъ ихъ украшеніемъ считается зеленой бисеръ. Мужья платятъ «по цѣлой драхмѣ за бисерину для женскаго ожерелья.

«Приплывая изъ своей земли, бросаютъ «якорь на широкой рѣкѣ Итилѣ; выходятъ «изъ судовъ и строятъ себѣ большіе деревянные шалаши на обѣихъ ея сторонахъ. «Въ каждомъ живетъ человѣкъ 10 и 20. «У всякаго длинная, широкая лавка, на «коей онъ сидитъ съ своею женою и съ «продажными невольницами... Всякое утро «женщина приноситъ господину чашу съ

«водою; онъ моетъ себѣ лицо, руки, волосы; «а она чешетъ ему голову гребнемъ.

«Вошедши въ пристань, каждый идетъ «въ свой шалашъ, имѣя при себѣ хлѣбъ, «мясо, лукъ, молоко и вино; потомъ идетъ «къ высокому деревянному болвану, окру-«женному малыми; падаетъ ницъ и гово-«ритъ: о Владыко! я пріѣхалъ издалека «съ такимъ-то числомъ невольницъ, соболей, «и шкуръ... вотъ тебѣ даръ мой! Кладетъ «все передъ болваномъ, говоря: пошли мнѣ «добраго купца съ серебряными и золотыми «деньгами! Уходитъ; но въ случаѣ худаго «торга опять идетъ къ болвану съ дарами; «приноситъ оные и маленькимъ болванамъ, «моля ихъ о заступленіи, и кланяясь имъ «смиренно. Когда же выгодно сбываетъ все «съ рукъ, тогда говоритъ: владыка помогъ «мнѣ; теперь я долженъ платить ему. Уби-«ваетъ нѣсколько быковъ, овецъ; раздаетъ «мясо бѣднымъ, кладетъ остатокъ передъ «большимъ и маленькими истуканами; вѣ-«шаетъ на первомъ головы убитой скотины— «и когда собаки ночью съѣдятъ все мясо, «всѣ головы, купецъ говоритъ: владыка «благоволитъ ко мнѣ: онъ скушалъ даръ мой.

«Кто изъ нихъ занеможетъ, для того «разбиваютъ вдали шатеръ, переносятъ его «въ оный, оставляютъ тамъ хлѣбъ съ во-«дою, не подходятъ къ больному близко, «и не говорятъ съ нимъ, но ежедневно «посѣщаютъ его, особенно бѣднаго, или «раба. Выздоровѣвъ, онъ возвращается къ «своимъ; если же умретъ, то свободнаго «предаютъ огню, а раба оставляютъ въ «снѣдь псамъ и хищнымъ птицамъ.

«На вора или разбойника надѣваютъ «петлю, вѣшаютъ его на высокомъ деревѣ, «и такъ оставляютъ, пока отъ вѣтра и «дождя истлѣетъ.

«Слыша, что они сжигаютъ своихъ «умершихъ начальниковъ съ обрядами весьма «странными, я ждалъ случая видѣть оные— «и видѣлъ собственными глазами. Умер-«шаго опустили въ могилу, и десять дней «надъ нимъ сѣтовали, пока скроили и сшили «ему одежду.

«Бѣднаго обыкновенно кладутъ въ новую «маленькую ладью и сжигаютъ въ ней; «имѣніе же богатаго, собравъ, дѣлятъ на «три части: одну даютъ родственникамъ; «на другую шьютъ ему платье; на третью «покупаютъ меду, чтобы пить его въ тотъ «день, въ который жена покойника уби-«ваетъ себя и вмѣстѣ съ господиномъ сво-«имъ сожигается. Вино пьютъ они день «и ночь, такъ, что нѣкоторые держа чашу «въ рукѣ, умираютъ. По смерти знатнаго «мужа, родные спрашиваютъ у его женщинъ «и отроковъ: кто изъ васъ хочетъ умереть «съ нимъ? Одинъ изъ нихъ отвѣтствуетъ: «я! Послѣ чего спрашиваютъ у женщинъ: «кто изъ васъ желаетъ умереть съ нимъ? «Одна говоритъ: я! Тогда приставляютъ къ «ней двухъ женщинъ, чтобы всюду ходить «за нею, и даже мыть ей ноги; а родные «начинаютъ кроить платье умершему, и все «нужное готовить. Между тѣмъ женщина «всякой день пьетъ, поетъ и веселится.

«Когда насталъ день сожженія, я по-«шелъ на рѣку, къ ладьѣ умершаго; но «ладья уже стояла на берегу, на четырехъ «деревянныхъ столбахъ, окруженныхъ боль-«шими деревянными же болванами. Люди «ходили взадъ и впередъ, произнося слова, «для меня не вразумительныя. Мертвый «лежалъ вдали, въ своей могилѣ. Принесли «скамью на ладью съ стегаными покры-«валами, Греческою парчею и подушками «изъ такой же парчи. Пришла старуха,

«именуемая у нихъ ангеломъ смерти, и «разостлала всѣ вещи на упомянутой скамьѣ. «Сія-то женщина занимается шитьемъ платья «и всѣми приготовленіями; она же убиваетъ «и женщину.... Пришедъ къ могилѣ, от«рыли землю, приподняли доску и вынули «мертваго изъ могилы: онъ былъ въ по«лотняной одеждѣ, въ коей умеръ. Отъ «жестокаго холода сей земли трупъ весь «почернѣлъ. Въ могилѣ съ мертвымъ стоялъ «медъ, лежали плоды и лютня: ихъ также «вынули. Умершій, кромѣ цвѣта, не из«мѣнился ни въ чемъ. Надѣли на него «исподнее платье, сапоги, поясъ, камзолъ, «кафтанъ парчевой съ золотыми пуговицами «и соболью шапку, отнесли его въ ладью, «положили на стеганое покрывало, обло«жили подушками; принесли медъ, плоды, «благовонныя травы, хлѣбъ, мясо, лукъ, «и все поставили передъ нимъ или возлѣ; «положили съ боку оружіе умершаго. При«вели собаку, разрѣзали ее на двѣ части, «и бросили оныя въ ладью; привели двухъ «коней, которыхъ гоняли кругомъ до поту, «двухъ воловъ, изрубили ихъ мечами и «бросили мясо въ ладью; принесли еще «пѣтуха съ курицею, зарѣзали и бросили «туда же.

«Между тѣмъ женщина, коей надлежало «умереть, ходила съ мѣста на мѣсто, и «вошла въ одинъ изъ шатровъ, гдѣ легъ «къ ней другъ или родственникъ господина «ея, и сказалъ: скажи господину своему, «что ты сдѣлала это изъ любви къ нему... «Это было въ пятницу послѣ обѣда. Жен«щину подвели къ чему-то, сдѣланному ими «наподобіе колодезнаго сруба: она стала «на руки мужчинъ, заглянула въ срубъ, «и произнесла какія-то слова. Ее спустили «съ рукъ и снова подняли, въ другой и «въ третій разъ. Ей подали пѣтуха: от«рѣзавъ ему голову, она кинула; а его «другіе взяли и бросили въ ладью. Я требо«валъ объясненія. Въ первой разъ,—от«вѣтствовалъ мнѣ переводчикъ,—женщина «сказала: вижу здѣсь отца и мать свою. «Въ другой разъ: теперь вижу всѣхъ мо«ихъ умершихъ родственниковъ. Въ третій «разъ: тамъ господинъ мой: онъ сидитъ «въ раю, прекрасномъ, зеленомъ. Съ нимъ «мужи и юноши. Онъ зоветъ меня: пустите «меня къ нему!—Ее повели на ладью. Она «сняла съ себя запястье и отдала старухѣ, «называемой ангеломъ смерти; снявъ кольцы «съ ногъ, отдала ихъ двумъ служащимъ «женщинамъ, коихъ называютъ дочерями «ангела смерти. Послѣ сего взнесли жен«щину на ладью, но не впустили въ каюту. «Пришли мужчины съ щитами и палицами, «и дали ей стаканъ меду. Она взяла его, «запѣла и выпила. Переводчикъ сказалъ «мнѣ: это въ знакъ прощанія съ ея милыми. «Ей дали другой стаканъ: она взявъ его, «запѣла длинную пѣсню. Но старуха велѣла «ей скорѣе выпить и войти въ каюту, гдѣ «лежалъ господинъ ея. Женщина была какъ «бы поражена, и не хотѣла идти туда, за«сунувъ голову. Старуха схватила ее за голову, «втащила въ каюту, и сама вошла съ нею. «Мужчины начали бить палицами въ щиты, «чтобы другія женщины не слыхали ея «крика, и не устрашились бы также умереть «нѣкогда вмѣстѣ со своими господами. Послѣ «того вошли въ каюту 6 мужчинъ... На«конецъ положили женщину возлѣ умершаго «господина. Двое взяли ее за ноги, двое «за руки; а старуха, ангелъ смерти, надѣла «ей петлю на шею, и подала веревку двумъ «остальнымъ мужчинамъ, чтобы тянуть за «оную; взяла широкой ножъ, и вонзивъ

«его въ бокъ ей между ребрами, извлекла «оный; а мужчины тянули за веревку, пока «женщина испустила духъ.

«Тогда явился ближайшій изъ родственниковъ, нагой; взялъ въ одну руку полѣно, зажегъ его, пошелъ задомъ къ ладьѣ, «держась другою рукою ? ...., и зажегъ «дерево подъ ладьею. Другіе пришли также «съ пылающими отрубками, и бросили ихъ «на костеръ. Скоро все запылало: костеръ, «ладья, комната, тѣло господина и женщина, «и все бывшее въ ладьѣ. Въ ту же минуту «вздулъ сильной вѣтеръ и пламя расширилось.

«Подлѣ меня стоялъ одинъ Русской, «разговаривая съ моимъ переводчикомъ. Я «спросилъ у переводчика, что говоритъ ему «Русской! Вотъ что, отвѣчалъ онъ:—Вы «Аравитяне очень глупы: человѣка, кото«рой былъ вамъ милѣе всѣхъ, зарываете «въ землю, гдѣ служитъ онъ пищею чер«вямъ; но мы въ минуту сожигаемъ его, «чтобы онъ вдругъ перешелъ въ рай. Тутъ «Русской захохоталъ во все горло и ска«залъ: владыка въ знакъ любви къ умер«шему послалъ вѣтеръ, чтобы онъ скорѣе «обратился въ пепелъ.

«Въ самомъ дѣлѣ менѣе, нежели въ часъ, «сгорѣла вся ладья съ трупами.

«На берегу, гдѣ стояла ладья, они «сдѣлали нѣчто подобное круглому холму, «поставили въ срединѣ онаго столбъ, и на«писали на немъ имена умершаго и Князя «Русскаго. Послѣ чего разошлись по домамъ.

«Цари Русскіе обыкновенно держатъ при «себѣ, въ своемъ замкѣ или городкѣ, 400 «храбрѣйшихъ воиновъ (дружину). Нѣко«торые изъ нихъ умираютъ съ ними, или «жертвуютъ имъ своею жизнію. Каждый «(воинъ) имѣетъ жену, которая служитъ ему, «моетъ голову, готовитъ пищу; а другая «бываетъ его наложницею. Сіи 400 сидятъ у «подножія престола царскаго, украшеннаго «драгоцѣнными каменьями. Съ Царемъ си«дятъ на престолѣ 40 женщинъ или на«ложницъ. Онъ не стыдится ласкать ихъ «въ присутствіи своей дружины. Когда ему «надобно ѣхать верхомъ, то лошадь под«водятъ для него къ престолу, съ коего «онъ на нее садится; а съ лошади сходитъ «также прямо на престолъ.

«У него (Царя или Князя) есть Намѣст«никъ, который предводительствуетъ вой«скомъ, воюетъ съ непріятелями и заступаетъ «его мѣсто для подданныхъ.

«Вотъ извѣстія, слово въ слово выпи«санныя мною изъ сочиненія сына Фодла«нова; за ихъ достовѣрность отвѣтствуетъ «онъ. Но Богъ знаетъ истину лучше всѣхъ «другихъ! Что касается до нашего времени, «то Русскіе уже Христіане, какъ извѣстно.»

Такъ заключаетъ Якутъ свое извлеченіе изъ книги Калифскаго посланника, присовокупляя отъ себя слѣдующія свѣдѣнія о Русскихъ:

«Русь или Рось есть народъ, страна «котораго лежитъ между Славянъ и Ту«рокъ. У нихъ собственный языкъ, особая «религія и законъ, которыми они отличаются «отъ другихъ народовъ. Считаютъ ихъ до «ста тысячъ. Они постоянно враждуютъ «со Славянами.

«Всякому новорожденному сыну отецъ «подаетъ мечь и говоритъ: твое единственно «то, чего добудешь мечемъ. Если тяжущіеся «недовольны судомъ Князя, то сей гово«ритъ имъ: судитесь мечемъ. У кого мечь «острѣе, тотъ и побѣдитель».

Въ 941 году собрался Игорь съ силами для большаго похода. Цѣлію его на этотъ

разъ была Греція. Многочисленныя суда Русскія покрыли Черное море, и Болгары послали вѣсть Императору, что идетъ Русь, въ десяти тысячахъ судовъ, на Константинополь Но они оборотились къ Азіатскимъ берегамъ Чернаго моря, гдѣ еще не бывали прежде ихъ удалые товарищи — опустошили Виѳинію, Пафлагонію, Никодимію, Понтъ, и пожгли всѣ берега Босфорскіе. Неистовствамъ ихъ Греки не находятъ выраженій: они распинали плѣнниковъ, ставили цѣлію и стрѣляли въ нихъ изъ луковъ, сажали на колъ, связывали руки, вколачивали въ голову желѣзные гвозди. Множество церквей, монастырей и селеній было предано пламени. Императоръ Романъ Лакапинъ, государь слабый, провелъ нѣсколько ночей безъ сна, изыскивая средства защититься, въ напрасномъ ожиданіи своего войска, посланнаго противъ Сарацынъ. Наконецъ снарядили Греки нѣсколько хеландій, и пустили ихъ въ море съ Греческимъ огнемъ, замѣнявшимъ въ то время порохъ. Игорь стоялъ противъ маяка, готовый къ сраженію. Онъ былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ, что не велѣлъ убивать Грековъ, а брать только въ плѣнъ. Но надежда его обманула. Ужасный Греческій огонь, пускаемый трубами, произвелъ смятеніе и совершенное разстройство въ Русскомъ ополченіи. Объятые ужасомъ, при видѣ своихъ лодокъ, внезапно загоравшихся, они бросались въ воду, напрасно боролись съ волнами и утопали. Не осталось другаго спасенія, кромѣ бѣгства.

Часть Руси поворотила было опять къ Малой Азіи, и высадилась въ Виѳиніи. Но тамошнія войска находились теперь уже въ сборѣ. Они встрѣтили Русь въ свою очередь подъ начальствомъ патрикія Варды Фоки и доместика Іоанна съ силами, несравненно многочисленнѣйшими, и пришельцы были разбиты, многіе взяты въ плѣнъ, остальные побѣжали къ судамъ, и не осмѣлились выходить болѣе на берегъ. Голодъ началъ одолѣвать ихъ, и они почью снявшись съ якорей отплыли къ сторонѣ Ѳракіи. Ѳеофанъ стоялъ на стражѣ: свѣдавъ объ ихъ намѣреніи онъ отрядилъ противъ нихъ часть своихъ судовъ. Надо было сражаться, но сраженіе нельзя было выиграть не смотря ни на какую храбрость. Спаслись не многіе, и долго разсказывали дома объ ужасномъ своемъ положеніи во время этого трехмѣсячнаго несчастнаго похода: точно молнія, что на небесахъ, была въ рукахъ у Грековъ, и они пускали ее на насъ и сожигали! И видѣть такое чудо было страшно! Вотъ почему мы не могли одолѣть ихъ. «Бысть видѣти страшно чудо, яко же молонья, яже на небесѣхъ, Греци имутъ у собе, и сію пущающе жежаху насъ; сего ради не одолѣхомъ ихъ.»

Плѣненная Русь была отведена въ Константинополь, и торжественно казнена. Гуґоновъ посолъ видѣлъ казнь собственными глазами, и разсказывалъ своему пасынку, историку Ліутпранду, Кремонскому Епископу, который сохранилъ для насъ это извѣстіе, вмѣстѣ съ прочими, въ своей лѣтописи.

Но Игорь не уныль. Ему хотѣлось во что-бы то ни стало, загладить стыдъ своихъ пораженій, и отомстить Грекамъ.

Онъ послалъ за море звать своихъ родичей Норманновъ въ походъ на Грецію. Тамъ всегда находились охотники служить кому угодно, а на Константинополь, съ своими, и подавно! Толпы повалили съ Сѣвера въ Кіевъ.

Три года продолжался сборъ. Наконецъ Игорь изготовился, нанялъ еще Печенѣговъ, взялъ у нихъ талей (или заложниковъ), и отправился въ путь.

Корсуняне, поселенцы Греческіе на берегу Чернаго моря, извѣстили Константинополь: се идутъ Русь безъ числа корабль, покрыли море кораблями.

Вслѣдъ за ними прислали извѣстіе и Болгаре: идутъ Русь и наняли себѣ Печенѣговъ.

Императоръ не разсудилъ за благо вступать съ Русью въ новую прю, не смотря на прежнія побѣды. Политика его состояла въ стараніи сохранять дружбу съ варварами, которые со всѣхъ сторонъ устремлялись на слабѣющую Имперію. Онъ послалъ первыхъ своихъ бояръ къ Игорю сказать ему: не ходи на насъ, но возми дань, что бралъ Олегъ, мы придадимъ къ ней и еще. Къ Печенѣгамъ также отправили Греки богатые дары.

Игорь былъ тогда на Дунаѣ. Онъ созвалъ дружину на совѣтъ, и передалъ имъ рѣчь цареву. Чего же лучше, отвѣчала дружина, не бившись получить золото, серебро и паволоки, если такъ предлагаетъ Царь. Какъ знать, кто одолѣетъ, мы ли, они ли. Съ моремъ ни кто не совѣтенъ. Мы ходимъ не по землѣ, а по глубинѣ морской. Смерть грозитъ всѣмъ одна.

Игорь послушался, указалъ Печенѣгамъ идти на Болгарскую землю, а самъ взялъ у Грековъ золото, серебро, паволоки, на себя и на всѣхъ воевъ, и возвратился въ Кіевъ.

Къ этому же году Арабскіе лѣтописатели причисляютъ нападеніе Руси на знатный городъ Берду, за Кавказомъ.

Вѣроятно часть ополченія, ходившаго подъ Царьградъ, отражена была въ эту сторону за неимѣніемъ дѣла въ Греціи, чтобъ не даромъ остался тяжелый подъемъ. Только путь выбрала Русь другой, не по Волгѣ, оставившей такія прискорбныя между ними воспоминанія. Изъ Чернаго моря они перешли волокомъ чрезъ Кавказскій перешеекъ, по предгорью, но не могли пробиться чрезъ Дербентъ, а сѣли на суда въ Каспійскомъ морѣ, проплыли до устья Куры, поднялись вверхъ по Курѣ, и явились наконецъ предъ богатою столицей Аррана. Градоначальникъ выступилъ противъ нихъ съ отрядомъ войска, числомъ болѣе пяти тысячъ, но Русь разбила ихъ въ одно мгновеніе; Дейлемины были переколоты, а бѣжавшіе съ поля сраженія преслѣдованы до самаго города, изъ котораго съ другой стороны спѣшили спасаться всѣ, кто могъ только достать вьючнаго скота. Вступивъ въ городъ, Русь объявила, вѣроятно опасаясь прежнихъ послѣдствій, что жизнь обитателей будетъ пощажена, и держала свое слово.

Между тѣмъ войска мусульманскія собирались со всѣхъ сторонъ. Русь вышла имъ на встрѣчу и принудила разбѣжаться. Во время сраженія городская чернь дѣйствовала противъ нея, и бросала каменьями, не смотря на увѣщанія. Русь, вышедъ изъ терпѣнія, объявила, чтобы всѣ жители выходили изъ города. Многіе выѣхали, но многіе еще остались. Русь предала ихъ мечу, и девятнадцать тысячъ забрала въ плѣнъ, мущинъ, женщинъ и дѣтей. Съ остальныхъ, собранныхъ въ мечеть, требовала выкупа. Одни Христіане начали договариваться, и согласились по двадцати драхмъ за голову, но многіе изъ заключенныхъ не хотѣли

платить, и были умерщвлены. Городъ былъ разграбленъ.

Мусульмане изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ, разтревоженные участію Берды, собрали новое ополченіе изъ тридцати тысячъ, но были опять разбиты.

Послѣ этой побѣды Русь долго оставалась покойно въ Бердѣ, сдѣлавъ одинъ только набѣгъ на Мерагу, пила, ѣла и проклажалась; но излишнее употребленіе плодовъ произвело между ними заразительную болѣзнь, отъ которой ихъ погибло множество.

Мусульмане собрались тогда съ свѣжими силами и оступили городъ. Нѣсколько приступовъ должна была выдержать Русь, и наконецъ, напираемая безпрестанно, принуждена была запереться въ крѣпости Берды, Шегристанѣ. Ночью она вышла изъ крѣпости, унося на плечахъ лучшее имущество. Достигнувъ берега рѣки Куры, безъ всякой помѣхи со стороны осаждавшихъ, которые не смѣли ее преслѣдовать, она сѣла на суда и отправилась во свояси.

Ибнъ-Гаукалъ, Арабскій путешественникъ, былъ въ Бердѣ черезъ четыре года послѣ Русскаго погрома. Городъ этотъ, говоритъ онъ, находится на почвѣ, самой плодородной, и производитъ большую торговлю шелкомъ, плодами и другими произведеніями земли. Теперь находится онъ не въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, однако же все еще заключаетъ въ себѣ много рынковъ, караванъ-сераевъ и общественныхъ бань, не смотря на все претерпѣнное имъ отъ Руси.

Въ слѣдующемъ году Императоры Константинопольскіе и Великій Князь Русскій обослалися между собою посольствами, и заключили договоръ на слѣдующихъ условіяхъ, менѣе выгодныхъ для Руси, чѣмъ Олеговы:

Мы отъ рода Русскаго, послы и гости, Иворъ, солъ Игоревъ, Великаго Князя Русскаго, и общіе слы: Вуефастъ Святославль, сына Игорева, Искусевъ Ольги Княгини, Студъ нетія (племянника) Игорева, Улѣбъ Володиславль, Каницаръ Передславинъ, Шигбернъ Сфанды, жены Улѣбовой, Прастѣнъ Турдовъ, Либіаръ Фастовъ, Гримъ Сфирковъ, Прастѣнъ Акунъ, нетія Игорева, Каръ Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ, Егріевлисковъ, Войковъ, Истръ Аминдовъ, Прастѣнъ Берновъ, Аттягъ Гунаревъ, Шибридъ Алдань, Колклековъ, Стегіетоновъ Сфирка, Алвадъ Гудовъ, Фрудъ Туадовъ, Мутуръ Утинъ, Купецъ Адунъ, Адулбъ, Иггивладъ, Олѣбъ, Фрутанъ, Гомолъ, Куцъ, Емигъ, Турбридъ, Фурстенъ, Брунъ, Роалдъ, Свѣнъ, Стиръ, Алданъ, Тиленъ, Апубкаръ, Вузлѣвъ, Синко Боричь, посланные отъ Игоря, Великаго Князя Русскаго, и отъ всякаго Княжья, и отъ всѣхъ людей Русской земли.

Великій Князь нашъ Игорь, и бояре его, и люди всѣ Русскіе, послали насъ къ Роману, Стефану и Константину, Великимъ Царямъ Греческимъ, сотворити любовь со всѣмъ боярствомъ, и со всѣми людьми Греческими, на всѣ лѣта, дондѣже солнце сіяетъ, и весь міръ стоитъ. Если кто изъ Русскихъ окрестившихся помыслитъ разрушить эту любовь, то да будетъ наказанъ отъ Бога Вседержителя въ семъ вѣкѣ и будущемъ; а не крещенные да не имѣютъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щитами своими, да посѣкутся мечами своими, погибнутъ отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего, да будутъ рабами въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ.

Великій Князь и бояре его да отправляютъ корабли въ Грецію съ послами и гостями, сколько угодно, какъ уставлено прежде. Вмѣсто печатей золотыхъ послы, и серебреныхъ гости, должны отнынѣ привозить грамоту отъ Русскихъ Князей съ означеніемъ числа кораблей, въ свидѣтельство, что они приходятъ съ миромъ. Приходящихъ безъ грамоты Греки задерживаютъ до извѣстія отъ Князя Русскаго. Если руки не дадутъ и возпротивятся, да будутъ убіены, и смерть ихъ не изыщется отъ Князя вашего. Если уйдутъ въ Русь, то—Князь поступай съ ними, какъ ему любо.

Русь не можетъ покупать паволокъ дороже 50 золотниковъ. По покупкѣ должно предъявлять ихъ цареву мужу, для приложенія печати.

Если ускочитъ челядинъ изъ Руси или отъ гостей у Св. Мамы, то Русь, поймавъ, можетъ взять его къ себѣ обратно; не найдя, послѣ клятвы по закону, взимается отъ Грековъ по двѣ паволоки за челядина, какъ установлено прежде. Наши бѣглецы должны быть выдаваемы, за два золотника вознагражденія.

За краденное возвращается вдвое, а виновный наказывается по закону Греческому или Русскому.

За Греческаго плѣнника, приведеннаго Русью, платится: за юношу и дѣвицу добрую. 10 золотниковъ, за средовича 8, за стараго и малаго 5. Русинъ выкупается у Грековъ по 10 золотниковъ, или за данную цѣну.

Корсунской страны Русь не должна искать. Воюя въ сосѣдствѣ, она можетъ, въ случаѣ нужды, получить по просьбѣ помощь отъ Грековъ.

Русь должна препятствовать Чернымъ Болгарамъ воевать страну Корсунскую.

Русь не должна мѣшать Корсунянамъ, ловящимъ рыбу въ устьѣ Днѣпровскомъ. Зимовать тамъ Русь не должна, въ Бѣлобережьѣ, или у Св. Ейферія, по осенью должна возвращаться домой въ Русь.

Грека виноватаго не должно наказывать Руси, а представить, куда слѣдуетъ.

Если Греческому Царю понадобится помощь на супротивныхъ, то да пишетъ о томъ къ Великому Князю нашему, и онъ пришлетъ ему, сколько нужно, чтобъ увидѣли прочія страны, какую любовь имѣютъ Греки съ Русью

(Прочія статьи о мѣстѣ пребыванія пословъ и гостей Русскихъ въ Греціи, о мѣсячинѣ, о бѣглыхъ, о побояхъ, остаются въ прежнемъ видѣ, какъ были поставлены въ Олеговомъ договорѣ).

Мы написали это совѣщаніе на двухъ хартіяхъ. Одна останется у царства нашего, на ней же есть крестъ, и гдѣ написаны наши имена, а другую, гдѣ ваши слы и гости, пусть отнесутъ они къ Великому Князю Русскому и къ людямъ его: да идутъ на роту хранить истину, какъ написано.»

Послы Греческіе отправились въ Кіевъ вмѣстѣ съ Русскими. Великій Князь, призвавъ, спросилъ ихъ: скажите, что велѣлъ вамъ Царь. Они отвѣчали: Царь нашъ радъ миру, и хочетъ имѣть любовь съ Княземъ Русскимъ. Твои слы водили его ротѣ, и онъ послалъ насъ привести также ротѣ тебя и мужей твоихъ».

Игорь обѣщался все исполнить, и на другой день, поутру, пришелъ съ своими боярами на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ. Всѣ они положили свое оружіе, щиты и золото, и поклялись, сколько ихъ было не крещеныхъ, а крещеная

...ской
...по-
...че-
...была

...слѣдую-
...Кіевымъ
...тилъ онъ
...образомъ:
...уже лѣтъ
...нь по сво-
...это полюдье
...не выгодно
...ы, которая и
...ами: «отроки
...ьемъ и плать-
...Князь въ дань,

...тѣмъ Угличей,
...взялъ городъ
...получилъ отъ Игоря

...ужины, и пошелъ къ
...наименѣе покорному.
...нихъ лишнее, и про-
...равно какъ и мужи его.
...на возвратномъ пути въ
...ему воротиться опять къ
...ая больше имѣнья». Онъ
...ину, сказавъ: идите съ данью
...у походить еще. Древляне,
...о Игорь возвращается къ нимъ
...товались съ Княземъ своимъ
...рѣшились ему воспротивиться:
...повадится въ стадо, говорили они,
...ъ все, пока не убьютъ его. Таковъ
...онъ погубитъ насъ всѣхъ, если
...убьемъ его.

Однакожъ они послали ему сказать: зачѣмъ ты идешь, вѣдь ты получилъ всю дань. Но Игорь ихъ не послушался. Тогда Древляне, вышедъ изъ Коростеня, (близь Овруча, въ Волынской губерніи), перебили всю дружину Игореву, (она была очень малочисленна), а самаго привязали живаго къ двумъ деревамъ, нагнувъ ихъ верхи, которые потомъ пустили, такъ что старый Князь Кіевскій живой разорванъ былъ на части.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВЪ.

(945-972)

Древляне, убивъ Игоря, испугались послѣдствій. Въ избѣжаніе мести, они рѣшились звать вдову его Ольгу въ супружество за Князя своего Мала,—а съ Святославомъ мы сдѣлаемъ тогда, что хотимъ, думали они,—и отправили въ ладьѣ посольство въ Кіевъ, но напрасно: мужественная Княгиня Русская наказала ихъ жестоко, судя по *преданію,* которое сохранилось въ народѣ объ ея дѣйствіяхъ. Когда послы пристали къ Боричеву взвозу, она пригласила ихъ къ себѣ. Добрые гости пожаловали, привѣтствовала она ихъ, что вамъ угодно? Тѣ отвѣчали: насъ прислала Деревская земля объявить тебѣ: мы убили твоего мужа; мужъ твой былъ какъ волкъ, восхищая и грабя, а наши Князи добры: распасли свою землю. Выдь за нашего Князя Мала. Ольга сказала: люба мнѣ рѣчь ваша, потому что мужа мнѣ невоскресить,— и я хочу почтить васъ передъ здѣшними людьми. Ступайте теперь въ свою ладью; завтра я пришлю за вами, а вы говорите посламъ: не хотимъ ѣхать на коняхъ, ни пѣши идти, понесите насъ въ ладьѣ. Между

тѣмъ Ольга велѣла выкопать на теремномъ дворѣ, за оградою, большую и глубокую яму. Поутру, сидя въ теремѣ, послала она за гостями своихъ людей, звать ихъ на великую честь. Тѣ отвѣчали: не ѣдимъ на коняхъ, ни на возахъ, понесите насъ въ ладьѣ. Кіевляне понесли ихъ въ ладьѣ, примолвивъ: намъ неволя; Князь нашъ убитъ, а Княгиня хочетъ идти за вашего Князя! Послы сидѣли и величались. Но ихъ принесли на дворъ Ольгинъ, и бросили въ яму съ ладьею. Ольга, смотря на нихъ, закричала имъ изъ окошка: добра ли честь вамъ? Лютѣе Игоревой смерти, стенали несчастные. Она велѣла засыпать ихъ живыхъ землею, и потомъ послала сказать Древлянамъ: Если вы въ самомъ дѣлѣ меня просите, такъ пришлите за мной пословъ нарочитыхъ, чтобъ я въ великой чести пришла за вашего Князя, а то не отпустятъ меня люди Кіевскіе.

Древляне собрали лучшихъ мужей, державшихъ ихъ землю и послали въ Кіевъ. Ольга велѣла истопить для нихъ баню: когда они вошли въ истопку, Княгиня велѣла запереть двери и зажечь строеніе; они всѣ сгорѣли.

Тогда послала она опять сказать Древлянамъ: я уже иду къ вамъ, пристройте меды многіе въ городѣ, гдѣ убили моего мужа, да поплачусь надъ гробомъ его, и сотворю ему тризну. Древляне свезли меды многіе и заварили. Ольга съ небольшею дружиною пришла ко гробу Игоря, плакалась по мужѣ своемъ, и велѣла людямъ своимъ насыпать могилу высокую; когда насыпали ее, велѣла творить тризну. Древляне сѣли пить, а отроки Ольгины имъ служили, по ея приказанію. Гдѣ наши послы, спрашивали опи Ольгу, которыхъ мы посылали за тобою? Идутъ за мной, съ дружиною мужа моего, отвѣчала она. Когда упились Древляне, Ольга велѣла дружинѣ сѣчи ихъ, и было иссѣчено пять тысячь.

Княгиня возвратилась въ Кіевъ, размѣстивъ вои по остальному населенію.

Но месть ея тѣмъ не кончилась. Въ слѣдующемъ году, собрала она многочисленное войско, и пошла на Деревскую землю, взявъ съ собою сына своего Святослава, еще дѣтеска. Древляне хотѣли защищаться. Сшедшимся полкамъ, Святославъ, чудь держась на конѣ, сунулъ копьемъ, но копье, едва пронесясь черезъ уши коня, упало ему въ ноги. Князь началъ, вскрикнули Асмудъ, кормилецъ его, и воевода Игоревъ Свѣнельдъ, ударимъ по Князѣ! Дружина ударила, и Древляне были разбиты, бѣжали и заперлися по городамъ. Ольга устремилась къ Коростену. Жители боролись отчаянно, потому что они убили Игоря, и знали, чего имъ ожидать надо. Цѣлое лѣто стояла Ольга, и, не могши взять города оружіемъ, придумала взять хитростію. Она послала сказать гражданамъ: до чего хотите вы досидѣться? Всѣ города ваши дались мнѣ подъ дань, и дѣлаютъ спокойно нивы свои, а вы умрете съ голода, если не предадитесь. Древляне отвѣчали: мы рады были бы даться подъ дань, но ты хочешь мстить за мужа своего. Нѣтъ, отвѣчала Ольга, я отомстила уже обиду мужа моего, когда вы присылали пословъ своихъ въ Кіевъ, и во второй рязъ, и въ третій, творя ему тризну. Больше мстить я не хочу, а буду довольна малою съ васъ данью, и уйду. Чего ты хочешь отъ насъ, спросили Древляне, мы рады давать медомъ и мѣхами. Меду теперь у васъ нѣтъ, отвѣчала Ольга, ни мѣховъ;

я не хочу налагать на васъ дани тяжкой, какъ мой мужъ; я спрошу у васъ мало, потому что вы изнемогли въ осадѣ: дайте мнѣ съ двора по три голубя и по три воробья. Древляне были очень рады, собрали птицъ и прислали Ольгѣ съ поклономъ. Ольга приняла и отпустила посланныхъ съ словами: ну вотъ вы и покорились мнѣ и моему дитяти, идите въ градъ свой, а я отправлюсь въ Кіевъ. Древляне возвратились въ Коростенъ, разсказали слышанное, и всѣ люди въ городѣ обрадовались. А что сдѣлала Ольга? Она раздала голубей и воробьевъ воинамъ, велѣла имъ привязать къ каждой птицѣ горящую цѣрь, и, лишь только смеркнется, пустить ихъ на волю. Приказаніе исполнено, и выпущенныя птицы полетѣли въ гнѣзда свои, подъ стрѣхи, въ голубятни,—и вдругъ все загорѣлось въ городѣ: клѣти, вежи, одрины; не было ни одного двора, который бы не пылалъ, а гасить было нельзя, потому что всѣ дворы загорѣлись вдругъ. Жители побѣжали вонъ изъ города, и попались прямо въ руки воиновъ Ольгиныхъ, которымъ приказано было ловить ихъ. Ольга взяла городъ, сожгла его, плѣнила старѣйшинъ и всѣхъ жителей: однихъ избила, другихъ предала работѣ къ мужамъ своимъ, а на прочихъ наложила тяжелую дань, коей двѣ части шли на Кіевъ, а одна на Вышгородъ, собственный ея удѣлъ.

Потомъ пошла Ольга по всей Деревской землѣ съ сыномъ и съ дружиною, уставила уставы и уроки.

На слѣдующій годъ ходила она къ Новугороду, и опредѣлила дани по Мстѣ и Лугѣ.

Становища и ловища ея были извѣстны до позднѣйшаго времени. Такъ точно и перевѣсища по Днѣпру и по Деснѣ. Село ея Ольжичи сохранило до сихъ поръ это имя. Сани ея были цѣлы въ Псковѣ, даже въ Несторово время, то есть чрезъ 250 лѣтъ послѣ ея смерти; Ольгина гора, Ольгинъ крестъ, Ольгины слуды, оставались тамъ долго въ памяти народной.

Изрядивши все, она воротилась въ Кіевъ, и жила спокойно, пребывая въ любви съ сыномъ своимъ.

Въ 957 году Ольга, пылкая, любопытная, дѣятельная, отправилась въ Константинополь съ многочисленнымъ пышнымъ поѣздомъ—увидѣть городъ, получить дары, принять тамъ святое крещеніе, пріобщаяся вѣрѣ, издавна уже извѣстной въ Кіевѣ между ея единоплеменниками, и поразившей, видно, ея пылкое сердце.

Это случилось въ царствованіе Императора Константина Багрянороднаго, который самъ описалъ для насъ ея пребываніе въ своей столицѣ со многими любопытными подробностями.

Сентября 9 дня, въ середу, приготовлено было во дворцѣ великолѣпное торжество для принятія.... Ольга вошла первая, за нею слѣдовали Княжескія особы, ея родственницы, потомъ знатнѣйшія придворныя госпожи, одна за другою. Великая Княгиня остановилась на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно, именемъ царскимъ, логоѳетъ или канцлеръ спрашиваетъ иностранныхъ посланниковъ. Шествіе заключали посланники Русскіе и купцы, которые стали нѣсколько ниже рѣшетки.

Логоѳетъ повелъ Княгиню въ пріемную палату, гдѣ Императоръ, сидѣлъ на золотомъ сѣдалищѣ, окруженный знатнѣйшими царедворцами, со всѣми знаками ихъ высокаго достоинства. Поговоривъ нѣсколько

съ Императоромъ, она удалилась въ ближніе покои, гдѣ и сѣла.

Роскошный обѣдъ происходилъ въ палатѣ Юстиніановой. Императрица сидѣла на высокомъ престолѣ Ѳеофила, со снохою подлѣ. Русская Княгиня стояла въ сторонѣ до тѣхъ поръ, пока прочія княжескія особы не введены были стольникомъ. Всѣ онѣ поклонились Императрицѣ въ землю, а гордая Ольга слегка только наклонила голову, какъ замѣтилъ Императоръ, и сѣла на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла, за столъ, за которымъ сидѣли знатнѣйшія придворныя госпожи. Во время обѣда пѣвчіе пѣли стихи въ честь царскаго дома, а послѣ представлялись разныя игры.

Въ золотой палатѣ происходилъ другой столъ, къ которому были приглашены всѣ посланники Русскихъ Князей,—знатнѣйшіе Ольгины служители, также и купцы Русскіе.

Послѣ обѣда гости были одарены подарками: племянникъ Княгини получилъ 30 миліарисій или сребренниковъ, (цѣною около рубля), 8 знатнѣйшихъ служителей по 20, двадцать пословъ по 12, сорокъ три купца по 12; воины Святославовой дружины по 5, шесть служителей при посланникахъ по 3, а переводчикъ Княгини 15 миліарисій.

Когда Императоръ всталъ изъ-за стола, началось угощеніе сластями на осыпанныхъ драгоцѣнными каменьями блюдахъ, коими уставленъ былъ золотой столъ въ пріемной палатѣ. За него сѣли Константинъ и сынъ его Романъ съ своими дѣтьми, Царева невѣстка и Великая Княгиня Ольга. Ей подарено было еще 500 миліарисій на богатомъ блюдѣ, шести родственникамъ по 20, а осьмнадцати приспѣшникамъ по 8.

Святое крещеніе приняла Ольга отъ Патріарха, а воспріемникомъ отъ купели былъ самъ Императоръ Константинъ. Имя наречено ей Елена, въ память древней Царицы, матери равноапостольнаго Царя Константина.

Патріархъ поучалъ ее въ новой вѣрѣ, заповѣдалъ ей о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и постѣ, о милостыни, о воздержаніи тѣла чиста. Наклонивъ голову, внимала она его ученію, «стоявше аки губа напаяема».

Ольга прожила въ Царѣградѣ около двухъ мѣсяцевъ. 18 Декабря въ воскресенье былъ опять обѣдъ во дворцѣ за двумя столами: въ золотой палатѣ обѣдали Русскіе, въ присутствіи Императора, а въ палатѣ Св. Павла кушала Великая Княгиня съ Императрицею, Царевой невѣсткой и дѣтьми. Ольга получила въ даръ 200 миліарисій, посланники ея по 20, священникъ Григорій 8, шестнадцать ея родственниковъ по 12, осьмнадцать приспѣшниковъ по 6, двадцать два посланника по 12, сорокъ четыре купца по 6, и два переводчика по 12 миліарисій.

Собравшись въ возвратный путь, Ольга пришла къ Патріарху, прося у него благословенія: люди мои поганы, и сынъ мой также. Помолись о мнѣ владыко, чтобъ Богъ сохранилъ меня отъ всякаго зла. Патріархъ старался убѣдить ее въ помощи Божіей и милости, и отпустилъ въ отечество.

Императоръ одарилъ ее снова, и простился съ нею, называя ее своей дочерью,— но Ольга была недовольна Константинопольскимъ пріемомъ, наскучивъ вѣроятно множествомъ мѣлочныхъ обрядовъ, которымъ, вольная и гордая, она должна была подчиняться при Греческомъ дворѣ, или оскорбившись ничтожностію даровъ, полученныхъ ею отъ Императора.

Еще въ 12 столѣтіи показывали въ Константинополь Рускимъ паломникамъ Ольгино

золотое блюдо, оставленное ею въ даръ одной изъ тамошнихъ церквей.

Греческое путешествіе облеклось тотчасъ на Руси баснословной одеждой, и подало поводъ ко многимъ разсказамъ, свидѣтельствующимъ то высокое мнѣніе, какое имѣлъ народъ объ умѣ своей Княгини. Говорили, что Императоръ, увидѣвъ ее, прельстился ея красотою и достоинствами, и хотѣлъ на ней жениться. Крести меня, требовала Ольга, а если ты не хочешь крестить, то я не крещусь. Царь исполнилъ ея желаніе, и когда хотѣлъ приступить къ своему, то она возразила ему: какъ можешь ты жениться на мнѣ, послѣ того какъ самъ крестилъ меня и нарекъ своей дочерью! Переклюкала меня еси Ольга, (т. е. перехитрила), долженъ былъ онъ сознаться удивленный, и оставилъ ее въ покоѣ.

Вскорѣ по возвращеніи Ольги въ Кіевъ, Константинъ прислалъ къ ней посольство съ напоминаніемъ объ ея обѣщаніи доставить ему воевъ на помощь, челядь, воскъ, и скору, въ знакъ благодарности за его дары. Скажите ему, отвѣчала Ольга—если онъ постоитъ у меня столько въ Почайнѣ, сколько я стояла у него въ гавани, тогда я пришлю ему, что обѣщала.

Великая Княгиня Ольга, принявъ къ сердцу новое ученіе, обѣщавшее ей вѣчныя радости, пожелала, разумѣется, больше всего сдѣлать участникомъ ихъ своего милаго, единственнаго сына, и начала тотчасъ убѣждать его, чтобъ онъ принявъ святое крещеніе,—но Святославъ не хотѣлъ ее и слушать. И въ самомъ дѣлѣ, ему ли, пылкому юношѣ, воспитанному въ бранныхъ Норманскихъ обычаяхъ, могли понравиться святыя истины Вѣры Христовой: онъ отвѣдалъ ужъ жизни и ея сладостей, душа и тѣло его алкали тревогъ и дѣятельности, онъ мечталъ только о кровавыхъ сѣчахъ или пирахъ за столомъ Одиновымъ, въ чертогахъ Валгаллы, гдѣ ожидаютъ храбрыхъ прекрасныя дѣвы. Законъ мира, терпѣнія, воздержанія, былъ противенъ Святославу, также какъ и буйнымъ его товарищамъ, которые видѣли въ немъ осужденіе всего, чѣмъ мила и дорога имъ была жизнь, и потому ругались всегда надъ тѣми, кто оставлялъ вѣру отцевъ своихъ. Напрасно твердила ему Ольга: сынъ мой, я познала Бога и радуюсь; и ты будешь радоваться, если познаешь Бога. Дружина будетъ смѣяться надо мною, прерывалъ ее нетерпѣливый Святославъ, какъ мнѣ принять законъ одному? Всѣ окрестятся, лишь бы ты началъ, возражала съ неудовольствіемъ Ольга,— но юноша отворачивался отъ нея съ досадою, сердился, и продолжалъ творить «норовы поганскіе», для него любезные.

Тяжело было матери, любившей горячо сына, видѣть, какъ мало онъ обращалъ вниманія на ея увѣщанія и просьбы; страшно было ей думать, что ожидаетъ его въ будущемъ свѣтѣ, теперь передъ ея глазами открывшемся, за такое слѣпое упорство; но дѣлать было нечего. Затаивъ грусть въ сердцѣ, она умолкала, печальная, и возлагала всю надежду на Бога: если Богъ хочетъ помиловать родъ мой и землю Русскую, то возложитъ имъ на сердце—обратиться къ нему, какъ возложилъ и мнѣ: такъ думала Ольга, и молилась за сына «по вся дни и нощи», говоритъ лѣтописецъ, «кормящи сына до мужества его и до возраста его».

А онъ, возросшій и возмужавшій, позабылъ вовсе объ ея противныхъ наставленіяхъ: онъ думалъ только о битвахъ, и тотчасъ началъ «собирать вои многи и храбры,

легко ходя, аки пардусъ», посылая сказать племенамъ, на кого собирался: «хочу на васъ ити».

Станъ его не походилъ на прежніе: обоза за нимъ не слѣдовало, шатровъ не имѣлъ онъ никогда, а спалъ на голой землѣ, положивъ подъ себя войлокъ, съ сѣдломъ въ головахъ. Котловъ съ нимъ не бывало, и мясо не варилось: на угляхъ пекъ онъ, что ему попадалось—конину, звѣрину или говядину, и ѣлъ «потонку изрѣзавъ». Такъ жилъ онъ, такъ жили и всѣ его воины.

Съ какой же страны начать ему свои бранные поиски? Куда идти? Въ знакомыя мѣста, гдѣ ужъ воевали его удалые соотечественники, ему не хотѣлось: что взять на Сѣверѣ? Трудно ли справляться съ смирными Славянскими племенами на Западѣ! На Югъ, подъ Царьградъ, дорога была слишкомъ извѣстна. И Святославъ рѣшился идти на дальній Востокъ,—къ Волгѣ, туда, гдѣ погибли такъ ужасно Игоревы вои, и гдѣ тлѣвшія кости ихъ давно призывали себѣ мстителей.

По степямъ, по рѣкамъ, чрезъ дремучіе лѣса, путями непроходимыми, пришелъ онъ изъ Кіева наконецъ на Оку; тамъ жило суровое племя Вятичей. Кому дань даете, спросилъ Святославъ. Даемъ по шлягу отъ рала Козарамъ, отвѣчали они. Русскій Князь обложилъ ихъ своею данію, и пошелъ далѣе.

Сперва плылъ онъ Окою, изъ Оки переправился въ Волгу, пустился внизъ по этой широкой рѣкѣ, и увидѣлъ наконецъ за нынѣшней Казанью богатый городъ Булгаръ, производившій издревле обширную торговлю съ Арабами, Козарами, Весью, Пермью, и самою Русью, и бывшій складочнымъ мѣстомъ товаровъ Востока и Сѣвера.

Чего желать лучше молодому Князю? Можно ли ему упустить изъ рукъ такую привлекательную добычу? Святославъ напалъ на Булгаръ съ удалой своей дружиною, взялъ, ограбилъ, и разорилъ такъ, что этотъ знаменитый городъ долго не могъ подняться послѣ и достигнуть прежней степени величія.

Поплывъ ниже, Святославъ покорилъ Буртасовъ, которыхъ страна простиралась отъ лѣваго берега Волги далеко вглубь Азіи.

За Буртасами встрѣтилось съ нимъ войско Козарское, вышедшее съ самимъ Каганомъ, защищать предѣлы своей земли. Но могло ль оно остановить рьяной потокъ гордаго побѣдителя! Произошло сраженіе, и Козары были разбиты на голову, заплативъ дорого за истребленіе Руси въ 913 году.

Уничтоживъ войско, Святославъ не находилъ уже болѣе никакихъ препятствій. Несчастные жители бросались съ дороги, искали себѣ спасенія въ сосѣднихъ странахъ, надѣясь послѣ перваго погрома заключить договоръ съ Русью, и опять поселиться на своей родинѣ въ ихъ подданствѣ. Святославъ достигъ благополучно устья Волги, гдѣ процвѣталъ издавна по обѣимъ берегамъ ея знаменитый Итиль, еще болѣе богатый, чѣмъ Булгаръ, столица Козарскихъ Кагановъ, славная на всемъ Востокѣ, долговременное пребываніе народа, значительно образованнаго, и сборное мѣсто многихъ Азіатскихъ торговцевъ. Городъ былъ уже пустъ. Жители разбѣжались; одни на ближнемъ островѣ готовились къ оборонѣ, другіе удалились на островъ Дербентскій, и со страхомъ ожидали рѣшенія своей участи. Святославъ взялъ городъ, и нашелъ здѣсь еще болѣе добычи, чѣмъ въ Булгарѣ; воины его разграбили и опустошили все.

И вотъ предъ ними необозримое Хвалисское море. Моглили внуки Норманновъ преодолѣть искушеніе разгуляться по широкому его раздолью, поиграть съ его вѣтрами и волнами, поспорить съ бурями, и наконецъ посмотрѣть тѣхъ плодоносныхъ береговъ, гдѣ уже были ихъ отцы, и такъ легко разнесли славу ужаснаго Русскаго имени!

Русь пустилась по Каспійскому морю, и дня черезъ четыре или пять высадилась уже на берегахъ Дагестана. Тамъ красовался Семендеръ, (между Итилемъ и Дербентомъ, близь Тарху), съ своими мечетями, синагогами, церквами, окруженный садами и виноградниками, въ которыхъ считалось до сорока тысячь лозъ. Онъ имѣлъ участь Булгара и Итиля.

Святославъ у подошвы Кавказа! Онъ побѣдилъ здѣсь Ясовъ, обитавшихъ на предѣлахъ Грузіи, и Касоговъ, сосѣднихъ съ Азовскимъ моремъ. Тогда жъ вѣроятно занятъ былъ Русью и островъ Тамань, образуемый двумя устьями Кубани.

Здѣсь, въ виду любезнаго Руси Чернаго моря, на крѣпкомъ островѣ, по любимому обычаю Норманновъ, могъ онъ отдохнуть послѣ долгихъ утомительныхъ походовъ, и сохранить безъ опасности добычу, коею былъ обремененъ; послѣ онъ кажется и оставилъ здѣсь нѣсколько воевъ, чтобъ удержать за собою это важное мѣсто, при двухъ моряхъ, ключь къ странамъ Кавказскимъ, съ которыми теперь онъ только что познакомился, — основаніе княжества Тмутораканскаго, на развалинахъ Таматархи или Фанагоріи, принадлежавшей древнему Воспорскому царству.

Отсюда Святославъ могъ идти вверхъ по Дону; онъ взялъ Козарскую крѣпость на берегахъ этой рѣки, верстахъ въ семидесяти, отъ устья, Саркелъ или Бѣлую Вѣжу, построенную для Козаровъ Греческими мастерами отъ набѣговъ Печенѣжскихъ, передъ тѣмъ лѣтъ за сто; поднимаясь еще выше, напалъ на Вятичей, обложилъ ихъ данью, и воротился въ Кіевъ по старой дорогѣ, коею вышелъ оттуда.

Три года продолжались бранные набѣги молодаго Князя. Слава объ его подвигахъ пронеслась повсюду. Обитатели Джорджана, еще полные страха, разсказывали Ибн-Гаукалу, Арабскому путешественнику, около 969 года, о губительномъ нападеніи Руси, которое осталось надолго и послѣ въ памяти приморскихъ Каспійскихъ областей, и попало во всѣ современныя лѣтописи.

Страны, прилежащія къ Черному и Азовскому морю, услышали также съ трепетомъ новое имя, грозившее затмить всѣ прежнія. Калокиръ, сынъ Херсонскаго начальника, извѣстилъ объ немъ, вѣроятно, Императора Никифора Фоку, и получилъ порученіе пригласить могущаго витязя Русскаго на помощь Имперіи.

Не успѣлъ отдохнуть Святославъ въ Кіевѣ, какъ и явилось къ нему это посольство. Греки просили Святослава наказать Болгаръ, навлекшихъ на себя гнѣвъ Никифора, за то ли, что они не мѣшали Униграмъ переправляться чрезъ Дунай, и тревожить предѣлы Имперіи, или за то, что требовали отъ него дани.

Святослава зовутъ на войну! Онъ ли откажется? Какой пиръ для него веселѣе войны? А Греки предлагаютъ ему еще тридцать пудъ золота, кромѣ будущей добычи.

Съ восторгомъ услышалъ онъ предложеніе, думалъ не долго, и кликнулъ кличь по всей странѣ своей, возбуждая особенно

молодежь, которая, только что наслышась о блистательныхъ его подвигахъ на Окѣ, Волгѣ, Каспійскомъ морѣ, Кавказѣ, рвалась и безъ того дѣлить съ нимъ труды, опасности, добычу и славу.

Собралось многочисленное воинство, до шестидесяти тысячъ человѣкъ, по извѣстію Грековъ, и легкія ладьи понеслись по знакомому пути Днѣпровскому, явились скоро на Черномъ морѣ, и влетѣли въ устье Дуная.

Встревоженные Болгаре, собравъ, что могли, силой хотѣли воспрепятствовать высадкѣ. Напрасно. Удалые Варяги выскочили быстро изъ своихъ судовъ, подняли передъ собою длинные щиты, обнажили мечи, и начали рубить на повалъ во всѣ стороны. Болгаре не выдержали стремительнаго удара, смѣшались, бѣжали и принуждены были запереться въ Дористолѣ (что нынѣ Силистрія). Царь ихъ Петръ тутъ же умеръ, пораженный отъ горести внезапнымъ ударомъ. Святославъ пустился по Дунаю, взялъ семдесятъ городовъ, и водворился въ Переяславцѣ.

Тогда-то хитрый Грекъ, который находился безпрестанно при немъ, вкрался ему въ душу, и сдѣлался почти братомъ, — сообщилъ ему тайныя свои намѣренія, внушенныя вѣроятно его же доблестью, коей, на его глазахъ, ни что немогло противиться. Калокиръ ходѣлъ овладѣть Византійскимъ престоломъ, переходившимъ тогда изъ рукъ въ руки, и за помощь Святослава обѣщалъ оставить ему навсегда Болгарію, а дань платить больше прежней.

Искатель приключеній, съ пылкимъ воображеніемъ, Святославъ радъ былъ случаю пуститься на новыя опасности, помѣриться съ другими сильнѣйшими противниками, и получить въ свои руки распоряженіе престоломъ Имперіи. Условіе заключено.

Вѣсть объ немъ должна была скоро дойти до Константинополя: Императоръ поздно увидѣлъ свою ошибку, пригласивъ такого помощника, который дѣлался стократъ опаснѣе врага.

Надо было принимать скорыя мѣры. Ожидая къ себѣ подъ стѣны съ часу на часъ двухъ молодыхъ честолюбцевъ, связанныхъ узами дружбы и выгодъ, онъ началъ снаряжать пѣхотное войско, вооружалъ сотни, ставилъ въ строй конную фалангу, одѣвалъ всадниковъ въ желѣзныя латы, приготовлялъ метательныя оружія, и разставлялъ ихъ на городскихъ стѣнахъ. Къ башнѣ Кентинаріи велѣлъ онъ прикрѣпить тяжелую желѣзную цѣпь, и по высокимъ столбамъ протянуть ее чрезъ Воспоръ до Галатской крѣпости, на Азіатскомъ берегу. Сколько мѣръ, заботъ, трудовъ и приготовленій! Такой страхъ возбуждало въ столицѣ Имперіи одно имя нашего Святослава!

Никифоръ рѣшился также примириться и съ прежними своими противниками, Болгарами, на которыхъ самъ вызывалъ Святослава, надѣясь теперь, посредствомъ ихъ, затруднить сколько нибудь его и Калокировы дѣйствія. Онъ послалъ къ нимъ довѣренныхъ людей предложить миръ, напомнить объ единовѣріи, и просить даже Княженъ въ замужство сынамъ Романа, ближайшаго наслѣдника Имперіи. Ничто не казалось ему дорогимъ и невозможнымъ, въ сравненіи съ грозившей опасностію!

Болгаре, съ своей стороны, рады были примириться, и обѣщали помощь, лишь бы Императоръ отвратилъ сѣкиру, висѣвшую надъ ихъ главами. Сѣкира была отвращена,

хоть только на время, — но вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ Святославовыхъ.

Печенѣги видѣли, какъ онъ мимо ихъ пронесся по Днѣпру со всѣми своими воями. Хищные, они вознамѣрились воспользоваться его отсутствіемъ, и ограбить его богатую столицу; остановить ихъ было некому, оборонительныхъ мѣръ не принято нигдѣ, по крайней мѣрѣ достаточныхъ: можно ли было думать, чтобъ кто нибудь осмѣлился потревожить стольный городъ Русскихъ, которые уже сто лѣтъ властвовали безспорно во всѣхъ этихъ странахъ. Печенѣги подошли наконецъ подъ самый Кіевъ, гдѣ Великая Княгиня Ольга принуждена была запереться съ молодыми своими внучатами. Непріятели обступили городъ со всѣхъ сторонъ. Не было ни входа, ни выхода. Нѣсколько воевъ собрались-было въ лодкахъ, изъ-за Днѣпра, и остановились у другаго берега, но не могли ничего предпринять въ пользу осажденныхъ. Кіевляне томились долго въ осадѣ; голодъ и жажда начали уже грозить имъ гибелью; и они рѣшились сдаться, если еще день не получатъ помощи. Одинъ смѣлый отрокъ взялся сообщить это рѣшеніе за-днѣпровской дружинѣ, и счастливо исполнилъ мудреное порученіе, пройдя непріятельской станъ съ вопросомъ на Печенѣжскомъ языкѣ о своемъ пропавшемъ конѣ. Печенѣги поздно увидѣли ошибку, когда онъ поплылъ по Днѣпру; пущенныя стрѣлы его недостали.

Надо спасать Княгиню и Княжичей, во что бы то ни стало, сказалъ воевода Претичь, услышавъ о намѣреніи Кіевлянъ, а не то Святославъ насъ погубитъ. Переправимся въ лодкахъ, достанемъ ихъ какъ нибудь изъ города, и умчимъ на нашу сторону. Заутра, до свѣту, переплыли они Днѣпръ, бросились стремительно на гору, закричали, затрубили въ трубы, — Печенѣги въ недоумѣніи дали имъ путь, — Кіевляне откликнулись. Ольга со внуками и людьми вышла на встрѣчу своимъ избавителямъ, и благополучно достигла лодей.

Князь Печенѣжскій вступилъ въ переговоры съ Претичемъ, который, обманулъ его, выдавъ себя за предводителя передовой дружины княжеской. Они заключили миръ, подали другъ другу руки, и въ знакъ дружества обмѣнялись оружіемъ. Печенѣжинъ далъ Претичу коня, саблю и стрѣлы. Претичь ему броню, щитъ и мечь. Печенѣги отступили. Такъ разсказываетъ лѣтописецъ, разумѣется, по слышанной сагѣ.

Кіевляне, избавясь нечаянно отъ угрожавшей имъ опасности, послали тотчасъ гонца къ Святославу звать его домой: Ты ищешь, Князь, и блюдешь чужую землю, а объ своей не думаешь; насъ едва не взяли Печенѣги съ матерью и дѣтьми твоими. Если не воротишься и не оборонишь насъ, такъ они придутъ опять. Иль тебѣ не жаль ни отчины своей, ни матери, на старости ея лѣтъ, ни дѣтей своихъ?

«То слышавъ Святославъ», говоритъ лѣто-«писецъ, вборьзѣ всѣде на конѣ съ дружиною «своею, и приде Кіеву, цѣлова матерь свою «и дѣти своя.»

Раздраженный, онъ не могъ оставить Печенѣговъ безъ наказанія, собралъ вои, и угналъ дерзкихъ хищниковъ далеко въ поле.

Но не долго прожилъ онъ въ отечествѣ: ему соскучилось по любезной своей Болгаріи. Нѣтъ, сказалъ онъ матери и боярамъ, не любо мнѣ жить въ Кіевѣ; я хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ, — тамъ средина земли моей; туда вся благая сходятся: отъ

Грековъ золото, паловоки, вина, овощи; изъ Чехъ и Угоръ серебро и кони; изъ Руси мѣха, медъ, воскъ, челядь.

Ольга была уже очень слаба и больна. Ты видишь, какова я, возражала она безпокойному своему сыну, какъ же ты хочешь оставить меня. Погреби меня, а послѣ иди, куда тебѣ угодно.

Въ самомъ дѣлѣ она скончалась чрезъ три дня,—и плакалъ по ней сынъ ея и внуки и люди всѣ плачемъ великимъ. Священникъ, бывшій при ней, похоронилъ ее, а тризны надъ собою отправлять она заповѣдала.

Ольга, говоритъ лѣтописецъ, предтекла въ нашей землѣ, какъ утренняя звѣзда солнцу, какъ заря свѣту, и сіяла какъ луна въ нощи. Она была начаткомъ примиренію; она первая вошла въ Царство Небесное изъ Руси, и молитъ Бога по смерти за Русь. Ее должны славить Рустіи сынове, какъ свою начальницу. Возопіемъ же къ ней: Радуйся Русское познанье къ Богу!

Въ слѣдующемъ году Святославъ рѣшился исполнить любимое свое желаніе, и вмѣсто себя посадилъ старшаго сына Ярополка въ Кіевѣ, а втораго, Олега, въ землѣ Древлянской.

Тогда же пришли къ нему Новогородцы просить себѣ Князя. Если вы не пойдете къ намъ, говорили они, то мы найдемъ себѣ Князя и въ другомъ мѣстѣ. Но кто къ вамъ пойдетъ, отвѣчалъ Святославъ. Ярополкъ и Олегъ отперлись; тогда Добрыня научилъ ихъ просить Володимера, племянника его, отъ сестры Малуши, ключницы Ольгиной. Новогородцы сказали: дай намъ Володимера. Пожалуй, возмите его, отвѣчалъ Святославъ, и Новогородцы повели къ себѣ Володимера, вмѣстѣ съ Добрынею.

Устроивъ такъ дѣла, Святославъ отправился, и оставилъ нашу землю на произволъ обстоятельствъ, думая основать новое государство въ Болгаріи на Дунаѣ;—но судьба того еще не хотѣла.

Болгаре, ободренные союзомъ съ Греками, рѣшились не пускать его къ себѣ. Вои, оставленные имъ, были истреблены, вѣроятно, во время его отсутствія. Надо было покорять вновь всю страну, какъ будтобъ она и не была покорена прежде. Но Святослава ли удержатъ препятствія? Онъ устремился на приступъ къ Переяславцу. Собравшись со всѣми своими силами, Болгаре вышли къ нему на встрѣчу изъ города. Началась ужаснѣйшая сѣча, и побѣда склонялась уже на сторону непріятелей. Братья и дружина, воскликнулъ Святославъ, пасть приходится намъ здѣсь, ударимъ мужески. Сѣча возобновилась съ новымъ ожесточеніемъ, и къ вечеру одолѣлъ Святославъ, взялъ городъ копьемъ, и плѣнилъ тамъ двухъ сыновъ покойнаго Царя. Потомъ прошелъ онъ съ огнемъ и мечемъ по всей Болгаріи, мстя за неожиданную, враждебную встрѣчу. Говорили, что онъ въ Филиппополѣ пересажалъ на колъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, и такимъ образомъ, разсѣя всюду страхъ и ужасъ, заставилъ всѣхъ покориться себѣ снова.

Между тѣмъ въ Византіи произошла новая перемѣна. Іоаннъ Цимискій, знаменитый полководецъ Греческій, свойственникъ царскій, умертвилъ несчастнаго Никифора, въ заговорѣ съ его супругою, и взошелъ на окровавленный престолъ. Столь же дѣятельный, благоразумный, и еще болѣе, можетъ быть, храбрый, нежели его предшественникъ, онъ раздѣлялъ его мнѣніе, сколь опасно для Греціи сосѣдство Святославово,—

но на первое время у него было слишкомъ много заботъ. Голодъ въ Имперіи, нападеніе Аравитянъ на Антіохію, заговоры родственниковъ убіеннаго, связывали ему руки. Съ Святославомъ онъ желалъ обойтись пока безъ войны: отправилъ къ нему посольство вручить богатые дары, и объявить, чтобъ онъ, исполнивъ желаніе Императора Никифора, и получивъ условную награду, оставилъ Болгарію, принадлежащую Имперіи, и возвращался благополучно въ свое отечество.

Выкупите у меня прежде всѣ взятые мною города, отвѣчалъ Святославъ, надменный побѣдами и завоеваніями, выкупите вашихъ плѣнниковъ, заплатите золотомъ за Болгарію, и я оставлю ее, а если не хотите, то нѣтъ вамъ мира.

Греки напоминали ему судьбу отца его Игоря, который за нарушеніе договора былъ разбитъ на Черномъ морѣ, такъ что вмѣсто десяти тысячъ судовъ, съ коими пришелъ, долженъ былъ уйдти только на десяти, съ извѣстіемъ о собственномъ пораженіи, и наконецъ погибъ ужасною смертію отъ Древлянъ въ наказаніе за свою алчность. Такая же участь грозитъ и тебѣ, сказали они въ заключеніе, если все Греческое войско двинется противъ тебя изъ Константинополя.

Мы сами придемъ къ вамъ прежде вашего, отвѣчалъ Святославъ, раскинемъ шатры свои предъ вратами вашей столицы, обнесемъ городъ крѣпкимъ валомъ, — и тогда выходите на битву. Мы покажемъ, что мы не малыя дѣти, которыхъ можно напугать угрозами, и увидимъ, кому достанется побѣда.

И немедленно, умноживъ свое войско Болгарами и Уграми, Святославъ двинулся впередъ, и перешелъ Балканскія горы. Отряды его разсыпались повсюду, и опустошили Македонію, Ѳракію, до Адріанополя, хотя нѣкоторые иногда и претерпѣвали пораженіе.

Цимискій, желавшій прежде переговорами только выиграть время, встрѣтилъ здѣсь Святослава съ многочисленнымъ, въ нѣсколько кратъ большимъ, войскомъ. Русскіе вои изумились такому неожиданному множеству непріятелей и устрашились. Святославъ сказалъ: намъ не куда дѣться! Волею и неволею мы должны сразиться. Не посрамимъ земли Русской и ляжемъ здѣсь костьми. Мертвымъ срама нѣтъ, а если побѣжимъ, то не спасемся, а срамъ примемъ. Станемъ же крѣпко. Я пойду впереди! Если голова моя упадетъ, то промышляйте о себѣ. Воины воскликнули въ отвѣтъ: гдѣ твоя голова упадетъ тамъ и наши, и бросились всѣ на непріятеля съ отчаяніемъ. Произошла ужаснѣйшая битва, длилась долго, и Святославъ побѣдилъ. Греки бѣжали.

Упоенный побѣдой онъ пошелъ впередъ «воюя и грады разбивая», и уже «за маломъ бѣ не дошелъ Царягорода».

Цимискій не могъ противиться болѣе: ему надо было, во что бы то ни стало, не допускать Святослава до столицы. Онъ просилъ мира, осыпалъ его дарами, соглашался на всѣ его требованія, давалъ дань на все войско. Святославъ съ своей стороны могъ также желать скораго мира, потому что потери его были значительны, и у него не доставало уже силъ для продолженія своихъ завоеваній, покоренія или удержанія столицы. Онъ принялъ предложеніе. Сколько у тебя воевъ, спросили Греки, на которыхъ мы должны принести дань? Двадцать тысячъ, отвѣчалъ Святославъ, хотя у него было только десять: «и прирече десять

тысящъ«. Сверхъ того взялъ онъ дань и на убіенныхъ, въ пользу ихъ родственниковъ, и обольщенный, усыпленный врагами, возвратился въ Переяславецъ «съ похвалою великою», въ полномъ убѣжденіи, что отъ Грековъ опасаться ему нечего.

Но не думалъ Цимискій мириться съ Святославомъ. Въ плодовитомъ умѣ своемъ онъ рѣшилъ уже гибель Русскаго Князя, который понадѣялся слишкомъ много на свою храбрость и на свое счастье, не оставлявшее его доселѣ, ослѣпился успѣхами, и предался неосторожности, свойственной его племени.

Лишь только удалился Святославъ, какъ и началъ Императоръ дѣлать приготовленія къ новому рѣшительному походу. Всю зиму продолжались они съ величайшей дѣятельностію. Онъ призвалъ всѣ Греческія войска, бывшія въ Азіи, снарядилъ флотъ, собралъ множество запасовъ, и съ наступленіемъ весны при первой возможности отправилъ триста судовъ въ устье Дуная, для содѣйствія сухопутному его войску, которое двинулось немедленно къ Балканскимъ тѣснинамъ, оставленнымъ неосторожнымъ Святославомъ, безъ всякой засады. Полководцы Цимискія боялись этого пути, на которомъ погибло столько войскъ Греческихъ, среди войнъ ихъ съ Болгарами. Но Цимискій, узнавшій чрезъ лазутчиковъ о малочисленности дружины Святославовой, настоялъ на своемъ намѣреніи; онъ опасался, чтобъ Русскіе, узнавъ объ его походѣ, не заняли выгодныхъ ущелій, и искалъ успѣха въ скорости.

Греки прошли Балканы безъ всякаго препятствія, и внезапно явились у Переяславца. Русь упражнялась передъ городомъ въ воинскихъ движеніяхъ. Хоть изумленные такимъ нечаяннымъ нападеніемъ, но схватились они за оружіе, и бросились на Грековъ. Изъ города подана имъ была помощь, и побѣда долго оставалась нерѣшенною, какъ Цимискій пустилъ на нихъ отборную свою конницу, состоявшую, изъ такъ называемыхъ, безсмертныхъ латниковъ, и привелъ ихъ въ совершенное замѣшательство, тѣмъ болѣе, что они, сражаясь всегда пѣши, не привыкли къ дѣйствіямъ съ конницей. Они должны были уступить и запереться въ городѣ. Калокиръ, бывшій въ Переяславцѣ, бѣжалъ ночью къ Святославу, стоявшему въ Силистріи, извѣстить его о новой войнѣ.

На другой день неутомимый Императоръ приступилъ снова. Русь ожидала его на стѣнахъ. Всѣми силами старались они защититься; бросали копья, стрѣлы, камни. Греки, ободряемые примѣрами храбраго своего вождя, успѣли наконецъ приставить лѣстницы, взобрались на стѣны, и принялись колоть Русскихъ, которые принуждены были искать спасенія на царскомъ дворѣ, обнесенномъ оградою, гдѣ хранилась обыкновенно казна, но не успѣли затворить однихъ воротъ. Греки вбѣжали за ними. Произошла новая битва, и враги были наконецъ отражены съ значительною потерей. Цимискій велѣлъ зажечь зданіе. Когда пламя распространилось повсюду, и держаться не оставалось возможности, Русскіе выскочили, выстроились на открытомъ мѣстѣ, и хотѣли еще сражаться.... Они всѣ были переколоты, кромѣ предводителя своего, храбраго Свѣнельда, который спасся съ немногими товарищами къ Святославу.

Цимискій, не давая опомниться, пошелъ впередъ.

Тяжело было Святославу слышать о взятіи Переяславца, а за нимъ и другихъ

Болгарскихъ городовъ, сдававшихся Грекамъ, но онъ не думалъ смиряться, онъ надѣялся еще разъ побѣдить Грековъ, и вышелъ на встрѣчу Цимискію. А въ наказаніе измѣны Болгаръ, онъ собралъ до трехъ сотъ лучшихъ гражданъ, и приказалъ отрубить имъ головы: многіе, окованные, были заключены въ темницы.

Недалеко отъ Силистріи сошлись уже соперники, и началось сраженіе. Русь дралась отчаянно. Какъ бѣшеные бросались они на Грековъ, но Греки не уступали. Побѣда долго оставалась сомнительною, пока наконецъ стремительный ударъ конницы не рѣшилъ опять дѣла, и Русь возвратилась въ городъ.

Всю ночь слышенъ былъ стонъ въ Силистріи: Русскіе оплакивали своихъ товарищей, павшихъ въ бою, и дикіе вопли ихъ разносились далеко по окрестностямъ, какъ слышали Греки, и свидѣтельствуютъ очевидцы между ихъ лѣтописателями.

Цимискій расположилъ станъ по близости, укрѣпившись рвомъ и валомъ. На другой день повелъ онъ войско свое на крѣпость. Русскіе отразили приступъ, —еще болѣе, — къ вечеру они сдѣлали вылазку на коняхъ, но не умѣя управляться съ ними въ сраженіи, были опрокинуты, и воротились въ городъ безъ значительнаго успѣха.

Между тѣмъ на Дунаѣ показались огненныя суда Греческія, о коихъ на Руси хранилось такое страшное преданіе. Въ страхѣ потерять утлые челны свои порознь, Русскіе собрали тотчасъ ихъ вмѣстѣ, и поставили въ рядъ подъ стѣною, омываемою Дунаемъ.

Нѣсколько разъ пытались они дѣлать вылазки, иногда уступали, но не показывали никакой робости, и не щадили никакихъ трудовъ, оставаясь иногда по цѣлымъ днямъ и ночамъ на полѣ сраженія. Даже женщины, такъ называемыя щитоносицы у Норманновъ, сражались въ ихъ рядахъ, столь же храбро какъ и мужчины, и тѣла ихъ часто находимы были между убитыми. Въ плѣнъ Русскіе никогда не отдавались, и въ минуту опасности поражали себя сами мечемъ, избѣгая рабства на томъ свѣтѣ, ибо, по ихъ мнѣнію, всякій плѣнникъ долженъ тамъ служить своему господину.

Однажды удалось имъ убить у Грековъ одного знаменитаго вождя, котораго они, по блистательнымъ доспѣхамъ, сочли было за самого Императора. Возвратясь въ крѣпость, они вонзили отрубленную голову на копье, и выставили на башнѣ, смѣясь надъ Греками. Больше всего хотѣлось имъ истребить стѣнобитныя орудія, причинявшія имъ много вреда, но тщетно: Греки охраняли ихъ мужественно.

Около двухъ мѣсяцевъ продолжалась осада. Утомленный Святославъ окопался рвомъ, и заперся наконецъ совершенно въ городѣ. Вылазки прекратились. Императоръ, не могшій справиться съ Русью въ открытомъ бою, не смотря на превосходство силъ, рѣшился смирить ихъ голодомъ. Съ сею цѣлію велѣлъ онъ перекопать всѣ пути, ведущіе къ Силистріи, разставилъ вездѣ стражу, приказалъ строго судамъ наблюдать за сообщеніями, и не пускать никого ни въ городъ, ни изъ города, за запасами, и расположился жить покойно въ своемъ станѣ.

Эти мѣры оказали скоро свое дѣйствіе. Войско Святославово терпѣло крайній недостатокъ во всякомъ продовольствіи, между тѣмъ какъ Греческое жило въ изобиліи. Никакъ нельзя было выдти изъ города, и всякое сообщеніе прервалось.

Однажды только, въ глухую, темную ночь, во время страшной бури съ дождемъ и громомъ, удалось Святославу выслать на ладьяхъ двѣ тысячи воиновъ для собранія припасовъ въ окрестностяхъ; они воротились съ богатой добычею, успѣвъ даже разбить одинъ Греческій отрядъ.

Императоръ пригрозилъ смертію корабельнымъ начальникамъ, если они опять пропустятъ Русь, и тѣ умножили еще болѣе свою бдительность.

Собранные припасы истощились, а достать вновь не было уже никакой возможности. 20 Іюня Русскіе рѣшились сдѣлать вылазку, подъ предводительствомъ Икмора, воина, славнаго между ними своею храбростію. Напавъ стремительно, начали было они тѣснить Грековъ, какъ вдругъ одинъ изъ тѣлохранителей императорскихъ, по имени Анемасъ, успѣлъ подскочить къ нему на рьяномъ конѣ своемъ, и нанесъ столь сильной ударъ въ лѣвое плечо, что голова его вмѣстѣ съ правой рукой отлетѣла и покатилась на землю. Все поле огласилось громомъ,—Греки воскликнули, торжествуя побѣду; Русскіе, увидя паденіе Икмора, испустили отъ горести ужасный крикъ, смѣшанный съ воплемъ,—не могли сражаться болѣе, и, закинувъ щиты за спину, оставили поспѣшно битву.

Какъ скоро наступила ночь, и полный мѣсяцъ явился на небѣ, вышли они на поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ стѣнѣ, и сожгли на разложенныхъ кострахъ, заколовъ надъ ними множество плѣнниковъ и женщинъ. Принеся сію кровавую жертву, они погрузили въ Дунайскія струи нѣсколько младенцевъ и пѣтуховъ, и потомъ задушили.

Осажденные были доведены наконецъ до крайности. Святославъ созвалъ совѣтъ и спрашивалъ мнѣнія дружины, что должно дѣлать въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Одни говорили, что должно, выбравъ какую нибудь темную ночь, тихо сѣсть на суда, и спасаться бѣгствомъ. Другіе желали испытать мирныхъ переговоровъ съ Греками, ибо уплыть въ виду сторожевыхъ судовъ казалось невозможнымъ.

Сразимся въ послѣдній разъ, заключилъ Святославъ.

На другой день, предъ захожденіемъ солнца, Русскіе вышли изъ города. Построившись плотной стѣною, неся предъ собою копья, двинулись они на непріятелей, которые ожидали ихъ, также въ боевомъ порядкѣ. Какъ лютые звѣри напали они на Грековъ, кололи копьями, поражали стрѣлами и сбивали всадниковъ на землю. Святославъ былъ вездѣ впереди. Съ яростію бросался онъ на Грековъ, и ободрялъ полки свои. Анемасъ, поразившій наканунѣ Икмора, осмѣлился напасть и на самого Святослава. Завидя его издали, онъ понесся прямо къ нему, ударилъ въ самую ключевую кость, и повергнулъ ницъ на землю. Только кольчужная броня и щитъ спасли его отъ смерти. Русскіе, увидѣвъ опасность своего Князя, налетѣли со всѣхъ сторонъ къ нему на помощь, другіе обратились къ дерзкому Греку.... конь его убитъ, и самъ онъ тотчасъ палъ, изъязвленный копьями и стрѣлами. Русскіе, ободренные его паденіемъ, начали напирать съ большимъ ожесточеніемъ, и Греки должны были удалиться. Насилу удержалъ ихъ самъ Цимискій, не уступавшій сопернику своему въ мужествѣ. Къ несчастію Руси поднялась ужасная буря съ вѣтромъ, дувшимъ прямо въ лице имъ. Отъ пыли слипались у нихъ глаза. Страшная конница греческая явилась. Русь побѣгла.

Самъ Святославъ, весь израненный и истекающій кровью, не остался бы живъ, если бы наступившая темнота не развела сражавшихся.

Всю ночь стеналъ Святославъ о побіеніи своей храброй рати, скорбѣлъ, предавался гнѣву. Мало уже оставалось у него воевъ; множество погибло на полку. Онъ увидѣлъ, что Греки могутъ погубить его съ остальными, и рѣшился.... Святославъ рѣшился просить мира.

Цимискій, съ своей стороны, радъ былъ кончить войну, которая, не смотря на побѣды, стоила ему дорого, а силы и время все еще были ему нужны для другихъ дѣлъ, не менѣе важныхъ. Онъ принялъ предложеніе Святослава, налагая на него обязательства: Не помышлять никогда на царство Греческое, не собирать воевъ, не подсылать соглядатаевъ, не наводить другихъ враговъ, ни на страну Греческую, ни на страны ей подвластныя, страну Корсунскую и города ея, и страну Болгарсяую. Если другой какой непріятель явится противъ Грековъ, то Русскій Князь обязанъ помогать имъ.

Какъ ни тягостны были условія, но Святославъ долженъ былъ согласиться на всѣ, и объявилъ о томъ дружинѣ. Насъ мало, а Русская земля далече, а Печенѣги съ нами ратны; помочь намъ некому. Сотворимъ миръ съ Царемъ; если же онъ не будетъ впередъ управлять дани, такъ мы, набравъ воевъ на Руси, придемъ опять подъ Царьгородъ.

Люба была эта рѣчь дружинѣ, изнуренной битвами и трудами. Немедленно лѣпшіе мужи отправились въ станъ Царя Греческаго, и тамъ, отъ имени своего Князя, обѣщались исполнить всѣ требованія царскія, которыя и были торжественно записаны: Если мы не исполнимъ сихъ условій—Князь, и всѣ, иже съ нимъ и подъ нимъ, да будемъ прокляты отъ Бога, въ котораго вѣруемъ, и отъ Волоса, скотья бога, станемъ желты какъ золото, и изсѣчемся собственнымъ своимъ оружіемъ. Такъ было сказано въ заключеніи договора.

Императоръ велѣлъ отпустить хлѣба для Русскихъ воиновъ, томившихся отъ голода, на каждаго по двѣ мѣры.

Святославу захотѣлось еще увидѣть своего сильнаго врага, который остановилъ его на пути побѣдъ, заставилъ испытать много нужды и горя, и накопецъ уступить.... Императоръ Цимискій согласился, и въ позлащенныхъ доспѣхахъ на берегъ Дуная, сопровождаемый многочисленнымъ отрядомъ всадниковъ, въ блестящемъ вооруженіи. Святославъ приплылъ къ нему по рѣкѣ въ простой лодкѣ, гребя весломъ наровнѣ съ прочими гребцами.

Греки описали намъ наружность своего страшнаго врага: росту онъ былъ средняго, собою строенъ, съ голубыми глазами, носомъ плоскимъ, бороду онъ брилъ, усы лежали на верхней губѣ длинными прядями. Голова у него была почти голая, и только на одной сторонѣ висѣлъ пукъ волосъ, означавшій благородство. Шея толстая, плеча широкія. Въ одномъ ухѣ висѣла у него золотая серга, украшенная двумя жемчужинами, съ рубиномъ по срединѣ. Одежда на немъ была бѣлая, и почти не отличалась отъ другихъ кромѣ чистоты. Сидя на лавкѣ въ ладьѣ, мрачный и угрюмый, говорилъ онъ съ Императоромъ. Свиданіе продолжалось недолго, и они разстались.

Немедля, выдалъ Святославъ Грекамъ плѣнныхъ, очистилъ Силистрію, и отправился съ печалію въ сердцѣ на родину, которую хотѣлъ было оставить навсегда,—и Русское

царство на берегехъ Дуная не основалось: верно его понеслось назадъ, къ сѣверу, въ родимую почву.

Опытный Свѣнельдъ совѣтовалъ Князю возвращаться сухимъ путемъ. Святославъ не послушался, пустился въ ладьяхъ по Днѣпру, а Печенѣги дожидались уже его у пороговъ, предупрежденные Болгарами, или самими Греками, объ его возвращеніи съ богатою добычею и малою дружиною. Святославу нельзя было пробиваться, и онъ воротился зимовать въ Бѣлбережьѣ, терпя съ своими воями во всемъ великую нужду, такъ что голова конячья стоила у нихъ полфунта серебра.

Весною, пустился онъ опять по Днѣпру, нетерпѣливый достигнуть скорѣе Кіева, приплылъ благополучно къ порогамъ.... враговъ нигдѣ не встрѣчалось, опасностей, кажется, не грозило никакихъ, ничего не было слышно,.... съ надеждой вошелъ онъ въ пороги.... но Печенѣги вскорѣ его встрѣтили. Князь ихъ Куря напалъ на малочисленную дружину, разбилъ ее, и самъ Святославъ погибъ. Тамъ, въ порогахъ, гдѣ быстрый Днѣпръ могучей волною бьетъ въ каменныя гряды Карпатскихъ горъ, преграждающія ему путь, и потомъ низвергается съ нихъ въ глубокое свое русло шумными водопадами,—тамъ, среди степей необозримыхъ по обѣ стороны рѣки, сложилъ свою буйную голову, во цвѣтѣ лѣтъ, удалой нашъ Святославъ, самый бранный изъ всѣхъ бранныхъ Князей древности, не понимавшій, что такое опасность, не знавшій, что такое страхъ, приведшій въ трепетъ всѣ окружныя земли. Печенѣги взяли его голову, оковали черепъ, и сдѣлали чашу, изъ которой послѣ пили, поминая храбраго врага. Вѣрные бояре и отроки, оставшіеся въ живыхъ послѣ греческихъ пораженій, пали всѣ кругомъ любимаго вождя. Одинъ старый Свѣнельдъ пришелъ въ Кіевъ съ немногими воинами — извѣстить осиротѣлую Русь о несчастной смерти ея славнаго Князя, погибели всего войска и потери завоеванной Болгаріи.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛКЪ.

972—980.

Трое молодыхъ сыновей Святослава владѣли на Руси. Старшій, Ярополкъ, принявшій теперь достоинство Великаго Князя, въ Кіевѣ; вторый, Олегъ, у Древлянъ; младшій, Володимеръ, въ Новѣгородѣ. Мудрено имъ было не поссориться, когда страсти кипѣли въ груди у всѣхъ одинаково, руки порывались на битву, всѣ хотѣли повелѣвать, и никто не думалъ повиноваться. И потому мирно между собою прожили они только четыре года.

Война началась между старшими, вотъ по какому случаю: сынъ Свѣнельдовъ, Лютъ, «гна по звѣри въ лѣсу», былъ убитъ Олегомъ Древлянскимъ, который также «ловы дѣя». Отецъ озлобился на убійцу, и съ тѣхъ поръ безпрестанно приставалъ къ своему Князю: поди на брата, и прими волость его.

И Ярополкъ пошелъ на него чрезъ два года. Сраженіе случилось подъ Овручемъ,— первое междоусобное на Руси (976). Олегъ былъ разбитъ и принужденъ бѣжать.

Побѣдитель вслѣдъ за нимъ вошелъ въ городъ, и послалъ искать брата, но его никакъ не могли найдти, пока одинъ Древлянинъ не сказалъ, что видѣлъ наканунѣ, какъ онъ, притѣсненный толпою на мосту, упалъ въ гроблю (ровъ). Начали вытаски-

вать трупье изъ гробли, и уже около полуденъ, въ исподи, нашли тѣло Олегово, принесли къ Ярополку и положили на разостланномъ коврѣ. Ярополкъ, увидѣвъ его, заплакалъ и сказалъ Свѣнельду: ну вотъ чего ты хотѣлъ! Олега погребли за городомъ, и насыпали надъ нимъ могилу, которая была цѣла еще въ Несторово время.

Володимеръ, третій братъ, услышавъ объ его смерти, испугался и бѣжалъ за море, къ вѣрному пристанищу у единокровныхъ Норманновъ, а Ярополкъ прислалъ своихъ посадниковъ въ Новгородъ, «и бѣ единъ володѣя въ Руси».

Долго жилъ Володимеръ у Норманновъ, собирая себѣ вспомогательную рать, и уже на четвертый годъ воротился въ Русь, сопровождаемый полками. Онъ выслалъ посадниковъ Ярополковыхъ изъ Новагорода, и велѣлъ имъ сказать своему государю: Володимеръ идетъ на тебя, пристроивайся биться. Прежде однакожъ онъ пошелъ на Рогвольда, владѣвшаго въ Полоцкѣ, чья дочь оскорбила его отказомъ выйдти за него за мужъ. Этотъ Рогвольдъ, Норманскій конунгъ, пришелъ изъ-за моря Двиною въ Полоцкъ, и тамъ водворился, (а товарищъ его Туръ поселился у Дреговичей, въ городѣ, который прозвался по немъ Туровымъ, жители Туровцами). Добрыня, дядя Володимера, посылалъ къ нему отроковъ просить его дочери въ супружество за своего племянника. Гордая Норманка отвѣчала: «не хочу разуть робичича (сына рабыни); я хочу Ярополка.» Посланные принесли въ Новгородъ этотъ унизительный отвѣтъ; Володимеръ, и еще болѣе Добрыня, воспылали гнѣвомъ. Съ готовыми воями пошли они теперь въ Полоцкъ, въ то время какъ Рогнѣду хотѣли уже вести за Ярополка, — Рогвольдъ былъ побѣжденъ и плѣненъ вмѣстѣ съ женою, сыновьями и дочерью.

Робичица, закричалъ ей, ругаясь, Добрыня, какъ увидѣлъ ее, и велѣлъ Володимеру быть съ нею предъ отцемъ и матерью. Отца, мать и братьевъ Володимеръ убилъ потомъ, а ее взялъ женою, и была прозвана она Гориславою.

Изъ Полоцка Володимеръ пошелъ къ Кіеву. Братъ не могъ стать противу, и заперся въ городѣ. Володимеръ обрылся между Дорогожичемъ и Капичемъ, (этотъ ровъ былъ цѣлъ до Нестора), и послалъ къ Блуду, воеводѣ Ярополкову, склонять его на свою сторону: не я, говорилъ Володимеръ, началъ избивать братію, а онъ; я пришелъ на него, опасаясь смерти. Попріяй мнѣ! Если я убью брата, то ты будешь мнѣ отцемъ, и примешь отъ меня великую честь. Блудъ согласился, и началъ искать случая самъ убить своего Князя, веля Володимеру медлить приступомъ; однакожъ увидѣлъ, что это невозможно предъ воями, и убѣдилъ Ярополка оставить Кіевъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Кіевляне пересылаются будто съ Володимеромъ, зовутъ его къ себѣ и хотятъ предать своего Князя. Ярополкъ ушелъ на устье Рси, въ городъ Родню, а Володимеръ занялъ Кіевъ, и вои его осадили брата въ Роднѣ. Осажденные скоро доведены до крайности, и долго на Руси слышалась пословица: бѣда какъ въ Роднѣ. Тогда Блудъ сказалъ Ярополку: видишь, сколько воевъ у брата, намъ ихъ не переборотъ, твори скорѣе миръ съ нимъ. Володимера же послалъ онъ предупредить, что ведетъ къ нему Ярополка, и чтобъ тотъ приготавливался убить его.

Володимеръ съ дружиною ожидалъ брата на отнемъ дворѣ теремномъ. Иди теперь,

посылалъ его Блудъ, и скажи ему, что ты будешь доволенъ всѣмъ, чтобы онъ ни далъ тебѣ. Не ходи, Князь, удерживалъ его вѣрный слуга Варяжко, убьютъ тебя. Бѣги лучше въ Печенѣги, и приведи воевъ. Ярополкъ не послушалъ его, и—лишь только отворилъ дверь, которую Блудъ тотчасъ затворилъ, не пуская за нимъ его воиновъ, какъ два Варяга подняли его мечами подъ пазухи, и убили. Варяжко бѣжалъ къ Печенѣгамъ, и долго воевалъ на Володимера, мстя за своего Князя.....

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВОЛОДИМЕРЪ.

980—1015.

Володимеръ сдѣлался единымъ государемъ. Наемные Норманны, помогшіе ему достигнуть цѣли, начали просить у него заслуженной платы: городъ нашъ, говорили они, мы взяли его для тебя, дай же намъ теперь окупъ по двѣ гривны на человѣка. Володимеръ отвѣчалъ: подождите, пока соберутъ куны (деньги). Норманны ждали мѣсяцъ, и все-таки не получали ничего. Ты обманулъ насъ, сказали они Князю, пусти насъ по крайней мѣрѣ къ Грекамъ. Онъ выбралъ изъ нихъ нѣсколько мужей храбрыхъ и смышленыхъ, а всѣ прочіе отправились въ Царьградъ. Володимеръ, опасаясь вѣроятно ихъ мести, послалъ предупредить Императора: вотъ идутъ къ тебѣ Варяги, не моги держать ихъ въ городѣ, а то надѣлаютъ они тебѣ хлопотъ, какъ и здѣсь; разошли ихъ по мѣстамъ, и сюда не пускай ни одного.

Оставленнымъ мужамъ Володимеръ роздалъ нѣкоторые города, а Добрынѣ, своему дядѣ, неизмѣнному совѣтнику и помощнику, отдалъ Новгородъ.

Утвердившись на столѣ Кіевскомъ, Володимеръ началъ ходить ежегодно на войну, подобно своимъ предшественикамъ. На первый годъ (981) пошелъ онъ къ Западу, только далѣе, чѣмъ ходилъ Олегъ, за Хорватовъ и Дулебовъ, къ Ляхамъ, и взялъ города Перемышль и Червень (Галицію), «иже суть и до сего дне подъ Русью», сказалъ Несторъ. Въ томъ же году ходилъ онъ на Вятичей, и наложилъ на нихъ дань отъ плуга, какъ бралъ его отецъ.

На второй годъ (982) воевалъ онъ снова съ Вятичами, которые заратились, и побѣдилъ ихъ опять.

На третій годъ (983) овладѣлъ онъ отдаленной землею Ятвяговъ, потомковъ Сарматскихъ, между Литвою и Польшею. Тогда же, вѣроятно, покорилъ онъ и страны при-Балтійскія, куда, по извѣстіямъ сѣверныхъ лѣтописателей, мужи его ходили собирать дань.

Столько успѣшныхъ походовъ и побѣдъ требовали благодарности и жертвы богамъ. Еще въ первые лѣта своего княженія, поставилъ онъ въ Кіевѣ (а Добрыня въ Новѣгородѣ) кумиры ихъ на холму, за дворомъ теремнымъ: Перуна деревяннаго съ головою серебряною и усомъ золотымъ, Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша, предъ которыми приводились юноши и дѣвы, закалались жертвы, и оскверняласъ кровью и требами земля Русская, какъ воспоминалъ послѣ съ негодованіемъ набожный лѣтописатель.

Бояре и старцы сказали теперь: мчемъ жребій на отрока и дѣвицу; на кого падетъ онъ, того и зарѣжемъ богамъ. Жребій палъ на одного молодаго Варяга, прекраснаго лицемъ и душею. Отецъ его пришелъ съ нимъ изъ Греціи, и исповѣдывалъ

вѣру Христіанскую. Посланные объявили отцу, что сына его боги требуютъ себѣ въ жертву. Не боги они, отвѣчалъ старый Варягъ, а дерево; нынѣ есть, а завтра сгніютъ. Богъ единъ, тотъ, которому покланяются Греки, иже сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, солнце и человѣка, и далъ ему жить на землѣ, а эти боги что сдѣлали? Сами они сдѣланы руками изъ дерева. Не дамъ своего сына для бѣсовъ. Люди взволновались, услышавъ отъ посланныхъ такой отвѣтъ, схватили оружіе, и побѣжали къ дому Варягову. Онъ стоялъ съ сыномъ на сѣняхъ. Отдай сына, кричали ему люди, мы должны заколоть его богамъ. Если они боги, отвѣчалъ старикъ, пусть его возмутъ сами, а вы чего хотите? Всѣ завопили, бросились, подсѣкли сѣни подъ несчастными, — они упали, и были убиты разъяренной толпою—первые и послѣдніе мученики въ Кіевѣ, Ѳеодоръ и Іоаннъ.

Володимеръ ходилъ еще (984) на Радимичей, которыхъ побѣдилъ на рѣкѣ Пищанѣ посланный имъ впередъ воевода, прозваніемъ Волчій Хвостъ, почему Русь всегда и смѣялась надъ ними, говоря: Пищанцы волчьяго хвоста бѣгаютъ. Радимичи принуждены были возить повозъ въ Кіевъ, и возили его еще при Несторѣ.

Потомъ ходилъ онъ (985) въ лодьяхъ вмѣстѣ съ дядею своимъ Добрыней, на Волжскихъ Болгаръ, отдохнувшихъ послѣ разгрома Святославова, во время войнъ его на Дунаѣ и усобицы между его сыновьями. Хотя онъ побѣдилъ Болгаръ, но заключилъ съ ними миръ, по совѣту Добрыни, который, увидѣвъ колодниковъ въ сапогахъ, сказалъ своему племяннику: пойдемъ лучше искать лапотниковъ. Болгаре ходили ротѣ (клялись) въ сохраненіи договора, чтобъ продолжался онъ, пока камень не будетъ плавать, а хмѣль тонуть.

Послѣ всякаго такого похода возвращался Володимеръ въ Кіевъ, обремененный добычею, и начиналось у него пированье съ удалой дружиною. Онъ былъ тогда преданъ удовольствіямъ чувственнымъ: любилъ воевать, любилъ и гулять, ѣсть и пить, тѣшиться и прохлажаться. До нашего времени дошли пѣсни, кои складывались долго въ народѣ о пирахъ Володимеровыхъ.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова Князя Володимера,
А и было пированье, почетной пиръ,
Было столованье, почетный столъ,
Много на пиру было Князей, Бояръ,
И Русскихъ богатырей могучіихъ;
А и будетъ день въ половинѣ дня,
Княженецкой столъ во полу-столѣ.
Володимеръ Князь распотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черныя кудри разчесываетъ....

На пирахъ Володимеровыхъ раздавались веселыя пѣсни, играли гусли, органы; турій рогъ, наполненный виномъ, обходилъ гостей; вѣщіе бояны возлагали руки на живыя струны, и струны сами славу Князьямъ рокотали,—Олегу и Игорю, Ольгѣ и Святославу, и самому ласковому Князю Володимеру.

И Несторъ разсказываетъ объ его обѣдахъ, обильныхъ винами, медами и мясами, отъ скота и звѣрины. Воины, разхмѣлѣвъ однажды, возроптали: зло нашимъ головамъ—даютъ намъ ѣсть ложками деревянными, а не серебреными. Володимеръ, услышавъ, тотчасъ велѣлъ исковать ложки серебряныя, и сказалъ: серебромъ и золотомъ я не найду дружины, а дружиной найду серебро и золото, какъ отецъ мой и дѣдъ.

Могучіе витязи его также живутъ до сихъ поръ въ памяти народной: Илья Муромецъ, Алеша Поповичь, Чурила Пленковичь, Добрыня Никитичь и прочіе.

Но еще больше вина, пировъ, веселья и войны любилъ Володимеръ женщинъ: онъ побѣженъ былъ похотью женскою, говоритъ лѣтописецъ, и бѣша ему водимыя: Рогнѣда, отъ которой онъ имѣлъ четырехъ сыновъ— Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, и двухъ дочерей; онъ посадилъ ее на Лыбеди, гдѣ въ Несторово время находилось сельцо Предиславино.

Гордая и страстная, истая Норманка, она возревновала послѣ своимъ счастливымъ соперницамъ, а можетъ быть питала и тайную месть къ убійцѣ своего отца, матери и братьевъ. Однажды, какъ онъ пріѣхалъ къ ней на Лыбедь, и уснулъ въ ея ложницѣ, она рѣшилась его зарѣзать, занесла уже руку съ ножемъ..... Но Володимеръ проснулся случайно и удержалъ ее. Я полюбила тебя, сказала Рогнѣда, хоть ты убилъ отца моего и мать и братьевъ, и полонилъ землю ихъ для меня, но теперь ты охладѣлъ ко мнѣ и младенцу моему!... Володимеръ велѣлъ облещись ей въ царскую одежду, какъ была она въ первый день своего соединенія съ нимъ, сѣсть на постель въ храминѣ свѣтлой, и ожидать его. Трепещущая, Рогнѣда исполнила повелѣніе. Володимеръ приходитъ поразить ее, какъ вдругъ выбѣгаетъ, съ обнаженнымъ мечемъ, сынъ его, младенецъ Изяславъ, подученный матерью, и говоритъ ему: отецъ, ты здѣсь не одинъ! Володимеръ бросилъ свой мечь и сказалъ: я не зналъ того,—ушелъ, созвалъ Бояръ, и разсказалъ имъ все, что случилось. Бояре подали совѣтъ: не убивай ее ради дитяти сего, но воздвигни отчину отца ея, и отдай ей съ сыномъ твоимъ. Володимеръ послушалъ ихъ, велѣлъ построить городъ, названный Изяславлемъ, и отпустилъ туда мать и сына.

Другая жена его была Болгарыня, отъ которой имѣлъ онъ Бориса и Глѣба. Одна Чехиня родила ему Вышеслава, другая Святослава и Мстислава. Жена Ярополкова, Грекиня, приведенная его брату еще отцемъ Святославомъ, ради красоты лица ея, взята имъ была къ себѣ беременная, и родила Святополка. «Отъ грѣховнаго бо корени», замѣчаетъ Несторъ, «золъ плодъ бываетъ». Наложницъ жило у него двѣсти въ Вышегородѣ, триста въ Бѣлгородѣ, и двѣсти на Берестовѣ, гдѣ послѣ было сельце Берестовое: «и бѣ не сытъ блуда», заключаетъ Несторъ, «женолюбецъ, яко же и Соломонъ. Но Соломонъ мудръ бѣ, и наконецъ погибе; се же бѣ невѣголосъ, а наконецъ обрѣте спасеніе».

Лѣтописатель обращаетъ сими словами вниманіе на принятіе Володимеромъ Христіанской вѣры, о чемъ предано имъ (986) слѣдующее повѣствованіе:

Сосѣдніе народы, которымъ Русскій Князь сдѣлался еще страшнѣе своихъ предшественниковъ побѣдами, завоеваніями, счастьемъ, старались привлечь его на свою сторону, и войти съ нимъ въ союзъ. Вѣра казалась имъ, и очень справедливо, лучшимъ для того средствомъ. У Козаръ господствовалъ законъ Моисеевъ; Волжскіе Болгаре были Магометане; Греки хотѣли обратить Володимера къ Христіанству Восточной церкви; Нѣмцы, къ которымъ посылала посольства Ольга, и даже Ярополкъ, предлагали исповѣданіе Римское.

Прежде всѣхъ пришли Болгаре, только-что заключившіе договоръ. Ты Князь мудрый и смышленный, сказали они, а закона не знаешь. Прими законъ нашъ, и покло-

нись Бохмиту. Володимеръ спросилъ: въ чемъ состоитъ законъ вашъ? Вѣровать въ Бога, — и еще учитъ насъ Бохмитъ обрѣзаться, свинины не ѣсть, вина не пить; за то по смерти дастъ онъ всякому правовѣрному по семидесяти женъ красныхъ, и на одну изъ нихъ возложитъ красоту всѣхъ семидесяти, и та будетъ ему женою. — Володимеръ слушалъ это съ большимъ удовольствіемъ, потому что любилъ женъ, но обрѣзаніе было ему противно, отверженіе мясъ свиныхъ также не нравилось, а всего болѣе запрещеніе вина. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, Руси есть веселіе — пити; мы не можемъ быть безъ того.

Посланные отъ Папы Нѣмцы говорили: «земля твоя, какъ и земля наша, а вѣра твоя не какъ вѣра наша. Наша вѣра свѣтъ есть. Мы кланяемся Богу, иже сотворилъ небо и землю, и всякое дыханіе, а ваши боги древо. Володимеръ спросилъ: какая же у васъ заповѣдь? — Поститься по силѣ, отвѣчали они, кто ѣстъ и піетъ, все во славу Божью... Нѣтъ, прервалъ Володимеръ, возвращайтесь домой: отцы наши не знались съ вами.

Пришли Жиды Козарскіе и сказали: мы слышали, что были у тебя Болгаре и Христіане учить тебя вѣрѣ своей—мы распяли того, кому Христіане вѣруютъ, а мы знаемъ единаго Бога Авраамова, Исаакова, Іаковля. —Гдѣ земля ваша? спросилъ Володимеръ.— Въ Ерусалимѣ. Но Богъ разгнѣвался на насъ за грѣхи наши, и расточилъ по странамъ чуждымъ.—Такъ какъ же беретесь вы учить другихъ, сами отверженные Богомъ и расточенные? Еслибъ Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, такъ не расточилъ бы васъ по странамъ чуждымъ. Хотите вы, чтобъ и съ нами было то же?

Наконецъ Греки прислали къ Володимеру своего учителя, который растолковалъ ему, въ чемъ состоятъ заблужденія всѣхъ этихъ исповѣданій. Вѣра Бохмитова, сказалъ онъ, оскверняетъ небо и землю — исповѣдники ея прокляты паче всѣхъ человѣкъ. Вотъ, напримѣръ, какія скверны дѣлаютъ они, мужья и жены, поминая Бохмита... Володимеръ плюнулъ и сказалъ: нечисто есть дѣло. Мы слышали, продолжалъ учитель, что приходили къ вамъ и Римляне. Ихъ вѣра малымъ развращена съ нами: но они служатъ опрѣсноками, то есть облатками, а Господь, пріемъ хлѣбъ, предалъ Апостоламъ: сіе есть тѣло мое, за вы ломимое, потомъ *взялъ чашу* и сказалъ: се есть кровь моя Новаго Завѣта. Римляне служатъ не такъ, и слѣдовательно не исправили вѣры.

Володимеръ спросилъ: Жиды говорятъ, что они распяли того, кому вы съ Нѣмцами вѣруете. Учитель отвѣчалъ: правда—Жиды распяли нашего Спасителя, но за то и пріяли наказаніе; грады ихъ разбиты, они расточены и работаютъ иноплеменникамъ; мы вѣруемъ Ему; ибо Его предрекали Пророки, яко Богу родитися, распяту быти и погребену, и въ третій день воскреснути, и взыти на небо.

Но за чѣмъ же Богъ сходилъ на землю, спросилъ Володимеръ, и принималъ такія страсти?

Если ты хочешь слушать, отвѣчалъ учитель, то я объясню тебѣ.

Я радъ слушать, сказалъ любопытный Володимеръ.

И учитель началъ объяснять ему преданіе Моисея о созданіи міра, о паденіи ангеловъ, о твореніи человѣка, о первородномъ грѣхѣ, о патріархахъ, о потопѣ и столпотвореніи, о вѣрѣ Авраамовой и обѣтованіяхъ ему Бо-

жіихъ, о переселеніи Израильтянъ въ Египетъ, о изведеніи ихъ Моисеемъ въ землю обѣтованную, о судіяхъ и царяхъ, о Давидѣ и Соломонѣ, о явленіи Пророковъ, которыхъ старался представить ему какъ можно разительнѣе. Онъ передалъ сначала пророчества о наказаніи Израиля.

Первый началъ пророчествовать Осія: тако глаголетъ Господь—преставлю царство дому Израилеву, сокрушу лукъ Израилевъ.... отвергнуся ихъ и будутъ блудяще во языцѣхъ. Іезекіиль сказалъ: разсѣю вы вся останки ваши во вся вѣтры.

Потомъ предрекали Пророки призваніе народовъ иныхъ къ принятію благословенія Господня. Исаія сказалъ: откроетъ Господь мышцу свою предъ всѣми языки, и узрятъ всѣ концы земли спасенье отъ Бога нашего. Давидъ воспѣвалъ: хвалите Господа вси языки и похвалите его вси людіе.

Наконецъ возвѣстили они явленіе Бога во плоти. Давидъ возгласилъ: рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножью ногама твоима. Исаія: се Дѣва во утробѣ зачнетъ и родитъ сына, и назовутъ имя ему Еммануилъ. Ездра: благословенъ Господь, руцѣ разпростеръ свои, спасъ Ерусалима.

Предречено было и воскресеніе. Давидъ пѣлъ: Воскресни, Господи Боже мой, и да вознесется рука твоя.

Володимеръ слушалъ рѣчь учителя съ глубокимъ вниманіемъ и спросилъ: сбылось ужъ это все, или еще теперь сбывается?

Сбылось все, отвѣчалъ учитель. Въ лѣто 5500 отъ сотворенія міра посланъ бысть Архангелъ Гавріилъ въ Назаретъ, къ Дѣвѣ Маріи, отъ колѣна Давидова, рещи ей: радуйся, обрадованная, Господь съ тобою. И при семъ глаголѣ зачатъ она Слово Божіе во утробѣ, и породи Сына, нарече имя ему Іисусъ. Волхвы отъ востока пришли поклониться ему, а Иродъ царь хотѣлъ умертвить его. По гласу Божіему отроча спасено бѣгствомъ въ Египетъ, но по смерти Ирода святое семейство возвратилось въ Назаретъ. Возрастшу Іисусу и бывшу лѣтъ тридесяти, крестился онъ въ Іорданѣ отъ Іоанна Предтечи.... и се отверзошася небеса, и Духъ сходящъ зракомъ голубинымъ нань, и гласъ услышанъ: Сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ. Іисусъ началъ проповѣдывать слово Божіе, творя чудеса: хромые ходили, слѣпые прозирали, прокаженные очищались, мертвые воскресали по слову его. Архіереи и книжники исполнились къ нему зависти, и обвинили въ богохульствѣ. Онъ былъ распятъ въ Іерусалимѣ на Голгоѳѣ,—и бысть тьма по всей земли отъ шестаго часа и до девятаго, завѣса церковная раздралася, и многіе мертвые возстали. Въ девятомъ же часу испустилъ Онъ духъ, а на третій день воскресъ.

Но для чего ему было родиться отъ жены, спросилъ Володимеръ, удивляясь болѣе и болѣе словамъ Грека, для чего былъ Онъ распятъ на древѣ, для чего крестился водою?

Для того отъ жены, толковалъ учитель, что исперва родъ человѣческій согрѣшилъ женою, когда діаволъ прельстилъ Евою Адама, и отпаде рая. Теперь Богъ, воплотившись отъ жены, открылъ путь человѣку въ рай. На древѣ Онъ распятъ былъ для того, что исперва человѣкъ погибъ, вкусивъ отъ древа, а теперь, когда Богъ пріялъ смерть на древѣ, древомъ побѣжденъ діаволъ. Обновленіе водою, для того, что водою было и первое наказаніе. Сего ради рече Богъ: понеже погубихъ водою человѣка грѣхъ ихъ

ради, нынѣ же паки водою очищу грѣхи человѣкамъ. Слушай далѣе:

По воскресеніи Іисусъ Христосъ явился ученикамъ своимъ, и послалъ ихъ во вся языки, паучать ихъ, крестяще во имя Отца и Сына и Святаго Духа. На пятидесятый день снизшелъ по обѣтованію Духъ Святый на Апостоловъ, и они разошлись по вселенной.... проповѣдывать и учить народы, отъ нихъ научились и мы Греки.

Христосъ грядетъ паки съ небеси судити живымъ и мертвымъ, и воздать каждому по дѣламъ его—праведникамъ даруетъ онъ царство небесное, красоту неизреченную, веселье безъ конца, и не умирать во вѣки; грѣшникамъ, невѣрующимъ во имя его, страданія огненная, и червь неусыпаяй, и мукѣ не будетъ конца.

Сказавъ это, учитель развернулъ предъ Володимеромъ картину, изображающую страшный судъ, и указалъ ему одесную праведниковъ, идущихъ въ рай, и на другой сторонѣ, ошуюю, грѣшниковъ, посланныхъ въ адъ.

Съ тяжелымъ вздохомъ, въ глубокомъ размышленіи, сказалъ Володимеръ, разсматривая картину: Счастливы тѣ—одесную, горе симъ—ошуюю.—Крестись, прервалъ учитель, если хочешь стать одесную съ праведными. Володимеръ отвѣчалъ: дай мнѣ время,—и осыпавъ Грека дарами, отпустилъ съ честію.

Причина медленности его была слѣдующая: онъ долженъ былъ знать мнѣніе своей дружины, бояръ и старцевъ, безъ которыхъ не могъ рѣшать ничего. Онъ созвалъ ихъ, и сообщилъ предложенія Болгаръ, Жидовъ и Нѣмцевъ, которые всѣ хвалили законы свои. Греки же хулятъ ихъ, а превозносятъ только свой. Много толковалъ учитель ихъ о началѣ всего міра, хитро сказующе, и чудно его слушати, и любо. Онъ говоритъ, что есть еще другой свѣтъ, и если кто вступитъ въ ихъ вѣру, то, умерши, оживетъ, и не умретъ послѣ во вѣкъ, а кто послушается другаго закона, тотъ будетъ горѣть на томъ свѣтѣ. Вотъ что я услышалъ.... какъ вы разсудите?

Бояре и старцы отвѣчали: ты знаешь, Князь, что своего никто хулить не станетъ, но хвалитъ всегда. Если хочешь узнать истину, то — у тебя есть мужи, — пошли испытать гораздо, какъ кто служитъ Богу.

И этотъ совѣтъ поправился Князю и всѣмъ людямъ.

Избранные мужи, добрые и смысленные, числомъ десять, обошли всѣ страны, были у Болгаръ, потомъ у Нѣмцевъ, и наконецъ пришли къ Грекамъ.

Императоръ, узнавъ о цѣли ихъ прибытія въ Константинополь, повелѣлъ явить богослуженіе во всей лѣпотѣ. Патріархъ облачился въ святительскія ризы; свѣтильники пылали во храмѣ святыя Софіи; кадила благовонныя дымились, согласные лики славословили Господа. Пословъ поставили на возвышенномъ мѣстѣ, показывали имъ всю красоту церковную, и объясняли значеніе всѣхъ дѣйствій. Они были въ изумленіи, дивились, и не находили словъ для выраженія своихъ чувствованій.

Когда они возвратились въ Кіевъ, Володимеръ велѣлъ имъ разсказать о видѣнномъ передъ дружиною, боярами и старцами. Они начали: у Болгаръ законъ нехорошъ. Въ ропатѣ они стоятъ безъ поясовъ. Поклонившись садятся, и поворачиваются по сторонамъ какъ бѣшеные. Радованія нѣтъ никакого, а развѣ печаль. Нѣмцы служатъ въ храмахъ долго, но безъ красоты. А когда Греки привели насъ туда, гдѣ они покланяются своему Богу, то мы не узнали, на

землѣ-ль мы были, или на небѣ. Нигдѣ нѣтъ такого вида и такой красоты, которыхъ разсказать мы не умѣемъ; увѣрены только, что здѣсь пребываетъ Богъ съ людьми, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Всякой человѣкъ, вкусивъ сладкое, не приметъ горечи, такъ и мы....

Бояре, выслушавъ повѣствованіе, сказали: въ самомъ дѣлѣ, еслибы Греческій законъ не былъ лучше всѣхъ, то бабка твоя Ольга не приняла бы его: она была вѣдь мудрѣе всѣхъ людей.

Гдѣ же намъ креститься? спросилъ Володимеръ. Гдѣ тебѣ угодно, отвѣчала дружина.

Въ слѣдующемъ году Володимеръ пошелъ на Корсунь, Греческій городъ, и осадилъ его, ставъ съ ладьями своими въ Лимени. Корсунцы защищались храбро, и Русскій Князь велѣлъ приспу сыпати ко граду. Жители, подрывшись подъ стѣною, уносили землю ночью въ городъ, и работа не имѣла успѣха, какъ вдругъ одинъ измѣнникъ, по имени Анастасъ, далъ знать оттуда съ пущенною стрѣлою, чтобъ Русскіе перекопали колодцы, изъ которыхъ трубами проведена вода въ городъ. Совѣтъ исполненъ, и люди, томимые жаждой, сдались.

Взявъ городъ, Володимеръ тотчасъ послалъ пословъ къ Греческимъ Императорамъ, Василью и Константину, требовать сестры ихъ, царевны Анны, себѣ въ супружество, грозя въ случаѣ отказа взять Константинополь, какъ теперь взялъ Корсунь. Императоръ изъявилъ свое согласіе съ условіемъ, чтобъ онъ принялъ Христіанскую вѣру: иначе Христіанкѣ нельзя сопрягаться узами брака съ язычникомъ. Крестись, велѣли они сказать ему, и получишь сестру нашу и царство небесное. Я готовъ креститься, отвѣчалъ Володимеръ, потому что люба мнѣ вѣра ваша, и посланные мои, испытавъ, одобрили ее, присылайте сестру вашу съ людьми, которые окрестятъ меня.

Но Царевна отказывалась: лучше мнѣ умереть здѣсь, говорила она, чѣмъ идти въ этотъ плѣнъ. Братья старались убѣдить ее святостію подвига, если она всю землю Русскую приведетъ къ Богу, а вмѣстѣ съ тѣмъ избавитъ свое отечество отъ лютыя рати, отъ всѣхъ бѣдствій, кои причинила ему Русь, и грозитъ нанести впередъ.

Плача и рыдая прощалась юная царевна съ своими родственниками, и сѣла горестная въ кувару, уносившую ее изъ прекрасной родины, по волнамъ Чернаго моря, во власть какого-то неизвѣстнаго страшнаго витязя, въ страну суровую, къ народу необразованному.

Корсунцы встрѣтили Анну и сопровождавшихъ ее священниковъ и вельможъ съ поклонами и великою честію, ввели въ городъ, и проводили въ приготовленную палату.

Епископъ Корсунскій съ священниками, прибывшими съ Царевною изъ Константинополя, огласивъ Володимера, и предавъ ему символъ вѣры, совершилъ надъ нимъ таинство святаго крещенія, въ церкви святаго Василія, стоявшей среди торговой площади. Говорили, что Володимеръ, заболѣвшій передъ тѣмъ глазами, прозрѣлъ въ самую минуту крещенія, и, изумленный, сказалъ; теперь-то узналъ я Бога истиннаго. Многіе изъ дружины его, совершенно свободные въ образѣ своихъ дѣйствій, почтя чудомъ его внезапное исцѣленіе, тутъ же крестились.

Во время Нестора ходили уже разные толки о мѣстѣ крещенія Володимерова: одни говорили, что онъ крестился въ Кіевѣ, другіе въ Василевѣ, но Печерскій инокъ рѣшительно утверждаетъ, что это было въ

Корсунѣ, гдѣ при немъ еще были цѣлы палаты Володимера и Царевны.

По совершеніи крещенія совершенъ былъ бракъ.

Скоро Володимеръ съ новобрачной «царицей» оставилъ Корсунь, возвращенный Грекамъ за вѣно. Съ собою взялъ онъ Анастаса, помогшаго ему взять городъ, нѣсколько поповъ, мощи св. Климента и Ѳива, ученика его, иконы на благословенье себѣ, сосуды церковные, два мѣдяныя капища и четырехъ коней мѣдяныхъ. Въ Корсунѣ велѣлъ онъ поставить церковь на горѣ, которую ссыпали жители землею, уношенной изъ его вала.

Лишь только возвратился Володимеръ въ Кіевъ, какъ и велѣлъ низпровергнуть кумиры, одни сжечь, другіе истребить, а главнаго, Перуна, привязать къ конскому хвосту, и волочить съ горы по Боричеву взвозу на ручай, съ ручая же въ Днѣпръ. Невѣрные люди плакали, провожая кумиръ, пущенный по рѣкѣ. Князь приставилъ двѣнадцать человѣкъ отрѣвать его отъ берега, пока не пройдетъ пороги. За порогами выбросило кумиръ на берегъ, и то песчаное мѣсто долго называлось въ народѣ Перуновой рѣлью.

На другой день велѣлъ Володимеръ сзывать жителей всего города къ рѣкѣ, говоря: если кто не окажется на рѣкѣ, богатый или убогій, нищій, работникъ, тотъ будетъ мнѣ противенъ. Люди собрались съ радостію, толкуя про себя: еслибъ это было не хорошо, то Князь и бояре не сдѣлали бы того.

Поутру вышелъ Володимеръ на Днѣпръ съ попами Царицыными и Корсунскими, съ сыновьями и боярами. Народу множество, безъ числа, толпилось на берегу, — и начался торжественный обрядъ крещенія. Священники читали молитвы, лики пѣли: во Христа крещаются, во Христа облекаются, — всѣ люди, мужчины и женщины, старые и молодые, бросились въ воду, и стали кто по шею, кто по грудь, дѣти близь береговъ, младенцы на рукахъ у матерей. Великій Князь, поднявъ глаза къ небу, воскликнулъ: Господи Боже, сотворивый небо и землю! Призри на новыхъ людей твоихъ, и дай имъ увѣдѣти тебя, Бога истиннаго, какъ увѣдали прочіе народы христіанскіе, и помоги мнѣ на супротивнаго врага, да побѣжу козни его.

Вотъ была радость, на небеси и на землѣ, говоритъ съ восторгомъ благочестивый лѣтописецъ, видѣть столько душъ спасаемыхъ! «Благъ Господь и во вѣки милость его..... Рече Господь, яко радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся: се же не единъ, ни два, но безчисленное множество къ Богу приступиша, избавлени отъ прелести діавола. И погибе память его съ шумомъ, а Господь пребываетъ во вѣки, хвалимъ отъ Русскихъ сыновъ—новіи люди хрестьянстіи, избранніи Богомъ!»

Володимеръ велѣлъ строить церкви по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ стояли идолы. На Перуновомъ холму, куда приходили Князь и люди творить требы богамъ, поставленъ былъ храмъ Святаго Василія, коего имя получилъ онъ при крещеніи. Тогда же и по прочимъ городамъ и селамъ начали приводить людей на крещеніе и ставить церкви: разсылались священники, дѣти у нарочитой чади отдавались въ ученье книжное.

Исполнилось пророчество въ Русской земли: въ оны дни услышатъ глусіи словеса книжная, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ.

Такъ крестился Володимеръ, и сыны его, и вся почти земля Русская, мирно, безпрекословно, въ духѣ кротости и послушанія, не пріявъ въ душу сѣменъ воздѣйствія.

Володимеръ, поживъ нѣсколько времени въ законѣ христіанскомъ, пожелалъ создать великолѣпную церковь, подобную той, какую видѣлъ въ Корсунѣ. Мѣсто было избрано окропленное кровію мучениковъ. Шесть лѣтъ мастерами Греческими строилась церковь, которой основаніе, сокрытое въ землѣ, удивляетъ до сихъ поръ своимъ пространствомъ и соразмѣрностью. Володимеръ отдалъ въ нее все, что привезъ изъ Курсуня—иконы, сосуды, кресты, и поручилъ ее Анастасу Корсунянину, приставивъ поповъ Корсунскихъ, опредѣлилъ ей десятую часть отъ всего имѣнія и всѣхъ городовъ своихъ. Освященіе церкви было совершено съ великимъ торжествомъ. Для бояръ и старцевъ людскихъ устроено было въ тотъ день великое пиршество, а нищимъ раздана богатая милостыня.

Греція, и еще болѣе, сосѣдняя, единоплеменная Болгарія, уже давно просвѣщенная Христіанскимъ ученіемъ, имѣвшая многихъ знаменитыхъ учителей, преемниковъ святыхъ Кирилла и Меѳодія, доставляли намъ первыхъ священниковъ, пылавшихъ огнемъ обращенія, какъ бывало вездѣ съ первыми Христіанами. Они принесли съ собою священныя книги, Евангеліе, Апостолъ, литургію, писанія отцевъ церкви—на родномъ языкѣ, посредствомъ коего какъ бы нѣкіимъ чудомъ раскрылся вдругъ предъ очами новообращенныхъ Христіянъ Русскихъ новый, прекрасный, удивительный міръ любви, премудрости, святыни, — и души простыя, добрыя, смиренныя, уготованныя, приняли божественное сѣмя, со страхомъ и вѣрою, и оно дало имъ плодъ сторичный.

Таковъ былъ изъ первыхъ самъ Володимеръ, который вдругъ какъ будто переродился, и началъ иную жизнь. Жестокосердый, сладострастный, кровожадный, преданный піанству, онъ сдѣлался умѣренъ, воздерженъ, кротокъ, человѣколюбивъ. Всякое слово, имъ слышанное въ церкви, проникало ему въ сердце, и оказывалось чудодѣйственнымъ. Слышалъ ли онъ въ Евангеліи: не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже тля тлитъ и татіе подкапываютъ, но скрывайте себѣ сокровище на небесахъ, идѣже ни тля тлитъ, ни татіе подкапываютъ,— и онъ приказывалъ всѣмъ нищимъ и убогимъ приходить на дворъ княжій, и брать себѣ все что нужно, пищу и питье, одежду и куны изъ скотницъ. Распорядясь такъ, онъ все еще былъ недоволенъ, ибо больные и немощные не могутъ, говорилъ онъ, дойдти до моего двора. Что же онъ сдѣлалъ? Онъ велѣлъ пристроить воза, накладывать на нихъ хлѣба, мяса, рыбы, всякаго овощу, квасу и меду въ боченкахъ, и возить по городу. Изъ улицы въ улицу разъѣзжали его хлѣбодары и спрашивали: гдѣ больные и нищіе, не могіе ходити,—и раздавали всѣмъ, кому что надо.

Точно также получивъ понятіе изъ Священнаго Писанія о драгоцѣнности человѣческой жизни, онъ не хотѣлъ казнить смертію даже разбойниковъ. Сами Епископы насилу могли убѣдить его, чтобъ усугубилъ строгость, ибо вслѣдствіе послабы умножились разбои. Боюсь грѣха, отвѣчалъ онъ имъ. Ты поставленъ отъ Бога, объясняли духовные, на казнь злымъ, а добрымъ на милованье. Наказывать разбойника можно, только съ испытомъ,—и Володимеръ едва уступилъ ихъ доказательствамъ.

И бранный духъ Володимеровъ, кажется, угасъ. Впродолженіи двадцати пяти лѣтъ остальной его жизни лѣтопись упоминаетъ въ двухъ словахъ объ одномъ походѣ его

на Хорватовъ, (въ 993 году), вѣроятно по какой-нибудь особой причинѣ; онъ жилъ въ мирѣ со всѣми сосѣдними государями: съ Болеславомъ, королемъ Лядскимъ, Андреемъ Чешскимъ, Стефаномъ Угорскимъ.

Только съ Печенѣгами была рать безъ перестани. Эти варвары размножились въ привольныхъ степяхъ Черноморскихъ, принимали къ себѣ единоплеменниковъ изъ внутренней Азіи, и безпрестанно нападали на Русскія владѣнія изъ-за Днѣпра, Десны и Сулы.

Володимеръ, лишь только водворился въ Кіевѣ, какъ началъ брать противъ нихъ мѣры, и поставилъ множество городовъ по Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, населилъ ихъ мужами лучшими отъ Словенъ, Кривичей, Чуди и Вятичей, чтобъ преграждать ихъ набѣги до Кіева; иногда принужденъ онъ бывалъ ходить въ Новгородъ, чтобъ нанимать оттуда верховныхъ воевъ, то-есть Норманновъ.

О войнахъ Печенѣжскихъ ходили въ народѣ разныя повѣсти; одна (993) кончилась, по преданію, поединкомъ, предложеннымъ отъ Печенѣговъ. Володимеръ послалъ бирючей по своимъ товарамъ (стану), вызывать охотниковъ, но никто не являлся, что его весьма огорчало. Наконецъ уже пришелъ одинъ старикъ, которыя разсказывалъ, что у него остался дома сынъ, меньшой, раздирающій воловью кожу руками, и никогда никѣмъ не осиленный. Князь велѣлъ привести его, и спросилъ, можетъ ли онъ побороться съ Печенѣжиномъ. Я не знаю, Князь, могу ли, отвѣчалъ молодой человѣкъ, испытайте! Выпустили на него сильнаго быка, разъяривши его каленымъ желѣзомъ. Силачъ схватилъ его на бѣгу рукою за тѣло, и вырвалъ кусокъ мяса съ кожею «елико рука зая». Опытъ ободрилъ Русь. Въ назначенный день Печенѣжинъ явился, и посмѣялся, увидя предъ собою малорослаго соперника: «бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ». Размѣрено мѣсто между полками. Бойцы сошлись и схватились крѣпко другъ за друга. Русинъ удавилъ Печенѣжина «въ руку до смерти», и потомъ ударилъ о земь. Наши крикнули и бросились на Печенѣговъ, которые обратились въ бѣгство. Володимеръ заложилъ городъ на бродѣ томъ, и назвалъ его Переяславлемъ, потому что юноша переялъ здѣсь славу, а его, равно какъ и отца, «сотвори мужемъ великимъ».

По прошествіи трехъ лѣтъ Печенѣги напали вновь на Русь, при чемъ самъ Володимеръ едва избѣгнулъ опасности: онъ вышелъ было противъ нихъ съ маломъ дружины изъ Василева города, не за долго имъ основаннаго на рѣкѣ Стугнѣ, и не могъ выдержать ихъ натиска, бѣжалъ, и едва успѣлъ скрыться подъ мостомъ. Трепеща за свою жизнь, онъ обѣщался поставить церковь Сватаго Преображенія въ Василевѣ, (это было въ день Преображенія), если Богъ избавитъ его отъ гибели. Печенѣги проскакали мимо, и Володимеръ спасся; онъ сотворилъ праздникъ великъ для бояръ, посадниковъ, старѣйшинъ и многихъ людей, на которомъ выпито триста варь меду, и роздано убогимъ полтораста фунтовъ серебра. Пиръ продолжался восемь дней, послѣ коихъ къ Успенью Князь воротился въ Кіевъ, гдѣ начались новыя празднества для безчисленнаго множества народа. Церковь во славу Преображенія Господня построена немедленно въ Василевѣ. Такъ онъ былъ радъ своему нечаянному избавленію!

О послѣднемъ набѣгѣ Печенѣговъ сохранилось преданіе, совершенно баснословное. Володимеръ уѣхалъ въ Новгородъ нанимать Нор-

манновъ; Печенѣги, провѣдавъ объ его отсутствіи, осадили Бѣлгородъ. Голодъ началъ стѣснять осажденныхъ. Созвано было вѣче, на которомъ положено сдаться. Одинъ старикъ, не бывшій на вѣчѣ, узнавъ объ этомъ рѣшеніи, упросилъ старѣйшинъ подождать еще три дня, и исполнить между тѣмъ, что̀ онъ имъ скажетъ. Тѣ согласились. Старикъ велѣлъ выкопать два колодезя, потомъ снесть къ нимъ по горсти овса, пшеницы и отрубей, изъ чего женщины должны были сдѣлать цѣжь, и опустить въ кадкѣ въ одинъ колодецъ; въ другой колодезь поставить кадку съ сытою, взявъ меду изъ княжей медуши,—и потомъ звать Печенѣговъ, чтобъ они пришли посмотрѣть, что̀ дѣлается въ городѣ. Печенѣги подумали, что граждане хотятъ сдаваться, оставили у себя заложниковъ, и пошли вдесятеромъ. Ихъ привели къ колодезямъ. Посмотрите, сказали Бѣлогородцы, какое у насъ обиліе въ городѣ; хотя больше десяти лѣтъ простоите вы подъ стѣнами, вы намъ ничего не сдѣлаете. Мы имѣемъ кормлю изъ земли. Съ сими словами зачерпнули они цѣжи ведромъ, налили въ лотки, и сварили кисель. Потомъ привели къ другому, и почерпнувъ сыты, начали ѣсть сами и подчивать Печенѣговъ. Тѣ отвѣдали, удивились и сказали, что Князья имъ не повѣрятъ. Бѣлогородцы почерпнули еще, налили корчагу цѣжи и сыты, и послали Князьямъ. Князья сварили, съѣли, и рѣшили, что стоять имъ подъ городомъ безполезно, сняли осаду, размѣняли талей и ушли.

Послѣ этой войны семнадцать лѣтъ жизни Володимера у Нестора не описано. Вѣроятно «ничто же бысть». Замѣчена только кончина какой-то Малфриды, (вѣроятно одной изъ прежнихъ женъ Володимеровыхъ), знаменитой Рогнѣды (997), сына ея Изяслава (998), внука Всеслава (999), и наконецъ Царицы Володимеровой Анны (1011).

Сыновья его княжили въ удѣлахъ, розданныхъ имъ очень рано, подъ наблюденіемъ кормильцевъ, и платили урочную дань отцу: Ярославъ въ Новѣгородѣ, куда перешелъ онъ изъ Ростова, по кончинѣ старшаго брата Вышеслава, Святополкъ въ Туровѣ, Борисъ въ Ростовѣ послѣ Ярослава, Глѣбъ въ Муромѣ, Святославъ въ Деревахъ, Всеволодъ во Владимирѣ, Мстиславъ въ Тмутаракани...

Въ послѣдній годъ своей жизни (1015) Володимеръ былъ огорченъ ослушаніемъ сына Ярослава, который, понадѣясь на силу Новогородскую и помощь Варяговъ, или на старость отца и свое отдаленіе отъ него, не хотѣлъ платить двухъ тысячъ гривенъ, что̀ Новогородскіе посадники платили урокомъ Кіевскому Князю, раздавая тысячу гридямъ въ Новѣгородѣ. Володимеръ разсердился. Теребите путь, мостите мосты, воскликнулъ старой Князь, сбираясь самъ идти на войну, какъ будто закипѣла въ немъ прежняя кровь, вспомнилось передъ смертью давнопротекшее время, и ему вдругъ захотѣлось потѣшиться въ бранномъ полѣ,—но силы ему измѣнили, онъ занемогъ. Между тѣмъ пришло извѣстіе съ другой стороны, что идутъ Печенѣги. Володимеръ долженъ былъ пока оставить безъ наказанія дерзкаго сына, звавшаго между тѣмъ Норманновъ, и послать свою дружину противъ Печенѣговъ, съ любимымъ сыномъ Борисомъ, который находился тогда въ Кіевѣ.— Онъ не могъ уже дождаться ихъ возвращенія: 15 Іюля, 1015 года, онъ скончался въ любимомъ сельцѣ Берестовомъ, лѣтъ шестидесяти слишкомъ отъ рожденія.

Бояре хотѣли скрыть его смерть, потому что Святополкъ Туровскій случился на ту пору въ Кіевѣ, а они ожидали Бориса,

желая его посадить на престолъ: ночью, обвертѣвъ тѣло покойника въ коверъ, спустили его по веревкамъ сквозь проиманный накатъ, и отвезли на саняхъ въ Соборъ Пресвятой Богородицы, имъ созданный. Но народъ поутру же провѣдалъ о кончинѣ: безчисленное множество собралось въ церковь; бояре плакали о Володимерѣ, какъ защитникѣ своей земли; бѣдные какъ о своемъ кормильцѣ и заступникѣ. Тѣло его положено въ мраморный гробъ, отпѣто и погребено съ плачемъ великимъ.

Се есть новый Константинъ великаго Рима, восклицаетъ лѣтописатель, заключая его жизнеописаніе. Хоть онъ и желалъ прежде на скверную похоть, но послѣ прилѣпился покаянію; согрѣшенія, содѣланныя въ невѣжествѣ, разсыпались милостынями, и тамъ преизобиловала благодать, гдѣ умножился грѣхъ. Дивно есть, сколько добра сотворилъ онъ Русской землѣ, крестивъ ее. Вѣчную память сохранятъ о тебѣ Русіи сынове, помнная святое крещеніе!

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛКЪ.

(1015—1019).

Во время кончины Великаго Князя Володимера, Святополку, его усыновленному племяннику, случилось быть въ Кіевѣ. Имѣвъ право на столъ великокняжескій, какъ сынъ старшаго брата Володимера, Ярополка, онъ остался въ Кіевѣ, созвалъ Кіянъ и началъ одѣлять ихъ дарами. Тѣ принимали дары неохотно: сердце ихъ было съ братьями въ дружинѣ Борисовой. Святополкъ долженъ былъ опасаться, чтобъ этотъ любимый Князь, имѣя съ собою сильную рать, не лишилъ его отчины, согласно съ желаніемъ людей и бояръ, даже скрывавшихъ долго отъ Святополка кончину Великаго Князя. Можетъ быть, говорилъ въ немъ и тайный голосъ мести за отца Ярополка, убитаго Володимеромъ. Какъ бы то ни было, онъ рѣшился погубить Бориса измѣною. Ночью, отай, ушелъ онъ въ Вышгородъ, и призвалъ Путшу съ Вышегородскими боярцами. Преданы ли вы мнѣ всѣмъ сердцемъ? спросилъ ихъ Святополкъ. Готовы умереть за тебя, отвѣчали они. Ступайте жъ въ станъ Борисовъ и убейте его. Тѣ обѣщали.

Борисъ, не найдя нигдѣ Печенѣговъ, возвращался съ своими воями, какъ пришла къ нему вѣсть о смерти отца. Онъ плакалъ горько, потому что отецъ любилъ его больше всѣхъ братьевъ,—и остановился на Альтѣ (близъ Переяславля). Воины приступили къ нему: спѣши въ Кіевъ и садись на столѣ отнемъ. — Нѣтъ, не могу я поднять руки на брата старѣйшаго, отвѣчалъ Борисъ. Онъ долженъ быть мнѣ въ отца мѣсто. Такой смиренный отвѣтъ не могъ нравиться дружинѣ, любившей власть, богатство и войну. Отъ робкаго всѣ ушли къ смѣлому, и Борисъ остался съ одними отроками.

Приходитъ другое извѣстіе: хотятъ погубить тебя. Борисъ, вѣроятно христіанинъ съ младенчества, воспитанный въ правилахъ Евангельскаго ученія матерію Болгарыней, не думалъ о сопротивленіи,—которое, за отбытіемъ дружины, становилось даже безполезнымъ,—а только о пріуготовленіи къ христіанской кончинѣ. Вѣнецъ мученическій былъ ему всего вожделѣннѣе. Услышавъ смертную вѣсть, провелъ онъ всю ночь въ священныхъ пѣснопѣніяхъ. Кончивъ оксапсальму, онъ воспѣлъ канунъ, и смотря на образъ Распятія, висѣвшій въ его шатрѣ, произнесъ молитву: Господи Іисусе Христе,

благоволивый принять вольную страсть грѣхъ ради нашихъ, сподоби и меня принять смерть отъ руки брата моего, и не сотвори ему въ томъ грѣха. Помолясь, онъ легъ на одръ. Убійцы, какъ дикіе звѣри, ворвались въ шатеръ, и пронзили копьями его, и любимаго отрока Георгія, родомъ Угрина, котораго Борисъ имѣлъ всегда при себѣ, и возложилъ ему на шею золотую гривну. Не могши снять ее съ шеи, они отрубили ему голову, и потомъ избили многихъ другихъ отроковъ. Бориса, еще дышущаго, обвертѣли въ шатеръ, положили на кола, и повезли къ Вышгороду. Святополкъ, узнавъ, что онъ дышетъ, выслалъ двухъ Варяговъ «прикончать» его. Одинъ поразилъ его мечемъ въ сердце. Тѣло Борисово похоронили тайно при церкви Святаго Василія въ Вышгородѣ. Имена убійцъ лѣтописатель предалъ проклятію: Путша, Талецъ, Еловецъ, Ляшко.

Святополкъ могъ ожидать мести отъ роднаго Борисова брата, по отцу и матери, Глѣба, Князя Муромскаго. Надо было извести и его, для предупрежденія опасности. Онъ послалъ звать Глѣба, яко бы къ отцу, занемогшему. Глѣбъ, «сѣдъ вборзѣ на коня», пошелъ съ малою дружиною, «бѣ бо послушливъ отцю». На дорогѣ изъ Мурома близъ Волги спотнулся у него конь, и онъ надломилъ себѣ ногу, однако же поѣхалъ далѣе, достигъ Смоленска, который былъ тогда перепутьемъ между городами Русскими, сѣверными, южными и восточными. Оттуда поплылъ онъ, какъ обыкновенно, водою, и остановился на Смядинѣ въ насадѣ, въ виду еще отъ города. Здѣсь дошло до него извѣстіе отъ Ярослава, увѣдомленнаго сестрою Предславою, изъ Новагорода, что отецъ ихъ умеръ, что братъ Борисъ убитъ Святополкомъ, и что онъ не долженъ идти въ Кіевъ. Глѣбъ облился горячими слезами, и по отцѣ, и особенно по братѣ, съ которымъ связанъ былъ узами крови, и отъ котораго, по старшинству, получалъ продолженіе материнскихъ наставленій о высокой христіанской добродѣтели. Увы мнѣ, Господи, говорилъ онъ, какъ передаетъ лѣтописецъ, лучше умереть мнѣ съ братомъ любимымъ, нежели остаться одному на этомъ суетномъ свѣтѣ. Гдѣ слова его, кои говорилъ онъ мнѣ? Я ужъ не услышу его сладкаго наказанія. О братъ мой! если получилъ ты дерзновеніе у Бога, умоли, чтобъ и мнѣ принять такую же мученическую смерть!

Она была уже близка! Послайцы Святополковы плыли по Днѣпру, окружили кораблецъ Глѣбовъ, и обнажили мечи. Отроки его оробѣли. Начальникъ убійцъ, Горясѣръ, закричалъ имъ, чтобъ они убили своего Князя. Поваръ Глѣбовъ, именемъ или родомъ Торчинъ, вынулъ тотчасъ ножъ, и зарѣзалъ его. Тѣло брошено на берегу между двумя колодами, а потомъ, чудесно узнанное, отвезено къ братнему въ Вышгородъ—два христіанина, принявшіе новое ученіе къ сердцу, приложившіе слово къ жизни, и запечатлѣвшіе кровію преданность святому закону.

Святополкъ послалъ убить еще третьяго брата, Святополка Древлянскаго, который бѣжалъ было въ Угры, но былъ настигнутъ въ горахъ,—и началъ княжить въ Кіевѣ, раздавая людямъ корзна, куны и всякое богатство.

Между тѣмъ какъ эти происшествія слѣдовали одно за другимъ въ Кіевѣ, въ Новѣгородѣ Ярославъ, находившійся въ короткихъ связяхъ съ Норманнами, и желавшій утвердить оныя еще болѣе, вступилъ въ супружество съ Ингигердою, дочерью Олава, Короля Шведскаго (1019). Долго длились переговоры. Отецъ далъ согласіе первому посольству Ярославову; но невѣста, по свидѣ-

тельству Норманскихъ лѣтописей, предъявляла однѣ условія за другими: сперва потребовала она себѣ за вѣно городъ Альдейгаборгъ съ принадлежащею къ нему областію. Послы Гольмгарда, (такъ назывался у Норманновъ Новгородъ), обѣщали ей именемъ своего князя. Тогда она потребовала, чтобы ей позволено было выбрать въ Швеціи знаменитаго мужа, который поѣхалъ бы съ нею, и получилъ на Руси тотъ же санъ и силу, какую имѣлъ на родинѣ. Послы и Князь согласились. Она назначила въ спутники себѣ родственника Рагнвальда, чего весьма не хотѣлось ея отцу, но она настояла на своемъ требованіи: Рагнвальдъ былъ отпущенъ и получилъ Ладогу, которую долго держалъ съ честію, платив дань Ярославу.

Норманны, призванные Ярославомъ на помощь противъ отца, наглые и буйные, оставшись у него на службѣ, причиняли насиліе Новогородцамъ и женамъ ихъ. Тѣ не могли долго сносить обидъ, встали и избили ихъ на дворѣ Парамонѣ. Ярославъ озлобился: онъ чаялъ спасенія только отъ своихъ воинственныхъ наемниковъ, и долженъ былъ даже отвѣчать нѣкоторымъ образомъ за ихъ гибель, предъ всѣми ихъ единоплеменниками. Тая гнѣвъ, онъ уѣхалъ на Ракому, въ загородное свое село, на берегу Волхова, и лестію призвалъ къ себѣ главныхъ Новогородцевъ, которые изсѣкли Норманновъ,—притворяясь забывшимъ ихъ самоуправство: мнѣ не воскресить уже тѣхъ, кто погибъ, говорилъ онъ. Новогородцы пришли, и были всѣ преданы смерти.

Въ эту самую ночь получаетъ онъ извѣстіе отъ сестры Передславы изъ Кіева: отецъ нашъ умеръ, Святополкъ занялъ его столъ, велѣлъ убить Бориса, и послалъ на Глѣба; блюдись его и ты повелику!

Что было дѣлать Ярославу! Безъ Новогородцевъ онъ не могъ теперь успѣть ни въ чемъ, а надѣяться на нихъ было нельзя, послѣ такой вѣроломной надъ ними казни. Дорого бы онъ далъ, чтобъ не поспѣшить своей местію. Скрѣпя сердце, поутру онъ созвалъ остальныхъ Новогородцевъ, и плачущій сказалъ имъ: о люба моя дружина, что вчера избилъ я, а нынѣ надобѣ. Ты избилъ нашу братью, отвѣчали они, но мы поможемъ тебѣ. Вѣроятно, они надѣялись добра отъ Святополка еще менѣе, чѣмъ отъ Ярослава.

Ярославъ собралъ рать, въ коей было Варяговъ тысяча. Отличались между ними два знаменитыхъ Норманскихъ витязя — Эймундъ и Рагнаръ. Они оставили свое отечество, обиженные конунгомъ Олавомъ, и собравъ дружину изъ шестидесяти человѣкъ, рѣшились искать счастія въ Гольмгардѣ, и наняться у кого-нибудь изъ Русскихъ князей, кто дастъ больше, Ярослава, Святополка или Брячислава, которые были въ раздорѣ между собою, какъ дошли до нихъ слухи. Ярославъ удержалъ ихъ у себя, договорясь платить сверхъ содержанія по унціи серебра на всякаго воина, и кромѣ того по полунціи на всякаго начальника ладьи,—серебромъ или мѣхами, бобрами и соболями.

Святополкъ выступилъ на встрѣчу къ Новогородскому Князю съ Русью и Печенѣгами. Противники сошлись на Днѣпрѣ у Любеча, и остановились на берегахъ другъ противъ друга. Долго не рѣшался начать никто. Воевода Святополковъ, ѣздя по берегу, ругалъ Новогородцевъ: ну вы, плотники, зачѣмъ пришли сюда съ своимъ хромцемъ? Мы приставимъ васъ рубить намъ хоромы. Новогородцевъ это взорвало. Они

сказали Ярославу: перевеземся завтра; кто не пойдетъ, того убьемъ. Ярославъ и самъ думалъ о сраженіи. Онъ посылалъ отрока къ одному мужу въ станѣ Святополковомъ, ему благопріятствовавшему, спросить: что велишь творить? меду мало наварено, а дружины много. Тотъ отвѣчалъ: даче меду мало, а дружины много, да къ вечеру вдати, т. е. нападай. Между тѣмъ Днѣпръ началъ замерзать. Весь вечеръ прошелъ въ приготовленіяхъ у Ярослава. Дружинѣ велѣлъ онъ знаменаться, и повить головы убрусами, чтобъ въ темнотѣ можно было узнать своихъ.

А Святополкъ, стоявшій на берегу между двумя озерами, не думая вовсе о сраженіи, пилъ съ своей дружиною. Передъ свѣтомъ Ярославъ исполчилъ полки, и переправился. Вышедъ на берегъ, Новогородцы оттолкнули лодки, чтобъ нельзя было воротиться. Сѣча злая началася. Печенѣгамъ нельзя было изъ-за озера помочь Святополку. Его приперли къ озеру съ дружиною. Всѣ они бросились на ледъ,—вода только что подмерзла,—и ледъ обломился. Эймундъ и Рагнаръ дѣйствовали сильнѣе всѣхъ. Ярославъ началъ одолѣвать, и Святополкъ бѣжалъ къ Ляхамъ, къ тестю своему, Болеславу Храброму, Королю Польскому, съ которымъ еще при жизни Володимеровой были у него переговоры о подданствѣ съ сосѣднею областію, а Ярославъ занялъ Кіевъ, и сѣлъ на столѣ отчемъ и дѣднемъ, наградивъ своихъ помощниковъ, отъ десяти гривенъ до гривны серебра, коемуждо по заслугѣ.

Болеславъ, Король Польскій, справедливо прозванный Храбрымъ, ужасъ своихъ сосѣдей, воевалъ тогда съ Нѣмецкимъ Императоромъ Генрихомъ II, который, по свидѣтельству Епископа Мерзебургскаго Дитмара, вошелъ было въ сношенія съ Ярославомъ противъ общаго врага; но, получивъ отъ него малую помощь, принужденъ былъ примириться на тягостныхъ для себя условіяхъ. Тогда Болеславъ взялся за отмщеніе своего зятя, ненавидѣвъ и самъ Ярослава, за отказъ сестры. Приговоривъ помощниковъ изъ Угровъ, Печенѣговъ, Нѣмцевъ, пошелъ онъ въ слѣдующемъ году на Кіевскаго Князя, который, не ожидая вовсе никакой войны, ловилъ спокойно рыбу въ Днѣпрѣ, какъ вдругъ принесено ему было извѣстіе, что многочисленное войско идетъ противъ него, подъ предводительствомъ Болеслава, помогающаго Святополку. Онъ бросилъ уду, сказавъ: «нечего теперь удой рыбу ловить; какъ бы самимъ не попасться на уду»,—и началъ приготовляться къ отпору. Вышелъ изъ Кіева и встрѣтилъ Болеслава на Бугѣ. Оба войска остановились, и простояли нѣсколько дней въ бездѣйствіи. Воевода Ярославовъ Будый насмѣхался надъ Польскимъ Королемъ: что же онъ не переѣзжаетъ къ намъ, мы проткнемъ ему, кабану, толстое брюхо копьемъ. «Бѣ бо великъ и тяжекъ». Болеславъ не вытерпѣлъ, сѣлъ на коня, хотя едва могъ держаться на немъ по причинѣ тучности, бросился въ рѣку вбродъ, и звалъ за собою своихъ воиновъ отмстить за ругательство. Кабанъ передается съ собаками, кричалъ онъ. Ярославъ не изготавливался его встрѣтить на тотъ разъ, былъ разбитъ совершенно, лишился даже всякой надежды бороться, и бѣжалъ въ Новгородъ.

Онъ не хотѣлъ было оставаться и тамъ, а думалъ прямо искать убѣжища за моремъ у Норманновъ, но Новогородцы его не пустили. Съ посадникомъ Коснятинымъ, сыномъ Добрыни, они изрубили Ярославовы ладьи, и сказали, что хотятъ еще биться

съ Святополкомъ и Болеславомъ. Начали собирать серебро, отъ мужа по 4 куны, отъ старость по 10 гривенъ, отъ бояръ по 18 гривенъ, и послали нанимать Норманновъ. Тѣ пришли на корабляхъ. Новогородцы выдали имъ серебро, за ихъ помощь, и собрались въ походъ, —но самъ Святополкъ помогъ Ярославу еще лучше наемныхъ Норманновъ.

Король Польскій располагался, повидимому, оставаться въ Кіевѣ дольше, чѣмъ желалъ Святополкъ; можетъ быть, онъ думалъ даже имѣть въ зятѣ подвластнаго себѣ данника, и покорить Кіевъ владычеству Польши. Святополку не хотѣлось уступить власти кому бы то ни было: онъ велѣлъ жителямъ убивать тайно воиновъ Польскихъ, разведенныхъ по городамъ на кормъ. Ляховъ избили много, такъ что Болеславъ долженъ былъ опасаться и за себя. Оставаться долѣе въ враждебной землѣ ему было нельзя; онъ поспѣшилъ удалиться, захвативъ дочерей Володимеровыхъ, (изъ которыхъ за Предславу онъ сватался прежде, и получилъ отказъ, а теперь положилъ къ себѣ на ложе), плѣнилъ многихъ бояръ, значительное количество людей, множество имѣнія, приставя къ храненію Анастаса, Десятиннаго, измѣнившаго второму своему отечеству, также какъ и первому. По пути занялъ онъ города Червенскіе, покоренные прежде Володимеромъ.

Этимъ Болеславовымъ походомъ хвалятся Польскіе лѣтописатели: они разсказываютъ, что Болеславъ порубилъ мечемъ, полученнымъ отъ ангела, Золотыя ворота въ Кіевѣ, отъ чего на лезвеѣ произошла щербина; что Болеславъ, предъ выступленіемъ изъ Кіева, въ знакъ своего владычества надъ Русскими, и слѣдуя примѣру Геркулеса, поставилъ столпы желѣзные на Днѣпрѣ, гдѣ впадаетъ въ него Сула, а въ рѣку велѣлъ положить мѣдныя трубы, которыя отъ теченія воды издаютъ звуки и произносятъ имя Болеслава... Какъ бы то ни было, Болеславъ ушелъ изъ Кіева.

Святополкъ успѣлъ освободиться отъ нечаяннаго своего врага-благодѣтеля, но другой шелъ уже на него. Не съ чѣмъ было встрѣчать ему Ярослава, и онъ бѣжалъ къ Печенѣгамъ, а Князь Новогородскій занялъ опять Кіевъ.

На другой годъ уже, (1019), собравъ многочисленное войско, въ силѣ тяжцѣ, явился Святополкъ съ наемными Печенѣгами. На рѣкѣ Альтѣ, тамъ, гдѣ погибъ несчастный Борисъ, сошлись супротивники. Все поле было покрыто воями. Господи, воскликнулъ Ярославъ, неповинная кровь вопіетъ къ тебѣ, отомсти! А вы, братья, помогайте мнѣ! Лишь только взошло солнце, началась битва, какой еще не было на Руси: воины, схватясь за руки, сѣклись мечами, кололись копьями, такъ что кровь текла по удольямъ потоками. Три раза сступались противники, наконецъ къ вечеру одолѣлъ Ярославъ.

Святополкъ долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ, но онъ не могъ сидѣть на конѣ, отъ разслабленія силъ. Его положили на носилкахъ, и понесли. Ему все казалось, что за нимъ гонятся, и онъ безпрестанно оборачивался назадъ, понуждая своихъ воиновъ. Лишь только тѣ останавливались гдѣ-нибудь, какъ онъ высылалъ ихъ освѣдомляться: «посмотрите, не гонятся ли за нами». Отроки возвращались съ отвѣтомъ, что погони никакой не было, но больной вскакивалъ, и кричалъ опять: «гонятся, побѣжимъ»!—и воины должны были съ нимъ спѣшить дальше

и дальше. Такъ достигли они Бреста, города Туровскаго княжества. Святополкъ не успокоивался, и никакъ не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ. Ему все чудилась погоня. «Несите дальше, дальше»! Они пробѣжали Лядскую землю, говоритъ Несторъ, и тамъ, гдѣ-то, за нею, Святополкъ «злѣ изверже животъ свой».

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ.

1019—1054.

Ярославъ мстилъ Святополку смерть своихъ братьевъ, но было что мстить и ему. Полоцкій Князь Брячиславъ, сынъ Изяславовъ, внукъ славной Рогнѣды, наслѣдовалъ ея кровную ненависть къ потомству разлюбившаго ее мужа.

Брячиславу, въ войнѣ съ Ярославомъ, помогали много, по разсказамъ Норманскихъ странниковъ, его прежніе сотрудники, Эймундъ и Рагнаръ, что̀ мы узнаёмъ изъ Эймундовой саги. «Служивъ Кіевскому Князю нѣсколько лѣтъ, сребролюбивые Норманны были недовольны его скупостію; онъ задерживалъ всегда договорное жалованье, а наконецъ, утвердясь на столѣ Кіевскомъ, началъ прижимать ихъ такъ, что тѣ рѣшились оставить его совершенно.—Ну такъ что же вы будете дѣлать, спросилъ ихъ Ярославъ на разставаньѣ.—Чего тебѣ хочется всего меньше, отвѣчали они: мы пойдемъ къ Брячиславу,—и съ сими словами отправились они къ своимъ ладьямъ.

Ярославу было очень непріятно лишиться такихъ сподвижниковъ, а еще менѣе получить въ нихъ враговъ. Жена его Ингигерда, которая принимала дѣятельное участіе во всѣхъ рядахъ, по обычаю женъ Норманскихъ, какъ Ольга, какъ Рогнѣда, пошла вслѣдъ за ними съ Ярломъ Рагнвальдомъ и нѣсколькими мужами. Всѣ Эймундовы люди стояли на берегу и готовились отплыть. Они доложили своему Князю, который сѣлъ уже въ лодку, что Княгиня хочетъ съ нимъ видѣться. Я не вѣрю ей, молвилъ Эймундъ, она похитрѣе будетъ своего мужа, но уклоняться отъ бесѣды не годится. Рагнаръ хотѣлъ было проводить своего товарища, но тотъ остановилъ его, сказавъ: вѣдь мы не на войну выходимъ. Онъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ дожидалась его Княгиня съ своими. Всѣ они сѣли на холму. На Эймундѣ былъ коцъ съ завязанными тесемками; подъ полою спрятанъ былъ мечь. Княгиня и Рагнвальдъ, говоря, подвигались къ нему ближе и ближе, такъ что прикасалися платья. Не хорошо, сказала Ингигерда, что вы такъ разстаетеся съ Княземъ; мнѣ хотѣлось бы уладить дѣло. Между тѣмъ ни у нея, ни у Эймунда, руки не оставались въ покоѣ: Эймундъ развязывалъ тесемки, Ингигерда спускала рукавъ. Онъ уже догадался, что здѣсь не безъ козни,—и въ самомъ дѣлѣ, лишь только Княгиня, высвободивъ руку, подняла ее къ верху, какъ ея люди бросились на Эймунда, но онъ успѣлъ отскочить, сбросивъ съ себя развязанный коцъ, а Рагнаръ, наблюдавшій за бесѣдою изъ лодки, бѣжалъ уже на помощь съ товарищами, которые бросились съ яростью на людей Княгининыхъ и хотѣли ихъ перебить... Эймундъ удержалъ: не надо, пусть идутъ они въ покоѣ домой,—я не хочу ссориться съ Конунгомъ. Ингигерда, смѣясь надъ своей неудачей, разумѣется, принужденно, удалилась къ себѣ, а Эймундъ съ Рагнаромъ поплыли въ Полоцкъ».

Брячиславъ напалъ на Новгородъ, плѣнилъ многихъ жителей, и захватилъ богатую добычу. Ярославъ догналъ Полоцкаго Князя на возвратномъ его пути около рѣки Судомы, и побѣдилъ,—однако-жь далъ ему въ придачу къ прежней волости Витебскъ и Усвятъ, (1021). Норманны разсказывали, что Эдмундъ и Рагнаръ успѣли захватить здѣсь въ плѣнъ Ингигерду, ѣхавшую къ мужу, выждавъ ее въ засадѣ, чѣмъ и содѣйствовали къ заключенію мира между Князьями. Первый получилъ себѣ въ управленіе Сѣверозападную область съ обязанностію охранять предѣлы Русской земли съ этой стороны.

Вскорѣ за этой войной, Ярославъ долженъ былъ защищаться отъ брата своего Мстислава, Князя Тмутораканскаго, который, одинъ изъ всѣхъ сыновъ Володимеровыхъ, оставался еще въ живыхъ, кромѣ Судислава, княжившаго, вѣроятно, въ Псковѣ.

Мстиславъ, истинный витязь въ Норманскомъ духѣ, сдѣлался ужасомъ всѣхъ своихъ сосѣдей около Чернаго моря. Прежде всего, онъ помогъ Грекамъ уничтожить Козарскую державу въ Тавридѣ. Потомъ ходилъ онъ на сосѣднихъ съ Тмутораканью Касоговъ (1022). Зачѣмъ губить намъ воевъ, предложилъ ему Касожскій Князь Редедя, сразимся лучше мы двое, и не оружіемъ, а борьбою. Одолѣешь ты—и возмешь мое имѣніе, мою землю, жену и дѣтей; а если я одолѣю, то возму все твое. Мстиславъ согласился. Они схватились, боролись долго и крѣпко, Тмутораканскій Князь началъ изнемогать. Мать Пречистая Богородица, воскликнулъ онъ, помоги, я выстрою тебѣ церковь, и, напрягши всѣ мышцы, стиснулъ Редедю и ударилъ о земь, вынулъ ножъ и зарѣзалъ. Потомъ овладѣлъ всею землей его, взялъ его имѣнье, жену и дѣтей, сдѣлавшихся родоначальниками нѣкоторыхъ нынѣшнихъ дворянскихъ фамилій, обложилъ жителей данью и возвратился въ Тмуторакань, гдѣ и заложилъ церковь Св. Богородицы, которая стояла тамъ еще при жизни лѣтописателя.

Но Мстиславу хотѣлось больше владѣнья изъ отцовскаго наслѣдства. Онъ пошелъ на Кіевъ, взявъ съ собою Козарскіе и Касожскіе вои, (1023). Кіявляне не пустили его однакожь къ себѣ, хотя Ярослава не было тогда дома: онъ уѣзжалъ въ Новгородъ, а оттуда долженъ былъ отправиться въ Суздальскую землю, гдѣ взмялся народъ вслѣдствіе голода: волхвы пустили тамъ молву, что старыя бабы держатъ гобино. Народъ принялся ихъ избивать, и насилу Ярославъ успокоилъ людей Божіимъ страхомъ. Казнилъ однихъ волхвовъ, а другихъ расточилъ. За житомъ послали Волгою купцевъ въ Болгарію, которые привезли всего вдоволь, и народъ ожилъ.

Чтобъ отбиться отъ новаго своего врага, Ярославъ долженъ былъ воротиться въ Новгородъ, и искать помощи тамъ, гдѣ находилъ ее отецъ его и прочіе Князья, во всякомъ случаѣ нужды,—у Норманновъ. Ждать долго они себя не заставляли, было-бъ готово золото, серебро и паволоки за ихъ бранную службу. И приплылъ скоро къ Ярославу Якунъ слѣпой въ золотой лудѣ съ своею дружиной. Снарядясь, пошли они на Мстислава, который встрѣтилъ ихъ у Листвена, недалеко отъ Чернигова. Съ вечера исполчилъ онъ дружину, поставивъ Сѣверянъ въ срединѣ противъ Варяговъ, а самъ съ нею по крыльямъ. Ночью вдругъ поднялась гроза и пролился дождь. Пойдемъ на нихъ, закричалъ удалый Князь, и подъ ударами грома, при блескѣ молніи, сразилися

вои. Чело Сѣверянъ ступилось съ Варягами, но гдѣ же было имъ устоять противъ опытной въ бояхъ руки Норманскаго племени! Ярославовы Варяги одолѣвали,—и трудишася, сѣкуще Сѣверъ, говоритъ лѣтописецъ,—какъ подоспѣлъ самъ Мстиславъ съ дружиной своей, наперъ на Варяговъ и сломилъ ихъ полкъ. А между тѣмъ буря продолжалась, оружіе блистало, освѣщавшееся вдругъ молніей, громъ гремѣлъ, и сѣча была сильна и страшна. Ярославъ увидѣлъ, что беретъ не его, и бѣжалъ вмѣстѣ съ Якуномъ, который оставилъ на мѣстѣ сраженія свою златотканную одежду. На разсвѣтѣ Мстиславъ, осматривая поле, усыпанное трупами, сказалъ: какъ мнѣ не радоваться? здѣсь лежитъ Сѣверянинъ, здѣсь Варягъ, а дружина моя цѣла.

Однако-жь онъ не хотѣлъ низложить Ярослава совершенно: онъ послалъ звать его, какъ старшаго брата, въ Кіевъ, «а мнѣ буди сія сторона». Но Ярославъ не смѣлъ ему вѣрить, и прислалъ въ Кіевъ только мужей своихъ, а самъ, уже черезъ три года, со вновь набранными воями, явился въ своей столицѣ. Подъ Городцемъ братья раздѣлили Русскую землю, назначивъ границею между собою Днѣпръ (1026),—«и начаста жити мирно, въ братолюбствѣ, и уста усобица и мятежъ, и бысть тишина велика въ земли года три».

На четвертый—Ярославъ, вѣрный Норманнской природѣ, въ немъ обновленной, началъ продолженіе походовъ на сосѣднія племена, пошелъ воевать дальше и дальше.

Въ 1030 году ходилъ онъ и взялъ Бельзъ; потомъ далѣе на Чудь, обложилъ ее данью, и поставилъ городъ Юрьевъ (Дерптъ), куда должна была собираться дань съ окружнаго поморья.

Въ 1031 году ходилъ онъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ на Польшу, которая только что лишилась своего славнаго Болеслава, и раздиралась междоусобіями. Воспользуясь ими, братья заняли опять города Червенскіе, воевали долго Лядскую землю, и привели много плѣнниковъ, которыхъ раздѣлили между собою. Доставшихся на свою долю Ярославъ посадилъ близь Кіева по рѣкѣ Рси, поставивъ на ней нѣсколько городовъ.

Этотъ походъ былъ послѣднимъ для храбраго Мстислава. Вышедъ на ловы, онъ разнемогся и умеръ, вскорѣ послѣ единственнаго своего сына Евстафія, и власть его вся досталась Ярославу, который сдѣлался, какъ Володимеръ, самовластцемъ всей почти Русской земли, (1036).

Новгородъ отдалъ онъ тогда сыну Володимеру, которому исполнилось 16 лѣтъ, а Епископомъ назначилъ Луку Жидяту, для чего нарочно туда и ѣздилъ. Тогда же вѣроятно роздалъ онъ города и прочимъ сыновьямъ, а брата Судислава, оклеветаннаго, засадилъ въ порубъ въ Псковѣ (1036), гдѣ онъ и оставался во все продолженіе Ярославовой жизни.

Въ отсутствіе его Печенѣги набѣжали опять на Кіевъ. При первомъ извѣстіи Ярославъ собралъ воевъ, Словенъ и Варяговъ, и поплылъ на помощь къ своей столицѣ. Печенѣговъ было безъ числа. Ярославъ исполчилъ дружину, поставя въ срединѣ Норманновъ, на правомъ крылѣ Кіевлянъ, на лѣвомъ Новогородцевъ. За городомъ произошло сраженіе крововопролитное, и едва къ вечеру одолѣлъ Кіевскій Князь. Печенѣги разбѣжались во всѣ стороны, и многіе потонули въ Сѣтомли и другихъ рѣкахъ.

На мѣстѣ сраженія, въ слѣдующемъ году, (1037), заложилъ Ярославъ великую церковь Святой Софіи, наподобіе Константинопольской, а Кіевъ обвелъ каменною стѣною, въ защиту отъ вражескихъ набѣговъ, съ Золотыми воротами, которыхъ ветхіе останки видимъ еще теперь.

Отразивъ на долго дикарей, Ярославъ принялся опять ходить на Норманскій промыселъ, раздвигая болѣе и болѣе предѣлы Русской земли.

Въ 1038 г. на Ятвяговъ,

въ 1040 на Литву,

въ 1041 на Мазовшанъ въ ладьяхъ,

въ 1042 старшій сынъ его Володимеръ ходилъ изъ Новагорода на Ямь, Чудское племя, на югѣ нынѣшней Финляндіи.

Въ 1043 году отправилъ Ярославъ сына, снарядивъ многочисленное войско, на Царьградъ, къ старинной любимой цѣли Русскихъ Князей, оставленной въ покоѣ послѣ принятія Христіанской вѣры и начавшагося родства съ Греческими Императорами. Молодому Володимеру, пылкому и храброму юношѣ, захотѣлось видно отличиться въ предпріятіи славномъ, на войнѣ опасной и выгодной, со врагами знаменитыми,—и онъ выпросилъ у отца его могучую, испытанную дружину, чтобъ вмѣстѣ съ нею добыть славы и богатства.

Предлогомъ послужила обида, причиненная въ Константинополѣ Русскимъ купцамъ, среди коей убитъ одинъ знатный Русинъ. Норманны изъ-за моря явились вѣрными помощниками. Съ полуночныхъ странъ Океана, говорятъ Греки, прибыло въ Кіевъ множество воевъ. Воеводство поручилъ Ярославъ Вышатѣ. Въ легкихъ однодеревкахъ поплыли витязи подъ Царьградъ по знакомому пути. Императоръ Мономахъ, узнавъ о несущейся на него грозѣ, послалъ тотчасъ пословъ на встрѣчу Володимеру, просить, чтобъ онъ отложилъ оружіе, и, изъ пустой причины, не нарушалъ долговременнаго мира. Володимеръ, которому хотѣлось войны, во что бы то ни стало, осрамилъ пословъ и отпустилъ назадъ съ высокомѣрнымъ отвѣтомъ. Константинъ долженъ былъ приготовляться къ оборонѣ. Всѣхъ Русскихъ купцевъ, равно какъ и единоплеменныхъ съ ними воиновъ, которые служили искони въ его варангіи между тѣлохранителями, онъ выслалъ изъ столицы во внутреннія области, и самъ со всѣмъ Греческимъ корабельнымъ полкомъ двинулся въ море; конница пошла берегомъ. Русь подплыла уже къ самому проливу и остановилась у Фара. Противники выстроились, но никто не хотѣлъ начинать сраженія. Императоръ передъ вечеромъ отправилъ вторичное посольство съ предложеніемъ о мирѣ. Володимеръ принялъ опять пословъ съ презрѣніемъ, и потребовалъ по три фунта золота на всякаго своего воина, чего и въ половину не получилъ самъ вѣщій Олегъ. Такого нелѣпаго требованія Греки, разумѣется, исполнить не могли, и рѣшились сразиться. На другой день отправили они три галеры ударить на непріятеля, и вызвать его въ открытое море. Начальнику ихъ удалось проникнуть въ средину Русскихъ судовъ и пустить Греческій огонь; семь ладей онъ сжегъ, одну полонилъ, одну затопилъ. Русь снялась съ якорей, выплыла на просторъ, какъ вдругъ, ей на бѣду, подунулъ ужасный восточный вѣтеръ. Поднялась буря. Море взволновалось, и всѣ лодьи Русскія разметало: однѣ, опрокинутыя, пошли ко дну, другія выброшены на берегъ, иныя унесены въ открытое море. Княжескій корабль былъ потопленъ, такъ что Володи-

мера едва спасъ Ярославовъ воевода Иванъ Творимиричъ, принявъ его къ себѣ на корабль. На берегу собралось Руси до шести тысячь, которымъ ничего не оставалось дѣлать, какъ возвращаться сухимъ путемъ. Изъ княжеской дружины никто не хотѣлъ имъ сопутствовать. Я иду, сказалъ Вышата, жить ли, умереть ли—съ товарищами, и покинулъ свой корабль.

Императоръ, довольный успѣхомъ, удалился въ городъ, оставивъ у Фара суда для преслѣдованія непріятеля. Русь послѣ бури собралась въ пристани, образуемой двумя мысами. Греки проплыли мимо, и Володимеръ, увидѣвъ ихъ малое число, выслалъ нѣсколько людей, чтобъ пресѣчь имъ возвратный путь. Гребя изъ всѣхъ силъ, другіе Русскіе пловцы успѣли окружить ихъ со всѣхъ сторонъ. Грекамъ надо было сразиться, и Володимеръ разбилъ ихъ совершенно, въ утѣшеніе себѣ за вчерашнюю бѣду. Четыре судна взялъ онъ въ плѣнъ, и даже то, на которомъ находился начальникъ ополченія. Прочія суда Греческія сѣли на мѣль или разбились о подводные камни. Однако же Володимеръ, потерявъ много судовъ и людей на канунѣ, не могъ исполнить своего намѣренія—напасть на Константинополь, и долженъ былъ удалиться, хотя съ многими плѣнными. Сухопутный отрядъ былъ несчастнѣе: Греки напали на Русь близь Варны, захватили и привели плѣнными въ Царьградъ, гдѣ многіе изъ нихъ были ослѣплены. Вышата черезъ три года, по заключеніи мира, былъ отпущенъ къ Ярославу.

Это былъ послѣдній Греческій походъ Норманскихъ-Русскихъ витязей, которые, впродолженіи двухъ-сотъ лѣтъ, чудесами своей отважности, предпріимчивости и храбрости, приводили въ трепетъ знаменитую столицу Восточной Имперіи, подъ старыми стѣнами ея, и распространяли славу своего имени, обогащаясь серебромъ, золотомъ и паволоками.

Послѣ Греческаго похода Ярославъ ходилъ только на Мазовшанъ (1046), подавая помощь зятю Польскому Королю Казимиру, за котораго отдалъ предъ тѣмъ сестру, и получилъ за вѣно восемь сотъ человѣкъ, плѣненныхъ Болеславомъ. Онъ убилъ мятежника Моислава и покорилъ его подданныхъ Казимиру.

Съ каждымъ годомъ усиливался и прославлялся Ярославъ болѣе и болѣе. Подъ конецъ его жизни, предѣлы наслѣдованной имъ отъ отцевъ Руси распространились даже до Чернаго и Балтійскаго морей, до Уральскихъ, Карпатскихъ и Кавказскихъ горъ, до внутренней Польши. Вотъ какъ широко и далеко очертилась Норманнами окружность Русскаго государства!

Пятерыхъ сыновъ своихъ, рожденныхъ отъ Шведской Ингигерды, Ярославъ разсажалъ по главнымъ городамъ собранныхъ въ руку его племенъ Славянскихъ.

Старшему Володимеру, (род. въ 1020 г.), шестнадцатилѣтнему, онъ далъ Новгородъ съ его волостями еще въ 1036 году.

Слѣдовавшему за нимъ Изяславу, (род. въ 1024 г.), важнѣйшее изъ Норманскихъ поселеній, Туровъ, на рѣкѣ Припети, между Дреговичами.

Святославу, (род. въ 1026 г.)—Черниговъ, на рѣкѣ Деснѣ, съ Тмутораканью, на Черноморскомъ островѣ Таманѣ, и всѣми землями по Окѣ,—Сѣверою, Вятичами, Муромомъ и Рязанью.

Всеволоду, (род. въ 1029 г.)—Переяславль, на Сулѣ, съ Поволожьемъ, землею Бѣлозерскою и Суздальскою.

Вячеславу, (род. въ 1036 г.)—Смоленскъ, на Днѣпрѣ,

и меньшему Игорю Владимиръ Волынскій.

Всѣхъ сыновъ своихъ Ярославъ пережениль на иностранныхъ княжнахъ, а дочерей выдалъ за мужъ за королей и принцевъ, и вступилъ въ родство со многими Европейскими государями.

Старшій сынъ Володимеръ былъ женатъ на какой-то сѣверной принцессѣ, которую тамошніе лѣтописатели считаютъ дочерью Англійскаго короля Гаральда.

Изяславъ на дочери короля Польскаго Мечислава II, сестрѣ Казимировой.

Всеволодъ на Греческой царевнѣ.

Вячеславъ и Игорь на Нѣмецкихъ принцессахъ.

Дочь Анна отдана за короля Французскаго Генриха I.

Анастасія, за короля Венгерскаго Андрея.

Елизавета, за князя Норвежскаго Гаральда.

Гаральдъ былъ славнѣйшій витязь своего времени, по разсказамъ сѣверныхъ сагъ. Пятнадцати лѣтъ онъ уже снискалъ себѣ имя на сраженіи. Вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ онъ долженъ былъ оставить родину, и искать убѣжища на Руси. Ему поручено было начальство надъ дружиною, охранявшею сѣверные предѣлы ея. Тогда-то вѣроятно присватался онъ къ дочери Великаго Князя Кіевскаго, но получилъ отъ нея отказъ, какой дала ея бабка Рогнѣда Володимеру. Гаральдъ уѣхалъ въ Грецію, и воевалъ долго на Средиземномъ морѣ, по берегамъ Африки, чтобъ добыть себѣ славы и богатства. Нахватанныя сокровища, чрезъ вѣрныхъ людей, онъ пересылалъ для сохраненія въ Кіевъ, къ Ярославу и Ингигердѣ, а о подвигахъ сложилъ слѣдующую пѣсню, имѣвшую цѣлію привлечь сердце гордой дѣвицы Русской:

«Мы сразились съ Трандами, но они многочисленностію одержали верхъ; сѣча наша была злая и упорная; юноша я былъ отлученъ отъ молодаго князя, который палъ на сраженіи; но дѣва, живущая въ Гардахъ, украшенная золотою гривной, пренебрегаетъ мною »

«Шестнадцать насъ, мы вычерпали однажды воду, о женщина, изъ четырехъ ладей, во время бури; нагруженный корабль былъ орошенъ морскими волнами; вѣрно всякой слабодушный не поплыветъ туда,—но дѣва, живущая въ Гардахъ, украшенная золотою гривной, пренебрегаетъ мною.»

«Я знаю восемь искусствъ, умѣю слагать пѣсни, искусенъ въ верховой ѣздѣ, иногда упражнялся въ плаваніи, могу опираться на шесть, я ловокъ метать копье, править весломъ; но дѣва, живущая въ Гардахъ, украшенная золотою гривной, пренебрегаетъ мною.»

«Ни женщина, ни юная дѣва, не будутъ спорить, что поутру мы были въ южномъ городѣ, гдѣ потрясали мечами, и вторгались съ желѣзомъ и оружіемъ: тамъ есть свидѣтельство совершенныхъ подвиговъ. Но дѣва, живущая въ Гардахъ, украшенная золотою гривной, пренебрегаетъ мною.»

«Я родился тамъ, гдѣ Упланды натягиваютъ лукъ. Теперь военные корабли, ненавистные поселянамъ, посылаю я подплывать къ скаламъ. Лишь только спустится корабль, носомъ его мы разсѣкаемъ волны; но дѣва, живущая въ Гардахъ, украшенная золотою гривной, пренебрегаетъ мною.»

Наконецъ Гаральдъ возвратился въ Кіевъ, богатый и славный, и получилъ руку любез-

ной ему Елизаветы, вмѣстѣ со всѣми сохраненными сокровищами.

Можно вообразить себѣ, какая сыграна была свадьба въ стольномъ городѣ во Кіевѣ, во свѣтломъ терему великокняжескомъ, подъ пѣсни вѣщихъ бояновъ.

Слава Ярославля разнеслась по всѣмъ странамъ дальнимъ, «рекуще ко Грекомъ, и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима пройде;» и Кіевъ сдѣлался тогда пристанищемъ многихъ королей и князей иностранныхъ, премущественно Скандинавскихъ, точно какъ и наши князья всегда находили себѣ помощь и спасеніе на сѣверѣ.

Олавъ святый, король Норвежскій, изгнанный изъ своихъ владѣній Канутомъ, королемъ Датскимъ, искалъ убѣжища съ сыномъ Магнусомъ у Ярослава, и былъ принятъ съ честію и радушіемъ. Ярославъ и Ингигерда убѣдительно совѣтовали ему остаться въ Гардарикѣ, и давали ему область «Вулгарію». Однако онъ, чрезъ нѣсколько времени, обольщенный надеждою возвратить себѣ престолъ, оставилъ Кіевъ, и, получивъ съ своими спутниками помощь отъ Ярослава, снабженный всѣми средствами, отправился въ отечество.

Магнусъ, сынъ его, жилъ въ Россіи очень долго. Друзья его отца, погибшаго на сраженіи, чрезъ нѣсколько времени, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, прислали къ нему въ Россію мужа звать на отцовскій престолъ. Ярославъ и Ингигерда потребовали торжественнаго посольства, и приняли всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для успѣха.

Эдвинъ и Эдуардъ, сыновья короля Англійскаго Эдмунда, изгнанные Канутомъ, искали безопасности при дворѣ Ярослава.

Якунъ слѣпой, знаменитый витязь Скандинавскій, сынъ Шведскаго короля Олофа и шуринъ Ярославовъ, приходилъ къ нему на помощь противъ брата Мстислава, и на сраженіи Лиственскомъ оставилъ луду свою.

Симонъ, племянникъ Якуна слѣпаго, изгнанный дядею, принятъ также Ярославомъ съ своими единоземцами.

Сыновья Рогвольда, пришедшаго съ Ингигердою, оставались въ Россіи: Эйлифъ служилъ вмѣстѣ съ Гаральдомъ, а Ульфъ есть вѣроятно тотъ Улебъ, который ходилъ въ 1032 году изъ Новагорода на Желѣзныя ворота въ Заволочье.

Венгерскіе принцы, Андрей и Левента, дѣти Ладислава плѣшиваго и какой-то безъименной Русской Княжны, жили долго на Руси, гдѣ Андрей и узналъ о своемъ избраніи на престолъ.

Ярославъ пировалъ, воевалъ съ сосѣдями, плѣнилъ и убивалъ,—и въ тоже время строилъ церкви, учреждалъ монастыри, покровительствовалъ черноризцамъ, любилъ читать и слушать душеспасительныя книги.

Въ 1020 году поставилъ онъ церковь св. Бориса и Глѣба.

Въ 1037 году воздвигъ храмъ св. Софіи наподобіе Цареградскаго, и украсилъ его золотомъ и серебромъ, мусіей и стѣнною иконописью. (Этотъ знаменитый храмъ, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Европѣ, былъ образцовымъ для всей Руси, сохранился до нашего времени въ цѣлости, и нынѣ вполнѣ возстановленъ.)

Въ 1039 году была освящена вновь Володимерова церковь святыя Богородицы, поврежденная пожаромъ 1017 года.

Потомъ основалъ Ярославъ мужской монастырь святаго Георгія, въ честь своего ангела, и женскій монастырь святой Ирины, въ честь ангела своей супруги.

На Золотыхъ воротахъ заложилъ онъ церковь св. Благовѣщенія. Строеніе подвигалось медленно. Князь спросилъ своего тіуна о причинѣ. Тотъ отвѣчалъ, что мало на работу является поденщиковъ, которые боятся лишиться найма въ дѣлѣ властельскомъ. Ярославъ велѣлъ привозить куны на телѣгахъ въ комары Золотыхъ воротъ, и объявить людямъ на торгу, что за день будутъ получать они по ногатѣ—работниковъ собралось множество, и церковь вскорѣ была отстроена.

Въ 1043 году сынъ Ярослава, Володимеръ, заложилъ въ Новѣгородѣ великолѣпную церковь Св. Софіи, столько знаменитую въ его Исторіи.

И по другимъ мѣстамъ поставлено было много новыхъ церквей. Увеличилось число черноризцевъ, которыхъ Ярославъ любилъ въ особенности, равно какъ и священниковъ. Вообще вѣра христіанская при немъ начала плодиться и размножаться.

До такой степени преданъ былъ Ярославъ христіанской вѣрѣ, особенно подъ старость, что велѣлъ выкопать изъ земли кости своихъ дядей, умершихъ въ язычествѣ, Ярополка и Олега, и окрестить ихъ. Онѣ были схоронены вновь въ церкви Святыя Богородицы.

Съ особеннымъ удовольствіемъ прилежалъ онъ къ духовнымъ книгамъ, читалъ ихъ, свидѣтельствуетъ Несторъ, днемъ и ночью, даже самъ списывалъ, и клалъ на сохраненіе въ основанной имъ церкви Св. Софіи.

Кромѣ писаній, переведенныхъ первоучителями, святыми Кирилломъ и Меѳодіемъ, и ихъ учениками, Ярославъ хотѣлъ познакомиться и съ другими сочиненіями отцевъ церкви: онъ собралъ переводчиковъ и велѣлъ имъ переводить книги съ Греческаго языка на Славянскій. Множество списковъ было изготовлено, коими вѣрные люди могли поучаться и просвѣщаться, и кои сдѣлались подлинниками для новыхъ списковъ, разсѣянныхъ по монастырямъ и церквамъ. До насъ дошли, напримѣръ, списки съ толкованія пророчествъ, писанныхъ въ Новѣгородѣ для князя Володимера попомъ Упиремъ Лихимъ.

Благочестивый современникъ такъ опредѣлилъ послѣ дѣланіе Ярославово: отецъ его Володимеръ взора̀ и умягчи, сей же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаемъ ученье пріемлюще книжное.

Священнослужителямъ назначенъ урокъ отъ княжихъ имуществъ, и велѣно было имъ учить людей и привлекать ихъ къ церкви и богослуженію.

Введено демественное или уставное пѣніе.

Усилія Ярослава разпространить христіанское просвѣщеніе, вмѣстѣ съ благочестивыми подвигами его отца, святаго Владиміра, начали приносить свой плодъ. Въ избранныхъ душахъ божественный свѣтъ проникалъ глубоко, и число ихъ умножалось болѣе и болѣе. Послѣ приснопамятныхъ Варяговъ, Ѳеодора и Іоанна, принесшихъ въ жертву христіанской вѣрѣ свою жизнь, послѣ равноапостольнаго Князя, преображеннаго во всемъ существѣ своемъ по полученіи святаго крещенія, сыновей его Бориса и Глѣба, пріявшихъ съ такою радостію мученическіе вѣнцы, должно наименовать здѣсь въ особенности Берестовскаго Священника Иларіона, и Печерскихъ преподобныхъ Антонія, Никона и Ѳеодосія.

Ярославовъ церковный уставъ, въ дополненіе и измѣненіе Володимерова, даетъ Епископамъ исключительное право судить оскорбленіе женскаго цѣломудрія, всякія обиды, дѣлаемыя слабому полу, разводъ, кровосмѣшеніе, ссоры дѣтей съ родителями, зажигательство, воровство, драки и проч.

Ярославу принадлежитъ первое оглашеніе Русскихъ законовъ, которое онъ «списавъ» далъ первоначально Новогородцамъ, отпуская ихъ съ благодарностію изъ-подъ Кіева, ихъ помощію пріобрѣтеннаго, и сказалъ: по сей грамотѣ ходите, якоже писахъ вамъ, такоже держите.

Эта Русская Правда явственная и въ договорахъ съ Греками, подъ именемъ закона Русскаго, распространилась и по всей его державѣ. Норманская въ своемъ основаніи, она подверглась впродолженіи двухъ сотъ лѣтъ до Ярослава вліянію Славянскому, и потомъ нѣсколько Христіанскому.

Вотъ весь кругъ первоначальныхъ отношеній между Русскими людьми ея времени: убійство и право мести за оное, побои и пеня, укрывательство холопей, кража, порча оружія, — съ свидѣтелями, поручителями и судомъ 12 цѣловальниковъ. Ниже мы приведемъ ее сполна, какъ ясное изображеніе современнаго общества, и вмѣстѣ какъ памятникъ живаго языка.

Къ 1051 году принадлежитъ многознаменательное дѣйствіе Ярославово: безъ всякаго весношенія съ Византіею, откуда мы получили пастырей, онъ назначилъ Кіевскимъ Митрополитомъ Священника Берестовскаго Иларіона, мужа блага, книжна и постника, который и былъ посвященъ Епископами въ соборѣ Святой Софіи.

Такъ съ самаго начала власть духовенства стала у насъ въ подчиненіи власти правительства, сохраняя свое верховное право только въ дѣлѣ вѣры и ея ученія.

Ярославъ, въ маститой старости, на осьмомъ десяткѣ, дождавшись до многихъ внуковъ, между которыми послѣднимъ былъ Мономахъ, сынъ Всеволодовъ отъ Греческой царевны, скончался въ Кіевѣ, на Ѳедорову субботу, Февраля 19 числа, 1054 года.

Изъ дѣтей его былъ при немъ только одинъ, его любимецъ Всеволодъ, (старшіе—Изяславъ Туровскій находился на ту пору въ Новѣгородѣ, а Святославъ Черниговскій во Владимірѣ Волынскомъ).

Лѣтописатель передаетъ намъ наставленіе Ярослава дѣтямъ, при надѣленіи ихъ областями:

Живите мирно, и тогда Богъ покоритъ вамъ противныхъ; если же будете ссориться, то погибнете сами, и погубите землю отецъ своихъ и дѣдовъ, чтò пріобрѣли они трудомъ великимъ. Слушайте старшаго брата, которому поручаю столъ на мое мѣсто. Онъ будетъ вамъ вмѣсто отца, и не дастъ никого въ обиду.

Тѣло Ярославово положено въ ракѣ мраморной, цѣлой до нашего времени, погребено въ Софійскомъ соборѣ, имъ основанномъ, съ плачемъ Всеволода и всего народа.

Митрополитъ Иларіонъ, написавшій Исповѣданіе православной вѣры и Похвалу Великому Князю Володимеру, такъ прославляетъ Ярослава, обращаясь къ отцу его. (Предлагаемъ отрывки изъ обоихъ сочиненій, съ переводомъ на нынѣшнее нарѣчіе, чтобъ познакомить съ религіознымъ образованіемъ Духовенства):

«Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твой Георгій, егожь створи Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству, не рушаща твоихъ уставъ, нъ утвержающа, ни умаляюща твоему благовѣрію положеніа, но паче прилагающа, не казяща, нъ учиняюща, иже недокончанаа твоа доконча, яко Соломонъ Давыдова, иже домъ Божій великый святый Его Премудрости създа, на святость и освященіе граду твоему, юже съ всякою красотою украси златомъ и сребромъ и каменіемъ драгымъ, и съсуды честными, яже церкви дивна и славна всѣмъ округнымъ странамъ, якоже ина не обрящется въ всемъ полунощи земнѣмъ, отъ встока дъ запада, и славный градъ твой Кыевъ величьствомъ, яко вѣнцемъ, обложилъ, предалъ люди твоя и градъ святѣй, всеславнѣй, скорѣй на помощь христіаномъ Святѣй Богородици, ейже и церковь на великыихъ вратѣхъ създа во имя первааго Господскаaго праздника, святаaго Благовѣщеніа, да еже цѣлованіе Архангелъ даетъ Дѣвици, будетъ и граду сему. Къ оной бо: радуйся, обрадованная, Господь съ тобою! Къ граду же: радуйся, благовѣрный граде, Господь съ тобою.

Весьма добрымъ и вѣрнымъ свидѣтелемъ служитъ сынъ твой Георгій, котораго сотворилъ Господь преемникомъ по тебѣ на престолѣ: онъ не нарушаетъ твоихъ уставовъ, но утверждаетъ; не уменьшаетъ учрежденій твоего благовѣрія, но еще распространяетъ; не искажаетъ, но приводитъ въ порядокъ. Онъ недоконченное тобою окончилъ, какъ Соломонъ предпріятія Давидовы; создалъ домъ Божій великій и святый, въ честь Его Премудрости, на освященіе твоему граду, и украсилъ его всякими украшеніями: золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями, дорогими сосудами, такъ что церковь сія заслужила удивленіе и славу у всѣхъ окружныхъ народовъ, и не найдется подобной ей во всей полунощной странѣ отъ востока до запада. Онъ и славный городъ твой Кіевъ обложилъ величіемъ, какъ вѣнцемъ, и предалъ народъ твой и городъ святой, всеславной, скорой помощницѣ Христіанъ, Богородицѣ, которой создалъ и церковь на великихъ вратахъ, въ честь перваго праздника Господня, святаго Благовѣщенія, такъ что привѣтствіе Архангела Дѣвѣ можно приложить и къ сему городу. Дѣвѣ сказано было: *радуйся, благодатная, Господь съ тобою* (Лук. I, 28). А граду можно сказать: радуйся, благовѣрный граде, Господь съ тобою!..

Встани, о честнаа главо, отъ гроба твоего, встани, отряси сонъ! Нѣси бо умерлъ, но спиши до общаго всѣмъ встаніа. Встани, нѣси умерлъ, нѣсть бо ти лѣпо умрети, вѣровавшу въ Христа, живота всему міру. Отряси сонъ, възведи очи, да видиши, какоя тя чьсти Господь тамо сподобивъ, и на земли не безпамятна оставилъ сыномъ твоимъ. Встани, виждь чадо свое Георгіа, виждь утробу свою, виждь милаaго своего, виждь, егоже

...Встань отъ гроба твоего, *честная главо!* Встань, отряси сонъ! Ты не умеръ, но спишь до общаго всѣмъ возстанія. Встань! ты не умеръ. Не свойственно умереть тебѣ, когда увѣровалъ ты во Христа, жизнь всего міра. Отряси сонъ, возведи очи и посмотри, какъ Господь, сподобивъ тебя почестей небесныхъ, не оставилъ тебя безъ памяти и на землѣ, въ сынѣ твоемъ. Встань, посмотри на сына своего Георгія, посмотри на кровнаго

Господь изведе отъ чреслъ твоихъ; виждь красящааго столъ земля твоей, и возрадуйся, възвеселися. Къ сему же виждь и благовѣрную сноху твою Ерину; виждь вънукы твоа и правнукы, како живутъ, како хранимы суть Господемъ, како благовѣріе держатъ по преданію твоему, како въ святыа церкви чястять, како славять Христа, како покланяются имени Его. Виждь же и градъ величьствомъ сіяющь, виждь церкви цвѣтущи, виждь христіанство растуще, виждь градъ иконами святыихъ освѣщаемь и блистающеся, и тиміаномъ объухаемь, и хвалами и божествеными пѣніи святыими оглашаемь.

своего, посмотри на возлюбленнаго своего, посмотри на того, котораго извелъ Господь отъ чреслъ твоихъ, посмотри на украшающаго престолъ земли твоей,—ивозрадуйся, возвеселись! Посмотри и на благовѣрную сноху твою Ирину; посмотри и на внуковъ и правнуковъ твоихъ, какъ они живутъ, какъ Господь хранитъ ихъ: какъ содержатъ они благовѣріе, тобою преданное, какъ часто посѣщаютъ святые храмы, какъ славятъ Христа, какъ покланяются Его имени. Посмотри и на городъ, сіяющій величіемъ, посмотри на процвѣтающія церкви, посмотри на возрастающее христіанство; посмотри на городъ, освящаемый и блистающій иконами Святыхъ, благоухающій ѳиміамомъ и оглашаемый хвалами святыми и божественными пѣснопѣніями.

И си вся видѣвъ, взрадуйся и взвеселися и похвали благого Бога, всѣмъ симъ Строителя. Видѣ же аще и не тѣломъ, но духомъ. Показаетъ ти Господь вся си, о нихже радуйся и веселися, яко твое вѣрное въсіаніе не исушено бысть зноемъ невѣріа, нъ дождемъ Божіа поспѣшеніа распложено бысть многоплоднѣ.... Радуйся, учителю нашъ и наставниче благовѣрію!»

И видѣвъ все сіе, возрадуйся, возвеселись, и восхвали благаго Бога, строющаго все сіе. Но ты уже и видишь, хотя не тѣломъ, но духомъ. Господь даетъ тебѣ видѣть все сіе.—И такъ, радуйся и веселись, что сѣмена вѣры, тобою посѣянныя, не изсушены зноемъ невѣрія, но, орошенныя дождемъ Божія благопоспѣшенія, расплодились изобильно.... Радуйся учитель нашъ и наставникъ благовѣрія!

О Христіанствѣ:

«Единъ сый отъ Троица, въ двѣ естьствѣ, Божество и человѣчество: исполнь человѣкъ, по въчеловѣченію, а не привидѣніемъ; но исполнь Богъ, по Божеству, а не простъ человѣкъ. Показаа на земли Божескаа и человѣчьскаа: яко человѣкъ, во утробѣ матерни растяаше, и яко Богъ, изыде, дѣвьства не врeждь; яко человѣкъ, матерне млеко пріятъ, и яко Богъ, пристави Ангелы съ пастухи пѣти: слава въ вышнихъ Богу; яко человѣкъ, повився въ пелены, и яко Богъ, звѣздою влъхвы

Единъ сый отъ Троицы—въ двухъ естествахъ: Божескомъ и человѣческомъ, совершенный человѣкъ по вочеловѣченію, а не въ привидѣніи, и совершенный Богъ по Божеству, а не простой человѣкъ. На землѣ Онъ явилъ (свойства и дѣла) Божескія и человѣческія: какъ человѣкъ, возрасталъ во утробѣ матерней, и какъ Богъ, изшелъ не рушивъ дѣвства; какъ человѣкъ, питался матернимъ млекомъ, и какъ Богъ, повелѣлъ Ангеламъ съ пастырями воспѣвать: *слава въ*

вождааше; яко человѣкъ, въ яслехъ възлеже, и яко Богъ, отъ влъхвъ дары и поклоненіе пріятъ; яко человѣкъ, бѣжаше въ Египетъ, и яко Богу рукотвореннаа Египетскаа поклонишася; яко человѣкъ пріиде на крещеніе, и яко Бога устрашився, Іорданъ възвратися; яко человѣкъ, обнажився вниде въ воды, и яко Богъ, отъ Отца послушество пріятъ: съ есть Сынъ мой възлюбленный....

вышнихъ Богу; какъ человѣкъ, повитъ былъ пеленами, и какъ Богъ, путеводствовалъ волхвовъ звѣздою; какъ человѣкъ, возлегъ въ ясляхъ, и какъ Богъ, принялъ отъ волхвовъ дары и поклоненіе; какъ человѣкъ, бѣжалъ во Египетъ, но какъ Богу поклонились Ему *рукотворенная египетская* (Ис. 19, 1.); какъ человѣкъ, пришелъ креститься, но какъ Бога убоявшись, Іорданъ возвратился вспять; какъ человѣкъ, обнажившись вошелъ въ воду, и какъ Богъ, принялъ свидѣтельство отъ Отца: *сей есть сынъ Мой возлюбленный.*

Пріиде бо Спасъ, и не пріятъ бысть отъ Израиля, по евангельскому слову: въ своя пріиде, и свои Его не прияша, —отъ языкъ же приятъ бысть, якоже рече Іаковъ: и тъ чаяніе языкомъ. Ибо и въ рожденіи Его влъсви отъ языкъ прежде поклонишася Ему, а Іюдеи искаху Его убити, егоже ради и младенца избиша. И сбысться слово Спасово, яко мнози отъ востокъ и западъ пріидуть, и възлягуть съ Авраамомъ, Исаакомъ, Іаковомъ въ царствіи небеснѣмъ, а сынове царствіа изгнани будуть въ тму кромѣшнюю. И пакы, яко отъимется отъ васъ царство Божіе, и дастся странамъ, творящымъ плоды его, к нимъ же посла ученикы своя, глаголя: шедше въ миръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари, да иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ; и: шедше научите вся языкы, крестяще я въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще я блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ. Лѣпо бо бѣ благодати и истинѣ на новыя люди въсіяти: не вливають бо, по словеси Господню, вина новаго, ученіа благодатна, въ мѣхы вѣтхы обетшавшаа въ Іюдействѣ; аще ли то, просядутся мѣси и вино пролѣется. Не могше бо закона стѣнь удержати, но многажды

.. Спаситель пришелъ, но Израилемъ не былъ принятъ, какъ говоритъ Евангеліе: *во своя пріиде, и свои Его не пріяша* (Іоан. I. 11), а язычниками принятъ, какъ предрекъ Іаковъ: *и той чаяніе языкъ* (Быт. 49, 10). Ибо, при самомъ рожденіи Его, волхвы изъ язычниковъ первые поклонились Ему: а Іудеи искали убить Его и за Него избили младенцевъ. Исполнилось слово Спасителя: *яко мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ, и возлягутъ со Авраамомъ, и Исаакомъ, и Іаковомъ, во царствіи небеснѣмъ. Сынове же царствія изгнани будутъ во тму кромешную.* (Мат. 8, 11, 12). И опять: *яко отъимется отъ васъ царствіе Божіе, и дастся языку, творящему плоды его* (21, 43). Къ язычникамъ послалъ Онъ учениковъ своихъ, говоря: *шедше въ міръ весь, проповѣдайте Евангеліе всей твари. Иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ.* (Мар. 16, 15, 16). И: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мат. 28, 19, 20). И прилично было благодати и истинѣ возсіять надъ новыми людьми. Ибо, по слову Господню, *не вли-*

идоломъ ся поклонявше, како истинныя благодати удержать ученіе? Но ново ученіе, новы мѣхы, новы языкы, и обое съблюдется.

вають вина новаго, то-есть ученія благодатнаго, *въ мѣхи ветхи*, обветшавшіе въ Іудействѣ: *аще ли же ни, то проседутся мѣси, и вино проліется* (9, 17). Когда не могли Іудеи сохранять закона образнаго, но многократно покланялись идоламъ: то какъ могли бы сохранить ученіе благодати истинной? Для новаго ученія нужны новые мѣхи, новые народы, и *обое соблюдется*.

Якоже и есть: Вѣра бо благодатнаа по всей земли распростреся, и до нашего языка Русскаго дойде, и законное езеро пресыше, евангельскый же источникъ наводнився и всю землю покрывъ, и до насъ проліявся..»

Такъ и было. Вѣра благодатная распространилась по всей землѣ, дошла и до нашего народа Русскаго. Воды закона изсохли, а источникъ Евангелія наполнился воды,— покрылъ всю землю, разлился и до насъ....

Ярославова Русская Правда.

1. Убьеть мужъ мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сынови. Аже не будеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову: аще будеть Русинъ, любо гридинъ, любо купчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аже изгои будеть, любо Словенинъ, то 40 гривенъ положити зань.

1. Если мужъ убьетъ мужа, то мстить за брата брату, за отца сыну, за сына отцу, или сыну братнину, или сыну сестрину. Если не будетъ мстителей, то съ убійцы взыскать 40 гривенъ, будетъ ли убитый Русинъ, или гриденъ, или купецъ, или ябетникъ, или меченосецъ. Если то будетъ и изгой, или Словенинъ, также полагается 40 гривенъ.

2. Или будетъ кровавъ, или синь надраженъ, то не искати ему видока человѣку тому; аже не будетъ на немъ знаменія никотораго же, то-ли пріидетъ видокъ; аще ли не можетъ, то тому конецъ. Оже ли себе не можетъ мьстити, то взяти за обиду 3 гривнѣ, а летцю мзда.

2. Или если кто будетъ избитъ до крови или синихъ пятенъ, то такому человѣку не искать очевидцевъ. Если же на немъ не будетъ никакихъ знаковъ, то онъ обязанъ представить свидѣтелей: и буде не можетъ того сдѣлать, то и конецъ дѣлу. Если кто не въ состояніи мстить за себя, то взять ему 3 гривны, да лѣкарю плата.

3. Аже ли кто кого ударитъ батогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснію, то 12 гривнѣ; аще сего не постигнуть, то платити ему; то ту конець.

3. Если кто кого ударитъ палкою, или жердью, или пястью, или чашею, или рогомъ, или тупой стороною меча, тотъ платитъ 10 гривенъ. Если бы его и не настигли, то все онъ платитъ 10 гривенъ битому, чѣмъ и кончится дѣло.

4. Аже утнеть мечемъ, а не вынемъ его, любо рукоятью, то 12 гривнѣ за обиду.

5. Оже ли утнеть руку, и отпадеть рука, любо усохнеть, то 40 гривнѣ; аще будеть нога цѣла, или начьнеть храмати, тогда чада смирять.

6. Аже ли перстъ утнеть которыи любо, 3 гривны за обиду.

7. А во усѣ 12 гривнѣ, а въ бородѣ 12 гривнѣ.

8. Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть, то тьй гривну положить.

9. Оже ли ринеть мужь мужа, любо отъ собе, любо къ собѣ, 3 гривнѣ, а видока два выведеть, или будеть Варягъ, или Колбягъ, то на роту.

10. Аже ли челядинъ съкрыется, любо у Варяга, любо у Кольбяга, а его за три дни не выведуть, а познають и въ третіи день: то изымати ему свои челядинъ, а 3 гривнѣ за обиду.

11. Аже кто поѣдеть на чюжемъ конѣ, не прошавъ его, то положити 3 гривнѣ.

12. Аже поиметь кто чюжь конь, любо оружіе, любо портъ, а познаеть въ своемъ миру, то взяти ему свое, а 3 гривнѣ за обиду.

13. Аже познаеть кто, не емлеть его, то не рци ему: мое, нъ рци ему тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ; или не поидеть, то поручника за пять днiи.

4. Если кто кого ударитъ мечемъ, или его рукояткою, съ того взыскать 12 гривенъ за обиду.

5. Но если кто кого ударитъ по рукѣ, и рука отвалится, или отсохнетъ, то платитъ 40 гривенъ. Если нога останется цѣла, илижь только начнетъ хромать, то дѣтямъ раненнаго смирять дерзкаго.

6. Если кто отсѣчетъ у кого какой-нибудь палецъ, тотъ платитъ за обиду 3 гривны.

7. За выдернутый усъ 12 гривенъ; за клокъ бороды тоже.

8. Если кто вынетъ мечъ, и однакожь не ударитъ, то платитъ гривну.

9. Если мужъ толкнетъ мужа отъ себя или къ себѣ, то платитъ 3 гривны; только обиженный долженъ представить двухъ свидѣтелей; если же это будетъ Варягъ или Колбягъ, то онъ даетъ только присягу.

10. Если рабъ укроется или у Варяга, или у Колбяга, и если они послѣ трехъ дней не выведутъ его, а господинъ между тѣмъ спознаетъ его въ третій день: то хозяину взять своего раба, да 3 гривны за обиду.

11. Кто безъ спросу поѣдетъ на чужой лошади, тотъ платитъ хозяину 3 гривны.

12. Если кто возметъ чужую лошадь, или оружіе, или одежду, и хозяинъ спознаетъ ихъ у кого-нибудь въ своей округѣ, то онъ имѣетъ право взять свою собственность и взыскать за обиду 3 гривны.

13. Но если хозяинъ спознаетъ свою вещь, однакожь не получитъ ея, то онъ не вправѣ сказать тому, въ чьихъ рукахъ та вещь остается: это мое, но долженъ сказать ему такъ: пойдемъ со мною на сводъ; отыщемъ, у кого ты взялъ это. Если тотъ не пойдетъ, то обязанъ представить двухъ порукъ на 5 дней.

14. Аже гдѣ възыщеть на друзѣ проче, а онъ ся запирати почнеть, то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка, да аже будеть обидя не вдалъ будеть достоино ему свои скоть, а за обиду 3 гривнѣ.

14. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, если кто станетъ искать чего-нибудь на другомъ, а сей начнетъ запираться, то истецъ долженъ идти съ нимъ на изводъ передъ 12 гражданъ. И если по изслѣдованію окажется, что отвѣтчикъ поступилъ не право, не давая требуемой вещи, то истецъ въ правѣ взыскать съ него свой скотъ (деньги), да за обиду 3 гривны.

15. Аже кто челядинъ пояти хощеть, познавъ свои, то къ оному вести, у кого то будеть купилъ, а тои ся ведеть другому, даже доидеть до третьего, то рци третьему: вдаи ты мнѣ свой челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ.

15. Если кто, спознавъ своего раба, захочетъ взять его, то отвѣтчикъ долженъ вести господина къ тому, у кого онъ купилъ спознаннаго раба, а сей обращается ко второму, второй къ третьему; здѣсь господинъ долженъ сказать третьему: ты мнѣ отдай твоего раба, а свой скотъ (деньги) отыскивай при очевидцѣ.

16. Или холопъ ударить свободна мужа, а бѣжить въ хоромъ, а господинъ начнеть не дати его: то холопа пояти, да платить господинъ занъ 12 гривнѣ, а за тымъ где его налѣзуть удареныи тои мужъ, да бьютъ его.

16. Если холопъ ударитъ свободнаго человѣка и скроется въ домѣ, а господинъ не захочетъ выдать его, то платитъ господинъ за него 12 гривенъ. Послѣ, ударенный имъ человѣкъ, если встрѣтитъ его гдѣ-нибудь, имѣетъ право бить его.

17. А иже изломить копье, любо щитъ, любо портъ, а начнеть хотѣти его деръжати у себе, то пріати скота у него; а иже есть изломилъ, аще ли начнеть примѣтати, то скотомъ ему заплатити, колько далъ будеть на немъ.

17. Если кто испортитъ у кого копье, или щитъ, или одежду, и пожелаетъ испорченное оставить за собою, то хозяину взять за то съ него скота (деньги). Но если бы онъ испорченнаго не захотѣлъ удержать за собою, то платитъ ему скота (денегъ) столько, сколько бы онъ самъ заплатилъ за тѣ вещи.

Княженіемъ Ярослава оканчивается первый періодъ Русской Исторіи, который по всей справедливости можно называть Варяжскимъ или Норманскимъ. Князья, сохраняя чистый Норманскій характеръ, подновляемый брачными союзами, ходили войною во всѣ стороны, на востокъ и западъ, югъ и сѣверъ, и облагали данію сосѣднія племена, близкія и дальнія, распространяя предѣлы своихъ владѣній и вводя вездѣ Норманскіе порядки.

Любимою цѣлію ихъ бранныхъ набѣговъ былъ Константинополь, платившій Руси почти постоянную дань.

Соображая описанныя событія, мы постараемся теперь извлечь ихъ смыслъ, и выразумѣть, какъ возникало, развивалось и образовалось ими государство Русское.

ОБРАЗОВАНІЕ ГОСУДАРСТВА.

И государства, какъ всѣ существа въ мірѣ, начинаются непримѣтными точками. Долго, долго, въ сильное увеличительное стекло, надо смотрѣть на безобразную, разнородную груду земли, людей и ихъ дѣйствій, на этотъ человѣческій хаосъ, чтобъ наконецъ поймать въ немъ трепещущую точку, punctum saliens, по выраженію анатомиковъ, поймать, вонзиться взорами, и уже не выпускать потомъ ни на минуту изъ виду; съ напряженнымъ вниманіемъ подмѣчать ея тихое, медленное, постепенное увеличеніе, всѣ эпохи, или лучше, моменты развитія, пока наконецъ, чрезъ много, много лѣтъ, много времени, точка эта обозначится, забьется жизнію, установится на своемъ мѣстѣ, приметъ лице, одѣнется плотію, укрѣпится костьми, и начнетъ дѣйствовать.

Рюрикъ призванъ былъ Новогородцами.

Это происшествіе принадлежитъ одному Новугороду, и то не надолго: послѣ того какъ преемникъ Рюриковъ оставилъ Новгородъ, оно оторвалось, если можно такъ выразиться, отъ послѣдующей Исторіи; всѣ дѣла пришли въ первобытное положеніе, то-есть Новогородцы стали жить сами по себѣ, и платить дань заморскимъ Варягамъ, какъ прежде, и ушедшимъ Варягамъ-Руси, которымъ посчастливилось утвердиться въ Кіевѣ. Кромѣ сей дани Новгородъ не соединенъ уже былъ никакими узами съ Кіевомъ, и слѣдовательно съ текущей рѣкою Русской Исторіи, а напротивъ составилъ особое цѣлое, какъ то мы видимъ ясно при Святославѣ, который отказывался отъ него за себя и сыновей. Въ Новѣгородѣ мы усматриваемъ только новое гражданское, то-есть Норманское начало при Рюрикѣ, которое вскорѣ подверглось вліянію древняго Славянскаго, блеснуло и угасло.

Слѣдовательно такое совершенно отдѣльное происшествіе нельзя назвать безусловно *началомъ Русскаго Государства*, еще менѣе нежели современное утвержденіе Аскольда и Дира въ Кіевѣ. Это только прибытіе, начало водворенія Норманновъ между нашими Славянскими племенами, временный военный постой въ одномъ городѣ.

Почему же этимъ происшествіемъ начинаютъ Русскую Исторію? Не имѣетъ ли оно покрайней мѣрѣ какой-нибудь доли въ основаніи государства? Не соединяется ли чѣмъ-нибудь съ послѣдующими происшествіями? Нѣтъ ли какого перешейка, моста, между этимъ островомъ и твердою землей?

Главное, существенное въ этомъ происшествіи, относительно къ происхожденію Русскаго государства, есть не Новгородъ, а лице Рюрика, какъ *родоначальника династіи*, хотя онъ, подобно Ромулу, не имѣлъ, можетъ-быть, никакого понятія о своемъ будущемъ значеніи, Рюрика, который пришелъ съ чувствами дружелюбными къ племени, призывавшему его по доброй волѣ. Началось преемство, стало за кѣмъ слѣдовать, хотя еще и въ пустомъ пространствѣ. Вотъ почему это происшествіе безсмертно въ Русской Исторіи! Воздадимъ честь и Новугороду, старшему сыну Россіи, (рожденному впрочемъ прежде матери), за призваніе Князя,

котораго роду предназначено было основать впослѣдствіи величайшее государство въ мірѣ.

Младенецъ Рюриковъ, Игорь, съ его дружиною, есть единственный плодъ Норманскаго призванія въ Новгородъ, единственный ингредіентъ въ составленіи государства, тонкая нить, которою оно соединяется съ послѣдующими произшествіями. Все прочее прешло, не оставивъ слѣда. Еслибъ не было Игоря, то объ этомъ сѣверномъ Новогородскомъ эпизодѣ почти не пришлось бы, можетъ-быть, говорить въ Русской Исторіи, или только мимоходомъ.

Такимъ непримѣтнымъ атомомъ, относительно къ формаціи, началось государство, зародышемъ, который именно едва поймать можно микроскопомъ историческихъ соображеній. Это, употребимъ сравненіе, корень безсмысленный слова, первый элементъ звука.

Олегъ, удалой Норманнъ, соскучился въ Новѣгородѣ, или принужденъ былъ оставить его; пошелъ, съ младенцемъ Игоремъ, куда глаза глядятъ. Случай, прихоть, нужда! Онъ пошелъ точно, куда глаза глядятъ, ибо поселиться въ Кіевѣ онъ сначала не могъ думать навѣрное: тамъ жили его земляки, Аскольдъ и Диръ, и жили уже 20 лѣтъ, обострожились и утвердились; ему нельзя было предполагать, чтобъ эти бранные, какъ онъ, витязи согласились уступить ему добровольно богатое мѣсто. И въ самомъ дѣлѣ, онъ побоялся борьбы сомнительной, и послѣ, достигнувъ Кіева, пошелъ на нихъ не съ открытою силою, а съ хитростію, которая могла удасться и нѣтъ.

Или—Олегъ могъ отправиться съ своей дружиной мимо Кіева, на службу въ Грецію, и пропасть тамъ вмѣстѣ съ Игоремъ, не оставивъ слѣда, подобно сотнямъ своихъ единоплеменниковъ, и тогда другой видъ Исторіи, другія лица и другія имена!

А какъ сомнительна судьба Игоря, младенца, только что рожденнаго, младенца, на которомъ однакожь лежитъ судьба отечества, который остался связать всю послѣдующую Исторію съ Новогородскимъ призваніемъ Норманновъ, который долженъ утвердить еще за отцемъ своимъ мѣсто въ главѣ Русской Исторіи.

Кромѣ тѣхъ опасностей, кои раздѣлялъ онъ съ Олегомъ, онъ имѣлъ другія: Олегъ могъ имѣть дѣтей, которые отняли бы власть у него, то-есть предводительство, начальство надъ дружиною, легко могшее достаться болѣе рѣшительному, храброму, искусному.

Вотъ какимъ случайностямъ подвергался Олегъ, и при немъ Игорь, и зародышъ Русскаго Рюрикова государства!

Но не слишкомъ ли еще много видѣть здѣсь зародышъ государства? Точно, это менѣе чѣмъ зародышъ, это математическая точка, почти идея.

Оставляя Новгородъ, Олегъ дѣлался странствующимъ рыцаремъ съ своею дружиною, лишался мѣста. Въ эту минуту какъ будто пропало, скрылось изъ виду зачавшееся государство. Минута неизвѣстности! Сѣмя предано произволу вѣтровъ!

Не должны ли мы трепетать за него? Что съ нимъ будетъ? Куда понесется оно? Гдѣ найдетъ себѣ родимую почву?

Успокоимся! Благопромыслительной Десницею несется оно именно въ Кіевъ, гдѣ ему приготовлено лоно, гдѣ государству поставлена цѣль. Мнимою прихотью Олега выражается воля Провидѣнія! Династія, оставшись въ Новѣгородѣ, повела бы дѣла по не-

обходимости иначе. Изъ Новагорода должна бы утвердиться у насъ связь не только государственная, но и духовная, съ Западомъ, Латинствомъ, Папою, а видно было надо, по высшему предначертанію, чтобъ Европа состояла пока изъ двухъ половинъ, чтобъ разпадавшейся въ то время Религіи пріуготовилась особая Церковь на Востокѣ, чтобъ тамъ когда-то, чрезъ тысячу лѣтъ, среди Славянскихъ племенъ, народилось государство-наслѣдникъ Римскому Востоку, Греческой Имперіи, Константинополю, какъ Римскій Западъ достался въ наслѣдство, съ землею, жителями, религіей и образованіемъ, Нѣмецкому народу.

Олегъ пошелъ, точка двинулась, это правда, точка, не болѣе, но выйдетъ линія, и какая линія? Полъ-экватора, треть меридіана.

Олегу посчастливилось овладѣть Кіевомъ. Онъ умертвилъ владѣльцевъ Кіевскихъ, а мирные жители приняли его безъ сопротивленія. Онъ остановился здѣсь, и потомъ рѣшился, кажется, остаться, по крайней мѣрѣ съ своей стороны, въ этомъ городѣ, обильномъ естественными произведеніями, на большой рѣкѣ,—откуда такъ легко можно было набѣгать на всѣ стороны, особенно на приманчивый Царьградъ,— гдѣ такъ хорошо было, впродолженіи двадцати лѣтъ, его единоплеменникамъ, Аскольду и Диру. Впрочемъ гдѣнибудь надо жить, лишь бы жить, и всякая минута могла перемѣнить намѣреніе. Поселеніе Олега въ Кіевѣ было также мирно, какъ и Рюриково въ Новѣгородѣ, чѣмъ и опредѣлялся характеръ ихъ взаимныхъ отношеній къ жителямъ.

Владѣя Кіевомъ и его областію, Олегъ въ благопріятныхъ обстоятельствахъ удержалъ право Рюриковыхъ даней, и распространилъ опыя, обложивъ новыя племена. За данью однакожь надо было всегда ходить нарочно—оброкъ непостоянный, первая легкая форма подданства. Племена не входили еще въ составъ государства, почти точно какъ платя дань прежде за море въ 859 г., а только подготовлялись. Кое-гдѣ были оставлены мужи, которые вѣрно отлучались часто, ходя на войну. Смерть застала Олега въ Кіевѣ.

Кіевъ, съ выраженіемъ Олега: се буди мати градомъ Русскимъ, и временная дань съ нѣкоторыхъ племенъ, — вотъ состояніе зародыша, форма государства, оставленнаго преемникомъ Рюрика.

Лѣнивый Игорь потерялъ-было дани, переставъ ходить за ними, и племена, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, отлагались. Покрайней мѣрѣ всю свою жизнь онъ прожилъ въ Кіевѣ, и привычка, которую называютъ второю природою, привычка дружины и города къ Князю и его роду, а Князя къ дружинѣ и народу, привычка къ осѣдлости и какому-то порядку вещей, укоренялась, скоплялось имѣніе. Таково было при Игорѣ пріобрѣтеніе, почти невещественное, къ родительскому наслѣдству. Сѣмя не развилося, но нѣсколько укрѣпилось, приготовилось для развитія. Подъ конецъ своей жизни Игорь захотѣлъ-было притѣснить сосѣднихъ Древлянъ, и погибъ за то отъ руки ихъ. Новая опасность, покрайней мѣрѣ опасность Рюрикову роду: ближнее племя возстало, и рѣшилось на такое отважное дѣйствіе—убить Князя: что же сдѣлаютъ дальнія! Что будетъ съ самою дружиною? Какъ легко кажется какому-нибудь смѣльчаку захватить начальство, и увести ее на промыселъ, или самому сѣсть на престолъ!

Къ счастію, вдова Игорева, Ольга, имѣла характеръ мужескій: она устроила всѣ дѣла, и мстя за смерть Игоря, опустошила землю Древлянскую, привела ее въ бо́льшую зависимость; она же установила нѣкоторыя дани на сѣверѣ.

У Игоря былъ также одинъ сынъ, какъ у Рюрика, Святославъ, къ счастію молодой Руси, которой необходимо было разпространиться прежде, нежели раздѣлится, которой необходимо было разкинуться, хоть слегка, изъ одного центра, а не многихъ: одно сѣмя должно было пока развиваться, одно государство рости, а не многія равносильныя возникнуть вдругъ. Рано было начинаться удѣльнымъ княжествамъ: если бы у первыхъ Князей было по многу дѣтей, то они, поссорясь тотчасъ между собою, (неизбѣжный случай), возпрепятствовали бъ развитію, не укрѣпясь ослабли бъ, и не успѣли бъ захватить столько посторонныхъ земель, кои могли отойти въ составъ другихъ государствъ. Тяжело дѣтямъ остаться сиротами, пока отецъ не устроитъ хозяйства. Силѣ предлежало еще поприще внѣ, а не внутри.

Святославъ, храбрый, твердый, воинственный, возмужавъ, взялъ, и слѣдовательно сталъ брать, дань съ новыхъ племенъ, и смирилъ прежнія, которыя безпрестанно пыталися откладываться. Но все онъ владѣлъ собственно однимъ Кіевомъ. Такъ и думалъ, если о чемъ-нибудь думалъ. Еще болѣе— самый Кіевъ онъ считалъ постоемъ, и рѣшился оставить его такъ, какъ Олегъ оставилъ Новгородъ. Ему мало стало скудной дани по какой-нибудь веверицѣ съ дыма, когда Греція предлагала ему золото пудами, и онъ рѣшился не перенесть столицу, (это невѣрное выраженіе), а—жилье въ другое мѣсто, переселиться къ другому Славянскому племени, въ страну имъ покоренную, въ Болгарію, и перенести сѣмя въ другую почву! Оно такъ слабо привязано было къ нашей землѣ, хотя и пустило уже ростокъ, такой слабый корень имѣло, что не стоило ни малѣйшаго труда оторвать его. Зародышъ выкинутъ. Болгаріи выпадалъ жребій сдѣлаться Русью, Нормандіей. Наша почва оставалась для другаго сѣмени, и всего прежняго почти какъ будто не бывало. Ясное ли доказательство, что понятіе объ осѣдлости, наслѣдственности, поземельной собственности, было еще ничтожно, и одной черты въ Норманскомъ характерѣ Святослава достаточно было, чтобъ уничтожить, изгладить слабые плоды ста лѣтъ. Святославъ пошелъ, и сѣмя опять предано произволу вѣтровъ. Передъ отбытіемъ Святославъ отдалъ старшему сыну Ярополку свой Кіевъ, а втораго послалъ княжить на Волынь. Святославъ не раздѣлилъ, какъ говорятъ у насъ обыкновенно, свои владѣнія, но другаго сына послалъ въ дикое поле. Древлянъ, племя самое близкое къ Кіеву, разоренное Ольгою, обложенное двойною данію, и потому тѣснѣе связанное съ Кіевомъ, легче было держать въ повиновеніи. Вотъ главная причина, почему Святославъ послалъ туда сына.

Третьяго сына, Володимера, вытребовали себѣ сами Новогородцы, почти противъ воли Святослава, который говорилъ имъ даже: кто къ вамъ пойдетъ?

Слѣдовательно, Святославъ все-таки владѣлъ однимъ Кіевомъ, *гдѣ жилъ*, гдѣ жилъ и отецъ его; здѣсь нечего говорить о дѣленіи, ибо дѣлятъ цѣлое, дѣлятъ свое владѣніе, а Святославъ не владѣлъ Древлянами, которые платили ему только дань. Тѣмъ болѣе должно сказать это о прочихъ дальнихъ пле-

менахъ, и, всего вѣрнѣе и точнѣе, о Новогородцахъ. Но еслибъ даже и владѣлъ — все только Кіевомъ и ближнею Волынью. Вотъ что отдалъ онъ двумъ сыновьямъ своимъ.

Не было дѣленія, и еще менѣе пагубнаго примѣра! Дѣленіе было общее во всей Европѣ, необходимая принадлежность, степень гражданскаго общества, а не частная ошибка. Но у насъ, повторю, не было еще ни дѣленія, ни частной ошибки, ни примѣра.

Святославъ пошелъ въ Болгарію. Дѣти его могли слѣдовать за нимъ туда же—по его смерти, въ помощь, для участія въ его походахъ и предпріятіяхъ, а какая приманка для корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ Норманновъ богатый Константинополь и Малая Азія! И между Славянскими племенами возникли бъ опять прежнія отношенія, и надлежало бъ ожидать новыхъ обстоятельствъ, новыхъ государей, для готовыхъ элементовъ государства.

Какъ все зыбко!

Случился же именно въ это время въ Греціи такой государь, какъ Іоаннъ Цимискій, одинъ изъ самыхъ воинственныхъ государей въ цѣломъ ряду Византійскихъ Императоровъ, впродолженіи долговременнаго періода. Онъ заставилъ Святослава удалиться изъ любезной Болгаріи, который на возвратномъ пути и сложилъ буйную свою голову, съ остальными мужами. Сыновья его лишены были средствъ идти въ Болгарію, отнятую Греками, не могли переселиться туда, еслибъ и хотѣли. Они остались у насъ, владѣя порознь Кіевомъ, Волынью и Новгородомъ.

Сѣмя переслано опять къ намъ, или лучше, укрѣпилось, глубже опустилось въ нашей землѣ. Опасностей стало меньше, по крайней мѣрѣ дома.

До сихъ поръ было по одному Князю, и у этого одного Князя бывало во владѣніи по одному городу, изъ котораго уже онъ ходилъ, по своему усмотрѣнію, брать дань съ разныхъ племенъ, ближнихъ и дальныхъ. Теперь являются три Князя, три брата, сыновья Святослава.

Олегъ такъ княжилъ на Волыни, а Володимеръ въ Новѣгородѣ, какъ Ярополкъ въ Кіевѣ.

Еще два племени стали приготовляться къ составу будущаго Государства, хотя и порознь: не цѣлое раздѣлилось на части, какъ мы видѣли, но части возникли, кои послѣ составятъ цѣлое. Прибавимъ Полоцкъ съ Рогвольдомъ, и Туровъ съ Туромъ.

Были-ль раздѣлены дани между братьями? Вѣроятно, сначала каждому предоставлялось ходить въ свою сторону, какъ далеко сможетъ. Но у нихъ не было и времени ходить за данью по племенамъ, ибо братья тотчасъ перессорились между собою, сперва Ярополкъ съ Олегомъ, потомъ Володимеръ съ Ярополкомъ, и возникла мысль объ единомъ владѣніи: одинъ хотѣлъ завладѣть, чѣмъ владѣли трое.

Ярополкъ одолѣлъ Олега, а Володимеръ, испугавшись, бѣжалъ за море. «и бѣ Ярополкъ владѣя единъ въ Руси,» посадивъ посадниковъ на Волыни и въ Новѣгородѣ. Вотъ уже новое явленіе! Ярополкъ, какъ прежде Рюрикъ, схвативпись, такъ сказать, за оставшіеся концы, удержалъ власть братьевъ во всей полнотѣ ея, и слѣдовательно получилъ ея больше всѣхъ своихъ предшественниковъ. Пребываніемъ Князя въ городѣ, какъ будто узаконивалась принадлежность его наслѣднику. Всѣ три области, Кіевъ, Волынь и Новгородъ, составили одно владѣніе. Яро-

полкъ одинъ владѣлъ изъ Кіева Волынью и Новгородомъ, чрезъ своихъ посадниковъ.

Всѣ три племени достались точно также Володимеру.

Володимеръ, живя почти чрезъ сто лѣтъ послѣ Рюрика,—а время имѣетъ свою силу, особую отъ происшествій и лицъ,—Володимеръ, очень богатый, ибо ему достались добычи ста лѣтъ, добычи Рюрика, Олега, Игоря, Святослава, съ сильнымъ характеромъ и браннымъ духомъ, Володимеръ, который, кромѣ своего Новагорода, отнялъ три владѣнія, (Полоцкъ, Древлянъ и Кіевъ), и умертвилъ двухъ владѣтелей, (Рогвольда съ сыновьями и Ярополка), Володимеръ сдѣлался первый Княземъ-государемъ въ настоящемъ значеніи этого слова, хотя все еще слабо, то-есть только владѣтелемъ.

Ему не была уже нужна помощь чуждая Варяжская, и онъ спровадилъ отъ себя главную ватагу: такъ былъ онъ силенъ своими собственными домашними силами.

Онъ ходилъ за данью гораздо дальше прежнихъ Князей, даже за Карпаты, вѣроятно опредѣляя оную (Новогородцы), а съ другой стороны за Волгу. Нѣкоторыя племена привозили дань ему даже сами, въ Кіевъ.

Онъ жилъ въ своемъ владѣніи, не думая о переѣздѣ, какъ еще его отецъ, такъ сказать—водворился, установился, а духъ Норманскій, духъ движенія, чрезъ сто двадцать лѣтъ, въ четвертомъ колѣнѣ, родившемся на Руси, стихнулъ и самъ по себѣ.

У Володимера было двѣнадцать сыновъ, (самое прежнее многоженство его имѣетъ здѣсь свою историческую важность и значеніе), и онъ разослалъ ихъ по племенамъ, удѣливъ каждому часть своей дружины, которая была у него многочисленнѣе по его связямъ и богатству, чѣмъ у его предковъ, и совершенно отъ него зависѣла. Вотъ когда собственно племена начали входить въ составъ государства, или приготовлять будущее государство, образовываясь въ гражданскомъ отношеніи отдѣльно, порознь. Вмѣсто двѣнадцати прежнихъ племенъ, двѣнадцати даней, мы видимъ теперь двѣнадцать особливыхъ владѣній, княжествъ, подъ владычествомъ отца, Великаго Князя Кіевскаго.

Супруга Володимера Анна, дочь и сестра Византійскихъ Императоровъ, съ коею вступивъ въ супружество, онъ принялъ Христіанскую вѣру, содѣйствовала еще болѣе къ утвержденію этой мысли о постоянномъ мѣстопребываніи, сохраненіи владѣнія, и оставленіи въ наслѣдство дѣтямъ. (Точно какъ послѣ другая Греческая Царевна, Софія, утвердила идею Царя при Іоаннѣ III, и устроила Дворъ).

Прибавьте долгую жизнь, тридцать пять лѣтъ княженія, участіе Духовенства, которое у насъ, какъ вездѣ, приложило, разумѣется, особое стараніе о смягченіи нравовъ, и слѣдовательно о мирной осѣдлой жизни.

Такимъ образомъ политическое соединилось съ религіознымъ, и первый Христіанскій Князь былъ вмѣстѣ и первымъ государемъ-владѣтелемъ, чуть ли и не правителемъ, потому что въ его время мы видимъ слѣды положительнаго, письменнаго законодательства, вѣроятно по примѣру Церкви,—сперва, разумѣется, по Норманскимъ обычаямъ для дружины, а потомъ и для народа, со вліяніемъ Греческихъ и туземныхъ обычаевъ.

Каждый сынъ Володимеровъ княжилъ такъ въ своемъ городѣ, какъ отецъ въ Кіевѣ, средоточіи, матери всѣхъ городовъ Русскихъ, по выраженію Олега. Живя по срединѣ пле-

менъ, Князья могли легче содержать ихъ въ полномъ подданствѣ, нежели прежде одинъ Князь изъ дальняго Кіева, и пріучать къ повиновенію. Всѣ они были однакожь слабѣе своего отца, которому платили урочную дань, не смѣя ему противиться, кромѣ подъ конецъ одного Ярослава, который былъ дальше всѣхъ, и могъ надѣяться на чуждую помощь.

Сыновья, какъ и отецъ, должны были считать города уже своею собственностію, и даже какъ средствомъ для прокормленія, содержанія. Понятіе о наслѣдствѣ стало прикладываться къ землѣ, приготовилось понятіе о поземельной, хотя временной, собственности у Князей, которые, разумѣется, начали принимать участіе и въ правленіи по примѣру отца. Намѣчены будущіе удѣлы по племенамъ.

Но всѣ эти Князья жили не долго. Одни перемерли (при немъ и послѣ, Вышеславъ, Изяславъ, и проч.), другіе погибли вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ (при Святополкѣ—Борисъ, Глѣбъ, Святославъ, и потомъ самъ онъ, Святополкъ), третьи (Судиславъ) не могли ничего сдѣлать противъ Ярослава, который остался одинъ, и послѣ нѣсколькихъ междоусобныхъ войнъ, (со Святополкомъ, Брячиславомъ, Мстиславомъ), и смерти братьевъ, получилъ почти всѣ ихъ княжества.

Онѣ достались ему уже *съ такою* зависимостію, въ какой, привыкнувшія, находились отъ его братьевъ, принадлежали ему еще крѣпче, разумѣется, нежели Володимеру, и были управляемы по заведенному порядку, чрезъ намѣстниковъ, ему подчиненныхъ.

Ярославу принадлежали Кіевъ, Волынь, Подолія, Галиція, Литва, Балтійское поморье, Новгородъ, Двинская область, Поволожье, Сѣверская страна.

Всѣ сіи страны принадлежали ему точно, ибо города ихъ мы находимъ немедленно въ удѣлахъ сыновъ и внуковъ, какъ ихъ отчины, и на оборотъ — при сихъ послѣднихъ они не могли быть завоеваны, потому что всѣ дѣйствія ихъ извѣстны намъ по лѣтописямъ.

Границами Ярославовыхъ владѣній были: Балтійское море, нынѣшняя Пруссія, Царство Польское, Карпаты, Новороссійскія степи, Волга, отдаленное Заволочье.

Такъ удалые Норманны, въ продолженіи двухъ-сотъ лѣтъ, раскинули планъ будущаго государства, намѣтили его предѣлы, нарѣзали ему земли безъ циркуля, безъ линейки, безъ астролябіи, съ плеча, куда хватила размашистая рука...

Всѣ племена и города находились въ подданствѣ у одного Князя, (а потомъ одного рода), были одного происхожденія, говорили однимъ языкомъ, хотя и разными нарѣчіями, исповѣдывали одну вѣру, —словомъ, это было государство, въ нѣкоторомъ смыслѣ, цѣлое, хотя и сметанное на живую нитку. Шлецеръ, —заключу мое разсужденіе словами великаго учителя, —назвалъ удачно этотъ періодъ Russia nascens.

И такъ двѣсти лѣтъ раждалась Россія....

Симеонъ Полоцкій молился Богу, говоритъ преданіе, чтобъ муки Царицы Натальи Кириловны продолжились болѣе, дабы новорождаемый младенецъ Петръ воспользовался должайшею жизнію. Можетъ-быть двухсотлѣтнему рожденію и младенчеству Русскаго Государства, еще долговременнѣйшему юношеству, будетъ соотвѣтствовать въ размѣрности настоящее доблестное мужество и будущая мудрая старость.

СОСТОЯНІЕ ОБЩЕСТВА.

Общество во вновь образовавшемся государствѣ составляли: Князь, дружина, вои, смерды.

Первою заботою Норманскихъ Князей было здѣсь, какъ и въ прочихъ странахъ Европы, утвердить власть за собою, для чего, на удобныхъ мѣстахъ, строили они, (Рюрикъ, Олегъ, Володимеръ, Ярославъ), новые *города*, и занимали нужнѣйшіе изъ прежнихъ, поселяя въ тѣхъ и другихъ своихъ людей.

Ставъ твердою ногою на всѣхъ важнѣйшихъ точкахъ, они принялись межевать землю по своему обычаю для опредѣленія даней. Веревка, упоминаемая въ лѣтописяхъ Норманди, употреблялась здѣсь безъ сомнѣнія точно также, и слѣды ея остаются долго— въ названіи участковъ, на кои раздѣлена была земля, *верви*, въ глаголѣ *тянуть*, которымъ до сихъ поръ означается принадлежность, въ старинныхъ грамотахъ.

Подчиненныя племена обложены были *данью* отъ дыма или отъ рала, отъ плуга, по бѣлкѣ, по куницѣ, медомъ, скорою, и другими естественными произведеніями, а нѣкоторыя платили по шлягу, вѣроятно по какой-нибудь иностранной серебряной монетѣ, Арабской, Греческой, Норманской, пріобрѣтенной торговлею. Количество дани составляло цѣну и значеніе волости.

Князь держалъ землю, охранялъ безопасность, налагалъ дань, раздавалъ волости, ходилъ на войну, заключалъ договоры, творилъ судъ и правду, пользуясь за то извѣстными податями.

Сидѣть, держать, ходить, водить, рядить— вотъ какими словами можно опредѣлить нѣкоторымъ образомъ кругъ княжескихъ дѣйствій, покрайней мѣрѣ домашнихъ: *сидѣть* — владѣть, *сажать*— давать власть, *держать*—управлять, *ходить*—собирать дань, *водить*—назначать, *рядить*—распоряжаться.

За данью Князь ходилъ самъ, или посылалъ своихъ мужей по извѣстнымъ опредѣленнымъ путямъ. Вмѣстѣ съ собираньемъ дани Князь занимался и *судомъ*. Такіе объѣзды получили впослѣдствіи названіе полюдьевъ, а *путь* сдѣлался однозначительнымъ съ данью.

Дружина составляла драгоцѣнное сокровище Князя, ходила съ нимъ на войну, призывалась на совѣтъ, пировала вмѣстѣ.

Находясь всегда при Князѣ, обновляясь часто новыми пришельцами, вслѣдствіе убыли при безпрерывныхъ походахъ, особенно съ Святославомъ, Володимеромъ и Ярославомъ, дружина не могла пустить глубоко корней въ землѣ, она не получила поземельной собственности, которою, по причинѣ малозначительности, не дорожила, довольствуясь участіемъ въ добычѣ и дани.

Это преимущество движимаго имущества предъ недвижимымъ дало особый характеръ древней Русской Исторіи, а по ней и времени послѣдовавшему.

Дружина раздѣлялась на старшую и младшую, *бояръ* и *отроковъ* или *дѣтскихъ* (упоминаются еще между ними гриди и гости). Званія эти были наслѣдственны.

Нѣкоторые изъ нихъ получали волости и города въ управленіе и себѣ на содержаніе, гдѣ замѣняли Князя, посылались также собирать дань.

Бояре имѣли своихъ *отроковъ* (отроци Свѣнелжи).

Остальные Норманны разселились по городамъ и составили главную часть ихъ населенія, военное сословіе. Они содержались на счетъ тянувшихъ къ нимъ судомъ и данью волостей, созываемые ходили на войну, и также получали долю въ добычѣ. Дѣла свои рѣшали они въ общихъ собраніяхъ или *вѣчахъ*, въ которыхъ принимали участіе, разумѣется, и туземные обитатели.

Городъ раздѣлялся на внутренній и внѣшній, внѣшній—*острогъ*, внутренній—*дѣтинецъ* (послѣ кремль), получившій имя вѣроятно отъ дѣтскихъ, его занимавшихъ.

Въ городахъ были *посадники*, собственно правители, *тысяцкіе*—начальники надъ воями, *тіуны*—надъ сборами. Подъ ними были *сотскіе* и *десятскіе*. При судѣ встрѣчаются имена *ябедника* и *метельника* съ неопредѣленными занятіями. Отроки были ихъ помощниками.

Туземное Словенское населеніе называлось на языкѣ господствовавшаго племени *смердами*. Оно жило по волостямъ и городамъ, владѣло землею, производило по мѣстамъ торговлю, тянуло данью къ судамъ и городамъ, а во всѣхъ прочихъ дѣлахъ управлялось само собою.

Поселяне шли, кажется, охотно по найму въ *закупы*, преимущественно *ролейные*, обработывать землю и исправлять другія службы и распоряженія господина, за извѣстное жалованье, надѣясь жить спокойнѣе подъ его защитою, и имѣя свободу переходить куда угодно.

Много искони было и *холоповъ*, добытыхъ войною, на сторонѣ и дома, вслѣдствіе вины и сопротивленія, какъ Древлянъ во время Ольги. Холопами или невольниками производилась даже значительная торговля внѣшняя.

Холопству подвергались и свободные, за извѣстныя вины, за неплатежъ долга, за женитьбу на рабѣ.

Торговлею занимались Норманны и Словене, всѣ сословія безъ различія, и даже сами князья, по Днѣпру съ Греціей, по Волгѣ съ Востокомъ, по Двинѣ съ Пермью, по Невѣ и Двинѣ съ Балтійскимъ моремъ.

Серебро цѣнилось на вѣсъ: гривна (марка, литра), означала фунтъ. Въ гривнѣ считалось 20 ногатъ, а въ ногатѣ двѣ съ половиною рѣзани. Кунъ въ гривнѣ 25. Кунами назывались и вообще деньги, другое слово для денегъ—скотъ.

Языкъ слышался двоякій. Пришлое племя употребляло свой языкъ сѣверный, Norrena, котораго слѣды мы встрѣчаемъ въ именахъ собственныхъ: Рюрикъ, Труворъ, Аскольдъ, Диръ, Олегъ, Игорь, Свѣнельдъ, Руалдъ, Торбернъ, Иваръ, Гримъ, Колскетъ, Фроде, Адунъ и проч.; въ именахъ Днѣпровскихъ пороговъ ессупи (ei-sofa, неспи), ульворси (holmfors, островной прагъ), геландри (giallandi, звенящій), варуфоросъ (barufors, волнистой порогъ); въ именахъ, относящихся къ гражданскому устройству и управленію: бояре, тіуны, гридни, гости, смерды, люди, ябедники, верви, дума, губа, вира, рядъ, скотъ, гривна, стяги.

Въ мужахъ княжихъ, отрокахъ и дѣтскихъ, добрыхъ людяхъ, дружинѣ, робичичѣ, слышится переводъ.

Туземцы говорили своими Словенскими нарѣчіями (еще очень между собою близкими), въ коихъ мало-по-малу потерялся языкъ сѣверныхъ пришельцевъ.

Точно тоже должно сказать и о *вѣрѣ*. Норманское ученіе видно по договорамъ съ Греками,—въ ихъ клятвахъ, знаменующихъ вѣру въ безсмертіе души; по сказаніямъ Не-

сторовымъ, въ ихъ жертвоприношеніяхъ, и именахъ боговъ: Перуна и Волоса; по извѣстіямъ Арабскимъ—въ ихъ обрядахъ.

Славянское ученіе должно быть возстановлено изъ языка, извѣстныхъ и уцѣлѣвшихъ обычаевъ и обрядовъ, повѣрьевъ и пѣсенъ.

Стрибогъ и Дажбогъ, въ числѣ кумировъ, поставленныхъ Володимеромъ, принадлежали, безъ сомнѣнія, Славянамъ.

Волхвамъ приписывалось знакомство съ тайными силами природы и ихъ употребленіемъ.

Норманскія и Славянскія вѣрованія уступили святому *ученію Христову*, котораго первыя сѣмена принесены Аскольдомъ и Диромъ, одновременно почти съ основаніемъ государства въ Новѣгородѣ; плоды его мы видимъ уже въ дружинѣ Игоревой, и наконецъ особенно въ жизни В. К. Ольги и Володимера. Греческіе духовные, а за ними и Болгарскіе, явились въ Кіевѣ, и завели живую связь съ Византіей, умственную и духовную.

Священное Писаніе, переведенное тогда же *на близкое* родственное Славянское *нарѣчіе*, если не тождественное, понятное всему народу, разнесло повсемѣстно новыя правила, взгляды, мысли. Принятіемъ Христіанской вѣры Володимеромъ произошелъ переворотъ въ избранныхъ душахъ.

Способность, съ коей принято было и выразумлено многими святое ученіе, указываетъ на готовность и значительную степень житейскаго *развитія* племенъ. Основались многіе *монастыри* мужскіе и женскіе, гдѣ новые люди устремились искать спасенія. Другіе пустились на Востокъ въ *странствіе* ко святымъ мѣстамъ. Въ дальнихъ областяхъ и глухихъ мѣстахъ, впрочемъ, долго держалось язычество. Изъ Ростова многіе жители выселились на Волгу, не желая принять Христіанской вѣры, и нѣкоторые обряды его уцѣлѣли до нашего времени.

Вмѣстѣ съ Христіанскою вѣрою начинается у насъ письменность и *грамотность*: кромѣ Священнаго Писанія Русскіе христіане получили книги нужныя для богослуженія, кормчія, нѣкоторыхъ отцевъ церкви, хронографы, которые послужили образцами туземнымъ грамотѣямъ: изъ числа ихъ, въ концѣ этого періода, мы имѣемъ Кіевскаго митрополита Иларіона, Новогородскаго епископа Луку Жидяту, Печерскаго игумена Өеодосія, неизвѣстнаго Кіевскаго лѣтописателя, послужившаго источникомъ или основою для Нестора.

Народная поэзія Норманская жила въ *сагахъ*, въ коихъ воспѣвались удалые подвиги князей, удивительный походъ Олеговъ по суху, аки по морю, подъ Константинополь, погибель Игоря, месть Ольги надъ убійцами ея мужа, путешествіе въ Грецію, чудеса храбрости Святослава, сватовство Володимера дядей Добрынею, и совокупные ихъ походы. Пѣсни о богатыряхъ Володимеровыхъ поются до сихъ поръ въ Великой Россіи.

Начатиже ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть бо рѣчь первыхъ временъ усобицѣ.

Тогда пущашетъ десять соколовъ на стадо лебедей: которой дотечаше, та преди пѣснь пояше: старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ полкы Касожьскими... Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше, но своя вѣщія персты на живыя струны воскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Съ Христіанствомъ характеръ поэзіи перемѣнился, но цвѣтомъ ея покрылось еще сказаніе

о принятіи вѣры, житіе Володимера, житіе Бориса и Глѣба, сказаніе объ основаніи церквей.

Народная поэзія Словенская жила въ пѣсняхъ обрядныхъ, праздничныхъ, плясовыхъ, семейныхъ, въ коихъ воспѣвается преимущественно свободная, беззаботная жизнь дѣвичья, горькая доля замужства отъ притѣсненій свекра и свекрови, измѣна полюбовника, несчастная судьба вдовья. Русская пѣсня ожидаетъ разработки, коею дополнится Исторія.

Законы явствуютъ изъ договоровъ Русскихъ князей съ Греками. Первое, оглашенное собраніе, принадлежащее Ярославу, извѣстно подъ именемъ Русской Правды. Ими опредѣляется кровная месть за убійство, денежная пеня или вира за раны и поврежденія, а также и за покражу, указываются средства для возвращенія собственности. Двѣнадцать избранныхъ судей, впослѣдствіи цѣловальниковъ, представляютъ нѣчто въ родѣ суда присяжныхъ.

Въ темныхъ и сомнительныхъ случаяхъ производилось *испытаніе желѣзомъ*, и рѣшалось дѣло судебными поединками, кои назывались, покрайней мѣрѣ вскорѣ, *полемъ*.

О частной, домашней жизни господствующаго племени извѣстно слѣдующее:

Норманны любили пировать: Руси есть веселіе пити, сказалъ Володимеръ. На пирахъ пилось за здравіе, какъ видно изъ ближайшаго къ этому времени извѣстія о пирѣ подъ г. 1065. На этихъ-то пирахъ и раздавались пѣсни Бояновъ.

Въ походахъ образъ жизни былъ другой, какъ видно изъ примѣра Святославова.

Охота и рыбная ловля были любимыми занятіями Русскихъ князей.

Изъ Славянскихъ туземныхъ обычаевъ, древнѣйшее извѣстіе есть о баняхъ, которое приписывается Св. Апостолу Андрею: Дивно видѣти Словѣньскую землю, идучи ми сѣмо, говоритъ по преданію св. Апостолъ Андрей: видѣхъ бани древены, и пережьгуть е рамяно, совлокуться и будутъ нази, и облѣются квасомъ усніяньмъ, и возмутъ на ся прутье младое, бьються сами и того ся добьютъ, егда влѣзуть, ли живи, и облыются водою студеною, тако оживуть; и то творять по вся дни не мучими никимъже, но сами ся мучять, и то творять не мовенье собѣ, а мученье.

Сватовство Норманское видно изъ описанія брака Володимерова. И сѣде (Володимеръ) въ Новѣгородѣ, и посла ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: «хочу поятн дъчерь твою собѣ жену.» Онъ же рече дъчери своей: «хочеши ли за Володимера?» Она же рече: «не хочю розути робичича, но Ярополка хочю.» И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину. Въ сеже время хотяху Рогънѣдь *вести* за Ярополка.

Многоженство допускалось. Мужъ давалъ за жену выкупъ, вѣно. Красота уважалась.

Дѣти отдавались на воспитаніе приближеннымъ боярамъ, которые назывались кормильцами.

Молодые князья очень рано разсылались на княженіе, какъ сыны Володимеровы, и съ самыхъ молодыхъ лѣтъ принимали участіе въ войнахъ: Святославъ началъ сраженіе, не имѣя еще силы пустить далеко копье.

Надъ покойниками насыпались курганы и совершались тризны.

Князь жилъ въ теремѣ каменномъ, при которомъ былъ обширный дворъ. У князей были загородные дворы: у Володимера въ Кіевѣ сельце Берестовое, у Ярослава въ Новѣгородѣ Ракома.

Туземныя слова для означенія жилищъ: хоромы, клѣти, истобки или истбы. Сѣнями называлась, кажется, верхняя часть дома. Одрины— горница, гдѣ стоялъ одръ, постель; столъ— сѣдалище, стулъ; стрѣхи—навѣсы на дворѣ.

Въ полѣ употреблялись шатры или вежи.

Одежда называлась портами. Корзно— родъ епанчи. Луда — плащъ шерстяной. Платки, убрусы, сапоги, лапти, ковры, поясы. Для ѣзды: воза, кола, сани, сѣдла, узды.

Въ *пищу* употреблялось мясо отъ скота и звѣрины, въ нуждѣ и конское, рыба, овощи, медъ, сыта, кисель, хлѣбъ. Мясо варилось и пеклось. Были повара. Кадь, лукно, ведро, латки, лжицы, ножи — вотъ слова, встрѣчающіяся въ памятникахъ о мѣрѣ и вѣсѣ. *Питье*—медъ, вино, квасъ, олуй.

Свойства народныя видны въ дѣйствіяхъ.

Война была любимое занятіе Норманновъ. *Оружіе* ихъ: мечи, щиты, копья, сабли, стрѣлы, ножи, брони. Сраженія обращались въ рукопашныя схватки. Войско, раздѣленное на крылья, выстраивалось. Станы, или товары, укрѣплялись окопами, города осаждались, брались копьемъ. Употреблялись засады. Предъ воями носились стяги или знамена.

На войнѣ искали Русскіе славы и корысти.

Гордость, жестокость, мстительность, къ коей обязывались они и по закону, хитрость, сладострастіе—ихъ пороки. Добродѣтели открыло Христіанство, а въ язычествѣ отличались они только доблестями, каковы храбрость, смѣлость, неустрашимость, терпѣніе. Женщины не уступали мущинамъ: примѣры Ольги, Рогнѣды, Ингигерды, достаточно свидѣтельствуютъ это.

Касательно *тѣлосложенія* отличались ростомъ и стройностію.

Памятники Норманскаго періода письменные: Договоръ Олеговъ 911 года. Договоръ Игоревъ 944 года. Договоръ Святославовъ 971 года—въ лѣтописи.

Эти договоры, сочиненные сначала, по всѣмъ вѣроятностямъ, на Греческомъ языкѣ, переведены были Болгарскими грамотѣями, которые жили въ Константинополѣ, или Кіевѣ, подобно двумъ переводчикамъ В. К. Ольги, пріѣзжавшимъ въ Константинополь съ ея свитой, по свидѣтельству И. Константина.

Церковный уставъ Владимировъ. Церковный уставъ Ярославовъ. Самый же примѣчательный для насъ по всѣмъ отношеніямъ памятникъ есть: Русская Правда В. К. Ярослава, въ коей сохранилось преимущественно туземное нарѣчіе. Тоже должно сказать и объ уставѣ о мостовыхъ В. К. Ярослава. Льготныя грамоты Ярославовы пропали.

Памятники Норманскаго періода вещественные: Основаніе десятинной церкви, сооруженной Володимеромъ Святымъ. Нѣсколько буквъ изъ ея надписей. Храмъ Св. Софіи, въ Кіевѣ, основанный Ярославомъ, съ современной мозаикой и живописью, 1031. Храмъ Св. Софіи, основанный сыномъ его Володимеромъ въ Новѣгородѣ въ 1045 году. Основаніе церкви Св. Ирины. Развалины Золотыхъ воротъ Ярославовыхъ 1031 года. Пещеры Варяжскія въ Кіевѣ. Пещеры Антоніевы и Ѳеодосіевы. Изображенія Св. Ольги, Володимера, Бориса и Глѣба на образахъ и житіяхъ въ лицахъ. Гробница Ярослава. Монеты Володимерова и Ярославова.

Основаніе Русской Исторіи заключается въ древнѣйшей лѣтописи, монаха Кіевопечерскаго Нестора, жившаго во второй половинѣ XI вѣка.

СРАВНЕНІЕ РУССКОЙ ИСТОРІИ СЪ ИСТОРІЕЙ ЗАПАДНЫХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ, ОТНОСИТЕЛЬНО НАЧАЛА.

Западныя Европейскія государства обязаны происхожденіемъ своимъ *завоеванію*, которое опредѣлило и всю послѣдующую ихъ Исторію, даже до настоящаго времени.

«Основаніе новыхъ большихъ государствъ,» говоритъ Тьери, одинъ изъ представителей Западной Исторіи въ наше время, «было преимущественно дѣйствіемъ силы; новыя общества устроились изъ обломковъ обществъ древнихъ, разрушенныхъ насильственно; и въ этомъ процессѣ возсозиданія многочисленныя племена лишились, не безъ страданій, своей свободы, и даже имени, замѣненнаго именемъ чуждымъ.

«Сословія высшія и низшія, кои нынѣ наблюдаютъ себя съ недовѣрчивостію, или борются за образъ мыслей и правленія, суть ничто иное, во многихъ странахъ, какъ племена завоеванныя и порабощенныя временъ прежнихъ. Такимъ образомъ мечъ завоеванія возобновилъ лице Европы, и, размѣстивъ ея жителей, оставилъ свою древнюю печать на каждомъ народѣ, составившемся изъ смѣси многоразличныхъ племенъ. Племя воинственныхъ пришельцевъ сдѣлалось классомъ привилегированнымъ, переставъ быть особливымъ племенемъ. Изъ него произошло воинское дворянство, которое, принимая въ нѣдра свои все, что было честолюбиваго, буйнаго, бродяжнаго, въ низшихъ сословіяхъ, для того чтобъ не перевестись, возобладало надъ населеніемъ трудолюбивымъ и мирнымъ, впродолженіи военнаго правительства, происшедшаго отъ завоеванія. Племя побѣжденное, лишенное поземельной собственности, власти и свободы, живя не оружіемъ, но работою, обитая не въ крѣпкихъ замкахъ, а въ городахъ, образовало общество, какъ бы отдѣльное отъ военнаго союза завоевателей. Этотъ классъ поднялся по мѣрѣ того, какъ ослабѣвала феодальная организація дворянства, происшедшаго отъ древнихъ завоевателей, естественно или политически,—можетъ быть потому, что сохранилъ въ стѣнахъ своихъ остатки Римской гражданственности, и съ этой слабою помощію началъ новую цивилизацію.»

Вотъ что видятъ Французы и Англичане въ Исторіи своихъ земель, — и это очень вѣрно.

Предлагаю вкратцѣ Исторію Западныхъ государствъ.

Къ одному племени приходитъ другое (къ Галламъ Франки, къ Бриттамъ Норманны, къ Испанцамъ Вестготы, къ Италіянцамъ Лонгобарды и проч.). Пришельцы побѣждаютъ туземцевъ, и поселяются между ними. Предводитель дѣлитъ землю между своими сподвижниками, которые, (феодалы), въ крѣпкихъ замкахъ, становятся господами, угнетаютъ народъ, отдѣляютъ его отъ Государя,— и живутъ на счетъ племени побѣжденнаго. Возникаетъ непримиримая ненависть между сими племенами, которая усиливается тѣмъ болѣе, чѣмъ долѣе должна бываетъ таиться. Только въ городахъ укрываются немногіе жители, кои въ теченіи вѣковъ, послѣ многихъ тщетныхъ усилій и жертвъ, мало по малу, съ величайшимъ трудомъ освобождаются отъ ихъ вліянія, и успѣваютъ пріобрѣсти себѣ независимость, при помощи Королей, которымъ феодалы были также тя-

желы. Въ городахъ образуется среднее сословіе, а при дворѣ аристократія, происходящая отъ феодаловъ, которые переходятъ туда изъ замковъ, присвоиваютъ себѣ всѣ привилегіи, и начинаютъ угнетать народъ подъ другою формою. Среднее сословіе послѣ оборонительной войны предпринимаетъ наступательную, стремясь уравниваться мало по малу съ привилегированной аристократіей. Она не уступаетъ, и борьба сихъ двухъ сословій оканчивается революціей, которой исторію Наполеонъ выразилъ въ четырехъ словахъ: Галлы свергли иго Франковъ.

Въ наше время низшіе классы, вслѣдъ за среднимъ, являются на сцену, и точно какъ въ революціи среднее сословіе боролось съ высшимъ, такъ теперь низшее готовится на Западѣ къ борьбѣ съ среднимъ и высшимъ вмѣстѣ. Предтечей этой борьбы уже мы видимъ: сенсимонисты, соціалисты, коммунисты, соотвѣтствуютъ энциклопедистамъ, представившимъ прологъ къ Французской революціи. Горе, если среднія сословія не образумятся тамъ заблаговременно, и не сдѣлаютъ уступокъ. Имъ дается теперь на рѣшеніе задача такого же рода, какъ Нотаблямъ въ 1789 году: тѣ не поняли своего положенія, и навлекли на свое отечество тучу бѣдствій. Не понимаютъ, кажется, и наши знаменитые современники, судя напримѣръ по просьбамъ Манчестерскихъ фабрикантовъ и рѣчамъ Грагама и Пиля, которые съ такимъ ожесточеніемъ не хотятъ уступить одного часа изъ двѣнадцати, въ облегченіе несчастныхъ работниковъ, и вѣшаютъ равнодушно на аптекарскихъ вѣсахъ капли ихъ пота и крови, въ гордой надеждѣ распутать Гордіевъ узелъ, который лишь только затягивается крѣпче на Западѣ.

Всѣ эти происшествія, прошедшія, настоящія и будущія, имѣютъ тѣсную связь между собою, составляютъ одну цѣпь, и ведутъ свой родъ, совершенно генеалогически, отъ завоеванія, т. е. отъ начала Западныхъ государствъ.

Завоеваніе, раздѣленіе, феодализмъ, города съ среднимъ сословіемъ, ненависть, борьба, освобожденіе городовъ,—это первая трагедія Европейской трилогіи.

Единодержавіе, аристократія, борьба средняго сословія, революція,—это вторая.

Уложенія, борьба низшихъ классовъ... будущее въ руцѣ Божіей.

Исторіи Западныхъ государствъ, повторю, представляютъ однѣ и тѣ же явленія только съ немногими отличіями, смотря по количеству, качеству, соразмѣрности и прочимъ отношеніямъ ингредіентовъ начала (*).

Обратимся теперь къ Русской Исторіи, и посмотримъ, представляетъ ли она эти главныя, характеристическія явленія Западныхъ Исторій.

Съ перваго взгляда мы примѣчаемъ, что у насъ, въ началѣ ея, нѣтъ рѣшительно ни одного, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ: нѣтъ ни раздѣленія, ни феодализма, ни убѣжищныхъ городовъ, ни средняго сословія, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы...

Отъ чего такое различіе?

(*) Древняя политическая Исторія Европы, т. е. Греческая и Римская, представляютъ совершенное подобіе съ новыми въ этомъ отношеніи. Вся Исторія Рима отъ Ромула до Цезаря есть ни что иное, какъ борьба патриціевъ съ плебеями, которые уравнялись, увы, уже подъ военнымъ диктаторствомъ Цезаря. У Грековъ тѣ же отношенія выразились въ соперничествѣ Аѳинъ и Спарты, въ войнѣ Пелопонесской, пока Филиппъ и Александръ не положили имъ также конца; Цезарь и Александръ совершенно соотвѣтствуютъ Наполеону, а Исторія Французской революціи есть кровавая миніатюра всѣхъ Западныхъ Исторій.

Западныя явленія, какъ мы видѣли, тѣсно связаны съ своимъ началомъ, изъ котораго онѣ непосредственно проистекаютъ: такъ точно и наши явленія, наша Исторія, должны быть связаны съ нашимъ началомъ. Если слѣдствія различны, то и начала различны.

Дѣйствительно, мы имѣемъ положительное сказаніе лѣтописи, что наше государство началось не вслѣдствіе завоеванія, а вслѣдствіе призванія. Вотъ источникъ различій! Какъ на Западѣ все произошло отъ завоеванія, такъ у насъ происходитъ отъ призванія, безпрекословнаго занятія, и полюбовной сдѣлки.

Призваніе и завоеваніе были въ то грубое, дикое время, положимъ, очень близки, сходны между собою, раздѣлялись очень тонкою чертою,—но раздѣлялись!

Взгляните на два зерна: онѣ почти одинаковы; развѣ вооруженнымъ глазомъ можно подмѣтить ихъ тонкое различіе,—но дайте время этимъ сѣменамъ развиться, вырости, и вы увидите, что изъ одного возникнетъ дубъ, а изъ другаго пальма, или какое-нибудь нѣжное, благоуханное растеніе, и тонкое различіе зеренъ обнаружится разительно (очивѣсть) въ цвѣтахъ и плодахъ.

Вотъ два шара, употреблю другое сравненіе, совершенно равные. Положите ихъ на одно мѣсто рядомъ, ударьте ихъ съ одинакою силою, — но случись одной линіи, какому-нибудь легкому, непримѣтному склоненію, раздѣлить толчекъ,—шары понеслись въ разныя стороны, и чрезъ нѣсколько времени вы видите ихъ въ безпредѣльномъ между собою разстояніи. Ничтожная разница въ первомъ толчкѣ, измѣняя направленіе, рѣшаетъ ихъ судьбу, и переноситъ на противоположныя точки.

Такъ и въ Исторіи государствъ: малѣйшее различіе въ началѣ производитъ огромное различіе въ послѣдствіяхъ.

Разсмотримъ теперь политическія явленія, сопровождавшія наше начало, сравнительно съ Западными, коихъ генеалогія выше объяснена.

Составныя части, элементы государства, въ первый періодъ его происхожденія, суть: государь, народъ, раздѣляющійся на сословія — высшее (дворянство), среднее (собственно такъ называемое, промышленное, городовое), низшее (сельское), и земля.

Будемъ говорить о каждомъ элементѣ порознь.

Государь, самъ по себѣ. Первый нашъ Князь—Рюрикъ призванъ былъ добровольно въ Новгородъ, Олегъ принятъ въ Кіевъ безъ сопротивленія. Тотъ и другой не имѣлъ, слѣдовательно, и даже не могъ имѣть враждебныхъ чувствъ побѣдителя, завоевателя, какія питали Западные государи; тотъ и другой не могъ смотрѣть на свое владѣніе, какъ на добычу, взятую съ бою, приступомъ; не имѣлъ никакихъ внутреннихъ враговъ, ни внѣшнихъ соперниковъ, въ своемъ, хотя и ничтожномъ, въ сравненіи съ Западными королевствами, владѣніи. Нашъ государь былъ званымъ мирнымъ гостемъ, желаннымъ *защитникомъ*, а Западный государь былъ ненавистнымъ пришельцемъ, главнымъ *врагомъ*, отъ котораго народъ напрасно искалъ защиты.

И отношенія его были совершенно другія, чѣмъ на Западѣ,—къ боярамъ, городамъ, народу.

Къ боярамъ. На Западѣ Король былъ *обязанъ* своимъ сподвижникамъ, (герцоги, дюки), помогавшимъ ему покорить землю, а нашъ Князь не имѣлъ *никакихъ обязанностей* къ боярамъ, большею частію его

родственникамъ, которые сопровождали его безъ всякой со стороны его нужды; не имѣли случая оказать ему никакихъ важныхъ необходимыхъ услугъ,—и въ случаѣ неудовольствія могли только оставить его.

Къ народу. Съ народомъ у насъ Князь имѣлъ дѣло *лицемъ къ лицу,* какъ его защитникъ и судья, въ случаяхъ впрочемъ очень рѣдкихъ, за что и получалъ опредѣленную дань,—вотъ въ чемъ состояло его отношеніе,—а Западный государь *отдѣленъ* былъ совершенно своими вассалами.

Переходимъ къ боярамъ.

Бояре, сами по себѣ. Бояръ и мужей, соотвѣтствующихъ западнымъ воеводамъ, у насъ было гораздо *меньше,* чѣмъ на Западѣ (въ Галліи, Британіи, Испаніи, Италіи), куда пришли огромныя войска-племена со множествомъ предводителей. Потому-то они не составили у насъ особаго класса, многочисленнаго сословія, сильнаго элемента, а были только переднимъ рядомъ княжеской свиты, гвардіи, дружины.

Отношенія бояръ къ Князю. Воеводы Западные почитали себя *почти равными* Королю, который безъ нихъ ничего не значилъ, не могъ владѣть государствомъ, не могъ дѣйствовать, всего менѣе повелѣвать ими, а наши находились въ *полномъ* распоряженіи Князя,—ближайшіе исполнители его приказаній,—его родственники, слуги, наемники, безъ которыхъ онъ могъ обойтись всегда. Они зависѣли отъ Князя, а на Западѣ Князь зависѣлъ отъ нихъ. Тѣ дѣлали, что хотѣли, а наши, что приказывалъ имъ Князь.

Къ землѣ. Феодалы западные отняли у туземцевъ, *раздѣлили* между собою, какъ добычу, землю, которую покорили подъ предводительствомъ Короля, а наши не прикоснулись къ землѣ, а получали иногда отъ Князя, временно, въ родѣ жалованья, или по договору за свою службу, часть *дани,* доходовъ, съ того или другаго города,—какъ его намѣстники, прикащики или откупщики, которыхъ онъ могъ всегда смѣнить, безъ малѣйшаго для себя вреда и неудобства.

Феодалы *разсѣялись* по всему пространству покоренной земли, а наши не имѣли *постояннаго* пребыванія, и жили тамъ, гдѣ назначалъ имъ Князь,—преимущественно при немъ, участвуя въ его походахъ военныхъ и мирныхъ.

Къ народу. Феодалы Западные, отнявъ землю и заставивъ *работать* на себя ея обитателей, съ самаго начала поставили себя во враждебное отношеніе къ нимъ, а наши бояре, не имѣя никакого дѣла до народа, кромѣ сбора дани и суда, жили большею частію въ добромъ согласіи съ нимъ.

Къ государству. Феодалы Западные основали многія владѣнія, малыя государства, изъ коихъ отвлеченно состояло одно большое, а у насъ было *одно* какое ни есть государство. Западное государство можно выразить дробью $^{10}/_{10}$, а наше единицею.

Народъ и земля. Земля на Западѣ досталась сполна *пришельцамъ,* а у насъ осталась какъ прежде, въ общемъ *владѣніи народа,* подъ верховною, (отвлеченною), властію Князя, который о ней не думалъ, потому что не имѣлъ никакой нужды. *Народъ* на Западѣ, побѣжденный и покоренный, былъ обращенъ въ *рабство,* а у насъ остался *свободнымъ,* какъ былъ, потому что не былъ покоренъ. Вся перемѣна состояла только въ дани, которую онъ началъ платить Князю или его прикащикамъ, дани естественными

произведеніями, въ коихъ былъ у него излишекъ, и коихъ дѣвать было некуда—слѣдовательно не отяготительной.

Однимъ словомъ—нашъ народъ былъ посаженъ на легкій оброкъ, а западный осужденъ на тяжелую барщину. Оброкъ и барщина, сами по себѣ, составляютъ теперь еще важное различіе для поселянина, уже смиреннаго, ручнаго; а что сказать о тяжеломъ оброкѣ и легкой барщинѣ въ первое время гражданскихъ обществъ, близкое къ природѣ и естественной свободѣ?

Города. Города на Западѣ, съ остатками Римской образованности и гражданственности, сдѣлались пребываніемъ людей особаго званія, занятыхъ промышленностію, а наши города были тѣже села съ одинакими жителями и занятіями, и названы городами потому только, что Князья избрали ихъ мѣстами пребыванія для себя или для своихъ мужей и воевъ, и огородили. По этой причинѣ они не могли сдѣлаться особливымъ элементомъ государства. Промышленность городская, ограниченная удовлетвореніемъ первыхъ потребностей этого рода, оставалась, какъ прежде, занятіемъ поселянъ.

Сословія. Побѣдители и побѣжденные, покорители и покоренные, дали происхожденіе двумъ классамъ на Западѣ, дворянству и рабамъ,—а у насъ не было ни побѣды, ни покоренія, и не началось никакого различія въ правахъ между пришельцами и туземцами, гостями и хозяевами, не началось ни дворянства, ни рабства, въ Европейскомъ смыслѣ.

Не отъ кого было откупаться, не куда было скрываться, и не произошло убѣжищныхъ городовъ, не зародилось и третьяго, то-есть средняго сословія.

Всѣ жители различались только по своимъ занятіямъ, равно доступнымъ для всякаго, а въ политическомъ, гражданскомъ отношеніи, были равны между собою и передъ Княземъ.

Надѣюсь,—читатели видятъ теперь ясно происхожденіе, послѣдовательность, связь начальныхъ государственныхъ явленій на нашемъ Востокѣ,—и противоположность ихъ отъ перваго момента съ Исторіей Запада.

Эта противоположность усилилась и утвердилась въ теченіи послѣдующихъ двухъ-сотъ лѣтъ, кои служатъ у насъ продолженіемъ перваго момента и составляютъ съ нимъ нераздѣльное цѣлое, заключаютъ одно происшествіе, начало государства, чего опять не представляетъ Западъ:

Кловисъ, Вильгельмъ Завоеватель, Албоинъ и прочіе, покорили Галлію, Англію, Ломбардію, однимъ разомъ, съ твердымъ намѣреніемъ поселиться, и тотчасъ зачали, основали государства, коихъ окружность ими уже была очерчена. Такое дѣйствіе требовало большихъ усилій, особеннаго напряженія, а сохраненіе пріобрѣтеннаго въ своемъ владѣніи—еще болѣе, чѣмъ и назначились, какъ мы видѣли, всѣ ихъ гражданскія отношенія, опредѣлилась вся Западная исторія. Тамъ государства родились въ одночасье, а наше рождалось двѣсти лѣтъ.

Разсмотримъ теперь вліяніе этой долговременности на первоначальныя отношенія, нами выше объясненныя.

Первые Князья владѣли у насъ по одному городу, въ коемъ жили, или, лучше сказать, остановились постоемъ, ибо не имѣли мысли о постоянномъ пребываніи; они не боялись потерять ничего, тѣмъ болѣе что ничѣмъ не дорожили, слѣдовательно—какъ

сначала имъ не нужны были помощники для водворенія, такъ естественно и теперь были не нужны для того, чтобъ сохранять владѣнія.

Пользуясь благопріятными обстоятельствами, они начинаютъ ходить въ походы съ своею дружиною по разнымъ сторонамъ, и распространять предѣлы своей *дани*, все еще не думая о прочномъ владѣніи. Если у нихъ недоставало собственныхъ средствъ, они нанимали себѣ войско у бранныхъ единоплеменниковъ. Всего чаще цѣлію ихъ были богатые сосѣди, особенно Греція, вознаграждавшая сторицею ихъ труды.

Такимъ образомъ Князья постепенно богатѣли, распространяли свои владѣнія, усиливались и утверждали еще болѣе первоначальную самобытность—къ тому времени, когда духъ движенія успокоился, пути всѣ преградились, и привычка къ давнишнему мѣсту жительства взяла свою силу. Это было уже при Володимерѣ и Ярославѣ, которые покончили очертаніе окружности, положили по послѣднему камню основанія, чрезъ двѣсти лѣтъ почти послѣ перваго прибытія Варяговъ.

Вотъ какъ первоначальное отличіе Русскаго Князя отъ Западнаго Короля, утвердилось окончательно.

Точно такое же дѣйствіе долговременнымъ основаніемъ государства произведено и на бояръ сравнительно съ Западомъ: первыя поколѣнія ихъ не имѣли большаго значенія, а послѣднія, Володимеровы, Ярославовы, почти никакого. Спутники Рюриковы и Олеговы, какъ товарищи, могли еще, можетъ быть, предъявлять какое-нибудь право, но роды ихъ пресѣклись едва ли не впродолженіе несчастныхъ походовъ Святославовыхъ, и Володимеръ привелъ себѣ новыхъ мужей, нанятыхъ имъ на Сѣверѣ для войны съ Ярополкомъ; кончивъ войну, однихъ по выбору онъ оставилъ у себя, для службы, а другихъ выпроводилъ въ Грецію. Ярославъ поступалъ одинаково.

Наши мужи по городамъ получали отъ Князя воиновъ, которые помогали имъ исправлять ихъ должность, между тѣмъ какъ феодалы западные, получивъ землю, обязаны были ставить Королю воиновъ, которые и составляли единственное его войско. Такимъ образомъ наши бояре по необходимости были подчинены Князю, и боярство въ западномъ смыслѣ рѣшительно отстранилось.

Самая дружина, вслѣдствіе безпрерывныхъ многолѣтнихъ войнъ, нѣсколько разъ переводилась и возобновлялась сполна, и слѣдовательно не могла пустить глубокихъ корней, усилиться на счетъ Князя, а находилась въ совершенной отъ него зависимости.

Племена Славянскія обкладывались одно за другимъ данью, на томъ же основаніи, какъ первыя,—оставаясь свободными, владѣя по прежнему землею, и не питая никакой ненависти къ пришельцамъ.

Предѣлы государства распространились, слѣдовательно, исподоволь, безъ усилій со стороны Князя, безъ непосредственнаго участія Бояръ, безъ отягощенія народа.

Число городовъ увеличивалось, только какъ жилищъ для княжескихъ намѣстниковъ и сборщиковъ дани.

Тьери, желая итогомъ изобразить состояніе Франціи, въ эпоху основанія государства, приводитъ мѣста изъ законовъ Салическихъ:

«Если свободный человѣкъ убьетъ Франка, или варвара, или человѣка, живущаго подъ закономъ Салическимъ, то повиненъ заплатить пеню въ *двѣсти* су. Если Римлянинъ

владѣлецъ, то-есть имѣющій поземельную собственность въ области, гдѣ живетъ, будетъ убитъ, то уличенный въ убійствѣ долженъ заплатить *сто* су. (1)

«Кто убьетъ Франка или варвара на службѣ Короля (truste), тотъ долженъ заплатить *шесть-сотъ* су. Если Римлянинъ, гость Короля, былъ убитъ, то пеня въ *триста* су. (2)

«Если кто, собравши войско, нападаетъ на человѣка свободнаго, (Франка или варвара), въ его домѣ и убьетъ, то будетъ осужденъ на *шесть-сотъ* су. Но если простолюдинъ или Римлянинъ будетъ убитъ такою толпою, то будетъ выплаченъ только *половиною* этой пени. (3)

«Если Римлянинъ наложитъ узы на Франка, безъ законной причины, то повиненъ заплатить *тридцать* су. Но если Франкъ свяжетъ Римлянина безъ причины, то повиненъ платить *пятнадцать* су. (4).

«Если Римлянинъ ограбитъ Франка, то повиненъ заплатить *семьдесятъ два* су. Если Франкъ ограбитъ Римлянина, то повиненъ заплатить *тридцать* су» и проч. (5)

Вотъ, говоритъ Тьери, какимъ образомъ законъ Салическій отвѣчаетъ на вопросъ, столь часто подвергаемый разсужденіямъ, о первоначальномъ различіи гражданскомъ между Франками и Галлами.

(1) Lex Salica tit. XLIV. § 1 и 15; apud. Scrip. rerum francic. t. IV, p. 147. На нынѣшнія деньги, эти пени простирались, первая до 3000 ф р., а вторая до 1500 ф р.

(2) Lex Salica. tit. XLIV. § 4 и 6 (9000 ф р. и 4500).

(3) Ibid. tit. XLV, § 1 и 3 (9000 ф р. и 4500).

(4) Ibid. tit. XXXV, § 3 и 4. (450 и 225 ф р.).

(5) Lex Salica ex MS. çodice regio a Joanne Schiltero, tit. XV. apud Script. rerum francic. T IV p. 188, (930 и 450 ф р.) Lettres sur l'Histoire de France. Brux. c. 443.

Развернемъ Русскую Правду, писанную во время Ярославово, въ эпоху окончательнаго основанія государства,—представитъ ли она такую противоположность съ закономъ Салическимъ, какую противоположность мы видѣли въ основаніи Русскаго государства съ основаніемъ западныхъ государствъ. Гдѣ искать лучше повѣрки?

«Ажь убьетъ мужь мужа, то мстити брату брата, любо отцю, любо сыну, братočаду, любо братню сынови; ожели не будетъ кто его мьстя, то положити за голову.... ачели будетъ *Русинъ*, любо гридь, любо купецъ, любо тивунъ бояреckъ, любо мечникъ, любо изгои, любо *Словенинъ*, то 40 гривенъ положити зань». (1)

За Русина и Словенина совершенно одна пеня! Они слѣдовательно имѣли одинакія права.

Какъ разительно этотъ законъ Русской Правды, замѣченный Карамзинымъ, противоположенъ съ Салическимъ, и какъ ясно подтверждается имъ различіе въ началѣ государствъ Западныхъ съ Русскимъ! Въ основаніе государства у насъ была положена пріязнь, а на западѣ ненависть. (2)

Къ историческимъ, бытейскимъ (фактическимъ) отличіямъ присоединились, что̀ очень удивительно для мыслящаго наблюдателя, совершенно соотвѣтственныя отличія физическія и нравственныя.

Физическія: пространство, народочисліе, населенность, почва, климатъ, положеніе, система рѣкъ.

Нравственныя: народный характеръ, религія, образованіе.

(1) Русскія достопамятности, I, стр. 28.

(2) Въ этомъ признаются многіе изъ западныхъ писателей: сенсимонисты даже выходятъ изъ того начала, что вся общественная жизнь у нихъ составлена на началѣ оппозиціи, то-есть вражды, слѣдовательно должна быть преобразована.

Разсмотримъ, какъ эти отличія содѣйствовали къ произведенію одинакихъ явленій и слѣдствій съ историческими, вышеисчисленными.

I. *Пространство*. Такая обширная страна, какъ Россія Ярославова, (между Балтійскимъ моремъ, Польшею, Карпатскими горами, Новороссійскими степями, Волгою и дальнымъ Сѣверомъ), страна въ нѣсколько разъ болѣе Франціи, Англіи, Ломбардіи, Ирландіи, не могла быть вдругъ, подобно имъ, завоевана; пройти это пространство вздъ и впередъ, вдоль и поперегъ—недостанетъ жизни одного поколѣнія, а покорить, содержать въ повиновеніи, кольми паче. Такъ и было. Монголы послѣ прошли ее, правда, (и то въ немногихъ направленіяхъ), но Монголы ходили многочисленнымъ войскомъ, цѣлымъ почти народомъ, а Норманны могли набѣгать только артелями, съ которыхъ было довольно временной дани.

Итакъ пространство представило невозможность быстраго завоеванія, а другое слѣдствіе отъ этой причины было слѣдующее: земли пустопорожней было много, не такъ какъ на Западѣ, и никто не дорожилъ ею, ни Князь, ни бояре, ни туземцы. Бери всякій, сколько хочешь,—на что же было отъимать, насиловать? За что враждовать? Обстоятельство весьма важное!

II. Народъ туземный (Славянскій) былъ очень *многочисленъ* и единъ по своему происхожденію, чего также не представитъ ни одна страна того времени, Галлія, Британія, Италія, заселенныя раньше, получившія много разнородныхъ обитателей. Это единство сообщало ему твердость, доставляло вліяніе, коему невольно подчинились малочисленные пришельцы. Норманны разошлись въ Славянскомъ населеніи, подобно каплѣ вина въ сосудѣ воды, такъ что ихъ стало невидно, лишь только прекратились сѣверные выселки, и они остались одни, то есть, послѣ Ярослава. А на Западѣ наоборотъ: тамъ взяли преимущество пришельцы, и наложили свою печать на туземцевъ. Тамъ Галлы, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, стали Франками, а у насъ Варяги-Русь превратились въ Славянъ.

Надобно впрочемъ прибавить, что Славяне, воспріявъ въ нѣдра свои Норманновъ, удержали при себѣ доставленные ими дары, гражданство и христіанство.

Замѣтимъ еще вотъ что: многочисленность внушаетъ всегда уваженіе къ себѣ. Князья, и особенно ихъ мужи, находясь часто съ немногими помощниками, вдали отъ своихъ жилищъ, среди многолюдныхъ обществъ, въ невыгодной для себя пропорціи, должны были естественно, изъ опасенія, воздерживаться отъ лишнихъ притѣсненій; еслибъ даже когда и представлялся имъ поводъ или случай, — что̀ и содѣйствовало къ поддержанію добраго согласія и пріязни между пришельцами и туземцами.

III. *Заселеніе* не сплошное, но раздѣленное лѣсами, степями, болотами, рѣками, безъ большихъ дорогъ, при трудныхъ сообщеніяхъ, препятствовало въ 9-мъ столѣтіи всякому потоку завоеванія, и также воздерживало завоевателей. Нельзя было вдругъ идти далѣе, не осмотрѣвшись на мѣстѣ, а это требуетъ времени. Всѣ походы производились по рѣкамъ, а страны, лежавшія вдали отъ оныхъ, въ глуши, по сторонамъ, въ заволочьяхъ, оставались долго въ покоѣ, пока Князья распространились по всѣмъ городамъ, откуда уже могли, на досугѣ, ходить на право и на лѣво.

IV. Земля *бѣдная*, обильная только главными естественными произведеніями, удовлетворяющими первымъ нуждамъ, голоду и жаждѣ, и то за трудъ, съ пòтомъ и кровью, земля, не доставлявшая никакой пищи роскоши, не привлекала завоевателей. Чтò взять было Князьямъ, бòярамъ, отъ бѣдныхъ жителей ея? Они спѣшили на промыслъ въ другія богатыя мѣста, подъ Царьградъ, къ берегамъ Чернаго и Каспійскаго морей. Уже только тогда, какъ пути были преграждены, ни домой на Сѣверъ, ни въ Грецію на Югъ, и дѣваться было некуда, они, между тѣмъ привыкнувъ къ землѣ и жителямъ, остались жить на неблагодарной почвѣ. Совсѣмъ не то на Западѣ, гдѣ пришельцы нашли себѣ рай земной, въ сравненіи съ ихъ отчизной, изъ коего некуда имъ было желать болѣе.

V. *Климатъ* суровый, холодный, заставлялъ обитателей жить дома, около очаговъ, среди семействъ, и не заботиться о дѣлахъ общественныхъ, дѣлахъ площади, куда выходили они только въ крайней нуждѣ, предоставляя все съ охотою Князю и его боярамъ, чѣмъ отстранялось всякое столкновеніе и раздоры.

VI. *Положеніе* ровное, безъ горъ, одинакое, содѣйствовало одинаковости отношеній, гражданскому равенству—вездѣ однѣ и тѣже выгоды и невыгоды. Некому и нечѣмъ было воспользоваться. Феодалу негдѣ было бы выстроить себѣ замка, онъ не нашелъ бы себѣ неприступной горы,—да и камня нѣтъ на строеніе, а только сгараемый лѣсъ.

VII. *Система рѣкъ*, текущихъ внутри земли, странное отдѣленіе отъ всѣхъ морей (Бѣлаго, Балтійскаго, Чернаго и Каспійскаго), вслѣдствіе принадлежности устьевъ иноплеменникамъ, мѣшали туземцамъ приходить въ соприкосновеніе съ другими народами, получать новыя понятія, узнавать чужія выгоды и невыгоды, и судить о своихъ. Мы оставались одни, и шли своей дорогою, или, лучше, сидѣли дома, въ мирѣ и покоѣ, и подчинились спокойно первому пришедшему.

Различія нравственныя:

VIII. *Характеръ* Славянскій. Нѣтъ нужды входить здѣсь въ доказательства, что однѣ свойства имѣетъ сѣверный человѣкъ, другія южный, западный, восточный; что кровь у одного обращается быстрѣе, чѣмъ у другаго; что каждый народъ имѣетъ свой характеръ, свои добродѣтели и свои пороки. Славяне были и есть народъ тихій, спокойный, терпѣливый. Всѣ древніе писатели утверждаютъ это о своихъ Славянахъ, то-есть западныхъ. Наши имѣли и имѣютъ эти качества еще въ высшей степени. Потому они и приняли чуждыхъ господъ безъ всякаго сопротивленія, исполняли всякое требованіе ихъ съ готовностію, и не раздражали ничѣмъ.—Поляне платили дань Козарамъ, пришелъ Аскольдъ —стали платить ему, пришелъ Олегъ— точно также. Кому вы даете дань? спрашиваетъ Олегъ Сѣверянъ.—Козарамъ.—Не давайте Козарамъ, а давайте мнѣ,—и Сѣверяне начали давать ему.

Такая безусловная покорность, равнодушіе, противоположныя западной раздражительности, содѣйствовали къ сохраненію добраго согласія между двумя народами, слившимися вскорѣ воедино. (Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ они стояли за себя: такъ Древляне убили Игоря, такъ Словене раздѣлались съ буйной дружиной Ярослава. Пришельцы понимали это, и не доводили до крайностей).

IX. *Религія.* Варяги-язычники встрѣтились у насъ съ Словенами-язычниками, и оставляли одни другихъ въ покоѣ. А западные завоеватели встрѣтились съ Христіанами, и начали дѣйствовать другъ противъ друга, — новый источникъ ненависти, котораго у насъ не было.

Впослѣдствіи Варяги приняли Христіанскую вѣру, и распространили ее между Славянами, принявшими ее также, по своему характеру, безъ сопротивленія, по крайней мѣрѣ большею частію, а на Западѣ на оборотъ. У насъ пришельцы сообщили Религію туземцамъ, а тамъ туземцы пришельцамъ.

И *вѣра* принята у насъ Восточная, во многомъ противоположная *религіи* Западной. Тѣ получили ее изъ Рима, а мы изъ Константинополя. Не мѣсто входить здѣсь въ показаніе отличій между обѣими церквами; мы укажемъ только на тѣ, кои соотвѣтствуютъ вышеописаннымъ политическимъ отличіямъ: западная болѣе стремится внѣ, восточная углубляется внутрь: у нихъ пропаганда, у насъ сохраненіе; у нихъ движеніе, у насъ спокойствіе; у нихъ инквизиція, у насъ терпимость. Дѣйствуя внѣ—западная церковь вошла по необходимости въ соприкосновеніе съ свѣтскою властію, и получила на время преимущество надъ ней, а наша, углубляясь внутрь, оставила свѣтскую власть дѣйствовать, какъ ей угодно.

X. *Образованіе.* У западныхъ племенъ, къ коимъ пришли завоеватели, было уже образованіе, — и гражданское, и умственное, — кромѣ религіознаго, о коемъ мы сейчасъ говорили. Каково же было имъ разстаться съ этими сокровищами въ жертву варварамъ! А у насъ гражданскаго образованія не было никакого, а только семейное, домашнее, до коего пришельцы не коснулись. Новое гражданское образованіе привито у насъ къ дереву свѣжему, дикому, а тамъ къ старому и гнилому. Ихъ зданіе выстроено на развалинахъ, а наше на нови. Мы получили гражданское образованіе отъ пришельцевъ, а западныя племена дали имъ. (*)

(*) Столько различій положено въ основаніе Русскаго государства сравнительно съ Западными! Не знаешь, которыя сильнѣе: историческія, физическія или нравственныя! Каковы же онѣ вмѣстѣ, дѣйствуя одно на другое, укрѣпляя себя взаимно, приводя къ одному концу!

Эти различія развивались впослѣдствіи, и представляли изъ Русской Исторіи, при общемъ (родовомъ) ея подобіи, при единствѣ цѣли, совершенную противоположность съ Исторіею Западныхъ государствъ, что касается до ея путей, средствъ, обстоятельствъ, формы произшествій, — противоположность, которую представляетъ наша жизнь и теперь, не смотря на всѣ усилія, преобразованія, перевороты, время.

Вотъ что надо имѣть непремѣнно въ виду, скажемъ здѣсь кстати, разсуждая о Русской Исторіи, въ какомъ бы то ни было ея періодѣ, произнося приговоръ ея событіямъ, разбирая ея достоинства и недостатки, хваля и порицая дѣйствующія лица, изъявляя желанія или опасенія для будущаго времени. Иначе мы будемъ впадать въ дѣтскія ошибки, то есть искать такихъ плодовъ, для которыхъ не было сѣмянъ, и оставлять безъ вниманія другія, можетъ быть, драгоцѣннѣйшія, потому что ихъ нѣтъ нигдѣ.

Предложу для ясности простое сравненіе: хорошо ли бъ мы поступили, еслибъ бросили рожь—нашу кормилицу, и принялись вездѣ сѣять маисъ, обольщенные разсказами объ его сладости и вкусѣ? Мы должны бъ скоро умереть съ голоду, потому что не наготовились бы маису на цѣлое народонаселеніе, хоть бы вздумали строить вездѣ оранжереи.

Происшествія не имѣютъ такой очевидности и осязательности, какъ естественныя произведенія, и много времени проходитъ иногда, много употребляется труда, пока откроется удивленному взору внутреннее значеніе того или другаго; но смѣло можно сказать даже судя по одному, разобранному нами теперь, началу, что мы должны отказаться отъ своего прошедшаго существованія, т.-е. своей Исторіи, (что впрочемъ и дѣлаютъ нѣкоторые), должны необходимо допустить нелѣпое заключеніе, что нынѣшняя Россія произошла изъ ничего, если будемъ прикладывать западный масштабъ къ Русской исторической жизни. Нѣтъ! Западу на Востокѣ быть нельзя, и солнце не можетъ закатываться тамъ, гдѣ оно восходитъ.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО КІЕВСКОЕ.

По обозрѣніи Норманскаго періода Русской исторіи приступаемъ къ изложенію событій, составляющихъ содержаніе періода, по преимуществу, удѣльнаго, отъ кончины Ярослава до покоренія Россіи Монголами (1054—1240).

Главные удѣлы, назначенные Ярославомъ, были: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Смоленскъ, Владиміръ. Особыя княжества: Новогородское и Полоцкое.

Начинаемъ повѣствованіе съ Великаго Княжества Кіевскаго.

Изяславъ, какъ старшій изъ оставшихся сыновей Ярослава, сѣлъ, по его кончинѣ, на столъ Кіевскій, имѣя отчиною Туровъ (1054).

Область Изяславова по лѣвому берегу Днѣпра, увеличенная вскорѣ Волынскимъ удѣломъ меньшаго брата Игоря, граничила къ востоку съ Переяславскимъ и Черниговскимъ княжествами, отъ коихъ отдѣлялась рѣкою Днѣпромъ; къ сѣверу съ Полоцкимъ княжествомъ и Литвою; къ западу, за Вислою и Дунайцемъ, съ Польшею; къ югу съ Венгріей, по Карпатскія горы, и потомъ степями Подольскими и Новороссійскими, до рѣки Тясмени.

Въ Изяславовой области заключались нынѣшнія губерніи: Кіевская, Подольская (кромѣ южной части), Волынская, значительная часть Минской и Гродненской, почти вся Галиція и часть западной Польши.

Изяславу принадлежалъ и Новгородъ, гдѣ онъ посадилъ посадникомъ близока своего Остромира.

Братья остались въ данныхъ имъ отцемъ городахъ, къ которымъ, у старшихъ, если не прежде, то теперь, приданы были области: къ Чернигову Муромская, къ Переяславлю Ростовская.

Полоцкъ составлялъ особое владѣніе въ родѣ Рогнѣдиномъ, у правнука ея Всеслава сына Брячислава Изяславича.

Лѣтъ двадцать жили Ярославичи въ согласіи, по крайней мѣрѣ наружномъ, рядили ряды дома, обороняли Русскую землю, соединенными силами ходили на войну.

Они высадили изъ Псковскаго поруба дядю Судислава, сына Володимерова, который сидѣлъ тамъ двадцать четыре года (1035—1059), заточенный братомъ Ярославомъ по клеветѣ. Племянники заводили дядю кресту, чтобъ онъ не замыслилъ на нихъ зла. Несчастный старикъ постригся въ монастырѣ св. Георгія, и вскорѣ умеръ (1063).

Собравшись съ мужами своими, они отмѣнили смертную казнь за убійство и положили денежную пеню. Къ правиламъ, внесеннымъ при отцѣ ихъ въ Русскую Правду, они присоединили еще нѣсколько другихъ, опредѣляющихъ пени за различныя преступленія.

Правда уставлена Руской земли, егда ся съвокупиша Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ, Микула.

Правда, постановленная для Русской земли, въ собраніи Изяслава, Всеволода, Святослава, Коснячка, Перенѣга, Никифора Кіянина, Чудина, Микулы.

18. Аще убьють огнищанина въ обиду, то платити за нь 80 гривенъ убіици, а людемъ не надобѣ, а въ подъѣздномъ княжи 80 гривенъ.

18. Если будетъ несправедливо убитъ огнищанинъ, то убійцѣ платить за него 80 гривенъ; а прочіе не подлежатъ сей пенѣ. За убійство княжескаго гонца (?) 80 гривенъ.

19. А иже убьють огнищанина в разбои, или убиица не ищуть, то вирное платити, в неиже вири голова начнеть лежати.

19. Если кто убьетъ огнищанина въ разбоѣ, или если убійца не будетъ отысканъ, то платитъ виру тотъ округъ, гдѣ совершилось убійство.

20. Аже убіють огнищанина у клѣти, или у коня, или у говяда, или у коровьѣ татьбы, то убити въ пса мѣсто, а тоже поконъ и тивуницу.

20. Если будетъ убитъ огнищанинъ за кражею въ клѣти, или кражею лошади, быка или коровы, то убіеніе его какъ убіеніе пса. Такой же конецъ и тіуну.

21. А въ княжи тивунѣ 80 гривенъ, а конюхъ старый у стада 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убили Дорогобудьци. А въ сельскомъ старостѣ княжи, и в ратаинѣмъ, 12 гривнѣ. А в рядовници княжѣ 5 гривенъ: а въ смердѣ и въ холопѣ 5 гривенъ.

21. Но за княжескаго старосту 80 гривенъ; за старшаго конюха, приставленнаго къ стаду, 80 гривенъ, какъ то постановилъ Изяславъ, по дѣлу своего конюшаго, убитаго Дорогобужцами. За сельскаго, княжескаго и крестьянскаго старосту 12 гривенъ; за рядоваго княжескаго 5 гривенъ, за земледѣльца и холопа 5 гривенъ.

22. Аще роба кормилица, любо кормиличицъ, 12 гривенъ.

22. За крѣпостную кормилицу и дядьку (?) 12 гривенъ.

23. А за княжь конь, иже тои с пятномъ, 3 гривнѣ, а за смердѣи 2 гривнѣ, за кобылу 60 рѣзанъ, а за волъ гривну, а за корову 40 рѣзанъ, а третьякъ 15 кунъ, а за лоньщину полъгривнѣ, а за теля 5 рѣзанъ, за яря ногата, за боранъ ногата.

23. За княжескаго коня, если онъ будетъ зарѣзанъ, 3 гривны; за земледѣльческаго 2 гривны; за кобылу 60 рѣзаней, за быка гривна, за корову 40 рѣзаней, за трегодовалаго быка 15 кунъ, за годовика полгривны; за теленка 5 рѣзаней, за ярку ногата, за барана тоже ногата.

24. А оже уведеть чюжь холопъ, любо робу, платити ему за обиду 12 гривнѣ.

24. Если кто уведетъ чужаго холопа или рабу, тотъ платитъ хозяину 12 гривенъ.

25. Аще же пріидеть кровавъ мужъ, любо синь, то не искати ему послуха.

26. А иже крадеть любо конь, любо волы, или клѣть, да аще будеть единъ кралъ, то гривну и 30 рѣзанъ платити ему. Или ихъ будеть и 10, то по 3 гривнѣ и по 30 рѣзанъ платити мужеви.

27. А въ княжѣ борти 3 гривнѣ, любо пожгуть, любо изудруть, а в смерди 2 гривнѣ.

28. Или смердъ умучать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны, а въ гнищанинѣ, и в тивуницѣ, и въ мечници, 12 гривнѣ.

29. А иже межу переореть, любо перетесъ, то за обиду 12 гривнѣ.

30. А оже лодью украдеть, то за лодью платити 30 рѣзанъ; а продажи 60 рѣзанъ.

31. А въ голубѣ, и въ куряти, 9 кунъ, а въ уткѣ, и въ гусѣ, и въ жеравѣ, и въ лебеди, 30 рѣзанъ; а продажи 60 рѣзанъ.

32. А оже украдуть чюжь песъ, любо ястребъ, любо соколъ, то за обиду 3 гривны.

33. Аще убьють татя на своемъ дворѣ, любо у клѣти, или у хлѣва, то тои убитъ. Аще ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ, а ожели убьють, а люди будуть видѣли связанъ, то платити в немь.

34. Оже убіенъ тать, а подымуть ноги во дворѣ, ино убитъ; оли подымуть ноги за вороты, то ли платити в немь.

25. Если кто придетъ въ крови или въ синихъ пятнахъ, то такому жалобщику не искать свидѣтеля.

26. Если кто украдетъ лошадь, или быка, или окрадетъ клѣть, и если онъ кралъ ихъ одинъ, то повиненъ платить гривну и 30 рѣзаней. Если же воровъ будетъ и до 10, то каждый изъ нихъ долженъ заплатить по 3 гривны и 30 рѣзаней.

27. Если кто сожжетъ или выдеретъ княжескую борть, тотъ платитъ 3 гривны; за борть земледѣльца 2 гривны.

28. Если кто самовольно, безъ княжескаго повелѣнія, накажетъ земледѣльца, тотъ платитъ битому 3 гривны; за огнищанина, тіуна и меченосца, въ семъ случаѣ, 12 гривенъ.

29. Если кто запашетъ или истребитъ полевую межу, тотъ за обиду платитъ 12 гривенъ.

30. Ежели кто украдетъ ладью, то платитъ за ладью 30 рѣзаней, да пени 60 рѣзаней же.

31. За пару голубей и цыплятъ 9 кунъ; за пару утокъ и гусей, за пару журавлей и за одного лебедя 30 рѣзаней; да пени 60 рѣзаней же.

32. Если кто украдетъ собаку, или ястреба, или сокола, то платитъ за то 3 гривны.

33. Если кто убьетъ вора на своемъ дворѣ, или у клѣти, или у хлѣва, то такъ тому и быть. Если онъ будетъ удержанъ до разсвѣта, то вести его на княжескій дворъ; если же онъ будетъ убитъ, и другіе видѣли его связаннымъ, то платить за него.

34. Если будетъ убитъ воръ, и слѣды ногъ будутъ открыты внутри двора, то такъ тому и быть; если же слѣды будутъ най-

дены внѣ двора, за воротами, то платить за убійство его.

35. Оже сѣно крадуть, то 9 кунъ, а въ дровехъ 9 кунъ. Аже украдуть овьцу, или козу, или свинью, а ихъ будетъ 10 одину овьцу укралѣ, да положать по 60 рѣзанъ продажи. А хто изималъ, тому 10 рѣзанъ; а отъ гривне мечнику куна, а в девятину 15 кунъ, а князю 3 гривны. А отъ 12 гривну емъцю 70 кунъ, а в десятину 2 гривнѣ; а князю 10 гривенъ.

35. Если кто украдетъ сѣна, то платитъ 9 кунъ; за дрова тоже. За покражу овцы, козы или свиньи, если бы даже десятеро украли одну овцу, платить пени 60 рѣзаней. Поймавшему вора 10 рѣзаней. Меченосцу изъ гривны куна; для девятины 15 кунъ; князю 3 гривны. Изъ 12 гривенъ помнщику 70 кунъ; для десятины 2 гривны; князю 10 гривенъ.

36. А се поклонъ вирныи: Вирнику взяти 7 ведеръ солоду на недѣлю; тъже овенъ, любо полотъ, или двѣ ногатѣ, а въ средъ рѣзану, въ три же сыры, в пятницу такоже, а хлѣба покольку могуть ясти, и пшена; а куръ по двое на день; конѣ 4 поставити, и сути имъ на ротъ, колько могуть зобати. А вирнику 60 гривенъ и 10 рѣзанъ и 12 вѣверици; а передѣ гривна, или ся пригоди в говѣніе рыбами, то взяти за рыбы 7 рѣзанъ; тъ всѣхъ 15 кунъ на недѣлю: а борошна колько могуть изъясти. До недѣли же виру зберуть вирници. То ти урокъ Ярославль.

36. Вирные приносы постановляются слѣдующіе: Вирнику получать 7 ведеръ солоду на недѣлю; сверхъ сего дается ему баранъ, или полоть ветчины, или двѣ ногаты, (рѣзани); въ середу одна рѣзань, да три сыра, въ пятницу тоже; хлѣба давать вдоволь, тоже и крупъ; куръ по двѣ на день; лошадей ставить четверку и корму давать имъ столько, сколько могутъ съѣсть. Вирнику 60 гривенъ, 10 рѣзаней и 12 вѣкшей; да предварительно платить одну гривну. Если же постомъ потребуется для него рыбы: то брать ему за рыбу 7 рѣзаней. Такимъ образомъ всѣхъ кунъ должно идти на него 15 въ недѣлю; а брашна столько, сколько могутъ съѣсть. Виру сбирать вирникамъ до воскресенья. Это пошлины, постановленныя Ярославомъ.

37. А се урокъ мостьниковъ. Аще помостивше мостъ, взяти отъ дѣла ногата, а отъ городници ногата. Аще же будеть ветхаго моста потвердити нѣколико доскъ, или 3 или 4 или 5, то тоеже.

37. Но для мостовщиковъ назначаются слѣдующія пошлины: Если они наведутъ мостъ, то брать имъ за работу по ногатѣ, да со сваи столько же. Если нужно будетъ поправить нѣсколько досокъ въ обветшавшемъ мостѣ, 3, или 4, или 5, то брать ту же плату.

Пещеры, Антоніева и Θеодосіева, гдѣ число братій умножалось, были предметомъ общаго благоговѣнія и любви Ярославичей: они помогали святымъ отшельникамъ своими приношеніями и младшіе завидовали брату. Было однако же время, когда печерники подверглись гнѣву Изяслава — за постриженіе двухъ его любимцевъ, которые убѣжали отъ міра для спасенія душъ въ новую обитель—Варлаамъ, сынъ перваго боярина Ивана, и Ефремъ, ключникъ Великаго Князя, предержавшій все въ его дому (*). Изяславъ впрочемъ былъ укрощенъ объясненіями сподвижника Антоніева и Θеодосіева, Никона, и началъ часто ѣздить къ нимъ въ вновь основанный монастырь, чтобъ слушать ихъ святыя бесѣды.

Ему захотѣлось вскорѣ основать и собственный монастырь, во имя своего ангела, св. Димитрія, и онъ выпросилъ у Антонія и Θеодосія игуменомъ къ себѣ этого Варлаама, послѣ котораго принялъ управленіе въ пещерахъ Θеодосій.

Меньшіе Ярославичи жили не долго. Сперва умеръ Вячеславъ Смоленскій (1057), на чье мѣсто переведенъ Игорь изъ Владиміра, который достался, кажется, В. К. Изяславу къ Кіеву, а потомъ умеръ и Игорь (1069), послѣ котораго Смоленскъ раздѣленъ на три части.

Малолѣтныя дѣти Вячеслава и Игоря остались пока ни при чемъ, и можетъ быть съ матерями увезены на время въ Германію.

Внѣшніе походы продолжались по обычаю:

Изяславъ изъ Новогорода ходилъ (1055) на Чудь (въ нынѣшней Эстляндіи).

На Голядовъ (жившихъ въ Прусской Галиндіи)—(1058).

(*) См въ исторіи духовной жизни.

На Ссоловъ (въ нынѣшней Курляндіи), и обложилъ ихъ данью (1060).

Потомъ, вмѣстѣ съ братьями и Всеславомъ Полоцкимъ, ходилъ Изяславъ на Торковъ, восточное племя, жившее въ сосѣдствѣ на востокъ съ Переяславскимъ княжествомъ, съ которыми еще и прежде имѣлъ дѣло Всеволодъ (1055). Кочевые дикари, услышавъ о идущемъ на нихъ ополченіи, по водѣ и по сушѣ, разбѣжались. Много померло отъ голода, много отъ холода, моромъ и судомъ Божіимъ (1060). Другіе поддались и заселили южныя границы княжества Кіевскаго, близь рѣки Роси, и Переяславскаго, гдѣ и начали скоро русѣть.

Торки были смирены, но вскорѣ явились съ этой стороны, съ юго-востока, новые враги, гораздо сильнѣйшіе и опаснѣйшіе, Половцы, единоплеменные или родственные съ Печенѣгами, и прочими древними и новыми выходцами Азіи.

Они обитали прежде въ степяхъ Азіятскихъ, близь Каспійскаго моря, а теперь подвинулись къ сѣверо-западу, оттѣснили Печенѣговъ и Торковъ, и заняли ровное пространство на сѣверъ отъ Чернаго моря, преимущественно по Дону. Это дикое, хищное племя, осыпаемое поносительными прозвищами отъ нашихъ лѣтописателей, показалось еще въ первый годъ по смерти Ярославовой, но тогда ушло, заключивъ миръ съ Всеволодомъ (1055), а теперь, съ 1062 года, начинаются ихъ опустошительные набѣги.

Многими чудесными знаменіями предвѣстилось, по замѣчанію современниковъ, это бѣдствіе. Солнце измѣнилось, и не стало давать свѣта, какъ мѣсяцъ, снѣдаемый по выраженію невѣгласовъ; явилась звѣзда на западѣ превеликая, пуская отъ себя лучи, будто кровавые. Семь дней видѣлъ ее на-

родъ съ вечера по закатѣ солнечномъ; Волховъ въ Новѣгородѣ шелъ пять дней вверхъ, и рыболовы въ Кіевѣ вытащили неводомъ дѣтище уродливое, такъ что и смотрѣть было страшно лѣтописателю.

Половцевъ могъ бы удерживать одинъ удалый князь Ростиславъ, сынъ Володимера Ярославича, отнявшій Тмутаракань у Святославова сына Глѣба. Онъ разнесъ по югу ужасъ Русскаго имени, но вскорѣ погибъ (1067), отравленный Греками. (*)

Между тѣмъ «рать почалъ» (1065) наслѣдственный врагъ Ярославичей, внукъ знаменитой Рогнѣды, Всеславъ Полоцкій.

Въ 1067 г. напалъ онъ на Новгородъ, по примѣру отца, сжегъ и ограбилъ его.

Ярославичи пошли на его волость, взяли Минскъ на щитъ, изсѣкли мужей, а женъ полонили. На Немизѣ сѣча была злая. Всеславъ бѣжалъ. Братья зазимовали въ Смоленскѣ, и лѣтомъ призвали къ себѣ Всеслава на снемъ, обѣщаясь съ клятвою не причинить ему никакого зла. Тотъ повѣрилъ клятвѣ, былъ схваченъ вѣроломно на Рши и отвезенъ въ Кіевъ, гдѣ и посаженъ въ порубъ съ двумя сыновьями,—не на долго.

Половцы появились снова (1068). Ярославичи вышли къ нимъ на встрѣчу, но были разбиты на Альтѣ, и принуждены искать спасенья въ поспѣшномъ бѣгствѣ. Грабители «розсулися» по всей землѣ.

Божіе наказаніе, восклицаетъ лѣтописатель, за грѣхи наши. Мы называемся Христіанами, а не погански ли живемъ? Игрища утолочены, и людей на нихъ бываетъ столько, что толкаютъ другъ друга на бѣсовскомъ позорѣ, а церкви въ часъ молитвы стоятъ пустыя. Трубами и скоморохами, гуслями и русальями, діаволъ отвлекаетъ насъ отъ Бога. Встрѣтивъ на пути монаха, монахиню, всякой спѣшитъ домой назадъ, иной вѣритъ закыханью (чиханью) на здравье головѣ. Не поганскіе ли это обычаи? Вотъ за что казнитъ Богъ насъ, какъ и другіе народы. Покаемся, братія, востягнемъ по добро, не будемъ платить зломъ за зло, клевѣтой за клевѣту, прилѣпимся любовію къ Господу Богу.

Изяславъ и Всеволодъ добрались Кіева, Святославъ Чернигова. Люди Кіевскіе сбѣжались вслѣдъ за ними, и сотворили вѣче на торговищѣ. Рѣшено было попытать еще счастья съ Половцами. Бранные Варяжскіе находники послали къ Князю за оружіемъ и конями. Изяславъ отказалъ. Это Коснячко виноватъ, воевода, кричали люди, взбѣжали на гору на дворъ къ нему, но не нашли его дома. Тамъ раздѣлились они на двѣ толпы: одна бросилась къ городовому погребу, а другая на княжій дворъ. Изяславъ сидѣлъ на сѣняхъ съ своею дружиной, и смотрѣлъ изъ оконца, что дѣлается. Люди, стоя внизу, начали перебраниваться съ Княземъ. Видишь, Князь, сказалъ ему Тукій, братъ Чудиновъ, люди мятутся; пошли стеречь Всеслава. А въ это время подоспѣла и другая толпа, отворившая погребъ. Волненіе увеличилось. Худо дѣло, твердили бояре Изяславу, посылай къ Всеславу, вели подманить его къ окну и приколоть. Но Князь не послушался, и люди въ самомъ дѣлѣ бросились съ крикомъ къ порубу Всеславову. Тогда Изяславъ увидѣлъ бѣду, и испуганный бѣжалъ. Люди пустились грабить княжее имущество, золото и серебро, куны и бѣль, а прочіе, освободивъ Всеслава, поставили его среди княжаго двора (1068, сент. 15).

Всеславъ сѣлъ на Кіевскомъ столѣ 15 сентября, въ день Воздвиженія святаго Креста,

(*) См. Черниговъ и Тмутаракань.

которому онъ повѣрилъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, и который теперь спасъ его и возвеличилъ, а клятвопреступниковъ наказалъ.

Половцы между тѣмъ опустошали всѣ окрестности, и подступали къ Чернигову, но были отражены Святославомъ.

Изяславъ бѣжалъ не туда, гдѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ искали спасенія его отецъ и дѣдъ, не на сѣверъ, не къ Норманнамъ, которымъ теперь стало не до чужихъ дѣлъ, занятымъ своими смутами, онъ бѣжалъ на западъ, въ Польшу, къ племяннику Болеславу II Смѣлому, сыну сестры его Маріи и Казимира,—и Польской Король далъ ему войско, съ которымъ изгнанный Князь Кіевскій воротился (1069) отыскивать себѣ столъ своего отца. Всеславъ вышелъ было къ нему на встрѣчу, но увидѣвъ, что ему сладить не подъ силу, бѣжалъ ночью тайно отъ Кіянъ къ себѣ въ Полоцкъ (апрѣля 5).

По утру проснувшись, Кіяне увидѣли себя безъ Князя, и поспѣшно воротились въ Кіевъ, гдѣ сотворили вѣче.

На вѣчѣ они рѣшили просить заступы у Святослава и Всеволода. Мы виноваты, послали они сказать братьямъ, прогнавъ своего князя,—но вотъ ведетъ онъ Ляховъ на насъ. Ступайте защищать городъ отца своего, а если не хотите, намъ неволя: мы зажжемъ его и уйдемъ въ Греческую землю.

Люди были увѣрены, что пріемъ тамъ всегда радушный для сѣкироносцевъ.

Святославъ обѣщалъ заступиться и утѣшилъ Кіянъ. Вмѣстѣ съ братомъ послалъ онъ сказать Изяславу: Всеславъ бѣжалъ, противника тебѣ нѣтъ, не води Ляховъ. Если ты хочешь имѣть гнѣвъ, то знай, что намъ жаль отняго стола: мы вступимся.

Изяславъ послушался братьевъ и отпустилъ Ляховъ. Съ немногими только воями и Болеславомъ приближался онъ къ Кіеву, а сына Мстислава послалъ на передъ (1069). Тотъ пришелъ и началъ свирѣпствовать, изсѣкъ 70 человѣкъ чади, которые выпустили Всеслава изъ поруба, однихъ ослѣпилъ, другихъ обобралъ, безъ всякаго испытанія. Кіяне вышли съ поклономъ къ подошедшимъ между тѣмъ Изяславу и Болеславу (мая 2). Оставшіеся Ляхи были распущены на покормъ въ Кіевѣ, но ихъ вскорѣ начали убивать хозяева отаii, и Король долженъ былъ спѣшить во-свояси.

Немедля изъ Кіева Изяславъ отправился на Всеслава, и выгналъ его изъ Полоцка, гдѣ посадилъ сына Мстислава, и по внезапной смерти его, другаго сына Святополка (1069), которому однакожь дѣятельный Всеславъ не давалъ владѣть спокойно своею отчиною, и наконецъ принудилъ уступить совершенно (1071).

Торгъ, гдѣ происходило враждебное вѣче, взогналъ Изяславъ къ своему двору на гору.

И Антоній, въ подземной своей пещерѣ, не избѣгнулъ гнѣва Изяславова по подозрѣнію въ расположеніи къ ненавистному для него Всеславу. Черниговской Князь, наслышась объ его святости, радъ былъ дать ему убѣжище у себя, и прислалъ дружину, которая ночью похитила его изъ затвора, и привезла безопасно въ Черниговъ, гдѣ въ Болдиныхъ горахъ ископалъ онъ себѣ новую пещеру, и прожилъ нѣсколько времени.

Изяславъ однакожь помирился съ нимъ, и убѣдилъ возвратиться въ Кіевъ.

Онъ оказывалъ великое уваженіе и сотруднику его Ѳеодосію. Однажды пріѣхалъ онъ съ немногими отроками, и слѣзъ съ коня у воротъ, а на конѣ никогда не въѣзжалъ онъ на монастырскій дворъ. Привратникъ не пускалъ, говоря, что не велѣно отпирать

воротъ до вечерни. Я Князь, сказалъ Изяславъ, меня ли ты не пустишь?—Не велѣно пускать и Князя. Если хочешь, подожди до вечерни. Изяславъ послалъ его къ игумену, а самъ остался у воротъ и дожидался отвѣта, пока Θеодосій вышелъ и его принялъ, объяснивъ причину монастырскаго правила.

Изяславъ часто оставался за трапезою, и, вкушая простыхъ монастырскихъ брашенъ, говорилъ: отче, всѣхъ благихъ міра сего исполнился домъ мой, рабы мои изготовляютъ мнѣ всякія дорогія яства, но онѣ не приходятъ мнѣ такъ по вкусу, какъ твои; никогда у себя не ѣлъ я такъ сладко, какъ здѣсь. Отъ чего это происходитъ? Θеодосій, желая, «увѣрить Князя на любовь Божію», отвѣчалъ: если хочешь знать, такъ вотъ отъ чего—когда у насъ братія задумаютъ что стряпать, хлѣбъ печь или варить сочиво, то возмутъ сперва благословеніе отъ игумена, потомъ положатъ три поклона передъ олтаремъ, зажгутъ свѣчу отъ святаго престола и разведутъ ею огонь. Вся служба совершается съ молитвою и благословеніемъ Божіимъ, а твои рабы работая ссорятся, бранятся, клянутся, приставники ихъ бьютъ, и все происходитъ съ грѣхомъ. Изяславъ, выслушавъ, сказалъ: по-истинѣ, отче, такъ есть, какъ ты говоришь.

Изяславъ сѣлъ твердо въ Кіевѣ, наказавъ всѣхъ своихъ враговъ, но не надолго.

Пріятнѣйшій день, въ продолженіи новаго трехлѣтняго княженія, для него и для всего народа, было пренесеніе мощей святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, которыхъ чудеса, пересказываемыя въ Вышгородѣ, разносились по всей Русской землѣ, въ новую церковь, сооруженную Великимъ Княземъ Кіевскимъ. Съѣхались братья съ своими мужами и боярами. Собрались Епископы и Игумены, между которыми сіялъ своими добродѣтелями кроткій Θеодосій Печерскій. Къ нему съ любовію и благоговѣніемъ обращались преимущественно народныя очи. Стеченіе было многолюдное. Впереди шли чернцы съ свѣчами, діаконы съ кадилами, потомъ Епископы, и наконецъ Митрополитъ Георгій, за которымъ слѣдовала деревянная рака. Сами Ярославичи несли ее на плечахъ. Лишь только открыли ее въ церкви, какъ воздухъ наполнился благоуханіемъ, народъ прославилъ Бога, и самъ Митрополитъ, не вѣровавшій доселѣ святости мучениковъ, палъ ницъ передъ ракою, и просилъ торжественно прощенія. Онъ взялъ руку святаго Бориса, приложилъ ее къ своимъ глазамъ и сердцу, благословилъ ею Изяслава, Святослава, въ бородѣ котораго остался одинъ ноготь, Всеволода, и всѣхъ людей. Пошли за Глѣбомъ. Нетлѣнное его тѣло почивало въ каменной ракѣ. Ее поставили на сани, и на веревкахъ повезли въ церковь. Въ дверяхъ она стала и не шла. Велѣно народу воззвати: Господи помилуй,—и она двинулась. Когда обѣ раки поставлены были на мѣсто, совершена была божественная литургія. Это было 2 мая, 1072 года, день, оставшійся на всегда самымъ большимъ праздникомъ для всей той страны. Послѣ литургіи Князья обѣдали вмѣстѣ, каждый съ своими боярами, весело и любовно.

Но вскорѣ пріязнь эта замѣнилася ненавистью: на слѣдующій годъ (1073) Святославъ Черниговскій поднялся на старшаго брата, склонивъ на свою сторону и меньшаго, Всеволода. Хотѣлъ ли онъ только больше власти, какъ свидѣтельствуетъ Несторъ, или мстилъ за старую обиду при дѣлежѣ, или увлекся подозрѣніемъ, что Изяславъ сватается противъ меньшихъ братьевъ съ Полоцкимъ Всеславомъ, остается неизвѣст-

нымъ; по крайней мѣрѣ послѣднюю причину выставлялъ онъ предъ Всеволодомъ.

Изяславъ бѣжалъ опять въ Ляхи съ многимъ богатствомъ, на которое хотѣлъ нанять себѣ воевъ, но Ляхи, обобравъ изгнанника, указали ему путь отъ себя.

Онъ поѣхалъ дальше, къ Императору Нѣмецкому Генриху IV, къ которому представлялся въ Маинцѣ, на берегахъ Рейна, (въ началѣ 1075), и поднесъ въ даръ множество золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, также мѣховъ драгоцѣнныхъ, и просилъ его заступленія, обѣщая, какъ говоритъ одинъ Нѣмецкій лѣтописецъ, признать себя данникомъ Имперіи.

Генрихъ послалъ въ Кіевъ Бурхарда, Трирскаго духовнаго сановника, брата Оды, жены покойнаго Вячеслава, и велѣлъ объявить Князьямъ Русскимъ, чтобъ они возвратили Изяславу похищенный ими столъ, или, не смотря на отдаленность, Нѣмецкое войско заставитъ ихъ смириться.

Святославъ не испугался угрозы, хотя принялъ пословъ радушно, показалъ имъ свои сокровища, и одарилъ богатыми дарами, удивившими всю Германію. Никогда не было принесено въ Имперію столько золота, серебра и драгоцѣнныхъ тканей, замѣчаютъ Нѣмецкія лѣтописи. Это служитъ доказательствомъ, какъ была богата Византія, а отъ нея и Русь, въ сравненіи съ обѣднявшимъ Римомъ и вообще Западомъ.

Обманувшись и здѣсь въ своихъ надеждахъ, Изяславъ обратился къ Папѣ, знаменитому Григорію VII, судіѣ Царей и народовъ западныхъ, и послалъ къ нему сына просить о защитѣ, пожаловаться на обманъ Короля Польскаго, и за покровительство признать власть Папы надъ Русью, не только духовную, но и мірскую.

Что могло быть пріятнѣе для честолюбиваго Римскаго первосвященника? Утвердившемуся на Западѣ, ему открывались теперь виды на Востокъ, и то государство, которое готовилось наслѣдовать Византіи, изъявляло ему свою покорность. Онъ написалъ письмо къ изгнаннику:

«Григорій Епископъ, слуга слугъ Божіихъ, Димитрію, Князю Россіянъ, (Regi Russorum), и Княгинѣ, супругѣ его, желаетъ здравія и посылаетъ апостольское благословеніе.

Сынъ вашъ, посѣтивъ святыя мѣста Рима, смиренно молилъ насъ, чтобъ мы, властію Св. Петра, утвердили его на княженіи, и далъ присягу быть вѣрнымъ главѣ Апостоловъ. Мы исполнили сію благую волю, — согласную съ вашею, какъ онъ свидѣтельствуетъ, — поручили ему кормило государства Россійскаго именемъ верховнаго Апостола, съ тѣмъ намѣреніемъ и желаніемъ, чтобы Святый Петръ сохранилъ ваше здравіе, княженіе и благое достояніе до кончины живота, и сдѣлалъ васъ нѣкогда сопричастникомъ славы вѣчныя. Желая также изъявить готовность къ дальнѣйшимъ услугамъ, довѣряемъ симъ посламъ — изъ коихъ одинъ вамъ извѣстенъ и другъ вѣрный — изустно переговорить въ вами о всемъ, что̀ есть и чего нѣтъ въ письмѣ. Пріимите ихъ съ любовію, какъ пословъ Св. Петра; благосклонно выслушайте и несомнѣнно вѣрьте тому, что̀ они предложатъ вамъ отъ имени нашего, и проч. Всемогущій Богъ да озаритъ сердца ваши, и да преведетъ васъ отъ благъ временныхъ ко славѣ вѣчной. Писано въ Римѣ, 15 мая, Индикта XIII (то-есть 1075 г.)».

Болеслава уговаривалъ Григорій возвратить отнятое, но Польскій Король самъ имѣлъ тогда нужду въ Русскомъ пособіи, и сыновья враговъ Изяславовыхъ, Олегъ Свято-

славичъ и Володимеръ Всеволодовичъ, приходили помогать ему противъ Чеховъ (1076).

У Изяслава былъ заступникъ еще сильнѣе Папы, Императора и Короля—смиренный Игуменъ Печерскаго монастыря, Ѳеодосій.

Овладѣвъ Кіевымъ, побѣдители прислали звать Св. Ѳеодосія къ себѣ на обѣдъ. Не пойду на пиршество Іезавелино, пріобщитися вашего брашна: оно исполнено крови и убійства,—сказалъ онъ посланному, и присоединилъ еще многое въ укоризну Князьямъ, веля передать имъ все. Они не смѣли прогнѣваться на Ѳеодосія, зная его свята человѣка, но не послушались его рѣчей, и онъ началъ обличать Святослава, какъ неправедно возставшаго на старшаго брата: иногда посылалъ къ нему письма, иногда поручалъ боярамъ пересказывать свои упреки изустно. Наконецъ написалъ къ нему длинное посланіе, заключая его словами: гласъ крови брата твоего вопіетъ на тя къ Богу, какъ Авелева на Каина. Святославъ, прочтя посланіе, пришелъ въ неистовство, «какъ левъ рыкнулъ на праведнаго», ударилъ хартіей оземь,—и промчалась молва, что быть Ѳеодосію осуждену на заточеніе. Братія поражены были горестію, и обратились всѣ молить преподобнаго чтобъ онъ оставилъ Князя въ покоѣ. Самъ великій Никонъ со страху рѣшился уйдти въ Тмутораканской свой монастырь, какъ ни убѣждалъ его Ѳеодосій не разлучаться съ нимъ до кончины. Бояре приходили многіе, разсказывали о княжемъ гнѣвѣ и просили не противиться ему: «онъ ушлетъ тебя на поточеніе.» Ѳеодосій оставался твердымъ. Чего же лучше, братія, говорилъ онъ. Не о чемъ скорбѣть мнѣ: у меня нѣтъ ни дѣтей, ни семьи, ни богатства. Я. готовъ на поточеніе. Ему даже очень хотѣлось поточену быти. И началъ онъ укорять Святослава еще болѣе о братоненавидѣніи, не велѣлъ у себя въ монастырѣ на ектеніяхъ поминать его имени, какъ сѣдшаго черезъ законъ на Кіевскомъ столѣ, а велѣлъ поминать только имя Изяслава, законнаго Князя. Святославъ, какъ ни былъ разгнѣванъ на Ѳеодосія, не осмѣливался причинить ему ни малѣйшаго зла, въ страхѣ предъ его добродѣтелями. Ѳеодосій, много молимъ отъ братіи и бояръ, наипаче же разумѣвъ, что не успѣетъ ничтоже укоризнами, размыслилъ лучше убѣждать иначе Князя, чтобъ онъ возвратилъ брату его область,—позволилъ поминать и его имя на ектеніяхъ, лишь только послѣ Изяславова.

Святославъ, узнавъ объ умилостивленіи Ѳеодосія, обрадовался, потомучто очень желалъ бесѣдовать съ нимъ, и насытиться духовныхъ словесъ его. Тотчасъ послалъ онъ къ Ѳеодосію спросить, позволитъ ли ему придти въ монастырь, или нѣтъ. Ѳеодосій позволилъ, и Святославъ, обрадованный, явился съ своими боярами. Игуменъ съ братіею, вышедъ изъ церкви, встрѣтилъ его и поклонился по обычаю, а Князь сказалъ ему: се, отче, не смѣлъ придти къ тебѣ, думая, что ты гнѣваешься, и можетъ быть не пустишь меня въ монастырь. А Ѳеодосій отвѣчалъ: что успѣетъ гнѣвъ нашъ еже на державу вашу. Но подобаетъ намъ обличать и глаголать вамъ потребное на спасеніе души, а вамъ лѣпо есть того послушати. Они вошли въ церковь, и по молитвѣ сѣли. Ѳеодосій много говорилъ отъ святыхъ книгъ, и потомъ старался показать Князю, какъ любилъ его братъ, а Князь износилъ многіе вины на него, за кои не хотѣлъ сотворить съ нимъ мира. По многой бесѣдѣ Святославъ отъиде въ домъ свой, благодаря Бога, что сподобился бесѣдовать съ такимъ му-

жемъ. И съ тѣхъ поръ часто приходилъ къ нему насыщатсья духовнаго того брашна, которое было для него слаще медвенаго сота.

И Θеодосій посѣщалъ его, всегда напоминая о страхѣ Божіемъ и братней любви. Однажды пришелъ къ нему святый мужъ, какъ въ палатѣ его пировался пиръ: раздавались шумные клики и радостные плески, кто игралъ на гусляхъ, кто на органахъ, кто пѣлъ пѣсни, пляска въ полномъ разгарѣ, какъ есть обычай передъ Княземъ. Θеодосій взглянулъ, остановился у дверей, и сѣлъ, поникнувъ очами долу. Вдругъ шумная толпа увидѣла святаго мужа въ его ветхой одеждѣ, сидящаго вдали въ глубокой задумчивости,— и внезапно все умолкло по знаку княжескому. Θеодосій приподнялъ тогда голову и произнесъ тихимъ голосомъ: а будетъ ли такъ, чадца, на томъ свѣтѣ! У Князя показались слезы, онъ прекратилъ празднество. И послѣ, всегда прекращалъ онъ свои игры, когда показывался Игуменъ въ его жилищѣ. Если случалось ему впередъ узнать, что идетъ Св. Θеодосій, онъ выходилъ встрѣчать за дверями. Отче, говорилъ ему Святославъ, истинно говорю тебѣ, что еслибъ отца возвѣстили мнѣ возставшаго отъ мертвыхъ, я не обрадовался бы ему столько, сколько радуюсь всегда твоему приходу; его не боялся, его не сомнѣвался я столько, какъ твоей преподобной души. — Если ты боишься меня столько, отвѣчалъ ему Θеодосій, такъ сотвори волю мою, и возврати брату столъ его отца. И Святославъ умолкалъ, не зная, что̀ отвѣчать ему. Такъ раздражено было сердце у него на брата, что имени его не могъ онъ слышать равнодушно.

Θеодосій, по кончинѣ Антонія (1073), положилъ основаніе Печерской церкви, только что назнаменованное покойнымъ. Святославъ съ сыномъ Глѣбомъ начали первые копаніе, вмѣстѣ съ братіею. На болѣзненномъ одрѣ своемъ Св. Θеодосій напоминалъ о примиреніи Святославу, который пришелъ навѣстить его съ сыномъ Глѣбомъ (1074), но все напрасно. Изяславу помогла смерть.

Святославъ умеръ отъ рѣзанія желвей (1076 г., дек. 27). Изяславъ, находившійся уже въ Польшѣ, съ письмомъ Григорія, успѣлъ собрать вспомогательное войско, и пустился опять искать своего права.

Всеволодъ, занявшій мѣсто умершаго брата, вышелъ къ нему на встрѣчу и заключилъ съ нимъ миръ.

Два брата раздѣлили между собою всю Русскую землю: Изяславъ послалъ сына Святополка въ Новгородъ, вмѣсто умерщвленнаго въ Заволочьѣ Глѣба Святославича, а Ярополка посадилъ подлѣ себя въ Вышгородѣ, владѣя сверхъ того Волынью, Червенскими городами и Дреговичами. Всеволодъ кромѣ Переяславля получилъ Черниговъ и Смоленскъ, куда посадилъ сына Володимера.

Племянники—Борисъ Вячеславичъ, Игоревичи, Святославичи, и внуки, три сына Ростислава, жили въ праздности. Всѣ они, уже взрослые, хотѣли себѣ волостей, и не могли смотрѣть равнодушно на отчужденіе своихъ отчинъ, набирали боевыхъ товарищей.

Два раза они брали Черниговъ. Въ первый разъ Борисъ продержался только восемь дней (1077, мая 4), но во второй разъ вои Всеволода были разбиты совершенно на большомъ сраженіи (1079, авг. 25), и онъ принужденъ спасаться бѣгствомъ въ Кіевъ. Не тужи, братъ, утѣшалъ его Изяславъ. Развѣ ты не знаешь, что̀ перебывало со мною? Меня выгнали вы и ограбили, я скитался по чужимъ странамъ,—а за что?

Я помогу тебѣ: если владѣть намъ въ Русской землѣ, то обоимъ, а если нѣтъ, я положу за тебя свою голову.

Взявъ на себя братнину бѣду, онъ велѣлъ собирать вои отъ мала до велика,— и они пошли къ Чернигову, Изяславъ съ сыномъ Ярополкомъ, Всеволодъ съ Володимеромъ. Молодыхъ князей не было въ городѣ. Граждане заперлись. Володимеръ проникнулъ въ острогъ и сжегъ его, а люди вбѣгли въ дѣтинецъ. Между тѣмъ Олегъ и Борисъ шли на помощь къ осажденнымъ. Изяславъ и Всеволодъ оборотились къ нимъ на встрѣчу. Олегу не хотѣлось биться: нельзя стать намъ противъ четырехъ князей, говорилъ онъ Борису, пошлемъ лучше съ мольбою къ стрыямъ. Борисъ и слышать не хотѣлъ о мирѣ. Терпѣть ихъ не могу, отвѣчалъ онъ; если ты не хочешь, я пойду одинъ. Противники сошлись на Нѣжатиной нивѣ. Сѣча злая поднялась, и прежде всѣхъ убитъ былъ Борисъ, которому такъ хотѣлось сражаться.

«Бориса же Вячеславичя,» воспѣваетъ древній поэтъ, «слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому (на шелковой покровъ) постла, за обиду Ольгову, храбра и млада Князя.»

Послѣ Бориса убитъ былъ и Изяславъ, стоявшій въ пѣшцѣхъ. На него наскакалъ кто-то сзади, и ударилъ копьемъ за плечо, такъ что онъ тутъ же и палъ мертвый. Сѣча продолжалась, и Всеволодъ побѣдилъ, а Олегъ долженъ былъ бѣжать въ Тмутаракань въ малѣ дружинѣ (1079, окт 3).

Тѣло Изяславово привезли по Деснѣ въ ладьѣ до Городца. Весь Кіевъ вышелъ къ нему на встрѣчу. Съ плачемъ взнесено оно было на гору, и положено въ церкви Св. Богородицы. Ярополкъ шелъ позади съ своею дружиною, причитая: Отче, отче мой! Сколько горя перенесъ ты на своемъ вѣку, и отъ братій и отъ людей, а самому пришлось тебѣ за братьевъ положить свою главу! Всѣ плакали, такъ что и пѣнія было неслышно въ плачѣ.

Изяславу, по праву старшинства, наслѣдовалъ братъ его *Всеволодъ* (1078).

Онъ принялъ власть Русскую всю, по замѣчанію лѣтописи: дѣйствительно, ему принадлежали Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Смоленскъ, Владимиръ Волынскій, Туровъ, Суздаль, Ростовъ, Бѣлозерскъ, почти все Ярославово владѣніе.

Сына, Володимера Мономаха, посадилъ онъ въ Черниговѣ.

Племяннику Ярополку, сыну Изяславову, предоставилъ Владимиръ вмѣстѣ съ Туровымъ. Другой племянникъ, Святополкъ, остался княжить въ Новѣгородѣ.

Святославичи, совершенно отчужденные, особенно вслѣдствіе неудачнаго покушенія, хотѣли еще разъ испытать счастья, и въ слѣдующемъ году (1079) явились подъ Воинемъ, въ Переяславской волости, съ Половцами, но Всеволодъ умирилъ хищниковъ, разумѣется, цѣною серебра, и они отошли прочь, а на возвратномъ пути, поссорясь за что-то, убили Романа (августа 2), а Олега поточили въ Царьградъ.

Такимъ образомъ и отдаленная Тмутаракань досталась Всеволоду, который послалъ туда посадникомъ Ратибора.

Онъ освободился отъ своихъ первоначальныхъ противниковъ, но подросли и возмужали другіе — сыны Ростиславовы и Игоревы, которые также не хотѣли оставаться безъ хлѣба. Они всѣ приступали къ Великому Князю за волостями, кто за тою, кто за другою, всегда недовольные, всегда

готовые поднять оружіе. Всеволоду на Кіевскомъ столѣ было княжить гораздо непріятнѣе, и онъ съ прискорбіемъ воспоминалъ о своемъ спокойномъ, Переяславскомъ княженіи.

Давыдъ Игоревичъ и Володарь Ростиславичъ явились подъ Тмутараканемъ (1081), и выгнали посадника Всеволодова. На нихъ напалъ вскорѣ Олегъ, воротившійся изъ Греціи, и заставилъ удалиться (1083). Давыдъ занялъ тогда Олешье (противъ Херсона), торговый Греческій городъ, а Ростиславичей двое выбѣжали отъ Ярополка (1084), потомъ напали на него и выгнали. Всеволодъ прислалъ къ нему на помощь сына Володимера, который выгналъ Ростиславичей и возвратилъ ему столъ. Давыду далъ Володимеръ Дорогобужъ.

Ростиславичамъ далъ Всеволодъ—города Червенскіе, которые остались на долго въ ихъ родѣ, составляя княжество Галицкое.

Ярополкъ, послушавъ злыхъ совѣтниковъ (1085), вздумалъ идти на дядю Всеволода,— можетъ быть за то, что выдѣленные имъ города для Ростиславичей принадлежали первоначально къ числу его волостей.

Правая рука Всеволодова, сынъ Володимеръ, явился на Волыни, и Ярополкъ бѣжалъ въ Ляхи, оставивъ мать, жену, дружину въ Луцкѣ. Лучане предались Мономаху, и онъ плѣнилъ семейство Ярополка, отправилъ его въ Кіевъ, а столъ Володимирскій предоставилъ Давыду.

Ярополкъ воротился вскорѣ съ Ляшскою помощью (1087), и Володимеръ заблагоразсудилъ заключить съ нимъ миръ, отдавъ отнятое.

Но онъ жилъ не долго, убитый (22 ноября), на пути въ Звѣнигородъ, нѣкіимъ Нерадцемъ, поразившимъ его на возу саблею, и бѣжавшимъ къ Ростиславичамъ въ Перемышль. Потому и пало на нихъ подозрѣніе.

Тѣло Ярополково отнесено въ Кіевъ и похоронено въ отцовскомъ монастырѣ св. Димитрія, гдѣ онъ самъ началъ строить церковь св. Петра и Павла. Великій Князь съ сыновьями, Володимеромъ и Ростиславомъ, боярами, вышли къ нему на встрѣчу, въ сопровожденіи духовенства, которое въ особенности чтилъ покойный, давая десятину отъ своихъ доходовъ, равно какъ и жена его, Глѣбовая, Полоцкая.

Всеволодъ ходилъ къ Перемышлю (1088), вѣроятно, для наказанія Ростиславичей.

Внѣшнія войны при Всеволодѣ были съ Половцами, которые, за годъ до его смерти (1092), взяли Песоченъ на рѣкѣ Супоѣ, Прилуку и Переволочну близь устья Ворсклы.

Въ этомъ году была ужасная засуха и моръ, въ продолженіе коего въ одномъ Кіевѣ купцы продали до семи тысячъ корстовъ (гробовъ) отъ Филиппова дня до мясопуста.

Всеволодъ скончался въ 1093 году, лѣтъ шестидесяти слишкомъ отъ роду. Онъ отличался добрымъ нравомъ, воздерживался съ молоду отъ піанства и блуда, былъ любимъ своимъ отцемъ, Ярославомъ, больше всѣхъ, зналъ пять языковъ: вѣроятно, Норманскій, Греческій, Финскій, Славянскій и Половецкій. Подъ старость онъ ослабѣлъ тѣлесно и душевно, подпалъ вліянію молодежи, которая наводила его на дружину старшую. Люди не доходили до княжей правды, тіуны грабили и продавали ихъ, князю не свѣдущу ничего.

Тѣло Всеволодово положено въ церкви св. Софіи, подлѣ гробницы отца, по его приказанію.

Всеволодъ построилъ въ 1086 году церковь св. Андрея.

Въ 1089 году освящена имъ церковь Печерская въ присутствіи многихъ епископовъ, Яну держащу воеводство Кіевскоіі тысячи.

Всеволодъ оставилъ послѣ себя вторую жену свою, отъ коей имѣлъ сына Ростислава (род. 1069), и трехъ дочерей, которыя всѣ посвятили себя монашеской жизни. Евпраксія была въ замужствѣ за Императоромъ Нѣмецкимъ Генрихомъ IV, принуждена была оставить его, бѣжала къ графинѣ Матильдѣ въ Каноссу, судилась съ мужемъ предъ папою и соборомъ, и наконецъ нашла себѣ успокоеніе въ отечествѣ, уже по смерти отца, постриглась въ монахини въ 1106, и скончалась 10 іюля 1109 года. Екатерина постриглась въ 1108, а Янка въ 1113. Янка учредила женскій монастырь при церкви св. Андрея, основанной ея отцемъ. Она ходила послѣ въ Грецію, и привела оттуда Митрополита Іоанна скопца, наслѣдовавшаго Іоанну, хитрому книгамъ и ученью.

Послѣ Всеволода, не оставалось больше сыновъ Ярославовыхъ, и столъ Кіевскій переходилъ ко внукамъ, изъ которыхъ старшимъ оказывался Святополкъ Изяславичъ.

Володимеръ, сынъ Всеволодовъ, разсудилъ: если я останусь въ Кіевѣ, и сяду на столѣ отца моего, то долженъ буду воевать со Святополкомъ, которому онъ принадлежитъ, потому что его отецъ сидѣлъ здѣсь прежде моего,—и онъ послалъ за старшимъ двоюроднымъ братомъ Турову, а самъ пошелъ въ Черниговъ, предоставивъ меньшему своему брату Ростиславу Переяславль.

Святополкъ пріѣхалъ немедля, и былъ встрѣченъ Кіянами (1093, апрѣля 24).

Между тѣмъ Половцы шли на Русскую землю. Услышавъ о смерти Всеволода, они прислали пословъ къ Святополку будто переговариваться о мирѣ. Святополкъ, не сдумавъ съ большею дружиною отца и стрыя, а только съ своими, задержалъ пословъ и посажалъ въ истобку. Половцы начали воевать и осадили Торційскій градъ. Святополкъ отпустилъ пословъ, но Половцы теперь не захотѣли уже мира. Онъ началъ собирать вои; мужи смышленые сказали ему: не пытайся противу нихъ, у тебя мало воевъ. У меня восемь-сотъ отроковъ, я могу стать противъ нихъ, отвѣчалъ онъ, подстрѣкаемый молодежью. Если бы ты пристроилъ восемь тысячъ, и того не было бъ много, а земля наша оскудѣла отъ рати и продажъ. Проси лучше помочи у брата Володимера. Святополкъ наконецъ послушался мужей. Володимеръ собралъ вои, приказавъ о томъ же Ростиславу.

Всѣ они совокупились въ Кіевѣ у св. Михаила,—и началась между ними распря и котора: Володимеръ хотѣлъ мира, Святополкъ хотѣлъ рати. Что вы ссоритесь, сказали имъ бояре поумнѣе, тогда какъ поганые губятъ землю Русскую. Послѣ вы уладитесь между собою, а теперь идите вмѣстѣ противъ враговъ, либо миромъ, либо ратью. Князья поцѣловали крестъ, и пошли къ Трилолю. Передъ Стугною созвали они дружину, и начали думать. Володимеръ говорилъ: стоя здѣсь, за рѣкою, въ грозѣ сей, сотворимъ миръ. И этому совѣту пристояли бывалые мужи, Янъ и прочіе. Кіяне же спорили и твердили: хотимъ биться, перейдемъ черезъ рѣку. Послѣднее мнѣніе одержало верхъ: вои переправились черезъ Стугну, прошли мимо Триполя, за валъ,— Святополкъ по правой сторонѣ, по лѣвой Володимеръ, въ срединѣ Ростиславъ. Половцы двигались на встрѣчу съ стрѣльцами впереди.

Наши остановились между валами, подняли стяги и выпустили своихъ стрѣльцевъ. Половцы подошли къ валу, напёрли всею силою на Святополка и взломили полкъ его (мая 26). Святополкъ стоялъ крѣпко, но люди его побѣжали, не выдержавъ нападенія, тогда долженъ былъ побѣжать и онъ. Потомъ навалились Половцы на Володимера. Закипѣла брань лютая, много убыло у него изъ полка, многихъ бояръ потерялъ онъ, —и долженъ былъ онъ наконецъ также побѣжать, вмѣстѣ съ Ростиславомъ. Они достигли Стугны, вбрели въ рѣку, тогда очень наводненную,—Ростиславъ началъ утопать передъ глазами Володимеровыми; тотъ хотѣлъ его выхватить, но едва не утонулъ и самъ.

«Своею недоброю струёю,» восклицаетъ пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ, поглотила Стугна чужіе ручьи, и разметала струги по кустамъ! Днѣпръ—затворилъ онъ свои темные берега юному Князю Ростиславу: и плачется мати Ростиславова по юношѣ князѣ Ростиславѣ. Уныли цвѣты отъ жалости, и древо съ печалью къ землѣ приклонилось.» (*)

Съ малою дружиною перебрелъ Володимеръ Стугну, плача горько по своемъ братѣ и своихъ сотрудникахъ, и воротился печальный въ Черниговъ.

Святополкъ вбѣжалъ въ Триполь, затворился и пробылъ до вечера, а на ночь ушелъ въ Кіевъ.

Тѣло Ростислава нашли послѣ въ рѣкѣ, принесли въ Кіевъ, и погребли въ церкви св. Софіи, подлѣ отца. Мать его и всѣ люди плакали о немъ и жалѣли по велику, «юности его ради.»

(*) Не тако ли, рече, Стугна, худу струю имѣя, пожърши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту. Уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачеться мати Ростиславля по уношѣ князѣ Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо съ тугою къ земли преклонилось.

Преданіе говоритъ, что предъ походомъ онъ хотѣлъ принять благословеніе въ Печерскомъ монастырѣ. Одинъ монахъ Григорій вышелъ на Днѣпръ за водою. Слуги княжіе начали смѣяться надъ нимъ и поносить его. Старецъ сказалъ: вамъ надо бъ сокрушаться, дѣти, и просить о себѣ молитвъ, а вы согрѣшаете горше. Судъ Божій рѣшенъ надъ вами: вы всѣ найдете себѣ смерть въ водѣ, вмѣстѣ съ вашимъ княземъ. Ростиславъ, услышавъ это, подумалъ, что Григорій ему не пророчествуетъ, а грозитъ, разсердился, велѣлъ связать ему руки и ноги, и бросить съ камнемъ въ воду: ты говоришь мнѣ, сказалъ онъ, что я умру въ водѣ, но я умѣю плавать, умирай же ты. Въ гнѣвѣ Ростиславъ не пошелъ и въ монастырь за благословеніемъ, и получилъ достойное по грѣху своему наказаніе.

Половцы раздѣлились на разныя толпы: одни воротились подъ Торческъ. Девять недѣль стояли эти подъ городомъ. Торки боролись крѣпко, но голодъ и жажда истомили ихъ; они просили хлѣба у Кіевскаго князя; тотъ прислалъ, но нельзя было провезти запасъ въ городъ, плотно обставленный врагами. Держаться больше жителямъ пришлось не въ могуту. Половцы запалили городъ, а людей раздѣлили по себѣ и увели въ вѣжи. Другіе пошли къ Кіеву, принялись грабить между Кіевомъ и Вышегородомъ. Святополкъ вышелъ-было опять противъ нихъ на Желяну, но былъ разбитъ совершенно, еще больше чѣмъ подъ Триполемъ, и прибѣжалъ въ Кіевъ только самъ-третій, наканунѣ новаго праздника Русской земли, Святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба. И на утро, 24 іюля, былъ плачъ въ городѣ, а не радость, говоритъ лѣтописецъ, грѣхъ ради нашихъ великихъ и за умноженіе беззаконій.

Такъ и первая побѣда Половцевъ надъ Русскими князьями случилась на праздникъ Вознесенія Господня.—Какъ будто исполнилось слово пророка: преложу праздники ваши въ плачъ и пѣсни ваши въ рыданіе.

Половцы, увидя, что одолѣли, пустились по землѣ воююче. Лѣтописецъ живыми красками описалъ это разореніе, одно изъ самыхъ гибельныхъ: города всѣ опустѣли, говоритъ онъ, села опустѣли, жители уведены въ неволю, другіе посѣчены, иные перемерли съ голода и жажды, бѣгаюче предъ врагами; на поляхъ, гдѣ паслись прежде стада воловъ, овецъ, коней, не встрѣтишь никого, развѣ дикихъ звѣрей, нивы поросли терніемъ, гумны сожжены. Несчастные плѣнники, идя по странамъ незнаемымъ, нагіе и босые, истекая кровью изъ ранъ, спрашиваютъ другъ у друга со слезами, откуда ты... я изъ такого-то города; я изъ такой-то веси. Всѣ, вздыхая, возводятъ очи на небо; тѣла у нихъ почернѣли, лица покрылись блѣдностію, языкъ испаленъ. Но не смѣй сказать никто,— чтобъ мы были ненавидимы Богомъ. Кого любитъ Богъ, какъ насъ возлюбилъ? Кого такъ почелъ, прославилъ и вознесъ? Никого. Но видя насъ, неправо пребывающихъ, нанесъ онъ намъ эту рать и скорбь, дабы пробудились отъ злыхъ дѣлъ, и въ будущій вѣкъ, даже противъ воли, обрѣли милость. Гдѣ было у насъ умиленье? Нынѣ же вся полнá суть слезъ. Гдѣ было у насъ воздыханье? Нынѣ плачъ по всѣмъ улицамъ услышится. Праведенъ еси, Господи, и прави суди Твои. Мы надѣемся на милость Твою! Не по беззаконію нашему сотвори намъ, и не по грѣхамъ нашимъ воздай намъ. Всѣ мы грѣшны. Такъ и я грѣшный много и часто прогнѣвлялъ Бога, и согрѣшаю по вся дни, заключаетъ свое описаніе смиренный лѣтописецъ.

Нельзя было думать о войнѣ. Святополкъ рѣшился иначе обезоружить поганыхъ. Онъ просилъ у Тугоркана, Половецкаго князя, дочери себѣ въ супружество (**1094**), разумѣется взнося за нее богатое вѣно. Но и это средство помогло мало. Другіе Половцы пришли къ Чернигову, нанятые Олегомъ, который, по долгой истомѣ, рѣшился еще попытать счастья, воспользуясь ослабленіемъ своихъ соперниковъ, Святополка и Володимера.

И дѣйствительно Мономахъ долженъ былъ уступить ему Черниговъ, опустошенный вокругъ Половцами; и удалиться въ Переяславль. Новыя толпы явились подъ Юрьевымъ, стояли цѣлое лѣто подъ городомъ, и чуть не взяли его. Святополкъ омирилъ ихъ, чтобъ не ходили за Рось. Жители оставили впрочемъ этотъ городъ, открытый для нападеній, и князь Кіевскій построилъ для нихъ другой, на Витичевомъ холму, прозвавъ своимъ именемъ — Святополчь, и велѣлъ сѣсть тамъ, кромѣ Юрьевцевъ, Засаковцамъ и другимъ. Половцы сожгли послѣ Юрьевъ «тощій».

Къ пущему горю саранча налетѣла на поля а поѣла всякое жито и траву.

Между тѣмъ Мономахъ, уступая въ Переяславлѣ требованіямъ дружины, дозволилъ умертвить обманомъ Половецкихъ пословъ, Итларя и Китана, приходившихъ къ нему на миръ. Объявившись такъ, добра ждать было нечего, надо было дѣйствовать наступательно, а не ожидать къ себѣ мстителей.

Святополкъ и Володимеръ рѣшились идти сами на Половцевъ, чего прежде никогда

не бывало, и о чемъ не смѣли думать ихъ отцы. Они велѣли и Олегу слѣдовать за собою. Тотъ обѣщался, и пошелъ, но воротился. Мудрено ему было нести войну Половцамъ, которые только-что добыли ему отчій столъ, и нѣсколько разъ прежде подавали скорую помощь.

Святославъ и Володимеръ достигли благополучно кочевій Половецкихъ, взяли вежи, полонили много скота, коней, верблюдовъ, челяди, и привели въ землю свою.

Образъ дѣйствій Олеговъ разсердилъ ихъ и встревожилъ. Въ самомъ дѣлѣ, такой другъ Половецкій среди земли долженъ былъ возбуждать опасенія, особенно послѣ этого явнаго доказательства пріязни къ ихъ врагамъ; надо было вывести его наружу: или избавиться отъ него, или подвести подъ одну отвѣтственность. Они послали сказать ему: ты не ходилъ съ нами на поганыхъ, которые погубили Русскую землю,—ну вотъ у тебя Итларевичъ. Это ворогъ Русской земли: убей его, либо выдай намъ. Олегъ не послушался, и началась между ними ненависть.

Святославъ и Володимеръ послали звать его на совѣтъ (1096): иди въ Кіевъ положить рядъ передъ епископами и игуменами, передъ мужами отцевъ нашихъ и людьми градскими, какъ оборонить Русскую землю отъ поганыхъ.

Гордый Олегъ, «воспринявъ смыслъ буй и словеса величава», отвѣчалъ: не пристало судить меня ни монахамъ, ни смердамъ,— и не пошелъ къ братьямъ.

«Ты не ходилъ съ нами на поганыхъ,» сказали они, «ты не идешь къ намъ на совѣтъ теперь;—такъ стало ты держишь въ умѣ на насъ лихо. Пусть же Богъ разсудитъ насъ.»

Ни мало не медля, они пошли къ Чернигову. Олегъ, не приготовясь къ оборонѣ, бѣжалъ и затворился въ Стародубѣ. Братья погнались за нимъ, оступили городъ, и начались сѣчи. Одни приступали къ городу, а тѣ бились изъ города крѣпко, и было много язвеныхъ съ обѣихъ сторонъ. Тридцать три дня стояли вои около города, и вышелъ накопецъ Олегъ, прося мира. Братья дали ему миръ на условіи: ступай Смоленску къ брату Давыду, и приходи вмѣстѣ въ Кіевъ къ столу отцевъ и дѣдовъ нашихъ,—тò есть старѣйшій городъ въ землѣ во всей; тамъ достойно есть снятися, и порядъ о всемъ положити. Олегъ обѣщался, и поцѣловалъ крестъ, отъ нужды, но не то было у него на умѣ.

Половцы, между тѣмъ, безпрерывно съ разныхъ сторонъ набѣгали, въ отплату ли за походъ Святополка и Володимера, или провѣдавъ объ усобицѣ.

Бонякъ пришелъ къ Кіеву и повоевалъ всѣ окрестности, сжегъ княжій дворъ на Берестовомъ, а Куря былъ у Переяславля, и сжегъ Устье.

Къ Переяславлю приходилъ самъ Тугорканъ, тесть Святополковъ, и осадилъ городъ, въ коемъ Переяславцы затворились. Святополкъ и Володимеръ выступили противъ него по своей сторонѣ Днѣпра, подъ Зарубомъ перебродились, не очютившимъ ихъ Половцамъ, и подошли къ самому Переяславлю. Граждане обрадовались, увидя своихъ, и вышли къ нимъ на встрѣчу. Они перебрели Трубежъ, за коей стояли Половцы, и прямо бросились на ненавистныхъ враговъ, хотя Володимеръ и совѣтовалъ изрядить полкъ. Тѣ однакожь не устояли и побѣжали. Наши за ними, сѣкуще и полоняще. Множество Половцевъ было убито,

нѣсколько князей, сынъ Тугоркановъ и самъ онъ. По утру нашли его тѣло, и Святополкъ похоронилъ его на Берестовѣ, между дорогой, идущей на село, и монастырской. Богъ послалъ эту побѣду 19 іюля.

Но на другой же день, 20 числа, Бонякъ, что приходилъ недавно, и сжегъ дворъ княжой на Берестовѣ, явился внезапно подъ Кіевомъ, и чуть не въѣхалъ-было въ городъ. Половцы зажгли дома по болонью, монастыри Стефанечь и Германечь, а потомъ набѣжали въ Печерскій, вырубили ворота и бросились въ церковь. Монахи послѣ заутрени спали по кельямъ. Услышавъ крикъ, они побѣжали, кто за монастырь, кто на полати. Половцы убивали встрѣчныхъ, брали, чтò могли, и наконецъ зажгли церковь. Тогда же сожгли они и дворъ красной, чтò поставилъ Всеволодъ на Выдубичѣ.

А Олегъ вмѣсто того, чтобъ по обѣщанію звать брата и идти съ нимъ вмѣстѣ на совѣтъ Кіеву, пустился въ другую сторону—въ дальнія Черниговскія волости. Тамъ Изяславъ, сынъ Володимеровъ, захватилъ его Муромъ.

Олегъ одолѣлъ его, (Изяславъ палъ въ битвѣ), взялъ Ростовъ, Суздаль и всю страну, вздумалъ идти на Новгородъ, но былъ въ свою очередь побѣжденъ подоспѣвшимъ оттуда Мстиславомъ, крестникомъ своимъ, и долженъ былъ, при его посредствѣ, согласиться наконецъ на Кіевскій сеймъ. (*)

Въ слѣдующемъ году (1095) собрались всѣ Русскіе князья въ Любечѣ на берегу Днѣпра для устроенья мира, — Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ Игоревичъ, Василько Ростиславичъ; пришелъ и строптивый Олегъ съ братомъ своимъ Давыдомъ. Всѣ они сидѣли на одномъ коврѣ и думали: «за чтò мы губимъ Русскую землю, сами на себя котòру дѣюще? А Половцамъ тò и любо, и несутъ они землю нашу розно. Имемся жь отнынѣ во едино сердце, и будемъ блюсти ее собща; пусть каждый держитъ свою отчину: Святополкъ — Кіевъ, Изяславлю; Володимеръ—Всеволожу; Давыдъ, Олегъ и Ярославъ—Святославлю. А кому роздалъ города Всеволодъ, у тѣхъ они и останутся: у Давыда—Владимиръ, у Ростиславичей—у Володаря Перемышль, у Василька Теребовль.»

Всѣ они поцѣловали крестъ: «если кто съ сихъ поръ поднимется на брань, то быть всѣмъ за-одно на зачинщика.» Потомъ поцѣловались они между собою, и подтвердивъ: «да будетъ на него крестъ честный и вся земля Русская,» разошлись; люди были рады такому совѣту и любви, но не долго продолжались совѣтъ, и любовь, и радость.

Бояре смутили Давыда, прежде даже, нежели разстались князья. Проводивъ Святополка изъ Любеча въ Кіевъ, онъ началъ наговаривать ему на Ростиславичей: «кто убилъ брата твоего Ярополка? Ростиславичи. У кого скрылся его убійца? У Ростиславичей. А нынѣ Василько мыслитъ на меня и на тебя, сложася съ Володимеромъ; я узналъ это навѣрное: промышляй о своей головѣ.»

Святополкъ смутился умомъ, сомнѣваясь, правда ли это, или ложь. Ему жаль было брата, да жаль было и себя. «Слушай,» сказалъ онъ Давыду, «истину ли ты говоришь—Богъ тебѣ послухъ. Если ты завистью возбуждаешься, Онъ накажетъ тебя.»

Давыдъ увѣрилъ—и прельстилъ наконецъ Святополка. Они стали думать вмѣстѣ: что же дѣлать съ Василькомъ? «Надо взять его,» сказалъ Давыдъ. «Пока онъ не будетъ въ

(*) См. Исторію Черниговскаго княжества.

нашихъ рукахъ, ни тебѣ княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ во Владимирѣ.»

А между тѣмъ Василько, которому, равно какъ и Володимеру, и въ голову не приходило никакого худа, перевезся на Выдубичи—поклониться святому Михаилу. Онъ отужиналъ въ монастырѣ, и на ночь воротился въ товары свои на Рудицѣ.

Утромъ 4 ноября, Святополкъ присылаетъ звать его на имянины. Святополкъ, по христіанскому имени Михаилъ, именинникомъ былъ 8 ноября. Василько отвѣчалъ, что не можетъ дожидаться такъ долго, опасаяся дома рати отъ Ляховъ.

Давыдъ прислалъ къ нему съ своей стороны: «подожди, братъ, не ослушайся брата старѣйшаго.» Но Василько никакъ не соглашался.

«Видишь,» сказалъ Давыдъ Святополку, «онъ не помнитъ (не чтитъ) тебя, ходя въ твою руку, а воротится въ свою волость,—увидишь, если не отниметъ тотчасъ Турова, Пинска и другихъ городовъ твоихъ. Будешь жалѣть тогда. Позови же Кіянъ, возьми его и отдай мнѣ.»

Святополкъ согласился и послалъ за Василькомъ: «Если не хочешь дожидаться именинъ моихъ, то приходи хоть нынѣ поздороваться со мною,—и посидимъ всѣ вмѣстѣ съ Давыдомъ.» Василько обѣщался, и сѣдъ на коня, поѣхалъ. Его встрѣтилъ дѣтскій, провѣдавшій о злоумышленіи, и удерживалъ, говоря: «не ходи, князь, хотятъ тебя взять,»—но онъ не послушалъ его, размышляя съ собою: «Можетъ ли быть, чтобъ хотѣли взять меня! Мы только что поцѣловали крестъ—быть всѣмъ на того, кто поднимется на братью.» Размысливъ такъ, онъ перекрестился, и, сказавъ: воля Господня да будетъ!—продолжалъ путь свой.

Онъ пріѣхалъ въ малѣ дружинѣ на княжій дворъ. Святополкъ встрѣтилъ его, и они пошли въ истобку,—явился Давыдъ,—всѣ сѣли вмѣстѣ. Святополкъ началъ опять упрашивать Василька: «остаться до Михаилова дни.»—«Не могу остаться, братъ,» отвѣчалъ онъ, «я ужъ и товары услалъ впередъ.» А Давыдъ сидѣлъ какъ нѣмой.—«Ну если такъ, позавтракаемъ хоть вмѣстѣ», сказалъ Святополкъ. Василько согласился. «Посидите вы здѣсь, я выйду распорядиться»,—и вышелъ вонъ. Давыдъ остался одинъ съ Василькомъ. Началъ Василько разговаривать съ нимъ, но въ Давыдѣ не было ни гласа, ни послушанія: страхъ обуялъ его,—а въ сердцѣ ковались ковы. Посидѣвъ нѣсколько времени, Давыдъ спросилъ: «гдѣ же братъ?» (то-есть Святополкъ). Ему отвѣчали: «стоитъ на сѣняхъ».—«Я схожу за нимъ,» сказалъ Давыдъ, вставши; а «ты, братъ, посиди одинъ»,—и вышелъ вонъ. Въ тотъ же мигъ люди его бросились на Василька, и сковали по рукамъ и по ногамъ. Сопротивляться не было возможности; онъ былъ одинъ. Потомъ его заперли, и на ночь приставили къ нему сторожей.

Поутру созвалъ Святополкъ бояръ и Кіянъ, и повѣдалъ имъ, что слышалъ отъ Давыда, будто Василько убилъ его брата, а на него свѣчался съ Володимеромъ, и хочетъ также убить и занять его города. Бояре и люди отвѣчали: «голову свою, князь, беречь тебѣ надо; если Давыдъ говоритъ правду, Василько долженъ принять казнь; если онъ говоритъ ложь, то дастъ отвѣтъ Богу, и приметъ месть.»

Между тѣмъ слухъ разнесся по Кіеву, что происходитъ на княжемъ дворѣ. Провѣдали игумены, и пришли къ князю мо-

литься о Васильке. Святополкъ ссылался на Давыда; онъ уже сжалился, и ему хотѣлось отпустить Василька.

А Давыдъ, боясь теперь Василька еще больше, настаивалъ на ослѣпленье: «Если ты пустишь Василька,» твердилъ онъ, » «то ни тебѣ не княжить, ни мнѣ» ... И слабый Святополкъ уступилъ: «дѣлай, что хочешь.»

Тою же ночью Василька скованнаго отвезли на кòлахъ въ Звѣнигородъ, верстахъ въ 20 отъ Кіева, и ссадили съ колъ въ истобку. Онъ сѣлъ, не понимая еще куда его везутъ, и что съ нимъ будетъ. Вдругъ видитъ онъ, что Торчинъ точитъ ножъ; тогда только догадался онъ, что хотятъ ослѣпить его, и горько заплакалъ, возстеналъ. Вошли посланные, — Сновидъ Изечевичъ, конюхъ Святополковъ, и Дмитръ, конюхъ Давыдовъ, и стали разстилать по полу коверъ. Разостлавъ, приступили они къ Васильку и хотѣли повалить: въ отчаяніи онъ началъ бороться крѣпко, и нельзя было съ нимъ сладить. Пришли другіе на подмогу; всѣ вмѣстѣ повалили они, наконецъ, Василька на полъ и связали, потомъ сняли доску съ печи и наложили ему на грудь. Сновидъ Изечевичъ и Дмитръ сѣли по концамъ; онъ рвался и бился изъ-подъ нихъ, и не могли удержать его. Тогда сняли другую доску съ печи, наложили и сѣли по концамъ еще двое; вся грудь у него захрустѣла,—такъ придавили они вчетверомъ несчастнаго. Подступилъ къ нему Торчинъ, именемъ Беренди, овчюхъ Святополчь, съ ножемъ въ рукѣ, и хотѣлъ ткнуть въ глазъ, но не попалъ, а только порѣзалъ лице, — рубецъ видѣлъ послѣ на Василькѣ самъ лѣтописецъ,—онъ ткнулъ еще и оторвалъ зѣницу; ткнулъ въ другой разъ и оторвалъ другую зѣницу. Василько былъ уже безъ чувствъ. Его вынесли на коврѣ, положили на кола за-мертво, и повезли во Владиміръ.

Дорòгою сторожа остановились въ городѣ Здвижени обѣдать, за мостомъ, на торговищѣ. Василька, все еще безчувственнаго, стащили они съ воза и принесли въ избу; сняли кровавую сорочку и отдали попадьѣ выстирать. Попадья, выстиравъ, надѣла на Василька, и начала громко стонать надъ нимъ, считая его умершимъ. Онъ услышалъ ея стонъ, очнулся и спросилъ: «гдѣ я?»—«Въ Здвижени городѣ», отвѣчали ему.—«Дайте мнѣ воды». Ему подали. Онъ выпилъ, и вступила въ него душа, онъ опомнился, ощупалъ сорочку и закричалъ: «зачѣмъ сняли вы съ меня мою сорочку кровавую? Я хочу умереть въ ней и предстать предъ Господомъ.»

Сторожа, отобѣдавъ, положили его опять на кòла, потому что путь былъ труденъ, и привезли во Владиміръ на шестой день. Вслѣдъ за нимъ, какъ будто какой уловъ уловивъ, пріѣхалъ во Владиміръ и Давыдъ, посадилъ его на дворѣ Вакѣевѣ, и приставилъ тридцать человѣкъ, да двухъ отроковъ княжихъ, Улана и Колчу, стеречь его.

А что дѣлалось въ Кіевѣ?

Володимеръ Мономахъ, услышавъ объ ослѣпленіи Василька, ужаснулся и возплакалъ. Онъ послалъ тотчасъ къ Давыду и Олегу Святославичамъ звать ихъ въ Городецъ, (противъ Кіева, близъ устья Десны). «Вверженъ ножъ между нами,» говорилъ онъ. О мы должны исправить это зло, какого не бывало никогда въ Русской землѣ, ни при отцахъ, ни при дѣдахъ нашихъ. Если мы не исправимъ его, то еще больше зло встанетъ на насъ, и братъ начнетъ закалати брата, и погибнетъ земля Русская, и враги наши Половцы придутъ и возмутъ все.»

Давыдъ и Олегъ огорчились не меньше Володимера, и собравъ вои, пришли въ Городецъ, гдѣ уже стоялъ въ бору Володимеръ. Всѣ князья вмѣстѣ послали мужей своихъ сказать Святополку: «За что́ ослѣпилъ ты брата своего? Если бъ была какая вина за нимъ, ты долженъ бы былъ обличить его предъ нами, — говори, чѣмъ онъ виноватъ»? Святополкъ отвѣчалъ: «Повѣдалъ мнѣ Давыдъ Игоревичъ, что Василько убилъ брата моего Ярополка и хотѣлъ убить меня, занять мои волости—Туровъ, Пинскъ, Берестье и Погорыну; онъ заходилъ будто ротѣ съ Володимеромъ, чтобъ сѣсть тому въ Кіевѣ а ему во Владимирѣ; неволя мнѣ была беречь свою голову. Слѣпилъ же его Давыдъ, а не я, и увелъ къ себѣ». Посланцы возразили на то: «не оправдывайся тѣмъ, что Давыдъ слѣпилъ его; не въ Давыдовомъ городѣ онъ взятъ и слѣпленъ, а взятъ и слѣпленъ въ твоемъ городѣ».

Наутро собрались князья переправляться черезъ Днѣпръ, и Святополкъ хотѣлъ уже бѣжать изъ Кіева, но Кіяне не пустили его; имъ пришла мысль отправить посольство къ Володимеру. Всеволожая, его мачиха, и митрополитъ Никола пришли къ нему съ такими словами: «Молимся, князь, тебѣ и братьямъ твоимъ; не погубите Русской земли. Если вы начнете рать между собою, поганые обрадуются и возьмутъ землю нашу, что́ отцы и дѣды ваши добыли трудомъ великимъ. Они искали чужихъ земель, а вы хотите потерять свою! Смилуйтеся».

Володимеръ почиталъ княгиню какъ мать, ради своего отца, который любилъ его много, и котораго онъ не ослушался никогда ни при жизни, ни по смерти; онъ чтилъ много и святительскій санъ. Выслушавъ ихъ рѣчь, онъ облился слезами и преклонился на мольбу. Братья его послушались. Кіевъ спасся. Обрадованные, княгиня съ митрополитомъ, воротясь, повѣдали Кіянамъ, что рати не будетъ. Князья начали обсылаться, и умирились на томъ, чтобъ Святополкъ шелъ на Давыда,—взялъ его или выгналъ, ибо это все его была сколота. На томъ и поцѣловали крестъ.

«Василько между тѣмъ оставался во Владимирѣ. «Я былъ тамъ,» говоритъ лѣтописецъ Василій, современникъ Несторовъ, сохранившій намъ всѣ сіи драгоцѣнныя подробности. «Это было передъ великимъ постомъ. Однажды ночью присылаетъ за мною князь Давыдъ. Я пошелъ къ нему. Около него сидѣла дружина; онъ посадилъ меня и сказалъ:

«Василько говорилъ отрокамъ моимъ Улану и Колчѣ: слышу, что Володимеръ и Святополкъ идутъ на Давыда. Если бы Давыдъ послалъ мужей своихъ къ Володимеру, да я молвилъ бы, что́ знаю, такъ Володимеръ воротился бы домой. Поди же, пожалуй, Василю, къ тезю своему Васильку, съ сими отроками, и скажи ему: если онъ пошлетъ мужа своего къ Володимеру, и тотъ воротится, то я дамъ ему городъ, который хочетъ—Всеволожь, Шеполь или Перемиль.

Я пошелъ къ Васильку и передалъ ему рѣчи Давыдовы. Василько отперся: «Я не говорилъ того,» сказалъ онъ, «но, пожалуй, пошлю къ Володимеру сказать, чтобъ не проливалъ крови изъ-за меня. Странно мнѣ только то, что Давыдъ даетъ мнѣ свой городъ, когда у меня есть собственный Теребовль, моя область. Ступай къ Давыду и скажи, чтобъ онъ прислалъ мнѣ Кулмѣя: его пошлю я къ Володимеру».

Давыду не хотѣлось отпустить Кулмѣя, и онъ опять послалъ меня къ Васильку сказать, что Кулмѣя нѣтъ. Въ это свиданіе Ва-

силько объяснилъ съ полной откровенностію свои прежнія намѣренія. *

Между тѣмъ пасха прошла, а слухи о рати Кіевской не было, и Давыдъ хотѣлъ было перенять Василькову волость, но былъ принужденъ его братомъ удалиться безъ успѣха. Святополкъ, соучастникъ его, пришелъ, наконецъ, на него, по обязательству съ братьями, и остановясь въ Берестьѣ **, ждалъ къ себѣ Ляховъ.

Давыдъ искалъ помощи тамъ же, у Володислава. Ляхи обѣщали ему, взявъ съ него пятьдесятъ гривенъ золота, и звали въ Берестье, гдѣ ожидалъ ихъ на снемъ Святополкъ. «Мы помиримъ васъ тамъ,» говорили они, и Давыдъ пошелъ съ Володиславомъ.

Святополкъ стоялъ въ городѣ, Ляхи на Бугѣ. Кіевскій князь обослался съ ними рѣчами, и далъ имъ дары великіе противъ Давыда. Володиславъ сказалъ тогда Давыду: «Не слушаетъ насъ Святополкъ, иди лучше домой, а мы поможемъ тебѣ, если придутъ Русскіе князья на Владимиръ».

Святополкъ пошелъ къ Пинску, пославъ за воями; потомъ пришелъ къ Дорогобужу, дождался тамъ воевъ, и приступилъ къ Владимиру, гдѣ затворился Давыдъ, ожидая напрасно помочи отъ Ляховъ, которые обманули его въ другой разъ, взявъ золото отъ обоихъ, отъ Давыда и Святополка. Семь недѣль стоялъ Святополкъ, и Давыдъ долженъ былъ уступить, просясь только выйдти изъ города. Святополкъ согласился, и, поцѣловавъ крестъ въ великую субботу, вступилъ въ Владимиръ, а Давыдъ ушелъ черезъ Червенъ въ Ляхи.

Святополкъ исполнилъ такимъ образомъ обязанность, возложенную на него братьями за ослѣпленіе Василька,—изгнать Давыда въ наказаніе за его извѣтъ. Онъ могъ теперь возвратиться въ Кіевъ. Нѣтъ. Надѣясь на множество своихъ воевъ, онъ вздумалъ, какъ прежде Давыдъ, идти самъ на Володаря и Василька; онъ забылъ свою вину и опасность, забылъ полученное прощенье, а вспомнилъ только, что ихъ волость принадлежала нѣкогда его отцу и брату, и, вопреки Любецкому условію, вопреки послѣдней клятвѣ пошелъ на нихъ ратью.

Самого Мономаха, случившагося тогда въ Ростовѣ, хотѣлъ Святополкъ привлечь на свою сторону. *

Володарь и Василько выступили на встрѣчу Святополку, и сошлись на Рожнемъ полѣ. Слѣпецъ Василько показался впереди, и поднявъ крестъ между полками, сказалъ: «Ты взялъ сперва свѣтъ изъ очей моихъ, а теперь хочешь взять мою душу. Вотъ крестъ, что цѣловалъ ты на миръ и любовь, да будетъ онъ судіей между нами»!

Битва началася; много падало отъ обою полку. У Ростиславичей шло лучше. Нѣкоторые благовѣрные люди видѣли, говорятъ, крестъ въ высотѣ надъ Васильковыми воями,— и они удержали побѣду. Святополкъ бѣжалъ въ Владимиръ съ двумя Ярополчичами, Святошею, сыномъ Давыдовымъ, и прочею дружиной. Ростиславичи, остановясь на своей межѣ, его не преслѣдовали.

Онъ послалъ сына Ярослава въ Угры звать ихъ противъ Володаря, а другаго Мстислава, рожденнаго отъ наложницы, посадилъ во Владимирѣ.

Не доставъ Перемышля и Теребовля, Святополкъ потерялъ снова вскорѣ и Вла-

* См. въ исторіи Галицкаго княжества.

** Брестъ-Литовскій, нынѣ городъ Гродненской губерніи.

* См. ниже, въ поученіи Мономаховомъ.

димиръ, потому что Давыдъ не думалъ отказаться отъ своей отчины. Не найдя помощи у Ляховъ, онъ оборотился въ другую сторону—къ Половцамъ, помирился на дорогѣ съ Володаремъ, съ которымъ у него былъ теперь одинъ и тотъ же злодѣй, князь Кіевскій. Враги стали пріятелями, а пріятели врагами. Давыдъ оставилъ у него жену, и поспѣшилъ за новыми помощниками.

Между тѣмъ сынъ Святополковъ Ярославъ пришелъ съ Королемъ Коломаномъ и двумя епископами, и осадилъ Володаря въ Перемышлѣ.

Давыду встрѣтились близко Половцы на дорогѣ съ Бонякомъ, и онъ воротился на поприще дѣйствій.

Рѣшено было справиться прежде съ Уграми.

На послѣднемъ къ нимъ ночлегѣ Бонякъ всталъ въ полночь, отъѣхалъ отъ полковъ, и завылъ по волчьи; ему отвылся тотчасъ волкъ, и за однимъ волкомъ начали выть многіе. Половецкій князь воротился къ Давыду веселый, увѣряя его, что завтра побѣда ихъ. У нихъ было четыреста воиновъ: у Давыда сто, да у Половцевъ триста. Бонякъ раздѣлилъ своихъ на три полка: Давыда поставилъ подъ стягомъ, на крыльяхъ по пятидесяти, а Алтунопу пустилъ съ пятьюдесятью чади на воропъ. Угры стояли по Вагру заступами. Алтунопа подбѣжалъ къ первому заступу, выстрѣлилъ и отскочилъ. Угры пустились за нимъ и наткнулись на Боняка, а Алтунопа, оборотившись, ударилъ на нихъ съ тыла, — и сбилъ Угровъ въ мячь, какъ воронъ сбиваетъ галокъ. Они спасались бѣгствомъ, одни потопли въ Сану, другіе въ Вагру, многіе поскакавъ горою вдоль Сана, сталкивали другъ друга. Два дня продолжалась погоня. Палъ епископъ и многіе бояре. Ярославъ бѣжалъ въ Ляхи, а Давыдъ занялъ Червенъ, и наконецъ осадилъ свой Владимиръ, отрѣзавъ внезапно Владимирцевъ.

Начались схватки, одни приступали, другіе отстрѣливались, какъ вдругъ, на заборолѣхъ, уязвленъ былъ стрѣлою Мстиславъ, сынъ Святополковъ.

Объ этомъ Мстиславѣ разсказывали, что онъ, напрасно искавъ сокровищъ въ пещерѣ Варяжской, шумный отъ вина, застрѣлилъ тамъ прежде однаго инока, Василія, и много мучилъ другаго, Θеодора, которой не хотѣлъ открыть ему тайны. Уязвленный онъ сказалъ: умираю за Василія и Θеодора.

Смерть Мстислава таили три дня, на четвертый собралось вѣче, и люди сказали: «Князь нашъ убитъ: если мы предадимся, то Святополкъ насъ погубитъ. Пошлемъ лучше къ нему за помочью, а не получимъ—предадимся».

Святополкъ отрядилъ къ нимъ Путяту, своего воеводу. Путята по дорогѣ зашелъ въ Луцкъ къ Святошѣ, который присоединился къ нему, хотя только-что обѣщался Давыдовымъ мужамъ предувѣдомить о движеніи Святополковомъ. Давыдовы вои спали въ полдень. Святоша и Путята напали на нихъ внезапно и начали сѣчи. Граждане вышли изъ города и присоединились къ нимъ. Давыдъ бѣжалъ опять съ племянникомъ своимъ Мстиславомъ, а Святоша и Путята взяли городъ, посадили Святополкова посадника Василія, и отошли, Святоша въ Луцкъ, Путята въ Кіевъ.

Давыдъ не успокоился. Онъ бѣжалъ въ другой разъ къ Половцамъ и пришелъ вновь съ Бонякомъ, выгналъ Святошу изъ Луцка, а потомъ взялъ и Владимиръ, откуда Святополковы посадники принуждены были бѣжать.

Обстоятельства умножались и запутывались.

Давыдъ обратился ко всѣмъ князьямъ, прося у нихъ общаго суда въ своей обидѣ. Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, собрались тогда въ Уветичахъ, близь Кіева, и позвали туда же Давыда на снемъ.

Онъ пріѣхалъ и сказалъ: «На что я вамъ, кому до меня обида»? Володимеръ отвѣчалъ: «Ты самъ присылалъ къ намъ и говорилъ: хочу придти къ вамъ и пожаловаться своей обиды. Ты пришелъ теперь и сидишь на одномъ коврѣ; что же не жалуешься? кто обидѣлъ тебя»?—Давыдъ молчалъ. Братья сѣли на коней, и стали розно. Святополкъ съ своею дружиною, Давыдъ и Олегъ съ своею. Они думали о Давыдѣ Игоревичѣ, не допуская его къ себѣ; онъ сидѣлъ особо. Сдумавши, послали къ Давыду мужей своихъ: Святополкъ Путяту, Володимеръ Орагоста и Ратибора, Давыдъ и Олегъ Торчина, сказать ему:—«Вотъ что говорятъ тебѣ братья: не хотимъ давать тебѣ стола Владимирскаго, потому что ты бросилъ ножъ въ насъ, его же не было въ Русской землѣ; но мы не беремъ тебя, не причиняемъ тебѣ никакого зла. Ступай садись въ Бужскомъ острогѣ, а Святополкъ дастъ тебѣ Дубенъ и Черторискъ, Володимеръ двѣсти гривенъ, Давыдъ и Олегъ столько же. Къ Володарю и Васильку послали они также пословъ: «Возьми брата своего Василька къ себѣ, и буди вамъ одна власть—Перемышль, а холоповъ нашихъ и смердовъ выдайте. Если любо—сидите; не любо — мы будемъ кормить Василька здѣсь сами.»

Володарь и Василько не послушались такого рѣшенья, умеиьшавшаго ихъ волости, а Давыдъ,—ему нечего было дѣлать,—сѣлъ въ Бужскѣ, къ которому Святополкъ придалъ послѣ Дорогобужъ.

Владимиръ же отдалъ Святополкъ сыну своему Ярославу. Племянники вознегодовали за то, и Ярославъ Ярополчичь заратился въ Берестьѣ, но Святополкъ смирилъ его. Плѣннаго и окованнаго привели въ Кіевъ. Митрополитъ и игумены упросили Святополка, и племянникъ, заведенный у раки святыхъ Бориса и Глѣба, выпущенъ былъ на волю, бѣжалъ, пойманъ сыномъ Великаго Князя уже близь Ляшской земли на Нурѣ, приведенъ въ Кіевъ, гдѣ въ оковахъ вскорѣ и умеръ.

Лучшимъ слѣдствіемъ втораго снема было то, что Мономахъ съ сихъ поръ сошелся совершенно съ Святополкомъ, и до самой кончины его, въ продолженіе тринадцати лѣтъ, они дѣйствовали за одно.

Первый рядъ его однакожь, чтобы Новугороду быть Святополчу, а Володимеру посадить сына своего во Владимирѣ, не состоялся, вслѣдствіе сопротивленія Новогородцевъ. Вызвавъ сына, Мономахъ прислалъ-было его съ мужами своими и Новогородскими въ Кіевъ къ Святополку. «Се прислалъ Володимеръ сына своего», сказали мужи, «да идетъ во Владимиръ, а се Новогородцы, поимше сына твоего, да идутъ Новогороду».—А Новогородцы отвѣчали напротивъ: «Мы присланы къ тебѣ, и сказано намъ вотъ что: не хотимъ Святополка, ни сына его; если у сына твоего двѣ головы, такъ пошли его. А Мстислава далъ намъ Всеволодъ, мы воскормили его себѣ княземъ, ты же ушелъ отъ насъ».

Святополкъ долго спорилъ съ ними, они не соглашались и увели къ себѣ Мстислава назадъ.

На слѣдующій годъ (1103) Мономахъ, въ исполненіе любимой мысли своей, началъ опять звать князей на Половцевъ. Святополкъ передалъ мысль дружинѣ. Негодно

идти весною, возразили мужи, мы погубимъ смердовъ и ролью ихъ. Рѣшено князьями сняться и подумать съ дружинами вмѣстѣ. Собрались всѣ на Долобскѣ въ одномъ шатрѣ. Святополкъ сидѣлъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею. Всѣ молчали. Володимеръ прервалъ наконецъ молчаніе, обратясь къ Святополку: «Братъ, ты старшій, начни говорить, какъ намъ промыслить о Русской землѣ». А Святополкъ отвѣчалъ: «нѣтъ, начни ты». Володимеръ сказалъ: «что мнѣ говорить, когда твоя дружина и моя сбираются спорить со мною, будто я хочу погубить смердовъ и ролью. Дивно мнѣ, братья, что вы жалѣете смердовъ и ихъ коней, а объ томъ не думаете, что выѣдетъ весною смердъ орать съ своею лошадью, и наскочитъ Половчинъ, ударитъ смерда стрѣлою, и возьметъ ту лошадь его, и потомъ жену его, и дѣтей, и гумно зажжетъ,—что же вы объ этомъ не подумаете? Или вамъ лошади жаль, а смерда не жаль?» Никто не могъ опровергнуть словъ Володимеровыхъ. Вся дружина согласилась: во истину это такъ; и Святополкъ заключилъ: я готовъ. Володимеръ былъ доволенъ: «Ты, братъ, сотворишь великое добро Русской землѣ», сказалъ онъ Кіевскому князю. Они послали звать Давыда и Олега: «Пойдемъ на Половцевъ; либо живы будемъ, либо умремъ.» Давыдъ послушалъ, а Олегъ отозвался нездоровьемъ. Присоединились къ нимъ еще Давыдъ Полоцкій, Мстиславъ Давыдовичъ, Вячеславъ, остальной сынъ Ярополковъ.

Князья и вои помолились Богу, произнесли обѣты Спасителю и Пречистой Матери Его, сотворили милостыню убогимъ, подаянія монастырямъ, и пошли въ походъ на коняхъ и въ ладьяхъ. Ниже пороговъ остановились они въ протолчахъ, на Хортичемъ островѣ, отсюда перебрались въ поле, и черезъ четыре дня достигли Сутѣня. Половцы, прослышавъ объ ихъ появленіи, собрались въ множествѣ, и начали думать. Урособа совѣтовалъ просить мира у Руси: крѣпко будутъ они биться съ нами, потому что много зла причинили мы Русской землѣ. А младшіе кричали: ты боишься Руси, а мы не боимся; мы изобьемъ этихъ, и пойдемъ въ земли ихъ, и возьмемъ всѣ города. Половцы послали впередъ сторожей съ Алтунопой, который славился мужествомъ между ними. Наши сторожи устерегли и избили ихъ всѣхъ. На Половцевъ напалъ страхъ, они шли уже какъ-будто дремали, у коней ихъ не было спѣха въ ногахъ, а Русскіе выступали на нихъ веселые и радостные. Увидѣвъ сильное устремленіе на себя, поганые не выдержали и побѣжали. Наши за ними, сѣкуще. Это было 4 апрѣля. Побѣда одержана была совершенная. Однихъ князей убито двадцать. Бельдюзъ былъ взятъ живой. Его привели къ Святополку, и онъ началъ давать за себя золото и серебро, коней и скотъ. Святополкъ препроводилъ его къ Володимеру. Тотъ упрекнулъ его: «знаешь ли ты, кто васъ предалъ? Предала васъ рота (клятва): сколько разъ ходили вы ротѣ, и потомъ воевали Русскую землю; за чѣмъ же ты не училъ сыновъ своихъ и роду своего не преступать роты? Ты проливалъ кровь христіанскую: будь же кровь эта на главѣ твоей»,—и велѣлъ Володимеръ убить его. Воины разсѣкли его на части. Князь и вои начали пировать. Володимеръ сказалъ: «сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвелимся въ онь, яко избавилъ Господь насъ отъ врагъ нашихъ, и далъ ихъ брашно людямъ Русскимъ.» Русскіе взяли тогда въ вежахъ Половецкихъ множество скота, овецъ,

верблюдовъ, челяди, и возвратилися домой съ полономъ и славою великою, заявъ еще по пути Печенѣговъ и Торковъ съ вежами.

Половцы пытались отплатить за погромъ 1103 года: въ 1106 они воевали около Зарѣческа. Святополкъ посылалъ на нихъ Яна Вышатича и Иванка Захарьича, Козарина, которые ихъ прогнали, и полонъ отняли.

Въ 1107 году явились, Бонякъ, Шаруканъ старый и иныхъ князей много, въ Переяславскомъ княжествѣ, которое всего чаще подвергалось нападеніямъ, лежа на ихъ пути. Святополкъ, Володимеръ, Олегъ и прочіе снарядились скоро противъ нихъ, перебродились черезъ Сулу и крикнули. Половцы, не ожидая, испугались, со страха не могли поставить даже стяга, бросились къ конямъ, и стали ихъ хватать, а иные побѣжали пѣшіе, оставя свои товары. Наши гнались до Хороля, гонящe и̓ и сѣкуще, а другихъ брали руками. Таза, Бонякова брата, убили, Сугра и брата его взяли, Шаруканъ едва убѣжалъ. Это было 12 августа, а 15 Святополкъ въ заутреню Успеньева дни пришелъ въ Печерскій монастырь возблагодарить Бога, и поклониться гробу святаго Ѳеодосія, какъ то обыкновенно дѣлалъ, идя на войну и возвращаясь съ нея. Братья поздравляли его съ посланною отъ Бога радостію.

Половцы послѣ этого пораженія укротились, набѣгали уже очень рѣдко, и всегда были отражаемы. Мономахъ доставилъ такимъ образомъ миръ Русской землѣ, и извнѣ, и внутри, (самое трудное дѣло, какое только можно было сдѣлать въ эти тревожныя времена), ибо междоусобія утихли, также, благодаря дѣятельному его участію въ дѣлахъ и благоразумію. Великій князь Святополкъ во всемъ его слушался, и съ ними двоими состязаться никто не могъ. Да и не кому уже было заводить спора. Ростиславичи, вдали, были довольны своими Галицкими удѣлами. Святославичи княжили въ Черниговѣ. Братьевъ Святополковыхъ не осталось никого, племянники еще только возмужали. Одни Полоцкіе князья продолжали питать злобу противъ Ярославичей, но что они могли сдѣлать? Развѣ потревожить страны смежныя, что по временамъ и случалось. Доблестный Володимеръ рѣшился воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами, чтобъ покончить начатое дѣло, поразить еще разъ Половцевъ, и избавить Русскую землю навсегда отъ ихъ разрушительныхъ набѣговъ, какъ Мстиславъ первый порѣшилъ съ Печенѣгами.

Въ 1111 году, по вызову Володимера, собрались князья, дали другъ другу клятву, и на второй недѣлѣ поста выступили на Половцевъ въ землю ихъ, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ съ сыновьями, и прочіе. Въ пятницу были они на Сулѣ, въ субботу на Хоролѣ, гдѣ и пометали сани; въ воскресенье средокрестное пришли на Пселъ, потомъ на Голтву, гдѣ дождались прочихъ воевъ, потомъ двинулись къ Ворсклѣ; тамъ, на другой день, въ среду, цѣловали крестъ со многими слезами, возлагая на него всю свою надежду; оттуда перебрели многія рѣки, и на шестой недѣлѣ поста во вторникъ пришли къ Дону.

Здѣсь оболчились они въ брони, изрядили полки, и приблизились къ городу Шаруканову. Володимеръ приставилъ своихъ поповъ ѣхать передъ полкомъ, пѣть тропари и кондаки креста честнаго и канунъ Святой Богородицѣ. Они подступили къ городу передъ вечеромъ, а по утру въ воскресенье жители вышли къ нимъ на встрѣчу съ поклономъ, вынесли рыбы и вина. Князья Русскіе здѣсь переночевали, на завтра въ

середу пошли къ Сугрову, и зажгли городъ, въ четвергъ выступили съ Дона, и 24 Марта сошлись съ Половцами.

Князья сказали: «здѣсь намъ смерть, станемъ же крѣпко,» перецѣловались другъ съ другомъ, и призвали имя Божіе. «И бывшу соступу», говоритъ лѣтописецъ, «и брани крѣпце, Богъ вышній воззрѣ на иноплеменниковъ съ гнѣвомъ,» — и битва рѣшилась въ нашу пользу. Множество Половцевъ легло на мѣстѣ, при потокѣ Дегея. Князья воздали хвали хвалу Богу, и праздновали здѣсь свою побѣду, а въ слѣдующій день Лазарево воскресенье и Благовѣщеніе.

Въ воскресенье пошли они дальше, и въ понедѣльникъ на страстной недѣлѣ встрѣтились съ новыми полчищами Половцевъ, которые «выступиша яко борове велиціи» и тмами темъ оступали полки Русскіе. Полки ударили одни на другіе, и «сразившимася челома тресну аки громъ.» Лютая сѣча началась, и падали люди съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ побѣда склонилась опять на сторону Русскихъ князей, и Половцы были побиты на голову при рѣкѣ Салницѣ. Добычѣ не было счета: коней, овецъ, рогатаго скота, колодниковъ захвачено множество. Князья, говорятъ, спрашивали ихъ: отъ чего не могли вы намъ противиться, имѣя такую силу и бывъ въ такомъ множествѣ. Нельзя намъ было противиться, отвѣчали они, ѣздили кто-то на верху надъ вами, въ оружіи свѣтломъ и страшномъ, и помогали вамъ. «Это были ангелы», говоритъ лѣтописецъ, «многіе видѣли, во время битвы, какъ головы сваливались съ Половцевъ, невидимо стинаемыя. Ангелы внушили Володимеру и идти на Половцевъ: надъ Печерскимъ монастыремъ стоялъ долго столпъ огненный, снесся оттуда на церковь, а потомъ къ Городцу, гдѣ былъ тогда Володимеръ въ Радосыни».

Князья Русскіе воротились съ великою честію и добычею. Слава объ ихъ побѣдѣ разнеслась по всѣмъ странамъ дальнимъ—къ Грекамъ, Ляхамъ и Чехамъ, даже и до Рима дошла, говоритъ лѣтопись. Разумѣется, она принадлежала по праву больше всѣхъ Мономаху, о которомъ навсегда осталось преданіе, какъ о побѣдителѣ Половцевъ, избавителѣ Русской земли отъ поганыхъ. Такъ одинъ изъ продолжателей Нестора говоритъ, что «Мстиславъ наслѣдовалъ потъ отца своего, Володимера Мономаха Великаго: Володимеръ самъ собою постоялъ на Дону, и много потерпѣлъ за землю Русскую, а Мстиславъ мужей своихъ послалъ загнать Половцевъ за Донъ»....

Позднѣйшая Волынская лѣтопись сохранила тоже преданіе. «Ревновалъ Романъ дѣду своему Мономаху,» говоритъ она, «погубившему поганыхъ Измаильтянъ, рекомыхъ Половцевъ. Тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотымъ шеломомъ Донъ, принялъ земли ихъ, и загналъ окаянныхъ Агарянъ, отроки въ Обезы за желѣзныя врата, а Серчанъ остался у Дона... и воротился уже по смерти Володимеровой.»

Симъ знаменитымъ походомъ заключилось двадцатилѣтнее княженіе Святополково. Въ слѣдующемъ году онъ занемогъ и скончался за Вышгородомъ слишкомъ шестидесяти лѣтъ, (Апрѣля 16, 1113 г.) Бояре и дружина его плакали по немъ. Тѣло его привезено въ ладьѣ въ Кіевъ, и по отпѣваніи положено въ церкви Михаила, имъ созданной.

Патерикъ Кіевскій обвиняетъ его въ излишнемъ корыстолюбіи при сношеніяхъ съ жидами, продажѣ соли.

Княгиня, дочь Тугорканова, роздала столько богатствъ попамъ и убогимъ по монастырямъ, что всѣ люди дивились: никто не можетъ сотворить такой милости.

Изъ дѣтей послѣ *Мстислава*, убитаго 1099 при осадѣ Владимира, остались: *Ярославъ*, княжившій въ Владимирѣ съ 1100 года, —и малолѣтные: *Брячиславъ* (род. 1104), и *Изяславъ*.

Дочери его были выданы замужъ: *Сбыслава* въ 1102 за славнаго короля Польскаго Болеслава Кривоустаго, съ разрѣшенія Папы, потому что была съ нимъ въ свойствѣ.

(Болеславъ въ уваженіе ходатайства Святополкова простилъ своего брата Избыгнѣва, находившаго (1106) себѣ убѣжище въ Кіевѣ.)

Другая дочь *Передслава* въ 1104 г. была въ замужствѣ за королевичемъ Венгерскимъ, сыномъ Ладиславовымъ, Николаемъ.

По смерти Святополковой Мономаху открылось новое, или болѣе обширное поприще для дѣйствія.

Кіяне, собравшись на другой день, по смерти Святополка, 17 апрѣля 1113 года, положили на вѣчѣ посадить на Кіевскомъ столѣ Володимера, сына Всеволодова, и послали Переяславлю звать его на столъ отечь и дѣдень.

Володимеръ, которому такимъ образомъ въ другой разъ, безъ череды, доставалось великое княженіе, медлилъ идти на зовъ, и тужилъ о братѣ. Кіяне разграбили между тѣмъ дворъ Тысяцкаго Кіевскаго Путяты, главнаго воеводы Святополкова, потомъ напали на Жидовъ, торговавшихъ въ Кіевѣ. Смущеніе распространялось. Къ Володимеру послано второе посольство: «Иди же князь въ Кіевъ: если ты не пойдешь, то много зла воздвигнется; уже не Путятинъ дворъ, не соцкихъ, не жидовъ разграбятъ, а пойдутъ на ятровъ твою, да на бояры, да на монастыри. Смотри, чтобъ не отвѣчать тебѣ за монастыри.» И Володимеръ, услышавъ это, пришелъ въ Кіевъ. Митрополитъ Никифоръ, Епископы и Кіяне встрѣтили его съ честію великою,—и сѣлъ онъ на столѣ отца своего и дѣда. Всѣ люди обрадовались и мятежъ улегся.

Черниговскіе князья оставались спокойно дома, и не предъявили никакихъ притязаній, потому ли, что старшій Давыдъ, вообще расположенія мирнаго, уступилъ Кіевъ добровольно, а младшій Олегъ, изъ-за него, не имѣлъ права; потому ли, что отецъ ихъ, владѣя Кіевомъ незаконно, не въ очередь, порушилъ право и для своихъ дѣтей; потому ли, что они не осмѣлились предпринять что-либо противъ всеобщаго желанія Кіевлянъ, и не могли надѣяться одержать верхъ надъ самымъ мужественнымъ, умнымъ и самымъ любимымъ изъ всѣхъ князей Русскихъ, и можетъ быть получили себѣ вознагражденіе за невольную уступку.

Для ближайшаго знакомства съ этимъ, примѣчательнѣйшимъ лицемъ Русской древности помѣщается здѣсь отрывокъ изъ его поученія дѣтямъ, заключающій описаніе, собственными словами, его дѣйствій, (намъ уже вообще извѣстныхъ,) до вступленія на великокняжескій Кіевскій столъ:

«А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ пути дѣя и ловы 13 лѣтъ. Первое къ Ростову идохъ, сквозѣ Вятичѣ, посла мя отець, а самъ иде Курьску, и пакы 2-е къ Смолиньску со Ставкомъ Скордятичемъ; той пакы и отъиде къ Берестію со Изяславомъ, а мене посла Смолиньску; то и-Смолиньска идохъ Володимерю. Тое-же

зимы той посласта Берестію брата на головнѣ, идѣ бяху пожгли, то и ту блюдъ городъ тихъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ дни изъ Переяславля та Володимерю, на Сутейску мира творитъ съ Ляхы. Оттуда пакы на лѣто Володимерю опять. Та пославъ мя Святославъ въ Ляхы: ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ въ земли ихъ 4 мѣсяци; и въ то-же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее Новгородьское. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову. И Святославъ умре, и язъ пакы Смолиньску, а и-Смолиньска той-же зимѣ та къ Новугороду, на весну Глѣбови въ помочь; а на лѣто со отцемъ подъ Полтескъ, а на другую зиму съ Святополкомъ подъ Полтескъ, ожгоша Полтескъ; онъ иде Новугороду, а я съ Половци на Одрьскъ, воюя, та Чернигову. И пакы и-Смолиньска къ отцю придохъ Чернигову; и Олегъ приде, изъ Володимеря выведенъ, и возвахъ и къ собѣ на обѣдъ со отцемъ въ Черниговѣ, на Краснѣмъ дворѣ, и вдахъ отцю 300 гривенъ золота. И пакы и-Смолиньска же пришедъ, и проидохъ сквозѣ Половечьскыи вои бьяся до Переяславля, и отца налѣзохъ съ полку пришедше, то и пакы ходихомъ, томъ же лѣтѣ, со отцемъ и со Изяславомъ биться Чернигову съ Борисомъ, и побѣдихомъ Бориса и Олга. И пакы идохомъ Переяславлю, и стахомъ во Обровѣ, и Всеславъ Смолнескъ ожьже, и азъ всѣдъ съ Черниговци о двою коню, и не застахомъ въ Смолиньскѣ; тѣмъ же путемъ по Всеславѣ пожегъ землю, и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютьскъ воюя, та Чернигову. А на ту зиму повоеваша Половци Стародубъ весь, и азъ шедъ съ Черниговци и съ Половци, на Деснѣ изъимахомъ князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша; и назаутреѣ за Новымъ городомъ разгнахомъ силны вои Белкатгина, а се мечи и полонъ весь отъяхомъ. А въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимѣ, на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходихъ 1-ю зиму, и пакы по Изяславичихъ за Микулинъ, и не постигохомъ ихъ; и на ту весну къ Ярополку совкуплятися на Броды. Томъ же лѣтѣ гонихомъ по Половьцихъ за Хороль, иже Горошинь взяша. И на ту осень идохомъ съ Черниговци и съ Половци, съ Читѣевичи, къ Мѣньску: изъѣхахомъ городъ и не оставихомъ у него ни челядина, ни скотины. На ту зиму идохомъ къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихомъ. И на весну посади мя отець въ Переяславли передъ братьею, и ходихомъ за Супой; и ѣдучи къ Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапу Половечьскыѣ князи 8 тысячь, и хотѣхомъ съ ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохомъ въ городъ: толко Семцю яша одиного живого, ти смердъ нѣколико, а наши онѣхъ болѣ избиша и изъимаша, и не смѣша ни коня пояти въ руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи. И заутра, на Госпожинъ день, идохомъ къ Бѣлѣ вежи, и Богъ ны поможе и святая Богородица: избиша 900 Половець, и два князя яша, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста, и потомъ на Святославль гонихомъ по Половцихъ, и потомъ на Торческый городъ, и потомъ на Гюргевъ по Половцихъ, и паки на той же сторонѣ у Красна Половци побѣдихомъ, и потомъ съ Ростиславомъ же у Варина вежѣ взяхомъ. И потомъ ходивъ Володимерю, паки Ярополка посадихъ, и Ярополкъ умре. И пакы по отни смерти и по Святополцѣ на Сулѣ бившеся съ Половци, до вечера, быхомъ у Халѣпа, и потомъ миръ створихомъ съ Тугорканомъ и

со инѣми князи Половечьскыми, и у Глѣбови чади пояхомъ дружину свою всю. И потомъ Олегъ на мя приде съ Половечьскою землею къ Чернигову, и бишася дружина моя съ нимъ 8 днiй о малу греблю, и не вдадуче имъ въ острогъ, съжаливъся хрестьяныхъ душь и селъ горящихъ и монастырь, и рѣхъ: «не хвалитися поганымъ» и вдахъ брату отца своего мѣсто, а самъ идохъ на отця своего мѣсто Переяславлю, и внидохомъ на святаго Бориса день изъ Чернигова, и ѣхахомъ сквозѣ полкы Половьчскiѣ не въ 100 дружинѣ, и съ дѣтми и съ женами; и облизахутся на насъ акы волци стояще, и отъ перевоза и съ горъ. Богъ и святый Борисъ не да имъ мене въ користь, невредени доидохомъ Переяславлю. И сидѣвъ въ Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и съ дружиною своею, и многы бѣды прiяхомъ отъ рати и отъ голода, и идохомъ на вои ихъ за Римовъ, и Богъ ны поможе, избиша и, а другiя поимаша; и пакы Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомъ. И Стародубу идохомъ на Олга, зане ся бяше приложилъ къ Половцемъ, и на Богъ идохомъ, съ Святополкомъ на Боняка за Рось, и Смолиньску идохомъ, съ Давыдомъ смирившеся, паки идохомъ другое съ Вороницѣ. Тогда же и Торци придоша ко мнѣ, изъ Половець Ичитѣевичи, идохомъ противу имъ на Сулу. И потомъ паки идохомъ къ Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихохъ Смолиньску; и се нынѣ иду Ростову. И пакы съ Святополкомъ гонихомъ по Боняцѣ. Но ли оли убиша, и не постигохомъ ихъ, и потомъ по Боняцѣ же гонихомъ за Рось, и не постигохомъ его. И на зиму Смолиньску идохъ, и-Смоленска по Велицѣ дни выидохъ, и Гюргева мати умре. Переяславлю пришедъ на лѣто, собрахъ братью, и Бонякъ приде со всѣми Половци къ Кснятиню, идохомъ за не изъ Переяславля за Сулу; и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихомъ, и князи изъимахомъ лѣпшiи, и по Рожествѣ створихомъ миръ съ Аепою, и поимъ у него дчерь, идохомъ Смолиньску; и потомъ идохъ Ростову. Пришедъ изъ Ростова, паки идохъ на Половци на Урубу съ Святополкомъ, и Богъ ны поможе, и потомъ паки на Боняка къ Лубьну, и Богъ ны поможе, и потомъ ходихомъ въ войну съ Святополкомъ, и потомъ пакы на Донъ идохомъ съ Святополкомъ и съ Давыдомъ, и Богъ ны поможе, и къ Выреви бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти и: ко Ромну идохъ со Олгомъ и съ дѣтми на нь, и они очютивше бѣжаша.»...

...«А всѣхъ путей моихъ», говоритъ Мономахъ въ заключенiе, «было восемдесятъ и три великихъ, прока меньшихъ не испомню. Мировъ сотворилъ я съ Половецкими князьями безъ единаго двадцать, при отцѣ и кромѣ отца, дая скота много и многи порты свои. Пустилъ изъ оковъ знатныхъ Половецкихъ князей вотъ сколько: Шаруканозыхъ двухъ братьевъ, Богубарсовыхъ трехъ, Овчининыхъ четверыхъ, а всѣхъ знатныхъ князей иныхъ сто; а живыхъ Богъ въ руки мнѣ далъ, Коксуся съ сыномъ, Аклана изъ Бурчевичей, Таревскаго князя Азгулуя, и иныхъ молодыхъ кметiй пятнадцать,—тѣхъ изсѣкъ и бросилъ въ рѣку Славлiю; по чередамъ (?) избито лѣпшихъ не съ двѣсти».

Читатели видятъ, какая была это жизнь, исполненная дѣятельности, тревогъ и опасностей! Послушаемъ теперь въ переводѣ объ отдыхахъ и забавахъ Мономаховыхъ:

«А вотъ какъ я трудился, ловы дѣя: за лѣто, сидя въ Черниговѣ, уганивалъ я съ

отцемъ моимъ всякаго звѣря по сту, кромѣ лова турова. Въ Черниговѣ же вотъ что̀ дѣлалъ: коней дикихъ вязалъ своими руками въ пущахъ по десяти и по двадцати, а кромѣ того ѣздя по рови (?) ловилъ дикихъ копей своими руками; туры метали меня на рогахъ два раза и съ конемъ, одинъ разъ бодалъ меня олень, два раза лоси; одинъ ногами топталъ, а другой бодалъ рогами; вепрь сорвалъ у меня мечъ съ бедра, медвѣдь у колѣна укусилъ подклада (?), лютый звѣрь вскочилъ ко мнѣ на бедро и повалилъ со мною коня, но Богъ соблюлъ меня невредима. Много разъ падалъ я съ коня. Изъ Чернигова въ Кіевъ ѣздилъ я нестишь (?) къ отцу, однимъ днемъ, до вечерни. Голову разбилъ себѣ дважды, руки и ноги ушибалъ себѣ въ юности, не блюдя живота своего, не щадя головы своей».

Какъ проводилъ Мономахъ свое время, какъ велось его хозяйство, и какъ дѣлались его дѣла, всего яснѣе видно также изъ его поученія, написаннаго, разумѣется, по образцу его собственной жизни, согласно съ общимъ обычаемъ.

«Да не застанетъ васъ солнце на постелѣ», говоритъ Мономахъ, «такъ жилъ отецъ мой и всѣ добрые мужи совершенные. Отдавши хвалу Богу заутренюю, и потомъ увидѣвъ солнце восходящее, прославите Бога съ радостію и речете: просвѣти очи мои, Христе Боже, яко далъ ми еси свѣтъ Твой красный! и еще: Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да грѣховъ моихъ покаявся, оправдаю животъ. Потомъ сѣдше думати съ дружиною, или люди справливати, или на ловъ, на игру ѣхати, и лечь спати: спати отъ Бога присуждено полудне; отъ чина почиваютъ и звѣри, и птицы, и человѣки».

«Ходя путемъ по своимъ землямъ, не давайте отрокомъ пакости дѣяти, ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селахъ, ни въ житѣхъ, да не клясти васъ начнутъ. Гдѣ остановитесь, напойте, накормите хозяина. А болѣе всего чтите гостя, откуда бы онъ ни пришелъ къ вамъ, простой ли, добрый человѣкъ, или солъ,—если не можете дарами, то брашномъ и питьемъ. Они, мимоходяще, прославятъ человѣка по всѣмъ землямъ добромъ или зломъ. Больнаго присѣтите, на похороны ходите, яко вси мертвени есмы; не минете человѣка непривѣчавше, дадите каждому доброе слово. Всего же болѣе не забывайте убогихъ, кормите по силѣ, придавайте сиротѣ, оправдывайте вдовицу, не давайте сильнымъ погубить человѣка, худаго смерда. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убивать его, хоть и будетъ кто повиненъ смерти, не погубляйте никакой души христіанской? Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не клянитесь Богомъ, ни креститесь, въ томъ нѣтъ никакой нужды. Если случится цѣловать крестъ ко братьѣ, или къ кому другому, управьте сердце, на чемъ можете устоять, и потомъ уже берегитеся, чтобъ не преступить. Отъ епископовъ, поповъ и игуменовъ, съ любовью принимайте благословеніе, и не устраняйтеся отъ нихъ, по силѣ любите ихъ и снабжайте, да примите отъ нихъ молитву къ Богу. Больше всего не имѣйте гордости ни въ сердцѣ, ни въ душѣ своей, но говорите: мы смертны, нынѣ живы, а завтра въ гробѣ. Что ты намъ далъ, то не наше, а твое, порученное намъ на мало дней; въ землю не хороните ничего — это грѣхъ великій. Почитайте стараго какъ отца, молодаго какъ брата. Жену свою любите, но не давайте власти надъ собою. Что̀ знаете добраго, не

забывайте, а чему не умѣете, тому учитесь; такъ отецъ мой, сидя дома, изъумѣлъ пять языковъ; въ томъ есть честь отъ иныхъ земель. Лѣность всему мати: чтò умѣешь, то забудешь; чего не умѣешь, тому не выучишься. Не лѣнитесь ни на чтò доброе. А се вамъ конецъ всему: страхъ Божій имѣйте выше всего».

«Что надобно дѣлать отроку моему, то дѣлалъ я самъ, на войнѣ и на ловахъ, ночью и днемъ, на зною и на зимѣ, не дая себе упокоя, не надѣясь ни на посадники, ни на бирючи. Все дѣлалъ самъ, чтò было надобно, весь нарядъ въ дому своемъ, въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ держалъ, и въ конюхахъ, и о соколахъ, и объ ястребахъ. За церковнымъ нарядомъ и службою призиралъ самъ.»

«Въ домѣ своемъ не лѣнитеся, но все видете. Не надѣйтеся на тіуна, или отрока, чтобъ приходящіе не посмѣялись ни вамъ, ни дому вашему, ни обѣду вашему; на войну вышедъ, не надѣйтеся на воеводъ, не лагодите ни питью, ни одѣянью, ни спанью: сторожей наряжайте сами, и все изрядивши, ложитесь спать подлѣ воевъ; оружія, вы не снимайте,—лѣнощами, врасплохъ, человѣкъ погибаетъ внезапно; а вставайте рано. Лжи блюдитесь и пьянства и блуда, въ томъ душа погибаетъ и тѣло...»

Что Мономахъ въ дѣйствительности жилъ такъ, какъ училъ дѣтей, мы имѣемъ еще современнаго неложнаго свидѣтеля, славнаго митрополита Никифора. Отвѣчая на вопросы князя, доказывающіе благочестивую его любознательность, о раздѣленіи церквей и постѣ, Никифоръ прибавляетъ:

«Чтò говорить такому князю, который больше спитъ на голой землѣ, чѣмъ остается дома, отгоняетъ ношеніе свѣтлыхъ одеждъ, и, ходя по лѣсамъ, носитъ одежды сиротскія, и, по нуждѣ входя въ городъ, облекается въ княжескія одежды для своего сана. Чтò говорить и объ употребленіи пищи и питія. Знаю, что, угощая другихъ на обѣдѣ свѣтломъ, самъ ты служишь и только смотришь, какъ другіе насыщаются и напиваются».

«Не зазрите, дѣти мои, или инъ кто прочтетъ сію грамоту: не хвалюся я своею смѣлостію, а хвалю Бога и прославляю милость Его, иже соблюлъ меня грѣшнаго и худаго столько лѣтъ отъ тѣхъ часовъ смертныхъ, и не сотворилъ меня лѣнива, на всѣ дѣла человѣческія потребна. Потщитеся на вся дѣла добрая, славьте Бога со святыми Его. Не бойтеся смерти, дѣти, ни отъ рати, ни отъ звѣря, но творите мужеское дѣло, какъ вамъ Богъ подастъ. Сколько спасался я отъ рати, и отъ звѣря, и отъ воды, и отъ коня спадши: такъ и васъ—ничто не можетъ повредить и убить, если не будетъ чтò повелѣно отъ Бога: а если отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья не могутъ отъять. Отчее добро есть блюсти; но Божіе блюденіе лѣпле есть человѣческаго».

«Прочитавши словеса сія божественныя, дѣти мои, похвалите Бога, давшаго намъ милость Свою, и се отъ худаго моего безумія наказанье; послушайте мене, если не вполнѣ, то хоть въ половину. Коли Богъ умягчитъ вамъ сердце, и вы прольете слезы о грѣхахъ своихъ, говорите: яко блудницу и разбойника и мытаря помиловалъ еси, такъ и насъ грѣшныхъ помилуй. Молитеся такъ въ церкви и дома, ложась спать. Не пропускайте ни одной ночи — молитеся въ землю; если будетъ вамъ не въ мочь, то хоть трижды. Этими поклонами и пѣніемъ побѣждаетъ человѣкъ дьявола и покрываетъ грѣхъ, что въ день нагрѣшилъ. И ѣздя на

конѣ, безъ всякаго орудья, зовите безпрестанно втайнѣ: Господи помилуй,—если не знаете другихъ молитвъ. Лучше такъ молиться, нежели безлѣпицу мыслить».

«Если забудете что, перечитывайте часто; и мнѣ будетъ безъ сорома, и вамъ будетъ добро.»

Изображеніе Володимера Мономаха съ нравственной стороны представляется всего яснѣе въ слѣдующемъ письмѣ его къ двоюродному брату, Олегу Святославичу, по случаю гибели сына Изяслава, на сраженіи подъ Суздалемъ. *

«Горе мнѣ печальному и многострадальному! Много боролся я съ сердцемъ, помышляя, какъ стать передъ страшнымъ Судіею, безъ каянья и смиренья между собою. Сказано: кто Бога любитъ, а брата не любитъ, ложь есть. Также: если не отпустите прегрѣшеній брату, то и отецъ вашъ небесный не отпуститъ вамъ....

Ничего нѣтъ лучше, какъ жить въ согласіи, но дьяволъ, не хотя добра роду человѣческому, сваживаетъ насъ искони: были рати при умныхъ дѣдахъ, при добрыхъ и блаженныхъ отцахъ нашихъ. Пишу къ тебѣ, потому что принуждаетъ сынъ мой, а твой крестникъ, что сидитъ близь тебя. Онъ прислалъ ко мнѣ мужа своего съ грамотою говоря: уладимся и смиримся, а братцу моему судъ пришелъ; не будемъ за него местниками, возложимъ то на Бога. Они станутъ передъ Богомъ, а мы Русской земли не погубимъ.

Видя смиренье сына моего, я сжалился и послушался, и написалъ къ тебѣ сію грамоту: примешь ли ее съ добромъ или поруганьемъ, увижу по твоему отвѣту.

Что мы человѣки грѣшные? Нынѣ живы, а утро мертвы; день въ славѣ и чти, а за утро въ гробѣ и безъ памяти; иные раздѣлятъ по себѣ наше собраніе. Вспомни, братъ, о нашихъ отцахъ: что взяли съ собою? Только то что сотворено ихъ душами.

Когда дитя мое и твое было убито передъ тобою, когда ты увидѣлъ кровь его, и тѣло увянувшее, какъ цвѣтъ молодой процвѣтшій, ты вникнулъ бы въ помыслы души своей стоя надъ нимъ, и сказалъ бы: увы мнѣ, что я сдѣлалъ ради свѣта сего мечетнаго— грѣхъ себѣ, отцу и матери слезы. Тебѣ надо бы покаяться тогда, и написать мнѣ грамоту утѣшительную, а сноху мою послать ко мнѣ, потому что нѣтъ въ ней ни зла ни добра,—чтобъ я оплакалъ, вмѣсто пѣсней, и мужа ея и свадьбу ихъ, не видавъ ихъ первой радости. Пусти-же ее хоть теперь Бога дѣля съ первымъ словомъ, да потуживъ съ нею, упокою ее на мѣстѣ: пусть горюетъ, какъ горлица, сидя на сухомъ деревѣ, а я утѣшуся о Богѣ. Сынъ мой палъ на полку; здѣсь нѣтъ ничего необыкновеннаго. Судъ пришелъ къ нему отъ Бога, а не отъ тебя. Такъ умирали и отцы наши. Конечно, лучше еслибъ онъ не искалъ чужаго; не ввелъ бы онъ меня въ стыдъ и печаль. Отроки соблазнили его, ища себѣ пользы, и нашли ему зло.

Сотворивъ волю свою и воротя себѣ Муромъ, тебѣ не занимать бы Ростова, а послать ко мнѣ, мы и уладились бы отсюда. Суди самъ: мнѣ ли слѣдовало посылать къ тебѣ, или тебѣ ко мнѣ. Ты все приказывалъ дитяти: шлися къ отцу. Онъ посылалъ десять разъ. Ты пошли ко мнѣ раскаяся, посла или попа, и напиши грамоту съ правдою; тогда волость свою возмешь съ добромъ, и насъ оборотишь къ себѣ, и будемъ жить

* См. выше с.

лучше прежняго: я тебѣ не ворожбитъ, ни местникъ. Я не хотѣлъ видѣть крови твоей у Стародуба, но не дай Богъ и мнѣ видѣть свою кровь отъ руки твоей, или отъ твоего повелѣнія, или отъ инаго какого брата. Лгу-ли я, знаетъ про то Богъ и Крестъ честный. Если я погрѣшилъ, идя на тебя Черниговy, а то было изъ за поганыхъ, каюся, и въ томъ послушался братьевъ. Добро ты помыслишь теперь, хорошо; лихо— вотъ сынъ твой крестный, съ малымъ братомъ своимъ, сидитъ подлѣ тебя, ѣдучи хлѣбъ дѣденъ; убей ихъ. Я не желаю зла братьѣ своей, но желаю добра братьѣ и Русской землѣ.

Мы рядилися съ братомъ твоимъ; онъ говоритъ, что не можетъ рѣшить ничего безъ тебя, и мы не дѣлали ему никакого зла, но сказали ему: шли къ брату, пока уладимся.

Молвлю тебѣ такъ, не по нуждѣ, ни бѣды мнѣ нѣтъ никоторой, но душа мнѣ лучше всего свѣта сего. Если изъ васъ кто не хочетъ добра, ни мира христіанамъ, пе буди ему мира отъ Бога узрѣти для души своей въ будущей жизни.»

Таковъ былъ Володимеръ Мономахъ.

Русская земля могла обѣщать себѣ миръ и тишину, теперь еще болѣе, нежели прежде. Володимеръ, владѣя княжествами—Великимъ Кіевскимъ, Переяславскимъ, Смоленскимъ, Суздальскимъ, и въ нѣкоторомъ отношеніи Новогородскимъ, былъ такъ силенъ, что никто не могъ съ нимъ спорить. Мужественный, хотя и убѣленный сѣдинами, старецъ, славный по всей Русской землѣ, любимый народомъ, чтимый братьями, страшный врагамъ, отецъ многихъ храбрыхъ сыновъ, въ родственныхъ связяхъ съ разными государями Европы, Мономахъ сдѣлался Великимъ Княземъ въ полномъ смыслѣ слова, въ отца мѣсто прочимъ,—и всѣ они должны были его слушаться.

Онъ посадилъ въ Переяславлѣ сына Святослава, а послѣ Ярополка, въ Смоленскѣ Вячеслава, въ Суздалѣ Юрья, старшаго Мстислава призвалъ (1117) изъ Новагорода и посадилъ въ Бѣлгородѣ, вѣроятно, чтобы имѣть его при себѣ, и въ случаѣ своей смерти оставить ему Кіевъ; въ Новѣгородѣ сѣлъ внукъ его, сынъ Мстиславовъ, Всеволодъ.

Половцы, услышавъ о смерти Святополковой, сунулись было въ Виру, но Володимеръ успѣлъ ихъ встрѣтить съ сыновьями, племянниками и старымъ Олегомъ, который здѣсь въ первый разъ вооружился противъ друзей своихъ—Половцевъ. Они бѣжали и никогда уже болѣе не показывались въ предѣлахъ русскихъ, при Мономахѣ. Володимеръ могъ посвятить все свое время домашнимъ дѣламъ.

Каменная церковь въ Вышегородѣ, въ похвалу и честь тѣлесамъ святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, созданная старшими князьями Русскими, была готова. Надо было переносить мощи. Съѣхались князья, митрополитъ Никифоръ и всѣ епископы, Θеоктистъ Черниговскій, Лазарь Переяславскій, Никита Бѣлогородскій, Данило Юрьевскій, игумены: Прохоръ Печерскій, Сильвестръ, что переписывалъ лѣтопись Несторову, отъ святаго Михаила, Савва отъ святаго Спаса, Григорій отъ святаго Андрея, Петръ Кловскій и прочіе,—и былъ соборъ великъ снедшуся народу со всѣхъ сторонъ.

Въ первый день мая освящена была церковь, и совершена первая литургія. Угощалъ Олегъ: всѣ у него обѣдали и пировали,— «бысть угощеніе великое». На другой день, поутру, митрополиты, епископы, игумены,

облекшись въ святительскія ризы, возжгли свѣщи, и съ кадилами благовонными приступили къ ракамъ Святыхъ. Сперва взяли они раку Борисову, и поставили ее на возило, которое за веревки потащили сами князья и бояре. Впереди шли чернецы со свѣщами, потомъ попы, далѣе игумены, передъ ракою епископы, за нею князья. Народъ напиралъ со всѣхъ сторонъ, давка сдѣлалась страшная, шествіе остановилось. Везти далѣе раку не было никакой возможности. Такое множество толпилось вездѣ, что страшно было смотрѣть: весь городъ, заборола, крыши, усыпаны были людьми. Чтобъ сдѣлать сколько-нибудь простора, Володимеру пришло тогда на мысль рѣзать ткани и метать по сторонамъ лоскутья, мѣха, опушки, серебреники. Народъ раздался, и рака была пронесена, но въ церкви опять очень трудно было поставить ее на мѣсто. Пошли за Глѣбовой и принесли ее также. Между князьями произошелъ споръ—Володимеромъ съ одной стороны, и Давыдомъ съ Олегомъ съ другой: Володимеръ хотѣлъ поставить раки по срединѣ церкви, и воздвигнуть надъ ними серебряный теремъ, а Святославичи хотѣли поставить въ камору, гдѣ отецъ ихъ назначилъ мѣсто. Митрополитъ и епископы, видя, что никто другому уступить не хочетъ, сказали: бросьте жеребій,— гдѣ угодно святымъ мученикамъ, пусть тамъ и лягутъ. Князья согласились. Володимеръ положилъ свой жеребій на святой трапезѣ, а Давыдъ и Олегъ свой. Ихъ жеребій вынулся, — и поставили святыхъ мучениковъ въ камору, на правой сторонѣ отъ алтаря.

Володимеръ послѣ оковалъ раки ихъ серебромъ и золотомъ и рѣзбою столь хитрою, что сами Греки удивлялись богатству и художеству. Самыя каморы были украшены также. Князья, бояре и всѣ люди, странные и убогіе, праздновали три дня, и разстались.

Мономахъ поставилъ еще церкви: въ Переяславлѣ, на Альтѣ, святыхъ мучениковъ, гдѣ погибъ Борисъ, святаго Иліи въ Копыревѣ концѣ, въ Кіевѣ, въ Суздалѣ, Владимирѣ, Смоленскѣ и по другимъ городамъ.

Изъ городовъ, вѣроятно, ему принадлежитъ, въ княжествѣ Суздальскомъ, куда онъ часто ѣзжалъ для распорядковъ, основаніе Владимира на Клязьмѣ, которому судьба предназначала сдѣлаться при его внукахъ ступенью на пути къ истинному средоточію Россіи, Москвѣ.

Созвавъ въ Кіевъ знатнѣйшихъ бояръ и тысячскихъ, Ратибора Кіевскаго, Прокопія Бѣлогородскаго, Станислава Переяславскаго, Нажира, Мирослава и боярина Олегова Іоанна Чудиновича, разсуждалъ Мономахъ съ ними о Русской правдѣ, и присоединилъ или подтвердилъ многіе новые важные законы: о ростахъ, о наемникахъ, о свидѣтельствахъ, о побояхъ, о наслѣдствѣ, о судебныхъ пошлинахъ, о долгахъ, о холопахъ, смердахъ и проч., законы, доказывающіе его предусмотрительность, заботливость и здравый смыслъ.

Въ 1115 году устроилъ Володимеръ мостъ черезъ Днѣпръ,

Внутреннее спокойствіе, какого никогда не было на Руси, ни прежде, ни послѣ, нарушилось, но не надолго, притязаніями двухъ Князей: Глѣба Минскаго (1116) и Ярослава, сына Святополка, Владимирскаго (1117); они были тотчасъ усмирены, и отдались Володимеру во всю волю.

Глѣбъ Минскій, наслѣдуя вражду Рогнѣдина потомства, тревожилъ сѣверные предѣлы Кіевскаго княжества—Дреговичей, и сжегъ Случескъ. Володимеръ его останавливалъ, но онъ не только не раскаявался,

а еще болѣе несъ на Володимера и укорялъ. Тогда Великій Князь Кіевскій двинулся на него съ сынами, Давыдомъ Святославичемъ и Ольговичами. Вячеславъ взялъ Оршу и Копысь, а Давыдъ съ Ярополкомъ взяли Друцкъ на щитъ; самъ Володимеръ шелъ на Минскъ. Глѣбъ затворился, но увидя наконецъ, что онъ приготовляется къ долговременной осадѣ, и ставитъ даже истбу около своего товара, испугался, и выслалъ пословъ просить мира. Володимеръ сжалился, да и не хотѣлось ему проливать кровь въ святые дни великаго поста,—онъ далъ миръ. Глѣбъ вышелъ изъ города съ дѣтьми и дружиною, поклонился Володимеру, и обѣщался слушаться его. Великій Князь Кіевскій, наказавъ его во всемъ, омирилъ, и отдалъ Минскъ. Ярополкъ для полоненныхъ Другчанъ выстроилъ городъ Желды.

Въ 1119 г. однакоже Володимеръ отнялъ Минскъ у Глѣба Всеславича, вѣроятно за какое-нибудь новое ослушаніе, и самого привелъ Кіеву, гдѣ тотъ вскорѣ и умеръ.

Ярославъ, ближайшій по старшинству наслѣдникъ великаго княжества, женатый на внукѣ его, дочери Мстиславовой, жилъ дурно съ нею, и прогналъ ее отъ себя: Володимеръ, «не терпяче злобъ его», пришелъ на него ратью, сопутствуемый также всѣми прежними князьями, къ которымъ должны были присоединиться теперь, по сосѣдству, и Ростиславичи, Володарь и Василько. Шестьдесятъ дней стояли князья подъ Владимиромъ. Ярославъ покорился, какъ и Глѣбъ, передъ стрыемъ своимъ, и ударилъ передъ нимъ челомъ. Володимеръ, наказавъ его во всемъ, веля приходить къ себѣ, «когда позову», далъ ему миръ.

Святополчичь бѣжалъ однакожь вскорѣ къ Půграмъ,—бояре отступились отъ него,—и Мономахъ отдалъ Владимиръ сыну Роману. На третій годъ бѣглецъ приходилъ было съ Ляхами къ Червну при посадникѣ Ѳомѣ Ратиборовичѣ, но не успѣвъ ничего, воротился, а на пятый годъ съ великими уже силами—Уграми, Ляхами, Чехами, къ которымъ, вѣроятно, принуждены были присоединиться и Ростиславичи, — пришелъ подъ Владимиръ, гдѣ княжилъ сынъ Мономаховъ Андрей, заступившій мѣсто умершаго Романа. Мономахъ началъ тотчасъ собирать вои, чтобъ вмѣстѣ съ сыномъ Мстиславомъ идти на помощь къ Андрею, но судьба помогла ему сама. Ярославъ, увѣренный въ успѣхѣ, подъѣхавъ близко къ стѣнамъ, самъ-третій, требовалъ сдачи, и грозя князю Андрею и гражданамъ, говорилъ: городъ мой; если вы не выйдете съ поклономъ, то увидите, что будетъ, завтра приступлю и возьму городъ. Онъ ѣздилъ еще подъ острогомъ, какъ вышли два Ляха, зымыслившіе убить его, неизвѣстно по какой причинѣ, и легли подъ възъѣздомъ, а когда онъ оборотился назадъ и спустился по възъѣзду, на пути къ своимъ товарищамъ, Ляхи выскочили на встрѣчу и пронзили его оскепами. Едва умчали его еле жива суща, и на ночь онъ умеръ. Угры, Ляхи и Чехи ушли во свояси, Володарь съ Василькомъ также. Къ Володимеру посланы послы съ мольбой и дарами. Такъ избавился онъ безъ всякаго съ своей стороны усилія отъ могучаго врага, и знатное княжество Владимиро-Волынское досталось его роду. Лѣтописецъ приписываетъ неожиданный успѣхъ смиренію Мономаха, въ противоположность гордости Ярославовой.

Новогородцы, имѣя у себя молодаго внука Мономахова, покусились-было на самоуправство, и ограбили Даньслава и Ноздрчу, безъ

сомнѣнія преданныхъ Володимеру бояръ, и дѣйствовавшихъ вопреки Новогородцамъ въ его пользу. Володимеръ разгнѣвался, какъ сказано въ самой Новогородской лѣтописи, велѣлъ Мстиславу привести всѣхъ бояръ Новогородскихъ въ Кіевъ, завелъ ихъ честному кресту, поточилъ виноватыхъ и особенно соцкаго Ставра, а прочихъ отпустилъ домой. Случай необыкновенный въ Новогородской древней исторіи, доказывающій силу и могущество Мономаха.

Черезъ годъ онъ послалъ туда даже своего посадника Бориса.

Такимъ образомъ Мономахъ овладѣлъ почти всею Русскою землею, по крайней мѣрѣ заставилъ себя слушаться вездѣ. Кіевъ, Переяславль, Смоленскъ, Суздаль, Ростовъ, Владиміръ, даже самый Новгородъ, принадлежали ему совершенно, Полоцкъ почти, и только Черниговскіе князья, хотя и покорные, и Галицкіе, оставались самостоятельными.

Половцы при Володимерѣ не смѣли шевельнуться. Въ 1116 г. онъ посылалъ сына своего Ярополка, а Давыдъ Всеволода, на Донъ, и они взяли три города: Сугровъ, Шарукань, Балинъ.

Не имѣя поживы на Руси, Половцы принуждены были искать ее индѣ: такъ въ 1117 г. ходили они съ Аепою на Волжскихъ Болгаръ, которые отравили его съ прочими товарищами, выславъ имъ на поклонъ питье, растворенное ядомъ.

Въ 1116 году бились Половцы два дни и двѣ ночи сряду, на Дону съ Торками, Берендѣями и Печенѣгами, остатками разныхъ племенъ Турецкихъ, кочевавшихъ искони по тучнымъ пастбищамъ нынѣшней южной Россіи. Одоленные искали себѣ убѣжища въ областяхъ Русскихъ, гдѣ уже поселились прежде нѣкоторые изъ ихъ единоплеменниковъ, и служили Кіевскимъ князьямъ. Вслѣдъ за ними пришли Бѣловежцы, безъ сомнѣнія, —родомъ Козары. Володимеръ принялъ ихъ всѣхъ, и оставилъ военными поселеніями на предѣлахъ великаго княжества Кіевскаго, въ ограду отъ другихъ варваровъ; но нѣкоторыхъ изъ нихъ, Берендичей, черезъ три года (1121) выгналъ, вѣроятно за набѣги, отъ которыхъ сіи дикіе сыны степей не могли удержаться, на сосѣднія Русскія страны, а другіе, Торки и Печенѣги, сами бѣжали, опасаясь его наказанія за такіе же подвиги. Впрочемъ много изъ нихъ осталось и служило вѣрно князьямъ Кіевскимъ.

Сосѣдей всѣхъ Володимеръ держалъ въ страхѣ. Сыновья, по указаніямъ его, ходили во всѣ стороны, и разносили вездѣ страхъ Русскаго имени, како то было въ первомъ вѣкѣ Норманскаго владычества.

Мстиславъ въ 1116 г. ходилъ съ Новогородцами и Псковичами на *Чудь*, взялъ ихъ городъ Медвѣжью Голову и погостовъ безъ числа, и возвратился со многимъ полономъ.

Въ 1120 году Андрей съ Половцами воевалъ *Ляховъ*, а Юрій изъ Суздаля ходилъ по Волгѣ на *Болгаръ*, побѣдилъ ихъ полки, и взялъ много полону.

И Греція, послѣ продолжительнаго спокойствія со стороны Руси, услышала опять на нѣсколько времени это страшное для нея имя. Въ 1116 годъ зять Володимеровъ, Царевичъ Леонъ, сынъ Императора Діогена, истинный или мнимый, ходилъ на его преемника Киръ-Алексѣя, съ помощію Половецкою и вѣроятно Русскою,—и нѣсколько городовъ Дунайскихъ ему предалось, но въ Доростолѣ два подосланныхъ Сарацына его убили. Тогда же Володимеръ послалъ на Дунай воеводу своего Ивана Войтишича, который занялъ многіе города, и посажалъ

посадниковъ по Дунаю. Въ слѣдующемъ году посылалъ онъ на Дунай сына Вячеслава съ воеводою Ѳомою, сыномъ его стараго сподвижника Ратибора, которые воротились однако отъ Доростола безъ успѣха.

Преданіе о сихъ походахъ на Имперію, соединенное со славою имени Володимерова,— можетъ быть послужило основаніемъ сказаніямъ новѣйшихъ лѣтописей о подвигахъ Мономаха въ Греціи. Они говорятъ, что Володимеръ, при самомъ вступленіи на великокняжескій столъ, посылалъ воеводъ во Ѳракію съ сыномъ Мстиславомъ, что они завоевали всю Ѳракію, и что Императоръ Алексій, прося о мирѣ, прислалъ Володимеру крестъ отъ животворящаго древа, вѣнецъ царскій, съ главы своей снятый, крабицу сердоликовую, изъ коея Августъ Кесарь веселился, и цѣпи златыя. Мономахъ вѣнчался будто симъ вѣнцомъ отъ руки греческаго митрополита Неофита, привезшаго драгоцѣнные дары въ Кіевъ. (Нѣсколько Греческихъ вещей значатся впрочемъ въ завѣщаніяхъ Московскихъ князей съ XIV вѣка, и такъ-называемыя Мономаховы царскія утвари употребляются при царскихъ вѣнчаніяхъ.)

Мономахъ, уже маститый старецъ, приближался къ закату дней своихъ, оставаясь старшимъ наличнымъ князем изъ всего Володимерова и Ярославова рода; старшіе двоюродные его братья, отъ Володимера и Изяслава, скончались гораздо прежде, а Святославичи, Олегъ въ 1115 и Давыдъ въ 1125 году, кромѣ меньшаго Ярослава, который былъ лѣтами впрочемъ моложе его. Даже изъ меньшихъ его двоюродныхъ братьевъ никого при немъ не оставалось въ живыхъ.

Всѣхъ сыновъ своихъ успѣлъ онъ женить, и всѣхъ дочерей выдать замужъ при своей жизни, даже нѣкоторыхъ внуковъ и внучатъ, и посредствомъ сихъ браковъ вошелъ въ родство со многими Европейскими государями. Самъ онъ женатъ былъ три раза: первая супруга его была Гида, дочь Англійскаго короля Гаральда (прочія неизвѣстны).

Старшій сынъ Мстиславъ женился на Христинѣ, дочери Шведскаго короля Инга Стенкильсона. (Во второй разъ—на дочери Новогородскаго посадника Дмитрія Завидича).

Ихъ дочери выданы были за мужъ: одна за Норвежскаго короля Сигурда, а потомъ за Датскаго Эрика Эдмунда; вторая за Канута Святаго, короля Оботритскаго, отца Волдемара Славнаго, короля Датскаго, названнаго симъ именемъ, можетъ-быть, замѣчаетъ Карамзинъ, въ честь великаго прадѣда Володимера Мономаха; третья за Греческаго царевича (1121).

За сына *Юрія* (1107) Мономахъ взялъ Половецкую княжну, дочь Аэпы, внуку Осеневу.

За сына *Романа* въ 1113 г. Володаревну.

Ярополкъ, изъ Половецкаго похода, въ 1116 г., привелъ себѣ жену, красну вельми, Ясьскаго князя дочь.

Андрей женился на внукѣ Половецкаго князя Тугоркана 1117.

Дочь *Евфимія* выдана (1112) за Венгерскаго короля Каломана, уже престарѣлаго.

Вторая дочь, вѣроятно *Марія*, за Греческаго царевича Леона, котораго Анна Комнина называетъ самозванцемъ.

Третья *Агаѳія* за Всеволодка Городенскаго.

Владѣнія свои раздѣлилъ Мономахъ между сыновьями слѣдующимъ образомъ: старшему Мстиславу онъ отдалъ столъ великаго княжества Кіевскаго, Ярополку Переяславль, Вячеславу Туровъ, Георгію Суздаль, Андрею Владиміръ, Всеволоду, внуку, Новгородъ. Распоряженія его простирались даже на внуковъ.

Сей славный, уважаемый, любимый всѣми, ужасный врагамъ, князь Русскій скончался въ 1125 году, на берегу Альты, близь построенной имъ церкви святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, 73 лѣтъ отъ рожденія, княживъ въ Кіевѣ 13, въ Переяславлѣ около 20 лѣтъ.

О кончинѣ его переведемъ мы простыя, но сильныя слова Кіевской лѣтописи, которая всего лучше выражаетъ мнѣніе народное объ усопшемъ:

«Въ лѣто 1125 преставился благовѣрный князь, христолюбивый и великій князь всея Руси, Володимеръ Мономахъ, иже просвѣти Русскую землю, какъ солнце пуская лучи, его же слухъ произыде по всѣмъ странамъ, — особенно же былъ онъ страшенъ поганымъ; братолюбецъ, и нищелюбецъ, и добрый страдалецъ за Русскую землю. Преставленіе его было мая 19. Тѣло его положено у святой Софіи, у отца Всеволода, съ пѣснями и молитвами обычными. Святители горестные плакали о святомъ и добромъ князѣ; *народъ и люди плакали о немъ, какъ дѣти плачутъ по отцѣ или по матери; вотъ какъ всѣ о немъ плакали*. Съ плачемъ великимъ разошлись люди, и дѣти его по тѣмъ волостямъ, что роздалъ имъ.»

Въ Суздальской лѣтописи встрѣчаются при семъ еще слѣдующія замѣчанія: «Сей чудный князь Володимеръ старался сохранять Божіи заповѣди, и нося страхъ Божій въ сердцѣ, поминалъ всегда слова Господни: о семъ познаютъ вы вси человѣци, яко мои ученици есте, аще любите другъ друга, и любите врагы ваши, и добро творите ненавидящимъ васъ. Онъ не возносился, ни величался, а предоставлялъ все Богу, и Богъ предалъ всѣхъ зломысловъ подъ руки его, и онъ отпускалъ ихъ одареныхъ. Милостивъ былъ паче мѣры, не щадилъ имѣнія своего, одѣляя требующихъ, и церкви зижа и украшая».

Митрополитъ Никифоръ въ вышеупомянутомъ посланіи свидѣтельствуетъ тоже самое: «Руки твои простираются ко всѣмъ», говоритъ онъ князю. «Ты не держишь у себя серебра и золота, но раздаешь все неимущимъ, а скотница (казна) твоя по благодати Божіей всегда полна, неоскудная и неистощимая».

«Великую вѣру», продолжаетъ таже лѣтопись, »имѣлъ онъ къ Богу и къ сродникамъ своимъ, къ святымъ мученикамъ, Борису и Глѣбу, тѣмъ же и церковь «прекрасную создалъ на томъ мѣстѣ, на Альтѣ, гдѣ была пролита неповинная кровь. Былъ очень жалостливъ, и пріялъ тотъ даръ отъ Бога, что, входя въ церковь и слыша пѣніе, всегда проливалъ слезы, и молился всегда со слезами. За то Богъ и совершалъ всѣ его прошенія, и исполнилъ лѣта его въ доброденствѣ.»

Такіе отзывы продолжаются въ лѣтописяхъ при всякомъ случаѣ, напримѣръ:

Продолжатель Несторовъ подъ 1139 г., описывая милостивый поступокъ Ярополка, говоритъ въ похвалу ему: «Ярополкъ былъ милостивъ, добръ, имѣлъ страхъ Божій въ сердцѣ, какъ и отецъ его имѣлъ страхъ Божій въ сердцѣ.»

Лѣтописатель Василій прибавляетъ, разсказывая объ осадѣ Мономахомъ Кіева:

«Онъ преклонился на мольбу княгини, ибо почиталъ ее какъ мать свою, ради отца своего, котораго онъ любилъ и не ослушался никогда, ни при жизни, ни по смерти, потому и послушалъ ее, какъ мать; онъ любилъ и духовенство, особенно черяеческій чинъ, приходящихъ къ нему напитывалъ и напоялъ, какъ мать дѣтей; видѣлъ ли кого

шумна или въ зазорѣ, не осуждалъ, но все перекладывалъ на любовь.»

Это любезное и необыкновенное въ его время качество, снисходительность, видно и изъ слѣдующихъ словъ поученія, примѣчательныхъ и въ авторскомъ отношеніи:

«Кто прочтетъ сію грамоту изъ дѣтей моихъ, изъ чужихъ людей, и не понравится ему она, не смѣйся и не сердись, скажи: на далекомъ пути, на саняхъ сидя, безлѣпицу молвилъ.»

Въ послѣднемъ отношеніи всего примѣчательнѣе начало поученія, исполненное истиннаго краснорѣчія:

«Я худой, отъ дѣда своего Ярослава, благословеннаго, славнаго, названный въ крещеніи Василіемъ, а по-Русски Володимеромъ, отъ отца своего возлюбленнаго и матери Мономахини.... пишу сію грамоту для дѣтей моихъ и всѣхъ христіанскихъ людей. Имѣйте страхъ Божій въ сердцѣ и творите милостыню неоскудную—вотъ начатокъ всякому добру.»

«Велій еси Господи, и чудна дѣла Твоя! Никакой разумъ человѣческій не можетъ не повѣдати чудесъ Твоихъ :—какъ небо устроено, солнце... какъ луна и свѣзды, и тьма и свѣтъ, и земля на водахъ положена, Господи, Твоимъ промысломъ!... И сему чуду дивимся, какъ человѣкъ созданный отъ персти бываетъ разноличенъ; если весь міръ совокупить, то всякій явится съ своимъ образомъ? И птицы небесныя умудрены Тобой, Господи? Егда повелишь, воспоютъ и возвеселятъ... Благословенъ еси Господи и хваленъ зѣло... Иже не хвалитъ Тебя Господи, и не вѣруетъ всѣмъ сердцемъ и всею душею во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будетъ проклятъ.»

«Научися вѣрный человѣче, быть благочестивымъ дѣлателемъ, по Евангельскому слову, помыслъ чистъ имѣти, понуждайся на добрыя дѣла, Господа ради: очамъ у правленье, языку удержанье, уму смиренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье. Лишаемъ—не мсти; ненавидимъ и гонимъ—терпи; хулимъ—моли; умертвимъ грѣхъ. Господь указалъ намъ побѣждать врага тремя добрыми дѣлами: покаяньемъ, слезами, милостынею. Помните, что ими улучить можно милость Божію, не тяжкая это заповѣдь,—не одиночество, не чернечество, не голодъ, что творятъ иные добрые.»

Современныя свидѣтельства, а еще болѣе самыя дѣйствія Мономаховы, переданныя нами согласно со всѣми лѣтописями, подтверждаютъ искренность и правдивость его словъ.

И народъ любилъ Мономаха за его княжескія доблести, за его человѣческія добродѣтели. Во всей Русской землѣ чтилась память его долго послѣ его кончины.

Новогородцы въ 1142 году говорятъ Всеволоду Ольговичу: не хотимъ ни сына твоего, ни брата, ни племянника вашего, хотимъ племени Володимеря.

Кіяне въ 1147 г. отвѣчаютъ Изяславу Мстиславичу, звавшему ихъ на Олеговичей, среди коихъ находился сынъ Мономаховъ: княже, не гнѣвайся на насъ, на Володимере племя руки поднять не можемъ; на Олеговичей, такъ пожалуй, хоть съ дѣтьми.

Въ тоже время Куряне отказались передъ сыномъ этого Изяслава, Мстиславомъ, идти на его противниковъ, между которыми находился внукъ Мономаховъ: за тебя князю, биться ради, а на Володимере племя, говорили они, не можемъ идти, на Юрьевича руки поднять не можемъ.

(И позднѣйшее потомство сохранило то же почтеніе, ту же любовь, къ Мономаховой памяти. Когда въ XVI вѣкѣ возникла мысль о Царскомъ титлѣ для Великихъ Князей Московскихъ, имя Мономахово тотчасъ представилось правительству. Такъ и теперь—вѣнецъ, которымъ вѣнчается Русскій Царь въ великую минуту вступленія на престолъ первой державы въ мірѣ, именуется Мономаховымъ, какъ бы въ знаменіе той любви, той взаимной преданности, того высокаго, чистаго духовнаго союза, который долженствуетъ быть между Русскимъ Царемъ и Русскимъ Царствомъ.)

Столъ Кіевскій занятъ былъ старшимъ сыномъ *Мстиславомъ*. Заблаговременно призванный отцемъ изъ Новагорода, и жившій подлѣ въ Вышгородѣ, онъ имѣлъ силу въ своихъ рукахъ, и никто изъ старшихъ по праву, не многихъ впрочемъ, Князей—не могъ съ нимъ спорить, какъ прежде никто не могъ спорить съ его отцемъ.

Владѣніе Мономаха хотя раздѣлилось между пятью его сынами, но они всѣ находились въ полномъ послушаніи у старшаго, благодаря его доблестямъ.

Княженіе его, впрочемъ очень кратковременное, 1125—1132, было совершеннымъ продолженіемъ Мономахова, грозное какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ враговъ. Половцы, пытавшіеся напасть на Переяславское княжество, были отражены братомъ Великаго Князя Ярополкомъ, но Мстиславъ тѣмъ не удовольствовался: онъ послалъ своихъ воеводъ на дикое кочевое племя, прогнать ихъ, какъ можно, далѣе отъ Русскихъ предѣловъ:

«Се бо Мстиславъ великій наслѣди отца своего потъ Володимера Мономаха великаго. Володимеръ самъ собою постоя на Дону, и много пота утеръ за землю Русскую, а Мстиславъ мужи своя посла, загна Половцы за Донъ и за Волгу, и за Яикъ, и тако избави Богъ Русскую землю отъ поганыхъ.»

Дома прежде всего онъ долженъ былъ принять участіе въ дѣлахъ Черниговскаго княжества, которое, по кончинѣ славнаго своею кротостію Давыда Святославича, было отнято у дяди, Ярослава, племянникомъ Всеволодомъ Ольговичемъ. Мстиславъ обѣщался помочь обижанному, но не исполнилъ своего обѣщанія. Особенно подѣйствовалъ на него Григорій, игуменъ св. Андрея, любимый еще отцемъ Мономахомъ и самимъ Мстиславомъ. Онъ не допустилъ Мстислава идти войною на Всеволода, сказавъ: лучше преступить крестное цѣлованіе и не начинать войны, нежели проливать христіанскую кровь. Собравъ соборъ Архіерейскій, онъ объявилъ Мстиславу торжественно: мы снимаемъ грѣхъ на себя. Мстиславъ послушалъ ихъ, и во всю жизнь, прибавляетъ лѣтописецъ, раскаявался въ этомъ преступленіи клятвы. Можетъ быть просьбы дочери, жены Всеволодовой, вмѣстѣ съ уступкою Курска имѣли здѣсь также участіе въ рѣшеніи Мстислава. Несчастный Святославичь принужденъ былъ оставить добычу у похитителя и удалиться въ свой Муромъ, гдѣ онъ сдѣлался родоначальникомъ князей Муромскихъ и Рязанскихъ.

Гораздо строже былъ Мстиславъ въ отношеніи къ Полоцкимъ князьямъ, «зане не бяхуть его воли, и не слушахуть его, коли зовяшеть въ Русскую землю въ помощь, но паче молвяху Бонякови шелудивому во здоровье, и про се ся Мстиславъ разгнѣвася на нѣ, и хотяше на нѣ ити».

Половцы на нѣсколько времени задержали Мстислава.

Въ 1127 году, то есть на второй годъ послѣ своего вступленія на столъ великокняжескій, онъ снарядилъ общій походъ противъ Полоцкихъ князей: брату Вячеславу велѣлъ онъ идти на Кривичей изъ Турова, брату Андрею изъ Владимира, зятю Всеволоду изъ Городна, Вячеславу Ярославичу изъ Клеческа. Сборное мѣсто ихъ назначено подъ Изяславлемъ. Всеволодъ Ольговичъ долженъ былъ идти на Стрѣжевъ къ Борисову, Иванъ Войтишичъ съ Торками, сынъ Изяславъ изъ Курска, сынъ Ростиславъ изъ Смоленска, къ Дрютеску, сынъ Всеволодъ съ Новогородцами къ Неклочу.

Всѣ князья должны были пустить на воропъ въ одинъ день, 11 августа. Полочане, стѣсненные со всѣхъ сторонъ, должны были, покориться, по взятіи Логожска и Изяславля, выгнали отъ себя князя Давыда Всеславича съ сыновьями, и приняли отъ руки Мстиславовой Рогволода.

Чрезъ два года (1129) Мстиславъ опять разгнѣвался на Полоцкихъ князей, и послалъ за ними привести ихъ въ Кіевъ. Здѣсь, усажавъ въ три ладьи, Давыда, Ростислава и Святослава Всеславичей, съ женами ихъ и дѣтьми, двухъ Рогволодовичей, «поточи ихъ Цареграду за непослушаніе ихъ,» а города Кривскіе отдалъ въ управленіе своимъ мужамъ.

Въ слѣдующемъ году (1130) Мстиславъ посылалъ сыновей своихъ на Чудь, которая и была обложена данью.

Наконецъ въ 1131 ходилъ онъ самъ на Литву, съ сынами,. Ольговичами и Всеволодомъ Городенскимъ, опустошилъ много земли, но часть его Кіянъ, не успѣвшая за нимъ слѣдовать, была перебита этими дикарями, которые вышедши изъ своихъ убѣжищъ въ лѣсахъ, куда они прятались, нагнали отставшую дружину и истребили ее.

На Святой недѣлѣ въ пятницу, апрѣля 15, 1132 года, Мстиславъ скончался, предоставивъ княженіе брату Ярополку, и отдавъ ему на руки своихъ сыновъ.

Чрезъ день, 17 апрѣля, въ воскресенье, онъ былъ похороненъ въ церкви св. Ѳеодора, его ангела, имъ построенной въ 1129 г. Въ годъ своей смерти онъ заложилъ еще церковь каменную Божіей матери Пирогощей.

При немъ тоже была освящена церковь святаго Андрея въ Янчинѣ монастырѣ.

Семейство осталось послѣ Мстислава многочисленное—сыновья: Всеволодъ, княжившій въ Новѣгородѣ, (изгнанный оттуда и скончавшійся вскорѣ во Псковѣ).

Изяславъ и Ростиславъ, сидѣвшіе на великокняжескомъ столѣ, одинъ послѣ другаго, Святополкъ и Володимеръ, родившійся въ годъ его смерти.

Послѣдніе двое, особенно Володимеръ, не поддерживали славы отцовскаго имени.

Дочери: одна выдана была въ замужество за Всеволода Ольговича Черниговскаго, другая за Полоцкаго князя Брячислава Давыдовича, третья за Ярослава Святоголчича, четвертая за Венгерскаго королевича Гейзу, пятая за Греческаго царевича.

Мстиславъ получилъ пятую часть изъ Мономахова наслѣдства, а теперь его пятая часть раздѣлилась еще на четверо.

Потомство Мстиславово знаменито въ Русской Исторіи подвигами Ростиславичей и преимущественно родомъ старшаго сына Изяслава, чрезъ внука Мстислава, и правнука Романа Волынскаго, давшаго столько славныхъ государей княжеству и королевству Галицкому.

Съ *Ярополка* (1132) собственно начинается смятеніе въ древней Руси. Число князей увеличилось. Три степени или поколѣнія были уже на поприщѣ дѣйствій, которыя входили между собою въ состязаніе.

Случилось, что способнѣйшіе нашлися между младшими, а самый старшій былъ слабъ и мягокъ, не похожъ ни на отца Мономаха, ни на брата Мстислава.

Онъ захотѣлъ прежде всего исполнить слово, данное умершему Великому Князю и пристроить его дѣтей. Съ этой цѣлію призвалъ онъ изъ Новагорода старшаго племянника Всеволода, и предоставилъ ему Переяславль.

Братья перепугались, думая, что Ярополкъ хочетъ и Кіевъ отдать ему по своей смерти, принялись за оружіе, и не успѣлъ Всеволодъ сѣсть на своемъ столѣ, какъ на другой же день выгналъ его оттуда дядя Юрій, и онъ принужденъ былъ возвратиться къ Новогородцамъ, которые его однакожь не захотѣли принять.

Ярополкъ выгналъ Юрія, въ его очередь, чрезъ восемь дней, изъ Переяславля, и призвалъ туда другаго племянника, Изяслава изъ Полоцка. И этотъ просидѣлъ немного долѣе своего старшаго брата, принужденный уступить княженіе Вячеславу, вслѣдствіе новаго договора братьевъ, которые видно успѣли охладить привязанность Великаго Князя къ племянникамъ (1133).

Полочане такъ же, какъ и Новогородцы, не были довольны перемѣною, выгнали отъ себя оставленнаго Мстиславича, и призвали одного изъ возвратившихся своихъ князей, Василька.

Изяславъ получилъ Туровъ и Пинскъ въ дополненіе къ оставшемуся у него изъ прежней волости Минску. Но не долго владѣлъ и Туровымъ. Вячеславъ прогналъ его оттуда (1134) оставивъ Переяславль, отданный Великимъ Княземъ меньшему брату Юрію въ обмѣнъ на Суздаль, Ростовъ и прочую область.

Тогда, улучивъ благопріятную пору, поднялись Ольговичи, лишившіеся Курска. Соединясь съ Давыдовичами, они начали войну противъ Великаго Князя, подъ предводительствомъ своего брата Всеволода, который, видя слабость и распри, безъ дальнѣйшаго повода, радъ былъ случаю въ мутной водѣ наловить себѣ рыбы.

Мстиславичи, оставшіеся вслѣдствіе всѣхъ этихъ переворотовъ не причемъ, рѣшились присоединиться къ нимъ, противъ своего несчастливаго благодѣтеля.

Изяславъ, котораго братъ Всеволодъ хотѣлъ было съ Новогородцами посадить въ Суздали, узнавъ о происшедшемъ на югѣ, прибылъ послѣ неудачнаго похода до Дубны, въ Черниговъ (1134).

Начались походы изъ Кіева въ Черниговъ, и изъ Чернигова въ Переяславль и Кіевъ. Села на обѣихъ сторонахъ горѣли, и жители убѣгали спасаться въ лѣсахъ.

Великій Князь, съ намѣреніемъ раздѣлить составившійся противъ него союзъ, далъ наконецъ Изяславу Владиміръ, изъ котораго Андрей перешелъ въ Переяславль. Юрій долженъ былъ идти назадъ въ Залѣскую сторону.

Но Ольговичи продолжали искать своего. «Что нашъ отецъ», твердили они, «держалъ при вашемъ отцѣ, то хотимъ и мы держать при васъ. Если нѣтъ, то не пеняйте, что будетъ; вы виноваты, на васъ наша кровь».

Слѣдующій годъ прошелъ весь въ военныхъ дѣйствіяхъ. Ольговичи напали на Переяславль. Великій Князь поспѣшилъ къ брату на помощь (1135). Въ верховьяхъ Супоя

противники сошлись. Половцы побѣжали. Кіевская дружина за ними, а князья остались одни. Василько Маричичь, внукъ Мономаховъ, палъ, и многіе за нимъ съ обѣихъ сторонъ. Братья—Ярополкъ, Вячеславъ, Юрій и Андрей, увидя полки свои взмятены, отъѣхали восвояси, а бояре ихъ, воротя сь изъ погони на помощь съ тысяцкимъ, попали Ольговичамъ въ руки.

Всеволодъ устремился на Кіевскую область, и все не могъ ничего сдѣлать. Увидя, что Ярополкъ началъ совокуплять вои противъ него, онъ отошелъ къ Чернигову. Начали переговариваться о мирѣ, но никакъ не могли уладиться. Зимою опять Ольговичи явились съ Половцами на кіевской сторонѣ Днѣпра, воевали отъ Триполя около Красна и Василева до Бѣлгорода по Желани, и далѣе, до Древлянъ.

Вои Ярополковы собрались во множествѣ со всѣхъ земель; онъ могъ надѣяться на успѣхъ, но не захотѣлъ проливать крови, уступилъ, сотворися мнійи, и отдалъ Ольговичамъ, чего они хотѣли, вопреки мнѣнію братьевъ и дружины, которые, во чтобы то ни стало, хотѣли рѣшить распрю оружіемъ. Свои укоряли и хулили его за это смиреніе, но за то утишилъ онъ тѣмъ брань лютую (1136).

Ольговичи не долго оставались въ покоѣ. Всеволодъ искалъ видно больше того, что получилъ. Онъ хотѣлъ всего, и чѣмъ сильнѣе остановился, тѣмъ являлся жаднѣе.

Онъ привелъ опять Половцевъ, и ворвался съ ними въ Переяславское княжество, взялъ Прилукъ и другіе города, собралъ Посульское.

Ярополкъ, какъ ни желалъ мира, удостовѣрился, что добромъ ничего ни сдѣлаешь, и рѣшился покончить съ нимъ разомъ. Созвался со всѣми братьями и племянниками, вытребовалъ къ себѣ Суздальцевъ и Ростовцевъ, Смолнянъ и Полочанъ, Туровцевъ. Отъ Васильковича и Володаревича пришли Галичане, и отъ короля Венгерскаго послѣла помочь, призваны Берендѣи. Съ такою силою явился Великій Князь подъ Черниговымъ. Всеволоду пришлося плохо, надѣяться было не на что, онъ обробѣлъ, и рѣшился бѣжать, но Черниговцы не пустили его и заставили смириться передъ Ярополкомъ; «и, тотъ простилъ его, милостивый нравомъ, подобно отцу.»

Вскорѣ по заключеніи мира Ярополкъ скончался (18 февраля), и положенъ въ Янчинѣ монастырѣ у св. Андрея.

Слѣдующій за нимъ братъ его *Вячеславъ* немедленно прибылъ въ Кіевъ (24 февраля) занять его мѣсто.

Но неугомонный Всеволодъ не располагался оставить его тамъ въ покоѣ. Зная его слабость, чувствуя свое превосходство, надѣясь на всегдашнихъ друзей своихъ-Половцевъ, онъ вздумалъ захватить себѣ великое княжество, и выгнать Вячеслава изъ Кіева, какъ прежде выгналъ тотъ дядю Ярослава изъ Чернигова. Сила была для него правомъ. Собравъ мало дружины, сколько случилось подъ рукою, онъ съ братьями явился тотчасъ подъ Вышгородомъ и занялъ его. На другой день подступилъ онъ къ Кіеву, сталъ въ Копыревѣ концѣ, и началъ зажигать дворы подъ городомъ (марта 4), послалъ сказать Вячеславу безъ всякихъ околичностей, чтобъ онъ шелъ вонъ. Вячеславъ не могъ противиться, и отвѣчалъ ему съ митрополитомъ: «я пришелъ по уставу нашихъ отцевъ, послѣ братіи своей, Мстислава и Ярополка, а если тебѣ захотѣлось этого стола, покидая отчину, то, пожалуй, я стану тебя меньше; отойди Вышегороду, я уйду въ свою волость, въ Туровъ, а Кіевъ тебѣ».

Всеволодъ Ольговичъ (1139) сдѣлался Великимъ Княземъ, не имѣвъ на то ни малѣйшаго права, какъ сынъ отца, не сидѣвшаго никогда въ Кіевѣ, какъ младшій даже въ своемъ родѣ, сравнительно съ стрыйчичами Давыдовичами.

Занять Кіевскій столъ удалось легко, но удержать его казалось гораздо труднѣе. Сыновья Мономаховы, Вячеславъ, Юрій и Андрей, естественно негодовали на Всеволода, который лишилъ ихъ отцовскаго наслѣдія; племянники ихъ, Мстиславичи, теряя законную и вѣрную надежду заступить нѣкогда ихъ мѣсто, не могли чувствовать къ нему расположенія. На собственныхъ братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ: не могъ онъ вполнѣ полагаться, потому что у нихъ были свои особенныя причины къ неудовольствію. Черниговымъ Всеволодъ владѣлъ не по праву, выгнавъ роднаго дядю Ярослава; сбираясь на Кіевъ, онъ обѣщалъ дать подъ собою Черниговъ брату Игорю. Тотъ и явился за исполненіемъ обѣщанія, но Всеволодъ отдалъ Черниговъ Давыдовичамъ, которымъ слѣдовалъ онъ по праву, и которые его давно дожидались. Такимъ рѣшеніемъ онъ перессорилъ братьевъ между собою. Родные отошли отъ него, раздраженные, готовиться къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Всеволодъ не боялся этихъ опасностей. У него, избалованнаго счастьемъ, носились въ головѣ другія мысли. Онъ хотѣлъ одинъ держать всю землю Русскую, и, предупреждая законныя притязанія Володимеричей, равно какъ и Мстиславичей, лишить ихъ средствъ вредить себѣ, отнять у нихъ остальныя волости: Туровъ у Вячеслава, Переяславль у Андрея, Владиміръ у Изяслава, Смоленскъ у Ростислава.

Замыслы обширные, для исполненія которыхъ ему необходима была чуждая помощь, и онъ началъ искать ея.

Первые помощники были Половцы, издавна ему знакомые, готовые за серебро и золото воевать, кого угодно.

На Ляховъ могъ онъ надѣяться по родственнымъ связямъ.

Давыдовичи должны были служить ему въ благодарность за уступленный имъ Черниговъ.

Галицкимъ князьямъ обѣщалъ участіе въ добычѣ на Волыни.

Новогородцы были на его сторонѣ послѣ ссоръ съ Юрьемъ, и просили его брата или сына.

Наконецъ, братьевъ онъ привлекалъ видами на вознагражденіе изъ будущихъ пріобрѣтеній.

Всеволодъ распорядился вотъ какъ: самъ съ сыномъ Святославомъ пошелъ на Переяславль; Галицкіе князья должны были ударить на Владиміръ, Ольговичи на Туровъ, Новогородцы на Суздаль.

Мѣры задуманы хитро, но привести ихъ въ дѣйствіе оказалось по времени неудобнымъ; онѣ неудались, и Всеволодъ долженъ былъ ограничить свои желанія.

Онъ стоялъ на Днѣпрѣ, и послалъ къ Переяславлю брата Святослава. Андреева дружина встрѣтила его, разбила и преслѣдовала, но князь не пустилъ ее гнаться дальше границы.

Великій Князь нашелъ себя припужденнымъ отказаться хоть на время отъ своего намѣренія, и оставить Переяславль за Андреемъ. Онъ потребовалъ только, чтобъ Андрей держалъ всегда его сторону. Они заключили миръ, и Андрей поцѣловалъ крестъ.

Въ эту же ночь загорѣлся Переяславль; вои Всеволодовы не тронулись съ мѣста. На другой день, поутру, Всеволодъ прислалъ сказать Андрею: «видишь, я креста не цѣловалъ еще тебѣ, а у васъ случился пожаръ. Это мнѣ Богъ давалъ,—вы сами зажгли. Я могъ сдѣлать съ вами все, что̀ мнѣ угодно, еслибы хотѣлъ вамъ лиха. Смотри же исправляй, въ чемъ цѣловалъ крестъ. Исправишь,—то добро, а не исправишь—разсудитъ Богъ».

Всеволодъ поцѣловалъ крестъ, и оставилъ Андрея въ покоѣ. Онъ не достигъ своей цѣли, по крайней мѣрѣ пріобрѣлъ союзника.

Отрядъ Галицкій успѣлъ еще менѣе: вои, шедшіе на Изяслава Мстиславича къ Владимиру, дойдя до Горыни, всполошились отъ неизвѣстной причины, и воротились восвояси, не сдѣлавъ ничего.

Ляхи опустошили только Владимирскую волость, Давыдовичи Туровскую.

Вячеславъ и Изяславъ рѣшились просить мира у Всеволода, и послали къ нему пословъ съ рѣчьми рядитися. Всеволодъ не хотѣлъ было ихъ слушать, но послѣ, сдумавъ, что нельзя ему быть безъ нихъ, далъ имъ ихъ прошеніе, и поцѣловалъ крестъ.

Такимъ образомъ, хотя онъ не успѣлъ взять себѣ власть, какъ хотѣлъ, но по крайней мѣрѣ удержалъ за собою Кіевъ, и примирилъ себѣ Володимеричей и Мстиславичей.

Новогородцы, принявшіе къ себѣ Святослава Ольговича, не поладили съ нимъ, и онъ прислалъ сказать брату: «тягота въ людяхъ сихъ, не хочу оставаться съ ними; присылай сюда, кого хочешь».

Всеволодъ послалъ Ивана Войтишича, и велѣлъ ему привести къ себѣ лучшихъ людей, думая дать Новогородцамъ сына. Новогородцы пуще взволновались и начали избивать пріятелей Святославовыхъ. Всеволодъ, услышавъ о новогородскомъ смятеніи, не пустилъ, ни сына, ни мужей новогородскихъ, къ нему приведенныхъ. Новогородцы прислали епископа съ послами просить сына, «а брата не хотимъ». Всеволодъ наконецъ согласился, но когда тотъ отправился, они передумали и отказали на отрѣзъ: «не хотимъ ни сына, ни брата твоего, ни племени вашего, но хотимъ племени Володимеря: дай намъ шурина, Изяслава Мстиславича». Всеволодъ разсердился; ему жаль было перепустить Новгородъ великій племени Володимерову; онъ воротилъ сына и пословъ, а Мстиславичей позвалъ къ себѣ и далъ имъ Берестій: «Новагорода не берите, пусть посидятъ сами о своей силѣ. Гдѣ найдутъ они князя!» Новогородцевъ держалъ онъ все лѣто и зиму, и съ епископомъ.

Они соскучились сидѣть безъ князя, да и жито не шло къ нимъ ни откуда. Они послали къ Юрью во второй разъ за его сыномъ Ростиславомъ. Всеволодъ разсердился и занялъ Городецъ Острьскій, также и другіе города, захватилъ все, что̀ гдѣ попалось: имущество, скотъ, коней, овецъ. Изяславъ Мстиславичъ обратился къ сестрѣ, и уговорилъ ее выпросить у мужа Новгородъ брату ихъ Святополку. Всеволодъ наконецъ согласился, и задержанные имъ мужи новогородскіе устроили это дѣло такъ, что Новогородцы въ третій разъ отпустили отъ себя Ростислава и приняли Святополка. Мстиславичи были такимъ образомъ удовлетворены, имѣя Владимиръ и Новгородъ.

Скончался Андрей Володимеровичъ, и жадный Всеволодъ не могъ пропустить случая распространить свою власть. Онъ послалъ сказать Вячеславу въ Туровъ: «ты сидишь въ

Кіевской волости, а мнѣ принадлежитъ она. Ступай въ Переяславль, отчину свою.» Туровъ отдалъ онъ сыну своему Святославу.

Съ чужими Всеволодъ кое-какъ управился, но свои озлоблялись на него больше и больше: до сихъ поръ они не добыли отъ него почти ничего; только Святославъ, по возвращеніи изъ Новагорода, послѣ продолжительнаго спора, получилъ Бѣлгородъ для разлученія съ Игоремъ. «Даетъ волости сыну,» говорили они, «а братью не надѣляетъ ничѣмъ.»

Они домогались себѣ Вятичей, и заключили договоръ съ Давыдовичами, ходивъ на нихъ предъ тѣмъ Чернигову ратью.

Всеволоду непріятенъ былъ такой союзъ. Всѣхъ братьевъ пригласилъ онъ къ себѣ въ Кіевъ для полюбовнаго соглашенія. Они пришли. Святославъ, Володимеръ, Изяславъ, стали въ Ольжичахъ, а Игорь у Городца. Началися ряды. Святославъ поѣхалъ къ Игорю и спросилъ его: «ну что даетъ тебѣ братъ старѣйшій»? «Даетъ намъ всѣмъ по городу, отвѣчалъ Игорь: Берестій и Дрогичинъ, Черторысскъ и Кляческъ, а отчины своей не даетъ Вятичей».

Братья всѣ поцѣловали крестъ между собою, сперва Святославъ съ Игоремъ а потомъ на другой день оба съ Давыдовичами, чтобы дѣйствовать за одно противъ Всеволода: кто сступитъ крестнаго цѣлованія, тому крестъ пусть мститъ.

Всеволодъ позвалъ всѣхъ братьевъ къ себѣ на обѣдъ; они не пошли, и велѣли ему сказать: «ты сидишь въ Кіевѣ, и мы Кіевской волости не хотимъ, а просимъ у тебя Черниговской и Новогородской.»

Но Черниговской и Новогородской волости Всеволодъ никакъ не хотѣлъ уступить имъ, а стоялъ на томъ, чтобъ они взяли предложенные четыре города.

«Ты намъ братъ старшій», заключили они, «и если не даешь, чего просимъ, такъ намъ самимъ о себѣ поискати».

И разсорясь со Всеволодомъ, пошли ратью на Вячеслава къ Переяславлю, который добыть себѣ хотѣлось Игорю. Начались сраженія. Всеволодъ прислалъ Лазаря Саковскаго къ Вячеславу на помощь. Поспѣшилъ къ нему и Изяславъ изъ Владимира, бился нѣсколько разъ съ ними, и принудилъ отойдти прочь. Въ это время шелъ Ростиславъ къ зятю изъ Смоленска съ полкомъ своимъ, и, услышавъ о битвахъ Ольговичей подъ Переяславлемъ, повоевалъ волость ихъ около Гомія. Изяславъ двинулся и опустошилъ села около Десны и около Чернигова. Игорь, «хотяче мстити себѣ», явился опять съ братьями подъ Переяславлемъ, бился три дня, и не успѣвъ ничего, воротился восвояси. Вражда разгоралась сильнѣе и сильнѣе.

Всеволодъ прибѣгнулъ къ новому средству: Вызвалъ изъ глубины кіевскихъ пещеръ брата Николу-Святошу, который давно уже промѣнялъ броню на вретище, и спасался въ своей кельѣ, исправляя строго всѣ монашескія послушанія. Ему поручилъ Всеволодъ быть посредникомъ и передать братьямъ: «братья, возмите у меня съ любовію, что̀ я вамъ даю, Городецъ, Рогачевъ, Берестій, Дрогичинъ, Клеческъ, и перестаньте воевать съ Мстиславичами».

Они послушались святаго отшельника, и на зовъ Всеволодовъ пріѣхали всѣ вмѣстѣ въ Кіевъ.

Но лукавому Всеволоду пуще всего не хотѣлось, чтобы братья совокуплялись въ единую мысль: прежде всего ему надо было раздѣлить ихъ. Онъ послалъ сказать Давы-

довичамъ: «отступитесь отъ моихъ братьевъ я васъ надѣлю.» И они отступились, измѣнивъ крестному цѣлованію. Всеволодъ обрадовался разлученію, и далъ Давыдовичамъ Берестій, Дрогичинъ, Вщижъ и Ормину. А потомъ послалъ за братьями и далъ имъ— Игорю Городецъ, Юрьевъ и Рогачевъ, а Святославу Клеческъ и Черторыескъ. Братья, оставшись одни, принуждены были согласиться, и разошлись неудовлетворенные, съ занозою съ сердцѣ. Неудовольствіе усилилось вскорѣ вотъ отъ чего: Вячеславъ, смолвясь со Всеволодомъ, отдалъ Переяславль опять племяннику Изяславу, и отошелъ въ свой Туровъ, а Владимиръ получилъ сынъ Всеволодовъ Святославъ.

Ольговичи озлобились. Дружба брата съ Мстиславичами, особенно съ Изяславомъ, который пріобрѣлъ, кажется, полную его довѣренность, тревожила ихъ до крайности: они видѣли въ немъ соперника, который ни за что не уступитъ имъ Кіева. «Осажался», ворчали они, «своими шурьями, а нашими ворогами, и намъ и себѣ на безголовье и безмѣстье». Они приставали безпрестанно къ брату, чтобъ онъ объявился противъ Мстиславичей, но онъ не послушался.

Уладясь нѣсколько дома, Всеволодъ отдалъ дочь Звѣниславу въ Ляхи за короля Болеслава, (1141), на зиму посылалъ сына, Изяслава Давыдовича и Володимерка Галицкаго, въ помочь зятю Володиславу на Болеславича.

Въ это время сыграно было много свадебъ: выдавъ дочь, Всеволодъ женилъ и сына, взявъ за него Васильковну, Полоцкаго князя (1143). Всѣ братья и Ляхи пировали на свадьбѣ. А Изяславъ отдалъ дочь въ Полоцкъ за Рогволода Борисовича. Всеволодъ былъ на свадьбѣ у него съ женою и боярами. Вскорѣ Всеволодъ выдалъ замужъ и двухъ Всеволодковенъ, внукъ Мономаховыхъ, одну за Володимера Давыдовича, другую за Юрья Ярославича.

Около этого времени является на сцену новое дѣйствующее лице, Володимерко Галицкій, который объявилъ войну Всеволоду, желая распространить свои владѣнія на Волыни.

Всеволодъ поднялся со всѣми силами: Ольговичи, Давыдовичи, Мстиславичи, Всеволодковичи, Володиславъ, Лядскій князь, и прочіе, пошли подъ его предводительствомъ на многоглаголиваго Володимерка, и принуждали его поклониться Всеволоду, но тотъ и слушать не хотѣлъ, надѣясь на пришедшихъ къ нему въ помощь Угровъ. Они не оказали ему однакоже никакой пользы. Полки его были обойдены и Галичане испугались. «Мы здѣсь стоимъ, а тамъ полонятъ нашихъ женъ и дѣтей.» Володимерко, видя бѣду неминучую, обратился къ Игорю: «если ты примиришь меня съ своимъ братомъ, то по Всеволодовомъ животѣ я помогу тебѣ про Кіевъ». Итакъ склонилъ онъ лестью на свою сторону Игоря, который, на бѣду себѣ, только и думалъ что о Кіевѣ.

Игорь началъ просить брата, и даже выговаривать ему съ сердцемъ, когда тотъ показалъ нерасположеніе: «ты обрекъ мнѣ Кіевъ, а пріятелей не даешь мнѣ наживать, стало быть ты не хочешь мнѣ добра».

И послушался Всеволодъ, далъ Володимерку миръ, впрочемъ за большую цѣну. Володимерко пріѣхалъ, поклонился ему и вручилъ за трудъ 1400 гривенъ серебра. Всеволодъ поздоровался съ нимъ, и, принимая серебро, сказалъ: «ну вотъ отщиталъ ты, смотри же, больше не грѣши». Примиривъ его къ себѣ, возвратилъ ему Ми-

кулинъ и Ушицу. Такъ кончился первый Галицкій походъ. Володимерко много говорилъ сперва, замѣчаетъ лѣтописецъ, а послѣ много заплатилъ. Серебро Всеволодъ не оставилъ у себя, но одѣлилъ всю братью, кто съ нимъ былъ въ походѣ.

Возвратившись изъ похода, Всеволодъ началъ разнемогаться, и безпрестанно побуждаемый братомъ, созвалъ наконецъ (1145) братью въ Кіевъ и объявилъ: «Володимеръ посадилъ по себѣ въ Кіевѣ сына своего Мстислава, а Мстиславъ посадилъ брата своего Ярополка, а я молвлю: если Богъ возметъ меня, то я даю Кіевъ по себѣ брату моему Игорю.» Изяславу Мстиславичу было это очень противно, но спорить было нельзя, и онъ по нуждѣ долженъ былъ цѣловать крестъ. Всѣ братья сѣли у Всеволода на сѣняхъ, и онъ сказалъ: «Игорю, цѣлуй крестъ, чтобъ имѣть тебѣ братью въ любовь, а вы, Володимеръ, Свтяославъ, Изяславъ, цѣлуйте крестъ Игорю—быть довольными, что̀ онъ дастъ вамъ по волѣ, а не по нуждѣ». И всѣ поцѣловали крестъ. Когда присяга кончилась, Всеволодъ продолжалъ: «повабливаетъ меня Володиславъ, Лядскій князь, на своихъ братьевъ.» Игорь убѣдилъ его поберечь себя и остаться дома, а ихъ отпустить. Тотъ согласился, и они пошли, кромѣ Изяслава Мстиславича, отозвавшагося болѣзнію,—проникли во внутренность Лядской земли.

Братья Владислава смирились и уступили ему четыре города, а Русскимъ князьямъ Визну.

Володимерко замышлялъ что-то на Великаго Князя за покровительство племяннику, Ивану Берладнику, который, послѣ неудачной попытки въ Галичѣ, нашелъ у него убѣжище. Всеволодъ, которому стало получше, рѣшился предупредить его замыслы, собрался со всѣми князьями и пошелъ на него войною. Дорога испортилась, и вои едва достигли Звенигорода, сожгли острогъ въ первый день, и жители на вѣчѣ положили было сдаться, но воевода Иванъ Халдѣевичъ велѣлъ схватить трехъ мужей, подавшихъ совѣтъ сдаться, разрубилъ ихъ пополамъ и выбросилъ тѣла изъ города, тѣмъ и загрозилъ прочимъ. Звенигородцы начали биться безъ лести. Всеволоду очень хотѣлось взять городъ: три дня приступали его вои, бились отъ ранней зари и до вечерней, зажигали нѣсколько разъ—ничто не помогало, и онъ принужденъ былъ снять осаду. Осажденные воскликнули: кирилеесонъ!

Всеволодъ, воротясь, въ Кіевъ, почувствовалъ себя очень дурно, послалъ за братьями, и призвалъ Кіянъ къ себѣ на островъ подъ Вышегородомъ. «Я очень боленъ», сказалъ онъ имъ, «вотъ братъ мой Игорь, отдайтесь ему». Кіяне отвѣчали: «рады, отдаемся». Они взяли Игоря въ Кіевъ, созвали всѣхъ своихъ, и цѣловали ему крестъ подъ Угорскимъ, а на другой день Вышегородцы. «Ты нашъ князь», твердили они ему лестью. Всеволодъ, едва дыша, послалъ къ Изяславу Мстиславичу зятя своего Володислава, а къ Давыдовичамъ Мирослава Андреевича спросить: «стоите ли въ крестномъ цѣлованіи у брата своего Игоря». Они отвѣчали: стоимъ. Къ утру, августа 1, (1146) скончался Всеволодъ и погребенъ у святыхъ мучениковъ.

Игорь созвалъ Кіянъ на Ярославовъ дворъ, и получилъ отъ нихъ новую присягу.— Давъ присягу, они собрались еще у Туровой божницы, и прислали звать Игоря. Игорь поѣхалъ съ братомъ Святославомъ, и, остановясь въ нѣкоторомъ отдаленіи съ дружиною, отправилъ къ нимъ брата на вѣче. Кіяне

начали жаловаться на тіуновъ Всеволодовыхъ, на Кіевскаго—Ратшу, и Вышегородскаго—Тудора: «Ратша погубилъ у насъ Кіевъ, а Тудоръ Вышгородъ, а нынѣ, Княже Святославе, цѣлуй намъ крестъ съ братомъ, что вы не отдадите насъ въ обиду». Святославъ отвѣчалъ: «цѣлую вамъ крестъ и съ братомъ, что вамъ не будетъ никакого насилья, а вотъ и тіунъ на вашу волю». Святославъ слѣзъ съ коня и поцѣловалъ крестъ на вѣчѣ, и Кіяне, слѣзши съ коней, поцѣловали крестъ: «братъ твой князь и ты—цѣлуемъ крестъ, оже не льститъ ни подъ Игоремъ, ни подъ Святославомъ». Взявъ съ съ собою лучшихъ мужей, Святославъ возвратился къ Игорю и сказалъ: «братъ, на томъ цѣловалъ я крестъ имъ, чтобъ тебѣ ихъ любить и имѣть въ правду». Игорь слѣзъ съ коня и цѣловалъ крестъ на всей ихъ воли, по слову братнему, и отъѣхалъ обѣдать, а они бросились грабить Ратшинъ дворъ и Мечниковъ. Игорь послалъ къ нимъ брата Святослава съ дружиною, и тотъ едва утишилъ мятежъ.

Тогда же послалъ Игорь и къ Изяславу Мстиславичу, сказать ему: «се брата нашего Богъ понялъ—стоишь ли ты въ крестномъ цѣлованіи»? Онъ отвѣта не далъ на эту рѣчь, и посла не отпустилъ.

Не понравился однакожъ Кіянамъ Игорь. Они послали въ Переяславль сказать Изяславу: «иди, Князь, къ намъ, хотимъ тебя». Изяславъ того и ждалъ; собравъ тотчасъ вои, онъ взялъ благословеніе у епископа Евфимія, въ соборѣ святаго Михаила, и пошелъ на Кіевъ, переправясь черезъ Днѣпръ у Заруба. «Я Кіева ищу не себѣ», говорилъ онъ, «отецъ мой, Вячеславъ—братъ старшій, ему ищу я Кіева»! На той сторонѣ Днѣпра явились къ нему Черные клобуки и все Поросье: «ты намъ Князь, а Ольговичей не хотимъ, ступай скорѣе, мы съ тобою». Изяславъ двигался впередъ. Въ Дерновое пришли Бѣлогородцы и Василевцы съ тѣми же рѣчами: «иди, иди, не хотимъ Ольговичей». Наконецъ показались и Кіяне, повторяя тоже: «иди, иди, ты нашъ Князь, не хотимъ быть за Ольговичами, какъ будто назади; гдѣ увидимъ твой стягъ, туда готовы и мы».

Изяславъ былъ въ полномъ удовольствіи. Созвавъ на поле всѣхъ своихъ приверженцевъ, христіанъ и поганыхъ, онъ сказалъ: «Братья! Всеволода имѣлъ я въ правду братомъ старѣйшимъ; онъ былъ старше меня, братъ и зять, ровно отецъ, а этимъ (то-есть Игорю и Святославу) не уступлю. Что Богъ дастъ—либо голову свою сложу передъ вами, либо добуду столъ отца своего и дѣда». Изяславъ шелъ не останавливаясь.

Бѣдный Игорь увидѣлъ, что Кіева, имъ такъ давно желаннаго, и съ такимъ усиліемъ исканнаго, сохранить ему труднѣе будетъ, нежели было пріобрѣсти. Надо было изготовиться къ борьбѣ съ открывшимся врагомъ. Надѣяться могъ онъ только на роднаго брата Святослава, а двоюродные—Давыдовичи находились съ нимъ издавна въ отношеніяхъ непріязненныхъ. Онъ послалъ къ нимъ однакожъ спросить, можетъ ли полагаться на ихъ вѣрность. Они потребовали много волостей. Въ крайности, Игорь далъ имъ все, чего они спрашивали, лишь бы только пришли къ нему съ помощью.

Кромѣ внѣшней помощи нужно было застраховаться и дома, пріобрѣсти благорасположеніе знатнѣйшихъ бояръ: Игорь призвалъ къ себѣ Улеба тысяцкаго, Ивана Войтишича, Лазаря Саковскаго, и старался завѣрить ихъ, что у него будетъ имъ такъ же хорошо, какъ и у брата.

Бояре обѣщали, а они-то первые и измѣнили ему; они-то, принявъ честь великую и отъ Всеволода и отъ Игоря, совѣщали съ Кіянами совѣтъ золъ на новаго Князя, понуждая его выступить на встрѣчу къ Изяславу Мстиславичу, а того торопили къ себѣ, говоря: «скорѣе, Давыдовичи идутъ съ помочью. Лишь только ты покажешься, мы бросимъ стягъ и побѣжимъ съ полкомъ въ Кіевъ».

Изяславъ приблизился наконецъ къ Кіеву, и сталъ передъ валомъ, гдѣ есть Надово озеро у Шелвова борку. Множество Кіянъ стояло особо у Ольговой могилы. Игорь съ братомъ и племянникомъ готовился къ битвѣ. Онъ отослалъ князей и бояръ по ихъ полкамъ, сказавъ: «суди насъ Богъ.» Улебъ и Иванъ, пріѣхавъ въ свои полки, бросили стяги и повернули къ Жидовскимъ воротамъ; Кіяне прислали къ Изяславу взять къ себѣ его тысячскаго со стягомъ; Берендѣи переправились черезъ Лыбедь и захватили Игоревы товары, около Золотыхъ воротъ. Несчастный Игорь увидѣлъ измѣну, но рѣшился испытать счастья, и пошелъ съ своими на Изяслава, который стоялъ за озеромъ; понадобилось обойдти его и подняться къ верху,— тамъ пророви,—другіе полки двигались отъ Сухой Лыбеди: произошла сумятица; Берендѣи очутились сзади и начали сѣчи. Изяславъ ворвался съ боку и раздѣлилъ братьевъ, которые должны были искать спасенія въ бѣгствѣ черезъ Дорогожицкія болота. Игорь отсталъ отъ другихъ, забравъ одинъ далеко въ сторону. Конь его увязъ, и никто не зналъ, что съ нимъ случилось. Братъ его Святославъ достигъ устья Десны, за Днѣпръ; племянникъ Святославъ Всеволодовичъ прибѣжалъ въ монастырь св. Ирины, гдѣ и былъ захваченъ; за воями побѣдители гнались до Вышгорода, до устья Десны и до перевоза Кіевскаго, сѣкуще ихъ, а другихъ побивая въ водѣ, «и многимъ паденіе бысть.»

Изяславъ со славою и честію великою вступилъ въ Кіевъ. Множество народа вышло къ нему на встрѣчу, игумены съ монахами, попы со всего города въ ризахъ. Онъ поклонился Божіей Матери у святой Софіи, и сѣлъ на столѣ отца своего и дѣда.

Многіе бояре Игоря и Всеволода были захвачены, Данило великій, Гюргій Прокоповичъ, Иворъ Гюргевичъ, Мирославовъ внукъ, и отпущены на выкупъ. Дома дружины, села, стада, разграблены. Много имѣнія въ домахъ и монастыряхъ похищено Кіянами.

Святослава Всеволодовича Изяславъ оставилъ при себѣ, сказавъ: «свой ми есть сестричичь,» — и далъ ему пять городовъ — Бужскъ, Межибожье, Котельницу и проч.

Игорь найденъ былъ уже черезъ три дня въ болотахъ, и приведенъ къ Изяславу, который, оковавъ, велѣлъ отослать его въ Переяславль, и посадить въ порубъ въ монастырѣ св. Іоанна.

О дядѣ Вячеславѣ, которому искалъ будто Кіева, Изяславъ забылъ, но тотъ помнилъ свое старшинство, и если не надѣялся оспорить Кіева, то хотѣлъ воротить себѣ по крайней мѣрѣ города, отнятые у него Всеволодомъ, и, ободрясь, занялъ даже Владиміръ, куда посадилъ племянника малолѣтнаго, Андреевича. Изяславъ не думалъ однакожь допустить его до такихъ распоряженій: онъ послалъ сына Мстислава и племянника Святослава отнять у него даже Туровъ, и посадить тамъ брата Ярослава, что и было исполнено.

Давыдовичи, враждебные Ольговичамъ, предложили ему свой союзъ, съ тѣмъ чтобъ онъ помогъ имъ покорить себѣ Сѣверское княжество.

Изяславъ приходилъ къ нимъ на снемъ, и далъ имъ сына Мстислава съ Переяславцами и Берендѣями: «идите на Святослава, если не выбѣгнетъ передъ вами, станьте около и дожидайтесь меня. Я приду вамъ на смѣну и осажу его, а вы воротитесь домой отдыхать».

Такая бѣда собиралась надъ Святославомъ, но и онъ былъ не празденъ: если не намъ, то доставайся же Кіевъ кому-нибудь, лишь не Изяславу,—и онъ разсчелъ вѣрно, кто будетъ помогать ему съ ревностію: это меньшой сынъ Мономаховъ, Юрій, который давно уже желалъ оставить свою лѣсную сторону, занималъ Переяславль изъѣздомъ, вымѣнивалъ его у брата Ярополка на Ростовъ и Суздаль, но все не на долго, и наконецъ принужденъ былъ опять воротиться во-свояси. Юрій, разумѣется, никакъ не могъ теперь смотрѣть равнодушно на водвореніе племянника въ Кіевѣ. Онъ обрадовался союзнику, и прислалъ къ нему сына Ивана на помощь, которому тотъ отдалъ Курскъ съ Посемьемъ.

Давыдовичи отправились въ походъ и опустошали все по пути. Они подступили къ Новугороду, потомъ къ Путивлю, преслѣдуя Святослава, который былъ принужденъ наконецъ удалиться съ семействомъ своимъ и братнимъ въ лѣсную сторону. Изяславъ Давыдовичь пустился за нимъ одинъ въ погоню, и былъ имъ разбитъ, оборотившимся, 16 января 1147 года. *

Слѣдовавшіе князья узнали вскорѣ о неудачѣ. Изяславу Мстиславичу, который между тѣмъ подоспѣлъ къ нимъ по обѣщанію, разожглось еще болѣе сердце на Святослава,— онъ былъ храбръ и крѣпокъ на рать. Исполчивъ вои свои, онъ поспѣшилъ съ братьями на Святослава къ Карачеву. Цѣлый день, вплоть до ночи, шелъ онъ впередъ, воюя и разоряя. По дорогѣ собиралась къ нему разбитая дружина. О полуднѣ присталъ и пораженный Изяславъ Давыдовичь.

Святославъ, не надѣясь выдержать втораго соединеннаго нападенія, бѣжалъ ночью за лѣсъ въ Вятичи.

Кіевскій Князь остановился. «Я изыскалъ вамъ волости,» сказалъ онъ Давыдовичамъ, «все, чего вы хотѣли: вотъ Новгородъ, вотъ и все Святославово имѣніе. Что окажется здѣсь его, челяди и товара, то раздѣлимъ на части, а Игорево все мое.» Такъ и было исполнено. Изяславъ оставилъ ихъ и воротился въ Кіевъ.

Всѣ противники разошлись, походъ кончился; Изяславъ утвердился въ Кіевѣ, Давыдовичи овладѣли Сѣверскою землею. Но война только начиналась: Юрій хотѣлъ ея, чтобъ достать себѣ Кіевъ, Святославъ хотѣлъ ея, чтобъ выручить брата, и Давыдовичи хотѣли ея, чтобъ утвердить за собою захваченныя вмѣстѣ пріобрѣтенія — Новгородъ, Сѣверскую землю, Изяславъ—чтобъ порѣшить съ неугомоннымъ врагомъ.

Въ слѣдующемъ году (1147) начаты враждебныя дѣйствія вдали, на другой сторонѣ, въ Новогородской, Смоленской и Суздальской волости, гдѣ въ первой разъ встрѣчается имя Москвы. *

У союзниковъ собралось много силы, и они угрожали Чернигову. Давыдовичи испугались и рѣшились оставить Изяслава и перейти на ихъ сторону.

Святославъ Всеволодичъ, державшій у Великаго Князя пять городовъ, выпросился у него въ Черниговъ: «тамъ мнѣ жизнь вся, отче, отпусти меня Чернигову, я буду просить волости у дядей.» Изяславъ отпустилъ его, велѣвъ приготовляться къ походу.

* См. въ Исторіи Черниговскаго и Сѣверскаго княжествъ.

* См. въ Исторіи Суздальскаго княжества.

Давыдовичи, умысливъ злое дѣло, прислали вновь звать Изяслава: »землѣ нашей грозитъ бѣда, а ты все медлишь.»

Тогда Изяславъ созвалъ бояръ и всю дружину свою, Кіянъ, и объявилъ имъ, что, сгадавъ съ братьею, съ Давыдовичами и Всеволодовичемъ, онъ хочетъ идти на Юрія Суздалю, зачѣмъ тотъ принялъ врага его Святослава,—а братъ его Ростиславъ присоединится по дорогѣ къ нему съ Смольянами и Новогородцами.

Кіяне отвѣчали: «Князь, не поднимайся съ Ростиславомъ на стрыя своего, а лучше съ нимъ уладься; Ольговичамъ же не вѣрь, и въ путь съ ними не ходи.»

Изяславъ возразилъ: «они цѣловали мнѣ крестъ, и я думалъ думу съ ними вмѣстѣ; отложить сего пути я не хочу, а вы доспѣвайте.»

Кіяне отказались: «Князь, не гнѣвайся на насъ, мы на Володимерово племя руки поднять не можемъ; на Ольговичей—пожалуй, пойдемъ хоть съ дѣтьми.»

«Ну такъ пусть идетъ только кто хочетъ,» заключилъ Изяславъ; собрался, и, оставивъ брата Володимера въ Кіевѣ, выступилъ на Альту, потомъ къ Нѣжатину, и сталъ полками у Руссотины, пославъ боярина своего Улеба къ Давыдовичамъ.

Улебъ провѣдалъ въ Черниговѣ, что они цѣловали уже крестъ Святославу Ольговичу, и прискакалъ назадъ къ своему князю увѣдомить объ измѣнѣ. Черниговскіе пріятели прислали также остеречь его, чтобъ онъ не шелъ дальше, ибо думаютъ его убить или полонить въ Игоря мѣсто.

Каково было удивленіе Изяслава? Немедля онъ отступилъ назадъ, и, какъ будто не вѣря еще слухамъ, послалъ сказать братьямъ: «мы замыслили путь великъ: поклянемся же еще, по обычаю нашихъ отцевъ и дѣдовъ, пройдти его въ правду, не имѣти межъ собою ни извѣта, ни тяжи, а съ противными биться.»

Давыдовичи отказались: «для чего цѣловать крестъ безъ лѣпа? мы цѣловали его тебѣ: развѣ мы провинились»?

«Грѣха нѣтъ на любви поцѣловать крестъ, и это еще душѣ на спасеніе,» возразилъ посолъ, во исполненіе наказа Изяславова. «Вы стоите, братья, въ крестномъ цѣлованіи, такъ я сообщаю вамъ вотъ что: до меня дошли слухи, что вы передалися къ Ольговичу и ведете меня лестью, хотяче яти, ли убити въ Игоря мѣсто. Такъ ли это, братья, или не такъ?»

Давыдовичи не могли вымолвить ни слова. Они только взглянули другъ на друга, и долго молчали. Наконецъ Володимеръ сказалъ послу: «отойди пока прочь, посѣди тамъ—мы тебя позовемъ.»

Долго они думали и совѣтовались, видя свое обличеніе, и наконецъ призвали посла: «братъ! точно—мы цѣловали крестъ Святославу Ольговичу. Жаль намъ стало брата нашего Игоря. Суди самъ, люболи былобъ тебѣ, еслибъ мы держали твоего брата. Пусти Игоря—онъ уже чернецъ и схимникъ,—и мы ѣздимъ подлѣ тебя.»

Посолъ привезъ Изяславу удостовѣреніе, что Давыдовичи отступили отъ него. Тогда онъ отослалъ имъ крестныя грамоты съ слѣдующими словами: «вы цѣловали мнѣ крестъ до моей смерти, и я изыскалъ вамъ волость, далъ Новгородъ и Путивль, прогналъ съ вами вмѣстѣ Святослава, взялъ жизнь его и раздѣлилъ съ вами, а вы теперь переступаете крестъ, ведете меня лестью, и хотите убить. Вотъ же вамъ крестныя грамоты! Что ни будетъ то будетъ! Богъ со мною и сила животворящаго креста!»

Дѣятельный Изяславъ тотчасъ перемѣнилъ всѣ свои распоряженія, и рѣшился управиться прежде всего съ новыми врагами: брату Ростиславу, увѣдомивъ о происшедшемъ, не велѣлъ онъ идти на Юрья, какъ положено было сначала, а спѣшить скорѣе къ нему; Юрья же должны были удерживать Новогородцы и Смольяне, о чемъ повѣстить въ Рязань ко всѣмъ ротникамъ.

Въ Кіевъ послалъ тогда же онъ извѣстіе къ брату Володимеру, Митрополиту Климу и тысяцкому Лазарю, и велѣлъ имъ созвать Кіянъ на дворъ къ святой Софіи: пусть, де, посолъ мой скажетъ имъ мою рѣчь о лести Черниговскихъ князей.

Сошлись всѣ Кіяне отъ мала до велика на дворъ къ святой Софіи и сѣли. Открылося вѣче. Князь Володимеръ сказалъ митрополиту: «вотъ братъ Изяславъ прислалъ двухъ мужей Кіянъ, чтобъ они повѣдали братьѣ своей, что надъ нимъ удѣялося». —Добрыня и Радило выступили и сказали: «братъ твой цѣлуетъ тебя князь, кланяется митрополиту, цѣлуетъ Лазаря и Кіянъ всѣхъ! Кіяне сказали: «говорите, съ чѣмъ васъ князь прислалъ.» —Послы начали отъ имени князя: «я объявлялъ вамъ, что хотѣлъ идти на дядю Юрья съ братомъ Ростиславомъ и Давыдовичами, и приглашалъ васъ съ собою, а вы мнѣ отвѣчали, что не можете поднять руки на Володимере племя на Юрья, на Ольговичей же вызывались хоть съ дѣтьми. Теперь же, вотъ что я вамъ являю: Володимеръ Давыдовичь и Изяславъ, братъ его, и Святославъ Всеволодовичь, племянникъ мой, которому сдѣлалъ я столько добра, и который цѣловалъ крестъ мнѣ, — нынѣ поцѣловали, потай меня, къ Святославу Ольговичу, и сослалися съ Юрьемъ, а мнѣ измѣнили, замыслили либо убить меня, либо захватить въ Игоря мѣсто, но Богъ меня заступилъ, и крестъ, который они мнѣ цѣловали. Такъ собирайтесь же теперь ко мнѣ братья Кіяне, пойдемъ на Ольговичей къ Чернигову, чего вы хотѣли, что мнѣ обѣщали; доспѣвайте всѣ отъ мала и до велика; кто имѣетъ коня—на конѣ; у кого нѣтъ коня—въ ладьѣ. Ольговичи не меня одного хотѣли убить, а искоренить васъ всѣхъ».

Кіяне въ одинъ голосъ воскликнули: «рады, идемъ за тобою и съ дѣтьми, какъ ты хочешь. Славу Богу, что онъ избавилъ тебя и нашу братью отъ такой лести»?

Вдругъ одному человѣку вспади на умъ сказать: «хорошо, пойдемъ за княземъ, но надо подумать о себѣ: вспомнимъ, братцы, что случилось при Изяславѣ Ярославичѣ— злые люди выняли Полоцкаго Всеслава изъ поруба и поставили себѣ княземъ; нашему городу приключилось тогда много зла. И у насъ есть ворогъ—это Игорь; да сидитъ онъ не въ порубѣ, а въ святомъ Ѳедорѣ. Убьемъ его,—да и пойдемъ Чернигову, къ нашему князю, покончать съ ними со всѣми.»

Народъ взволновался при этихъ словахъ. Полноте, перестаньте, воскликнулъ молодой Володимеръ, братъ Изяславъ того не приказывалъ. «Знаемъ мы,» слышалось въ отвѣтъ, «что онъ не приказывалъ, да мы сами хотимъ убить Игоря.»

«Игоря блюдутъ сторожа. Его нечего бояться. Лучше пойдемъ прямо къ князю.»

«Нѣтъ,» кричали Кіяне, не слушая Володимера, «добромъ не кончитъ съ этимъ племенемъ, ни намъ, ни вамъ.»

Напрасно запрещали имъ, напрасно уговаривали ихъ митрополитъ, тысяцкій Лазарь, и Володимеровъ тысяцкой Рагуилъ, чтобъ они не трогали Игоря.

Они ничего не слыхали, кричали, буйствовали и бросились къ монастырю. Володимеръ вскочилъ на коня и погналъ впередъ, чтобы спрятать Игоря; на мосту столпилось множество людей, такъ что нельзя было проѣхать черезъ, и онъ поворотилъ коня направо, мимо Глѣбова двора, но объѣздъ былъ великъ,—Володимеръ не успѣлъ: когда онъ подъѣхалъ къ монастырю, Кіяне тащили уже изъ воротъ несчастнаго Игоря.

Услышавъ о народномъ волненіи на вѣчѣ, онъ ушелъ въ церковь и упалъ со слезами передъ образомъ, (которому теперь еще поклоняются съ благоговѣніемъ богомольцы въ Кіевской пещерѣ,) моляся объ отпущеніи грѣховъ, и о сподобленіи мученическаго вѣнца. Началась обѣдня. Какъ звѣри ворвались въ церковь разсвирѣпѣвшіе люди, бросились на Игоря, стащили съ него мантію и поволокли вонъ. Напрасно стоналъ Игорь: «за что вы, злодѣи, хотите убить меня какъ разбойника? Что я вамъ сдѣлалъ? Вы сами цѣловали мнѣ крестъ имѣть меня княземъ себѣ. Я не взыскиваю съ васъ ничего, я монахъ.» «Бейте его, бейте», раздавался крикъ въ буйной толпѣ, другіе рвали съ него одежды. Берите, берите все что хотите, раздѣньте хоть донага: нагъ изыдохъ изъ чрева матери моей, нагъ и отъиду.» Въ этотъ-то мигъ встрѣтилъ его Володимеръ въ воротахъ монастырскихъ.— «Охъ, брате, куда меня ведутъ они», воскликнулъ несчастный Игорь, увидѣвъ молодаго князя. Володимеръ соскочилъ съ коня, палъ на него и прикрылъ его своимъ корзномъ. «Братья моя!» умолялъ онъ Кіянъ, «не могите сотворити сего зла, не убивайте Игоря, и повелъ его, поднявшагося, подъ руки, къ воротамъ матери своей, вдовы великаго Мстислава, жившей близъ Ѳедоровскаго монастыря. Неистовая толпа за ними, осыпая ударами Игоря. Доставалось и Володимеру. Одинъ бояринъ, увидѣвъ своего Князя въ опасности, соскочилъ съ коня, и поспѣшилъ къ нему на помощь. Володимеръ успѣлъ оттащить Игоря на дворъ къ матери, и заперъ ворота, тамъ пустилъ его на Кожуховы сѣни, а толпа принялась бить Михаля, сорвала съ него крестъ на золотой цѣпи. Михаль убѣжалъ; другіе оборотились къ воротамъ, выломали ихъ, ворвались на дворъ. Они увидѣли Игоря на сѣняхъ, разбили сѣни подъ нимъ, стащили внизъ и принялись бить у лѣстницы, «конецъ всходъ.» «Владыко! прими въ мирѣ твоемъ душу мою!» стоналъ несчастный. Неистовые потащили за ноги, привязавъ къ нимъ веревки, тѣло еще дышащее, со Мстиславова двора, черезъ Бабинъ торжекъ, на княжій дворъ, и тамъ уже прикончили его сентября 19, въ пятницу. У святой Богородицы увидѣли они кола, возложили и повезли на подолье, гдѣ и бросили на торговищѣ. Проходившіе благовѣрные люди прикасались къ поруганному тѣлу, покрывались его одеждами, помазывались его кровію, взимали лоскуты отъ разодранныхъ одеждъ на спасеніе себѣ и на исцѣленіе. Володимеру дали знать, что тѣло брата его валяется на торговищѣ. Онъ послалъ тысяцкаго. Лазарь осмотрѣлъ тѣло, и видѣвъ, что оно мертво, сказалъ окружающимъ: «ну, вы убили Игоря, похоронимъ же по «крайней мѣрѣ тѣло его.» «Не мы убили его, кричали Кіяне,» а Давидовичи, Ольговичь, Всеволодичь; они замыслили зло на нашего князя, они хотѣли погубить его лестію, но Богъ за нимъ и святая Софія».

Тысяцкій велѣлъ положить тѣло по близости въ Новогородской божницѣ святаго Михаила. Тамъ оставалось оно ночь. Поутру разнесся слухъ, что зажглися всѣ свѣчи

надъ нимъ, но митрополитъ запретилъ Новогородцамъ разглашать о чудѣ. Поутру пріѣхалъ игуменъ св. Ѳеодора, гдѣ Игорь жилъ монахомъ, облекъ его тѣло въ монашескія одежды, отпѣлъ обычныя пѣсни, и отвезъ гробъ въ Симеоновскій монастырь, отца его Олега и дѣда Святослава, на концѣ города.

Изяславъ стоялъ тогда въ верховьѣ Супоя. Получивъ скорбное извѣстіе отъ брата, онъ заплакалъ и сказалъ: «еслибъ я зналъ, что это случится, я отправилъ бы Игоря куда-нибудь дальше, и тогда сбережена была бы жизнь его. Вотъ,» прибавилъ онъ, обратясь къ дружинѣ, теперь мнѣ не уйдти отъ порока великаго: скажутъ, Изяславъ велѣлъ убить Игоря, но Богъ тому свидѣтель, что я знать о томъ не зналъ и вѣдать не вѣдалъ. «Нѣтъ, князь,» утѣшали мужи, «напрасно ты печалишься о томъ, что скажутъ люди: Изяславъ убилъ его или велѣлъ убить! Люди всѣ знаютъ, и Богъ знаетъ, что убилъ его не ты, а братья его, которые крестъ тебѣ цѣловали, но крестъ переступили, и самого тебя погубить хотѣли.» Изяславъ жаловался на Кіянъ, и сказалъ въ заключеніе: «такъ тому и быть. Всѣ будетъ тамъ, а Богу судить».

Пришла вѣсть и къ Давыдовичамъ; тѣ переслали ее къ брату убіеннаго, а онъ съ горькими слезами повѣдалъ объ ней своей дружинѣ.

Святославъ, съ прибывшимъ къ нему Глѣбомъ Юрьевичемъ, вмѣсто умершаго внезапно Ивана Юрьевича, былъ въ то время уже далеко на пути своемъ къ цѣли. Они приступили къ Курску. Сынъ Изяслава Мстиславъ долженъ былъ оставить городъ, коего жители объявили ему, какъ Кіяне его отцу, что не могутъ поднять руки на Мономахова внука, хотя противъ Ольговичей готовы биться за него и съ дѣтьми. Почти все княжество Курское было занято, кромѣ нѣкоторыхъ городовъ, отбившихся.

Между тѣмъ начали уже поплачиваться и Давыдовичи: Ростиславъ сжегъ Любечь, опустошилъ окрестныя страны, много зла сотворилъ вездѣ; Изяславъ вышелъ къ нему на встрѣчу. Братья совѣтовались съ дружиною и Черными клобуками, какъ бы имъ пересѣчь путь противникамъ отъ Сулы, гдѣ они стояли.

Тѣ провѣдали объ ихъ намѣреніи, двинулись къ Чернигову, и успѣли миновать Всеволожь, гдѣ братья надѣялись ихъ настигнуть.

Съ сердцевъ взяли они Всеволожь на щитъ, и въ немъ еще два города, туда вошедшіе. Уневѣжъ, Бохмачь, Бѣлавѣжа и другіе города, услышавъ о взятіи Всеволожа, побѣжали къ Чернигову. Изяславъ и Ростиславъ послали за ними въ погоню, и взяли три города, а прочіе ушли. Братья велѣли сжечь стѣны. Глѣбльцы не успѣли бѣжать, но выдержали осаду, бившись съ утра и до вечера.

Изъ подъ Глѣбля Изяславъ и Ростиславъ воротились въ Кіевъ, отлагая походъ, пока рѣки станутъ.

Въ Кіевѣ на совѣтѣ Изяславъ рѣшилъ: «братъ, тебѣ Богъ далъ верхнюю землю, ты иди противъ Юрья съ Смольнянами и Новогородцами, призови къ себѣ своихъ ротниковъ, и держи тамъ Юрья, а я здѣсь буду управляться съ Ольговичами и Давыдовичами.

Ростиславъ отошелъ въ Смоленскъ.

Между тѣмъ Глѣбъ Юрьевичь изъ Курска занялъ городокъ отень, Остерскій, у Изяслава, и Изяславъ пригласилъ его къ себѣ въ Кіевъ. Онъ обѣщался придти, но не пришелъ, и повѣря навѣтамъ Жирослава вздумалъ-было овладѣть Переяславлемъ, но Мстиславъ Изяславичь успѣлъ ему поставить преграду.

Изяславъ пошелъ на него къ Городку. Напрасно прождавъ себѣ помощи, онъ принужденъ былъ поклониться Изяславу, и выѣхалъ изъ Городка.

Въ слѣдующемъ году, Изяславъ съ помощію Угорской, (1148) съ Берендѣями, съ полкомъ Володимеровымъ и Вечеславовымъ двинулся къ Чернигову и опустошилъ всѣ села. Оттуда пустился къ Любчу, «идѣже ихъ вся жизнь» и повоевалъ также страну. Давыдовичи съ союзниками, вышедъ за ними, не могли помѣшать имъ ни мало, и должны были остановиться передъ рѣкою у Любча. Стрѣльцы съ обѣихъ сторонъ бились. Пошелъ дождь. Изяславъ сказалъ мужамъ своимъ и Únгpамъ: изъ за рѣки нельзя намъ биться, а за нами Днѣпръ «располиваетъ»: пойдемъ за Днѣпръ. На другой день они переправились благополучно на свою сторону.

Брата Ростислава Изяславъ извѣстилъ такъ: «брате, являю ти, на Олговичи къ Чернигову ходилъ, и на Олговѣ стоялъ, и много имъ зла учинилъ, землю ихъ повоевалъ, и оттуду идохомъ къ Любчю,... и разъиде ны съ ними рѣка, и нельзѣ бы ны ся съ ними тою рѣкою биться полкомъ, и на ту ночь бысть дождь великъ, и бѣ на Днѣпрѣ ледъ лихъ, и того дня поидохомъ на ону сторону. И тако Богъ, и Святая Богородица, и сила животворящаго креста, приведе ны въ здоровьи въ Кіевъ, и тебѣ, братъ, прашаю, въ здоровьи ли еси, и што ти тамо Богъ помогаетъ.»

Давыдовичи вмѣстѣ съ Ольговымъ, стѣсненные со всѣхъ сторонъ, и не получавшіе помощи отъ Юрья, принуждены были, согласясь между собою, просить мира у Изяслава: такъ было при отцахъ и дѣдахъ нашихъ,—миръ стоитъ до рати, а рать до мира. Не упрекай насъ, что мы вставали на рать: жаль намъ было брата нашего Игоря. Мы хотѣли только, чтобы ты пустилъ его. А теперь братъ нашъ убитъ, къ Богу пошелъ,—намъ всѣмъ тамъ быти,—а то Богу правити. А мы доколѣ будемъ Русскую землю губить, а быхомъ ся уладили!

Изяславъ отвѣчалъ: «братья! чего же лучше,—христіянъ блюсти. Вы совѣчались на снемѣ, дайте и мнѣ погадать съ братомъ Ростиславомъ.»

И онъ послалъ мужей къ Ростиславу сказать: «братья Володимеръ и Изяславъ Давыдовичи, Святославъ Ольговичь и Святославъ Всеволодовичь, просятъ у меня мира. А я пока гадаю съ тобою, какъ намъ обоимъ будетъ годно. Скажи мнѣ, хочешь ли ты мира? Дадимъ миръ, благо они просятъ его, хоть и причинили намъ много зла. Хочешь ли рати—я отдаю на волю твою.»

«Кланяюсь тебѣ,» отвѣчалъ Ростиславъ, «ты меня старѣе. Какъ ты угадаешь, такъ и будетъ, я готовъ на все; если же ты на меня честь возлагаешь, то я, братъ, сказалъ бы вотъ что: Русскихъ ради земель, христіанъ ради, миръ для меня лучше! Они вставали па рать, а что успѣли! Умирися братъ, лишь бы они отложили вражду про Игоря, и не дѣлали того, что думали дѣлать; если же продолжать имъ вражду про Игоря, то лучше оставаться съ ними въ рати, и пусть разсудитъ насъ Богъ.»

Изяславъ, услышавъ такой отвѣтъ, послалъ Чернигову Бѣлогородскаго епископа Ѳеодора и Печерскаго игумена Ѳеодосія съ мужами, которые должны были сказать Князьямъ его слова: «вы цѣловали мнѣ крестъ не искать брата Игоря, и переступили того, и разобидѣли меня до сыти; нынѣ я все то забываю Русской земли деля и христіанъ деля. Если вы каетеся о томъ, что учинить хо-

тѣли, и мира у меня просите, то цѣлуйте мнѣ крестъ.

И князья цѣловали крестъ въ святомъ Спасѣ вражду про Игоря отложить, блюсти Русскую землю, и быть всѣмъ за одинъ братъ.

Положеніе Изяславово становилось лучше. Пришелъ къ нему еще значительный помощникъ съ вражеской стороны: старшій сынъ Юрьевъ. Ростиславъ, раскоторававшись съ отцемъ, и, поклонясь Изяславу, сказалъ ему: «отецъ меня обидѣлъ и не далъ мнѣ волости въ Суздальской землѣ; я пришелъ къ тебѣ— ты старше всѣхъ въ Володимеровыхъ внукахъ; я хочу потрудиться за Русскую землю и ѣздить подлѣ тебя. Богъ и ты»!

Изяславъ отвѣчалъ: «всѣхъ насъ старше отецъ твой, но не умѣетъ жить съ нами въ ладу, а мнѣ дай Богъ имѣть васъ всѣхъ братьевъ моихъ, и весь родъ мой, въ правду, какъ и душу свою. Отецъ не даетъ тебѣ волости, а я тебѣ даю,» —и далъ ему Бужскъ, Межибожье, Котельницу и еще два города.

Изяславъ былъ очень доволенъ, пріобрѣвъ себѣ столько союзниковъ, и рѣшился смирить остальнаго врага—Юрья.

Онъ взялъ съ собою Ростислава на снемъ въ Городецъ, гдѣ объявилъ Давыдовичамъ, что хочетъ идти на Юрья за его обиды Новгороду. «Стрый мой Юрій обижаетъ изъ Ростова мой Новгородъ: отнимаетъ дани и пакоститъ по дорогамъ. Я хочу идти на него, и управить дѣло либо миромъ, либо ратью. Вы цѣловали мнѣ крестъ—пойдемъ-теже вмѣстѣ. А отчего не пришли сюда Святославъ и сестричичь мой?

Давыдовичи отвѣчали: «сестричичь твой и Святославъ не пріѣхали, а мы крестъ цѣловали на томъ быть съ тобою, гдѣ будетъ твоя обида.»

Положено подняться къ Ростову, лишь станутъ льды: Давыдовичамъ и Ольговичамъ, (хотя они не пріѣзжали на снемъ), чрезъ Вятичи, —а Кіевскому князю чрезъ Смоленскъ: соединиться же всѣмъ на Волгѣ.

Князья обѣдали у Изяслава, пребывши въ любви и весельѣ, и разъѣхались. Ростиславъ Смоленскій просилъ дочери у Святослава Ольговича за старшаго сына Романа, который и приведенъ былъ изъ Новогорода въ недѣлю по водохрещахъ (янв. 9,1149 г.)

Отправляясь въ походъ, великій князь Изяславъ распорядился такъ: въ Кіевѣ оставилъ брата Володимера, въ Переяславлѣ сына Мстислава, а Ростиславу сказалъ: «иди въ Бужскъ, постереги оттуда Русской земли, пока я схожу на твоего отца, и возму съ нимъ миръ, или улажусь иначе.» Полкамъ велѣлъ Изяславъ слѣдовать за собою, а самъ уѣхалъ впередъ къ брату Ростиславу въ Смоленскъ.

Въ Смоленскѣ братья свидѣлись и провели время въ великой любви и весельѣ съ своими дружинами: не было счета ихъ взаимнымъ подаркамъ. Изяславъ дарилъ Ростислава произведеніями Русской земли и царскихъ Греческихъ земель, а Ростиславъ дарилъ произведеніями верхнихъ сѣверныхъ земель и отъ Варяговъ.

Къ Юрью отправили они мужа съ рѣчами, но не получили отъ него никакого посольства, ни отвѣта. Изъ Смоленска Изяславъ съѣздилъ въ Новгородъ, въ малѣ дружинѣ, намѣреваясь пригласить съ собою Новогородцевъ, и приказалъ Ростиславу дожидаться его на устьѣ Медвѣдицы, гдѣ назначено сняться всѣмъ вмѣстѣ.

Новогородцы обрадовались радостью великою, услышавъ что идетъ къ нимъ самъ великій князь Изяславъ, и посыпали къ нему на встрѣчу, иные за три дня пути до Нова-

города, другіе за день, «всѣми силами.» — И шелъ Изяславъ въ городъ съ великою честію. Въ воскресенье встрѣтилъ его сынъ Ярославъ съ боярами Новогородскими, и всѣ поѣхали вмѣстѣ къ обѣднѣ у святой Софіи. Послѣ обѣдни Кіевскій князь, и сынъ его Новгородскій князь, послали подвойскихъ и бирючей кликать по улицамъ и звать всѣхъ людей къ князю на обѣдъ, отъ мала и до велика; — граждане сошлись, обѣдали вмѣстѣ въ полномъ удовольствіи и веселые разошлись по домамъ.

На другой день по утру велѣлъ Изяславъ звонить вѣче на Ярославовомъ дворѣ; Новогородцы и Псковичи сошлись на вѣче. Изяславъ сказалъ: «вы братья, и сынъ мой, присылали ко мнѣ жаловаться, что васъ обижаетъ стрый мой Юрій; я оставилъ Русскую землю изъ-за васъ и изъ-за вашихъ обидъ; и вотъ я здѣсь; гадайте же братья, какъ на него идти: либо миръ возмемъ съ нимъ, либо ратью кончимъ.» Ты нашъ князь, ты нашъ Володимеръ, ты нашъ Мстиславъ, ради съ тобою идти, за свои обиды, закричало въ одинъ голосъ все вѣче. «Всѣ идемъ,» воскицали Новогородцы, «всякая душа, — хоть дьячекъ, будь у него гуменцо прострижено, но не поставленъ, иди и тотъ, а поставленъ, пусть молится Богу».

Итакъ пошли съ Изяславомъ всѣ Новогородцы, Псковичи и Корела. На устьѣ Медвѣдицы онъ остановился ждать Ростислава. Черезъ четыре дня пришелъ вѣрный братъ съ полками Смоленскими и Русскими; а Черниговскіе князья не сдержали своего слова: они остановились въ своихъ Вятичахъ, выжидая, что будетъ съ Изяславомъ и Юрьемъ. Изяславъ сказалъ брату Ростиславу: «хоть они не идутъ какъ обѣщали, но лишь бы Богъ съ нами былъ!» Братья отправились внизъ по Волгѣ, подступили къ Коснятину, а вѣсти отъ Юрья все еще не было: ни посла своего къ нимъ не отправилъ, ни ихъ посла не отпустилъ. Они начали жечь его города и села, и воевать всю землю обаполъ Волги, потомъ двинулись на Углече поле, а оттуда на устье Мологи, и пустили Русь воевать съ молодымъ Ярославомъ.

Между тѣмъ наступило тепло, около Вербной недѣли, а вода по Волгѣ и Мологѣ поднялась лошадямъ по брюхо. Новгородцы и Русь воротились отъ Ярославля, сотворивъ много зла землѣ той, и принеся съ собой много полона. Изяславъ съ братомъ видя, что рѣки рушаются, рѣшились прекратить опустошенія. И такъ Ростиславъ пошелъ въ Смоленскъ, Изяславъ въ Новгородъ, а дружина Русская «они съ Ростиславомъ идоша, а друзіи кому куда годно»,

Изяславъ, воротясь въ Кіевъ, услышалъ много наговоровъ на Ростислава Юрьевича: «онъ замышлялъ много зла, подговаривалъ на тебя людей, Берендѣевъ и Кіянъ: только бъ помогъ Богъ отцу его, и ему въѣхать бы въ Кіевъ, домъ твой взять, и брата твоего захватить, и жену твою; пусти его къ отцу: это твой врагъ, и ты держишь его на свою голову.»

Изяславъ велѣлъ ему придти къ себѣ; онъ стоялъ тогда на Выдобичѣ противъ святаго Михаила, на островѣ. Изяславъ выслалъ по него насадъ свой, въ которомъ тотъ съ дружиною, что съ нимъ было, и переправился. Для него приготовленъ былъ особый шатеръ. Изяславъ велѣлъ ему высѣдши идти въ шатеръ, и послалъ къ нему мужей своихъ сказать: «ты, братъ, пришелъ ко мнѣ отъ отца, оже отецъ тебя пріобидѣлъ, и волости тебѣ не далъ; я принялъ тебя въ правду, какъ достойнаго брата своего, и волость тебѣ далъ, какой отецъ тебѣ не

давалъ, и приказалъ тебѣ стеречь Русскоіі земли, пока я управлюсь, какъ Богъ дастъ, съ отцемъ твоимъ. Ты же удумалъ, я слышу теперь, еслибъ Богъ помогъ отцу твоему на меня, въѣхать въ Кіевъ, брата моего схватить, и сына и жену, и домъ моіі взять.»

Ростиславъ отвѣчалъ: «братъ и отецъ! ни въ умѣ ни въ сердцѣ моемъ того не бывало; кто на меня молвитъ, я готовъ съ нимъ на очную ставку, князь ли, мужъ ли который, изъ христіанъ или поганыхъ,—ты старше меня, суди меня съ нимъ.»

«Нѣтъ,» возразилъ Изяславъ, «этого не проси, сдѣлать я немогу: ты хочешь заворожить меня съ христіанами ли то, или съ погаными. Зла я тебѣ не творю, ступай къ отцу.»

И посаженъ онъ былъ въ насадъ съ четырьмя только отроками, и отправленъ въ верхъ по Днѣпру; дружина его взята подъ стражу, имѣніе отнято.

Ростиславъ пришелъ къ отцу въ Суздаль, и ударилъ предъ нимъ челомъ.—Юрій сжалился надъ сыномъ своимъ, въ его соромѣ, и сказалъ: «неужели нѣтъ мнѣ и дѣтямъ моимъ никакоіі части въ Русскоіі землѣ?» «Иди,» возбуждалъ его озлобленный княжичь, «вся Русская земля и Черные клобуки хотятъ тебя за свое безчестье.»

И Юрій рѣшился: собравъ силу свою, дождавшись Половцевъ, пустился онъ въ походъ, выступилъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ на Вятичи.

Володимеръ Давидовичь далъ знать Кіевскому Великому князю: «Юрій, стрый твой, идетъ на тебя, и уже вошелъ въ наши Вятичи. Мы цѣловали крестъ быть всѣмъ съ тобою за одно; пристроивайся.»

Изяславъ, получивъ извѣстіе, началъ доспѣвать, а Давидовича возблагодарилъ: «братъ! помогай тебѣ Богъ за твою вѣрность! Се мужъ моіі, ты приставь къ нему своего, и пошлемъ вмѣстѣ къ Святославу Ольговичу.»

Володимеръ отвѣчалъ послу Кіевскому: «мы съ братомъ стоимъ въ крестномъ цѣлованіи, и не даіі Богъ соступить его; но хорошо, еслибъ управилъ и братъ Святославъ.»

Посланные мужи, пріѣхавъ къ Святославу, сказали ему: »такъ говоритъ тебѣ Изяславъ —вотъ братъ, идетъ на меня стрый Юріі; помоги же мнѣ, какъ помогаютъ братья Володимеръ и Изяславъ.»

И мужи отъ Давидовичей подтвердили: «братья твои Володимеръ и Изяславъ говорятъ тебѣ:—мы крестъ цѣловали, быть всѣмъ за одно, мы доспѣваемъ, доспѣваіі и ты!»

Святославъ смолчалъ, и не далъ никакого отвѣта; только сказалъ имъ: «ступайте въ товары ваши, я васъ позову.—Онъ держалъ ихъ тамъ недѣлю, поставя сторожей, дабы никто не имѣлъ съ ними сношенія, а между тѣмъ послалъ къ Юрью спросить: въ самомъ ли дѣлѣ ты идешь на Изяслава, скажи мнѣ правду,—не погуби волости моеіі, ни введи меня въ тяготу.

«Какъ не идти мнѣ въ самомъ дѣлѣ,» отвѣчалъ Юріі, «племянникъ моіі Изяславъ приходилъ на меня, волость мою повоевалъ и пожегъ, да и сына моего выгналъ изъ Русской земли, онъ возложилъ на меня срамъ; или сниму съ себя срамъ, земли своеіі. ища, и честь свою наіiду, или сложу свою голову.

Святославъ, выведенный изъ сомнѣнія такимъ отвѣтомъ, призвалъ пословъ и далъ отвѣтъ: «вороти мнѣ имѣніе брата моего, и я съ тобою буду.«

Изяславъ не медля прислалъ вновь посла къ Святославу сказать: «братъ! ты цѣловалъ вѣдь мнѣ крестъ отложить вражду за Игоря и за товары его. Что же теперь ты поминаешь ее, когда стрый идетъ на меня ратью.

Теперь надо управить честному кресту. Вижу я, что ты не хочешь быть со мною, ты переступилъ уже крестное цѣлованіе, не ходя вмѣстѣ на Волгу,—а что было со мною! Такъ и теперь, лишь бы Богъ не оставилъ меня и крестная сила!»

Юрій шелъ впередъ и остановился у Ярышева. Тутъ примкнулъ къ нему Святославъ Ольговичь, котораго не покидала жажда мести и ненависть къ Изяславу: «Братъ,» сказалъ онъ Юрью, «всѣмъ намъ врагъ Изяславъ. Онъ убилъ нашего брата.»

Совокупяся Святославъ Ольговичь и Юрій послали пословъ къ Давидовичамъ, желая отвесть ихъ отъ союза съ Изяславомъ Мстиславичемъ: «Братья, пойдемъже на Изяслава! Тѣ отвѣчали: «не можемъ; ты цѣловалъ намъ крестъ, а помощи не подалъ; Изяславъ приходилъ, землю нашу повоевалъ, и города наши по Задесныо пожегъ,—мы были доведены до крайности, и поцѣловали ему крестъ. И такъ мы не смѣемъ играть душею, и остаемся съ нимъ.» Тотчасъ дали они знать Изяславу о походѣ Юрья вмѣстѣ съ Святославомъ Ольговичемъ.

Юрій подошелъ къ Старой Бѣлойвежѣ, и стоялъ тамъ мѣсяцъ, ожидая Половцевъ, а оттуда пошелъ на Супой, гдѣ подоспѣлъ къ нему Всеволодовичь, (въ угоду дядѣ Святославу, вопреки своему желанію), и многое множество Половцевъ. Тогда двинулся онъ къ Переяславлю, спѣша взять его прежде, нежели Изяславъ придетъ на помощь.

Грозно было ополченіе Юрьево. Изяславъ сказалъ: «еслибъ дядя пришелъ только съ своими сыновьями, я уступилъ бы ему волость любую, но онъ привелъ на меня Половцевъ и враговъ моихъ Ольговичей,—такъ я хочу съ нимъ биться.»

Кіяне не соглашались ему содѣйствовать: «мирись Князь,» говорили они, «мы нейдемъ.» Изяславъ упросилъ ихъ идти, чтобъ ему выгоднѣе было по крайней мѣрѣ помириться отъ силы—и они пошли.

У Витичева соединились братья: Изяславъ, Ростиславъ и Изяславъ Давидовичь, уговорясь заранѣе, лишь проминетъ Юрій Черниговъ Они удумали перебрести Днѣпръ, и предъ Альтою услышали, что уже стрѣльцы Юрьевы переѣхали черезъ Стряковъ, а Половцы приближаются къ городу. Братья поспѣшили на помощь къ осаждаемымъ. Ихъ раздѣлялъ Трубежъ. Стрѣльцы перестрѣливались. На ночь прислалъ сказать Юрій Изяславу: «ты, братъ, приходилъ на меня, повоевалъ мои земли, и снялъ съ меня старѣйшинство; нынѣ, братъ и сынъ, не станемъ болѣе проливать крови христіанской, христіанъ дѣля и Русской земли: отдай мнѣ Переяславль, и я посажу въ немъ сына, а ты сиди царствуя въ Кіевѣ; не хочешь—буди воля Божія!»

Изяславъ не согласился, и даже посла не отпустилъ; весь выправился за городомъ, и сталъ на болоньѣ, а товары расположены у него были за огородами. Поутру отслушалъ онъ обѣдню у святаго Михаила. Евфимій Епископъ, со слезами провожая его просилъ: «Князь, примирися съ стрыемъ своимъ, много спасенія примешь отъ Бога, и избавишь землю свою отъ великой бѣды!» «Нѣтъ, не могу; я добылъ головою Кіева и Переяславля,» отвѣчалъ Изяславъ, надѣясь на множество своихъ воевъ, и выступилъ на Юрья. Вечеромъ, съ братьями Ростиславомъ и Володимеромъ, сыновьями Мстиславомъ и Ярославомъ, созвалъ онъ бояръ своихъ и всю дружину свою, и началъ думать, идти ли къ Юрью на ту сторону за Трубежъ. Одни

мужи говорили: «Князь не ѣзди—ты видишь, онъ пришелъ отнимать земли, утрудился, а не успѣлъ ничего, уже поворотилъ, и на ночь вѣрно отойдетъ прочь.» А другіе понуждали его: «поѣзжай Князь, Богъ привелъ его къ тебѣ, не упускай его изъ рукъ.»

Изяславъ выслушалъ обоихъ и излюбилъ послѣднюю думу, переправился черезъ Трубежъ, и не всходя на гору, сталъ на лугѣ. Около полудень выбѣжалъ перескокъ изъ Юрьева полка, Суздальцы погнались за нимъ, а Изяславовы сторожа исполошились и закричали: рать! Изяславъ двинулся съ полками.

Юрій, Святославъ Ольговичь и Святославъ Всеволодовичь, исполчили полки свои, вышли насупротивъ, и остановились за валомъ. Такъ стояли полки до вечера, и смотрѣли другъ на друга, стрѣльцамъ бьющимся между ими. Къ ночи Юрій опять оборотилъ свои полки назадъ къ товарамъ. Изяславъ хотѣлъ ихъ преслѣдовать, а братья отговаривали: «не ѣзди, пусти ихъ въ товары, они твои навѣрное;» другіе говорили даже, что они уже бѣгутъ. Любы были такія рѣчи Изяславу; нетерпѣливо хотѣлъ онъ преслѣдовать, а они вѣрно того и ожидали, оборотились. Юрій по срединѣ, сыновья его по праву, а Ольговичь и Всеволодичь по лѣву. Сѣча злая началась, и кончилась не такъ, какъ ожидалъ Изяславъ: сперва побѣжали Поршане, потомъ Изяславъ Давидовичь, потомъ Кіяне, а Переяславцы, у которыхъ и прежде была перемолвка съ сыномъ Юрьевымъ, оставшимся въ Городцѣ, измѣнили среди дѣла: «Юрій намъ князь свой, его искать бы намъ и издалеча,» воскликнули они, и перескочили на его сторону. Полки Изяславовы и Ростиславовы замѣшалися. Самъ Изяславъ сшибся полкомъ своимъ съ Святославомъ Ольговичемъ и съ половиною полка Юрьева, пробрался сквозь, и оглянувшись назадъ, увидѣлъ за ними, что всѣ его полки разсыпаны; ему нечего было дѣлать, какъ бѣжать; онъ переправился черезъ Днѣпръ только самъ-третій у Канева. Юрій, одержавъ полную побѣду, вступилъ въ Переяславль, поклонился святому Михаилу, и остался тамъ три дня; на четвертый день пошелъ онъ къ Кіеву, и остановился по лугу противъ монастыря.

Изяславъ былъ уже тамъ. Сгадавше съ братомъ Ростиславомъ, открылся онъ Кіянамъ: «се стрый идетъ на насъ. Можете ли вы биться за насъ?» они отвѣчали: «господина наю князя! не погубите насъ до конца. Отцы, братья и сыновья наши на полку, одни избіены, а другіе изойманы, и оружіе снято; идите лучше въ свои волости, чтобъ не взяли насъ на полонъ. Вы вѣдаете, что намъ съ Юрьемъ не ужиться; послѣ—лишь только увидимъ ваши стяги, станемъ подлѣ васъ.»

Возражать было нечего. Тяжело было Изяславу отказаться отъ добычи, которую мнилъ онъ крѣпко держать въ рукахъ, а долженъ былъ уступить необходимости. Взявъ жену, дѣтей, митрополита Клима, поѣхалъ онъ печальный въ свой старый Владимиръ, Ростиславъ отошелъ къ Смоленску.

Юрій съ великою радостію вошелъ въ Кіевъ, и занялъ столъ отца своего. Тотчасъ разсажалъ сыновъ своихъ по главнымъ городамъ Кіевскимъ: старѣйшаго Ростислава посадилъ онъ въ Переяславлѣ, Андрея во Владимирѣ, Бориса въ Бѣлградѣ, Глѣба въ Каневѣ, а Васильку отдалъ Суздаль. Вѣрный союзникъ его, закоренѣлый врагъ Изяславовъ, Святославъ Ольговичь, сказалъ: «держиши отчину мою» и, въ награду за труды, вытребовалъ Курскъ съ Посемьемъ, и взялъ еще Сновскую тысячу отъ Кіевской волости, Слуцкъ, Клецкъ и всѣхъ Дреговичей. Воло-

димеръ Давидовичь Черниговскій пришедъ поклонился Юрью. Володимеръ Галицкій вступилъ съ нимъ въ союзъ.

Но Изяславъ не думалъ уступить такъ легко и скоро Кіевское княжество, которымъ владѣлъ три года. Онъ началъ искать себѣ помочи въ чужихъ земляхъ. Послалъ просить ея въ Угры къ зятю своему королю Гейзѣ, въ Ляхи къ свату Болеславу, съ его братьями Мстиславомъ и Генрихомъ, и къ Чешскому князю Владиславу, также свату,—чтобъ всѣли они на коней и шли полками своими къ Кіеву, а если самимъ будетъ немочно, чтобъ отпустили полки съ меньшей братьею, или воеводами.

Король Венгерскій отказался по причинѣ войны съ Императоромъ; если же буду порѳженъ, то приду самъ, или пущу полки. Ляшскіе князь сказали: мы съ тобой сосѣди; оставимъ дома одного, а двое придемъ къ тебѣ. Чешскій князь отвѣчалъ, что готовъ привести помочь.

Изяславъ послалъ опять къ нимъ пословъ и въ Угры, и въ Ляхи, и въ Чехи, съ дарами и честію великою: «награди васъ Богъ братья за то, что хотите помогать мнѣ. Садитесь же на коней о Рожествѣ.»

И о Рожествѣ сѣли они всѣ на коней. Королъ Венгерскій прислалъ 1000 всадниковъ съ такими рѣчами: «вотъ тебѣ полки мои, а самъ я хочу подступить подъ горы Галицкаго князя, чтобъ не могъ онъ двинуться противъ тебя; ты справляйся съ кѣмъ у тебя обида; если полки мои иструдятся, я пущу тогда другіе сильнѣйшіе, либо самъ сяду на коня.»

Пріѣхалъ и Князь Польскій Болеславъ съ братомъ Генрихомъ, а Мстислава оставили они стеречь землю отъ Прусъ.

Изяславу хотѣлось склонить на свою сторону старшаго дядю Вячеслава, княжившаго въ Пересопницѣ: «Будь мнѣ въ отца мѣсто, садись въ Кіевѣ а съ Юрьемъ я не могу жить! Если же ты не хочешь принять меня въ любовь, и не идешь сидѣть въ Кіевѣ, я пожгу твою волость.»

Вячеславъ передалъ его рѣчи къ Юрью въ Кіевъ вмѣстѣ съ вѣстями: «Угры уже идутъ, Ляшскіе князья сѣли также на коней, Изяславъ доспѣваетъ: либо дай ему, чего онъ хочетъ, либо иди съ полками ко мнѣ заступить мою волость, которую онъ грозится жечь, если я не приму его стороны. Я жду тебя—мы разсудимъ здѣсь вмѣстѣ, что намъ Богъ дастъ, добро или зло. Если же не придешь, то на меня не жалуйся.»

Юрій выступилъ со всею своею силою, и нанятыми дикими Половцами.

Между тѣмъ союзники собрались у Изяслава. Онъ далъ имъ обѣдъ, учестилъ великою честію, одарилъ многими дарами,—и по долгомъ весельѣ разошлись всѣ по товарамъ, а на другой день выступили въ походъ. ВъЛуцкѣ Болеславъ, Король Польскій, опоясалъ мечемъ многихъ сыновъ боярскихъ.

А въ Пересопницу къ Вячеславу собрались уже всѣ сыновья Юрьевы. Пришла помощь Галицкая, самъ Володимеръ приступалъ къ Шумску.

Наконецъ Юрій пришелъ въ Пересопницу. Ляхи и Угры испугались. Изяславъ съ своими союзниками двинулся отъ Луцка къ Чемерину на Олыкѣ, какъ вдругъ получаетъ Болеславъ и Генрихъ вѣсть отъ брата ихъ Мстислава о нападеніи Прусовъ на ихъ землю. Болеславъ и Генрихъ передали вѣсть Изяславу, что было ему вельми нелюбо, долго думали они, и послали пословъ къ Юрью и Вячеславу: «вы намъ отца въ мѣсто, а нынѣ заратились съ сыномъ и братомъ своимъ Изяславомъ. Мы всѣ по Бозѣ христіане, одна

братія себѣ, и должны быть вмѣстѣ за одно. Намъ хочется, что бы вы уладились между собою. Пусть сидитъ въ Кіевѣ тотъ кому слѣдуетъ—вы это знаете. А Изяславу принадлежатъ Владиміръ, Луцкъ и прочіе города. Но Юрій долженъ воротить Новугороду всѣ его дани.»

Вячеславъ и Юрій отвѣчали: «спаси Богъ васъ, зятя нашего Короля, и брата нашего Болеслава, и сына нашего Генриха за то, что желаете добра между нами; но если вы хотите, чтобъ мы помирились, такъ не стойте на нашей землѣ, не губите нашей жизни, ни нашихъ селъ, а ступайте домой, Изяславъ же во Владиміръ. Тогда мы съ бравомъ и сыномъ нашимъ урядимся.»

Изяславъ и Болеславъ, Генрихъ и Угры, разъѣхались.

Русскіе князья стали пересылаться между собою послами. Изяславъ требовалъ всѣхъ даней Новогородскихъ Новугороду по старинѣ, а Юрій не соглашался.

Этого мало. Когда Угры и Ляхи ушли отъ Изяслава, Юрій вздумалъ выгнать Изяслава даже изъ его волости, и двинулся съ сыновьями и Половцами къ Луцку.

Сыновья, Андрей и Ростиславъ, шли стороною впередъ. Когда они стояли подъ Муровицей, Андрей впереди, за нимъ Ростиславъ, ночью, вдругъ всполошился станъ, не извѣстно по какой причинѣ. Половцы бросились бѣжать съ воеводою своимъ Жирославомъ. Ростиславъ, испуганый, послалъ звать брата, торопя его скорѣе назадъ. Тотъ не тронулся съ мѣста. Собственная дружина приступила къ нему: «что ты ждешь князя, отъѣзжай прочь, или хочешь добыть себѣ сорома?» Твердый Андрей не послушался ни кого, стерпѣлъ весь переполохъ, и дождался свѣта.

По утру увидя, что Половцевъ никого нѣтъ и что ему одному дѣлать нечего, онъ отошелъ спокойно къ брату, куда съѣхались и всѣ Половецкіе князья. Рѣшено было воротиться къ Дубну, и ждать помочи отъ отца. Между тѣмъ Юрій заходилъ къ Луцку съ другой стороны. Младшіе князья, узнавъ объ его прибытіи, двинулись туда двумя дорогами. Приближась къ городу, они увидѣли точно стяги отца своего, и дружину городскую, выходящую напасть на его товары.

Андрей вздумалъ ударить тотчасъ на Лучанъ, братьямъ это было не въ догадъ, даже стягъ его не былъ взволоченъ, потому что онъ не любилъ величаться на рати. Стремительно бросился онъ, сопровождаемый своею дружиною, на непріятельскихъ пѣшцевъ, и изломалъ копье въ первомъ супротивнѣ. Пѣшцы, не выдержавъ его натиска, оборотились назадъ по гроблѣ къ городу. Андрей въ запальчивости погнался за ними, уже одинъ безъ дружины, потерявшей его въ схваткѣ изъ виду. Только изъ меншихъ дѣтскихъ двое увидѣли изъ далека своего князя, попадающаго въ бѣду, и поскакали къ нему на помощь, а онъ уже былъ обступленъ врагами, двумя копьями пораженъ былъ его конь, третье ударилось въ лукъ сѣдельный; Нѣмчинъ напиралъ на него съ рогатиною; а изъ города камни, какъ дождь сыпались на него; тогда только онъ опомнился. Вотъ хочетъ мнѣ быть смерть Ярославича, онъ помыслилъ въ сердцѣ своемъ, обратился съ молитвою къ мученику Ѳеодору, (котораго память въ тотъ день праздновалась), выхватилъ мечь, и оборонился отъ удара. Все это происходило въ мгновеніе ока,—одинъ изъ дѣтскихъ его уже убитъ, а онъ какъ то ловко успѣлъ поворотить коня, и тотъ, весь истекая кровью, вынесъ его изъ толпы

враговъ. Доскакавъ до стана вѣрный конь палъ мертвый отъ ранъ на землю. Отецъ Юрій, дядя Вячеславъ и вся братья, обрадовались безъ памяти увидя Андрея живаго, спасшагося чудесно отъ видимой смерти; мужи отни дали ему похвалу великую, зане мужески сотвори паче бывшихъ всѣхъ ту. Князь Андрей велѣлъ погребсти коня своего надъ рѣкою Стыремъ «жалѣя его удали.»

Шесть недѣль всего на все стояли князья подъ Луцкомъ, и Володимеръ Мстиславичь началъ изнемогать въ городѣ. Изяславъ пришелъ къ нему на помощь, биться съ Юрьемъ. Но въ тоже время приблизился къ Юрью и союзникъ его Володимеръ Галицкой, и сталъ между Владиміромъ и Луцкомъ. Онъ разъѣхалъ противниковъ, и старался примирить между собою.

Изяславу становилось трудно, и онъ смирился. Введи меня въ любовь къ дядѣ моему, а твоему свату Юрью, послалъ онъ сказать Володимеру, я виноватъ передъ Богомъ и передъ нимъ.

Володимерко согласился, но Ростиславъ, обиженный, вправду или нѣтъ, Изяславомъ, отговаривалъ отца отъ мира. Другой противникъ его былъ Ярославичь, Юрій. А второй сынъ Юрьевъ Андрей оказалъ милосердіе: «не слушай Ярославича,» говорилъ онъ, примири къ себѣ сыновца, «не губи отчины, отче господине. Помяни слово писаное: се коль добро еже жити братья вкупѣ.»

Многоглаголивый Князь Галицкой говорилъ старшимъ князьямъ: «Богъ поставилъ насъ волостелями въ месть злодѣямъ, и въ добродѣтель благочестивымъ. Не прощая виноватыхъ, можемъ ли мы сами молиться: остави намъ прегрѣшенія наши, яко же и мы оставляемъ ихъ. Племянникъ вашъ Изяславъ, почти сынъ вашъ, не оправдывается предъ вами, но кланяется и милости проситъ. Я не простой ходатай между вами,—а отъ Бога: Ангеловъ Богъ не посылаетъ, а Пророковъ и Апостоловъ нѣту.»

Вячеславъ, отъ рожденія добрый, поткнулся къ ряду и любви; здѣсь дѣйствовало и опасеніе, чтобы Изяславъ, по отбытіи Юрья, не сталъ тревожить его волостей. Онъ началъ уговаривать всѣхъ меньшихъ братьевъ помириться, чтобъ Русская земля расплодилася и размогла въ братской любви князей.

Юрій склонился,—и всѣ князья заключили между собою миръ: Изяславъ уступилъ Юрью Кіевъ, а Юрій обязался возвратить всѣ дани Новгородцамъ, также все пограбленное по Переяславскому полку; челядь, стада и прочее должно было вручить хозяевамъ, что кто узнаетъ. Уладившись такъ, князья поцѣловали крестъ и разъѣхались, а весной заключили и миръ—въ Пересопницѣ, гдѣ былъ общій снемъ.

Юрій хотѣлъ было предоставить Кіевъ старшему брату Вячеславу, но бояре размолвили его: «брату твоему не удержать Кіева, и не достанется онъ ни тебѣ, ни ему.» Юрій далъ брату Вышгородъ.

Изяславъ, согласно договору, прислалъ мужей и тіуновъ своихъ за стадами и товарами, ихже отшелъ. Мужи его одни явились сами, а другіе послали своихъ тіуновъ. Всѣ они пріѣхали въ Кіевъ къ Юрью, и начали познавать свое. Но Юрій заспорилъ, и мужи должны были воротиться ни съ чѣмъ.

Изяславъ ропталъ: «мы цѣловали братья крестъ на томъ, чтобъ взять кто узнаетъ что свое. Итакъ управь кресту, и дай тебѣ Богъ здоровья, а не хочешь управить—мы посмотримъ, что будетъ; въ обидѣ я оставаться не могу.»

И онъ пошелъ на Юрья, оставшагося безъ союзниковъ, надѣясь внезапностью дополнить силу. Сперва онъ изъѣхалъ сына его Глѣба передъ Пересопницею, такъ что тотъ едва спасся въ городъ, а дружина его, кони, товары, остались въ добычу Изяславу. Онъ выслалъ уже изъ города сказать Изяславу: «какъ Юрій мнѣ отецъ, такъ и ты отецъ; съ отцемъ моимъ ты вѣдайся какъ хочешь, а меня пусти къ нему, и цѣлуй на томъ крестъ, что не брать меня. Тогда я пріѣду къ тебѣ самъ и поклонюся.» —Изяславъ отвѣчалъ: «вы всѣ мнѣ братья, и до васъ нѣтъ мнѣ никакого дѣла, но обижаетъ меня отецъ вашъ, и съ нами жить не умѣетъ.»

Глѣбъ пріѣхалъ и поклонился ему. Изяславъ позвалъ его на обѣдъ, проѣхалъ вмѣстѣ до Дорогобужа, и потомъ велѣлъ сыну Мстиславу проводить за Корческъ, сказавъ: «ступай къ отцу, а это волость моя по Горыню.» Самъ онъ отправился къ Чернымъ клобукамъ, которые приняли его съ великою радостію, и выставили всѣ свои полки, между тѣмъ какъ Юрій сидѣлъ беззаботно въ Кіевѣ, предполагая его дома, въ своемъ княжествѣ.

Поздно увидѣлъ онъ свою ошибку, защищаться не посмѣлъ, и опрометью перебѣжалъ за Днѣпръ съ сыновьями, а оттуда въ городъ Остерскій. Братъ его Вячеславъ изъ Бѣлгорода поспѣшилъ въ Кіевъ, и сѣлъ на Ярославлѣ дворѣ.

Изяславъ приближался къ Кіеву, и Кіевляне всѣ толпились къ нему на встрѣчу: «Юрій вышелъ изъ Кіева, а Вячеславъ сѣлъ. Но мы не хотимъ его,» говорили ему люди: ты нашъ князь, поѣзжай къ святой Софіи, и садись на столѣ отца своего и дѣда.»

Изяславъ послалъ сказать Вячеславу: «я звалъ тебя сѣсть въ Кіевѣ, а ты не хотѣлъ; теперь пріѣхалъ, когда увидѣлъ, что брата твоего нѣтъ Ступай въ свой Вышгородъ.»

«Если ты хочешь убить меня, сынъ, то убей, а самъ я отсюда не выѣду,» отвѣчалъ Вячеславъ.

Изяславъ, поклонясь святой Софіи, въѣхалъ на Ярославовъ дворъ со всѣми своими полками, за нимъ множество Кіянъ. Вячеславъ сидѣлъ на сѣнницѣ. Многіе говорили Изяславу: «Князь, возми его и захвати его дружину,» а другіе говорили: «подсѣчемъ подъ нимъ сѣни.» Изяславъ отвѣчалъ: «Оборони меня Боже! я не убійца братіи моихъ. Дядя мой мнѣ какъ отецъ. Я самъ пойду къ нему,» и, взявъ съ собою мало дружины, пошелъ онъ на сѣни къ Вячеславу, и поклонился ему. Вячеславъ всталъ передъ нимъ, они поцѣловались и сѣли оба по мѣсту. Изяславъ сказалъ Вячеславу: «отецъ, нельзя мнѣ рядиться съ тобою! Видишь ли народа силу, людей полкъ? Они замышляютъ на тебя лихо; поѣзжай въ свой Вышгородъ, и оттуда я буду съ тобою рядиться.»

Вячеславъ сошелъ съ сѣней и поѣхалъ въ свой Вышгородъ, а Изяславъ сѣлъ въ Кіевѣ.

На этотъ разъ Кіевъ достался ему легко, но не прочно. Съ двухъ сторонъ ему угрожали опасности: съ одной Юрій съ Ольговичами, которыхъ звалъ къ себѣ на помощь, а съ другой Володимерко Галицкій, вѣрный союзникъ своего свата, лишали его покоя, не смотря на увѣренія Гейзы.

Не могши овладѣть Переяславлемъ, гдѣ сидѣлъ крѣпко Ростиславъ, —онъ увидѣлъ, что ему не удержать и Кіева. Тогда онъ рѣшился поладить съ Вячеславомъ, и поѣхалъ наконецъ къ нему самъ съ боярами.

«Ты мнѣ отецъ, возми волость, которую тебѣ угодно; остальное отдай мнѣ. Съ Юрьемъ я не могу управляться, а тебѣ радъ служить.

Вотъ тебѣ Кіевъ.» Вячеславъ отвѣчалъ ему съ гнѣвомъ: «а зачѣмъ ты не отдавалъ мнѣ его намедни, и заставилъ со стыдомъ выѣхать съ Ярославова двора. Теперь, когда одна рать идетъ на тебя изъ Галича, а другая изъ Чернигова, такъ ты отдаешь мнѣ Кіевъ»!

Изяславъ объяснилъ дядѣ всѣ обстоятельства, и увѣрилъ его въ своей покорности и преданности.

Вячеславу люба была эта рѣчь. Онъ согласился; они поцѣловали крестъ передъ гробомъ святыхъ мучениковъ, на томъ, чтобъ Изяславу имѣть отцемъ Вячеслава, а Вячеславу имѣть сыномъ Изяслава. На томъ и мужи ихъ цѣловали крестъ, чтобъ хотѣть добра обоимъ князьямъ, честь ихъ стеречь, и не сваживать между собою.

Изяславъ поклонился святымъ мученикамъ, потомъ отцу своему Вячеславу, и сказалъ: «дай же мнѣ теперь полкъ свой; я поѣду одинъ противъ Володимера. Тебѣ не нужно трудиться, и ты иди въ Кіевъ, если тебѣ то угодно».

Вячеславъ отдалъ ему всю свою дружину, Изяславъ, ударя въ трубы, созвалъ Кіянъ, и объявилъ имъ объ ихъ рѣшеніи, а самъ пошелъ къ Звенигороду противъ Володимера, сказавъ: «этотъ ближе, съ нимъ и надо справиться прежде.»

На дорогѣ присоединились къ нему Черные клобуки, заперевъ женъ и дѣтей въ городахъ Поросскихъ.

Полки супротивные втрѣтились на Ольшаницѣ. Начались перепалки. Изяславъ былъ вмалѣ, потому что Вячеславова дружина къ нему еще не притягла. Володимеръ наступилъ сильно; поганые, видя преимущество Володимерово, обробѣли; Черные клобуки начали уговаривать Изяслава: «князь, сила противная велика, а у тебя мало дружины. Отойди прочь, не погуби насъ, и самъ не погибни. Ты нашъ князь! Коли силенъ будешь, мы съ тобою, а теперь не твое время.» «Нѣтъ, братья, отвѣчалъ Изяславъ, лучше умремъ здѣсь, чѣмъ примемъ на себя такой срамъ.» Но и Кіяне начали приступать къ нему съ тѣми же рѣчами: «иди прочь», — и не дожидаясь его рѣшенія, побѣжали сами, а за ними и Черные клобуки отправились къ своимъ вежамъ. Нечего оставалось дѣлать Изяславу. Съ грустію сказалъ онъ: «неужели надѣяться мнѣ только на гостей, Угровъ и Ляховъ, а на дружину мою напалъ страхъ», — и самъ поворотилъ коня. Володимерко не гнался за нимъ, опасаясь засады, и потому весь полкъ его уцѣлѣлъ.

Изяславъ пріѣхалъ въ Кіевъ, къ Вячеславу, на Ярославовъ дворъ. Они начали обѣдать, какъ вдругъ слышатъ, что съ Черниговской стороны Кіева показывается Юрій съ сыновьями, Давыдовичами и Ольговичами. — Многіе Кіяне поплыли въ насадахъ къ Юрію, и въ дружинѣ Изяславовой началось смятеніе.

Князья увидѣли свою невыгоду. «Поѣзжай пока, отче, въ свой Вышгородъ, я поѣду во Владиміръ, а послѣ что Богъ дастъ», сказалъ Изяславъ дядѣ, велѣвъ дружинѣ своей собираться; и ночью отправился онъ опять изъ Кіева, потерявши его такъ же скоро, какъ и пріобрѣлъ.

На другой день приблизился Володимерко Галицкій къ Ольговой могилѣ. Юрій выѣхалъ къ нему съ Давыдовичами и Ольговичами; тамъ поздоровались они, не ссѣдая съ коней, у Сѣтомли на болоньѣ. Они вздумали было послать въ погоню за Изяславомъ, Бориса Юрьевича, но уже было поздно. Володимеръ съѣздилъ поклониться въ Вышгородъ къ святымъ мученикамъ, потомъ прі-

ѣхалъ къ святой Софіи; отъ святой Софіи ѣздилъ къ святой Богородицѣ десятинной, а оттуда къ святой Богородицѣ въ Печерскій монастырь.

Кіевляне опасались однакожь Галицкаго князя и увели Юрья въ Кіевъ. Снемъ происходилъ въ Печерскомъ монастырѣ; союзники разошлись въ великой любви.

Володимеръ занялъ по дорогѣ города Волынскіе, и хотѣлъ было овладѣть Луцкомъ, куда бѣжалъ Мстиславъ Изяславичъ изъ Дорогобужа; онъ посадилъ въ Пересопницѣ сына Юрьева Мстислава, и поворотилъ въ Галичъ.

Пересопницу, на осень, вмѣстѣ съ Туровымъ и Пинскомъ, Юрій отдалъ самому даровитому сыну своему, Андрею, который между тѣмъ унялъ Половцевъ, опоздавшихъ съ помощію, и начавшихъ буйствовать въ окрестностяхъ Переяславля.

Изяславъ, уступивъ необходимости, не думалъ отказываться отъ прежнихъ притязаній: онъ посадилъ сына Мстислава въ Дорогобужѣ, а самъ съ братомъ, изъ Владиміра, немедля началъ свои дѣйствія. Послалъ соглядатаевъ въ Пересопницу къ Андрею, «розирая нарядъ его» и положеніе крѣпости, подъ видомъ переговоровъ, съ цѣлію взять ее, какъ удалось ему прежде съ Глѣбомъ. Но теперь было не такъ: городъ утвержденъ и дружина въ сборѣ. Тогда онъ перемѣнилъ образъ дѣйствія, и обратился опять съ просьбою къ Андрею: «мнѣ нѣтъ отчины ни въ Уграхъ, ни въ Ляхахъ, а только въ Русской землѣ: проси мнѣ волости у отца по Горину.» Андрей просилъ, но безъ успѣха. Изяславъ такъ выражалъ свою обиду: «дядя не даетъ мнѣ волости, не хочетъ меня въ Русской землѣ. Володимерко по его велѣнію отнялъ мои города и собирается теперь на Владиміръ.»

Онъ рѣшился управиться прежде всего съ княземъ Галицкимъ, который былъ главною причиной его невзгоды, и присталъ къ королю Венгерскому Гейзѣ съ настоятельными требованіями и упреками, чрезъ брата своего Володимера: «ты увѣрялъ меня, что Володимеръ не смѣетъ головою шевельнуть, и я выгналъ Юрья, а Володимеръ пришелъ, свѣчался съ Ольговичами и выгналъ меня: садись же на коня, и уйми его.» Король отвѣчалъ: «хорошо, сажусь на коня, поспѣшай и ты; Володимеръ узнаетъ кого задѣлъ.»

У Володимера были пріятели въ Уграхъ, которые дали ему знать, что король поднялся. Онъ стоялъ тогда у Бельза; оставивъ возы, самъ погналъ онъ къ Перемышлю. Король взялъ Санокъ и многія села около Перемышля. Володимеръ обратился къ архіепископу Венгерскому, епископамъ и мужамъ, съ многимъ золотомъ, прося ихъ отговорить короля отъ продолженія похода, въ чемъ тѣ и успѣли: король сослался на замерзаніе рѣкъ. Было дѣйствительно время уже о Димитріевѣ днѣ.

Угры, опустошивъ страну, воротились назадъ, Володимеръ Мстиславовичь съ ними. Король выдалъ за него дочь Банову, одарилъ многими дарами, и отпустилъ съ великою честію во Владиміръ, а мужъ ея, отдохнувъ съ дружиною, пошелъ послѣ. Король наказывалъ съ нимъ поклониться Изяславу, отцу его и брату, и объяснить, что царь Греческій встаетъ на него ратью, и потому нынѣшнею зимой и весной нельзя ему садиться на коня для него; «но впрочемъ, отче», заключилъ король, «твой щитъ и мой не розно есть. Если мнѣ самому нельзя, я пришлю тебѣ помощь, десять ли тысячь, или больше, а лѣтомъ я въ твоей волѣ, и мы отомстимъ нашу обиду.»

Изяславъ былъ очень радъ и благодарилъ брата за труды, для него перенесенные, выговаривалъ только за то, что жену свою Бановну онъ заставилъ долго себя дожидаться: «Но здѣсь паки моей сносѣ, а твоей женѣ, удолжилося.»

Между тѣмъ мужи Вячеславовы, Берендеи и Кіяне, звали его въ Русскую землю. Неутомимый, онъ откликнулся тотчасъ на приглашеніе, и давъ недолго отдохнуть Володимеру, съ Бановной отправилъ его опять къ королю: «братъ, ты былъ въ Уграхъ у зятя, короля; ты вѣдаешь всю мысль и думу ихъ, потрудись же для моей чести и для своей». Володимеръ отвѣчалъ: «трудъ мнѣ не въ трудъ для твоей чести, и для чести брата нашего Ростислава, —ѣду.» Изяславъ поручалъ ему сказать королю такъ: «Если царь встаетъ на тебя ратью, то какъ тебѣ съ нимъ Богъ дастъ, а помочь мнѣ пусти свою, какъ обѣщалъ. Мнѣ нужно на Юрья, на Ольговичей, на Галицкаго князя. За то твоя обида не твоя, а моя, и моя обида твоя.»

Король исполнилъ его желаніе, и прислалъ свои полки. Изяслалъ началъ походъ свой осадою Пересопницы. Неугомонный Володимерко, не смиренный походомъ короля, отъ котораго онъ откупился, успѣлъ однакоже придти, чтобъ положить Изяславу преграду на пути.

Дружина начала отговаривать Изяслава: «ты пойдешь на Юрья, а Володимеръ за тобою; трудно тебѣ бороться съ нимъ, князь, и намъ также, видишь самъ.» — «Вы, братья, вышли за мною изъ Русской земли», отвѣчалъ имъ Изяславъ, «лишились своихъ селъ и жизней, я хочу возвратить вамъ все, и самъ не могу оставить своей отчины и дѣдины, или возвращу ее, или сложу свою голову. Встрѣтится ли со мною Володимеръ, сражусь съ Володимеромъ; встрѣтится ли Юрій, сражусь съ Юрьемъ.

Оставивъ брата Святополка блюсти Владимиръ, онъ пошелъ съ всѣми силами, съ сыномъ Мстиславомъ, Борисомъ Городенскимъ, съ Уграми, къ Дорогобужу. Дорогобужцы встрѣтили его съ крестомъ и поклонились ему. Онъ привѣтствовалъ ихъ, сказавъ: «вы люди отца моего и дѣда. Богъ вамъ на помощь.» Тѣ изъявили опасеніе, чтобъ Угры не причинили вреда городу. Изяславъ успокоилъ ихъ: «я вожу Угровъ не на своихъ людей, а на враговъ, не бойтесь ничего», —и отпустилъ въ городъ. Отъ Дорогобужа онъ двинулся къ Корческу. Корчане поклонились ему также съ радостію. Онъ, минуя городъ, остановился на Случѣ. Тутъ пришла къ нему вѣсть, что Володимерко соединился съ Андреемъ Юрьевичемъ, и идетъ на него, переправляясь чрезъ Горину. Изяславъ переправился чрезъ Случь, потомъ чрезъ Ушу, подъ Ушескомъ. Тутъ настигли его стрѣльцы Володимеровы, и начали стрѣляться черезъ рѣку, Изяславъ отступилъ за другую рѣчку у города, и стрѣльцы начали перегоняться то съ этой стороны, то съ той. Отъ одного перехваченнаго Галичанина Изяславъ узналъ, что самъ Володимеръ стоитъ не далеко за лѣсомъ, ожидая своихъ воевъ, безъ которыхъ побоялся вступать въ лѣсъ. Изяславъ рѣшился напасть на него въ расплохъ.

Дружина возражала: «нельзя идти тебѣ на него — рѣка еще зла, и стоитъ онъ заложившись лѣсомъ. Лучше пойдемъ впередъ къ Кіеву, и если Володимеръ насъ настигнетъ, то сразимся, какъ ты самъ сказалъ, у Зарѣческа; а если Юрій встрѣтитъ насъ прежде, то дадимъ мѣсто ему. Дойдти бы только до Тетерева, тамъ прибавится къ

намъ дружина, а дойдемъ Богъ дастъ до Бѣлаграда, тамъ еще больше.»

Изяславъ послушалъ и переправился чрезъ Ушу, переправился вскорѣ и Володимеръ. Товары ихъ были расположены въ близкомъ разстояніи. Изяславовы сторожа видѣли Галицкіе огни, а Галицкіе сторожа видѣли Изяславовы огни. Изяславъ угадалъ отойти за ночь къ Мичску, велѣвъ разложить всѣмъ воямъ великіе огни, чтобъ обмануть противниковъ. У Мичска встрѣтила его дружина, поселенная по Тетереву, и поклонилась; Мичане также. Изяславъ перешелъ Тетеревъ, и тутъ только слѣзъ съ коня, чтобъ опочить. Отобѣдавъ, и давъ вздохнуть конямъ, пошли они къ Воздвижени. Тамъ простояли до вечера. Передъ вечеромъ Изяславъ опять сѣлъ на коня, созвалъ къ себѣ князей и Угровъ, и далъ имъ на разсужденіе, стоять ли или идти дальше: «Володимеръ ли настигнетъ насъ здѣсь, подойдетъ ли Юрій, намъ будетъ трудно. Не лучше ли, своего труда не правяче, ночью, продолжать путь на Бѣлгородъ! Если мы успѣемъ, то Юрій побѣжитъ отъ насъ, и мы вступимъ въ сильный полкъ Кіевскій. Люди будутъ биться за насъ, я увѣренъ. Если же нельзя будетъ проѣхать къ Бѣлгороду, то мы поворотимъ въ Черные клобуки, а съ ними нечего будетъ бояться ни Володимера, ни Юрья.»

Угры отвѣчали: «мы гости, ты знаешь своихъ людей; если ты добрѣ надѣешься на Кіевлянъ, то поѣдемъ нынѣ же ночью, кони подъ нами; лучше, если прибудетъ дружины».

Изяславъ отпустилъ впередъ брата Володимера къ Бѣлугороду. «Будутъ Бѣлогородцы обороняться», такъ наказалъ онъ ему, «ты дай намъ знать, и бейся съ утра и до обѣда; а мы поворотимъ въ Черные клобуки, на Абрамовъ мостъ, и съ Черными клобуками подойдемъ къ Кіеву. Если же ты изъѣдешь Бѣлгородъ, то мы присоединимся къ тебѣ.»

Володимеръ подошелъ къ Бѣлгороду, Борисъ пилъ тамъ на сѣнницѣ съ дружиной и попами Бѣлогородскими. Мытникъ устерегъ, и переметалъ мостъ; а то всѣ они были бы побраны руками. Борисъ бѣжалъ. Бѣлгородцы же высыпали къ мосту, и объявили объ его бѣгствѣ. Мостъ перемощенъ духомъ, и Володимеръ, вошедъ въ городъ, послалъ сказать брату, что ни у Бориса, ни у Юрья, не было вѣстей объ ихъ походѣ.

Изяславъ, исполчивъ полки, поспѣшилъ въ Бѣлгородъ, оставилъ тамъ брата, на случай нападенія Володимера Галицкаго, и двинулся къ Кіеву съ Уграми.

А тамъ уже Юрья не было. Убѣжавшій Борисъ засталъ его на Красномъ дворѣ, и онъ въ одномъ насадѣ переправился черезъ Днѣпръ въ Городокъ.

Изяславъ занялъ въ третій разъ Кіевъ, встрѣченный радостно гражданами; поклонился Святой Софіи, и приготовилъ большой обѣдъ для Угровъ и Кіянъ на Ярославовомъ дворѣ. Угры скакали на коняхъ своихъ. Кіяне удивлялись ихъ удальству и искусству.

Володимеръ Галицкій стоялъ у Мичска, какъ вдругъ получаетъ извѣстіе отъ Луцка, что Юрій уже въ Городцѣ, а Изяславъ въ Кіевѣ. Онъ разсердился, и отрекся отъ дальнѣйшей помощи, сказавъ Андрею и Владимиру Андреевичу: «одинъ я биться съ Изяславомъ не могу. Чудно мнѣ, какъ ведетъ свое княженье сватъ,—рать на него идетъ изъ Володимера, а онъ о томъ и не вѣдаетъ; сыновья его сидятъ—одинъ въ Пересопницѣ, другой въ Бѣлѣгородѣ,—и устеречь не могутъ. Изяславъ хотѣлъ вчера биться со мною, идя на Юрья, и оборачиваясь на меня, а

нынѣ уже вся Русская земля у него подъ рукою. Что же я буду дѣлать? Правьте, какъ хотите сами.» Володимерко удалился въ Галичъ, собирая серебро со всѣхъ городовъ по пути, и грозя въ противномъ случаѣ брать ихъ на щитъ. Мичане не могли представить ему, чего онъ требовалъ; женщины должны были вынимать серги изъ ушей, снимать гривны съ шеи. Серебро было слито и отдано князю.

Изяславъ послалъ опять за Вячеславомъ: «отче, кланяюся тебѣ, Богъ взялъ у меня отца, и ты будь мнѣ отцемъ; я согрѣшилъ передъ тобою—въ первый разъ, когда побѣдилъ Игоря у Кіева, во второй разъ, когда побѣдилъ Юрья у Тумаща, и не положилъ на тебя чести; я каюсь передъ тобою. Если ты отдашь мнѣ, то и Богъ отдастъ мнѣ. Вотъ тебѣ Кіевъ, садись на столъ отца своего и дяди.»

«Спасибо тебѣ, сынъ мой», сказалъ Вячеславъ, «что ты на меня честь возложилъ; почестилъ бы ты меня такъ прежде, почестилъ бы тѣмъ самаго Господа Бога. Если я тебѣ отецъ, то ты мнѣ сынъ; у тебя нѣтъ отца, а у меня нѣтъ сына,—будь же ты мнѣ сыномъ и братомъ.» И они поцѣловали крестъ на томъ, чтобы быть имъ за одно и въ добрѣ и въ злѣ.

Вячеславъ вступилъ въ Кіевъ, и сѣлъ на столъ отца своего и дѣда. Поутру онъ призвалъ къ себѣ Изяслава и сказалъ ему: «сынъ! спасибо тебѣ за честь, что возложилъ на меня какъ на своего отца, а я скажу тебѣ вотъ что: я старъ, и всѣхъ рядовъ не могу рядить; останемся мы оба въ Кіевѣ, и если случится какой рядъ съ христіанами или погаными, мы пойдемъ оба, я съ своей дружиной, а ты съ своей; пойдешь ты одинъ, ряди вмѣстѣ и моимъ полкомъ и своимъ.» Изяславъ съ великою радостію и съ великою честью поклонился отцу своему: «буди такъ, пока мы живы.»

Вячеславъ позвалъ къ себѣ на обѣдъ сына своего Изяслава, всѣхъ Кіянъ и Угровъ и мужей королевскихъ. Оба они одарили своихъ помощниковъ и гостей всякими дарами, паволоками, одеждами, сосудами, конями, и воздали имъ великую честь.

На третій день призвалъ Изяславъ Угровъ и отправилъ ихъ домой къ Королю съ великой благодарностію: «помоги тебѣ Богъ за твою намъ помочь! ты помогъ такъ, какъ братъ родной брату, или сынъ отцу. Мы пришлемъ къ тебѣ еще сына Мстислава съ нашими рѣчами.»

И Изяславъ съ Вячеславомъ отправилъ его черезъ нѣсколько времени, повторяя: «за помочь твою намъ нечѣмъ тебѣ откупить, развѣ головою своей. Если будетъ гдѣ тебѣ обида, дай Богъ намъ быть тамъ самимъ съ полками, или съ братіею своею, или съ сынами своими. Желаемъ тебѣ совершить твое дѣло добро. Звать тебя не зовемъ, потому что царь съ тобою ратенъ, но пришли намъ помощь, либо такуюжъ, либо покрѣпче, съ нашимъ сыномъ, а твоимъ братомъ Мстиславомъ; занеже Юрій силенъ, Давыдовичи и Ольговичи съ нимъ за одно, дикіе Половцы ему помогаютъ за его золото. Если мы будемъ порожни, то придемъ къ тебѣ на помощь; если ты будешь отъ царя пораженъ, то приходи ты самъ, а мужи твои и братъ твой Мстиславъ разскажутъ тебѣ, какъ намъ Богъ помогъ, и какъ взялася по насъ вся Русская земля. Помощь ожидаемъ къ веснѣ.»

За Ростиславомъ, который уговаривалъ и прежде своего брата отдать дядѣ старѣйшинство, князья послали мужей. Вячеславъ говорилъ: «Богъ скупилъ насъ по мѣсту съ твоимъ братомъ, а моимъ сыномъ Изяславомъ;

онъ добылъ Русской земли и положилъ на мнѣ честь, посадилъ въ Кіевѣ. А тебѣ я вотъ что скажу: какъ сынъ мнѣ братъ твой Изяславъ, такъ и ты. Приходи же къ намъ, и разсудимъ вмѣстѣ, что Богъ явитъ.» Изяславъ говорилъ: «ты, братъ, много понуживалъ меня, положить честь на стрыѣ нашемъ. Я исполнилъ нынѣ твое желаніе. Уряжайся же въ Смоленскѣ и въ Новѣгородѣ, гдѣ находится сынъ мой и твой Ярославъ, и приходи на совѣтъ.»

И Юрій не оставался въ праздности. Онъ не унывалъ, и не думалъ уступать безъ спора любезнаго Кіева, готовяся къ новой войнѣ, созывая своихъ союзниковъ—Давыдовичей и Ольговичей, Володимерка Галицкаго.

Собрались они и пошли на Кіевъ, присовокупя сосѣднихъ Половцевъ, въ Городкѣ отпраздновали Юрьевъ день, и стали въ Родуни. Изяславъ не давалъ имъ переправляться черезъ Днѣпръ. Воины его выѣзжали изъ Кіева въ насадахъ, а Юрьевы изъ своихъ товаровъ, и билися они долго и крѣпко на Днѣпрѣ, вплоть до устья Десны. Изяславъ изхитрилъ дивно свои лодьи: онъ накрылъ ихъ досками, такъ что гребцевъ было не видать, только весла; вверху стояли борцы въ броняхъ и стрѣляли, да два кормника, одинъ на носу, другой на кормѣ, ходили куда хотѣли, не оборачивая лодей.

Юрій съ братьями рѣшились спуститься по Днѣпру къ Витичевскому броду, но не смѣли пустить лодій своихъ мимо Кіева. Они спустили ихъ въ озеро Долобское, а оттуда проволочили берегомъ въ Золотчу, изъ Золотчи въ Днѣпръ. Половцы же шли по лугу.

И Изяславъ, со всѣми князьями, дружиною, Кіянами и Черными клобуками пошелъ къ Витичеву сухимъ путемъ, а лодьи его отплыли по Днѣпру. Пришедъ стали они у Витичева, противъ Мирославскаго села, и опять началось сраженіе. Изяславъ не давалъ имъ переправиться на свою сторону Днѣпра, а Юрій на свою.

Юрій предложилъ наконецъ своимъ товарищамъ: «здѣсь намъ не перейдти; надо перехватить бродъ зарубской.» Всѣ согласились. Младшіе князья въ лодьяхъ поплыли около песка, по своей сторонѣ, а Юрій и Святославъ поѣхали подлѣ ихъ берегомъ. Юрьевичъ и Всеволодичъ прибыли къ Зарубскому броду. У брода стоялъ въ сторожахъ Изяславовъ бояринъ Шварнъ, потому-то бродъ и не былъ твердъ: не было тутъ князя, а боярина не всѣ слушаютъ, замѣчаетъ лѣтописецъ. Половцы увидѣли, что стражи мало, вбрели въ Днѣпръ въ броняхъ, на коняхъ, за щитами, и съ копьями, какъ бы на бой, и покрылся Днѣпръ множествомъ воевъ, а Русь переправлялась въ лодьяхъ. Шварнъ бѣжалъ. Молодые князья послали сказать Юрію и прочимъ, чтобъ они спѣшили, пока Изяслава нѣтъ. Изяславъ и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ двинуться впередъ и напасть на нихъ, равно какъ Ростиславъ и Вячеславъ; но дружина, Кіяне и въ особенности Черные клобуки отговаривали: «князь, нельзя тебѣ ѣхать къ нимъ: они всѣ на коняхъ, пойдутъ передъ тобою ко Роси, ты за ними, а какъ же ты оставишь пѣшихъ? Нѣтъ, это не годится. Лучше поѣзжай ты въ Кіевъ, а насъ пусти за нашими вѣжами; приставь къ намъ пожалуй брата Володимера. Мы, забравъ все свое, пріѣдемъ къ тебѣ въ Кіевъ. Не бойся—мы хотимъ головы свои сложить за твоего отца Вячеслава, и за брата Ростислава, а Юрья мы не хотимъ.»

Князья послушались и воротилися, ночевали въ Триполѣ, а поутру стали около Кіева, не вступая въ городъ. Изяславъ Мстиславичъ

передъ Золотыми воротами у Язины, Изяславъ Давидовичъ между Золотыми воротами и Жидовскими, противъ Бориславова двора, Ростиславъ съ сыномъ Романомъ передъ Жидовскими воротами, Борисъ Городенскій у Лядскихъ воротъ. Кіяне же со всѣми своими силами, конные и пѣшіе, стали между князьями, и по краямъ, около всего города, многое множество. Пришли и Черные клобуки съ своими вѣжами и стадами, Берендѣи, Торки, Ковуи, Печенѣги, и начали было буйствовать по окрестностямъ. Володимеру Мстиславичу поручено унять ихъ и разставить. Берендѣи стали между дебрями отъ Олеговой могилы до Щековицы, а Ковуи и прочіе отъ Золотыхъ воротъ до Лядскихъ, а оттуда до Клова и до Берестоваго, до Угорскихъ воротъ и до Днѣпра. Князья рѣшили не наступать на противниковъ, а дожидаться ихъ къ себѣ. «Лишь бы отбиться отъ нихъ», сказалъ Изяславъ, «а то они не крылаты, не перелетятъ черезъ Днѣпръ; если перелетятъ, то сядутъ же, и мы увидимъ, что Богъ дастъ.»

Вячеславъ сказалъ тогда Изяславу и Ростиславу: «Юрій мнѣ братъ, но онъ моложе меня; я хотѣлъ бы послать къ нему пословъ и напомнить свое старшинство, и судъ Божій, призирающій на правду.» Изяславъ и Ростиславъ охотно согласились. Вячеславъ, въ ихъ присутствіи, отправилъ своего мужа: «ступай къ брату Юрію, цѣлуй отъ меня брата, и напомни ему: я убѣждалъ тебя и Изяслава, обоихъ васъ, не проливать крови христіанской и не губить Русской земли. Бороня васъ отъ войны, я не искалъ своего права, когда вы меня обижали, и клали на меня безчестье, разъ и два. Изяславъ, идя биться съ Игоремъ, говорилъ, что ищетъ Кіева не себѣ, а мнѣ,—ибо я отецъ, старше всѣхъ; а какъ взялъ Кіевъ, то не только не отдалъ его мнѣ, но еще отнялъ у меня Туровъ и Пинскъ. Такъ точно и ты, когда поѣхалъ въ Переяславль биться съ Изяславомъ, говорилъ, что ищешь Кіева не себѣ: Вячеславъ братъ мнѣ старшій, это отецъ. А помогъ тебѣ Богъ взять Кіевъ, такъ ты отнялъ у меня Пересопницу и Дорогобужъ, и далъ мнѣ одинъ Вышгородъ. Я не искалъ своего права, хотя у меня были полки, была сила, данная Богомъ; не искалъ, ради Русской земли, и ради христіанъ; я обуздывалъ васъ, а вы меня не слушали, но это не для меня, а для Бога. Теперь другое: Изяславъ хотя и дважды слова своего не сдержалъ, но нынѣ поклонился мнѣ, и честь на мнѣ положилъ. Добывъ Кіевъ, посадилъ меня, и назвалъ отцемъ, а я назвалъ его сыномъ. Ты мнѣ говорилъ: младшему я не могу поклониться, ну—а я тебя старше, да и не малымъ, а многимъ: у меня уже борода росла, а ты только что родился; хочешь ли ты поѣхать на мое старшинство, поѣзжай, Богъ тебѣ судья».

Юрій отвѣчалъ: «кланяюсь тебѣ, братъ; ты говоришь правду, и я признаю твое старшинство, ты мнѣ какъ отецъ; пусть же отъѣзжаетъ Изяславъ во Владиміръ, а Ростиславъ въ Смоленскъ, и мы урядимся съ тобою, въ чемъ надо».

Вячеславъ возразилъ: «у тебя семь сыновъ, и я не гоню ихъ отъ тебя прочь, а у меня два сына, Изяславъ и Ростиславъ, да иніи молодшіе. Для ради Русской земли и для ради христіанъ я говорю тебѣ вотъ что: ступай въ свой Переяславль и въ свой Курскъ, а вонъ у тебя еще Ростовъ великій; Ольговичей отпусти домой, и мы урядимся, не проливая христіанской крови. Если же», сказалъ старикъ, озираясь на святую Богородицу, что надъ Золотыми воротами, «ты хочешь по

своему замыслу поступить, какъ поѣхалъ, то пусть судитъ насъ Пречистая съ Сыномъ.»

Юрій однакожъ не умилостивился. На утро подступилъ онъ подъ Кіевъ и сталъ по той сторонѣ Лыбеди: полки начали биться черезъ рѣку Лыбедь. Андрей былъ таковъ же, что и подъ Луцкомъ: безъ вѣдома дружины перескочилъ онъ черезъ Лыбедь съ Половцами, (а Володимера Андреевича не пустилъ кормилецъ его, потому что былъ еще молодъ), погналъ ратныхъ до полковъ ихъ, и былъ на дорогѣ оставленъ товарищами. Къ счастью случился тутъ одинъ Половчинъ, онъ схватилъ Андреева коня подъ устцы, и отвелъ назадъ, лая на свою братью.

Вои продолжали биться, одни о Лыбедь, другіе переправясь бились на болонъѣ, иные на пескахъ, противъ Лядскихъ воротъ. Ихъ собралось множество съ разныхъ сторонъ. Изяславъ послалъ по всей братьѣ сказать, чтобы нарядили дружину изъ полковъ, не рушая ихъ, и бросились всѣ вдругъ на непріятеля. Приказаніе исполнено; воины Юрьевы были приперты къ Лыбеди, иные не попали на бродъ, потонули, другіе соскочили съ коней, были избиты.—Тутъ погибъ и Половчинъ, Боняковъ сынъ, что хвалился сѣчи въ Золотыя ворота, какъ отецъ его; ни одинъ человѣкъ не переѣхалъ больше на эту сторону.

Юрій рѣшился отступить, тѣмъ болѣе, что ему пришла уже вѣсть объ Галицкой помощи. Изяславъ и Ростиславъ хотѣли за нимъ пуститься въ погоню. Вячеславъ отвѣчалъ: «дѣти, се начало Божіей помощи! они пришли сюда и не успѣли ничего, добыли только сорома, а вы, дѣти, не торопитеся; либо до вечера, либо до утра, посмотримъ, что будетъ».

Юрій пришелъ въ Бѣлгородъ. «Вы мои люди, отворяйте мнѣ городъ.» Бѣлгородцы отвѣчали: «А Кіевъ тебѣ отворилъ ли? Наши князья: Изяславъ, Ростиславъ и Вячеславъ.»

Юрій пошелъ черезъ боръ къ Верневу, оттуда за валъ, и сталъ у Бзяницы, ожидая помощи отъ Володимера, къ которому послалъ уже впередъ сыновца Володимера Андреевича.

Изяславъ не хотѣлъ допустить ихъ до этого соединенія, и, поклонившись во вторникъ святой Богородицѣ десятинной и святой Софьѣ, выступилъ изъ города. Кіяне всѣ устремились за нимъ: «идите всѣ, кто можетъ лишь въ руки взять хлудъ, а если кто не пойдетъ, выдай его намъ, мы сами побьемъ.» Итакъ пошли всѣ, съ радостію, по своихъ князьяхъ, конные и пѣшіе, многое множество, не оставя никого дома. На ночь остановились они у Звенигорода. Въ середу поутру выступили рано и остановились обѣдать передъ Василевымъ.

Туда пріѣхалъ къ Изяславу посолъ изъ Угоръ, отъ сына его Мстислава: «радуйся, зять твой король пустилъ къ тебѣ помощь, какой никогда не бывало; я прошелъ уже съ нею гору вмѣстѣ; увѣдомь насъ, какъ скоро мы тебѣ надоби.» Вы всегда намъ надоби», отвѣчалъ обрадованный Изяславъ, «торопитесь скорѣе, мы идемъ на судъ Божій».

Они пошли мимо Василева черезъ Стугну къ валу, и остановились полками на ночь передъ валомъ, а на другой день сторожа нагнали Юрьевы полки на Перепѣтовомъ полѣ. Въ четвергъ Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ прошли валомъ на чистое поле, двинулись биться съ Юрьемъ.

Начались переговоры и посольства съ обѣихъ сторонъ; Ольговичи и Половцы не давали мириться, скорые на кровопролитье. Юрій удалился за Рутъ. На разсвѣтѣ въ пятницу Изяславъ опять началъ напирать, а Юрій отошелъ, ожидая Володимерка.—Вдругъ такая

пала мгла, что конца копья было не видать, къ томуже пролился дождь, и полки приперлися къ озеру, которое ихъ и развело. Къ полудню разсѣялась мгла, небо прояснилось, и полки увидѣли себя оба полъ озера, такъ что крылья могли только биться между собою, а среднимъ воямъ нельзя было и съѣхаться. Изяславъ, Ростиславъ и Вячеславъ, пошли на верхъ озера, а Юрій отступалъ дальше и дальше за малый Рутецъ, черезъ грязи. Въ пятницу, лишь стала заниматься заря, полки ударили въ бубны, затрубили въ трубы; но Юрій, избѣгая битвы, опять уклонился за Рутъ. Кіяне пустились въ погоню и начали отъимать возы. Тогда Юрій съ сыновьями увидѣли, что уйти нельзя имъ за Рутъ, рѣшились биться, оборотили полки и стали противъ. Андрей, старшій изъ сыновъ Юрьевыхъ, нарядилъ полки отца своего, потомъ отъѣхалъ къ Половцамъ, и укрѣпилъ ихъ на брань, потомъ воротился къ своей дружинѣ и ободрилъ ее.

Предъ началомъ битвы Изяславъ и Ростиславъ поскакали къ Вячеславу и сказали: «ты хотѣлъ всѣмъ намъ добра, отче, но братъ твой не согласился; приходится намъ теперь либо голову свою положить, либо честь твою обрѣсти.»

Вячеславъ отвѣчалъ: «братъ и сынъ, отъ рожденія своего не охотенъ былъ я до кровопролитья, но братъ мой довелъ меня до того, что мы стоимъ на этомъ мѣстѣ. Пусть разсудитъ насъ Богъ».

Изяславъ въѣхавъ въ свой полкъ, послалъ приказъ прочимъ: «смотрите на мой полкъ, и какъ двинется мой полкъ, такъ идите и вы.

И сступившимся полкамъ, была сѣча крѣпка. Изяславъ на одной сторонѣ, а Андрей на другой, творили чудеса храбрости.

Полки только еще сближались другъ противъ друга, какъ Андрей выѣхавъ впереди всѣхъ, началъ биться; копье у него изломалось, шлемъ упалъ съ головы, щитъ вырванъ изъ рукъ, конь, раненый въ ноздри, началъ метаться. Андрей ничего не замѣчалъ и продолжалъ дѣйствовать. А Изяславъ ратоборствовалъ передъ своимъ полкомъ: его ранили въ руку, въ бедро; копье изломалось у него, онъ упалъ съ коня уязвленнаго.

Долго длилась сѣча, сѣча злая, но наконецъ помогъ Богъ Вячеславу и Ростиславу. Половцы пустили по стрѣлѣ и побѣгли, потомъ Ольговичи, наконецъ и самъ Юрій съ дѣтьми.

Много перетонуло ихъ дружины въ Руту: онъ былъ очень грязокъ; много взято въ плѣнъ, много осталось на мѣстѣ сраженія. Тутъ погибъ и Черниговскій князь Володимеръ Давыдовичь, и много Половецкихъ князей.

Когда полки сошлись конные и пѣшіе, Изяславъ лежалъ раненый и поднялся; пѣшій воинъ хотѣлъ было ударить его, сочтя врагомъ. Изяславъ вымолвилъ: я князь. Тебя—то намъ и надо, воскликнулъ воинъ, и началъ сѣчь его мечемъ по шлему, на которомъ сіяло изображеніе св. мученика Пантелеймона. Онъ пробилъ шлемъ до лба. Я Изяславъ, князь вашъ, сказалъ раненый, и снялъ съ себя шлемъ: тогда его узнали, разнеслась тотчасъ молва, всѣ воины начали сбѣгаться, подняли его на руки съ великою радостію, какъ царя и князя своего, и воззвали: киролейсонъ! Но Изяславъ изнемогъ жестоко отъ ранъ, истекая весь кровью.

Его извѣщаютъ, что въ супротивномъ полку убитъ Володимеръ Давыдовичь Черниговскій, и что братъ его Изяславъ горько плачетъ по немъ.—Изяславъ, оставя немочь свою, велѣлъ посадить себя на коня, и вести туда. Долго они плакали вмѣстѣ. Изяславъ жалѣлъ о немъ, какъ бы о своемъ родномъ

братѣ, и наконецъ сказалъ Изяславу Давыдовичу: «ну-намъ его уже не воскресить, враговъ своихъ мы побѣдили, Черниговъ—твой. Ступай туда, взявъ тѣло брата своего, а я приряжу тебѣ помощь. Нынѣ вечеромъ же быть всѣмъ въ Вышгородѣ».

Такъ и было исполнено. Изяславъ сѣлъ на столѣ брата своего Володимера въ Черниговѣ, Юрій перебѣжалъ черезъ Днѣпръ у Треполя, и удалился въ Переяславль. А Ольговичь и Всеволодичь перебѣжали у Заруба и укрылись въ Городцѣ. Изъ Городца не могъ Святославъ ѣхать въ Черниговъ,— былъ онъ тяжелъ тѣломъ,—и послалъ сыновца Святослава Всеволодича; но тотъ скоро вернулся назадъ сказать, что Черниговъ уже занятъ Изяславомъ Давыдовичемъ, и совѣтовалъ ему ѣхать лучше въ Новгородъ Сѣверской.

Володимеръ Галицкій не успѣлъ привести помочь Юрью; въ Бужскѣ узналъ онъ, что дѣло уже кончено, и оборотясь поспѣшилъ въ Галичь.

Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ, похваля Бога и Его Пречистую Матерь, съ честью и похвалою великою пошли къ Кіеву. Ихъ встрѣтили всѣ святители со крестами, митрополитъ Климъ, игумены и попы. Они поклонились святой Софіи, и повеселились, но не долго. Ростиславъ долженъ былъ спѣшить въ свой Смоленскъ, а Изяславъ рѣшился добить Юрья, и избавиться навсегда отъ своего неугомоннаго противника, съ помощью Угорской.

Мстиславъ точно шелъ уже съ нею. Въ Сапогынѣ веселился онъ съ Уграми: Володимеръ Андреевичь прислалъ ему много вина изъ Дорогобужа, какъ вдругъ этотъ князь извѣщаетъ, что Володимеръ (Галицкій) идетъ на него. Мстиславъ передаетъ вѣсть Уграмъ. Угры пьяные величались: «пусть идетъ на насъ; мы будетъ съ нимъ биться.» Мстиславъ разставилъ на ту ночь сторожей, а самъ легъ спать съ Уграми. Сторожа прибѣжали къ нему въ полночь извѣщая: идетъ Володимеръ. Мстиславъ съ дружиною вскочили на коней, а Угры пьяные лежали, какъ мертвые. Противу свѣта Владиміръ напалъ на нихъ и всѣхъ перебилъ, не многіе только достались въ плѣнъ. Мстиславъ бѣжалъ въ Луцкъ съ своею дружиною.

Непріятная вѣсть пришла въ Кіевъ къ Изяславу, что сынъ его побѣжденъ, а Угры избиты. Но онъ не унылъ: «не идетъ мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту,» сказалъ онъ свою поговорку. «Дай Богъ здоровья королю и мнѣ, а отмстить мы сможемъ».

И рѣшился онъ одинъ идти на Юрья къ Переяславлю, съ Вячеславомъ и Берендичами. Два дня бились они подъ городомъ, и сожгли предгородіе, стѣснили Юрья и послали сказать ему: «кланяемся тебѣ; иди въ Суздаль, а въ Переяславлѣ оставь сына; мы не можемъ допустить, чтобы ты оставался здѣсь съ нами; ибо боимся, что ты приведешь Половцевъ» (1151).

Не было Юрью ни откуда помочи; дружина его была избита или язоимана, принужденъ былъ онъ, скрѣпя сердце, согласиться, и поцѣловалъ крестъ съ дѣтьми своими.

Присиѣлъ праздникъ св. Бориса и Глѣба. Вячеславъ и Изяславъ прислали пословъ напомнить ему: иди въ Суздаль. Юрій хотѣлъ побывать въ Городцѣ, и оттуда обѣщался идти въ Суздаль. Вячеславъ и Изяславъ настаивали на одномъ: «иди въ Суздаль; если же ты хочешь побывать въ Городцѣ, хорошо—побудь мѣсяцъ; а если не пойдешь, то мы придемъ и станемъ около Городца, какъ стояли здѣсь. Цѣлуй крестъ, чтобъ не искать тебѣ Кіева ни подъ Вячеславомъ, ни подъ Изясла-

вомъ», и на всемъ на томъ долженъ онъ былъ цѣловать крестъ Юрій. Вячеславъ и Изяславъ прибавили: «до Святослава Ольговича тебѣ дѣла нѣтъ,» и Юрій не включилъ его въ договоръ.

Юрій оставилъ въ Переяславлѣ сына Глѣба, а самъ пошелъ въ Городокъ. Андрей же выпросился у него идти еще прежде въ Суздаль: «дѣлать намъ здѣсь нечего, затепло отойдемъ,» и отецъ отпустилъ его въ домъ свой.

Святославъ Ольговичь услыша, что Юрій уладился съ Вячеславомъ и Изяславомъ, и выведенъ изъ Переяславля, рѣшился уладиться также съ своимъ родомъ. Одному бороться ему не приходилося. Онъ послалъ сказать Изяславу Давидовичу: »миръ стоитъ до рати, а рать до мира. Мы всѣ братья. Отчины между намъ двѣ, одна моего отца Олега, а другая твоего отца Давида: ты братъ, Давидовичь, а я Ольговичь. Возми же себѣ все Давидово, а что Ольгово, то оставь намъ, и мы между собою подѣлимся.« Изяславъ поступилъ по-христіански, принялъ братьевъ въ любовь и возвратилъ имъ ихъ отчину.

А Юрій не думалъ выѣзжать изъ Городка. Онъ тянулъ время, все еще надѣясь по прежнему на перемѣну своихъ обстоятельствъ, но не съ такимъ противникомъ имѣлъ онъ дѣло. Тотъ, не давая ему отдыха, и собравъ всѣхъ князей, Давидовичей и Ольговичей, пошелъ къ Городку. Много дней бились они подъ Городкомъ. Тяжко было Юрью, но доведенный до крайности, онъ долженъ былъ наконецъ уступить. Ну, я иду уже въ Суздаль, сказалъ онъ своимъ противникамъ, и ушелъ оставивъ въ Городкѣ сына Глѣба, потому что Изяславъ тогда взялъ себѣ Переяславль, и посадилъ тамъ сына Мстислава.

Юрій по дорогѣ останавливался у Святослава Ольговича, который принялъ его съ честью великою, и далъ ему повозы на пути въ Суздаль.

Изяславъ и Вячеславъ сѣли въ Кіевѣ, Вячеславъ на Великомъ дворѣ, а Изяславъ подъ Угорскимъ.

Но Изяславъ не успокоился. Побѣдивъ Юрья, спровадивъ его даже въ отдаленный Суздаль, сожегши наконецъ Городокъ, онъ хотѣлъ теперь унять Володимера Галицкаго, который столько мѣшалъ ему во всѣхъ его предпріятіяхъ, и ставилъ часто въ самое трудное и опасное положеніе (1152).

Онъ убѣдилъ Гейзу начать войну съ Галичемъ, въ отмщеніе за пораженіе Угровъ съ Мстиславомъ у Луцка. Онъ взялъ съ собою Вячеславовъ полкъ, лучшихъ Кіянъ, Черныхъ клобуковъ, всю Русскую дружину, и пустился на Галичь. Угры шли ему на встрѣчу. Они соединились и рѣшили дать сраженіе близъ Перемышля. У Короля было 73 полка, кромѣ Изяславова, кромѣ поводныхъ коней и товарныхъ. Изяславъ сказалъ дружинѣ своей: «братья и дружина! Богъ не полагалъ никогда безчестья на Русской землѣ и на Русскихъ сынахъ; во всѣхъ мѣстахъ мы честь свою брали; нынѣ, братья, намъ надо постараться, чтобъ и въ этихъ земляхъ, передъ чужими людьми, честь свою взять.» И съ сими словами со всѣми своими полками пустился онъ въ бродъ. Король переправился по другому броду. Всѣ напали на Володимера, потопили многихъ, многихъ избили, плѣнили, а Володимеръ едва успѣлъ убѣжать одинъ съ семействомъ въ Перемышль. Города Перемышля потому не взяли, что вои бросились грабить дворъ княжій, внѣ города, надъ рѣкою Саномъ, гдѣ было собрано много всякаго богатства.

Володимерко смирился, и усильными просьбами, раскаяніемъ въ винахъ, подкупами Угор-

скихъ-бояръ, и всѣми средствами успѣлъ наконецъ склонить Короля къ миру, не смотря на возраженія Изяслава и его сына. Онъ обѣщалъ возвратить Русскіе города, и содѣйствовать Кіевскому князю во всѣхъ его начинаніяхъ. Король пригрозилъ ему новою войною въ случаѣ неисполненія принятыхъ обязанностей, и успокоилъ своего зятя. *

Посланные мужи приводили къ кресту Володимера, который лежалъ какъ будто изнемогая отъ ранъ, а ранъ у него не было.

Нѣсколько времени Король и Изяславъ провели вмѣстѣ, въ великой любви и великомъ весельѣ, и потомъ разъѣхались, Король въ Угры, Изяславъ въ Русскую землю. Пришедъ во Владиміръ Изяславъ послалъ посадниковъ въ города, на коихъ цѣловалъ крестъ Володимеръ: въ Бужскъ, Шумскъ, Тихомль, Выгошевъ, Гойницу,—и Володимерко ихъ неотдалъ. Вотъ онъ былъ каковъ! Изяславъ послалъ сказать Королю: «намъ уже не ворочаться, ни тебѣ, ни мнѣ; я только являю тебѣ, что Володимеръ сступилъ крестнаго цѣлованія; не забывай же своего слова, что ты сказалъ.»

Изяславъ воротился въ Кіевъ благополучно къ отцу своему Вячеславу, и послалъ сказать брату Ростиславу Смоленскому, какъ онъ видѣлся съ Королемъ въ здоровьѣ, и какъ Богъ пособилъ имъ побѣдить Володимера Галицкаго, и какъ воротился благополучно въ Русскую землю. И то слышавъ Ростиславъ обрадовался и похвалилъ Бога. Изяславъ теперь успокоился, но не успокоился его противникъ Юрій. Ему не сидѣлось на далекомъ Сѣверѣ. Сердце влекло его къ югу въ Русскую землю, и лишь только узналъ, что Городецъ его сожженъ Изяславомъ, еще передъ послѣднимъ походомъ на Галичь, то онъ рѣшился опять идти испытывать счастья. Рязанскихъ князей онъ привлекъ на свою сторону, и обратился къ старымъ друзьямъ, Половцамъ.

А Изяславъ, услышавъ объ его приготовленіяхъ, послалъ сказать Ростиславу: «у тебя Новгородъ сильный и Смоленскъ. Если Юрій пойдетъ на тебя, я приду къ тебѣ на помощь, а если поминетъ твою волость, то иди ты поскорѣе ко мнѣ».

Юрій шелъ прямо къ Кіеву. Вся Половецкая земля, что между Волгою и Днѣпромъ, къ нему присоединилась. Онъ занялъ Вятичи и остановился въ Глуховѣ. Двинулся и Володимерко изъ Галича.

Подалъ помощь и Святославъ Ольговичъ, опасаясь, чтобъ въ противномъ случаѣ на него самаго не напалъ разсерженный Юрій съ готовыми полками. Юрій твердилъ: «они сожгли мой Городецъ, и божницу сожгли, я отожгу имъ сполна.»

Половцевъ набиралось къ нему безпрестанно больше и больше.

Они пошли на Черниговъ, куда уже успѣлъ придти Ростиславъ на помощь Изяславу Давидовичу. Князья велѣли людямъ всѣмъ бѣжать изъ острога въ дѣтинецъ. Половцы, отемше острогъ, зажгли все предгородье, и выходили ежедневно биться съ Черниговцами.

Князья жаловались, что Половцы бьются не крѣпко; «на завтра я начну съ своей дружиною,» сказалъ мужественный Андрей, и лишь только показались пѣшцы изъ города, какъ онъ бросился впередъ, однихъ избилъ, другихъ вогналъ въ городъ; поревновали ему и другіе князья, и ѣздили подъ городъ, но уже пѣшцы не смѣли показываться, перестрашенные. Двѣнадцать дней стояли вои подъ Черниговымъ. Вячеславъ и Изяславъ рѣшились идти на помощь къ городу. Половцы испугавшись

* См. Исторію Галицкаго княжества.

начали отыматься прочь. Тогда принуждены были отступить и князья. Изяславъ думалъ преслѣдовать ихъ, но этого нельзя было сдѣлать, потому что они шли не останавливаясь, и время было къ заморозу. Рѣшились всѣ разъѣхаться по домамъ и доспѣвать, покуда уставятся рѣки. Половцы ушли на Путивль въ Половцы, разоряя по дорогѣ, а Юрій на Новгородъ Сѣверскій, и оттуда въ Рыльскъ.

Святославъ Ольговичъ старался удержать его, выговаривая, что онъ волость его поѣлъ, и жита около города потравилъ, а теперь хочетъ оставить его на жертву Изяславу, который «придетъ на меня изъ за тебя, и прокъ волости моей погубитъ.»

Юрій обѣщалъ было ему подмогу, но оставилъ только Василька съ 50 человѣкъ дружины, и отправился въ Суздаль, заявъ остальные Вятичи по дорогѣ.

Изяславъ былъ недоволенъ этими успѣхами; лишъ только установились рѣки, пошелъ онъ съ Вячеславомъ на Святослава Ольговича къ Новгороду. На Альтѣ онъ сказалъ своему дядѣ: «ты уже старъ, и трудиться тебѣ не должно; поѣзжай въ Кіевъ, а мнѣ отдай только полкъ свой».

Онъ отрядилъ сына Мстислава на Половцевъ, а самъ приступилъ къ городу взять острогъ. Начались битвы, и Святославъ Ольговичъ принужденъ былъ просить мира. Изяславъ не хотѣлъ мириться, но увидя, что приближается весна, согласился. Поцѣловали крестъ и разъѣхались (1153).

На возвратномъ пути въ Черниговѣ Изяславъ получилъ извѣстіе, что сынъ его Мстиславъ побѣдилъ Половцевъ на Углѣ и Самарѣ, прогналъ ихъ, захватилъ ихъ вежи, отполонилъ множество душъ христіанскихъ, и возвращается съ множествомъ плѣнныхъ, стадами и конями.

Такъ все обратилось въ пользу Изяслава, и онъ находилъ уже награду тяжелымъ своимъ трудамъ. Спокойный со стороны Юрья, въ мирѣ съ Черниговомъ, укротивъ Ольговичей, загнавъ Половцевъ, теперь имѣлъ онъ только одного врага, Володимерка Галицкаго, но былъ почти увѣренъ, что съ нимъ справится, имѣя въ залогѣ противъ него королевское слово.

Изяславъ послалъ къ Володимерку своего мужа, Петра Бориславича, съ крестными грамотами, того, который былъ въ Перемышлѣ, и водилъ его ко кресту. «Ты цѣловалъ крестъ возворотить мнѣ все въ Русской землѣ, и того не справилъ. Но я не помню зла. Возвороти теперь. Нехочешь—ты сступилъ крестнаго цѣлованія, и вотъ твои крестныя грамоты, а намъ съ Королемъ что Богъ дастъ.» Володимерко и не думалъ сдержать своего слова. Онъ отпустилъ Русскаго мужа съ насмѣшками, какъ вдругъ умеръ скоропостижно. Преемникъ его, Ярославъ, воротилъ Петра Бориславича, и поручилъ ему увѣрить Изяслава въ своей преданности и пріязни (1153).

Не смотря на обѣщанія, Ярославъ Галицкій не думалъ впрочемъ отдавать городовъ названному своему отцу. И Изяславъ собралъ всѣ полки, свой, Вячеславовъ, Черниговскій Изяславовъ. Мстиславъ пришелъ съ Переяславскимъ полкомъ, и всѣ Черные клобуки. Потомъ пришли изъ Дорогобужа братъ Володимеръ, Святополкъ изъ Владимира, Володимеръ Андреевичъ изъ Берестья. Ярославъ выступилъ на встрѣчу съ своими полками. Изяславъ пустилъ только часть своихъ воевъ биться о Серетъ, а самъ пошелъ къ Теребовлю. Ярославъ послѣдовалъ за нимъ, хотя и не успѣлъ помѣшать его переправѣ черезъ Сновъ. Полки стали другъ противъ друга. Галицкіе мужи отослали своего князя и остались биться одни.

Соступились полки, и была сѣча злая, билися противники отъ полудня до вечера. И вслѣдствіе смятенія, не видѣли они, кто побѣдилъ. Изяславъ обратилъ въ бѣгство Галичанъ, а братья его отъ нихъ бѣжали: Святополкъ Владимирскій, Володимеръ Мстиславичь и Мстиславъ Изяславичь. На разгонѣ Изяславъ плѣнилъ Галицкихъ мужей, а Галичане Изяславовыхъ. Изяславъ остался на мѣстѣ сраженія, а Галичане убѣгли въ городъ свой Теребовль. Онъ поставилъ на полчищѣ стяги Галицкіе, подъ которые шли Галичане, и были плѣняемы Изяславомъ. Плѣнниковъ у него набралось больше, чѣмъ оставалось своей дружины, и онъ убоясь нападенія на другой день изъ Галича, велѣлъ избить плѣнниковъ. Жестокость, которою онъ, въ сердцахъ на Галичанъ, посрамилъ себя въ концѣ своей жизни. Лучшихъ мужей взялъ онъ съ собою въ Кіевъ. Бысть плачь великъ по всей землѣ Галицкой.

Въ слѣдующій годъ, (1154), Изяславъ вступилъ во второй бракъ, взявъ жену изъ Обезъ, Цареву дочь, которой на встрѣчу посылалъ два раза сына своего Мстислава; предъ походомъ въ Галичь, Мстиславъ дошелъ до Олешья и не встрѣтивъ воротился; теперь онъ встрѣтилъ ее въ порогахъ, и привелъ къ отцу.

Юрій между тѣмъ шелъ было противъ него опять съ Ростовцами, Суздальцами, и со всѣми дѣтьми, но на походѣ случился конскій падежъ: едва добрался онъ до Козельска. Хотя Половцы ягнились къ нему, но онъ принужденнымъ нашелся воротиться въ Суздаль. Судьба и безъ войны освобождала его отъ сильнаго противника.

Изяславъ, оплакавъ брата Святополка, вмѣсто котораго послалъ княжить сына Ярослава во Владимиръ, внезапно разболѣлся, и вскорѣ преставился, въ воскресенье на ночь въ Филиповъ день. ноября 13. Погребеніе его было въ церкви св. Ѳеодора въ отцовомъ монастырѣ.

Это былъ князь дѣятельный, неутомимый, радушный, который незналъ отдыха на своемъ вѣку, и подъ конецъ своей жизни дорогою цѣною, и то на короткое время, купилъ себѣ Кіевъ.

Вся Русская земля и всѣ Черные клобуки, вѣрнѣйшіе его слуги, плакали по немъ какъ по царѣ своемъ и господинѣ, а всего болѣе какъ по отцѣ. Много плакалъ и дядя его Вячеславъ: «сыну! то есть мое мѣсто,» говорилъ онъ надъ гробомъ, «но предъ Богомъ не что учинити!»

Сынъ Изяслава Мстиславъ, спрятавъ тѣло его, уѣхалъ въ свой Переяславль, а Изяславъ Давидовичъ Черниговскій, узнавъ о смерти Изяслава, внезапно пріѣхалъ къ Кіеву. Вячеславу дано знать, когда онъ подошелъ уже на Днѣпръ къ перевозу. Вячеславъ послалъ спросить его: «зачѣмъ ты пріѣхалъ, и кто тебя позвалъ? ступай въ свой Черниговъ.»

Изяславъ отвѣчалъ: «я пріѣхалъ оплакать брата своего, ибо не былъ на его погребеніи. Позволь мнѣ поклониться его гробу.» — Вячеславъ, посовѣтовавшись съ Мстиславомъ и мужами своими, не пустилъ его въ Кіевъ, потому что Ростиславъ не приходилъ еще изъ Смоленска, и Изяславъ, воротился, разумѣется съ досадою, въ Черниговъ, вступилъ въ переговоры съ Святославомъ Ольговичемъ, и послалъ за Юрьемъ въ Суздаль.

А Вячеславъ позвалъ въ Кіевъ Святослава Всеволодовича: »ты Ростиславу сынъ любимый, побудь здѣсь въ Кіевѣ, пока онъ пріѣдетъ изъ Смоленска, и тогда всѣ вмѣстѣ учинимъ мы рядъ.» Святославъ Всеволодичъ, безъ вѣдома Изяслава Давидовича и Святослава Ольговича, исполнилъ желаніе Вячеслава.

Ростиславъ наконецъ прибылъ, и Кіяне всѣ вышли къ нему на встрѣчу съ радостью великою. Также рады были и Черные клобуки. Ростиславъ, скупяся съ Святославомъ Всеволодовичемъ, поѣхалъ и поклонился отцу своему Вячеславу. Вячеславъ обрадовался ему и сказалъ: «сыну, я старъ, и рядовъ всѣхъ не могу рядити, отдаю Кіевъ тебѣ; какъ держалъ и рядилъ твой братъ, такъ держи и ряди ты; имѣй меня отцемъ и держи на мнѣ честь, какъ имѣлъ меня отцемъ Изяславъ, и держалъ на мнѣ честь, и вотъ полкъ мой и дружина моя.» Ростиславъ поклонился отцу своему Вячеславу и сказалъ: «вельми радъ, господине отче? имѣю тебя отцемъ господиномъ, какъ и братъ мой Изяславъ имѣлъ тебя, и въ твоей волѣ былъ.»

Кіевляне, посадивъ Ростислава въ Кіевѣ, сказали ему: «какъ братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, такъ и ты чести, а до твоего живота Кіевъ тебѣ.»

Ростиславъ далъ племяннику Святославу Всеволодичу Туровъ и Пинскъ, за то что онъ пріѣхалъ по зову Вячеслава, и соблюлъ ему волость.

А Юрій уже шелъ, и съ Половцами. Онъ осадилъ Переяславль, но былъ отраженъ Мстиславомъ съ помощію присланною изъ Кіева, и пошелъ къ Чернигову, куда поспѣшилъ противъ него и Ростиславъ со всѣми Кіевлянами и Торками.—Лишь только Кіевскій князь перешелъ Днѣпръ, какъ получилъ извѣстіе, что Вячеславъ, свечера здоровый, легъ спать и скончался. Ростиславъ воротился, оставя полки, оплакалъ своего дѣда, и проводилъ до гроба съ честью великою, у святыя Софіи, гдѣ лежитъ Ярославъ, прадѣдъ его, и Володимеръ отецъ его.— На Ярославовомъ дворѣ, Ростиславъ созвалъ всѣхъ мужей Вячеславовыхъ, тіуновъ и ключниковъ, велѣлъ разложить передъ собою все имѣніе своего отца, золото, серебро, платье, и началъ раздавать по монастырямъ и церквамъ, затворамъ и нищимъ; себѣ не взялъ ничего, кромѣ креста на благословеніе, а остатокъ назначилъ на исправленіе по немъ церковныхъ требъ, подъ надзоромъ мачихи, супруги Мстиславовой. Распорядивъ все онъ хотѣлъ было ѣхать къ Чернигову къ полкамъ своимъ, но мужи его отсовѣтовали говоря: «Богъ поялъ стрыя твоего Вячеслава, а ты не утвердился еще съ людьми въ Кіевѣ; поѣзжай лучше въ Кіевъ и утвердись съ людьми. Тогда, если Юрій придетъ къ тебѣ, захочешь ты мириться, будешь мириться, ибо ты утвердился уже съ людьми, захочешь ли ты биться, ты будешь биться».

Ростиславъ не послушался, пошелъ къ Чернигову, и требовалъ у Изяслава Давыдовича крестнаго цѣлованія, на томъ, чтобы сидѣть ему въ отчинѣ своей въ Черниговѣ, а Кіева не искать. Изяславъ отвѣчалъ: «я до сихъ поръ не дѣлалъ ничего противъ васъ, и вамъ не за что было приходить на меня. Такъ пусть же насъ разсудитъ Богъ»!

Къ нему пришли уже Половцы съ Глѣбомъ Юрьевичемъ. Ростиславъ, увидя противъ себя такое ополченіе, безъ достаточныхъ силъ, началъ просить мира, и передавалъ Изяславу подъ собою Кіевъ, а подъ Мстиславомъ Переяславль.

Мстиславъ услышавъ объ этомъ предложеніи, разсудилъ: «такъ не будь же ни мнѣ Переяславля, ни тебѣ Кіева», и поворотилъ коня съ дружиною своею отъ дяди. Половцы объѣхали полкъ Кіевской и начали биться. У Ростислава на первомъ поскокѣ палъ конь. Святославъ, сынъ его, то увидѣвъ, соскочилъ съ своего коня, и началъ биться съ окружавшими его. Собралось нѣсколько дру-

жины и подвели ему другаго коня. Вои его были разбиты, онъ бѣжалъ въ Смоленскъ, Мстиславъ въ Луцкъ, а Святослава Всеволодича захватили Половцы. Изяславъ Давыдовичь выкупилъ его съ женою, равно какъ и многихъ изъ Русской дружины, не отдавая вообще никого Половцамъ, изъ тѣхъ, кому удалось утечь въ городъ.

Одержавъ такую побѣду, онъ послалъ сказать Кіянамъ, что хочетъ ѣхать къ нимъ. У нихъ не оставалось никакого князя, и они звали его, чтобъ не взяли ихъ Половцы. Изяславъ уговорился было съ Святославомъ Ольговичемъ, чтобъ ему сидѣть въ Кіевѣ, а тому въ Черниговѣ, но они вскорѣ услышали, что Юрій идетъ, и увидѣли, что имъ нельзя удержаться противъ сильнаго Суздальскаго Князя. Самъ Ростиславъ, вышедъ съ полками своими ему навстрѣчу изъ Смоленска просилъ мира: «отче, кланяюсь тебѣ; ты прежде былъ добръ до меня, какъ и я до тебя; будь мнѣ вмѣсто отца.»

Юрій отвѣчалъ: я радъ, сынъ, съ Изяславомъ я не могъ ладить, а ты мнѣ братъ и сынъ. И не помянувъ злобы братьевъ, отдалъ ему гнѣвъ.

Вслѣдъ за Ростиславомъ встрѣтилъ Юрья Святославъ Ольговичь, а потомъ и Всеволодичь ударилъ ему челомъ говоря: избезумился я! — По ходатайству Святослава Ольговича Юрій далъ ему миръ, — и всѣ они вмѣстѣ пошли къ Чернигову. Съ дороги Святославъ Ольговичь послалъ къ брату своему Изяславу въ Кіевъ, говоря ему: «выѣзжай братъ изъ Кіева; идетъ Юрій, и мы звали его оба.» Но Изяславу не хотѣлось лишиться Кіева, и не слушалъ онъ брата.

Наконецъ Юрій подошелъ уже къ Чернигову съ своими воями. Святославъ послалъ еще уговаривать Изяслава: «иди изъ Кіева, Юрій уже близко, я отдамъ тебѣ Черниговъ, для ради христіанскихъ душъ», (ибо прежде Изяславъ свѣдома Святослава сѣлъ въ Кіевѣ). Но все таки онъ медлилъ: такъ улюбился ему Кіевъ, говоритъ лѣтопись. Наконецъ Юрій миновалъ Черниговъ, и сталъ приближаться къ Кіеву.

«Отдай мнѣ Кіевъ», послалъ онъ уже самъ сказать ему, «мнѣ отчина Кіевъ, а не тебѣ». Нечего было дѣлать: долженъ былъ рѣшиться Изяславъ. «Вотъ тебѣ Кіевъ», отвѣчалъ онъ, скрѣпя сердце, «не самъ я пріѣхалъ сюда, а посадили меня Кіяне. Не сотвори мнѣ пакости.» Юрій отдалъ ему гнѣвъ, Изяславъ и вышелъ изъ Кіева.

Наконецъ Юрій сѣлъ на столѣ отецъ своихъ и дѣдовъ (1154). Исполнилось его горячее желаніе, и супротивниковъ не осталось. Самый сильный умеръ, старшій еще прежде его, — остальные всѣ ему поклонились. Никто не имѣлъ права больше его. Юрій вздохнулъ свободно, достигнувъ цѣли своихъ горячихъ желаній. Онъ роздалъ сыновьямъ города Кіевскіе: Андрея посадилъ въ Вышгородѣ, Бориса въ Туровѣ, Глѣба въ Переяславлѣ, а Васильку далъ Поросье.

Мстиславъ съ братьями княжилъ въ землѣ Волынской. Давыдовичь въ Черниговѣ, Ольговичи въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ.

Казалось — всѣ дѣла уладились, и биться было не за что. Нѣтъ, много оставалось еще князьямъ причинъ, если не внѣшнихъ, то внутреннихъ, начать, отдохнувши, новыя между собою распри, а именно:

Изяславъ Давидовичь отвѣдалъ Кіева, и ему хотѣлось, какъ старшему изъ потомковъ Ярославовыхъ, достать себѣ первой столъ.

являя твердь братьѣ, (объявляя о твердомъ своемъ намѣреніи), и звалъ ихъ на помощь.

Ярославъ немедленно прислалъ къ нему пять полковъ. Въ Микулинъ пришли Берендичи, Торки, Печенѣги, весь Черный клобукъ. Мстиславъ двинулся.

Володимеръ Мстиславовичъ вышелъ между-тѣмъ изъ Триполя, съ женою и матерью, и занялъ Вышгородъ.

Мстиславъ Васильевскимъ путемъ вскорѣ достигъ Кіева, и взялъ рядъ съ братьею, съ дружиною и Кіянами.

На другой день онъ обратился къ Вышгороду, и пустилъ Берендичей на воропъ. Начались схватки. Много падало съ обѣихъ сторонъ. Послы ходили между князьями съ рѣчами о мирѣ, и уладившись о волость, наконецъ они поцѣловали крестъ: Володимеръ, Давидъ, Рюрикъ, Мстиславъ. Мстиславъ мая 15, 1167, въ понедѣльникъ, вступилъ въ Кіевъ. Володимеръ долженъ былъ воротиться въ Триполь, а Вышгородъ отданъ Давиду.

Но дядя, издавна враждебный Мстиславу, держалъ еще злое на умѣ. Мужъ Давидовъ Василь Настасичь провѣдалъ это, и сказалъ своему князю, а тотъ Мстиславу.

Володимеръ понявъ, что явлена Мстиславу дума его, пріѣхалъ оправливаться, и остановился въ Печерскомъ монастырѣ. Туда прибылъ и Мстиславъ, велѣлъ ему сѣсть въ економовой кельѣ, а самъ сѣлъ въ игуменовой, и послалъ спросить его:» братъ, зачѣмъ ты пріѣхалъ, я не посылалъ за тобою.» Володимеръ, съ дьячкомъ Иморжыжемъ, отвѣчалъ: «братъ, я слышалъ, что на меня наговариваютъ злые люди.» Мстиславъ сказалъ: «я слышалъ про то отъ брата Давида.» Послали въ Вышгородъ, за Давидомъ, который прислалъ натяжу Василя, приставивъ къ нему Радила тысячскаго и Василья Волковича. Мстиславъ пріѣхалъ черезъ три дня въ Печерскій монастырь, и Володимеръ прислалъ мужей своихъ Рагуила и Михаля, которые начали спираться съ Василемъ, а за Василя вышелъ послухъ Давыдъ Боривичь.

Дѣло было ясно: «братъ», сказалъ Мстиславъ, «ты цѣловалъ мнѣ крестъ, и губы еще не обсохли. Отцы наши говорили: Богъ тому судья, кто преступитъ крестное цѣлованіе; цѣлуй опять, если не хочешь лиха, и на меня ничего не думалъ.»

Володимеръ сказалъ: «радъ, цѣлую,—то все на меня лжа.» Мстиславъ отпустилъ его въ Котельницу, но онъ ни мало не смирился, и продолжалъ свои замыслы, сносился съ Берендичами, и, получивъ отъ нихъ обѣщаніе, явилъ думу свою Рагуилу Добрыничу, Михалю и Завиду. Тѣ отвѣчали: «ты, князь, задумалъ о себѣ. Мы ничего не знали и не ѣдемъ за тобою.» Володимеръ, взглянувъ на своихъ дѣтскихъ, сказалъ: «ну такъ они будутъ моими боярами», — и отправился на соединеніе съ Берендичами ниже Ростовца. Тѣ увидѣли его одного: «что же ты говорилъ намъ, будто всѣ братья съ тобою, и Андреевичъ Володимеръ, и Ярославъ и Давидъ! А ты ѣдешь одинъ и безъ мужей. Ты обманулъ насъ! Такъ лучше намъ въ свою голову, чѣмъ въ чужую,»—и начали пускать въ него стрѣлы.» Не дай Богъ поганому повѣрить,» воскликнулъ горестный Володимеръ, «пропалъ я душей и тѣломъ.» Онъ побѣжалъ. Дѣтскихъ его перебили Берендѣи около него. Онъ пустился къ Дорогобужу, куда прежде убѣжала жена его. Володимеръ Андреевичъ перенялъ мостъ черезъ Горину, и не пустилъ его къ себѣ. Онъ долженъ былъ искать спасенія уже не на Руси, и поворотилъ на Радимичи къ Суздалю; Андрей выслалъ къ нему навстрѣчу—сказать:

иди въ Рязань къ отчичу своему къ Глѣбу, я тебя надѣлю.» Володимеръ пошелъ туда, оставя жену съ дѣтятами у Всеволожей въ Глуховѣ. Мстиславъ выслалъ мать его, вдову дѣда Мстислава: «ступай въ Городокъ, а оттуда куда тебѣ угодно; не могу жить съ тобою въ одномъ мѣстѣ, потому что сынъ твой ловитъ головы моей, переступая крестъ.»

Вложилъ Богъ въ сердце Мстиславу Изяславичу (1168) мысль благую о Русской землѣ, которую любилъ онъ всѣмъ сердцемъ, и созвалъ онъ всю братью свою, началъ думать съ ними и сказалъ: «братья, пожалѣйте о Русской землѣ, и о своей отчинѣ-дѣдинѣ, которую на всякое лѣто несутъ поганые въ вѣжи свои, съ нами роту взимаюче и всегда переступаюче. Вотъ они уже отнимаютъ у насъ и Греческій путь, и Соляный, и Залозный; хорошо бы намъ братья поискать отцевъ и дѣдъ своихъ пути и своей честн, возряче на Божію помощь.» И была эта рѣчь угодна всей братіи и мужамъ ихъ. Они отвѣчали: «Буди такъ. Дай Богъ намъ за христіанъ и за Русскую землю сложить свои головы, и къ мученикамъ причтенымъ быти.»

Мстиславъ послалъ къ Ольговичамъ въ Черниговъ, и велѣлъ имъ быть съ собою. Тогда Ольговичи были въ волѣ Мстиславовой. И совокупились всѣ братья въ Кіевѣ: Рюрикъ изъ Вручаго и Давидъ изъ Вышегорода; Всеволодичи Святославъ и Ярославъ, Олегъ Святославичъ, братъ его Всеволодъ, Ярославъ изъ Луцка, Ярополкъ, Мстиславъ Всеволодовичъ, Глѣбъ изъ Переяславля, братъ его Михаилъ, и многіе другіе. Возрѣвше на Божію помощь и силу честнаго креста, вышли они изъ Кіева Марта 2, въ субботу на средокрестной недѣлѣ.

Ярополкъ, братъ Мстиславовъ, былъ очень боленъ, но не хотѣлъ отстать отъ своихъ братьевъ. Въ Тумащѣ начала одолѣвать его болѣзнь, а Мстиславъ былъ уже за Каневымъ. Къ нему послана вѣсть о болѣзни братней. Мстиславъ велѣлъ игумену Поликарпу и попу Данилу ѣхать къ брату, и если онъ умретъ, похоронить его у святаго Θеодора. Онъ скончался въ четвергъ, Марта 7.

Князья шли девять дней. Половцы, услышавъ отъ кощея отъ Гаврилки Иславича, что идутъ на нихъ всѣ князья Русскіе, побросали своихъ женъ и дѣтей, и побѣжали. Князья пустились за ними въ погоню, оставя у возовъ своихъ Ярослава Всеволодича, настигли ихъ у Чернаго лѣса, и притиснувши къ лѣсу, однихъ избили, другихъ руками побрали; Бастій и другіе гнали ихъ даже за Осколъ. Вѣжи по Углу и по Снопороду были захвачены; столько досталось полона отъ Половцевъ, что всѣмъ Русскимъ воямъ наполнитися до изобилія, и плѣнниками и чагами, и дѣтьми ихъ, и челядью, и конями, и скотиною. Отполоненные христіане пущены были всѣ на волю.

Князья, съѣхавшись, осмотрѣли полки свои, и увидѣли, что всѣ съ Божіею помощью были здоровы, и изъ всѣхъ полковъ былъ убитъ только Коснятинъ Васильевичъ, Яруновъ братъ, да сѣдельникъ Ярослава Изяславича, и взятъ въ плѣнъ Коснятинъ Хотовичъ. Похваливъ Бога, съ радостью великою, воротились князья домой на самое Воскресеніе Христово, и людямъ была двойная радость: Воскресеніе Господне и возвращеніе князей съ побѣдою и славою. Братья однако втайнѣ сѣтовали на Мстислава, что онъ, заложився, отай, пускалъ ночью на воропъ своихъ сѣдельниковъ и кощеевъ.

Вскорѣ опять князья всѣ собралися въ Кіевѣ. Мстиславъ сказалъ: «братья, мы сдѣлали много зла Половцамъ, вѣжи ихъ поимали,

дѣтей полонили, и увели стада; они будутъ пакостить нашимъ Гречникамъ и Залозникамъ. Поѣдемъ на встрѣчу Гречникамъ.».

Князья пошли въ походъ и стали у Канева.

Все было согласно и мирно, но злые люди посѣяли раздоръ. Петръ и Нестеръ Борисовичи начали молвить злыя рѣчи Давиду на Мстислава. Они сердились на него за то, что Мстиславъ отпустилъ ихъ отъ себя, по винѣ ихъ холопей, которые покрали коней въ Мстиславовомъ стадѣ, и всклали свои пятна «раззнаменываюче».

Давидъ повѣрилъ и передалъ навѣтъ брату Рюрику: «пріятели повѣдали мнѣ, что Мстиславъ хочетъ насъ взять.» Рюрикъ возразилъ: «за что же? Вѣдъ онъ недавно цѣловалъ намъ крестъ.» —Навѣтники говорили: «Мстиславъ будетъ звать васъ на обѣдъ, тутъ и будетъ ваше ятье, и слова наши оправдаются.» — Мстиславъ не имѣлъ о томъ никакого понятія, питая къ братьямъ совершенную любовь. Онъ послалъ дѣйствительно звать ихъ къ себѣ на обѣдъ, а тѣ отвѣчали: «поцѣлуй прежде намъ крестъ, чтобъ не замыслить на насъ лиха, такъ мы пріѣдемъ къ тебѣ.» Мстиславъ удивился и явилъ требованіе дружинѣ своей. Дружина отвѣчала: «безъ пути, князь, велятъ тебѣ братья цѣловать крестъ. Мы знаемъ твою любовь къ нимъ. Вѣрно злые люди, завидя братской любви, придумали лихо; злой человѣкъ хуже бѣса: бѣсъ того не замыслитъ, что замыслитъ злой человѣкъ. Скажи братьямъ, что ты крестъ цѣлуешь, а они чтобъ выдали тебѣ, кто васъ сваживаетъ.»

И послалъ Мстиславъ пословъ Давиду съ тою рѣчью. Давидъ отвѣчалъ: «кто же мнѣ будетъ говорить, и предостерегать меня, если я выдамъ.» Мстиславъ поцѣловалъ къ нимъ крестъ, и они поцѣловали, но сердце ихъ не было съ нимъ право.

Володимеръ Андреевичь началъ припрашивать волости. Мстиславъ уразумѣвъ, что проситъ онъ волости извѣтомъ, отвѣчалъ: «Давноли ты крестъ цѣловалъ и волость взялъ у меня.»

Тотъ разгнѣвался и пошелъ къ Дорогобужу.

Новогородцы, между тѣмъ, прогнавъ отъ себя Святослава Ростиславича, и поссорясь съ Андреемъ, прислали къ Мстиславу просить у него сына Романа. Ростиславичи разсердились еще болѣе на Мстислава, и начали снашиваться на него рѣчами между собою и съ Великимъ княземъ Суздальскимъ Андреемъ, который не любилъ его всегда, а теперь еще болѣе, за доставленіе Новогородцамъ сына противъ его воли. Всѣ князья утвердились крестомъ между собою.

Многочисленная рать собралась по зову Андрееву: къ полкамъ Ростовскимъ, Суздальскимъ, Владимирскимъ, съ старшимъ сыномъ его Мстиславомъ, присоединились Романъ изъ Смоленска, Глѣбъ изъ Переяславля, Олегъ Святославичъ и братъ его Игорь Черниговскіе, Володимеръ изъ Дорогобужа, Рюрикъ изъ Вручаго, Давидъ изъ Вышгорода, братъ его Мстиславъ, братъ Андреевъ Всеволодъ Георгіевичъ, племянникъ Мстиславъ Ростиславичъ, всего 11 князей. Главнымъ воеводою посланъ былъ Борисъ Жирославичъ. Самъ Андрей не пошелъ, увѣренный, что дѣло обойдется успѣшно и безъ него.

Всѣ полки снялись въ Вышгородѣ, и на второй недѣлѣ поста оступили Кіевъ. Мстиславъ затворился и бился крѣпко изъ города. Помощниковъ у него не было никого, кромѣ Торковъ и Берендѣевъ, и тѣ льстили подъ нимъ. Три дня приступали полки и собственная дружина его ослабѣла: «что, князь, стоишь?» она говорила ему: «намъ ихъ не перемочи.» Мстиславъ немогъ

противиться долѣе: съ четвертаго приступа городъ былъ взятъ, и сынъ Изяславовъ, прискорбный, долженъ былъ оставить Кіевъ. Бастѣева чадь погналась къ Василеву, стрѣляя въ плеча ему, и захватила много отъ его дружины: Дмитра Хоробраго, Олекса дворскаго, Сбыслава Жирославича, Ивана Творимирича, Рода, тіуна его, и многихъ другихъ. За Уновью Мстиславъ соединился съ братомъ Ярославомъ, и оба поспѣшили въ Владимиръ, а жена его и дѣти достались въ плѣнъ побѣдителямъ.

Кіевъ былъ взятъ въ Мартѣ, 1169, на второй недѣлѣ поста. Сборная рать бросилась грабить по горѣ и подолью. Суздальцы, Смольяне, Черниговцы и Олегова дружина, хватали ризы, иконы, книги, колокола изъ Десятинной церкви, отъ Святой Софіи. Дома, церкви и монастыри загорѣлись. Въ монастырѣ Печерскомъ показался было огонь, но пожаръ былъ потушенъ. «И бысть въ Кіевѣ,» говоритъ тамошній лѣтописецъ, «стенаніе и туга, и скорбъ неутѣшимая, и слезы непрестанныя. Сія же вся содѣявшаяся грѣхъ ради нашихъ.»

А Суздальскій лѣтописецъ почитаетъ это бѣдствіе наказаніемъ за митрополичью неправду. Какая же была эта неправда? Митрополитъ не задолго передъ тѣмъ запретилъ Печерскаго игумена Поликарпа, не веля ему ѣсть молока и мяса въ господскіе праздники, что казалось страшнымъ грѣхомъ, привлекшимъ общее тяжелое наказаніе.

Мстиславъ (Андреевичъ), разумѣется, по мысли и волѣ своего отца, посадилъ въ Кіевѣ дядю Глѣба Юрьевича; никто не смѣлъ противиться, хотя и былъ еще въ живыхъ старшій двоюродныйбратъ. Сынъ Андреевъ возвратился во Владимиръ съ честью и славою великою.

Глѣбу досталось на долю мало покоя въ Кіевѣ. Сначала потревожили его Половцы. Подошедъ къ нашимъ предѣламъ, они раздѣлились на двѣ ватаги: одна обратилась къ Переяславлю и стала у Песочна, другая по той сторонѣ Днѣпра, къ Кіеву, и стала у Корсуна. Они послали сказать Глѣбу, что хотятъ положить рядъ между собою, «внидемъ въ роту, да ни вы начнете боятися насъ, ни мы васъ.» Глѣбъ радъ былъ идти къ нимъ на снемъ, и посовѣтовался съ дружиною: съ которыми догавариваться прежде? Рѣшено начать съ Переяславскихъ, съ цѣлію охранить городъ, предоставленный сыну Володимеру, имѣвшему только 12 лѣтъ. Такъ и далъ онъ знать стоявшимъ подъ Кіевомъ, обѣщаясь придти къ нимъ немедленно. А они, не дождавшись его, пустились воевать, заняли Полоной, городъ десятинный святой Богородицы, и Семычъ, взяли селъ безъ числа, съ людьми, мужами и женами, конями, овцами, скотомъ, и погнали во свояси. Глѣбъ на пути къ нимъ въ Корсунь, по замиреніи Переяславскихъ Половцевъ, узналъ уже на Перепѣтовомъ полѣ объ ихъ предательствѣ, и хотѣлъ тотчасъ погнаться за ними, но Берендѣи его не пустили, взявъ коня его за поводъ: «не надо, тебѣ лѣпо ѣздить только въ великомъ полку, а теперь пусти пока насъ съ которымъ-нибудь изъ твоихъ братьевъ.» Глѣбъ далъ имъ брата Михалка со ста Переяславцевъ, а ихъ пошло полторы тысячи. Михалко послушался брата, и пошелъ безъ своей дружины, которая даже и не знала о его походѣ. Они обошли сначала сторожей Половецкихъ, 300 человѣкъ, и побили однихъ, другихъ полонили; отъ полоненныхъ узнали, что за ними идетъ Половцевъ 7,000, и рѣшили ихъ перебить «а то они станутъ намъ первыми ворогами,

когда дойдетъ дѣло до драки съ тѣми; насъ же мало.» Перебивъ плѣнниковъ, двинулись впередъ, встрѣтились вскорѣ, сразились и одолѣли, а полонъ отняли: «Сколько есть еще вашихъ назади?» спросили они. «Теперь идетъ великій полкъ.» Уповая на крестъ честный, наши рѣшились схватиться и съ большимъ полкомъ. Переяславцы, дерзи суще, бросились съ Михалкомъ, но Берендѣи поворотили его назадъ: «ты нашъ городъ, не ѣзди впередъ, мы пойдемъ.» У поганыхъ было 900 копій, а у нашихъ 90. Сѣча была зла. Половцы убили нашего стяговника, и сорвали челку со стяга. Произошло замѣшательство. Воевода Володиславъ, Яневъ братъ, вздумалъ взять стягъ Михалковъ, и навязалъ на него прилбицу. Кучей бросились всѣ на Половцевъ и убили стяговника Половецкаго; самъ Михалко былъ раненъ двумя копьями въ бедро, а третьимъ въ руку, наконецъ Половцы побѣжали, съ княземъ Тогліемъ. Наши, погнавшись, руками взяли полторы тысячи. И воротился Михалко съ побѣдою и честію великою въ Кіевъ. Побѣда приписана была въ Кіевѣ покровительству Божіей Матери десятинной, которой владѣнія опустошены Половцами, «да аще Богъ не дастъ въ обиду человѣка проста, егда начнутъ его обидѣти, аже онъ своеѣ Матери дому» (1170).

Едва справился съ Половцами Глѣбъ, какъ явился ему новой врагъ, Мстиславъ, столь же дѣятельный, безпокойный, какъ и отецъ его. Онъ хотѣлъ управиться съ Глѣбомъ, какъ Изяславъ управился съ отцемъ его Юріемъ. По удаленіи изъ Кіева, онъ воевалъ на Волыни, и получивъ помощь изъ Галича, двинулся съ союзными войсками на Кіевъ.

Между тѣмъ Володимеръ Андреевичъ скончался въ Дорогобужѣ; тѣло было привезено въ Вышгородъ. Глѣбъ выслалъ игумена Печерскаго Поликарпа и Симеона, отъ св. Андрея, доправить его до Кіева. Давидъ не отпустилъ съ ними княгини, своей Ятрови, опасаясь воевъ Мстиславовыхъ, о которыхъ тогда только услышалъ. Дружина Володимерова сама отказалась идти, въ страхѣ отъ мщенія Кіянъ. Игумены просили собственной Давидовой дружины: не кому ни коня вести, ни стяга нести. Давидъ отвѣчалъ: «честь его и стягъ его съ душею отошли. Возьмите поповъ мученическихъ.» Володимеръ былъ погребенъ Февраля 15 въ субботу, въ первую недѣлю поста.

Великій князь, не надѣясь справиться съ Мстиславомъ, оставилъ Кіевъ и ушелъ въ Переяславль.

Мстиславъ соединился съ Торками и Берендѣями въ Триполѣ, и потомъ занялъ оставленный Кіевъ, взялъ ряды съ пришедшею вмѣстѣ съ нимъ братьею и Кіянами.

Изъ Кіева пошелъ Мстиславъ въ Вышгородъ, пустивъ своихъ на воропъ. У Давида было много дружины своей и отъ братьевъ. Онъ снялъ острогъ заранѣе, и отразилъ нападеніе, Глѣбъ прислалъ къ нему въ помощь Григорья тысяцкаго съ полкомъ, пришелъ Кончакъ съ родомъ своимъ, дикіе Половцы, а Мстислава оставила вспомогательныя дружина Галицкая, можетъ быть подкупленная, представя ложную грамоту, будто бы написанную отъ князя Ярослава, чтобъ имъ не стоять подъ Вышегородомъ болѣе пяти дней. Мстиславъ объяснилъ братьѣ о своемъ положеніи; онъ находился тогда передъ Золотыми вратами, и всѣ рѣшили идти во свояси, чтобъ, отдохнувъ, придти вновь, тѣмъ болѣе, что самъ Глѣбъ спѣшилъ черезъ Днѣпръ, на помощь къ Давиду, а на Черняго

клобука надѣяться было нельзя. Мстиславъ отступилъ въ понедѣльникъ на 2 недѣлѣ по Пасхѣ. Давидъ послалъ за ними въ погоню Владислава Ляха, который догналъ ихъ у Болохова; и долго провожалъ стрѣлами.

Глѣбъ отпустилъ Половцевъ въ вѣжи. Они остановились за Василевымъ у сѣдельниковъ, дожидаюче свою дружину, а Василько Ярополчичъ, союзникъ Мстиславовъ, напалъ на нихъ изъ Михаилова, впрочемъ былъ разбитъ ими, соединившимися съ сѣдельниками. Глѣбъ сжегъ его городъ и раскопалъ греблю.

Мстиславъ, среди сборовъ на Глѣба, умеръ, августа 19, 1170. Вскорѣ за нимъ послѣдовалъ и Глѣбъ, Января 20, 1171 года.

Ростиславичи, княжившіе вокругъ, во Вручемъ, въ Вышгородѣ, въ Торческѣ, призвали по праву *Володимера Мстиславича* изъ Дорогобужа, вабяче и въ Кіевъ на столъ.

Онъ, преступивъ клятву къ ротникамъ своимъ, къ Ярополку и Мстиславичамъ, отдалъ Дорогобужъ сыну Мстиславу, и пришедъ въ Кіевъ тайно, сѣлъ на столѣ 15 Февраля, на масляной.

Андрею, Великому князю Суздальскому, не любо было, что Кіевъ, взятый имъ и отданный брату, теперь, по смерти Глѣбовой, предоставленъ безъ его воли Володимеру; онъ велѣлъ, безъ всякихъ околичностей, новозванному Великому князю идти изъ Кіева назадъ въ Дорогобужъ.

Володимеръ Мстиславичъ не успѣлъ исполнить приказанія, искончался Мая 30, (1171), русальной недѣли въ Воскресенье. «Се же много подья бѣды, бѣгая передъ Мстиславомъ, або въ Галичь, або въ Угры, або въ Рязань, або въ Половцихъ, за свою вину, зане же не устояше въ крестномъ цѣлованьѣ; тако бо бяше ко всей братьи своей вертливъ.

Въ началѣ Іюля прибылъ *Романъ Ростиславичъ* въ Кіевъ изъ Смоленска, по слову Андрееву. Половцы воевали по Роси и набѣжали на Переяславль. Но были отражены Игоремъ Святославичемъ Сѣверскимъ, который отпраздновалъ праздникъ Бориса и Глѣба въ Вышгородѣ съ Ростиславичами, представилъ имъ сайгатъ, и былъ одаренъ ими.

Спокойствіе нарушилось внезапно подозрѣніемъ Андрея: ему сказали, что братъ его Глѣбъ въ Кіевѣ умеръ не своею, а насильственною смертью, изведенный такими-то Кіевскими боярами, и онъ потребовалъ ихъ отъ Ростиславичей: «выдайте мнѣ Григорья Хотовича, Степана и Олексу Святославца, —это враги всѣмъ намъ.»

Ростиславичи не хотѣли ихъ выдать, и отпустили Григорья отъ себя.

Разсерженный Андрей прислалъ сказать Роману: «ты не ходишь въ моеі воли съ братью своею—иди же изъ Кіева, а Давидъ изъ Вышгорода. Ступайте въ Смоленскъ и тамъ дѣлитесь между собою. Кіевъ я отдаю брату Михалку.»

Такъ былъ силенъ Андрей, что одного своего слова онъ считалъ достаточнымъ, дабы выслать многихъ князей изъ ихъ княжествъ и произвести совершенно новое между ними размѣщеніе.

И этого слова было въ самомъ дѣлѣ достаточно: Романъ, услышавъ его, собрался и безпрекословно выѣхалъ изъ Кіева, а Рюрикъ, Давидъ и Мстиславъ огорченные рѣшились попытаться, не успѣютъ ли перемѣнить гнѣва на милость. Они послали сказать Андрею: «братъ! правда, мы нарекли тебя отцемъ своимъ, цѣловали крестъ тебѣ, и стоимъ въ крестномъ цѣлованіи, хотяче добра тебѣ, а ты брата нашего Романа

вывелъ изъ Кіева, и намъ кажешь путь изъ Русской земли, безъ всякой со стороны нашей вины. Но Богъ и сила крестная надъ всѣми.» Андрей не давалъ имъ никакого отвѣта.

Между тѣмъ Михалко, которому онъ назначилъ Кіевъ, не пожелалъ переѣзжать туда, а послалъ меньшаго брата Всеволода съ племянникомъ Ярополкомъ.

Ростиславичи, видя, что имъ отъ Андрея надѣяться нечего, сгадавше, напали ночью на Кіевъ изъѣздомъ, захватили Всеволода и его племянника, всѣхъ бояръ, и отдали Кіевъ брату Рюрику, уговорясь съ Михалкомъ.

Ольговичи Черниговскіе, не терпѣвшіе Ростиславичей, рады были этому случаю, и послали своихъ мужей къ Андрею, поводяче его на ослушниковъ: «кто тебѣ ворогъ», говорили они, «тотъ и намъ ворогъ; мы готовы съ тобою».

Андрей уже и самъ «разжегся гнѣвомъ», и послалъ Михна мечника съ новымъ приказомъ въ Кіевъ: «поѣзжай къ Ростиславичамъ, и скажи Рюрику: пусть онъ идетъ въ Смоленскъ къ брату въ свою отчину; Давиду скажи: все отъ него, я не велю ему быть въ Русской землѣ»!

Мстиславъ (Ростиславичъ) навыкшій отъ юности не бояться никого кромѣ Бога, какъ говоритъ лѣтописецъ, выслушавъ этотъ грозный приказъ, велѣлъ предъ собою остричь голову и бороду Андрееву послу. «Иди же теперь къ своему князю», сказалъ онъ, «и донеси ему: мы считали его до сихъ поръ отцемъ себѣ по любви; но если онъ прислалъ тебя съ такими рѣчьми ко мнѣ, не какъ князю, а какъ подручнику и простому человѣку, то я не хочу знать его. Что мыслилъ онъ, пусть и дѣлаетъ то, а Богъ за всѣмъ»!

Обруганный, обезчещенный посолъ явился во Владиміръ. Когда Андрей увидѣлъ его въ такомъ положеніи, остриженнаго, безъ бороды, «образъ лица его потускнѣлъ», говоритъ лѣтописецъ, «и взострися на рать, и бысть готовъ».

Всѣ вои собралися на его зовъ: и Ростовцы, и Владимирцы, Переяславцы, Бѣлозерцы, Муромцы, и Рязанцы. Сами Новогородцы пришли съ юнымъ сыномъ его Георгіемъ. Рать поручилъ Андрей опять испытанному воеводѣ Борису Жирославичу, и велѣлъ ему—Рюрика и Давыда выгнать изъ своей отчины, «а Мстислава взявши, не троньте и приведите ко мнѣ».

Лѣтописецъ, передавая эти слова, самъ, кажется, вострепеталъ, и такъ при нихъ разсуждаетъ: «Андрей князь, толикъ умникъ сы во всѣхъ дѣлѣхъ, добль сы, и погуби смыслъ свой невоздержаніемъ, распалевся гнѣвомъ, такова убо слова похвальна испусти»!

Когда ополченіе проходило мимо Смоленска, князь Романъ выслалъ сына съ своими полками, принужденный идти просить родныхъ братьевъ, страха ради Андреева.

Потомъ, по дорогѣ, получивъ приказъ, присоединились князья Полоцкіе, Пинскій, Туровскій, Городенскій; потомъ Ольговичи съ полками Черниговскимъ и Новгородъ-Сѣверскимъ; наконецъ братья Андреевы, Михалко и Всеволодъ, предъ тѣмъ выпущенный изъ плѣна, племянники Ярополкъ и Мстиславъ Ростиславичи, Володимеръ Глѣбовичь Переяславскій.

Всѣ князья и вои остановились у князя Черниговскаго, Святослава Всеволодовича, по указу Андрееву, для совѣщанія, и потомъ пошли на Кіевъ.

Кіевъ былъ уже пустъ: Ростиславичи оставили его и разъѣхались по своимъ городамъ: Рюрикъ затворился въ Бѣлгородѣ, Мстиславъ въ Вышгородѣ, а Давыдъ уѣхалъ

въ Галичь, просить помощи у родственнаго имъ Ярослава.

Князья, занявъ оставленный Кіевъ, поспѣшили къ Вышгороду, гдѣ засѣлъ главный противникъ Андреевъ Мстиславъ, котораго должно имъ было представить живаго Суздальскому Великому князю.

Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій, старшій между всѣми князьями, которыхъ числомъ было двадцать, отрядилъ впередъ Всеволода Юрьевича и Игоря съ моложьшими князьями. Мстиславъ не унывалъ. Увидя подходившую рать, изрядилъ полки свои, и вышелъ къ ней ввстрѣчу на болонье. Полки тѣ и другіе жадали боя. Стрѣльцы сшиблись и начали стрѣляться, гоняясь между собою. Примѣтивъ замѣшательство между своими, Мстиславъ подскочилъ къ дружинѣ и воскликнулъ: «братья, ударимъ, надѣясь на помощь Божью и святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба»! Противники стояли на три полка: Новогородцы и Суздальцы, и по срединѣ Всеволодъ Юрьевичъ. Мстиславъ бросился на средину и потопталъ ее, а другіе ратные, увидя, что онъ вмалѣ, окружили его, и все перемѣшалось. «И было ужасное смятеніе», говоритъ лѣтописецъ, «и стонъ, и крикъ, и голоса незнаемые, ломъ копійный, и стукъ оруженный; отъ множества праха не видать ни конниковъ, ни пѣшцевъ». Крѣпко бились враги и разошлись къ ночи; впрочемъ убитыхъ, къ удивленію, оказалось не много, а больше раненыхъ. Таковъ былъ бой перваго дня на болоньѣ у Мстислава, съ Всеволодомъ, Игоремъ и другими молодшими князьями. А на завтра пришли всѣ силы, окружили городъ, и начали приступать ежедневно; изъ города также выбѣгали биться часто. Мстиславъ держался. Много было въ его дружинѣ раненыхъ и смертныхъ, добрыхъ мужей, но онъ не думалъ сдаваться. Девять недѣль продолжалась осада.

На десятой недѣлѣ приходитъ на Ростиславичей же Ярославъ Изяславичъ Луцкій со всею Волынскою землею, но вмѣстѣ требуетъ себѣ старѣйшинства предъ Ольговичами, которымъ Андрей предоставлялъ Кіевъ. Ольговичи не уступаютъ ему Кіева, и своеправный Ярославъ вступаетъ въ переговоры съ Ростиславичами, уряжается о Кіевѣ, и переходитъ на ихъ сторону. Кажется и Святослава Всеволодовича Черниговскаго наконецъ привлекъ онъ тайно къ себѣ, обѣщаясь надѣлить впослѣдствіи.

Между осаждающими разнесся слухъ, что Галичане идутъ еще на помощь къ Ростиславичамъ, и что Черные клобуки готовы перейдти на ихъ сторону.

Какъ бы то ни было, по справедливой или мнимой причинѣ, полки Черниговскіе устрашились, и не дождавшись свѣта, бросились чрезъ Днѣпръ въ великомъ смятеніи, такъ что и удерживать ихъ никому было невозможно, и множество потонуло въ рѣкѣ. За ними послѣдовала и рать Суздальская, которой одной нечего оставалось дѣлать. Мстиславъ, увидѣвъ такое внезапное бѣгство, никому не гонящу, выѣхалъ изъ города съ дружиною, ударилъ на станъ, и взялъ множество колодниковъ.

Много пота утеръ онъ и много мужества показалъ онъ съ своею дружиною, за то и наградилъ его Богъ побѣдою, паче всякаго чаянія (1173).

Рать Андреева со стыдомъ возвратилась въ Владиміръ.

Ярославъ Изяславичь Луцкій занялъ Кіевъ, но не надолго. Святославъ Черниговскій началъ просить у него надѣленья по договору:

«помяни первый рядъ—ты говорилъ, если сядешь въ Кіевѣ, то надѣлишь меня, а если я сяду, то надѣлю тебя. Теперь ты сѣлъ, право ли, криво ли, надѣли же меня.» Ярославъ отвѣчалъ: «съ чего тебѣ владѣть въ нашей отчинѣ? До этой стороны тебѣ дѣла нѣтъ.» Святославъ возразилъ: «Я не Угринъ, ни Ляхъ, мы внуки одного дѣда, сколько тебѣ до него, столько и мнѣ; если не стоишь въ первомъ ряду—твоя воля.»

А самъ, совокупяся съ братьями, внезапно изъѣздомъ напалъ на Кіевъ. Ярославъ, одинъ, не смѣлъ затвориться, и бѣжалъ, оставивъ даже жену и сына. Святославъ захватилъ ихъ и всю дружину, имѣнія Ярославова безъ числа, и увезъ все въ Черниговъ.

Ярославъ услышавъ, что Кіевъ остался безъ князя, ограбленный Ольговичами, воротился, и приписывая нападеніе Святослава подвоху Кіянъ, обложилъ ихъ податью, чтобъ выкупить жену и сына; обложилъ всѣхъ игумновъ и поповъ, чернцевъ и черницъ, латину и гостей, всѣ затворы и всѣхъ Кіянъ.

Святославъ впрочемъ помирился съ нимъ, а Ростиславичи, не извлекшіе отъ блистательной борьбы съ Андреемъ никакой пользы для себя, которая досталась другимъ, рѣшились прибѣгнуть къ покровительству Андрееву, смирились передъ нимъ и просили отдать Кіевъ Роману. Тотъ обѣщалъ имъ подумать, но былъ убитъ заговорщиками, изъ личной мести. Ростиславичи должны были надѣяться на себя. Они позвали брата Романа Смоленскаго къ себѣ на помощь.

Ярославъ сказавъ: «вы привели брата Романа и хотите отдать ему Кіевъ»,—уѣхалъ въ Луцкъ, и не согласился возвратиться, не смотря на ихъ вызовъ.

Романъ сѣлъ на столъ въ Кіевѣ, 1174. Половцы напали на Русскую землю, и взяли шесть городовъ Берендичей. Романъ выслалъ на нихъ братьевъ, которые заспорили между собою и были разбиты.

Святославъ Всеволодовичъ хотѣлъ воспользоваться ихъ неблагопріятными обстоятельствами. Обвинивъ за что-то Давыда, онъ потребовалъ наказанія, говоря: «рядъ нашъ такъ есть—оже ся князь извинитъ, то въ волость, а мужъ въ голову, Давыдъ же виноватъ.» Романъ не исполнилъ его требованія, и Святославъ переправился чрезъ Днѣпръ, занялъ опять Кіевъ, но испугавшись прибытія Мстиславова съ полкомъ, отошелъ къ себѣ домой.

Впрочемъ Ростиславичи, не надѣясь удержать за собою Кіевъ, рѣшились добровольно уступить его Черниговскому князю, выговоривъ себѣ, разумѣется, новыя выгоды.

Романъ удалился въ Смоленскъ, а *Святославъ* занялъ Кіевъ, который принадлежалъ нѣкогда и его отцу (1176).

Столъ Владимирскій послѣ многихъ смутъ достался тогда меньшимъ Юрьевичамъ, Михалку, и потомъ брату его Всеволоду, которымъ Святославъ имѣлъ случай оказать важныя услуги.

Еще одинъ изъ Ростиславичей оставилъ Русскую землю, и самый храбрый между ними, Мстиславъ, прославившійся защитою Кіева отъ Андреевой рати. Онъ былъ вызванъ Новогородцами и долго отказывался: «яко не могу идти изъ отчины своей и со братьею своею разойтися.» «Прилежно бо тщашеся, «прибавляетъ лѣтописатель,» хотя страдати отъ всего сердца за отчину свою, всегда бо на великая дѣла тѣсняся, размышливая съ мужи своими, хотя исполнити отечествіе свое.» Братья и мужи старались уговорить его: «иди братъ, если зовутъ тебя съ честью, развѣ Новгородъ не наша также

отчина.» Онъ уступилъ убѣжденіямъ, надѣяся впослѣдствіи воротиться въ Русскую землю.

Нѣсколько лѣтъ прошло спокойно, кромѣ незначительныхъ набѣговъ Половецкихъ.

Святославъ послалъ сына Глѣба съ дружиною въ помощь къ зятю, Роману Глѣбовичу Рязанскому. Великій князь Всеволодъ захватилъ его въ плѣнъ (1179), и Святославъ разжегся гнѣвомъ, тѣмъ болѣе, что Всеволодъ былъ ему много одолженъ. Онъ хотѣлъ идти къ Владиміру, но боялся оставить Русскую землю во власти Ростиславичей, «яко мьстился быхъ Всеволоду; но нелзѣ Ростиславичи, а тѣми вовсемъ пакостятъ въ Русской землѣ; а въ Володимерѣ племени, кто ми ближній, тотъ и добръ.»

Давыдъ въ ладьяхъ ходилъ ловы дѣя по Днѣпру, Святославъ по Черниговской сторонѣ. И вздумалъ онъ съ женою и милостникомъ своимъ Кочкаремъ захватить Давида: «Давида возму, а Романа выгоню, и останусь одинъ въ Русской землѣ съ братьею, и тогда мщуся Всеволоду за обиду мою.»

Съ этою мыслію, переѣхалъ онъ чрезъ Днѣпръ, и ударилъ на товары Давида, который спасся въ ладью съ княгинею. Черниговцы по берегу за ними, начали стрѣлять, но не достали.

Святославъ захватилъ дружину его и товары, и переѣхалъ въ Кіевъ подъ Вышгородомъ, а на другой день опять пустился по Днѣпру, но не нашелъ его ни на которомъ пути. Давидъ спасся въ Бѣлгородъ къ брату.

Тогда Святославъ переправился за Днѣпръ, сказавъ: «я объявился Ростиславичамъ, и не могу больше оставаться въ Кіевѣ.»

Въ Черниговѣ онъ созвалъ всѣхъ сыновъ, и молодшую братью, дружину, на совѣтъ, куда идти, къ Смоленску или къ Кіеву. Игорь отвѣчалъ: «отче, лучше, еслибъ была тишина, но если такъ не приходится, то лишь бы ты былъ здоровъ.» Рѣшено было идти на Великаго князя Суздальскаго.

Рюрикъ, услышавъ объ удаленіи Святослава изъ Кіева, занялъ городъ, и послалъ за братьями Ростиславичами, равно какъ и за Галицкою помочью, а Давида отправилъ къ старшему брату въ Смоленскъ.

Святославъ, (1180), собравшись съ братьею въ Черниговѣ, сказалъ: «я старѣе Ярослава, а ты, Игорь (Святославичь), старѣе Всеволода, и нынѣ я вамъ въ отца мѣсто остался; и велю тебѣ, Игорь, здѣсь быть съ моимъ братомъ Ярославомъ, блюсти Черниговъ, а я съ Всеволодомъ пойду къ Суздалю —выручать сына Глѣба; тамъ какъ уже разсудитъ насъ Богъ!» И Половцевъ раздѣлилъ онъ на двое: однихъ взялъ съ собою къ Суздалю, другихъ оставилъ у братьи.

На пути присталъ къ нему сынъ Володимеръ съ полками Новогородскими.

Они опустошили Поволжье.

Всеволодъ, Великій князь Суздальскій, встрѣтилъ ихъ на берегахъ рѣки Влены.

Противники стояли двѣ недѣли, другъ противъ друга, бившись черезъ рѣку. Суздальцы держались на горахъ, въ пропастяхъ и ломахъ, такъ что нельзя было дойти до нихъ полкамъ Святославовымъ.—И Всеволодова дружина порывалась на нихъ, но Всеволодъ не пускалъ.—Наконецъ Всеволодъ послалъ Рязанскихъ князей; они наскакали въ товары Святославы и смяли ихъ, иныхъ побили, другихъ взяли; но Всеволодъ Святославичь (Черниговскій) подоспѣлъ на помощь, и Рязанскіе князья должны были бѣжать назадъ съ значительною потерею.

Святославъ въ нетерпѣніи, послалъ къ Всеволоду посломъ попа сказать: «братъ и сынъ! много сдѣлалъ я тебѣ добра, и не

чаялъ получить отъ тебя такую благодарность; но если ты уже умыслилъ такъ на меня и на сына моего, то не далече тебѣ искать меня—отступи не много отъ рѣчки,—и дай мнѣ путь, чтобъ я могъ подойти къ тебѣ ближе, и пусть разсудитъ насъ Богъ. А если ты не хочешь дать мнѣ пути, то я тебѣ дамъ: переѣзжай на эту сторону, и разсудитъ насъ Богъ здѣсь.»

Всеволодъ изымалъ пословъ Святославовыхъ, и отослалъ ихъ во Владиміръ, а Святославу не отвѣчалъ.

Святославъ не могъ оставаться дольше, боясь тепла: ушелъ вборзѣ, и сжегъ по дорогѣ Дмитровъ. Всеволодъ не велѣлъ за нимъ гнаться, но взялъ многіе его товары.

Вышедъ изъ земли Суздальской, Святославъ оборотился съ сыномъ въ Новгородъ.

А въ его отсутствіе братья вздумали сходить на Смоленскъ, соединясь съ Полоцкими князьями, и осадили Друцкъ. Прослышавъ объ его возвращеніи, отошли они къ нему на встрѣчу, и Давидъ, подоспѣвшій изъ Смоленска, не успѣлъ дать имъ сраженіе. Узнавъ о приближеніи Святослава, онъ бѣжалъ изъ Друцка; Святославъ сжегъ острогъ, и отошелъ къ Рогачеву, оттуда Днѣпромъ спустился къ Кіеву. Игорь съ Половцами ожидалъ его противъ Вышгорода.

Половцы отпросились у Святослава лечь съ Игоремъ по Долобску. Рюрикъ выслалъ на нихъ, не остерегшихся, свои вои, кои разбили ихъ совершенно. Многіе князья Половецкіе остались на мѣстѣ сраженія, другіе попались въ плѣнъ.

Рюрикъ, впрочемъ, не смотря на одержанную побѣду, угадавъ съ мужами своими, уступилъ опять Святославу старѣйшинство и Кіевъ, а себѣ взялъ всю Русскую землю (1180).

Примирился Святославъ и съ Владимирскимъ Всеволодомъ, посылалъ ему помощь на Болгаръ, и женилъ сына Мстислава на его свояченицѣ, Ясынѣ; а другой сынъ женился тогда на дочери Рюриковой.

Союзъ Великаго князя Святослава Всеволодыча съ Рюрикомъ Ростиславичемъ принесъ большую пользу какъ имъ, такъ ихъ волостямъ, и всей землѣ Русской.

Съ слѣдующаго года начинаются общіе походы ихъ на Половцевъ.

Святославъ и Рюрикъ, (1183), сгадавше, стали у Олжичь, ожидая брата Ярослава изъ Чернигова. Ярославъ совѣтовалъ отложить походъ до лѣта. Святославъ послалъ однакожъ сыновъ съ своими полками къ Игорю, веля ему ѣхати въ себе мѣсто, а Рюрикъ послалъ съ своими полками Володимера Глѣбовича. Володимеръ, по праву Русскихъ князей, хотѣлъ ѣздить впереди съ своимъ полкомъ, Игорь же не позволялъ того. Князья разсорились и разошлись. Володимеръ обобралъ Сѣверскіе города, * а Игорь одинъ сходилъ на Половцевъ.

Въ слѣдующемъ году собрались и Святославъ съ Рюрикомъ. На зовъ ихъ пришли къ нимъ: Святославичи—Мстиславъ и Глѣбъ, Володимеръ Глѣбовичь изъ Переяславля, Всеволодъ Ярославичь изъ Луцка, съ братомъ Мстиславомъ, Смоленскіе—Романовичь Мстиславъ и Давыдовичь Изяславъ, Городенскій Мстиславъ, Ярославъ Пинскій съ братомъ Глѣбомъ, Глѣбъ Юрьевичь Дубровицкій, Галицкая помощь. Только братья родные, къ неудовольствію Святослава, не приняли участія въ походѣ, говоря: «далеко намъ идти внизъ по Днѣпру, нельзя оставить земли своей безъ охраны, а если пойдешь на Переяславль, то скупимся на Сулѣ».

* См. исторію Сѣверскаго княжества.

Святославъ пустился по Днѣпру, и по Инжиреву броду, переправился на ратную сторону. Тамъ отрядилъ онъ младшихъ князей, давъ имъ двѣ тысячи Берендѣевъ. Половцы бѣжали отъ нихъ. Русь не догнавши остановилась на Ерелѣ, егоже зоветъ Угломъ. Половецкій князь Кобякъ, считая ихъ вмалѣ, оборотился, и думалъ разбить ихъ. Русскіе и Половцы начали перестрѣливаться между собою черезъ рѣку. Святославъ и Рюрикъ, услышавъ о такомъ положеніи дѣла, подослали имъ помощь, и поспѣшили сами. Произошло сраженіе. Половцы испугались полковъ, безпрестанно прибывавшихъ, и пустились бѣжать. Наши за ними. Побѣда одержана полная, іюля 30 дня, въ понедѣльникъ. Самъ Кобякъ Карлыевичь былъ взятъ въ плѣнъ съ двумя сынами, Билюковичь Изай, Товлій съ сыномъ, братъ его Бокмишъ, Осалукъ, Баракъ, Тархъ, Данилъ и Седвакъ Кулобичскій, Корязь Калотановичь. Многіе были убиты. Князья возвратились во свояси со славою и честью великою.

Въ это же время Игорь Святославичь предпринялъ особой походъ.

Въ 1185 годъ знаменитый Кончакъ явился отмстить за претерпѣнныя пораженія Половцевъ: онъ хвалился плѣнить Русскіе города и пожечь ихъ огнемъ. «Бяше бо обрѣлъ мужа таковаго бесурменина, иже стрѣляше живымъ огнемъ. Бяху же у нихъ луци тузи самострѣлніи, одва 50 мужъ можаше напрящи.» Думая обмануть, онъ говорилъ Ярославу Всеволодовичу, что проситъ мира; Святославъ и Рюрикъ предостерегли Ярослава и пошли Кончаку на встрѣчу. Встрѣтившіеся имъ гости изъ Половцевъ сообщили извѣстіе, что Кончакъ на Хоролѣ. Младшіе князья однакожъ не нашли его тамъ. Другіе взошли по сосѣдству на шоломя, и увидѣли его шатры по лугу. Нападеніе было удачно, самъ бесурменинъ съ живымъ огнемъ захваченъ въ плѣнъ, и приведенъ къ Святославу съ своимъ устроеніемъ, марта 1; много побито и взято поганыхъ. За Кончакомъ посланъ въ погоню Кунтувдѣй съ 6-ю тысячами человѣкъ, но не могъ догнать его, потому что за Хоролемъ оказалась тала стопа.

Игорь Сѣверскій не успѣлъ принять участія въ этомъ блистательномъ походѣ, пошелъ послѣ одинъ, съ своей братьею, но былъ совершенно разбитъ Половцами, и взятъ въ плѣнъ.*

Великій князь Святославъ Всеволодовичь ходилъ между тѣмъ въ Карачевъ, для собранія воевъ съ верхнихъ земель, на задуманный имъ лѣтомъ походъ. На возвратномъ пути въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ онъ услышалъ о походѣ Игоревомъ, а какъ приплылъ въ ладьяхъ въ Черниговъ, Бѣловодъ Просовичь прибѣжалъ къ нему съ печальною вѣстью. Святославъ заплакалъ: «Досадно было мнѣ на Игоря, а теперь еще больше мнѣ его жаль! не воздержавши юности, они отворили ворота на Русскую землю. О, братья моя, дѣти мои и мужи земли Русской! если бъ Богъ помогъ намъ притомить поганыхъ.»

Святославъ прислалъ сына и Володимера успокоивать людей въ Посемьѣ, и вмѣстѣ послалъ къ Давыду въ Смоленскъ звать его на сторожу Русской земли.

Пришедшая помочь стала въ Триполѣ, Ярославъ въ Черниговѣ собиралъ вои.

Половцы, побѣдивши Игоря, взяли великую гордость, и рѣшились идти всею землею на Русь. Произошелъ споръ. Кончакъ говорилъ: «пойдемъ на Кіевскую сторону, гдѣ избиты братья наши, гдѣ палъ великій нашъ князь Бонякъ.» Кза говорилъ: «пойдемъ на Семь, откуда вышли Русскіе вои, оставя

* См. исторію Сѣверскаго княжества.

только женъ и дѣтей, полонъ для насъ готовъ собранъ, мы возмемъ городъ безъ опаса.»

Не могши согласиться, они раздѣлились на двое. Кончакъ осадилъ Переяславль. Князь Володимеръ Глѣбовичь оборонялся храбро, былъ впереди всѣхъ, получилъ много ранъ, и слалъ безпрестанно къ Святославу за помощью, также къ Рюрику и Давыду: «се Половцы у мене, а помозите ми». Присланные Смолняне на вѣчѣ отвѣчали: «мы пришли оборонять Кіевъ, а насторонѣ воевать мы не можемъ, и такъ уже изнемогли.» Они ушли, а Святославъ съ Рюрикомъ двинулись къ Переяславлю. Тогда Половцы отошли отъ Переяславля и приступили къ Ромну, сожгли его, и людей избили или полонили; Русскіе князья туда опоздали.

Другіе Половцы пришли по оной сторонѣ, сожгли острогъ у Путивля, и повоевавши воротились во свояси.

Чрезъ годъ (1187) Святославъ и Рюрикъ собрались опять на Половцевъ. Услышавъ, что они остановились на Татинцѣ, на Днѣпровскомъ бродѣ, князья пустились на нихъ изъѣдомъ, безъ возовъ. Володимеръ Глѣбовичь, пріѣхавшій къ нимъ изъ Переяславля, выпросился у Святослава и Рюрика ѣздить впереди съ Черпымъ клобукомъ. Святославу было обидно отдать ему преимущество передъ своими сыновьями, но онъ долженъ былъ согласиться съ мнѣніемъ прочихъ князей, которые уважали мужество и храбрость молодаго Володимера. Половцы бѣжали однакоже за Днѣпръ, и князья отказались отъ преслѣдованія, потому что Днѣпръ располонился. На возвратномъ пути Володимеръ Глѣбовичь занемогъ, и скончался апрѣля 18, оплаканный Переяславцами.

Лѣтомъ Половцы приходили воевать по Руси и въ Черниговской области.

Зимою Святославъ и Рюрикъ съ братьею собрались опять въ походъ. Они шли по Днѣпру, потому что вездѣ былъ снѣгъ глубокой. На Снепородѣ они захватили сторожей, и узнали отъ нихъ, что вѣжи и стада пасутся у Голубаго лѣса. Ярославъ отговаривался, какъ и прежде, идти дальше Днѣпра: «Земля моя далека, а дружина моя изнемогла.» Рюрикъ понуживалъ Святослава: «братъ и сватъ, намъ того и просить было у Бога. Мы знаемъ теперь навѣрное, что Половцы лежатъ за полдень. Кто раздумываетъ идти, что намъ до того за дѣло? Мы двое не смотрѣли ни на кого, но что намъ Богъ давалъ, тое свѣдали.» Святославу была люба эта рѣчь: «я готовъ, братъ, всегда, по лучшебъ идти всѣмъ вмѣстѣ. Пошли къ Ярославу и понудь его». Рюрикъ послалъ сказать ему: «тебѣ не годится измясти нами! кланяюся тебѣ, братъ, ты поди для меня до полудни, а я для тебя поѣду десять дней».

Ярославъ отвѣчалъ, не хотя ѣхати: «не могу ѣхать одинъ, а полкъ мой пѣшъ. Вы должны были дома предупредить меня, до которыхъ мѣстъ думали идти».

Начались споры. Сколько ни старался уговорить Рюрикъ князей идти, но немогъ, потому что Святославъ, хоть и желалъ идти, но не желалъ оставить брата Ярослава одного, — и всѣ воротились во свояси.

Нѣсколько времени прошло въ мирѣ и тишинѣ. Главные князья породнились между собою еще болѣе. Рюрикъ послалъ князя Глѣба, шурина своего, съ женою, Славна тысяцкаго съ женою, Чурыню съ женою, и многихъ бояръ въ Суздаль, къ Великому князю Всеволоду Юрьевичу, за дочерью его Верхуславою, для старшаго сына своего Ростислава. Великій князь Всеволодъ далъ за нею въ приданое многое множество золота и

серебра, одарилъ сватовъ многими дарами, и отпустилъ съ великою честію. Съ невѣстою поѣхали сестричичь княжой, Яковъ, съ женою, и многіе бояры съ женами. Отецъ и мать плакали объ ней много, и проводили до трехъ становъ. Ей было только восемь лѣтъ отъ рода. Она пріѣхала въ Бѣлгородъ на Офросиньинъ день, а заутро Богослова, вѣнчана у святыхъ Апостолъ въ деревянной церкви епископомъ Максимомъ. Рюрикъ сотворилъ Ростиславу свадьбу сильну, какой не бывало на Руси: однихъ князей было больше двадцати; снохѣ своей онъ далъ городъ Брагинъ, Якова свата, со всѣми боярами, одаривъ многими дарами, отпустилъ съ великою честію. На той же недѣлѣ отдалъ Рюрикъ дочь свою Ярославу за Игоревича Святослава, въ Новгородъ Сѣверской. Тогда же воротился къ нему изъ плѣна сынъ Володимеръ съ Кончаковною, и отецъ обвѣнчалъ ихъ и съ дѣтятемъ.

Но мысль о Половцахъ не оставляла князей и среди ихъ веселья: они послали полки съ воеводою Романомъ Нѣздиловичемъ, которые взяли вѣжи за Днѣпромъ, потому что Половцы были въ отлучкѣ за Дунаемъ.

Согласіе князей Святослава и Рюрика нарушилось изъ-за Галича, гдѣ умеръ князь Ярославъ, и начались мятежи.

Король Венгерскій, занявшій Галичь, увидѣлъ, вслѣдствіе происковъ Романа Волынскаго, что не можетъ удержать его, и прислалъ къ Святославу просить у него сына (1189). Тотъ, думая, что король отдаетъ ему Галичь, отправилъ Глѣба тайно отъ Рюрика. Рюрикъ провѣдавъ послалъ вслѣдъ за нимъ мужей своихъ, а Святослава началъ упрекать: «зачѣмъ послалъ сына къ королю, безъ моего вѣдома; ты измѣнилъ своему слову (соступился ряду).» Святославъ спорилъ: «братъ и сватъ, я послалъ сына не на тебя повадить короля, а на свое орудіе. Если ты хочешь идти войною на Галичь, я готовъ съ тобою.»

Митрополитъ побуждалъ съ своей стороны также князей: иноплеменники отняли вашу отчину—вамъ слѣдовало бы потрудиться.

Князья пошли: Святославъ съ сыновьями, а Рюрикъ съ братомъ. По дорогѣ начали они рядиться о волости Галицкой, и никакъ не могли уладиться: Святославъ отдавалъ Галичь Рюрику, а себѣ выговаривалъ всю Русскую землю, около Кіева, Рюрикъ же не улюбливалъ лишиться вовсе Русской земли, но хотѣлъ подѣлиться Галичемъ. Такъ и воротились, не сдѣлавъ ничего.

Галичь достался опять Володимеру, сыну Ярославову, котораго принялъ подъ свое покровительство Императоръ изъ уваженія къ его родству съ Суздальскимъ Великимъ княземъ Всеволодомъ.

Временная размолвка забылась на время: Святославъ и Рюрикъ ходили на ловы въ лодьяхъ по Днѣпру, къ устью Тесмени, и обловились множествомъ звѣрей, «и тако наглумистася, и въ любви пребыста и во весельѣ по вся дни, и возвратишася» (1190).

Тою же осенью Святославъ, по обадѣ, взялъ Кунтувдѣя, Торческаго князя, но Рюрикъ, считая его полезнымъ для Руси, выпросилъ ему свободу. Кунтувдѣй, не терпя своего сорома, и желая отмстить Святославу, убѣжалъ къ Тоглію, Половецкому князю; вмѣстѣ начали они думать, какъ бы напасть на Русь. Набѣгамъ ихъ не было конца.

Между тѣмъ у Рюрика и Святослава возникнулъ новый споръ изъ-за волостей. Святославъ началъ сноситься съ братьями, Рюрикъ съ своими, съ Великимъ княземъ Суздальскимъ Всеволодомъ, и Давыдомъ Смоленскимъ, и пока они спорили между собою, Половцы

воевали. Рюрикъ наконецъ сказалъ: «ты, братъ, цѣловалъ крестъ на Романовомъ ряду, какъ была межа, когда Романъ братъ нашъ сидѣлъ въ Кіевѣ; а если ты теперь помипаешь старыя тяжи, бывшія при Ростиславѣ, то ты сступилъ ряду,—и вотъ тебѣ крестныя грамоты.»

Святославъ долго возражалъ, отославъ пословъ, и наконецъ воротилъ, поцѣловавъ крестъ на всей ихъ волѣ.

Въ ту же зиму лѣпшіе мужи изъ Черныхъ клобуковъ пріѣхали въ Торческъ къ Ростиславу Рюриковичу, и звали его на Половцевъ: «нынѣшней зимою Половцы воюютъ насъ часто, Подунайцы мы что ли? отецъ твой далеко, (онъ пошелъ на Литву), къ Святославу мы не шлемъ, потому что онъ нынѣ не добръ до насъ за Кунтувдѣя.»

Ростиславу полюбилась эта дума съ его мужами, и онъ послалъ къ Ростиславу Володимеричу съ приглашеніемъ: «братъ, хочу ѣхать на вѣжи Половецкія, а отцы наши вдалекѣ; иныхъ старшихъ нѣтъ, будемъ за старшихъ, пріѣзжай ко мнѣ поскорѣя.»

Они пустились изъѣздомъ до Протолчіи, захватили много стадъ Половецкихъ по Днѣпровскому лугу, а за Днѣпръ ѣхать было нельзя, потому что рѣка была въ краяхъ.

Половцы настигли ихъ съ полками на Ивлѣ, въ третьемъ днѣ отъ Днѣпра. Ростиславъ оборотился, и послалъ впередъ стрѣльцевъ, которые ввертѣлись въ нихъ и взяли живыхъ 600 человѣкъ Черные клобуки захватили князя Кобана, и отпустили на выкупъ. Ростиславъ воротился въ Торческъ съ честью и славою великою, и отправился вборзѣ во Вручій къ отцу,—который ходилъ на Литву, и былъ въ Пинскѣ у тещи и шурьевъ, на свадьбѣ Ярополковой.

Набѣги съ обѣихъ сторонъ не прерывались. Князья Русскіе и Половецкіе ходили изъ страны въ страну, какъ будто на охоту. Великій князь Святославъ самъ принималъ въ нихъ участіе, въ 1190 и 1191 годахъ.

(1192). Святославъ и Рюрикъ стояли у Канева все лѣто, стерегучи земли Русской. Осенью лѣпшіе мужи изъ Черныхъ клобуковъ просили Рюрика отпустить съ ними опять Ростислава, потому что Половцы ушли на Дунай, но Рюрикъ не отпустилъ. Зимою Рюрикъ вытребовалъ къ себѣ отъ Половцевъ Кунтувдѣя, и далъ ему у себя городъ Дверень, Русской земли дѣля.

(1193). Святославъ послалъ сказать Рюрику: «ты снимался съ Половцами Лукоморскими — пошлемъ нынѣ за всѣми Половцами, за Бурчевичами.»

Собравшись противъ Канева Половцы звали князей на свою сторону.

Князья сдумавше отвѣчали: «ни дѣды наши, ни отцы наши, не ѣздили къ вамъ: пріѣзжайте вы къ намъ сюда, а если не хотите, то какъ вамъ угодно.»

Бурчевичи, имѣя много колодниковъ изъ Черныхъ клобуковъ, не хотѣли идти, а Лукоморцы желали мира, на которой Святославъ не соглашался, говоря: «не могу съ половиною ихъ мириться.»

Рюрикъ сдумавъ съ своими мужами, послалъ сказать ему: «се, братъ, мира ты не улюбилъ,—скажи, чего же ты хочешь: идти ли въ походъ на зиму, или остаться на сторожѣ?»

Святославъ отвѣчалъ: «нынѣ, братъ, пути не можно учинити, потому что въ землѣ нашей не родилось жито; довольно, если бъ землю свою устеречи.»

Рюрикъ: «брате и свату! если тебѣ пути нѣту, то мнѣ путь есть, путь на Литву, и нынѣшней зимою хочу подѣяти орудій своихъ.»

Святославъ возразилъ съ нелюбьемъ: «брате и свату! если ты идешь изъ своей отчины на свое орудье, то и я уйду за Днѣпръ для своихъ орудій,—кто же останется въ Русской землѣ?»

Такими рѣчами изняте онъ путь Рюриковъ.

За то сынъ его Ростиславъ успѣлъ совершить новой славной походъ, бывъ подговоренъ Черными клобуками. «Пойдемъ князь съ нами, время благопріятное, такого не дождемся въ другой разъ,» и Ростиславъ, не сказавши отцу, поѣхалъ къ нимъ съ лововъ отъ Чернобыли въ Торческъ, а за дружиною послалъ, пригласилъ еще стрыичича Мстислава Мстиславича изъ Триполя, который пріѣхалъ къ нему съ мужемъ, Сдѣславомъ Жирославичемъ, уже за Росью.

Совокупившись съ Черными клобуками, они пустились изъѣздомъ, и на Ивлѣ рѣкѣ Половецкой изымали сторожей,—отъ которыхъ узнали, что Половцы лежатъ далѣе днища, а вѣжи и стада ихъ по сей сторонѣ Днѣпра, по Русской. Они ѣхали всю ночь, и на разсвѣтѣ ударили. Все пало ницъ, и они ополонились скотомъ, лошадьми, челядью, и погнали домой.

Половцы настигли, но, видя силу ихъ, не посмѣли вступить съ ними въ бой, и провожали ихъ молча до Руси, слѣдуя издали.

Ростиславъ прибылъ со славою, одержавъ вторую побѣду надъ Половцами, около Рожества, и тотчасъ съ сайгатами поѣхалъ во Вручій къ отцу, который сбирался опять на Литву.

Святославъ прислалъ сказать ему: «ну вотъ сынъ твой полонилъ Половцевъ, затѣялъ войну, а ты хочешь идти въ сторону,—возвращайся лучше въ Русь стеречь своей земли.»

Рюрикъ послушался, и пришелъ въ Русь со всѣми полками.

Ростиславъ между тѣмъ отпросился у отца къ дядѣ Давиду въ Смоленскъ съ своими сайгатами. Всеволодъ, тесть его, услышавъ объ его славѣ, пригласилъ его къ себѣ во Владиміръ, продержалъ у себя всю зиму, и отпустилъ осыпавъ дарами зятя и дочь.

1194. Святославъ, заспоря о границахъ съ Рязанскими князьями, съ которыми до сихъ поръ былъ въ дружбѣ, хотѣлъ было идти войною на нихъ, и спрашивалъ согласія у Великаго князя Суздальскаго Всеволода; но тотъ, считая Рязань своею подчиненною волостью, не позволилъ. Онъ долженъ былъ воротиться отъ Карачева назадъ, и дорогою занемогъ. По Деснѣ пріѣхавъ въ Кіевъ, онъ въ Вышгородѣ молился святымъ мученикамъ, облобызалъ св. раку, и хотѣлъ поклониться гробу отца. Попъ пошелъ за ключемъ отъ церкви, и онъ отъѣхалъ недождавшись. Жаль ему стало, что не поклонился гробу отца, и въ субботу поѣхалъ опять къ св. мученикамъ, но не могъ уже воротиться въ Кіевъ. Въ понедѣльникъ услышалъ, что сваты идутъ за внукою, Глѣбовною, опять за царевича, послалъ къ нимъ на встрѣчу мужей Кіевскихъ. Силы оскудѣвали, языкъ коснѣлъ, и очнувшись онъ спросилъ: «когда будутъ Маккавѣи?» княгиня отвѣчала: «въ понедѣльникъ.» «Не дождусь я», сказалъ Святославъ. Отецъ его, знаменитый Всеволодъ Ольговичь, скончался на память святыхъ Маккавѣевъ. Княгиня не понимала, что значитъ его вопросъ, и думала, что онъ видитъ видѣніе, и стала разспрашивать. Больной едва выговаривалъ: «вѣрую во единаго Бога, Отца Вседержителя», велѣлъ постричь себя въ чернецы и послать за сватомъ Рюрикомъ. Онъ скончался и былъ положенъ въ святомъ Кирилѣ, отцевомъ монастырѣ.

Рюрикъ Ростиславичъ пріѣхалъ и сѣлъ на Великокняжескій столъ, къ великому удовольствію Кіянъ, любившихъ его «зане всѣхъ прінмаше съ любовію, и крестьяны и поганые, и не отгоняше ни когоже.»

1195. Онъ послалъ за братомъ Давидомъ Смоленску: «мы остались старшіе въ Русской землѣ, пріѣзжай ко мнѣ въ Кіевъ, мы рѣшимъ все, что относится до Русской земли, до братьи и до Володимеря племени, а сами въ здоровьѣ увидимся.»

Давидъ пріѣхалъ изъ Смоленска въ лодьяхъ, въ среду на Русальной недѣлѣ. Рюрикъ позвалъ его на обѣдъ. Былъ большой пиръ, и дары многіе, и любовь. Изъ Кіева племянникъ Ростиславъ Рюриковичъ позвалъ его на обѣдъ къ себѣ въ Бѣлгородъ. И тамъ было веселье великое и любовь, и дары. Потомъ Давидъ позвалъ къ себѣ брата Рюрика съ дѣтьми на обѣдъ, угостилъ и отпустилъ съ дарами многими. Потомъ Давидъ позвалъ всѣ монастыри на обѣдъ, былъ веселъ, и роздалъ имъ сильную милостыню, одѣлилъ нищихъ; потомъ позвалъ Черныхъ клобуковъ. Попились у него всѣ Черные клобуки, и онъ одарилъ ихъ многими дарами и отпустилъ.

Кіяне почали звать Рюрика на пиръ, и оказали ему великую честь, принесли большіе дары; Давидъ позвалъ къ себѣ Кіянъ, и былъ съ ними въ любви великой и весельѣ многомъ.

По окончаніи праздниковъ, Рюрикъ и Давидъ покончили ряды о Русской землѣ, распредѣлили всѣ волости, и разстались совершенно довольные другъ другомъ, —но вдали, тамъ, на сѣверѣ, былъ одинъ недовольный, это Всеволодъ, Великій князь Суздальскій.

Онъ прислалъ сказать: «Вы нарекли меня старшимъ въ своемъ Володимерѣ племени, нынѣ ты сѣлъ въ Кіевѣ, а мнѣ чести не учинилъ въ Русской землѣ, и роздалъ все молодшей своей братіи. Если же мнѣ нѣтъ въ ней части, то Кіевъ и Русская земля предъ тобою: кому ты часть въ ней далъ, съ тѣми ее и стереги; я посмотрю, какъ ты удержишь ее съ ними, а мнѣ не надо.»

Всеволодъ оскорбился, что Рюрикъ отдалъ лучшую волость зятю своему Роману—города: Торческъ, Треполь, Корсунь, Богуславль, Каневъ, которые онъ желалъ держать для себя.

Рюрикъ совѣтовался съ мужами, какъ ему удовлетворить свата, безъ обиды Роману, которому цѣловалъ крестъ не отдавать подъ нимъ волости ни кому. Онъ предложилъ Всеволоду другую волость, но Всеволодъ отказался отъ нея. Возникнулъ споръ между ними, и они начали уже сбираться на войну между собою. Рюрикъ призвалъ митрополита Никифора, и разсказалъ ему о своемъ положеніи. Митрополитъ сказалъ: «Князь! мы приставлены отъ Бога въ Русской землѣ удерживать васъ отъ кровопролитія. Если кровь должна пролиться отъ того, что ты отдалъ волость младшему въ ущербъ или предосужденіе старшему, и цѣловалъ ему крестъ, то я снимаю съ тебя крестное цѣлованіе и беру на себя, а ты послушай меня: возьми волость у зятя и отдай старшему, а Романа награди иною.»

Рюрикъ послалъ къ Роману сказать, что Всеволодъ негодуетъ изъ-за него. Романъ отвѣчалъ: «Отче! для чего же ссориться тебѣ съ сватомъ, а не жить въ любви, изъ-за меня? Отдай ему волость, а мнѣ дай другую за нее, или кунами, чего она стоитъ.»

Рюрикъ посовѣтовался съ мужами и послалъ сказать Всеволоду: «ты жаловался, братъ, на меня за волость—ну вотъ тебѣ волость, что ты просилъ.» И отдалъ ему: Торческъ, Корсунь, Богуславль, Треполь, Каневъ; они утвердились крестомъ честнымъ жить въ любви.

Всеволодъ отдалъ Торческъ зятю Ростиславу Рюриковичу, а въ прочіе города прислалъ посадниковъ.

Романъ разсердился теперь въ свою очередь; онъ подумалъ, что Рюрикъ сговорился прежде съ Всеволодомъ отнять у него волость для сына и прислалъ ему съ упрекомъ. Рюрикъ отвѣчалъ: «я далъ тебѣ волость эту прежде всѣхъ, а Всеволодъ обидѣлся; я передалъ тебѣ всѣ его рѣчи, и ты отступился отъ своей волости по волѣ. Тогда я отдалъ ее Всеволоду; безъ него намъ быть нельзя; мы положили на немъ старѣйшинство во всемъ Володимери племени; и ты мнѣ сынъ свой, а вотъ тебѣ иная волость, той равная.»

Романъ не бралъ той волости, ловя извѣта на своего тестя, и не хотя жить съ нимъ въ любви; совѣтовался съ мужами своими, и началъ сговариваться съ Ярославомъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ, подводя его на Кіевъ.

Рюрикъ увѣдомилъ Всеволода объ этихъ замыслахъ: «думай и гадай о Русской землѣ, о чести своей и нашей.»

А къ Роману послалъ мужей своихъ обличить его и повергнуть крестныя грамоты.

Романъ испугался, и поѣхалъ въ Ляхи къ Казимиричамъ за помощью. Казимиричи были въ раздорѣ съ дядей своимъ Мечиславомъ, и просили Романа вступиться за нихъ, «а потомъ мы всѣ пойдемъ мстить твоей обиды.» Романъ и вышелъ биться съ Мечиславомъ. Мечиславу не хотѣлось биться съ Романомъ: онъ прислалъ къ нему, напротивъ, мужей убѣждать, чтобъ онъ помирилъ его съ племянниками. Но Романъ не послушался ни его, ни мужей своихъ, далъ полкъ Мечиславу, и неудачно. Ляхи потоптали Русь, и Романъ долженъ былъ бѣжать въ городъ къ Казимиричамъ, откуда дружина отнесла его раненаго во Владимиръ.

Тогда онъ послалъ къ тестю поклониться и молиться, покладывая на себя всю вину свою; послалъ просить и митрополита Никифора, прося его ходатайства, дабы тесть принялъ его и гнѣвъ отдалъ.

Рюрикъ умилостивился: «если онъ покается въ винѣ своей, то я приму его, и дамъ надѣлокъ; если онъ устоитъ, то я и сыномъ его буду имѣть такъ, какъ имѣлъ прежде, и добра хотѣлъ.» Онъ послалъ мужей привести его ко крессу, и далъ ему Полоной и Полторческа Русскаго.

Кончивъ съ Романомъ, Рюрикъ хотѣлъ кончить и съ Ольговичами, которые показали свои виды на Кіевъ. Сославшись съ сватомъ Всеволодомъ и братомъ Давидомъ, онъ послалъ мужей къ Ольговичамъ: «цѣлуйте намъ крестъ со всей своей братьею, чтобъ вамъ не искать нашей отчины, ни Кіева, ни Смоленска, подъ нами и подъ нашими дѣтьми, и подъ всѣмъ нашимъ Володимеромъ племенемъ, какъ раздѣлилъ насъ дѣдъ нашъ Ярославъ, а Кіевъ вамъ не надобѣ.»

Ольговичи, посовѣтовавшись между собою, отвѣчали огорченные: «если ты требуешь, чтобъ мы блюли Кіевъ подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ, то въ томъ стоимъ; но если ты велишь намъ

отказаться отъ него вовсе, то мы не Угры, не Ляхи, но единаго дѣда внуки: при вашемъ животѣ не ищемъ Кіева, а послѣ васъ кому его Богъ дастъ.»

И были между ними многія рѣчи, и не уладились они между собою. Всеволодъ хотѣлъ оправить все племя Володимерово, и сбирался идти на Ольговичей тою же зимою.

Ольговичи испугались, и послали къ Всеволоду мужей своихъ и игумена Діонисія, «кланяючеся и емлючеся ему во всю волю его». Онъ повѣрилъ и слѣзъ съ коня. А другихъ пословъ послали они къ Рюрику: «брате, намъ не было съ тобою лиха николи; если мы и не укончали ряду этой зимою съ тобою, Всеволодомъ и Давидомъ, то ты къ намъ близко; цѣлуй намъ крестъ не воевать съ нами, пока мы уладимся или не уладимся съ Всеволодомъ и Давидомъ.»

Рюрикъ согласился, желая свести Ольговичей съ Всеволодомъ и Давидомъ.

Онъ распустилъ дружину свою, братьевъ, дѣтей, и Половцевъ, и поѣхалъ въ Овручь.

А Ольговичи между тѣмъ, преступивъ клятву, пошли на Давида къ Витебску, и воевали Смоленскую область. Мстиславъ Романовичъ взятъ былъ въ плѣнъ. Ярославъ собрался взять даже Смоленскъ изъѣздомъ.

Рюрикъ послалъ къ нему (на встрѣчу) съ крестною грамотою: «ты хотѣлъ убить моего брата, и соступился ряду и крестнаго цѣлованія. Вотъ тебѣ крестная грамота. Ступай къ Смоленску, а я приду подъ Черниговъ: какъ разсудитъ насъ Богъ и крестъ честный.»

Ярославъ, услышавъ это, остановился, не поѣхалъ къ Смоленску, но воротился въ Черниговъ, и послалъ пословъ къ Рюрику, оправливаяся въ крестномъ цѣлованьѣ, и обвиняя Давида за помощь своему зятю.

Рюрикъ отвѣчалъ: «я уступилъ тебѣ Витебскъ, и послалъ посла къ брату Давиду увѣдомить его о томъ, а ты не дождался, и отпустилъ своихъ племянниковъ къ Витебску; они идучи повоевали Смоленскую область. Вотъ почему Давидъ выслалъ на тебя свои полки.»

Они спорили и не уладились. Рюрикъ, (1196), посовѣтовавшись съ мужами, послалъ пословъ къ свату Всеволоду Суздальскому съ рѣчами: «Романко измѣнилъ намъ, мы договорились сѣсть на коня о Рождествѣ Христовѣ, и сняться всѣмъ у Чернигова. Я совокупился съ братьею, съ дружиною своею и съ дикими Половцами, и доспѣвъ ждалъ отъ тебя вѣсти; отъ тебя вѣсти не было, ты на коня въ ту зиму не садился, повѣривъ Ольговичамъ, аже имъ стать на всей волѣ нашей. Услышавъ, что ты на коня не садишься, я распустилъ братью свою и дикихъ Половцевъ, поцѣловалъ крестъ съ Ярославомъ Черниговскимъ на томъ, чтобъ не воевать, доколѣ либо уладимся, либо не уладимся всѣ вмѣстѣ; а нынѣ, брате, моему сыну и твоему Мстиславу тако ся поткло, что вязнетъ у Ольговичей, и потому не стряпая садись на коня; снимемся гдѣ-нибудь, и отомстимъ за свою обиду, за свой соромъ, выручимъ племянника, и найдемъ правду.»

Отъ Всеволода не было вѣсти все лѣто, а наконецъ онъ сказалъ: начинай, я готовъ за тобою. Рюрикъ привелъ братью и дикихъ Половцевъ, и началъ воевать съ Ольговичами.

Ярославъ прислалъ пословъ: «за что, брате, почалъ ты область мою воевать, а поганымъ руки полнить? А мнѣ съ тобою ничто не розошло: Кіева подъ тобою я не ищу. А Давидъ если и наслалъ Мстислава на моихъ племянниковъ, то Богъ ихъ разсудилъ, и я Мстислава отдамъ тебѣ безъ

выкупа, по любви. Поцѣлуй же со мною крестъ, и введи меня съ Давидомъ въ любовь; а до Всеволода нѣтъ дѣла тебѣ съ братомъ Давидомъ: если захочетъ уладиться съ нами, то уладится.»

Рюрикъ намѣревался послать пословъ къ Всеволоду, хотя въ правду свести всѣхъ въ любовь, а Ярославъ ему не вѣрилъ, думая, что замышляетъ свѣчаться на него. Онъ занялъ всѣ пути, и не пускалъ пословъ черезъ свою волость.

Такъ продолжалось въ спорахъ все лѣто, до осени.

Романъ Мстиславичъ, позабывъ отданную себѣ вину и тестеву доброту, опять присталъ къ Ольговичамъ, и посылалъ своихъ людей воевать волость Рюрикову и Давидову, помогая Ольговичамъ.

Рюрикъ отправилъ въ Галичь племянника своего Мстислава къ Володимеру сказать: «зять мой переступилъ рядъ и воѐвалъ волость мою, — такъ повоюйте съ вашей стороны волость его. Я было и самъ хотѣлъ идти подъ Владимиръ, но не могу, получивъ вѣсть, что сватъ Всеволодъ по обѣщанію сѣлъ на коня помогать мнѣ на Ольговичей и стать у Чернигова. Онъ соединился уже съ братомъ Давидомъ и вмѣстѣ жжетъ ихъ волость. Они поимали и пожгли Вятскіе города; мнѣ надо ихъ дождаться.»

И Володимеръ Галицкій, въ исполненіе Рюрикова наказа, повоевалъ и пожогъ волость Романову около Перемиля, а Ростиславъ Рюриковичъ съ другой стороны повоевалъ и пожогъ волость его около Каменца. Они ополонились челядью и скотомъ, и, отместившеся, возвратились во свояси.

Ярославу Всеволодовичу тяжело было узнать, что Всеволодъ и Давидъ соединились, и жгутъ волость его; онъ собралъ братью, затворилъ города свои съ сынами и племянниками, и приготовился къ оборонѣ: сталъ подъ лѣсами, засѣкся отъ Всеволода и Давида, велѣлъ по рѣкамъ сломать мосты, призвалъ дикихъ Половцевъ, и послалъ сказать угрожавшимъ: «брате и свату! отчину нашу и хлѣбъ нашъ ты взялъ; если ты любишь съ нами рядъ правый, и хочешь быть съ нами въ любви, то мы любви не бѣгаемъ, и на всей волѣ твоей стать готовы, а если ты умыслилъ что на насъ, то тоже не побѣжимъ, и пусть разсудитъ насъ Богъ и святый Спасъ.»

Всеволодъ началъ разсуждать съ Давидомъ и Рязанскими князьями, желая умириться съ Ольговичами. Давиду же не нравился миръ; онъ побуждалъ идти подъ Черниговъ: «Мы сговорились всѣ совокупиться у Чернигова и умириться сообща, на всей волѣ своей. А ты теперь ни мужа своего послалъ къ брату Рюрику, ни повѣдалъ своего и моего прихода: объясни ему съ мужемъ, чтобъ онъ до весны доспѣвъ сидѣлъ, воевался съ Ольговичами, и ждалъ отъ тебя правой вѣсти. Онъ теперь воюется, и волость свою жжетъ для тебя, а мы безъ его совѣта хотимъ мириться! Говорю тебѣ впередъ, брате, что такого мира не улюбитъ братъ мой Рюрикъ.»

Всеволодъ однако не послушался Давида, ни Рязанскихъ князей, и началъ рядиться съ Ольговичами, предлагая имъ условія про волость свою и про дѣтей своихъ: выдать Мстислава Романовича, выгнать Ярополка изъ земли своей, и отступиться отъ Романа Мстиславича Волынскаго; не искать Кіева подъ Рюрикомъ, и Смоленска подъ Давидомъ.

Ярославъ Черниговскій согласенъ былъ на все, и только не хотѣлъ предать Романа, потому что помогъ тотъ на своего тестя. Всеволодъ рѣшился, водилъ ко кресту Ярослава и всѣхъ Ольговичей; Ярославъ послалъ мужей своихъ и водилъ кресту Всеволода, Давида и Рязанскихъ князей на своихъ рядахъ.

Всеволодъ, помирившись, послалъ сказать Рюрику. Тотъ разгорячился и упрекалъ ему, что не исполнилъ своего обѣщанія: «сватъ, ты цѣловалъ мнѣ крестъ на томъ—кто мнѣ ворогъ, тотъ и тебѣ ворогъ, и просилъ у меня части въ Русской землѣ. Я далъ тебѣ волость лучшую, не отъ обилья, а отнявъ у братьи своей и у зятя Романа, тебѣ дѣля; онъ ворогомъ мнѣ сталъ нынѣ ни про кого, какъ про тебя. Ты обѣщалъ мнѣ сѣсть на коня и помочь мнѣ—и перевелъ все лѣто и зиму; нынѣ сѣлъ, и какую же подалъ мнѣ помощь? Свой рядъ взялъ, а про кого была мнѣ рать, про кого я и на коня всадилъ тебя, про зятя моего, того отдалъ рядить, и съ волостью, мною данною, Ярославу? А мнѣ съ Ольговичами которая обида была? Они Кіева подо мною не искали! Тебѣ было не добро съ ними, и я про тебя съ ними сталъ не добръ, и воевался съ ними, и волость свою зажегъ. Ты не исправилъ ничего, какъ умолвился со мною, и на чемъ крестъ цѣловалъ!»

Такъ пожаловавшись на него, Рюрикъ отнялъ у него города, что далъ прежде въ Русской землѣ, и роздалъ братьѣ своей.

Нельзя было такому дѣйствію остаться безъ наказанія: не Всеволоду перенести его; затаивъ гнѣвъ въ сердцѣ, онъ рѣшился выжидать удобнаго случая.

Въ 1197 году скончался остальной братъ Рюриковъ, Давидъ Смоленскій, въ схимѣ, оставя свой столъ старшему племяннику, Романовичу Мстиславу, а сына Константина прислалъ къ Рюрику на руки въ Русь.

Нѣсколько лѣтъ прошло для Рюрика въ покоѣ: онъ строилъ церкви—въ Бѣлгородѣ каменную святыхъ Апостолъ, которая освящена при немъ Митрополитомъ Никифоромъ, съ Епископами.

Въ томъ же году въ Кіевѣ на новомъ дворѣ церковь Св. Василія во имя своего Ангела.

Въ 1198 году родилась у него первая внука, у Ростислава дочь, Евфросинія, прозваніемъ Изморагдь, что значитъ драгоцѣнный камень, и бысть радость велика во градѣ Кіевѣ и Вышгородѣ. Пріѣхалъ племянникъ Мстиславъ Мстиславичъ и тетка ея Передслава; новорожденная взята была на воспитаніе въ Кіевъ на горы дѣдомъ и бабою.

Въ 1099 году, Іюля 10, въ субботу, заложилъ Рюрикъ стѣну каменную подъ церковью Святаго Михаила у Днѣпра, что на Выдобичи. 111 лѣтъ стояла церковь отъ основанія Великимъ княземъ Всеволодомъ; никто не смѣлъ подумать объ этомъ сооруженіи: Рюрикъ нашелъ художника Милонѣга, въ крещеніи Петра, который вывелъ ее въ одинъ съ небольшимъ годъ, отъ іюля 24, 1199 года, до сентября 24, 1200. Торжественно было совершеніе въ присутствіи Князя Рюрика, съ супругою Анною, сыновъ Ростислава и Володимера, снохи Ростиславлей, и дочери Передславы.

Это были послѣдніе успѣхи, праздники и торжества Рюрика.

Въ 1202 году поднялся онъ на зятя своего Романа Волынскаго, причинившаго ему столько зла и досады, вмѣстѣ съ Ольговичами, которые пришли къ нему на помощь въ Кіевъ;

но Романъ, овладѣвшій Галичемъ по смерти Володимера, вступившій въ союзъ съ В. К. Суздальскимъ Всеволодомъ, предупредилъ нападеніе. Скопя полки Галицкіе и Владимирскіе, онъ явился въ Русской землѣ. Черные клобуки, и, что городовъ Русскихъ, люди изъ нихъ пристали къ Роману. Онъ немедля двинулся къ Кіеву. Кіяне отворили ему ворота Подольскія въ Копыревѣ концѣ.

Рюрикъ внезапно былъ свергенъ. Романъ велѣлъ ему ѣхать во Вручій, Ольговичамъ за Днѣпръ въ Черниговъ, въ Кіевѣ посадилъ Романъ, вѣроятно съ согласія В. К. Суздальскаго Всеволода, двоюроднаго своего брата, Ингваря Ярославича.

Такъ Романъ, издавна враждебный тестю, началъ свое отмщеніе; такъ для несчастнаго Рюрика, въ концѣ многотрудной его жизни, начались бѣдствія неожиданныя.

Тою же зимою ходилъ Романъ въ угоду Греческаго Императора Алексія Комнина III, на Половцевъ, (1203), взялъ вѣжи Половецкія, отполонилъ много душъ христіанскихъ, и привелъ домой.

Рюрикъ не могъ снести своего униженія: опомнясь отъ удара, онъ нанялъ Половцевъ, привлекъ къ себѣ Ольговичей, явился внезапно предъ Кіевомъ, и раздраженный взялъ городъ на щитъ, 1204 года, января 1. Половцы ничему не дали пощады «и сотворися великое зло въ Русстѣй земли, какого не было отъ крещенія надъ Кіевомъ.» Прежнія напасти незначили ничего въ сравненіи съ этою: не только взято и сожжено Подоліе, но взята и гора, разграблены святая Софія и Десятинная, всѣ монастыри; иконы ободраны; кресты честные, сосуды священные, книги расхищены, порты блаженныхъ первыхъ князей, развѣшанныя въ церквахъ на память имъ, «все положиша себѣ Половцы въ полонъ.» Гости иноземные затворились въ церквахъ; жизнь они сохранили, но имущество раздѣлено было на полы. Множество народа уведено въ вѣжи, чернцовъ и священниковъ, Кіянъ съ дѣтьми; множество пало подъ ударами враговъ. Городъ сожженъ. И все то сталося надъ Кіевымъ за грѣхи наши, говоритъ лѣтописецъ.

Несчастіе это предвѣщено было знаменіями: однажды зимою въ 5 часу нощи все небо какъ бы потекло и побагровѣло. Снѣгъ же по землѣ и по крышамъ какъ бы облился кровію; многіе видѣли, что звѣзды отрывались съ неба и падали на землю.

Такъ былъ взятъ Кіевъ, такъ былъ взятъ вскорѣ и Царьградъ Латинскими воями.

Народъ ожидалъ свѣтопреставленія.

Рюрикъ не остался однакожъ въ Кіевѣ, не имѣя вѣрной надежды удержать его за собою, и удалился опять въ Вручій, удовлетворивъ только жажду мести...

Роману хотѣлось развести его съ Ольговичами и Половцами. Онъ пришелъ на Рюрика во Вручій, и заставилъ его цѣловать крестъ къ себѣ и В. К. Всеволоду съ сынами, и сказалъ ему: «ну ты цѣловалъ крестъ Великому князю, пошли же мужа своего къ нему, я пошлю также, и мы будемъ просить его, чтобъ онъ отдалъ Кіевъ опять тебѣ.»

Всеволодъ дѣйствительно согласился отдать Кіевъ Рюрику.

Въ слѣдующемъ году, (1205), Романъ посылалъ къ Великому князю Суздальскому, моляся объ Ольговичахъ, чтобъ пріялъ ихъ въ миръ.

На зиму всѣ Русскіе князи примирились между собою, ходили на Половцевъ, разорили вѣжи и возвратились съ великимъ полономъ.

Вотъ цѣль, для которой вѣроятно, Романъ старался прекратить внутреннія несогласія.

На возвратномъ пути въ Триполѣ происходило мироположеніе о волостяхъ, кому что слѣдуетъ за его труды для Русской земли, и дьяволъ произвелъ смятеніе великое: князья перессорились, Романъ захватилъ Рюрика, и, пославъ въ Кіевъ, велѣлъ постричь его въ монахи вмѣстѣ съ его женою, и дочерью, своею женою, которую отпустилъ еще прежде отъ себя, а сыновей, Ростислава и Володимера увелъ съ собою въ плѣнъ.

Всеволоду прискорбно было происшедшее въ Русской землѣ: онъ послалъ мужей въ Галичь къ Роману, который послушался Великаго князя, и отпустилъ его любимаго зятя—Ростиславъ сѣлъ на столъ Кіевскаго княженія, разоряемаго болѣе и болѣе.

Не долго торжествовалъ и Романъ. Онъ вскорѣ былъ убитъ измѣною въ войнѣ Польской (1205), имъ предпринятой. *

Рюрикъ, услышавъ о смерти лютаго своего врага, скинулъ съ себя чернеческое платье и сѣлъ княземъ въ Кіевѣ, онъ хотѣлъ разстричь и жену свою, но та, на старости лѣтъ, не согласилась, и приняла схиму.

Ольговичи, приходившіе на Кіевъ, вслѣдствіе смерти Романовой, уладились съ Рюрикомъ, чтобъ идти вмѣстѣ на Галичъ, и получить себѣ вознагражденіе изъ богатаго наслѣдства. Они поцѣловали крестъ Рюрику, Рюрикъ поцѣловалъ крестъ имъ (1206).

Походъ не имѣлъ никакого успѣха. Галичане отбились отъ пришедшаго ополченія, и осаждавшіе возвратились съ великимъ срамомъ.

* См. въ исторіи Галицкаго княжества.

Бѣлгородъ отдалъ Рюрикъ Ольговичамъ, которые прислали сюда брата своего Глѣба. Такимъ образомъ Кіевъ обнажался болѣе и болѣе, и самые ближніе города доставались инымъ князьямъ, даже изъ другихъ родовъ.

Ростиславъ Рюриковичъ выгналъ Ярослава Володимерича изъ Вышегорода и сѣлъ въ немъ.

Между Ольговичами явился теперь князь способный и предпріимчивый — Всеволодъ, сынъ Святослава, по прозванію Чермный. Онъ составилъ союзъ, чтобъ идти на Галичъ, куда уже столько разъ въ послѣднее время на добычу ходили Русскіе князья. Въ союзѣ принималъ участіе и Рюрикъ, но князья не имѣвъ опять успѣха, должны были воротиться во свояси.

Съ дороги, Галичане, по своей волѣ призвали къ себѣ на столъ Игоревичей, племянниковъ послѣднему князю Ярославу.

Всеволодъ нашелъ себѣ вознагражденіе индѣ. На возвратномъ пути, надѣяся на множество своихъ воевъ, онъ остановился въ Кіевѣ, сѣлъ на столъ безъ всякихъ околичностей, и разослалъ посадниковъ по городамъ Русскимъ, а Рюрику велѣлъ ѣхать въ Вручій, которому подъ конецъ доставалась опять такимъ образомъ старая слава стольнаго города.

Рюрикъ, видя свое непогодье, ушелъ въ Вручій, сынъ его Ростиславъ въ Вышегородъ, а Мстиславъ Романовичъ сѣлъ въ Бѣлгородѣ.

Всеволодъ Чермный не удовольствовался Кіевомъ, онъ послалъ сказать Ярославу Всеволодовичу, присланному В. К. Суздальскимъ на мѣсто умершаго, бездѣтнаго Володимера Глѣбовича: «иди изъ Переяславля къ отцу своему въ Суздаль, а Галича подъ моею

братьею не ищи. (Его звали въ Галичъ). Если не пойдешь добромъ, то я принужу тебя ратью.»

Ярославу не было помощи ни откуда, и онъ повиновался, прося только дать ему путь. Всеволодъ поцѣловалъ ему крестъ и далъ путь, а Переяславль отдалъ своему сыну.

Рюрикъ не былъ покоенъ во Вручемъ. Онъ сговорился съ Мстиславомъ Романовичемъ, съ сыновьями и племянниками, и выгналъ Всеволода изъ Кіева, а сына его изъ Переяславля, который отдалъ своему сыну Володимеру.

Такъ мало осталось силы у Русскихъ князей, въ стольныхъ городахъ, что они безпрестанно, при малѣйшемъ перевѣсѣ, могли изгонять другъ друга изъ своихъ владѣній.

Всеволодъ съ своими родными осадилъ Кіевъ, и стоялъ передъ нимъ три недѣли, но немогъ взять, и отошелъ прочь (1206).

На слѣдующій годъ (1207) опять явились Ольговичи искать Кіева, приведя съ собою и Святополчичей изъ Турова и Пинска. Они переброднлись черезъ Днѣпръ къ Триполю, осадили городъ и взяли у Ярослава Володимерича, подручника Рюрикова. Тамъ пришла къ нимъ и Галицкая помощь отъ Володимера Игоревича. Всѣ они приступили къ Кіеву. Рюрикъ ушелъ въ Вручій.

Ольговичи осадили Бѣлгородъ, гдѣ заперся Мстиславъ Романовичъ. Мстиславъ не въ силахъ былъ бороться съ такими многочисленными врагами, и началъ пути просити. Всеволодъ цѣловалъ ему крестъ, и далъ путь въ Смоленскъ, его отчину. Оттуда пошелъ онъ къ Торческу, гдѣ затворился Мстиславъ Мстиславичъ. Принудилъ и его просить себѣ пути. Овладѣвъ всѣми Русскими городами, Всеволодъ занялъ Кіевъ, разоривъ страну.

Всеволодъ Суздальскій рѣшился наконецъ пойдти на него войною: «Русская земля», сказалъ онъ, «развѣ имъ однимъ отчина, а намъ не отчина,—пойду къ Чернигову. Пусть разсудитъ насъ Богъ.»

Всеволодъ отправился въ походъ, и хотя задержанъ былъ на пути отношеніями къ Рязанскимъ князьямъ, но Рюрикъ, едва прослыша объ его походѣ, одинъ изгономъ напалъ на Кіевъ, и вытѣснилъ Чермнаго въ четвертый разъ (1207).

Теперь просидѣлъ онъ въ Кіевѣ нѣсколько долѣе, и даже Галичъ доставилъ сыну своему Ростиславу, но не надолго, потому что Галичане вскорѣ выгнали его (1210), и посадили опять Романа Игоревича.

Ольговичи посылали посольство къ Великому князю Всеволоду съ митрополитомъ Матвѣемъ, прося мира, и покаряясь ему во всемъ. Великій князь, видя ихъ покорность, не помянулъ злобы ихъ, и цѣловалъ имъ крестъ. Всеволодъ и Рюрикъ вступили между собою въ переговоры, и Рюрикъ уступилъ Кіевъ Всеволоду, а самъ сѣлъ въ Черниговѣ.

Такъ по древнему выраженію взмялась земля Русская, что Мономаховичъ, много разъ, и по долгу, княжившій въ Кіевѣ, попалъ въ Черниговъ, а Черниговскій князь по договору получилъ себѣ во владѣніе столъ Великокняжескій.

Всеволодъ Чермный выдалъ дочь свою за любимаго сына Всеволодова, Георгія (1211).

На другой годъ (1212) скончался Великій князь Суздальскій Всеволодъ, и на сѣверѣ начались междоусобія.

Всеволодъ Чермный, не ожидая себѣ оттуда помѣхи, выгналъ вновь Ростиславичей изъ Русской земли: онъ ставилъ имъ въ вину,

что, съ ихъ будто бы участіемъ, родные ему Игоревичи повѣшены въ Галичѣ, и положенъ укоръ на всемъ родѣ.

Ростиславичи обратились съ просьбою къ представителю своего рода, храброму Мстиславу Мстиславичу Новогородскому, который поспѣшилъ къ нимъ на помощь съ преданными ему Новогородцами.

Мстиславъ Романовичъ изъ Смоленска, съ братіею, Володимеръ Рюриковичъ, Константинъ и Мстиславъ Давидовичи, Ингварь Ярославичъ изъ Луцка, который сидѣлъ нѣкогда въ Кіевѣ не на долго, по милости Романовой, собрались всѣ къ Вышгороду, на его голосъ, и пустились изгономъ къ Кіеву.

Всеволодъ бѣжалъ за Днѣпръ съ братьею. Они за нимъ къ Чернигову—Чермный вдругъ умеръ, и союзники осадили брата его Глѣба. Три недѣли продолжалась осада. Пригородъ сожженъ, множество селъ вокругъ разорено. Наконецъ князья уладились между собою, и разошлись.

На столѣ Кіевскомъ остался Ингварь Ярославичъ, Мстиславъ Романовичъ въ Вышгородѣ, а Мстиславъ Мстиславичъ отошелъ назадъ въ Новгородъ. Потомъ рѣшено было отдать Кіевъ Мстиславу Романовичу. Ингварь удалился въ Луцкъ.

О судьбѣ Рюрика Ростиславича за это время нѣтъ ничего въ лѣтописяхъ, а только есть извѣстіе, что онъ скончался въ Черниговѣ, въ 1215 году, сынъ же его Ростиславъ въ 1218.

Главнымъ поприщемъ дѣйствій на югѣ сдѣлался Галичь, и главнымъ дѣйствующимъ лицемъ Мстиславъ Мстиславичъ Новогородскій, призванный туда сначала Ляхами, а потомъ удержанный самими Галичанами и Романовичами.

Кіевскій князь помогалъ ему въ его безпрерывныхъ войнахъ съ противниками, которые одни передъ другими старались тамъ усилиться.

Между тѣмъ пользуясь замѣшательствами, Половцы часто являлись подъ Кіевомъ, а Литва воевала волость Черниговскую. Угры взяли было верхъ, и Мстиславъ Мстиславичъ принужденъ былъ искать убѣжища въ старомъ своемъ Торческѣ. Наконецъ одолѣлъ онъ своихъ противниковъ, съ помощію Кіевскаго, и прочихъ Русскихъ князей, соединилъ весь Галичь подъ свою державу, но показалась съ другой стороны черная туча на старую Русь...

Такимъ образомъ Кіевское Великое княжество, нѣкогда сильное, черезъ сто лѣтъ послѣ Ярослава, подверженное вліянію сѣвернаго Владиміра, ослабѣло наконецъ, совершенно, вслѣдствіе размноженія князей и стѣсненія границъ, и снизошло на степень ничтожнаго удѣла.

Обозримъ степени его силы и послѣдовавшей слабости.

Значеніе Великаго князя Кіевскаго зависѣло, вообще, отъ личныхъ его свойствъ, умѣнья пользоваться обстоятельствами, и отъ количества постороннихъ его владѣній.

Кіевъ, принадлежность старшаго въ родѣ Ярославичей, имѣлъ князей изъ родовъ— Изяслава, Святослава, Всеволода, (преимущественно изъ послѣдняго, чрезъ сына его Мономаха, и правнуковъ, Мстиславичей: Изяслава Владимирскаго и Ростислава Смоленскаго), которые приносили ему съ собою свои силы, средства и отношенія.

Изъ Черниговскихъ князей владѣли Кіевомъ собственно только первенцы трехъ поколѣній: Всеволодъ Ольговичъ, сынъ его Святославъ, сынъ Святослава Чермный.

Войны Кіевскихъ Великихъ князей относились болѣе всего къ оборонѣ Русской земли отъ восточныхъ племенъ, между которыми главное мѣсто занимаютъ Половцы. Они воевали также для разпространенія своихъ владѣній, утвержденія своего первенства, отраженія соперниковъ, и пособія союзникамъ.

Первый Великій князь Изяславъ, (1054—1067), поставленный въ отца мѣсто братьямъ, былъ не долго сильнѣе ихъ, пока имѣлъ Кіевъ со всею Русскою землею, Новгородъ, Туровскую отчину, и овладѣлъ, по смерти меньшаго брата, княжествомъ Волынскимъ, съ городами Галицкими, а наконецъ получилъ еще третью часть Смоленска.

Все потерялъ онъ вслѣдствіе набѣга Половецкаго и возстанія дружины, хотѣвшей еще, вопреки ему, испытать битвы (1067). Такъ непрочно было его владѣніе!

Хотя Изяславъ съ Польскою помощью досталъ Кіевъ вскорѣ, но потерялъ столь же легко опять, вслѣдствіе нападенія братьевъ, Черниговскаго Святослава со Всеволодомъ Переяславскимъ (1068—1073).

Наконецъ, приведя въ другой разъ иностранные полки, онъ получилъ Кіевъ, благодаря преимущественно внезапной смерти Святославовой (1076—1078).

У брата его Всеволода (1078—1093) собралось подъ руку почти все отцовское наслѣдство: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Владимиръ, Смоленскъ, Новгородъ. Но онъ долженъ былъ начать тотчасъ новое дѣленіе: племяннику Ярополку Изяславичу предоставилъ онъ Владимиръ, равно какъ и отчинный его городъ Туровъ. Другому племяннику, Давыду Игоревичу, далъ онъ Дорогобужъ. Ростиславичамъ Червенскіе города, которые съ сихъ поръ отдѣлились совершенно отъ Кіева, и составили особое независимое княжество, *Галицкое.*

Слѣдующій Великій князь Святополкъ Изяславичъ Туровскій (1093—1113) былъ силенъ преимущественно союзомъ съ двоюроднымъ братомъ Володимеромъ Мономахомъ, съ которымъ счастливо ходилъ на Половцевъ и укрощалъ внутреннія распри.

Но Черниговское княжество возвратилось при нихъ въ родъ Святославовъ, добытое мечемъ Олега съ помощію Половцевъ (1094).

Мономахъ (1113—1125) сдѣлался еще сильнѣе, благодаря своимъ доблестямъ: онъ владѣлъ Кіевомъ; отчиною Переяславлемъ съ Суздальскою землею; Смоленскомъ, по договору еще съ Святополкомъ; Владимиромъ, вслѣдствіе неудачной попытки Ярослава Святополковича, и Туровымъ, его отчиною; Новгородомъ, избравшимъ себѣ издавна его сына Мстислава. Ему повиновались всѣ князья, даже Черниговскіе. Половцы не смѣли двигаться.

Но у него было пять сыновей, и уже нѣсколько внуковъ, между которыми раздѣлилось его обширное владѣніе: Мстиславъ получилъ Кіевъ, Ярополкъ Переяславль, Вячеславъ Туровъ, Андрей Владимиръ, Юрій Суздаль, внуки—Всеволодъ Новгородъ, Изяславъ Курскъ, Ростиславъ Смоленскъ. Городно еще прежде онъ отдалъ за дочерью сыну Давыда Игоревича, Всеволодку.

Мстиславъ, старшій сынъ, переведенный имъ заблаговременно изъ Новагорода въ Бѣлгородъ, получилъ Кіевъ, уже весьма обрѣзанный, и только благодаря личнымъ своимъ качествамъ, онъ поддерживалъ съ честію достоинство Великаго князя, пользовался по-

корностью братьевъ съ ихъ полками, и пріобрѣлъ своимъ дѣтямъ княжество Полоцкое. Онъ укротилъ Половцевъ (1125—1132).

Съ брата Мстиславова Ярополка начинается ослабленіе Кіевскаго княжества и вмѣстѣ Великокняжескаго достоинства, (1123—1139), умножились междоусобія, вслѣдствіе коихъ онъ уступилъ Ольговичамъ Курскъ,—а по его смерти Кіевъ достался, внѣ всѣхъ правъ, дерзкому и способному Ольговичу, Черниговскому князю Всеволоду.

Всеволодъ Ольговичъ (1139—1146) думалъ было отстранить всѣхъ Мономаховичей отъ владѣнія Кіевомъ и Русскою землею, прогнать ихъ изъ Владиміра, Турова и Переяславля, и хотя не успѣлъ въ своемъ намѣреніи, но все-таки остался сильнѣйшимъ княземъ своего времени, располагая силами Черниговскаго княжества вмѣстѣ съ Кіевскимъ, и умѣя принуждать къ послушанію прочихъ князей.

Онъ не могъ только по желанію передать Кіева брату Игорю, и, послѣ многихъ превратностей, Великое княжество досталось Изяславу Мстиславичу, вмѣстѣ съ дядею, старшимъ между живыми сыновьями Мономаха, Вячеславомъ Туровскимъ.

Изяславъ, обладавшій Владиміромъ, все время (1146—1152) занятъ былъ войнами за Кіевъ, отнимая и уступая его дядѣ Юрью, и удержалъ собственно благодаря помощи Угорской и брату Ростиславу Смоленскому.

Онъ умеръ, оставивъ также какъ и отецъ его, нѣсколько сыновей, утвердившихся на Волыни.

Владимирское, главное княжество, образовало совершенно независимое владѣніе, оставленное въ родѣ старшаго сына Изяславова, Мстислава.

Смоленское сдѣлалось отчиною втораго Мстиславова сына, Ростислава.

Туровское княжество досталось возмужалому представителю Изяславова (Ярославича) рода, Юрью Ярославичу.

Послѣдующіе князья, получая Кіевъ среди споровъ, должны были вступать въ различныя сдѣлки съ своими соперниками, противниками и помощниками.

Кіевъ остался въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, съ Русскою такъ называемою землею, на югъ до Новороссійскихъ степей, на сѣверъ до границъ Туровскаго и Полоцкаго княжествъ.

И изъ этихъ коренныхъ волостей Кіевскихъ начались уступки: Юрій (1155—1157), сильный своими Залѣсскими волостями, въ предѣлахъ Великаго княжества, давалъ удѣлы сыновьямъ: союзнику своему, Святославу Ольговичу, уступилъ онъ за помощь, оказанную имъ для взятія Кіева у Изяслава Мстиславича, кромѣ Курска съ Посемьемъ, Сновскую тысячу, Слуцкъ, Клецкъ и всѣхъ Дреговичей, то есть сѣверную часть Кіевскаго княжества, къ коей присоединилъ (1155) Мозырь; Изяславу Давыдовичу онъ далъ Корческъ.

Ростиславъ (1161—1169) изъ Кіевскихъ городовъ (1162) давалъ племяннику Мстиславу Изяславичу: Торческъ, Бѣлгородъ, Триполь. Поссорясь съ нимъ, отнялъ эти города, а помирясь, отдалъ опять, замѣнивъ Триполь Каневымъ.

Триполь же съ четырьмя городами далъ дядѣ Володимиру Мстиславичу.

Ростиславу помогали много Смоленскія его волости и союзъ съ Андреемъ Великимъ княземъ Суздальскимъ.

По смерти Ростислава (1169) князья подѣлили было между собою волости, и уступая Мстиславу Кіевъ, дядя, Володимиръ Мстиславичъ, бралъ себѣ къ Триполю все Поросье, а Володимиръ Андреевичъ Берестье, на что прибывшій Мстиславъ Изяславичъ не согласился.

Андрей Боголюбскій, не жаловавшій Мстислава, особенно вслѣдствіе отправленія имъ сына Романа въ Новгородъ на княженіе, вопреки распоряженіямъ Суздальскаго князя, прислалъ на Кіевъ рать съ 11 подчиненными князьями. Кіевъ былъ взятъ (1169), не смотря на сопротивленіе Мстислава, опустошенъ и отданъ брату Андрееву, Переяславскому князю Глѣбу.

Это былъ сильнѣйшій ударъ стольному городу, послѣ коего Кіевскіе князья почти не выходили уже изъ зависимости, болѣе или менѣе, отъ Владимирскихъ князей, до которыхъ вмѣстѣ дошелъ и чередъ старѣйшинства.

Въ предѣлахъ самаго Кіевскаго княжества являлось болѣе и болѣе удѣльныхъ князей, не только изъ братьевъ или сыновей Великаго князя, но и прочихъ, даже чужихъ.

Такъ, въ это время, во Вручемъ сидѣлъ Рюрикъ Ростиславичъ, въ Вышгородѣ Давыдъ, въ Бѣлгородѣ Мстиславъ, въ Михаиловѣ Василько Ярополчичъ, въ Торческѣ Михалко Юрьевичъ.

Святославъ Всеволодичъ (1177-1194), получивъ уступленный ему Кіевъ, предоставилъ всю Русскую землю Рюрику Святославичу, и слушался Великаго князя Всеволода Суздальскаго. Значеніе его поддерживалось еще помощію Ольговичей Черниговскихъ.

Рюрикъ Ростиславичъ, (1195-1202) сдѣлавшись по его смерти Великимъ княземъ, уступилъ Великому князю Суздальскому Всеволоду Торческъ, Корсунь, Богуславль, Триполь, Каневъ, отданные имъ прежде Роману Волынскому, который получилъ за нихъ Полоной и полъ Торческа Русскаго.

У Рюрика отнятъ былъ Кіевъ Романомъ Волынскимъ, но вскорѣ (1202) взятъ имъ обратно съ помощію Половцевъ, которые опустошили и разорили его такъ, что онъ никогда не могъ уже подняться.

Въ войнѣ Рюрика со Всеволодомъ Чермнымъ, Кіевъ, ослабѣлый и раздробленный въ продолженіи двухъ-трехъ лѣтъ, переходилъ много разъ изъ рукъ въ руки, и достался наконецъ Всеволоду Чермному, который уступилъ Рюрику свой Черниговъ.

По его смерти, онъ хотѣлъ повторить опытъ своего дѣда, Всеволода Ольговича, и выгнать Мономаховичей изъ Русской земли, и дѣйствительно выгналъ князей изъ Торческа, Триполя, Бѣлгорода; но былъ наказанъ за то жестоко Мстиславомъ Новогородскимъ.

Послѣдній князь, изъ рода Мономаховичей (1214-1224), Мстиславъ Романовичъ, безъ постороннихъ владѣній, не имѣлъ уже никакой самостоятельности: подъ самымъ Кіевомъ долженъ былъ терпѣть Ольговича, въ Бѣлгородѣ, снизшелъ на степень князя подчиненнаго, и помогалъ только двоюродному своему брату, Мстиславу Мстиславичу, покорявшему Галичь.

Кіевское княжество подъ конецъ ничего уже не значило, пренебреженное даже и Суздальскими князьями, которые впрочемъ, въ свою очередь, ослабѣли и должны были отказаться отъ своего вліянія на Кіевъ.

ЧЕРНИГОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО.

Черниговъ, древній городъ *Сѣверянъ*, извѣстный Грекамъ, упоминается еще въ договорѣ Олеговомъ (906 г.). Онъ былъ столицею брата Ярославова, Мстислава, который, побѣдивъ его подъ Лиственомъ, предоставилъ себѣ всю восточную половину Русской земли по Днѣпръ (1026), но вскорѣ умеръ (1036) бездѣтный.

Ярославъ отдалъ Черниговъ третьему сыну Святославу (род. въ 1026 г.), который сдѣлался, чрезъ наиболѣе извѣстнаго своего сына Олега, родоначальникомъ Ольговичей и многихъ изъ нынѣшнихъ княжескихъ отраслей.

Область его, по Ярославову дѣленію, граничила къ западу съ Кіевскимъ княжествомъ, отъ котораго отдѣлялась Днѣпромъ; къ сѣверу очень мало съ Полоцкимъ, съ Смоленскимъ и Переяславскимъ-Суздальскимъ; къ востоку, со стороны Мурома и Рязани, съ Финскими племенами, отъ которыхъ много отдѣлялась Окою; къ югу съ Воронежскими степями, Курскимъ и Переяславскимъ княжествами.

Черниговское княжество, слѣдовательно, съ своими волостями, Сѣверскими, Муромскими и Рязанскими, Вятичами, занимало нынѣшнюю губернію этого имени, часть Могилевской, южный клинъ Смоленской, Калужскую, Тульскую, часть Московской, Рязанскую, часть Владимирской, Тамбовской, Воронежской, Орловскую.

Тмутораканъ, на островѣ Таманѣ, принадлежала также къ удѣлу Святославову.

Удѣлъ Святославовъ остался въ продолженіи всего этого періода во владѣніи его рода, и преимущественно одной его отрасли, Ольговичей.

Въ исторіи Черниговскаго княжества повторились тѣ же явленія, какія мы видѣли въ исторіи Великаго княжества Кіевскаго: сначала обширное и сильное, оно раздѣлилось между тремя сыновьями Святослава на три княжества: Черниговское, Новгород-Сѣверское и Муромское; а сіи, въ свою очередь, на многіе частные удѣлы, которыхъ число увеличивалось по мѣрѣ размноженія князей: Березой, Вщижъ, Вырь, Козельскъ, Путивль, Трубчевскъ, Рыльскъ и проч.

Черниговскіе князья имѣли непосредственное отношеніе къ Кіеву, искали часто Великаго княжества, вслѣдствіе чего вели войны съ другими искателями, и входили въ союзъ, воевали иногда и между собою, то есть съ Новгородъ-Сѣверскою братіей. Въ остальное время они раздѣляли судьбу Кіева, ходя съ Великими князьями на Половцевъ и принимая участіе въ ихъ прочихъ дѣйствіяхъ. Въ послѣдствіи они подверглись вліянію Владимира, и, наконецъ, совершенно ослабѣвъ, сдѣлались легкою добычею новыхъ враговъ, нагрянувшихъ на Русскую землю.

Святославъ долго сидѣлъ спокойно въ своей отчинѣ, участвуя въ дѣйствіяхъ старшаго брата Изяслава, и помогая ему усердно во всѣхъ войнахъ, съ Торками, Всеславомъ Полоцкимъ, Половцами.

Въ 1064 году ходилъ онъ въ Тмутораканъ, на помощь къ сыну Глѣбу, согнанному съ своего стола племянникомъ, Ростиславомъ Володимеричемъ, явившимся изъ Новагорода. Онъ усадилъ сына, но не на долго, потому что Ростиславъ, по удаленіи дяди, опять согналъ двоюроднаго брата, ко-

торый воротился къ отцу, и вскорѣ получилъ Новгородъ. *

Когда Половцы въ 1068 году разбили на Альтѣ, и обратили въ бѣгство Ярославичей, Изяславъ за робость былъ изгнанъ изъ Кіева своими воями, а Святославъ собрался съ силами въ Черниговѣ, и вышелъ на встрѣчу врагамъ, къ Сновску. У него было три тысячи, а у Половцевъ, говорятъ, двѣнадцать. «Некуда намъ дѣваться», воскликнулъ онъ къ своей дружинѣ, подобно первому Святославу, «попытаемся»... Черниговцы ударили по конямъ, и смяли полки Половецкіе. Враги бѣжали, много ихъ потонуло въ Сновѣ, много ято руками, и въ томъ числѣ ихъ князь.

При возвращеніи Великаго князя въ Кіевъ, Святославъ далъ убѣжище преподобному Антонію, навлекшему на себя гнѣвъ Изяслава, прислаВъ отроковъ увезти его ночью изъ пещеры. Антоній ископалъ въ Черниговѣ пещеру въ Болдиныхъ горахъ.

Въ 1073 году, «желая больше власти», или по наговору бояръ, можетъ быть негодуя за обиду при дѣлежѣ наслѣдства послѣ меньшихъ братьевъ, скончавшихся вскорѣ послѣ отца, ** Святославъ пошелъ съ братомъ Всеволодомъ на Великаго князя ратью, заставилъ снова бѣжать, и сѣлъ на Кіевскій столъ, который сдѣлался и для его потомковъ постоянной цѣлію исканія.

Черниговъ свой уступилъ онъ тогда брату Всеволоду, бывшему съ нимъ въ союзѣ.

Онъ не долго впрочемъ пользовался похищенною властію, скончался въ 1076 году, лѣтъ пятидесяти отъ роду. Похороненъ онъ былъ въ церкви св. Спаса въ Черниговѣ, какъ бы въ доказательство, что Кіевъ принадлежалъ ему не по закону, и что его дѣти лишились правъ искать его. Ему приписывается основаніе монастырей въ Черниговѣ— Ильинскаго и Елецкаго.

Святославъ, ревностный почитатель св. Антонія и Ѳеодосія, любилъ чтеніе; знаменитые сборники, для него переписанные (1074 и 1076), остались для насъ свидѣтельствомъ его любви къ книжному ученію. *

Послѣ него осталось пять храбрыхъ сыновъ, которыхъ изображенія мы видимъ въ старинномъ сборникѣ вмѣстѣ съ изображеніями ихъ отца и матери: Глѣбъ, Романъ, Давыдъ, Олегъ, Ярославъ. Двое старшихъ погибли вскорѣ послѣ отца: Глѣбъ, княжившій сначала въ Тмуторакани, а потомъ въ Новогородѣ, убитъ былъ въ Заволочьѣ, въ 1078 году. Романъ, слѣдовавшій за нимъ въ Тмуторакани, убитъ Половцами на возвратномъ пути изъ Руси ** (1079), гдѣ искалъ онъ напрасно своей отчины.

Остальные сыновья должны были поплатиться за временный успѣхъ отца. Они лишились своей Черниговской отчины, и долгое время принуждены были скитаться по бѣлому свѣту.

* См. въ исторіи Тмутораканскаго княжества.

** См. выше въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 99 и 102.

* Предлагаемъ послѣсловіе старшаго сборника: „Великый въ князихъ князь Святославъ, въждeлaнисмь зѣло въжделавъ, державный владыка, обавіти покръвеныя разумы въ глубинѣ многостръпьтныхъ сихъ книгъ, премудраго Василія въ разумѣхъ, повелѣ мнѣ немудрувѣдию прѣмѣну сътворити рѣчи инако, набъдяща тожьство разумъ его. Яже, акы бъчела любодѣльна, съ всякого цвѣта писанию събьравъ акы въ единъ съть в вельмысльное сердце свое, проливаеть акы сѫть сладъкъ изъ устъ своихъ предъ боляры, на връзумѣніе тѣхъ мысльмъ, являяся имъ новый Птоломѣй не вѣрою нъ желание (мъ) паче, и събора дѣля многочьстьныхъ, божественыхъ кънигъ всѣхъ, имиже и свои клѣти испълнь, вѣчьную си память сътвори, еже памяти вину въсприяти. А конецъ въсѣмъ книгамъ: оже ти себѣ нелюбо, то того и другу не твори. Въ лѣто 6581 написа Іоаннъ Диакъ изборьникъ съ великууму князю Святославу.“

Подлинникъ сборника писанъ для Болгарскаго царя Симеона (889—927).

** См. исторію Тмутораканскаго княжества.

При приближенiи Великаго князя Изяслава съ Ляхами, Всеволодъ вышелъ къ нему на встрѣчу, а на Черниговъ, въ отсутствiе его, Мая 4, напалъ племянникъ, Борисъ Вячеславичъ. Онъ владѣлъ городомъ впрочемъ только восемь дней.

Всеволодъ, заключивъ миръ съ братомъ, возвратился въ Черниговъ, а Борисъ бѣжалъ къ Тмуторакань въ Роману Святославичу. Туда же вскорѣ бѣжалъ (1078) и Олегъ, жившiй дотолѣ у Всеволода въ Черниговѣ.

Не задолго предъ тѣмъ ходилъ онъ вмѣстѣ съ его Володимеромъ Мономахомъ къ Ляхамъ на помощь противъ Чеховъ. Молодые княжичи проникали тогда въ глубь Богемiи до Глоговскаго лѣса. Они подружились между собою крѣпко, и Олегъ крестилъ тогда у Мономаха двухъ старшихъ его сыновъ: Мстислава и Изяслава.

Оставаясь теперь не при чемъ въ Черниговѣ, онъ хотѣлъ испытать счастья, (той бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутораканѣ). Онъ привелъ вмѣстѣ съ Борисомъ Половцевъ на Всеволода. Всеволодъ вышелъ противъ нихъ, и былъ разбитъ на Сожицѣ, августа 25. Здѣсь были убиты Иванъ Жирославичъ, и Тукiй, Чудиновъ братъ, что совѣтовалъ нѣкогда Изяславу въ Кiевѣ приколоть Всеслава Полоцкаго, Порей, воинствовавшiй (1064) съ Ростиславомъ въ Тмуторакани. Побѣдивъ, князья подступили къ Чернигову. Всеволодъ бѣжалъ къ брату въ Кiевъ, который подалъ ему помощь. Олега и Бориса не было въ городѣ. Черниговцы затворились. Володимеръ, сынъ Всеволодовъ, ворвался въ городъ окольнiй (остроги), и люди спаслись въ днѣшнiй (дѣтинецъ). Услышавъ, что Олегъ и Борисъ приближаются съ своими воями, Изяславъ и Всеволодъ оборотились противъ нихъ. Олегъ хотѣлъ покориться и просить мира у дядей, а Борисъ воспротивился. * Началось сраженiе. Борисъ былъ убитъ въ самомъ началѣ, (равно какъ и Великiй князь Изяславъ), Олегъ бѣжалъ опять въ Тмуторакань.

Всеволодъ занялъ столъ великокняжескiй, и посадилъ въ Черниговѣ сына Володимера.

На слѣдующiй годъ Олегъ приходилъ еще на Черниговъ съ братомъ Романомъ, но опять неудачно. Всеволодъ заключилъ миръ съ Половцами, которые Романа убили, а Олега заточили въ Цареградѣ, (1079), такъ что послѣднее убѣжище дѣтей Святославовыхъ, притонъ ихъ, Тмуторакань, для нихъ пропала, на время доставшееся Всеволоду.

Древнiй нашъ паломникъ, игуменъ Даниилъ, свидѣтельствуетъ о пребыванiи Олега на островѣ Родосѣ въ продолженiи двухъ лѣтъ.

Наконецъ онъ успѣлъ спастись изъ Грецiи, воротился въ Тмуторакань, переходившiй между тѣмъ изъ рукъ въ руки у праздношатавшихся княжичей, овладѣлъ имъ и изсѣкъ Козаровъ, участвовавшихъ въ убiенiи брата и его заточенiи.

Десять лѣтъ княжилъ Олегъ на этомъ отдаленномъ островѣ, и о немъ ничего не было слышно; наконецъ дождался онъ своего часа: Всеволодъ умеръ, Половцы разсыпались на Русской землѣ, и разбили соединенныхъ князей.

Олегъ увидѣлъ, что можетъ воспользоваться пораженiемъ и безсилiемъ своихъ враговъ, и возвратить себѣ отеческое наслѣдiе, ими завладѣнное. Онъ призвалъ Половцевъ, своихъ старыхъ прiятелей, съ которыми уже два раза приходилъ воевать Русь, и оставя Тмуторакань, явился подъ Черниговымъ.

Володимеръ, княживъ тамъ спокойно лѣтъ пятнадцать, не могъ ему противиться: онъ

* См. въ исторiи Кiевскаго княжества с. 106.

затворился было въ городѣ, и бился восемь дней. Половцы между тѣмъ грабили вездѣ, жгли и палили села, монастыри. Добрый князь сжалился о бѣдствіи христіанъ, заключилъ съ Олегомъ миръ. «Дружина моя билася съ ними», говоритъ самъ Мономахъ, о малую греблю; восемь дней мы не впускали ихъ въ острогъ, но сожалѣя о христіанскихъ душахъ, о селахъ и монастыряхъ горящихъ, я сказалъ, чтобъ не хвалились поганые, и отдалъ брату отца его мѣсто, а самъ пошелъ въ Переяславль на отца своего мѣсто. Мы выступили изъ Чернигова на день святаго Бориса, и ѣхали сквозь полки Половецкіе, не востѣ дружины, съ женами и дѣтьми. Половцы облизывались на насъ, какъ волки, отъ перевоза и съ горы, но Богъ и святый Борисъ не дали имъ меня въ корысть; дошли невреженые до Переяславля.»

Половцы пустились воевать по окружности, съ согласія самаго Олега, чѣмъ и пріобрѣлъ онъ себѣ дурную славу, которая перешла ко всему его потомству.

Набѣги Половецкіе продолжались. Володимеръ Мономахъ, съ братомъ Великимъ княземъ Святополкомъ, не могли оставить Половцевъ безъ отмщенія и наказанія. Послы ихъ, пришедшіе на миръ, предательски были избиты въ Переяславлѣ. Святополкъ и Володимеръ пошли войною и звали съ собою Олега. Тому разумѣется нельзя было подняться на своихъ союзниковъ и благодѣтелей. Онъ обѣщался, но не пошелъ.

Князья опустошили Половецкіе вѣжи, и воротясь, «начаста гнѣвъ имѣти на Олега, яко не шедшу ему съ нима на поганые, иже погубили суть землю Русскую.»

Они требовали у Олега, чтобъ онъ выдалъ имъ Итларевича или убилъ его, «то̀ есть ворогъ Рустей земли.» Олегъ не согласился. Въ 1096 году Святополкъ и Володимеръ потребовали къ себѣ Олега на совѣтъ. * «Не пристало судить меня ни епископамъ, ни игуменамъ, ни смердамъ», отвѣчалъ гордый князь, питавшій ненависть къ братьямъ, а можетъ быть и опасаясь ихъ измѣны,— и тѣ пришли смирить его.

Онъ бѣжалъ изъ Чернигова въ Стародубъ, Мая 3, въ субботу, и заперся тамъ. Осада продолжалась 33 дня. Олегъ въ крайности вышелъ наконецъ просить прощенія у братьевъ, и обѣщался придти въ Кіевъ на ихъ зовъ вмѣстѣ съ братомъ, Давыдомъ Смоленскимъ, но не подумалъ исполнить своего обѣщанія; напротивъ, непреклонный, онъ кинулся въ другую сторону.

Взявъ у брата въ Смоленскѣ дружину, онъ явился въ Рязани, и оттуда сталъ требовать Мурома, принадлежавшаго къ отчинѣ Святославова рода, у сына Мономахова, Изяслава, его крестника, который пришедши изъ Курска, захватилъ городъ, воспользуясь смутами. «Ступай, сказалъ онъ», въ волость отца своего, въ Ростовъ, я хочу самъ сѣсть въ Муромѣ, и положить отсюда порядъ съ отцомъ твоимъ. Онъ выгналъ меня изъ моего отцовскаго города, ты ли не хочешь отдать мнѣ здѣсь моего хлѣба?» Изяславъ не послушался, надѣясь на множество воевъ, собранныхъ съ Суздаля, Ростова, Бѣлоозера, и ополчился передъ городомъ. Олегъ надѣялся на свою правду,—онъ былъ правъ, говоритъ лѣтописецъ,—и пошелъ къ нему полкомъ. Они сступились,—брань была лютая,—Изяславъ убитъ; вои его побѣжали, одни черезъ лѣсъ, другіе въ городъ. Олегъ вошелъ въ Муромъ, и граждане приняли его.

Онъ плѣнилъ тамъ вдову Изяславову, захватилъ Ростовцевъ, Суздальцевъ, Бѣлозер-

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 111.

цевъ, и велѣлъ сковать ихъ. Тогда вздумалъ онъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами и пошелъ на Суздаль. Суздальцы предалися ему. Олегъ пошелъ дальше на Ростовъ, и также занялъ городъ. Такимъ образомъ подчинилъ онъ себѣ подъ власть всю землю Суздальскую и Ростовскую, посажалъ посадниковъ по городамъ, и началъ брать дани.

Братъ убіеннаго, другой сынъ Володимировъ, крестникъ Олеговъ, Мстиславъ Новогородскій, прислалъ къ нему посла сказать: «иди изъ Суздаля въ свой Муромъ, и въ чужой волости не сиди, а я пошлю молиться къ отцу, и помирю тебя съ нимъ, хоть ты и убилъ моего брата. Дѣлать нечего: въ ратяхъ погибаютъ мужи и цари».

Мстиславъ въ самомъ дѣлѣ послалъ посла къ отцу просить его о мирѣ съ Олегомъ, и тотъ написалъ письмо къ своему строптивому двоюродному брату и куму. *

Олегъ не послушался ни Мономаха, ни Мстислава. Предпріимчивый, онъ замышлялъ перенять и Новгородъ, и послалъ впередъ въ сторожахъ меньшаго брата Ярослава, который остановился на Медвѣдицѣ.

Мстиславъ уже шелъ, и начальникъ его передоваго отряда, Добрыня Рагуиловичъ, изгналъ Олеговыхъ данниковъ. Ярославъ побѣжалъ тою же ночью извѣстить брата о приближеніи непріятеля съ многочисленными воями. Олегу не подъ силу было бороться, и онъ воспятился къ Ростову. Мстиславъ за нимъ. Олегъ отошелъ къ Суздалю, и Мстиславъ туда. Олегъ велѣлъ зажечь городъ, гдѣ остался въ цѣлости одинъ дворъ монастыря Печерскаго и церковь св. Димитрія, созданная епископомъ Ефремомъ и надѣленная отъ него селами,—и бѣжалъ въ Муромъ.

Мстиславъ по его слѣдамъ пришелъ къ Суздалю, и предложилъ миръ Олегу, не смотря на свой успѣхъ, говоря: «я меньше тебя, и послушаюсь во всемъ, шлися къ отцу моему, а дружину, что заялъ, вороти.»

Олегъ согласился, но съ лестью; а Мстиславъ повѣрилъ и распустилъ дружину по селамъ, не оставивъ даже нигдѣ и сторожей.

Вдругъ, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ, пришла къ нему вѣсть, что Олегъ уже на Клязьмѣ.

Олегъ остановился на Клязьмѣ, полагая, что Мстиславъ побѣжитъ; но къ Мстиславу собралась дружина въ тотъ день и въ другой: Новогородцы, Ростовцы, Бѣлозерцы. Олегъ нашелъ его уже готоваго. Четыре дня стояли они другъ противъ друга. Къ Мстиславу пришла еще неожиданная помощь: въ четвергъ, по Өедоровѣ недѣлѣ, братъ Вячеславъ, присланный отъ отца съ Половцами. Въ пятницу Олегъ подступилъ къ городу. Мстиславъ встрѣтилъ его съ Новогородцами и Ростовцами, перейдя пожаръ, на рѣкѣ Колокшѣ. Стягъ Володимировъ передалъ онъ Половчину, именемъ Кунуй, и поставилъ его на правомъ крылѣ съ пѣшцами. Какъ увидѣлъ то Олегъ, то ужаснулся, и всѣ вои его. Началася сѣча на рѣкѣ Колокшѣ: Олегъ противъ Мстислава, и Ярославъ противъ Вячеслава. Кунуй пошелъ въ тылъ, заводя пѣшцевъ. Олегъ, примѣтивъ его движеніе, убоялся и бѣжалъ къ Мурому. Тамъ оставилъ онъ брата Ярослава, а самъ поспѣшилъ въ Рязань. Мстиславъ пришелъ въ Муромъ и заключилъ миръ съ Муромцами, освободивъ людей своихъ Ростовцевъ и Суздальцевъ. Потомъ пошелъ къ Рязани на Олега, который бѣжалъ и оттуда; Мсти-

* См. выше с. 127.

славъ заключилъ миръ и съ Рязанцами, освободивъ своихъ людей, заточенныхъ Олегомъ, и послалъ сказать Олегу: «не бѣжи ни куда, но пошлися къ братьѣ своей съ мольбою. Они не лишать тебя Русской земли, и я самъ буду просить также отца моего о тебѣ.»

Олегъ обѣщался поступить по его совѣту, и Мстиславъ отошелъ назадъ въ Суздаль, а оттуда въ свой Новгородъ.

Въ Любечѣ назначенъ княжескій съѣздъ. Олегу съ братьями его Давидомъ и Ярославомъ предоставлена была ихъ отчина, удѣлъ Святославовъ, который и раздѣленъ былъ между ними на три части, никогда уже послѣ несоставлявшія одного цѣлаго владѣнія: княжество Черниговское утверждено за Давидомъ, Сѣверское отдано Олегу, и Муромское Ярославу. Князья, соединенные между собою родственными узами, переходили съ стола на столъ, по праву старѣйшинства, кромѣ Муромскихъ, которые имѣли совершенно особое княжество.

Давидъ Святославичъ отличался предъ всѣми своими братьями кротостію. Онъ получилъ, вѣроятно, отъ дяди Всеволода Смоленскъ, который по требованію В. К. Святополка и Володимера Мономаха принужденъ былъ на нѣсколько времени промѣнять на Новгородъ (1095). Послѣ Любецкаго съѣзда (1097) онъ утвердился въ Черниговѣ, и находился въ послушаніи у братьевъ Святополка и Володимера, посылалъ сына Святошу (1099) на Давида Игоревича, принималъ участіе на съѣздѣ въ Увѣтичахъ, (1100), ходилъ на Половцевъ съ братьями въ 1103, 1110, 1111, годахъ. Въ 1113 году, къ великой радости его и его супруги, поставленъ былъ епископомъ въ Черниговъ Печерскій игуменъ Ѳеоктистъ. Въ 1115 году участвовалъ Давидъ въ пренесеніи мощей Святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба въ Вышгородѣ. 1116 года ходилъ отъ Мономаха на Глѣба Полоцкаго и взялъ Дрютескъ на щитъ. Въ 1117 году ходилъ отъ Мономаха на Ярослава Святополчича. Онъ скончался въ Черниговѣ въ 1123 году.

О нравственныхъ качествахъ его сохранилось слѣдующее свидѣтельство въ одномъ древнемъ духовномъ словѣ, сказанномъ въ день сс. Бориса и Глѣба: «Скажю вы притчу... не въ чужѣ странѣ бывшю: Давидъ Святославичъ... ни съ кѣмъ не имѣаше вражды; аще кто нань рать воздвигнетъ, онъ же покореніемъ своимъ рать уставляше, княжаше въ Черниговѣ въ большемъ княженьи, понеже бо старѣй братьи своей. Аще кто кривду створяше къ нему отъ братьи, онъ же все на себѣ примиряше; кому ли крестъ цѣловаше, въ весь животъ свой несступаше; аще кто къ нему неисправляше цѣлованія, онъ единако исправи, никого приобидѣ, ни зла створи. Братья же его видяще тако суща, вси слушахуть его, яко отца, и покоряются ему, яко господину. Въ велицѣ тишинѣ бысть княженіе его.»

Давидомъ основанъ въ Черниговѣ въ честь его ангела монастырь Глѣбо-борисовскій. Онъ оставилъ трехъ сыновъ, Святослава, Володимера и Изяслава, изъ коихъ старшій Святославъ, или какъ въ просторѣчіи называли его, Святоша, посвятилъ себя строгой монашеской жизни, доказывая тѣмъ свое благочестивое воспитаніе. (*)

Давиду Святославичу долженъ былъ наслѣдовать оставшійся меньшой братъ его, Ярославъ Муромскій. (Олегъ умеръ прежде его). Онъ дѣйствительно и пріѣхалъ изъ

* См. въ Исторіи духовной жизни.
Внука Давидова, дочь Святоши, была замужемъ за Всеволодомъ Мстиславичемъ Псковскимъ, причтеннымъ къ лику святыхъ.

Мурома занять отцовскій столъ, но владѣлъ имъ не долго.

Племянникъ его, *Всеволодъ Ольговичъ*, недостойный сынъ отца, самый дѣятельный и способный изъ всей братьи, неимѣя никакого права въ отношеніи къ дядѣ, при старшихъ двоюродныхъ братьяхъ, Давидовичахъ, напалъ на него врасплохъ, изсѣкъ и полонилъ его дружину, а самого принудилъ удалиться изъ Чернигова (1127).

Обиженный, ограбленный обратился съ просьбою о покровительствѣ къ Великому князю Кіевскому Мстиславу. Тотъ обѣщалъ, поклялся и приготовился идти войною на зятя. (Всеволодъ былъ женатъ на его дочери). Всеволодъ испуганный употреблялъ всѣ старанія остановить его, кланялся, молился, подкупалъ бояръ. Такъ прошло все лѣто до зимы. Ярославъ пріѣхалъ нарочно изъ Мурома «кланяяся ему (Мстиславу) моляшеться река: крестъ еси цѣловалъ ко мнѣ, поиди на Всеволода.» А Всеволодъ съ своей стороны приступалъ къ Мстиславу съ просьбами, —и Мстиславъ измѣнилъ своему слову.*

Несчастный Святославичъ принужденъ былъ оставить добычу у похитителя, и удалиться въ свой Муромъ, гдѣ сдѣлался родоначальникомъ особой отрасли князей Муромскихъ и Рязанскихъ.

Всеволодъ находился въ волѣ В. К. Мстислава, и ходилъ по его слову на Полоцкихъ князей въ 1128 году, и на Литву въ 1131 г.

Но по кончинѣ его началъ дѣйствовать иначе: воспользуясь распрями Мономаховичей, онъ сталъ требовать себѣ волостей, вѣроятно Курска, уступленнаго когда-то его отцу. «Что ны отець держалъ при вашемъ отци, тогоже и мы хочемъ; аже не вдасть, то не жалуйте, что се удѣеть, то вы виноватн, то на васъ буди кровь.»

Началась война. Всеволодъ осадилъ Переяславль, и, услыхавъ о приближеніи Великаго князя Ярополка, вышелъ къ нему навстрѣчу. Произошло сраженіе въ верховьяхъ Супоя, 18 Августа, 1135 года. Ольговичи побѣдили, и плѣнили многихъ Кіевскихъ бояръ. Внукъ Мономаховъ, Василько Маричичъ, царевичъ Василько Леоновичъ, были убиты. Володимеричи удалились. Всеволодъ перешелъ Десну, и сталъ противъ Вышгорода. Ярополкъ, началъ собирать противъ него вои. Между тѣмъ велись переговоры, которые не имѣли желаннаго конца. Всеволодъ отошелъ въ Черниговъ, но въ Декабрѣ Ольговичи съ Половцами опять напали на Кіевскія владѣнія, и опустошили всю сторону отъ Триполя около Красна и Василева до Бѣлгорода, Кіева и Вышгорода, по Желани, даже до Деревской земли. У Великаго князя Ярополка собралось много воевъ, но онъ рѣшался уступить, избѣгая кровопролитія, «и вда Ярополкъ Ольговичемъ отчину свою, чего и хотѣли, и тако утиши брань ту лютую» (1136).

Всеволодъ былъ однакожъ недоволенъ, и замышлялъ злое: въ 1138 году привелъ онъ Половцевъ къ Прилуку, взялъ нѣсколько городовъ и собралъ Посульское.

Ярополкъ, вышедшій изъ терпѣнія, собрался со всѣми силами и явился передъ Черниговымъ.

Всеволодъ оробѣлъ и рѣшился бѣжать, но Черниговцы не пустили его: «ты думаешь спастися къ Половцамъ, а волость свою погубить хочешь. Къ чему же ты воротишься? Лучше покинь свое высокоуміе и проси мира: мы вѣдаемъ милосердіе Яро-

* См. въ Исторіи Кіевскаго княжества с. 135.

полка: онъ не любитъ кровопролитія, стараясь соблюдать землю Русскую.»

Всеволодъ долженъ былъ послушаться, началъ слать пословъ къ Ярополку съ мольбою о мирѣ, однихъ за другими; и тотъ наконецъ простилъ его, милостивый нравомъ, подобно отцу.

Вскорѣ Великій князь Ярополкъ 1140 г., скончался. Всеволодъ, съ братомъ Святославомъ и Володимеромъ Давыдовичемъ, напали на Кіевъ, точно какъ прежде на Черниговъ; онъ изгналъ оттуда брата Ярополкова, В. князя Вячеслава, и сдѣлался безъ всякаго права Великимъ княземъ Кіевскимъ (1139).

Черниговъ онъ отдалъ старшимъ своимъ двоюроднымъ братьямъ, *Давыдовичамъ*, удержавъ за собою однакожъ Вятичей.

Братья, родные, Игорь и Святославъ, которымъ онъ прежде обѣщалъ Черниговъ, разсердились, ходили войною то на Черниговъ, то на Переяславль, и безпрестанно требовали себѣ надѣленія въ отчинѣ, отказываясь отъ удѣловъ въ Кіевскомъ княжествѣ.

Всеволодъ, на Кіевскомъ столѣ, думалъ было покорить подъ свою власть всю Русскую землю, Переяславль, Владиміръ, Смоленскъ, Туровъ, Новгородъ, но долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Братьевъ, которыхъ онъ старался всегда ссорить (Ольговичей съ Давыдовичами), удовлетворилъ онъ нѣкоторыми Кіевскими городами, коими они принуждены были накопецъ удовольствоваться, и привлекъ на свою сторону.

Давыдовичи, получившіе по его милости Черниговъ, служили ему вѣрно и участвовали во всѣхъ его походахъ.

Въ 1139 году Изяславъ Давыдовичъ ходилъ на Мономаховичей съ Половцами.

Въ 1142 г. ходилъ по приказанію Великаго князя въ Польшу, въ помощь къ его зятю Володиславу, на меньшихъ его братьевъ Болеславичей.

Въ 1144 г. Володимеръ Давыдовичъ ходилъ съ Великимъ княземъ Всеволодомъ на Галичь, и получилъ часть добычи.

Въ этомъ году Великій князь Всеволодъ выдалъ за него Мономахову внуку, Всеволодковну.

Въ слѣдующемъ году (1145) взялъ онъ клятву съ Давыдовичей, призвавъ ихъ въ Кіевъ, на вѣрность и любовь къ брату Игорю, которому предоставилъ Кіевъ.

Въ 1146 г. ходили Давыдовичи въ войскѣ Великаго князя Всеволода на Галичь, которое воротилось безъ успѣха.

Передъ смертію Всеволодъ присылалъ къ Давыдовичамъ, какъ и къ прочей братьѣ, спросить: стоите ли въ крестномъ цѣлованіи? они отвѣчали: стоимъ.

Великій князь скончался августа 1, и братъ его Игорь послалъ къ Давыдовичамъ съ тѣмъ же вопросомъ; они начали просить у него волостей много.

Кіяне и Черные клобуки предали Игоря, не смотря на принятыя имъ условія; онъ былъ разбитъ, и взятъ въ плѣнъ призваннымъ Изяславомъ Мстиславичемъ.

Святославъ, братъ его, бѣжалъ въ Черниговъ, и спросилъ Давыдовичей: стоятъ ли они въ крестномъ цѣлованіи, данномъ пятаго дня. Они подтвердили клятву. Святославъ оставилъ у нихъ мужа своего Коснячку, и отправился въ Курскъ уставлять людей для замышляемой борьбы съ Изяславомъ, и оттуда къ себѣ въ Новгородъ.

Но Давыдовичи замышляли иное. Враждуя меньшимъ Ольговичамъ издавна за Черниговъ, котораго тѣ искали, они начали совѣтоваться между собою таіно, и не допускали къ своимъ совѣтамъ Святославова мужа. Тотъ

провѣдалъ объ ихъ козняхъ, и далъ знать своему князю: «княже, думаютъ о тебѣ, хотятъ тебя захватить, не моги ѣхать къ нимъ, если пришлютъ за тобою». Наконецъ они рѣшились и послали сказать Великому князю Изяславу Кіевскому: «Игорь былъ также золъ намъ, какъ и тебѣ, держи его крѣпче.» А Святославу: «иди изъ Новгорода въ Путивль, а отъ брата откажись.» Святославъ отвѣчалъ: «не спрашиваю себѣ волостей ничего, отпустите только брата.» «Цѣлуй крестъ», повторяли они, «что не будешь просить и искать за брата, а волость держи.»

Началось дѣло злое, доведемъ до конца братоубійство; пойдемъ искоренимъ Святослава и переимемъ волость его, думали они, и просили Великаго князя Изяслава идти вмѣстѣ съ ними подъ Новгородъ.

Изяславъ приходилъ къ нимъ на снемъ, и далъ имъ сына Мстислава съ Переяславцами и Берендѣями.

Новгород - Сѣверское княжество было покорено, * но не надолго. Святославъ нашелъ себѣ союзника въ лицѣ Суздальскаго князя Юрія. Они пригласили Половцевъ и собрали множество силъ. Соединясь они заняли опять Сѣверское княжество, и грозили Чернигову. Давыдовичи испугались: не потерять бы имъ Чернигова, на который шелъ прямо озлобленный ихъ врагъ, вмѣстѣ съ сильнымъ помощникомъ: Изяславу не въ мочь охранять нашихъ волостей, гадали они, когда ему самому грозитъ опасность отъ Юрья.

Они послали въ Кіевъ предувѣдомить Великаго князя о приближеніи непріятеля, и звать къ себѣ на помощь: «брате, се заялъ Ольговичь Святославъ волость мою Вятичи, пойдемъ на него; прогнавъ его, пойдемъ на Юрья въ Суздаль, либо побьемся съ нимъ, либо миръ сотворимъ.»

Но рѣшеніе у нихъ было уже принято другое: они задумали оставить Великаго князя и пристать къ его врагамъ. Тогда же они послали сказать Святославу Ольговичу, котораго послы настигли въ Спаскѣ. «Не помяни злобъ нашихъ», такъ молились они, «и не имѣй на насъ жалобы; возми свою отчину, имѣнье твое возвратимъ тебѣ, а ты цѣлуй намъ крестъ, и станемъ всѣ за одно.»

Святославъ съ удовольствіемъ принялъ ихъ предложеніе, радый новымъ союзникамъ.

Давидовичи, умысливъ злое дѣло, прислали однакожъ вновь звать Изяслава къ себѣ на помощь.

Улебъ, бояринъ, посланный Изяславомъ къ Давидовичамъ, провѣдалъ въ Черниговѣ, что они цѣловали уже крестъ Святославу Ольговичу, и прискакалъ назадъ къ своему князю увѣдомить объ измѣнѣ. Черниговскіе пріятели прислали также остеречь его, чтобъ онъ не шелъ дальше, ибо думаютъ его убить, или полонить въ Игоря мѣсто.

Изяславъ потребовалъ у нихъ дать новую присягу.

Давидовичи отказались: для чего цѣловать крестъ безъ лѣпа? мы цѣловали его тебѣ, развѣ мы провинились.

Грѣха нѣтъ на любви поцѣловать крестъ, и еще это душѣ на спасеніе, возразилъ посолъ, въ исполненіе наказа Изяслава. Вы стоите, братья, въ крестномъ цѣлованіи, такъ я сообщаю вамъ вотъ что: до меня дошли слухи, что вы предалися Ольговичу и ведете меня лестью, хотяче яти, ли убити въ Игоря мѣсто. Такъ ли это, братья, или не такъ?

Давидовичи не могли вымолвить ни слова. Они только взглянули другъ на друга и долго

* См. въ исторіи Кіевскаго и Новгород-Сѣверскаго княжествъ.

молчали. Наконецъ Володимеръ сказалъ послу: «отойди пока прочь, посѣди тамъ, мы тебя позовемъ». Долго они думали и совѣтовались, видя свое обличеніе, и наконецъ призвали посла: «братъ! точно мы цѣловали крестъ Святославу Ольговичу. Жаль намъ стало брата нашего Игоря. Суди самъ, любо-ли бъ было тебѣ, если бъ мы держали твоего брата. Пусти Игоря — онъ уже чернецъ и схимникъ—и мы ѣздимъ подлѣ тебя.»

Посолъ привезъ Изяславу удостовѣреніе, что Давидовичи отступили отъ него. Тогда онъ отослалъ имъ крестныя грамоты съ слѣдующими словами: «вы цѣловали мнѣ крестъ до моей смерти, и я изыскалъ вамъ волость, далъ Новгородъ и Путивль, прогналъ съ вами вмѣстѣ Святослава, взялъ его жизнь и раздѣлилъ съ вами, а вы теперь переступаете крестъ, ведете меня лестью и хотите убить. Вотъ же вамъ крестныя грамоты, что ни будетъ, то будетъ! Богъ со мною и сила Животворящаго креста.»

Въ Кіевѣ произошло страшное смятеніе вслѣдствіе полученнаго отъ Великаго князя извѣстія объ измѣнѣ Черниговскихъ князей. Несчастный Игорь Ольговичъ, заключенный въ монастырѣ, былъ убитъ (1147).

Великій князь Изяславъ соединился между тѣмъ съ братомъ Ростиславомъ Смоленскимъ. Многія Черниговскія волости были ими опустошены. Всеволожь, куда ушли другіе два города, былъ взятъ на щитъ. Унепѣжъ, Бѣлавѣжа, Бохмачъ, услышавъ, что Всеволожъ взятъ, бѣжали къ Чернигову, «и иніи гради мнози бѣжаша.» Изяславъ и Ростиславъ послали за ними въ погоню, настигли ихъ въ полѣ, и полонили нѣкоторыхъ, а прочіе ушли. Князья велѣли ихъ сжечь. Глѣбль отбился. Война отложена до установленія рѣкъ, и братья разошлись.

Въ слѣдующемъ году (1148) Изяславъ съ помощію Угорской, съ Берендѣями, съ полкомъ Володимеровымъ и Вячеславовымъ, двинулся къ Чернигову, и опустошилъ всѣ села. Давидовичи не смѣли выйдти изъ города. Оттуда пустился къ Любцу, «идѣже ихъ вся жизнь» и повоевалъ страну. Давидовичи съ союзниками, вышедъ за ними, не могли помѣшать имъ ни мало, и должны были остановиться передъ рѣкою у Любца. Стрѣльцы съ обѣихъ сторонъ перестрѣливались. Пошелъ сильный дождь; Изяславъ долженъ былъ удалиться опасаясь ростополи.

Давидовичамъ приходилось очень тяжело. Находясь между двумя огнями, они дали знать Святославу Ольговичу и Святославу Всеволодовичу о своемъ затруднительномъ положеніи. Тѣ пришли на снемъ, и всѣ они послали напомнить Юрію: «ты цѣловалъ намъ крестъ придти на Изяслава и не пришелъ, а онъ города наши пожегъ и земли наши повоевалъ за Десною; нынѣ приходилъ опять къ Чернигову, ставъ на Ольговѣ полѣ, и опустошилъ всю страну до Любца, а ты все-таки къ намъ не показывался, ни на Ростислава не наступалъ. Такъ слушай же: хочешь идти на Изяслава—иди, и мы съ тобою;—нейдешь, намъ нельзя погибать ратью однимъ, и въ крестномъ цѣлованіи мы правы.»

Послы воротились безъ всякаго удовлетворительнаго отвѣта, и Давыдовичи вмѣстѣ съ Ольговичами принуждены были, согласясь между собою, просить мира у Великаго князя Изяслава: «Такъ было при отцахъ и дѣдахъ нашихъ: миръ стоитъ до рати, а рать до мира. Не упрекай насъ, что мы ставали на рать: жаль намъ было брата нашего Игоря. Мы хотѣли только, чтобы ты пустилъ его. А теперь, братъ нашъ убитъ, къ Богу пошелъ, намъ всѣмъ тамъ быти,

а то Богу правити. А мы доколѣ будемъ Русскую землю губить, а быхомъ ся уладили.»

Изяславъ, посовѣтовавшись съ Ростиславомъ, принялъ ихъ предложеніе. Князья цѣловали крестъ въ святомъ Спасѣ вражду про Игоря отложить, блюсти Русскую землю, и быть всѣмъ за одно.

Осенью Давидовичи были на снемѣ съ Великимъ княземъ Изяславомъ у Городка. Изяславъ выразилъ сожалѣніе, отъ чего не пришли братъ Святославъ и сестричичъ, и напомнивъ имъ объ ихъ обѣщаніи «быть съ нимъ вмѣстѣ», объявилъ, что намѣренъ идти на Юрья за обиду Новгородцевъ. Володимеръ отвѣчалъ: «аже братъ Святославъ не пріѣхалъ, ни сестричичъ твой, явѣ есвѣ, а мы всѣ крестъ цѣловали на томъ, ако кдѣ твоя обида будеть, а намъ быти съ тобою.» Рѣшено было «ако ледове стануть», идти Давидовичамъ на Вятичи къ Ростову, а всѣмъ сняться на Волгѣ.

«И ту Изяславъ Мстиславичъ, поя на обѣдъ къ себѣ Володимера Давидовича и брата Изяслава, и тако обѣдавши и пребывше въ весельи и въ любви, и разъѣхашеся.»

Однакожъ они не исполнили вполнѣ своего обѣщанія, и въ началѣ зимы остановились въ Вятичахъ, выжидая, чѣмъ кончится походъ Изяславовъ. Изяславъ съ братомъ Ростиславомъ, одни, опустошили Поволжье.

Впрочемъ Давидовичи остались вѣрными Великому князю Изяславу Мстиславичу, и при новомъ походѣ Юрія Володимеръ (1149) предупредилъ его: «се Гюргіи, стрый твой, идетъ на тя, а уже есть вшелъ въ нашѣ Вятичѣ, а мы есме къ тобѣ хрестъ цѣловали съ тобою быти, а являю ти; пристроивайся.»

Изяславъ благодарилъ его и поручилъ ему увѣдомить Святослава Ольговича. Володимеръ отвѣчалъ: «Мы съ братомъ стоимъ въ крестномъ цѣлованьѣ, и не дай Богъ соступить его; но хорошо, если бъ управилъ и братъ Святославъ.»

Давидовичи прибавили отъ себя къ словамъ Изяславовымъ до Святослава Ольговича съ своими мужами: «братъ ти молвитъ Володимеръ и Изяславъ—мы есми хрестъ цѣловали, яко всѣмъ намъ быти за одинъ, а вѣ, брате, доспѣваевѣ; а ты, брате, также доспѣвай.»

У Святослава Ольговича сердце лежало болѣе къ Юрію, и, снесяся съ нимъ, онъ опять перешелъ на его сторону, подъ предлогомъ, что ему не возвращено имѣніе брата. Оба они послали звать Давидовичей па Изяслава. Тѣ отвѣчали Юрью: «ты цѣловалъ намъ крестъ, а Изяславъ пришедъ землю нашу повоевалъ, и по Задесныо города наши пожегъ. Нынѣ мы цѣловали крестъ Изяславу Мстиславичу, «съ тѣми же хочевѣ быти, а душею не можевѣ играти.» Тогда же послали они извѣстить Великаго князя о грозящей войнѣ, въ которой приняли участіе, и которое кончилось впрочемъ для нихъ для всѣхъ несчастливо.

Тогда Давыдовачи должны были поклониться Юрью, сѣвшему на Кіевскій столъ, и помогать ему въ войнѣ 1150 года.

Въ 1151 году Давидовичи, братья, дотолѣ дружные, раздѣлились. Володимеръ былъ на сторонѣ Юрья, а Изяславъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, перешелъ опять къ Изяславу Мстиславичу. Послѣдніе побѣдили соединенныхъ противниковъ въ сраженіи за рѣкою Рутомъ. Володимеръ, «добрый и кроткій», какъ говоритъ Кіевская лѣтопись, былъ убитъ. Великій князь, оплакавъ его, вмѣстѣ съ Изяславомъ, сказалъ сему послѣднему: «намъ не воскресить брата; ступай въ Черниговъ—

похорони его; и сему уже не стой, но нарядися, а я помощь къ тебѣ припшлю.»

Изяславъ Давидовичъ сѣлъ въ Черниговѣ.

Володимеричъ получилъ себѣ частный удѣлъ.

Святославъ Ольговичъ Сѣверскій, оставленный Юрьемъ, предложилъ ему миръ и союзъ: «братъ! миръ стоитъ до войны, а война до мира. Мы съ тобою братья: прими насъ къ себѣ. Отчинъ у насъ двѣ: одна отца моего Олега, а другая твоего отца Давида; ты, братъ, Давидовичъ, а я Ольговичъ; возьми себѣ Давидово, а намъ отдай Ольгово, мы подѣлимся между собою».

Изяславъ поступилъ по христіански: принялъ братью, и отчину ихъ возвратилъ имъ, а свою оставилъ при себѣ.

Всѣ они по требованію Великаго князя ходили на Юрья, затворившагося въ Городкѣ, бились съ нимъ, и наконецъ принудили идти въ Суздаль, а Городецъ сожгли.

Но въ слѣдующемъ году (1152), когда Юрій поднялся опять на Великаго князя, Святославъ, находясь на дорогѣ, вынужденъ былъ присоединиться къ старому своему союзнику. Они опустошали вмѣстѣ Черниговскія волости, и осадили самый Черниговъ, подъ которымъ стояли двѣнадцать дней. Услышавъ, что Великій князь Изяславъ съ Ростиславомъ приближаются въ помощь, отошли прочь.

Черниговскій князь ходилъ съ ними послѣ на Новгородъ (Сѣверскій), гдѣ князья заключили миръ, умоленные Святославомъ Ольговичемъ.

Въ Галицкомъ походѣ 1153 года принималъ онъ также участіе.

По случаю внезапной кончины Великаго князя Изяслава Мстиславича, Черниговскій князь, Изяславъ Давидовичъ, вздумалъ было овладѣть Великокняжескимъ столомъ: «не устряпавъ ништо», онъ отправился въ Кіевъ. Вячеславъ, ожидавшій старшаго племянника Ростислава, узнавъ, что Черниговскій князь стоитъ уже предъ перевозомъ, послалъ къ нему спросить: «за чѣмъ ты пріѣхалъ и кто тебя звалъ? Ступай въ свой Черниговъ.» Изяславъ отвѣчалъ: «я пріѣхалъ оплакать брата. Меня не было на похоронахъ. Позволь мнѣ поклониться его гробу.»

Вячеславъ, вздумавъ съ мужами, не пустилъ Изяслава въ Кіевъ.

Между тѣмъ прибылъ изъ Смоленска Ростиславъ и пошелъ на него войною, рекуче: «цѣлуй намъ крестъ, на томъ, чтобъ сидѣть тебѣ въ Черниговѣ, а намъ въ Кіевѣ.» Изяславъ отвѣчалъ: «я ничего не сдѣлалъ вамъ—за что вы пришли на меня? А какъ мнѣ съ вами Богъ дастъ!» Изяславъ противопоставилъ ему столько воевъ, при помощи Половцевъ, что Ростиславъ готовъ былъ даже уступить ему и Кіевъ и Переяславль. Произошло сраженіе. Ростиславъ побѣжденный удалился въ Смоленскъ, а Изяславъ Давидовичъ занялъ Кіевъ, призванный Кіянами, и договорился съ Святославомъ Ольговичемъ, которому предоставилъ Черниговъ, какъ вдругъ нагрянулъ Юрій.

Святославъ Ольговичъ убѣждалъ Изяслава уступить Юрью, обѣщаясь выѣхать изъ Чернигова; но Изяславъ улюбилъ Кіевъ, и долго не могъ рѣшиться. Юрій, подошедшій уже близко, говорилъ съ грозою: «мнѣ отчина Кіевъ, а не тебѣ.» Изяславъ долженъ былъ поклониться ему, хоть и не искренно, говоря: «развѣ я самъ сѣлъ въ Кіевѣ? Меня посадили Кіяне! не сотвори мнѣ пакости, а се твой Кіевъ.» (1155).

На снемѣ въ Лутавѣ (1155) Черниговскій князь получилъ отъ Юрья Корческъ, (а Святославу Ольговичу данъ былъ Мозырь).

Святославъ Володимеричъ, недовольный, видно, своимъ удѣломъ, бѣжалъ изъ Березаго въ Вщижъ 1156, занялъ всѣ города по Деснѣ, и ялся по Ростислава, Смоленскаго князя.

Въ 1157 году Изяславъ хотѣлъ идти съ Юрьемъ на Владиміръ Волынскій, но тотъ не принялъ его помощи. Въ томъ же году онъ перехватилъ Ивана Берладника, отосланнаго Юрьемъ въ оковахъ въ Суздаль, въ угоду зятю, Ярославу Галицкому.

Между тѣмъ онъ не оставлялъ мысли овладѣть Кіевомъ и подговаривалъ князей на Юрья. Мстиславичи наконецъ согласились, но Святославъ Ольговичъ отказывался, ссылаясь на присягу.

Изяславъ, совсѣмъ уже готовый выступить на Юрья, получилъ извѣстіе, что тотъ внезапно умеръ. Изяславъ въ *другой разъ* занялъ Кіевъ, предоставивъ Черниговъ племяннику, Святославу Володимеричу (1158).

Святославъ Ольговичъ и племянникъ Святославъ Всеволодовичъ, непріязненные прежде между собою, соединились и пріѣхали на него войною, вслѣдствіе которой Черниговъ рѣшено отдать Святославу Ольговичу, а Новгородъ Святославу Всеволодовичу.

Большая часть Черниговской области осталась за Изяславомъ.

Володимеричъ, вмѣсто Чернигова, долженъ былъ удовольствоваться прежнимъ удѣломъ.

Изяславъ задумалъ изъ Кіева идти на Галичъ, вступаясь за Берладника, и надѣясь, можетъ быть, пріобрѣсти новыя волости (1159). Святославъ Черниговскій тщетно старался удержать его отъ похода: «кому братъ ищешь волость—брату или сыну; лучше бы тебѣ не затѣвать спора; дѣло другое, еслибъ шли на тебя, тогда я, и племянники готовы вступиться.» На дорогѣ онъ послалъ къ Изяславу еще посла съ тѣми же рѣчами. Изяславъ пригрозилъ прогнать его изъ Чернигова назадъ въ Новгородъ за его отказъ въ помощи. *

Святославу тяжело было услышать такія угрозы, переданныя ему посломъ: «Господи», сказалъ онъ, «ты видишь мое смиреніе: сколько я уступалъ, не хотя пролить крови христіанской, не губить своей отчины: взялъ Черниговъ съ семью городами пустыми—Моровійскъ, Любескъ, Оргощь, Всеволожь, гдѣ псари сидятъ да Половцы, а онъ всю Черниговскую область держитъ, и то ему недосыти; онъ грозитъ еще выгнать меня изъ Чернигова, цѣловавъ мнѣ крестъ не подозрѣти подо мною никакимъ образомъ. А язъ, брате, не лиха хотя тебѣ, бороню не ходити, но хотя добра и тишины земли Русской. Пусть судитъ насъ Богъ!»

Противники заставили Изяслава бѣжать, и онъ долженъ былъ скитаться по разнымъ городамъ Черниговской области, взялъ на щитъ городъ жены Святославовой, занялъ Вятичи, мстя Святославу Черниговскому, который за то захватилъ имѣніе бояръ Изяславовыхъ, полонилъ ихъ женъ, пока нашелъ убѣжище у племянника Святослава Володимерича во Вщижѣ.

Онъ послалъ оттуда пословъ къ Великому князю Андрею Владимирскому, прося у него дочери за племянника Святослава и помощи противъ Русскихъ князей, оступившихъ его въ Вщижѣ, помогая Ольговичамъ.

Андрей прислалъ сына Изяслава съ своимъ полкомъ и Муромскою помощью. Услышавъ объ его приближеніи, князья дали миръ Святославу Володимеричу и отошли восвояси.

---

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества. с. 180.

Изяславъ Давидовичъ продолжалъ стараться объ устройствѣ союзовъ противъ Великаго князя Ростислава. Онъ привлекъ къ себѣ Всеволодичей, даже сына Святославова, Олега. Отцу былъ очень непріятенъ поступокъ его сына. Мужи вступились за него: «странно, что ты жалуешься на племянниковъ и на сына, а о своемъ благосостояніи не думаешь. Не явна ли измѣна тебѣ, что Романъ Ростиславичъ сулитъ Изяславу Черниговъ, лишь бы жилъ съ нимъ въ любви; что сына твоего, Изяславъ хотѣлъ задержать въ Кіевѣ. Ты погубилъ свою волость, держася за Ростислава, а онъ помогаетъ тебѣ плохо.»

Святославъ согласился дѣйствовать съ ними за одно, но не выходилъ изъ Чернигова.

Соединенные Ольговичи напали на Кіевъ, Ростиславъ удалился въ Бѣлгородъ, а Изяславъ Давидовичъ занялъ *въ третій разъ*, 12 Февраля, Великокняжескій столъ, и потомъ осадилъ Ростислава въ Бѣлгородѣ.

Святославъ Ольговичъ совѣтовалъ ему миръ взять, но Изяславъ отвѣчалъ съ сердцемъ: «братья мои, воротившись, разойдутся по своимъ волостямъ, а мнѣ не умирать же съ голоду въ Выри. Лучше здѣсь умру.»

Союзники всѣ собрались къ Ростиславу на помощь; Изяславъ долженъ былъ бѣжать, и въ бѣгствѣ былъ убитъ.

Говорили, что онъ носилъ всегда на себѣ рубашку своего брата, Николы-Святоши, но въ этотъ день позабылъ ее надѣть. Ростиславъ и Мстиславъ пріѣхали къ нему еще живому. Ростиславъ, плача надъ нимъ, сказалъ: «мало тебѣ было волости Черниговской, ты выгналъ меня изъ Кіева, и того было не до сыти: ты хотѣлъ выгнать меня изъ Бѣлгорода.» Изяславъ спросилъ воды, ему подали вина; испивъ, онъ испустилъ духъ. Тѣло его было отвезено въ Черниговъ и погребено въ церкви святыхъ мучениковъ.

Ольговичи цѣловали крестъ къ Ростиславу, а брата его, Володимира Мстиславича, принудили уступить имъ Случескъ.

Не долго пережилъ Изяслава Давидовича и двоюродный братъ его, оставшійся старшимъ изъ всѣхъ Ольговичей. Въ 1164 году Святославъ Ольговичъ кончилъ тревожную жизнь свою въ Черниговѣ, Февраля 15, а 17, въ понедѣльникъ, положенъ во гробъ. Княгиня, Половчанка, сгадавъ съ передними мужами князя своего, скрыла его смерть. Всѣ они присягнули не извѣщать Святослава Всеволодовича, Епископъ и дружина; но Епископъ измѣнилъ, «бяше бо родомъ Гречинъ.» Написавъ грамоту, онъ послалъ сказать Всеволодичу: «Стрый ти умеръ, за Ольгомъ послали, а дружина по городамъ въ далекѣ, княгиня сидитъ въ изумѣнвѣ съ дѣтьми, и товара у нея множество. Пріѣзжай скорѣе, Олега еще нѣтъ, и ты возмешь рядъ съ нимъ по своей волѣ.»

Святославъ Всеволодичъ, прочитавъ грамоту, отправилъ сына въ Гомій и посадниковъ по городамъ, а самъ собрался ѣхать въ Черниговъ, но услышавъ, что Олегъ предупредилъ его, послалъ къ нему пословъ; они начали слаться между собою, ладячеся о волостяхъ. Олегъ же на ся поступивъ уладися: *Святославу* предоставилъ Черниговъ, а себѣ взялъ Новгородъ. Святославъ обѣщался надѣлить его братьевъ, Игоря и Всеволода, но не управилъ.

Въ 1167 году умеръ Святославъ Володимеричъ въ Вщижѣ, и съ нимъ прекратилось потомство Давидово. Черниговская

область, вся, съ Сѣверскою странею и Вятичами включительно, осталась во владѣніи одного Олегова рода.

Смерть Володимерича была новою причиною раздора между Святославомъ Всеволодичемъ Черниговскимъ и Олегомъ Святославичемъ Новгородскимъ: Олегъ просилъ въ правду надѣленія, но Святославъ посадилъ сына въ Вщижѣ, а лѣншую волость отдалъ своему брату. Началась война между двоюродными братьями. Олегъ, будучи боленъ, не могъ вести ее, и только благодаря посредству Великаго князя Ростислава, получилъ наконецъ себѣ четыре города и заключилъ миръ.

Въ 1169 году Ольговичи ходили всѣ на Половцевъ, по вызову Великаго князя Мстислава Изяславича, «бывъ въ его воли», но въ нападеніи Андреевыхъ воевъ на Кіевъ приняли участіе, дѣйствуя уже противъ него.

Нѣсколько лѣтъ слѣдовало мирныхъ: ни что же бысть.

Новое нападеніе Андрея (1173) было возбуждено особенно Ольговичами; услышавъ о спорѣ его съ Ростиславичами, Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій прислалъ сказать ему: «кто тебѣ врагъ, тотъ врагъ и намъ. Иди, мы готовы помогать тебѣ».

Двадцать князей соединились подъ Кіевомъ. Черниговскій князь, какъ старшій между ними, принялъ главное начальство: «како ся бяшеть съ нимъ свѣщали и со всею его братіею.» Въ продолженіе осады Вышгорода пришелъ Ярославъ Изяславичъ Луцкій со всею Волынскою землею. Ольговичи не уступали ему старѣйшинства; но Святославъ Всеволодовичъ вступилъ съ нимъ, кажется, въ тайное сношеніе. Осаждающіе, вслѣдствіе невѣрныхъ слуховъ, разбѣжались. Ярославъ занялъ Кіевъ. Черниговскій князь потребовалъ у него надѣленія и получилъ отказъ *.

Тогда совокупясь съ братьею напалъ онъ на Кіевъ изъѣздомъ. Самъ Ярославъ едва успѣлъ спастись въ Луцкъ; Святославъ захватилъ жену его съ сыномъ, всю дружину и отправилъ въ Черниговъ.

Впрочемъ онъ не остался въ Кіевѣ, не надѣясь удержать его за собою.

Въ 1174 и 1175 годахъ возобновилось междоусобіе у Святослава Всеволодовича съ Олегомъ Святославичемъ. Одинъ нападалъ на Черниговъ, другой на Новгородъ.

Святославъ Всеволодичъ принялъ участіе въ дѣлахъ восточной Россіи, и, по убіеніи Андрея Боголюбскаго, помогалъ младшимъ его братьямъ, Михаилу и Всеволоду Юрьевичамъ, добыть его отчину. Онъ далъ имъ въ провожатые сына Володимера съ полкомъ. Другой сынъ, Олегъ, проводилъ ихъ женъ также съ полкомъ.

Не видя никакой опасности со стороны сѣвера, онъ счелъ тогда удобнымъ пріобрѣсть себѣ Кіевъ; Ростиславичи принуждены были наконецъ исполнить его желаніе, и Романъ отошелъ въ Смоленскъ.

Святославъ сѣлъ въ Кіевѣ, (1177), но еще не твердо, спорилъ и боролся съ Ростиславичами, и уже только послѣ Суздальскаго похода (1180), ** по договору съ ними, получилъ себѣ Кіевъ, уступивъ Рюрику всю Русскую землю.

Черниговъ достался тогда брату его *Ярославу.*

Съ сего времени, вслѣдствіе соглашенія Великаго князя Святослава съ Рюрикомъ,

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 192. ** ib. с. 194.

начинаются частые походы Русскихъ князей на Половцевъ—Ярославъ Черниговскій ходилъ съ ними не охотно и дѣйствовалъ не усердно; въ походѣ, начатомъ 1183 года, Февраля 23, въ 1-ю недѣлю поста, Ярославъ сказалъ у Ольжичъ: «нынѣ, братья, не ходите; оже дастъ Богъ на лѣто пойдемъ.» Князья приняли его совѣтъ. Въ слѣдующемъ походѣ, онъ съ братьею отказался, рекуще: «далече ны есть ити внизъ Днѣпра, не можемъ своея земли пусты оставити, но же поидемъ на Переяславль, то скупимся съ тобою на Сулѣ.» Въ 1185 г. Ярославъ отказался отъ участія подъ предлогомъ начавшихся переговоровъ: «азъ есмь послалъ къ нимъ мужа своего Ольстина Олексича, а не могу на свои мужи поѣхати.» Въ 1187 году на Снепородѣ Ярославъ объявилъ: «не могу идти далѣ отъ Днѣпра. Земля моя далече, а дружина моя изнемоглася.» Напрасно убѣждали его и братъ и Рюрикъ. «Не могу поѣхати одинъ, а полкъ мой пѣшъ; вы бы есте мнѣ повѣдали дома же дотолѣ ити». Князья воротились.

Въ 1191 году отпускалъ онъ однакожъ сына съ братьею на Половцевъ.

1194 г. Ярославъ участвовалъ въ семейномъ совѣтѣ о походѣ на Рязань Великаго князя Святослава Всеволодовича.

По смерти Святослава Всеволодовича Ярославъ позываемъ былъ Романомъ Волынскимъ занять упразднившійся столъ, и свергнуть тестя его Рюрика. Онъ получилъ тогда отъ Рюрика Витебскъ.

Рюрикъ, сговорившись съ Великимъ княземъ Всеволодомъ (1195), потребовалъ отъ Ярослава и всѣхъ Ольговичей, чтобъ они отказались за себя и за свое потомство отъ Кіева, принимая Днѣпръ границею.

Ольговичи, сдумавше, выразили свое неудовольствіе и отвѣчали Всеволоду: «если ты требуешь отъ насъ блюсти Кіевъ подъ тобою и подъ Рюрикомъ, то мы въ этомъ стоимъ.» Если жъ ты хочешь, чтобъ мы отказались отъ него навсегда, то отвѣчаемъ: мы не Угры и не Ляхи, но внуки одного дѣда; при вашемъ животѣ мы не ищемъ, а послѣ васъ что Богъ дастъ.»

Всеволодъ грозилъ на нихъ войною, они испугались и послали архимандрита Діонисія, «кланяючися и емлючися ему по всей воли его», и Всеволодъ далъ имъ миръ.

Другихъ пословъ послали они къ Рюрику, говоря: «братъ, намъ съ тобою не было лиха никогда. Нынѣшнею зимою мы не окончили ряду съ тобою и Всеволодомъ, но ты къ намъ близокъ: цѣлуй намъ крестъ что не будешь съ нами воевать до тѣхъ поръ, пока мы уладимся или не уладимся со Всеволодомъ и Давыдомъ.»

Рюрикъ согласился «не возставать на рать до ряду», и водилъ ихъ ко кресту на томъ же, распустилъ дружину, и отослалъ дикихъ Половцевъ.

Но Ярославъ измѣнилъ присягѣ, и недождавшись ряду, послалъ своихъ племянниковъ на зятя Давидова воевать Смоленскую область.

Давидовы полки, съ племянникомъ его Мстиславомъ Романовичемъ, по недоразумѣнію, были разбиты. Олегъ звалъ дядю Ярослава изъ Чернигова: «Мстислава взялъ я въ плѣнъ, и полки его побѣдилъ. Смоленскіе плѣнники говорятъ, что братья ихъ не хороши съ Давидомъ. Пріѣзжай скорѣе сюда не стряпая съ своими. Такого времени не будетъ. Мы возмемъ нынѣ честь свою.»

Ярославъ обрадованный поспѣшилъ къ Смоленску.

Рюрикъ возвратилъ ему крестныя грамоты и угрожалъ напасть на Черниговъ.

Ярославъ воротился, и старался оправдаться, слагая вину на Давида, который помогаетъ своему зятю.

Рюрикъ призвалъ Половцевъ и началъ войну.

Ярославъ жаловался: «за что, братъ, началъ ты воевать мою волость, и руки полнить погапымъ. У меня съ тобою ни въ чемъ не разошлося, и я Кіева подъ тобою не ищу. Давидъ посылалъ Мстислава па моихъ сыновцевъ, и Богъ ихъ разсудилъ: я отдамъ тебѣ Мстислава безъ выкупа по любви. Цѣлуй же крестъ мнѣ, и введи меня въ любовь съ Давидомъ. Если Всеволодъ хочетъ съ нами уладиться, то уладится, а ваше дѣло сторона съ братомъ Давидомъ.»

Рюрикъ потребовалъ пропуска для своихъ пословъ къ брату Давиду и Великому князю Всеволоду.

Ярославъ, подозрѣвая Рюрика, что хочетъ на него свѣчаться, не пускалъ пословъ чрезъ свою волость. Ольговичи заставили всѣ пути.

Война продолжалась все лѣто до осени. Всеволодъ во исполненіе своего обѣщанія Рюрику, пришелъ (1196) воевать Черниговскую и Сѣверскую волости, и соединился на пути съ Давидомъ Смоленскимъ.

Они заняли и пожгли города Вятичей. Ольговичи были приведены въ затруднительное положеніе. Ярославъ велѣлъ двумъ Святославичамъ запереться въ Черниговѣ, Олегу и Глѣбу принять мѣры для обороны другихъ городовъ, блюдясь отъ Рюрика, а самъ съ братьями и племянниками, дикими Половцами, отправился противъ Давида и Всеволода, сталъ засѣкшись подъ своими лѣсами, на рѣкахъ велѣлъ мосты истребить, и послалъ мужа къ Всеволоду и Давиду: «братъ и сватъ, ты взялъ нашу отчину и нашъ хлѣбъ: если ты хочешь быть съ нами въ любви и учинить рядъ правый, то мы любви не бѣгаемъ, и станемъ на всей твоей волѣ; а если ты умыслилъ что нибудь—мы готовы на бой.

Всеволодъ изъявилъ согласіе помириться, хотя Давидъ всячески его отговаривалъ, и побуждалъ идти па Черниговъ.

Всеволодъ положилъ условіемъ — отпустить Мстислава Романовича, выгнать Ярополка изъ своей земли, и отступиться отъ Романа Волынскаго.

Ярославъ соглашался на все, «ни Кіева подъ Рюрикомъ не искати, ни Смоленска подъ Давидомъ не искати», но не хотѣлъ оставить Романа.

Среди переговоровъ, въ 1198 году онъ скончался, и на столѣ его сѣлъ *Игорь Святославичъ*, знаменитый князь Сѣверскій. Онъ княжилъ очень недолго, до 1202 г., также какъ и братъ его *Олегъ Святославичъ*.

Они сблизились съ Рюрикомъ, помогали ему па Романа Волынскаго, который предупредилъ нападеніе, отнялъ Кіевъ у Рюрика, и отправилъ Ольговичей за Днѣпръ Чернигову.

Въ томъ же году Ольговичи участвовали въ обратномъ взятіи и разореніи Кіева Рюрикомъ.

При посредствѣ Романа, введены они были, однакожъ, вскорѣ, въ любовь къ Великому князю Суздальскому.

Всеволодъ прислалъ боярина своего Михаила Борисовича привести ихъ къ кресту, и Ольговичи послали своихъ бояръ къ Великому князю привесть его къ кресту. Романъ цѣловалъ крестъ также.

По смерти Романа Волынскаго они хотѣли было овладѣть Кіевомъ (1204), но Рюрикъ предупредилъ ихъ. Они уговорились идти

вмѣстѣ на Галичъ. Рюрикъ далъ имъ у себя Бѣлгородъ. Общій походъ на Галичъ, въ 1205 году, не имѣлъ успѣха.

Въ 1206 году Ольговичи всѣ имѣли сиемъ въ Черниговѣ. *Всеволодъ Святославичъ Чермный*, предпріимчивый и способный, занималъ между ними первое мѣсто. Соединясь съ Половцами и Смоленскими князьями, они пошли опять на Галичъ. Къ нимъ присовокупился и Рюрикъ съ своими сыновьями и племянниками изъ Кіева.

Ополченіе разошлось, вслѣдствіе помощи Угорской, но, съ возвратнаго пути, Галичане тайно призвали Игоревичей, двоюродныхъ братьевъ послѣдняго Галицкаго князя, Володимера Ярославича, которымъ такимъ образомъ достался Галичъ.

А Всеволодъ Святославичъ тогда же занялъ изъѣздомъ Кіевъ, разослалъ посадниковъ по городамъ и принудилъ Рюрика удалиться въ свой Вручій.

Потомъ онъ выгналъ и Ярослава Всеволодича изъ Переяславля, который отдалъ сыну.

Начинается война у Всеволода съ Рюрикомъ, въ которой принимали участіе всѣ ихъ братья, съ той и другой стороны. Кіевъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Послѣ похода въ 1207 году Всеволодъ выгналъ всѣхъ князей изъ Русскихъ городовъ, изъ Треполя Ярослава Володимерича, изъ Бѣлгорода Мстислава Романовича, изъ Торческа Мстислава Мстиславича.

Всеволодъ, Великій князь Суздальскій, возсталъ—противъ него: «развѣ имъ только отчина Русская земля, а не намъ.»

Онъ снарядился въ походъ, о которомъ прослышавъ, —Рюрикъ напалъ на Чермнаго, и выгналъ снова изъ Кіева.

Ольговичи смирились и прислали съ мольбою къ Великому князю Суздальскому Всеволоду, митрополита Матѳія, «просяче мира и во всемъ покоряючеся.»

Они договорились съ Рюрикомъ, и отдали ему Черниговъ, а себѣ взяли Кіевъ.

Года три прожилъ *Рюрикъ* въ Черниговѣ.

По смерти его Всеволодъ Чермный возвратился къ прежнему своему намѣренію. Въ то время несчастные Игоревичи вслѣдствіе смутъ погибли въ Галичѣ. Онъ воспользовался этимъ предлогомъ, и объявилъ Ростиславичамъ: «вы повѣсили братьевъ моихъ въ Галичѣ, и положили укоръ на всѣхъ насъ: нѣтъ вамъ части въ Русской землѣ.»

Тѣ обратились съ просьбою къ знаменитому Мстиславу Новгородскому, который только-что предъ тѣмъ порѣшилъ распрю Владимирскихъ князей на Линецкомъ полѣ. Онъ немедленно устроилъ союзъ. На Всеволода нагрянули вдругъ: Мстиславъ Романовичъ изъ Смоленска съ братомъ, Володимеръ Рюриковичъ, Ингварь Ярославичъ изъ Луцка, и предводитель ополченія, Мстиславъ Мстиславичъ изъ Новагорода. Всеволодъ бѣжалъ въ Черниговъ, князья за нимъ, въ бѣгствѣ онъ умеръ.

Союзники осадили *Глѣба Святославича*, его брата, стояли подъ Черниговымъ три недѣли, опустошили всѣ окрестности, и наконецъ дали миръ.

Послѣ 1217 года и до 1224 не сохранилось никакихъ извѣстій въ лѣтописяхъ о Черниговѣ, который, вслѣдствіе послѣднихъ безпрерывныхъ войнъ, ослабѣлъ видно до такой степени, что не могъ принимать никакаго участія въ общихъ дѣйствіяхъ.

НОВГОРОДЪ-СѢВЕРСКОЕ КНЯЖЕСТВО.

Новгородъ-Сѣверскій, въ странѣ Сѣверянъ, жившихъ по Деснѣ, Семи и Сулѣ, присужденъ былъ по рѣшенію Любецкаго сейма, второму изъ оставшихся сыновъ Святослава Ярославича, знаменитому *Олегу*, который, послѣ многихъ превратностей * (той бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по землѣ сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градъ Тьмутораканѣ), водворился здѣсь съ 1097 года, и дѣйствовалъ, по большей части, согласно съ братьями двоюродными, Святополкомъ и Володимеромъ.

Въ Новѣгородѣ онъ и кончилъ жизнь свою, въ 1115 году, августа 18, прежде своего старшаго брата Давида, княжившаго въ Черниговѣ (1123).

Послѣ Олега остались три сына: Всеволодъ, женатый на дочери Великаго князя Мстислава Володимеровича, Игорь и Святославъ, женатый въ 1109 году, во время путешествія отца къ Половцамъ, на Аепиной дочери, Гиргеневой внукѣ.

Старшій, *Всеволодъ*, изъ Новагорода напалъ (1127) на своего дядю въ Черниговѣ, занявшаго братнее Давидово мѣсто, прогналъ его въ Муромъ, занялъ его столъ, а потомъ напалъ и на Кіевскаго князя Вячеслава Володимеровича и занялъ столъ Великокняжеской (1139).

Братья его, *Игорь* и *Святославъ Олеговичи*, оставались въ Сѣверскихъ странахъ. Недовольные тѣмъ, что Всеволодъ предоставилъ пріобрѣтенный имъ Черниговъ, вмѣсто ихъ, Давидовичамъ, какъ старшимъ, пытались распространиться на счетъ Переяславля, и домогались получить себѣ земли въ Вятичахъ, оставленныя Всеволодомъ въ своемъ владѣніи; но Всеволодъ не пускалъ ихъ туда, а далъ въ прибавленіе только по Кіевскому городу. Переяславскіе ихъ походы окончились ничѣмъ.

Игорь сблизился съ Великимъ князем, надѣяся получить послѣ него Кіевъ, ходилъ съ нимъ на Галичъ и въ Ляхи, стараясь служить и угождать ему. Всеволодъ умеръ, и умирая, привелъ къ присягѣ Кіянъ и близкихъ князей на вѣрность Игорю.

Святославъ ему много помогалъ; но явился сильный соперникъ въ лицѣ Изяслава Мстиславича, призваннаго самими Кіянами. Игорь былъ разбитъ и посаженъ подъ стражу.

Давидовичи, княжившіе въ Черниговѣ, враждебные издавна съ Ольговичами, хотѣли воспользоваться обстоятельствами, и отнять у послѣдняго Ольговича, Святослава, его княжество Съ этой цѣлію они предложили союзъ Изяславу Мстиславичу, занявшему Кіевъ, и просили у него помощи. Святославу Ольговичу они прислали тогда сказать: «ступай изъ Новагорода въ Путивль, а брата оставь». Святославъ отвѣчалъ: «не хочу ни волости ни инаго чего, пустите только брата». Давидовичи требовали, чтобъ онъ не искалъ брата, а поцѣловалъ имъ крестъ. Святославъ обратился за помощью къ Юрью Суздальскому: «Брата Всеволода Богъ взялъ», послалъ Святославъ сказать Суздальскому князю, «а Игоря Изяславъ полонилъ. Приходи въ Русскую землю, выручи мнѣ брата, а я тебѣ здѣсь помощникъ.»

Юрій съ радостію ухватился за случай, и отправилъ впередъ къ Святославу сына Ивана, которому тотъ далъ тотчасъ Курскъ

* См. въ исторіи Черниговскаго княжества, с. 215—218.

съ Посемьемъ, чтобъ задобрить еще болѣе его отца и удостовѣрить въ готовности къ пожертвованіямъ.

Тогда же послалъ онъ за Половцами, къ своимъ дядямъ, и ихъ пришло къ нему триста.

Пріѣхали еще въ помощники: одинъ изъ Рязанскихъ родственныхъ князей, да Галицкій Иванъ Берладникъ, по найму за серебро. *

Вотъ съ какими средствами Святославъ и Юрій ожидали своихъ враговъ.

Враги подступили подъ Новгородъ, и расположились полками у самой переспы. Начались схватки и приступы. Мстиславъ Изяславичъ напомнилъ Давидовичамъ наказъ отца дожидаться его прибытія. Князья прекратили нападенія и пустились на зажитія. Захвачены въ лѣсу по Рахнѣ стада Игоревы и Святославовы (кобылъ стадныхъ три тысячи, коней тысяча), сожжены жита и дворы. Далѣе разграблено Игорево сельцо, гдѣ устроилъ онъ себѣ дворъ добрѣ, запасено множество готовизны въ бретьяницахъ, винъ и медовъ въ погребахъ, всякаго товара тяжелаго—желѣза и мѣди. Давидовичи велѣли накладывать все на воза себѣ и воямъ, а потомъ зажечь дворъ и гумно гдѣ стояло 900 стоговъ, и церковь св. Георгія. Потомъ, соскучась видно стоять безъ дѣла подъ Новымъ-городомъ въ ожиданіи Изяслава Мстиславича, они отошли къ Путивлю, о чемъ и дано ему знать на встрѣчу. Путивличи бились крѣпко, хотя князья и обѣщались не отдавать ихъ на полонъ. Наконецъ пришелъ давно ожидаемый Великій князь Изяславъ съ силою Кіевскою. Путивличи сдались ему немедленно, объявивъ, что только его дожидались, и просили, чтобъ онъ поцѣловалъ имъ крестъ. Изяславъ исполнилъ ихъ желаніе, вывелъ посадника, а своего посадилъ, раздѣлилъ тамошній дворъ Святославовъ на четыре части: скотницы, бретьяницы и весь товаръ, котораго не подъ силу было и вывезти,—одного меду въ погребахъ было 500 берковцевъ, вина 80 корчагъ. Церковь святаго Вознесенія была опустошена вовсе: взяты сосуды серебренные, кадильницы, колокола, евангеліе кованое, книги, платы служебные, всѣ шитые золотомъ. Все княжее было взято и раздѣлено; челяди отведено семь-сотъ.

Отъ Путивля союзники оборотились къ Новугороду, о чемъ далъ знать Святославу одинъ мужъ его отца, перешедшій на службу къ Володимеру Давидовичу. Святославъ передалъ полученное извѣстіе своимъ друзьямъ и сподвижникамъ, и тѣ присовѣтовали ему бѣжать въ лѣсную сторону; потому что сопротивляться въ Новѣгородѣ не было никакой возможности, безъ людей и припасовъ. И Святославъ бѣжалъ взявъ съ собою жену, дѣтей, ятровь Игореву; изъ дружины одни послѣдовали за нимъ, другіе оставили его.

Изяславъ Давидовичъ въ сердцахъ, что онъ ускользнулъ отъ ихъ рукъ, выпросился у братьевъ пуститься за нимъ въ погоню на коняхъ, чтобъ захватить его, или по крайней мѣрѣ его жену, дѣтей, имѣніе. Братья отпустили съ нимъ дружину, а сами по его слѣдамъ двигались тихо. Изяславъ отъ Новагорода направилъ свой путь на Сѣвскъ и Болдыжъ. Въ Корачевѣ услышалъ Святославъ о погонѣ и похвальбѣ Изяслава отъ Берендичей, взятыхъ въ плѣнъ зажитниками. Узнавъ, что у него воевъ только три тысячи, безъ возовъ, Святославъ рѣшился дать ему полкъ или сложить свою

* См. въ исторіи Галицкаго княжества.

голову, отдать въ полонъ дружину, дѣтей, и жену. Онъ вышелъ бодро на встрѣчу сразился и разбилъ своего противника, января 10, 1147 года.

Слѣдовавшіе князья узнали вскорѣ о происшедшемъ. Изяславу Мстиславичу газожглося еще болѣе сердце на Святослава. Исполчивъ вои свои, онъ поспѣшилъ съ братьею на Святослава къ Корачеву. Цѣлый день вплоть до ночи шелъ онъ впередъ опустошая страну. По дорогѣ собралась къ нему разбитая дружина. О полуднѣ присталъ и самъ пораженный Изяславъ Давидовичъ.

Святославъ, не надѣясь выдержать втораго соединеннаго нападенія, бѣжалъ ночью за лѣсъ въ Вятичи.

Великій князь Изяславъ, покоривъ почти все Сѣверское княжество, оставилъ Давидовичей. «Я изыскалъ вамъ волости», сказалъ онъ Давидовичамъ, «все чего вы хотѣли: вотъ Новгородъ, вотъ и все Святославово владѣніе. Что окажется здѣсь его челяди и товара, то раздѣлимъ на части, а Игорево все мое.» Такъ и было исполнено.

По удаленіи Великаго князя Изяслава Давидовичи пошли къ Брянску. Святославъ былъ тогда уже въ Козельскѣ, предувѣдомленный племянникомъ Всеволодичемъ о продолженіи преслѣдованія, и вышелъ оттуда къ Дѣдославлю, гдѣ оставилъ его Берладникъ, взявъ за службу двѣсти гривенъ серебра. Изъ Дѣдославля поворотилъ онъ на Колтескъ, куда пришла къ нему на помощь отъ Юрья дружина Бѣлозерская. Святославъ разсудилъ тогда оборотиться на Изяслава Давидовича, какъ вдругъ занемогъ Иванъ Юрьевичъ, котораго не хотѣлъ онъ оставить при смерти, и отпустилъ свою дружину одну. Утомились и Давидовичи. Они рѣшились возвратиться во свояси, поручая докончить свое дѣло Вятичамъ: «Святославъ ворогъ какъ намъ, такъ и вамъ, ловите убить его лестію, а также раздѣлаться и съ его дружиною; имѣніе же его вамъ на полонъ», сказали они созваннымъ мужамъ, и обремененные добычею, пустились въ обратный путь.

Святославъ могъ воздохнуть спокойно, и отпустилъ союзниковъ своихъ Половцевъ, осыпавъ ихъ дарами.

Къ прискорбію его, разнемогшійся Иванъ Юрьевичъ скончался въ понедѣльникъ, на Масленой недѣлѣ, февраля 24 дня, 1147 г.

Къ утру пріѣхали два брата его Борисъ и Глѣбъ, сотворили плачь великъ, и взяли тѣло его отвезти къ отцу въ Суздаль.

Святославъ отошелъ вверхъ Оки, и сталъ въ Лобынскѣ, въ устьѣ Протвы, куда Юрій прислалъ къ нему пословъ съ дарами великими для него, для его жены и для всей дружины, паволоками и скорою. «О сынѣ моемъ не тужи», говорилъ онъ, если Богъ взялъ его у тебя, я пришлю тебѣ другаго.» Такъ дорожилъ Юрій союзомъ съ Святославомъ, союзомъ, обѣщавшимъ ему Кіевъ, хотя и въ дальнемъ будущемъ.

Въ слѣдующемъ году начались военныя дѣйствія. Святославъ Ольговичъ воевалъ Смоленскую область Ростиславову, и взялъ людъ Голядъ, вверху Протвы. Оттуда имѣлъ свиданіе съ Юрьемъ въ сосѣдней части его владѣній,* въ апрѣлѣ 1147 года.

Потомъ Святославъ воротился въ Лобынскъ, и въ Неринскѣ перешелъ Оку. Тамъ пришли къ нему послы изъ Половецкой земли, 60 человѣкъ чади, отъ его дядей,

* См. въ исторіи Суздальскаго княжества.

спросить, какъ его здоровье, и когда онъ велитъ прислать къ себѣ помочь. Святославъ пошелъ впередъ не останавливаясь. Въ Дѣдославлѣ примкнула къ нему еще ватага Половцевъ, которыхъ послалъ онъ воевать вверхъ Угры, а самъ подвигался впередъ. Посадники Давидовичей бѣжали передъ нимъ изъ городовъ по пути, и онъ занялъ всѣ Вятичи до Брянска, мѣста по Деснѣ, Мценскъ. Число воевъ его увеличивалось безпрестанно: подоспѣли Бродники, наконецъ сами дядья, и сынъ Юрьевъ Глѣбъ.

Настойчивыя дѣйствія Юрія, который сбирался идти съ значительными силами на Черниговъ и Кіевъ, устрашили Давидовичей, и они нашлись принужденными предложить миръ Святославу Ольговичу. Тотъ принялъ съ радостію ихъ предложеніе.

Между тѣмъ извѣстіе объ ихъ измѣнѣ произвело волненіе въ Кіевѣ, среди коего несчастный Игорь Ольговичъ былъ убитъ. *

Святославъ, получивъ извѣстіе о бѣдственной его кончинѣ, съ горькими слезами повѣдалъ объ ней своей дружинѣ.

Онъ съ прибывшимъ къ нему Глѣбомъ Юрьевичемъ былъ въ то время уже далеко на пути своемъ къ цѣли. Они приступили къ Курску. Сынъ Изяслава Мстиславъ долженъ былъ оставить городъ, коего жители объявили ему, какъ Кіяне его отцу, что не могутъ поднять руки на Мономахова внука, хотя противъ Ольговичей готовы биться за него и съ дѣтьми. Почти все княжество Курское было занято, кромѣ нѣкоторыхъ городовъ отбившихся.

Но эти временные успѣхи не принесли имъ никакой пользы.

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 148.

Изяславъ Мстиславичъ съ братомъ Ростиславомъ поднялись на нихъ со всѣми силами, и опустошили Черниговскія и Сѣверскія волости.

Юрій не могъ подать имъ помощи. Страшная опасность имъ угрожала, — и Давидовичи вмѣстѣ съ Святославомъ Ольговичемъ должны были просить мира у Великаго князя Кіевскаго (1148).

Князья цѣловали крестъ въ святомъ Спасѣ; вражду про Игоря отложить, блюсти Русскую землю, и быть всѣмъ за одинъ братъ.

Но когда Юрій вновь поднялся (1149), Святославъ Ольговичъ старался уклониться отъ содѣйствія своимъ новымъ союзникамъ. Когда они потребовали, чтобъ онъ приготовился къ войнѣ, онъ смолчалъ и не далъ никакого отвѣта посламъ. Только сказалъ имъ: «Ступайте въ товары ваши, я васъ позову», — онъ держалъ ихъ тамъ недѣлю, поставя сторожей, дабы никто не имѣлъ съ ними сношенія, а между тѣмъ спрашивалъ Юрья: «въ самомъ ли дѣлѣ ты идешь на Изяслава, скажи мнѣ правду, — не погуби волости моей, ни введи меня въ тяготу».

«Какъ не идти мнѣ въ самомъ дѣлѣ», отвѣчалъ Юрій: «племянникъ мой Изяславъ приходилъ на меня, волость мою повоевалъ и пожегъ, да и сына моего выгналъ изъ Русской земли, онъ возложилъ на меня срамъ; земли своей мщу и честь свою найду, или сложу свою голову.

Святославъ, выведенный изъ сомнѣнія такимъ отвѣтомъ, призвалъ пословъ и далъ отвѣтъ: «воротите мнѣ имѣніе брата моего, и я съ вами буду».

Изяславъ не медля прислалъ вновь посла къ Святославу сказать: «братъ, ты цѣловалъ вѣдь мнѣ крестъ отложить вражду за

Игоря и за товары его. Что же теперь ты поминаешь ее, когда стрый идетъ на меня ратью. Теперь надо управить честному кресту. Вижу я, что ты не хочешь быть со мною, ты переступилъ уже крестное цѣлованіе, не ходя вмѣстѣ на Волгу,—а что было со мною! Такъ и теперь, лишь бы Богъ не оставилъ меня и крестная сила!»

Юрій шелъ впередъ и остановился у Ярышева. Тутъ примкнулъ къ нему Святославъ Ольговичъ, котораго не покидала жажда мести и ненависть къ Изяславу. «Братъ», сказалъ онъ Юрью, «всѣмъ намъ врагъ Изяславъ. Онъ убилъ моего брата.»

Совокупясь, Святославъ Ольговичъ и Юрій, послали пословъ къ Давидовичамъ, отводя ихъ отъ союза.

Но тѣ не согласились. *

Походъ Юрья, въ коемъ Святославъ Ольговичъ принималъ дѣятельное участіе, былъ успѣшенъ: Кіевъ былъ отнятъ у Изяслава и Вячеслава. Юрій далъ тогда въ награду своему союзнику, кромѣ Курска съ Посемыхъ, Слуцкъ, Клецкъ и всѣхъ Дреговичей.

Нѣсколько времени Святославъ Ольговичъ владѣлъ спокойно Сѣверскимъ своимъ княжествомъ, возвращеннымъ ему послѣ такихъ усилій. Но вскорѣ обратились обстоятельства въ воінѣ Изяслава съ Юрьемъ, и Юрій долженъ былъ отказаться отъ Кіева и отойдти въ Суздаль.

Святославу Ольговичу, должно было уладиться также съ своимъ родомъ. Одному бороться не приходилося. Онъ послалъ сказать Изяславу Давидовичу: «миръ стоитъ до рати. Мы всѣ братья; отчины между нами двѣ, одна моего отца Олега, а другая твоего отца Давида. Ты, братъ Давидовичъ, а я Ольговичъ: возми себѣ все Давидово, а что Ольгово, то оставь намъ, и мы между собою подѣлимся».

Изяславъ Давидовичъ поступилъ по христіански, принялъ братьевъ въ любовь и возвратилъ имъ ихъ отчину (1151).

Но Юрій не успокоился, и опять пришелъ на Изяслава. Святославъ Ольговичъ на дорогѣ долженъ былъ принять его сторону. Дѣла пошли неудачно, и Юрій долженъ былъ отложить на время свое намѣреніе. Его Половцы ушли на Путивль домой, разоряя по дорогѣ, а Юрій на Новгородъ-Сѣверскій и оттуда въ Рыльскъ.

Святославъ Ольговичъ старался удержать его, выговаривая, что онъ волость его поѣлъ, и жита около города потравилъ, а теперь хочетъ оставить его на жертву Изяславу, который «придетъ на меня изъ-за тебя и прокъ волости моей погубитъ» (1152).

Юрій оставилъ ему только сына Василька съ 50 дружины, и воротился въ Суздаль, заявъ остальные Вятичи по дорогѣ.

Новгородъ, дѣйствительно, подвергся сильному нападенію Великаго князя Изяслава Мстиславича, въ началѣ зимы, въ февралѣ мѣсяцѣ, острогъ былъ взятъ послѣ жаркой битвы, и Святославъ получилъ миръ только вслѣдствіе приближенія весны.

По смерти Изяслава Мстиславича, Изяславъ Давидовичъ успѣлъ занять Кіевъ, и отдалъ Святославу Ольговичу Черниговъ; но когда показался Юрій, Святославъ Ольговичъ отдалъ ему назадъ Черниговъ, убѣдивъ примириться съ Юрьемъ (1154).

Святославъ Ольговичъ отнялъ тогда у Святослава Всеволодовича Сновескъ, Карачевъ и Воротынскъ, за то что племянникъ отступалъ отъ него во время послѣднихъ передвиженій.

* См. въ исторіи Черниговскаго княжества, с. 223.

Онъ получилъ еще отъ Великаго князя Юрья, за свои услуги, Мозырь,—и былъ спокоенъ во все время его княженія (1154—1157).

По кончинѣ Юрья, когда Изяславъ Давидовичъ во второй разъ овладѣлъ Кіевомъ, и отдалъ Черниговъ племяннику Святославу Володимеричу, Святославъ Ольговичъ, сговорясь съ другимъ племянникомъ, Святославомъ Всеволодовичемъ, пришелъ отнимать его. Начались переговоры. Опредѣлено сидѣть въ Черниговѣ Святославу Ольговичу, а Новгородъ - Сѣверскій отданъ Святославу Всеволодовичу.

Такимъ образомъ *Святославъ Всеволодовичъ*, скитавшійся до сихъ поръ изъ страны въ страну, служившій то дядямъ, по матери Мстиславичамъ, то братьямъ Давидовичамъ, то дядѣ, по отцѣ, Святославу Ольговичу, получилъ наконецъ себѣ отцовскій городъ (1157).

Онъ принималъ участіе въ Кіевскихъ и Черниговскихъ дѣлахъ. *

Въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ Святославъ Всеволодовичъ прожилъ семь лѣтъ, и по смерти Святослава Ольговича Черниговскаго, послѣ долгихъ преній съ его сыномъ, Олегомъ, получилъ Черниговъ, а *Олегу* предоставилъ (1164) Новгородъ-Сѣверскій, обѣщаясь надѣлить сверхъ того его братьевъ, Игоря и Всеволода. Но не исполнилъ.

Олегъ женился на дочери Великаго князя Ростислава Кіевскаго.

Святославъ Всеволодовичъ не хотѣлъ надѣлить его и по смерти Святослава Володимерича (1166) въ Вщижѣ, насылалъ даже на него рать съ Половцами, а тотъ ходилъ на Стародубъ, и уже только въ уваженіе ходатайства Великаго князя Ростислава получилъ четыре города.

Олегъ Святославичъ постоянно былъ съ нимъ во враждѣ, ходилъ разорять Черниговскія волости, а тотъ въ свою очередь отплачивалъ разореніемъ Новгородскихъ.

Олегъ ходилъ часто на Половцевъ, бился съ Боякомъ, и побѣдилъ его (1166); взялъ вѣжи Козины, и полонилъ его (1167), участвовалъ въ знаменитомъ походѣ Великаго князя Мстислава Изяславича (1168), и въ войнѣ противъ него Андрея Боголюбскаго (1169).

Въ 1173 и 1174 годахъ велъ ожесточенную войну съ Черниговскимъ княземъ, Святославомъ Всеволодичемъ, который наконецъ подступилъ къ Новгороду, разбилъ Олегову вылазку, сжегъ острогъ и полонилъ дружину, но далъ ему миръ.

Послѣднее время жизни его прошло въ мирѣ и тишинѣ. Въ 1180 году онъ скончался, и Новгородъ достался брату, *Игорю Святославичу* Сѣверскому, который былъ женатъ на дочери Ярослава Галицкаго.

Игорь дѣйствовалъ съ усердіемъ заодно съ Святославомъ Всеволодичемъ Черниговскимъ, и, по примиреніи сего послѣдняго съ Рюрикомъ Ростиславичемъ, принималъ дѣятельное участіе въ ихъ походахъ на Половцевъ.

Въ походѣ 1183 года Игорь не хотѣлъ уступить первенства Переяславскому князю Володимеру Глѣбовичу, который за то обобралъ, возвращаясь, Сѣверскіе города.

Игорь рѣшился сдѣлать поиски на Половцевъ, одинъ, съ братомъ Всеволодомъ Святославичемъ и съ нѣкоторыми изъ предводителей Черныхъ клобуковъ. На рѣкѣ Хиріи они воевали долго и причинили большой

* См. въ исторіи Кіевскаго и Черниговскаго княжествъ.

вредъ Половцамъ, которыхъ потонуло много со скотомъ и лошадьми, бѣгаючи передъ Русью.

Около этого времени Игорь принялъ съ честію зятя своего, женина брата, Володимера Галицкаго, котораго отецъ Ярославъ прогналъ отъ себя.

Изгнанникъ, не принятый никѣмъ изъ Русскихъ князей, прожилъ въ Путивлѣ два года, и потомъ введенъ былъ въ любовь къ отцу, что могло подать поводъ впослѣдствіи къ избранію Игоревичей на столъ Галицкаго.

Въ 1184 году Игорь Святославичъ предпринялъ особый походъ на Половцевъ: «Половцы выходятъ теперь на встрѣчу Русскимъ князьямъ», сказалъ онъ братіи: «вѣжи ихъ остались безъ обороны. Ударимъ на нихъ.» Онъ пошелъ съ братомъ Всеволодомъ, сыномъ Володимеромъ и сыновцемъ Святославомъ. Когда они были за Мерломъ, они встрѣтили отрядъ 400 Половцевъ, которые съ тою же цѣлію выѣхали воевать Русь. Половцы были разбиты.

Въ блистательномъ весеннемъ походѣ 1185 года, Святослава Всеволодовича, вмѣстѣ съ Рюрикомъ Ростиславичемъ и прочими Русскими князьями, Игорь опять не успѣлъ принять участія, къ крайнему своему прискорбію.

Осуждая Ярослава, который отказался подъ предлогомъ начавшихся съ Половцами у его мужа Ольстина Олексича переговоровъ, онъ сказалъ: «не дай Богъ отрекаться отъ похода на поганыхъ — поганый всѣмъ намъ общій врагъ.»

Потомъ началъ онъ гадать съ дружиною, какъ бы переѣхать полки Святославовы. Дружина возразила: «птицею (потскы) не можешь перелетѣть въ такое время. Мужъ Святославовъ пріѣхалъ къ тебѣ въ четвергъ, а самъ онъ выступить намѣревался въ воскресенье: какъ же ты можешь, князь, настичь его.» Игорю было непріятно это возраженіе, и онъ хотѣлъ поѣхать полемъ, возлѣ Сулы, но дорога оказалась неудобною: серенъ (гололедица) великъ, такъ что нельзя было двинуться воямъ, и должно было оставить это распоряженіе.

За то на слѣдующій годъ Игорь съ своими родными снарядилъ сильный полкъ. «Хощу бо, рече, копіе преломити конецъ поля Половецкаго! Съ вами, Русичи, хощу главу свою приложити, а любо испити шоломомъ Дону.»

«Комони (кони) ржутъ за Сулою; звенитъ слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода.»

«И рече ему буй-туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю, оба есвѣ Святъславичя! Сѣдлай, брате, свои борзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряни — свѣдоми кмети, (смышленые молодцы), подъ трубами повити, подъ шеломы взлелеяни, конець копія вскормлени; пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми; луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изострени; сами скачютъ акы сѣры вълци въ полѣ, ищучи себѣ чти, а князю славы.»

Такъ воспѣваетъ пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ.

Братъ Всеволодъ изъ Трубецка, Святославъ Ольговичъ, племянникъ, изъ Рыльска, сынъ Володимеръ изъ Путивля, соединили свои полки. У Ярослава Всеволодича Игорь испросилъ Ольстина Олексича, съ Ковуями Черниговскими.

Выступили князья въ походъ 23 апрѣля, во вторникъ. Когда они подошли къ рѣкѣ Донцу, случилось солнечное затменіе. «Видите ли знаменіе, что оно значитъ? «спро-

силъ Игорь своихъ бояръ.» Тѣ поникнувъ головою отвѣчали: не къ добру это знаменіе. «Братья и дружина», сказалъ Игорь, «тайны Божіей никто не знаетъ, а знаменіе творитъ Богъ, творецъ міра. Что сдѣлаетъ онъ съ нами, на добро наше, или на зло наше, увидимъ.»

Сказавъ это, онъ перебрелъ Донецъ, и остановился въ Осколѣ на два дня, ожидая брата Всеволода, шедшаго другимъ путемъ изъ Курска. Отгуда пошли они къ Сальницѣ. Тутъ пристали къ нимъ сторожи, посланные языка ловить, и сказали, что видно много Половцевъ въ доспѣхахъ: «вамъ надо или торопиться, или ѣхать домой — не наше время.» Игорь сказалъ: «Воротиться не бившись, это срамъ, хуже смерти. Что Богъ дастъ то и будетъ.»

Рѣшившись такъ, они проѣхали всю ночь, и на другой день, въ пятницу, около обѣда, встрѣтили полки Половецкіе.

Половцы, оставивъ за собою вѣжи, въ полномъ числѣ, отъ мала до велика, стояли на той сторонѣ рѣки Сююрлія. Игорь раздѣлилъ вои на шесть полковъ: въ срединѣ самъ, направо Всеволодовъ полкъ, налѣво Святослава племянникъ, впереди два полка— одинъ съ сыномъ Володимеромъ, другой Ярославль, Ковуи съ Ольстиномъ Олексичемъ, третій—стрѣльцы изо всѣхъ полковъ выведенные. Игорь сказалъ: «братья, сего есмы искалѣ, а потягнемъ!» Съ сими словами Русскіе пошли на Половцевъ. Когда они приблизились къ рѣкѣ Сююрлію, стрѣльцы Половецкіе выдвинулись, пустили по стрѣлѣ въ Русь, и бросились назадъ, съ ними бросились назадъ и тѣ, которые стояли дальше за рѣкою. Младшіе князья устремились за бѣглецами, а старшіе шли за ними тихо. Половцы пробѣжали свои вѣжи, и Русскіе оподонились тамъ всякимъ добромъ; многіе воротились уже ночью съ богатою добычею.

«Съ заранія въ пятокъ потопташа поганыя пълкы Половецькыя, и рассушясь стрѣлами по полю, помчяша красныя дѣвкы Половецькыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтмами (?), и япончицями, и кожухы, начяша мосты мостити, по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половецькыми. Чьрленъ стягъ, бѣла хорюговь, чьрмна чолка, сребрено стружіе (оружіе) храброму Святъславичю!)»

Между тѣмъ вѣроятно дознана непрочность одержанной побѣды и опасность, какой подвергались Русскіе вои.

Игорь подалъ совѣтъ идти немедленно назадъ, одержавъ побѣду, стяжавъ честь и славу. «Половцевъ слишкомъ много, и прибываетъ ихъ часъ отъ часу; если они и погонятся за нами завтра, то лучшіе конники успѣютъ отойти, а съ нами что Богъ дастъ».

Святославъ Ольговичъ отвѣчалъ дядямъ: «я гналъ далеко по Половцамъ, и кони мои устали; если я поѣду теперь, то долженъ буду остановиться на дорогѣ».

Всеволодъ присталъ къ его мнѣнію, чтобъ тутъ переночевать. Игорь сказалъ: «пусть будетъ такъ, но чтобъ не пришлось намъ здѣсь умереть».

Въ субботу на разсвѣтѣ Русскіе увидѣли Половцевъ, выступавшихъ «аки борове.» Игорь сказалъ: «вонъ, вся земля на насъ поднялася.»

На совѣтѣ положено—ссѣсть съ коней, и бьющеся доіти до рѣки Донца: «Если мы побѣжимъ, то спасемся; но грѣхъ намъ оставить черныхъ людей. Смерть или жизнь— но всѣмъ вмѣстѣ.»

Они сѣли съ коней, и пошли бьющеся крѣпко съ утра до вечера. Игорь былъ раненъ въ руку, воевода еще прежде его. Многіе были побиты въ полкахъ Русскихъ.

«Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта, летять стрѣлы калепыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копія харулажныя, въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецькыя. Ту кроваваго вина недоста, ту пиръ докончяша храбріи Русичи. Сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую».

Такъ прошла суббота. Русскіе все шли и бились. Въ воскресенье утромъ Ковуи замѣшались и побѣжали. Игорь былъ въ то время на конѣ, ибо не могъ идти по причинѣ раны. Онъ поскакалъ къ Ковуямъ, чтобъ остановить ихъ бѣгство, и снялъ шеломъ, стараясь быть поскорѣе узнаннымъ; но никто не воротился, кромѣ Михалка Георгіевича. Онъ увидѣлъ, что далеко отдалился отъ полковъ, и погналъ назадъ къ полкамъ, которые бились храбро. Бѣгство Ковуевъ мало разстроило прочихъ: нѣсколько простыхъ и отроковъ боярскихъ смялись съ ними,—а добрые всѣ бились, идуще пѣши. Игорь былъ уже въ одномъ перестрѣлѣ отъ своихъ, но Половцы окружили его и захватили въ плѣнъ.

Въ рукахъ Половцевъ Игорь увидѣлъ брата Всеволода, бьющагося изо всѣхъ силъ; оружія у него же почти не осталось. Онъ шелъ по берегу озера и оборонялся. «Господи», воскликнулъ Игорь, «дай мнѣ смерть, чтобъ не увидѣть его паденія.»

«И такъ въ день Святаго Воскресенія наведе на ны Господь гнѣвъ свой, въ радости мѣсто наведе на ны плачь, и въ веселья мѣсто желю на рѣцѣ Каялѣ.»

Игорь вспомнилъ о взятіи имъ на щитъ города Глѣбова, Переславля, и о разореніи, произведенномъ тогда между христіанами. Онъ считалъ плѣнъ наказаніемъ за свою вину. «Гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ», восклицалъ онъ, по сказанію лѣтописца, «гдѣ нынѣ брата моего сынъ! гдѣ чадо рожденія моего, гдѣ бояре думающѣи, гдѣ мужи храборествующѣи, гдѣ рядъ полчный, гдѣ кони и оружья многоцѣньная? Не ото всего ли того обнажихся, и связня преда мя въ руки беззаконьнымъ тѣмъ? Се возда ми Господь по беззаконію моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою.»

Русскіе вои были всѣ перебиты или плѣнены.

Игоря взяли себѣ на часть Тарголове, мужъ, именемъ Чилбукъ; Всеволода взялъ Романъ Кзичь, Святослава Ольговича Ельдечукъ въ Бурчевичахъ, а Володимера Копти въ Улашевичахъ. Едва пятнадцать человѣкъ Русскихъ спаслось, а Ковуевъ еще меньше, потому что всѣ они были окружены полками Половецкими, какъ стѣнами, и утечь было некуда.

Въ Посемьѣ сдѣлалось страшное смятеніе, когда разнесся слухъ о пораженіи и плѣнѣ князей: «что намъ дѣлать, безъ князей и безъ дружины!» Точно то же было и въ Новгородѣ-Сѣверскомъ.

«Въстона Кіевъ испугою, а Черниговъ напастьми. Тоска разліяся по Русской земли, люди бились какъ рыба въ мотвѣ.»

Великій князь Кіевскій думалъ о мести, и сбиралъ повсюду вои, а Половцы взяли гордость великую, и думали напасть всѣмъ народомъ на Русскую землю.

Игорь содержался въ плѣну. Сторожей при немъ было 20 человѣкъ, которые впрочемъ исполняли его желанія безъ прекословія. Половцы, чтя его происхожденіе, давали ему волю, отпускали даже охотиться; особенныхъ слугъ было съ нимъ до шести.

Совершалась у него и божественная служба. Не надѣясь уйти изъ плѣна, онъ привелъ къ себѣ попа изъ Руси.

Вдругъ одинъ Половчинъ, именемъ Лаворъ, предложилъ Игорю бѣжать съ нимъ въ Русь. Игорь сперва не вѣрилъ ему и отвѣчалъ съ прежнею гордостію: «для ради славы не бѣжалъ я прежде отъ дружины, и нынѣ не славнымъ путемъ не стану я искать себѣ спасенія.» Сынъ тысяцкаго и конюшій побуждали его воспользоваться предложеніемъ. Думцы говорили: «мысль высоку и неугодну Богу имѣешь ты; но вотъ воротятся Половцы и потеряешь ты не только славу, но и животъ.»

Игорь уступилъ ихъ настояніямъ, и сговорился съ Лавромъ чрезъ своего конюшаго, бѣжать вечеромъ, потому что днемъ и ночью стерегли его сторожа. Лишь солнце закатилось, конюшій пришелъ сказать князю, что Лаворъ его ожидаетъ. Это было въ пятницу. Ужасенъ и трепетенъ, поклонился Игорь образу Божію и кресту честному, и приподнявъ полу вылѣзъ изъ шатра. Сторожа, напившись кумыса, играли и веселились, полагая князя спящимъ. Онъ дошелъ до рѣки, которую перешелъ въ бродъ, а за рѣкою приготовленъ былъ конь. Бѣглецы миновали благополучно вѣжи.

Чрезъ одиннадцать дней достигли они Донца. Оттуда прибылъ Игорь въ Новгородъ, къ великой радости всѣхъ князей, Ярослава Черниговскаго, Святослава Кіевскаго и Рюрика Ростиславича.

Въ 1191 году Игорь ходилъ на Половцевъ съ братьею два раза,—въ первый разъ съ успѣхомъ, а во второй, встрѣтивъ сильныя пріуготовленія, заложившися, принужденъ былъ отойдти.

Въ 1193 году Игорь похоронилъ брата, славнаго Всеволода, о которомъ говоритъ лѣтопись: «преставися князь Всеволодъ Святославичъ, мѣсяца Мая, — и тако спрятавше тѣло его вся братья, во Ольговичѣхъ племени, съ великою честью и съ плачемъ великимъ и рыданіемъ: понеже бо въ Ольговичѣхъ всихъ удалѣе рожаемъ и воспитаніемъ и возрастомъ и всею добротою и мужественною доблестью, и любовь имѣяше ко всимъ.»

Игорь принималъ живое участіе во всѣхъ войнахъ и переговорахъ Ярослава Всеволодовича Черниговскаго, относительно Рюрика Ростиславича Кіевскаго и Всеволода Юрьевича Великаго князя Суздальскаго, и помогалъ противъ нихъ Роману Волынскому.

По смерти Ярослава Всеволодовича, Игорь какъ старшій, занялъ столъ Черниговскій, и сблизился съ Рюрикомъ Ростиславичемъ, а въ Сѣверскихъ городахъ остались княжить его сыновья: *Володимеръ*, *Олегъ*, *Романъ*, *Святославъ*, *Ростиславъ*.

Игорь скончался въ 1202 году.

По кончинѣ Володимера Галицкаго, когда всѣ Русскіе князья ходили искать Галича, Олеговичи и Мономаховичи, и принуждены были отойти безъ успѣха, сыновья Игоря Святославича, двоюродные братья, по матери, послѣднему Галицкому князю, Володимеру Ярославичу, призваны были къ себѣ Галичанами съ возвратнаго пути, на столъ (1206), владѣли нѣсколько времени, но, посреди смутъ, погибли насильственною смертію, кромѣ Володимера, спасшагося на родину, вмѣстѣ съ сыномъ Изяславомъ (1211). *

* См. въ исторіи Галицкаго княжества.

ТМУТОРАКАНЬ.

Тмуторакань, Варяжское поселеніе, на островѣ Таманѣ, образуемомъ двумя устьями Кубани, въ Черное и Азовское море, отдано Володимеромъ Святымъ сыну его Мстиславу, который помогъ оттуда Грекамъ уничтожить Козарскую державу въ Тавридѣ (1022), покорилъ сосѣднія Кавказскія племена, Ясовъ и Касоговъ, и потомъ грозилъ самому Ярославу Кіевскому. *

Братья раздѣлили между собою всю Русскую землю (1024), принявъ Днѣпръ границею. Мстиславъ Тмутораканскій поселился въ Черниговѣ, но жилъ не долго, и скончался не оставя наслѣдниковъ (1076).

По Ярославову дѣлежу Тмуторакань досталась второму его сыну, Черниговскому князю Святославу, который прислалъ сюда сына Глѣба.

Глѣбъ спокойно мѣрилъ, сколько саженъ, по льду чрезъ проливъ отъ Тмуторакани до Керчи, какъ вдругъ явился ему неожиданный соперникъ.

Ростиславъ, удалой сынъ удалаго отца, Новогородскаго Володимера, († 1052), проживавшій по его смерти въ Новѣгородѣ не при чемъ, подговорилъ такихъ же молодцовъ, какъ самъ,—Вышату, сына воеводы Остромира, Порѣя и другихъ,—добрался за тысячи двѣ верстъ отъ Волхова до Тмуторакани, о коемъ шла, видно, далекая слава, и выгналъ оттуда князя Глѣба (1064). Отецъ, Святославъ, пришелъ на помощь, и племянникъ, не захотѣвъ съ нимъ бороться, отступилъ. Но лишь тотъ ушелъ къ себѣ въ Черниговъ, какъ Ростиславъ опять выгналъ двоюроднаго своего брата, и сѣлъ на его столѣ.

Онъ тотчасъ началъ,—Норманскій боевой духъ держался еще тогда въ князьяхъ, особенно смолоду,—ходить войною по сторонамъ, бралъ дань съ Касоговъ и другихъ окрестныхъ племенъ. Греки испугались опаснаго сосѣдства, и подослали своего Катапана, (начальника), который вскорѣ вкрался къ нему въ довѣренность. Однажды случилось Ростиславу пировать съ своею дружиной. Грекъ вызвался выпить за его здоровье. Пожалуй, отвѣчалъ ему веселый витязь. Катапанъ отпилъ половину чаши, а другую подалъ князю, пустивъ яду изъ-подъ ногтя въ напитокъ. Ростиславъ выпилъ, и чрезъ семь дней умеръ, Февраля 3, 1066 года. Онъ былъ положенъ въ церкви святыя Богородицы.

Вѣроломный Грекъ убѣжалъ въ Корсунь, и предсказалъ тамъ княжую смерть, за что былъ побитъ каменьями, когда предсказаніе исполнилось.

Такъ плачевно кончилась жизнь молодаго Ростислава, и Русское владѣніе на югѣ, на

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 59 и слѣд.

берегахъ Чернаго моря, между Константинополемъ и Кавказомъ, не удержалось въ третій разъ, послѣ попытки Святославовой и успѣха Мстиславова, — (впредь до четвертаго, лѣтъ чрезъ тысячу?)

Ростиславъ оставилъ трехъ малолѣтныхъ сыновъ, Рюрика, Володаря и Василька, которые поддержали славу своего рода, и были достойными внуками Володимеру и дѣтьми Ростиславу.

По смерти Ростиславовой, Никонъ великій, сотрудникъ святыхъ Антонія и Ѳеодосія, основавшій монастырь на островѣ, приходилъ въ Кіевъ звать опять Глѣба на столъ Тмутороканскій.

Глѣбъ, чрезъ нѣсколько времени отошедшій въ Новгородъ, передалъ столъ брату Роману.

По смерти отца Святослава, когда его сыновья лишены были удѣловъ, Олегъ приходилъ въ Тмутораканъ къ брату Роману, и оттуда, нанявъ Половцевъ, вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ, ходилъ на Черниговъ, но неудачно * (1078).

Романъ, съ Олегомъ, повторилъ нападеніе (1079), но Половцы сговорилися съ дядею Всеволодомъ, и на возвратномъ пути убили его. Суть кости его и доселѣ тамъ лежатъ, говоритъ лѣтописецъ.

Олегъ былъ заточенъ ими въ Царьградѣ, и Даніилъ, Русскій паломникъ, встрѣтилъ его на островѣ Родосѣ, гдѣ онъ прожилъ два года.

Великій князь Всеволодъ посадилъ посадника Ратибора въ Тмуторакани.

Островъ переходилъ изъ рукъ въ руки у праздношатавшихся княжичей: Ростиславичи, возмужавъ, хотѣли возвратить себѣ Тмутораканъ, которую могли считать своею отчиною, —и въ 1081 году Володарь Ростиславичъ вмѣстѣ съ Давидомъ Игоревичемъ захватили тамъ посадника Ратибора.

У нихъ отнялъ Тмутораканъ Олегъ, (1083), воротясь изъ Греческаго заточенія, изсѣкъ Козаровъ, совѣтниковъ на убійство его брата Романа, и сѣлъ на столѣ.

Онъ прожилъ десять лѣтъ въ Тмуторакани, и воротился на родину уже по смерти Всеволода, (1093), отнявъ съ помощью наемныхъ Половцевъ Черниговъ у Мономаха.

Олегъ остался княжить въ Черниговѣ.

Съ тѣхъ поръ о Тмуторакани стало неслышно: Половцы, усилясь въ странахъ Черноморскихъ, стѣсняли, вѣроятно, поселеніе Русское, такъ что оно не могло держаться, разбрелось въ страхѣ по разнымъ сторонамъ, —и княжество уничтожилось.

* См. въ исторіи Черниговскаго княжества, с. 215.

От Черниговскаго княжества отдѣлились еще Муромское и Рязанское. О нихъ см. въ исторіи Сѣверо-восточной Россіи.

ПЕРЕЯСЛАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО.

Переяславль существовалъ при Олегѣ, и значится въ его договорѣ съ Греками (906). Укрѣпленіе принадлежитъ, по преданію, ко времени Володимера Святаго, при которомъ, во время войны съ Печенѣгами, отрокъ усмошвецъ, на поединкѣ, «удави Печенѣзина въ руку до смерти, и удари имъ о землю, и кликнуша, и Печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по нихъ сѣкуще, и прогнаша я. Володимеръ радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томъ, и нарече й Переяславль: зане перея славу отрокъ-отъ. Володимеръ же великимъ мужемъ створи того и отца его.»

По Ярославову дѣленію Переяславль достался третьему любимому сыну его, Всеволоду. Волость его граничила къ западу съ Кіевскимъ княжествомъ, отъ котораго отдѣлялась Днѣпромъ, къ сѣверу съ Черниговскимъ, Сѣверскими городами и Вятичами, къ востоку съ Рязанскими волостями, къ югу съ кочевьями Половцевъ.

Оно заключало въ себѣ нынѣшнія губерніи Полтавскую, Курскую, за исключеніемъ Путивльскаго и Рыльскаго уѣздовъ, и часть Харьковской.

Къ Переяславскому княжеству принадлежала первоначально страна Залѣсская съ Ростовомъ, Суздалемъ, Бѣлымъ-озеромъ.

Родъ Всеволодовъ сидѣлъ по большой части на столѣ Кіевскаго княжества, и Переяславское княжество предоставлялось тогда, обыкновенно, брату или старшему сыну Великаго князя, который и дѣйствовалъ съ нимъ за одно.

Переяславское княжество по своему положенію подвергалось болѣе всѣхъ набѣгамъ сосѣднихъ Половцевъ, и князья должны были быть всегда на-готовѣ для ихъ отраженія, которому содѣйствовали прежде другихъ Великіе князья Кіевскіе.

Съ этой цѣлію были поселены на югѣ и здѣсь, какъ со стороны Кіева, племена восточныя, единоплеменныя съ Половцами, Торки, Ковуи и Черные клобуки.

Всеволодъ, первый князь Переяславскій, былъ свидѣтелемъ ихъ нападенія въ самый годъ отцевой смерти (1054), и заключилъ миръ съ княземъ Болушемъ, предложивъ имъ безъ сомнѣнія какой-нибудь выкупъ.

Въ 1062 г. набѣжали они съ княземъ Искаломъ, побѣдили Всеволода, и много воевали по сторонамъ.

Къ 1068 году принадлежитъ первое ихъ сильное нападеніе на Альтѣ: они разбили совершенно соединенное Русское ополченіе, которое предалось бѣгству. Вслѣдствіе сего Великій князь Изяславъ принужденъ былъ оставить Кіевскій столъ, отданный дружиною его племяннику, заточенному Всеславу Полоцкому. *

При возвращеніи его съ Польскою помощію (1069), Всеволодъ Переяславскій вмѣстѣ съ Святославомъ Черниговскимъ— старались его умилостивить.

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 100 и слѣд.

Въ 1070 г. заложена была церковь въ монастырѣ Всеволодовомъ, св. Михаила.

Въ 1071 г. новое нападеніе Половцевъ.

Въ 1072 году братья перенесли мощи своихъ дядей, св. Бориса и Глѣба, въ новую церковь, построенную въ Вышгородѣ Великимъ княземъ Изяславомъ; при чемъ присутствовалъ Петръ, епископъ Переяславскій.

Въ слѣдующемъ году, 1073, возникла распря между братьями; Всеволодъ принялъ сторону Святослава, и Изяславъ принужденъ былъ бѣжать. Святославъ занялъ Кіевъ, а Всеволоду отдалъ Черниговъ.

Переяславль получилъ тогда старшій сынъ Всеволодовъ, *Володимеръ Мономахъ*, имѣвшій около 20 лѣтъ отъ роду.

Отецъ посылалъ его (1076) въ Ляхи, на помогу имъ—противъ Чеховъ, вмѣстѣ съ Олегомъ, сыномъ Святославовымъ.

По смерти Святослава, Всеволодъ сѣлъ въ Кіевѣ, въ январѣ 1077 года, впрочемъ не надолго: Великій князь Изяславъ—шелъ на Кіевъ съ новыми силами. Всеволодъ на Волыни заключилъ миръ, и, уступивъ Кіевъ возвратившемуся Изяславу, воротился въ Черниговъ. *

Переяславль оставался въ его владѣніи—во время княженія въ Черниговѣ и Кіевѣ.

Въ 1089 году освящена была церковь св. Михаила митрополитомъ Ефремомъ. «Се бо Ефремъ бѣ скопецъ, высокъ тѣломъ, бѣ бо тогда многа зданья воздвиже, докончавъ церковь святаго Михаила..., юже бѣ создалъ велику сущю, и пристрои ю великою пристроею, украсивъ ю всякою красотою.»

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с 105.

Онъ заложилъ на воротахъ церковь св. мученика Θеодора, также церковь св. Андрея: «у церкве отъ воротъ, и строеніе банное, (крестильницы), сего же не бысть прежде въ Руси.» Ефремъ заложилъ также стѣну каменную около дѣтинца, украсилъ градъ Переславскій зданіями церковными и прочими.

Такъ и въ Суздалѣ митрополитъ Ефремъ построилъ церковь св. Димитрія, и надѣлилъ ее селами.

По кончинѣ Всеволодовой (1093) Мономахъ остался въ Черниговѣ, а Переяславль отдалъ брату *Ростиславу*.

Въ тотъ же годъ, пойдя съ своимъ полкомъ въ ополченіи Великаго князя Святополка Кіевскаго и Володимера Черниговскаго—противъ Половцевъ, молодой Ростиславъ раздѣлилъ одну—несчастную участь съ ними, и въ бѣгствѣ утонулъ въ рѣкѣ Стугнѣ, на глазахъ у своего брата Володимера, который напрасно хотѣлъ подать ему помощь съ опасностію своей жизни. *

Въ слѣдующемъ году Олегъ привелъ Половцевъ на Черниговъ. Мономахъ уступилъ ему отчину и удалился въ Переяславль. **

Въ 1095 году пришли Половцы Итларь и Кытань, Переяславлю, къ Володимеру—на миръ. Итларь вошелъ въ городъ съ лучшею дружиною, а Кытань остановился съ воями между валами, взявъ у князя сына въ тали, (заложникомъ). Дружина Ратибора, мужа Володимерова, совѣтовала ему избить Итлареву чадь. Володимеръ не соглашался, отзываясь тѣмъ, что ходилъ съ ними ротѣ, (далъ имъ клятву). «Всегда ходяче съ тобою ротѣ,» возражала дружина, «Половцы губятъ Русскую землю и проливаютъ хри-

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, г. 109.
** См. въ исторіи Черниговскаго княжества, с. 216.

стіанскую кровь. Грѣха съ ними нѣтъ.» Володимеръ уступилъ, и въ ту же ночь послалъ Славяту, мужа, пріѣхавшаго тогда къ нему изъ Кіева отъ Святополка для нѣкоего орудья, съ Торками и малою дружиною, выкрасть сына. Тѣ исполнили удачно порученіе, потомъ убили Кытана и изсѣкли дружину его. Это было вечеромъ въ субботу.

Итларь лежалъ ту ночь съ своей дружиною у Ратибора на дворѣ, и не имѣлъ помышленія о томъ, что сдѣлалось надъ Кытаномъ; на утро, въ воскресенье, пристроилъ Ратиборъ отроковъ своихъ въ оружье и велѣлъ имъ затопить истопку. А Володимеръ прислалъ своего отрока Бяндюка за Итларевой чадью: «зоветъ васъ князь Володимеръ:— обувшись, позавтракавши въ тёплѣ избѣ у Ратибора, приходите ко мнѣ.» Итларь отвѣчалъ: буди такъ. Лишь только взошли они въ истопку, двери за ними тотчасъ заперли, прокопали верхъ, и Олбегъ Ратиборичъ, взявъ лукъ и наложивъ стрѣлу, ударилъ Итларю въ самое сердце. Онъ тутъ же испустилъ духъ, и дружина его вся была избита—въ недѣлю сыропустную, въ воскресенье, въ 1 часу дня, февраля 24 числа (1096).

Объявившись такъ, добра ждать было нечего. Святополкъ и Володимеръ, собравшись съ силами, рѣшились идти сами на Половцевъ, Походъ ихъ былъ успѣшенъ. Съ этого времени начинаются согласныя дѣйствія Великаго князя Святополка изъ Кіева съ Мономахомъ изъ Переяславля.

Они ходили на Олега къ Чернигову за связь его съ Половцами и безучастіе въ общемъ Русскомъ дѣлѣ противъ нихъ, Олегъ, принуженный имъ уступить, явился тогда въ Залѣсской сторонѣ, и побѣдивъ Мономахова сына Изяслава, захватившаго Муромъ, овладѣлъ всѣми тамошними областями. Изяславъ былъ убитъ.

Мономахъ послалъ изъ Переяславля сына Вячеслава съ помочью, а съ другой стороны стѣснилъ Олега другой сынъ Мономаховъ, Мстиславъ Новогородскій, который, въ свою очередь, побѣдилъ Олега, и, какъ его крестникъ, старался примирить его съ отцемъ.

На слѣдующемъ Любецкомъ снемѣ, созванномъ по мысли Мономаха, утверждена была за нимъ отчина Всеволодова (1097).

За снемомъ слѣдовало вѣроломное ослѣпленіе Теребовльскаго князя Василька Ростиславича.

Мономахъ явился отмстителемъ, и вмѣстѣ съ Святославичами пошелъ къ Кіеву изъ Переяславля; они припудили Святополка наказать главнаго виновника, Давида Игоревича, пойдя на него войною (1098).

Между тѣмъ Святополкъ отправился въ походъ, и тамъ вдругъ перемѣнивъ свое намѣреніе, хотѣлъ обобрать Ростиславичей. Можетъ быть, Святославичи согласились поддерживать его за какую-нибудь выгоду или участіе въ добычѣ. Но онъ хотѣлъ привлечь на свою сторону и Мономаха, который уѣхалъ тогда по своимъ дѣламъ (за своими орудіями) въ Ростовъ. Послы были отправлены къ нему и встрѣтили его на дорогѣ.

«Встрѣтили меня на Волгѣ послы отъ братьи и говорили: пристань къ намъ и прогонимъ Ростиславичей, отнимемъ ихъ волость. Еслижъ ты не пойдешь съ нами, то мы будемъ себѣ, а ты себѣ. Я отвѣчалъ: гнѣвайтесь какъ хотите, а я креста преступить и идти съ вами не могу. Отрядивъ ихъ, взялъ я, прискорбный, въ руки псалтирь,

разогнулъ, и вотъ что мнѣ выпулось: Вскую печалуешь, душе? Вскую смущаеши мя, и прочая. И потомъ я собралъ всѣ сія словца любыя и сложилъ по ряду и написалъ.»

Этотъ-то случай подалъ Мономаху, во время Переяславскаго княженія, мысль описать свою жизнь въ такъ называемомъ Поученіи. *

На второмъ Увѣтицкомъ сеймѣ (1100) отнятъ былъ за вину Владиміръ у Давида Игоревича, и вскорѣ предложенъ Мономаху за Новгородъ, но это условіе не состоялось, вслѣдствіе отказа Новгородцевъ.

Съ Увѣтицкаго сейма Мономахъ еще болѣе сблизился съ Великимъ княземъ Святополкомъ, и они вмѣстѣ начали свои походы на Половцевъ, вслѣдствіе которыхъ отдохнула Русь. **

По занятіи Мономахомъ Кіевскаго стола, Переяславское княжество отдано имъ сыну *Святославу* (1113), а по смерти его, *Ерополку*. Ярополкъ ходилъ отсюда на Донъ, вмѣстѣ съ Давидовымъ сыномъ. Они взяли города: Сугровъ, Шарукань, Балинъ. Ярополкъ привелъ себѣ изъ этого похода жену, «красну вельми, Ясскаго князя дщерь полонивъ.» Онъ княжилъ въ Переяславлѣ около двадцати лѣтъ, участвуя во всѣхъ дѣйствіяхъ своего отца, и потомъ старшаго брата Мстислава.

Въ походѣ на Полоцкихъ князей онъ взялъ на щитъ, вмѣстѣ съ Черниговскимъ Давидомъ, городъ Друцкъ, (1116), и для плѣненныхъ Дручанъ построилъ городъ Желди.

Переяславское княжество пользовалось при немъ спокойствіемъ.

* См. выше въ исторіи Кіевскаго княжества, ст. 122.

** См. въ исторіи Кіевскаго княжества, ст. 118.

По кончинѣ Мстислава, (1132), когда Ярополкъ сдѣлался Великимъ княземъ, Переяславль переходилъ изъ рукъ въ руки. Сперва Великій князь отдалъ его племяннику *Всеволоду Мстиславичу*, по договору съ его отцемъ, но тотъ пробылъ тамъ только одинъ день, выгнанный дядею *Юрьемъ*. Отъ Юрья Переяславль отнятъ, и черезъ недѣлю отданъ другому племяннику *Изяславу Мстиславичу*, потомъ брату *Вячеславу*. Когда Вячеславъ удалился въ свой Туровъ, Ярополкъ промѣнялся Переяславлемъ съ *Юрьемъ* на Суздаль, а послѣ Переяславль отданъ, вслѣдствіе союза съ Ольговичами Изяслава Мстиславича, опять ему, а отъ него *Андрею Володимеричу*.

Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, сдѣлавшись Великимъ княземъ, (1140), хотѣлъ отнять у него Переяславль. Начались военныя дѣйствія.

Подступивъ къ Переяславлю, онъ послалъ сказать Андрею: изволь идти къ Курску. Андрей, сдумавъ съ дружиною, отвѣчалъ: «Лучше мнѣ смерть и съ дружиною на своей отчинѣ и дѣдинѣ взяти, нежели Курское княженіе: отецъ мой въ Курскѣ не сидѣлъ, а въ Переяславлѣ. Если тебѣ, братъ, не досыти волости, всю землю Русскую державши, и ты хочешь еще этой волости, то сперва убей меня, тогда и волость тебѣ, а живой я изъ своей волости не выйду. Не дивно это нашему роду: такъ бывало и прежде. Развѣ Святополкъ не изъ-за волости убилъ Бориса и Глѣба? А долго ли прожилъ самъ послѣ? Здѣсь лишился живота, да и на томъ свѣтѣ осужденъ на вѣчную муку.»

Всеволодъ стоялъ на Днѣпрѣ, и послалъ къ Переяславлю брата Святослава. Андреева дружина встрѣтила его, разбила и преслѣдовала, но князь не пустилъ ее гнаться далеко за пораженными.

Великій князь нашелъ себя принужденнымъ отказаться, хоть на время, отъ своего намѣренія, и оставилъ Переяславль за Андреемъ. Онъ потребовалъ только, чтобъ Андрей держалъ всегда его сторону. Они заключили миръ, и Андрей поцѣловалъ крестъ. Въ эту же ночь загорѣлся Переяславль; вои Всеволодовы не тронулись съ мѣста. На другой день поутру Всеволодъ прислалъ сказать Андрею: «видишь, я креста не цѣловалъ еще тебѣ; а у васъ загорѣлось, это мнѣ Богъ давалъ, вы сами зажгли. Я могъ сдѣлать съ вами все, что мнѣ угодно, еслибъ хотѣлъ вамъ лиха. Смотри же, исправляй, въ чемъ цѣловалъ крестъ. Исправишь, то добро, а не исправишь— разсудитъ Богъ.»

По кончинѣ Андреевой (1142), Переяславль достался брату его старшему, *Вячеславу*, изгнанному изъ Турова.

Ольговичи—Игорь и Святославъ приходили на него войною два раза (1042), и были отражены помощію Великаго князя и *Изяслава Мстиславича*, который получилъ его, по новому договору В. К. Всеволода съ Вячеславомъ, и остался здѣсь впродолженіи великокняженія. Всеволодова, служа ему во всѣхъ его дѣйствіяхъ.

Изяславъ Мстиславичъ, по кончинѣ Всеволодовой 1146), посадивъ въ Переяславлѣ своего сына, отправился отсюда добывать Кіевскаго стола, несмотря па данное слово зятю, въ чемъ и успѣлъ.

Въ возникшей войнѣ Переяславль переходилъ изъ рукъ въ руки отъ Изяслава и его сына Мстислава къ *Юрью* и его сыну *Ростиславу*.

Была пора, когда Юрій, довольствуясь Переяславлемъ, уступалъ Кіевъ Изяславу, но тотъ не соглашался, несмотря на убѣжденія духовенства. «Я добылъ Кіева и Переяславля,» говорилъ онъ, «своею головою и уступить не могу.» Наконецъ Изяславъ дѣйствительно принудилъ Юрья удалиться въ Суздаль и отказаться отъ своихъ владѣній на Руси. Въ Переяславлѣ сѣлъ сынъ его *Мстиславъ*.

Но Изяславъ вскорѣ умеръ (1154). Юрій явился, занялъ Кіевъ, преимущественно вслѣдствіе ссоры Великаго князя Ростислава, брата Изяславова, съ его сыномъ Мстиславомъ. Мстиславъ заподозрилъ, что дядя выдаетъ его, и сказалъ: «Такъ не будь же ни мнѣ Переяславля, ни дядѣ Кіева.» Онъ оставилъ его полки, и удалился въ свой прежній Владиміръ.

Юрій отдалъ Переяславль сыну *Глѣбу*, который и владѣлъ имъ до 1169 года, когда по милости Андрея Боголюбскаго получилъ Кіевъ, взятый воями его сына.

Глѣбъ оставилъ въ Переяславлѣ своего сына, Володимера, еще малолѣтнаго (1169—1187).

При Глѣбѣ и *Володимерѣ* было самое спокойное время для Переяславскаго княжества, на которое тогда не нападали и Половцы, пораженные при самомъ началѣ Глѣбова великокняженія.

Возмужавъ, Володимеръ Глѣбовичъ отличился въ походахъ на Половцевъ.

Въ 1183 году Переяславскій князь посланъ былъ Рюрикомъ Ростиславичемъ изъ Русской земли на Половцевъ, вмѣстѣ съ Игоремъ Святославичемъ, ходившимъ отъ Великаго князя Святослава Всеволодовича. * Володимеръ, по праву Русскихъ князей, «прося у него ѣздити напереди полкомъ своимъ,—князи бь Русціи удалѣ (?) бяхуть напередѣ ѣздить въ Русской земли.» Игорь же не дозволялъ того. Князья рассорились и разошлись. Володимеръ по пути

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 195 и проч.

обобралъ Сѣверскіе города, но въ слѣдующемъ походѣ принималъ уже дѣятельное участіе, также какъ и въ успѣшномъ походѣ 1185 г.

Когда Половцы въ отмщеніе пришли осадить Переяславль, (1186), Володимеръ бился впереди всѣхъ, получилъ много ранъ, и слался безпрестанно за помощью которая наконецъ и освободила его отъ осады.

Въ походѣ 1187 г. Володимеръ Глѣбовичъ, пріѣхавшій къ князьямъ изъ Переяславля, выпросился у Святослава и Рюрика ѣздить впереди съ Черными клобуками. Святославу было обидно отдать ему преимущество предъ своими сыновьями, но онъ долженъ былъ согласиться съ мнѣніемъ прочихъ князей, которые уважали храбрость молодаго Володимера, «зане бѣ мужъ бодръ и дерзокъ и крѣпокъ на рати.» Половцы бѣжали однакоже за Днѣпръ, и князья отказались отъ преслѣдованія, потому что Днѣпръ располошился. На возвратномъ пути храбрый Володимеръ Глѣбовичъ занемогъ и скончался, апрѣля 18, оплаканный Переяславцами.

Послѣ него мы видимъ въ Переяславлѣ князя *Ярослава Мстиславича*, племянника Великому князю Владимирскому Всеволоду, и двоюроднаго брата Володимеру Глѣбовичу, по извѣстію объ его кончинѣ въ 1199.

Въ 1202 году Великій князь Всеволодъ Владимирскій прислалъ въ Переяславль сына *Ярослава*. «Переяславцы же, поимше князя своего Ярослава отъ св. Спаса, поидоша съ радостью великою, хваляще Бога и святую Богородицу и святаго Михаила, давшаго имъ князя, егоже желаша.»

Ярославъ въ 1205 г. ходилъ на Половцевъ вмѣстѣ съ прочими князьями.

Въ 1207 г. онъ былъ вызываемъ королемъ Венгерскимъ на столъ Галицкій, поспѣшилъ изъ Переяславля къ Галичу, но услышавъ, что Володимеръ Игоревичъ пріѣхалъ уже туда за три дня, воротился.

Всеволодъ Чермный, занявъ Кіевъ на возвратномъ пути изъ Галицкаго похода, выгналъ Ярослава изъ Переяславля: «иди къ отцу своему, и Галича подъ моею братьею не ищи, а не то пойду на тебя ратью.» Ярославу не было помощи ни отъ кого, и онъ попросилъ у него пути. Всеволодъ поцѣловалъ крестъ, далъ ему путь, и посадилъ въ Переяславлѣ своего сына *Михаила*.

Рюрикъ, поднявшись изъ Вручаго, выгналъ ихъ обоихъ, и сѣвъ въ Кіевѣ опять, посадилъ въ Переяславлѣ сына *Володимера* (1207).

И также не надолго. Чермный нѣсколько разъ бралъ Кіевъ, и наконецъ прогнанный, умеръ въ Черниговѣ 1212.

Великій князь Юрій Владимирскій прислалъ сюда брата *Володимера*, который въ 1215 году оженился здѣсь Глѣбовною, Черниговскаго князя, и ходилъ вскорѣ на Половцевъ, но былъ разбитъ ими и взятъ въ плѣнъ.

Въ 1216 г. является здѣсь опять *Володимеръ Рюриковичъ*, вызванный изъ Переяславля Мстиславомъ Новогородскимъ на помощь противъ Великаго князя Суздальскаго. Послѣ мы видимъ Володимера на столѣ Смоленскомъ, а въ Переяславль приходили княжить Владимирскіе князья.

От Переяславскаго княжества отдѣлилось княжество Суздальское или Владимирское, о которомъ см. въ исторіи Сѣверо-восточной Россіи.

СМОЛЕНСКОЕ КНЯЖЕСТВО.

Смоленскъ, городъ Кривичей, существовалъ до Рюрика. Олегъ на пути къ Кіеву овладѣлъ имъ, и посадилъ здѣсь своего мужа.

Смоленскъ былъ извѣстенъ Императору Греческому Константину Багрянородному.

Ярославъ предоставилъ Смоленскъ четвертому сыну Вячеславу. Онъ вскорѣ умеръ, сынъ Борисъ остался малолѣтнымъ, и Смоленскъ отданъ былъ братьями Игорю, переведенному изъ Владимира Волынскаго, а по его смерти раздѣленъ ими на три части.

Нѣсколько времени былъ Смоленскъ во владѣніи Давида Святославича (1095—1097). Потомъ достался Всеволоду и его потомству. Всеволодовъ сынъ, Мономахъ, посадилъ здѣсь сына Святослава, котораго вскорѣ вывелъ отсюда въ Переяславль. Онъ часто приходилъ сюда для распорядковъ, основалъ здѣсь церковь св. Богородицы, и завѣщалъ послѣ внуку *Ростиславу*, второму сыну старшаго его сына Мстислава.

При Ростиславѣ Смоленскъ отдѣлился совершенно отъ Кіева, и остался въ родѣ его.

Смоленское княжество заключало въ себѣ нынѣшнюю Смоленскую губернію, съ присоединеніемъ уѣздовъ — Торопецкаго отъ Псковской, Можайскаго отъ Московской, и Витебскаго отъ Полоцкой.

Ростиславу обязанъ Смоленскъ своимъ значеніемъ: онъ соорудилъ тамъ церкви, и учредилъ епископію, призвавъ епископомъ Мануила, Грека, пѣвца горазда, которому опредѣлилъ десятину изъ всѣхъ княжескихъ доходовъ, что̀ составляло слишкомъ триста гривенъ или полтораста фунтовъ серебра.

Граматы Ростиславовы, по поводу учрежденія епископіи въ Смоленскѣ, представляютъ намъ важныя данныя о княжескомъ управленіи и доходахъ въ древней Россіи.

Все время своего княженія былъ онъ ревностнымъ помощникомъ отца, дядей, и потомъ въ особенности брата Изяслава Мстиславича.

Къ отцу водилъ онъ Смоленскіе полки на Полоцкъ (1127), на Чудь (1130), на Литву (1131).

Дядѣ Вячеславу помогалъ противъ Ольговичей, и опустошилъ ихъ область около Гомія (1141).

Съ зятемъ Всеволодомъ Ольговичемъ ходилъ два раза на Галичъ (въ 1143 и 1145 г.).

Когда Изяславъ началъ искать себѣ Кіева, Ростиславъ ревностно служилъ ему: или ходилъ къ нему на Днѣпръ, или оставался мѣшать опаснѣйшему врагу его, дядѣ Юрью, на пути его изъ Суздаля, (1147—1152), мимо Смоленской области.

Въ 1147 году противникомъ его, Святославомъ Ольговичемъ, взятъ у него людъ Голядъ, вверху Протвы.

Предъ походомъ братьевъ на Волгу противъ Юрія положено было сняться всѣмъ въ Смоленскѣ.

Пришелъ Изяславъ (1149), и начались пиры въ великой любви и весельѣ, съ мужами и Смольянами. Всѣ одарились дарами великими. Изяславъ принесъ Ростиславу, что отъ Русской земли и царскихъ земель, а Ростиславъ отъ верхнихъ земель и отъ Варяговъ.

Въ этомъ году Ростиславъ принималъ дѣятельное участіе въ пораженіи Юрья Суздальскаго на Перепетовомъ полѣ, а въ слѣдующемъ году въ отраженіи отъ Чернигова.

Онъ совѣтовалъ всегда брату уступить старѣйшинство дядѣ Вячеславу, что наконецъ Изяславъ и исполнилъ (1151).

По кончинѣ брата Изяслава (1154) Ростиславъ приглашаемъ былъ дядею Вячеславомъ на Кіевскій столъ, но не могъ удержать его.

Ростиславъ пользовался такимъ значеніемъ, что многіе князья прибѣгали подъ его покровительство, напр. Рязанскіе (1155), Святославъ Володимеричъ Вщижскій (1156). Новогородцы посадили было къ себѣ его сыновей, Святослава въ Новгородъ, а Давыда на Новый Торгъ (1157).

Онъ принималъ участіе и въ Полоцкихъ дѣлахъ (1158).

Наконецъ, по смерти Юрія, призванный Ростиславъ въ другой разъ на Кіевскій столъ, предоставилъ Смоленскій сыну *Роману*.

Передъ смертію (1168) случилось ему заѣхать въ Смоленскъ на пути въ Новгородъ для примиренія сына съ Новгородцами. За триста верстъ начали встрѣчать его лучшіе мужи Смоленскіе. Потомъ встрѣтили его внуки, а наконецъ сынъ Романъ съ епископомъ Мануиломъ, и чуть ли не весь городъ, со множествомъ даровъ. Изъ Смоленска онъ продолжалъ было путь до Торопца, но воротился, застигнутый болѣзнію, снявшись съ Новогородцами на Лукахъ. Сестра Рогнѣда уговаривала его лечь въ Смоленскѣ, въ своемъ ему зданьѣ, но онъ велѣлъ везти себя въ Кіевъ къ отцу, въ его монастырь Ѳедоровъ, и умеръ на дорогѣ въ Рогнѣдинѣ селѣ.

Романъ, сынъ его, помогалъ Андрею Боголюбскому въ его рати противъ Кіева и противъ Новагорода (1169), и получилъ было на время себѣ Кіевъ, предоставивъ Смоленскъ сыну *Ярополку*, но княжилъ тамъ не долго и воротился домой.

Смоленскъ, вслѣдствіе водворенія Ростиславичей на югѣ, участвовалъ во всѣхъ Кіевскихъ событіяхъ, и походахъ на Половцевъ. Романъ скончался въ 1180 году.

Жена его, Святославля Ольговича, такъ причитала надъ его гробомъ: «многія досады прія отъ Смольянъ, и не видя тя, господине, николиже, противу ихъ зла, ни котораго зла воздающе.»

За Романомъ слѣдовалъ *Давыдъ*, проживавшій дотолѣ въ Руси. Княженіе Давыдово продолжалось семнадцать лѣтъ, (1180—1197).

И онъ имѣлъ однихъ враговъ и друзей съ братомъ Рюрикомъ Ростиславичемъ, дѣйствовавшимъ въ Русской землѣ.

Въ 1185 году рѣшенъ былъ общій походъ на Половцевъ послѣ несчастія Игорева Святославича Сѣверскаго. Давыду съ Смольянами поручено стеречь Русскія земли. Онъ остановился у Триполя, но когда Володимеръ Глѣбовичъ изъ Переяславля спросилъ помощи, Смольяне отказались идти дальше, ска-

завши на вѣчѣ: «мы шли до Кіева, и стали бъ биться, еслибы здѣсь была война, а другой войны искать намъ нельзя: мы изнемогли.»

Въ 1186 году, въ самомъ Смоленскѣ, произошла великая встань въ людяхъ, при чемъ упало много головъ лучшихъ людей.

По кончинѣ Святослава Всеволодовича, Рюрикъ сѣлъ на Кіевскій столъ (1194). Онъ пригласилъ брата Давида къ себѣ въ Кіевъ, какъ старшаго, думать о Русской землѣ. Давидъ отправился изъ Смоленска по Днѣпру, въ лодьяхъ, былъ принятъ съ великою честію, угощаемъ и самъ угощалъ Кіянъ, монастыри, Черныхъ Клобуковъ, «и ряды всѣ укончa о Русской землѣ и о братьѣ своей, о Володимери племени.»

Ростиславичи вмѣстѣ съ Великимъ княземъ Всеволодомъ Суздальскимъ, потребовали отъ Ольговичей, чтобъ они за все свое потомство отказались отъ Кіева и Смоленска; тѣ не хотѣли принимать такой обязанности, вслѣдствіе чего возникли междоусобія.

Великій князь Суздальскій уговорился дѣйствовать за одно съ Великимъ княземъ Кіевскимъ.

Зять Рюриковъ, Романъ Волынскій, принялъ въ войнѣ участіе, держа сторону Ольговичей.

Ярославъ Всеволодичъ Черниговскій прислалъ своихъ племянниковъ къ Витебску (1195), не дождавшись конца переговоровъ, вопреки условію. Они воевали Смоленскую область. Полоцкіе князья пришли на помощь къ Ольговичамъ. Давидъ выслалъ на нихъ племянника Мстислава Романовича. Противники сошлись на второй недѣлѣ поста, во вторникъ. Ольговичи отоптались въ снѣгу, потому что снѣгъ былъ великъ, и изрядили свои полки. Мстиславъ Романовичъ бросился на нихъ, и сшибся съ Ольговымъ полкомъ. Стяги Олеговы были повержены, и сынъ его Давидъ изсѣченъ. Противъ Полоцкаго полка наряженъ былъ Смоленскій полкъ съ тысяцкимъ Давидовымъ Михалкомъ. Смольяне не выдержали, оборотились назадъ. Полочане, замѣтивъ, что Мстиславъ одолѣваетъ Олега, не стали преслѣдовать ихъ, а увернувшись ударили въ тылъ полка Мстиславова. Мстислава не было тутъ: онъ загналъ впередъ за Олегомъ, считая побѣду рѣшенною, и думалъ возвратиться къ своимъ, а попалъ въ средину враговъ, которые, Полочане, и взяли его въ плѣнъ. Прочіе полки, воротясь изъ преслѣдованія и не видя своихъ стяговъ, потаенныхъ Полочанами, испугались и бѣжали въ Смоленскъ къ Давыду. Тогда воротился и Олегъ, выпросилъ себѣ отъ Полочанъ плѣненнаго Мстислава Романовича, и послалъ вѣсть къ дядѣ Ярославу въ Черниговъ, зовя его противъ Давида: «полкъ его побѣдили, Мстислава взяли въ плѣнъ, и сказываютъ Смольяне, изойманые, что братья ихъ живутъ не добре съ Давыдомъ. Лучше этого времени не выбрать для нападенія.» Они всѣ сбирались-было пуститься къ Смоленску изъѣздомъ.

Но Рюрикъ послалъ къ Ярославу Черниговскому на встрѣчу изъ Вручаго крестныя грамоты: «если ты поѣхалъ убить моего брата и обрадовался случаю, то ты соступился ряду и нарушилъ крестное цѣлованіе. Вотъ тебѣ крестныя грамоты. Ступай къ Смоленску, а я приду къ Чернигову. Пусть насъ разсудитъ Богъ.»

Ярославъ, получивъ ихъ, воротился отъ Смоленска, и винилъ за Витебское дѣло Давида, который помогалъ зятю своему.

И въ слѣдующемъ году воевана была Смоленская область Романомъ Волынскимъ, союзникомъ Ольговичей.

Великій князь Всеволодъ выступилъ наконецъ (1196) * въ походъ противъ Ольговичей со многою силою, и соединился съ Давидомъ Смоленскимъ. Ольговичи смирились и приступили съ мольбами къ Всеволоду о мирѣ. Онъ согласился съ условіемъ, чтобъ имъ не искать Кіева отъ Рюрика, и отъ Давыда Смоленска,—къ неудовольствію сего послѣдняго, ибо онъ не хотѣлъ, чтобъ миръ былъ заключенъ отдѣльно отъ Рюрика. «Давидъ же не любяшеть мира, но пущаяетъ и поити къ Чернигову, река ему: Како еси былъ умолвилъ съ братомъ своимъ Рюрикомъ и со мною, аже совокупитися у Чернигова всимъ, да любо быхомъ умирилися вси на всей волѣ своей; ты же нынѣ ни мужа своего еси послалъ ко брату своему Рюрикови, и ни своего прихода повѣдаеши ему, ни моего; а умолви съ нимъ мужемъ своимъ, а переже весны доспѣвъ сѣдѣти и воеватися со Олговичи, а вѣсти отъ тебя ждати правоѣ. Онъ же нынѣ воюеться съ ними, и волость свою зажеглъ тебѣ дѣля; а нынѣ безъ его думы хочемъ миритися. А, брате, повѣдаю ти, сего ти мира здѣ не улюбить братъ мой Рюрикъ.»

Походъ прервался. Давидъ возвратился въ Смоленскъ и вскорѣ скончался въ 1197 г. апрѣля 25. Онъ положенъ въ церкви Бориса и Глѣба, основанной его отцемъ. Больнаго себя велѣлъ онъ несть туда въ монастырь на Смядинѣ, и принялъ тамъ минишескій чинъ.

* См. исторію Черниговскаго и Кіевскаго княжества.

Давидъ предъ кончиною столъ свой отдалъ племяннику *Мстиславу Романовичу*, а сына Константина послалъ въ Русь, брату Рюрику на руки.

Мстиславъ Романовичъ склонялся нѣсколько времени на сторону Ольговичей и просилъ въ томъ прощенія у Великаго князя Суздальскаго (1205).

Онъ ходилъ съ Ольговичами на Галичь (1206).

Но когда Чермный хотѣлъ выгнать изъ Руси всѣхъ Ростиславичей, то онъ принялъ участіе съ Смольянами въ общемъ ополченіи князей противъ него, подъ предводительствомъ знаменитаго Мстислава Новогородскаго, который не задолго предъ тѣмъ изъ Торопца, Смоленскаго удѣла, явился въ Новгородъ, и рѣшилъ вскорѣ распрю его съ Переяславскимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ.

На дорогѣ Смольяне поссорились съ Новгородцами, которые убили у нихъ одного человѣка.

Мстиславъ побѣдилъ и посадилъ на Кіевскій столъ Смоленскаго Мстислава Романовича.

Въ Смоленскѣ сѣлъ двоюродный братъ его *Давыдовичъ Мстиславъ* (1212).

Ему принадлежитъ примѣчательный торговый договоръ (1228) съ Ригою, Готландомъ и Нѣмецкими городами, изъ котораго видна обширная заграничная торговля Смоленска.

Изъ удѣловъ Смоленскихъ извѣстенъ Торопецъ, (въ которомъ княжилъ знаменитый Мстиславъ, перешедшій отсюда въ Новгородъ, а послѣ въ Галичь), Витебскъ, Красный.

ВЛАДИМИРО-ВОЛЫНСКОЕ КНЯЖЕСТВО.

Владиміръ именемъ показываетъ свое основаніе В. К. Володимеромъ Святымъ.

Онъ находился въ странѣ Древлянъ, имѣвшихъ еще, сколько извѣстно, города Вручій (Овручъ) и Коростенъ.

По Ярославову дѣленію Владимирское княжество получилъ пятый сынъ Игорь, переведенный въ Смоленскъ, на мѣсто умершаго брата Вячеслава (1057).

Владиміръ поступилъ тогда, вѣроятно, во владѣніе Великаго Князя Кіевскаго Изяслава.

Братъ его, за нимъ слѣдовавшій, Всеволодъ, отдалъ Владиміръ племяннику Ярополку Изяславичу (1078).

Ярополкъ отлучился къ дядѣ Всеволоду въ Кіевъ, на великъ день въ 1084 году. Воспользуясь его отсутствіемъ, двое Ростиславичей выбѣжали изъ Владимира, гдѣ, видно, жили на хлѣбахъ у Ярополка, — и потомъ пришли съ воями и согнали его со стола. Всевододъ прислалъ тогда сына Мономаха возстановить порядокъ, что тотъ успѣшно и исполнилъ. Ростиславичи должны были удалиться. Въ этомъ же году Всеволодъ отдалъ Владимирскій городъ Дорогобужъ Давыду Игоревичу, а города Червенскіе, къ области Владимирской прежде принадлежавшіе, Ростиславичамъ (1084), которые приставали къ нему за волостями.

Ярополкъ, «послушавъ злыхъ совѣтникъ», — можетъ быть, за этотъ выдѣлъ собрался идти на дядю, но тотъ предупредилъ его, приславъ опять съ воями сына Мономаха. Владимирскій Князь бѣжалъ въ Ляхи, оставивъ жену и дружину въ Луцкѣ. Мономахъ подступилъ къ Луцку, и Лучане сдались ему. Онъ отправилъ мать, жену и дружину Ярополкову въ Кіевъ, а во Владимирѣ посадилъ Давыда Игоревича изъ Дорогобужа.

Въ слѣдующемъ году (1086), Ярополкъ возвратился изъ Ляховъ, (вѣроятно съ помощью), и заключилъ миръ съ Мономахомъ, который предоставилъ ему опять Владимиръ.

Пересѣдѣвъ мало дни во Владимирѣ, онъ поѣхалъ за чѣмъ-то въ сосѣдній Звенигородъ. «Лежащю и ту на возѣ, саблею съ коня прободе и (проклятый Нерадецъ), мѣсяца Ноября въ 22-й день, и тогда воздвигнувся Ярополкъ, выторгну изъ себе саблю, и возопи великимъ гласомъ: охъ, тотъ мя враже улови.» Тѣло Ярополково отроки его Радко, Вънкинъ и многіе другіе, положили на коня передъ собою, и отвезли во Владимиръ, а послѣ въ Кіевъ. *

Было ли это убійство дѣйствіемъ личной вражды, или по чьему наученію, остается неизвѣстнымъ. Ростиславичи подозрѣваются

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 107.

потому, что убійца нашелъ убѣжище въ Перемышлѣ у старшаго изъ нихъ, Рюрика, и Великій Князь Всеволодъ ходилъ вскорѣ войною къ Перемышлю; но они не получили никакой пользы отъ смерти Ярополковой. На Давыда Игоревича падаетъ подозрѣніе, потому что ему достался Владимиръ, и что онъ хотѣлъ овладѣть и Червенскими городами (1086).

Прошло нѣсколько лѣтъ. Давыдъ владѣлъ Владимиромъ, Ростиславичи Червенскими городами, а на Днѣпрѣ происходили междоусобныя войны, съ одной стороны, между В. Кн. Святополкомъ и Мономахомъ, а съ другой стороны—Святославичами, войны, подавшія поводъ къ Любецкому съѣзду (1095). На этомъ съѣздѣ, между прочимъ, были утверждены владѣнія—за Давыдомъ Владимиръ, за Володаремъ Перемышль, за Василькомъ Теребовль.

Но не успѣли разъѣхаться князья, какъ возникли между ними новые раздоры. Владимирскій Князь Давыдъ Игоревичъ, по навѣтамъ своихъ бояръ, возбудилъ В. К. Святополка противъ Василька, якобы угрожавшаго его Владимиру, въ союзѣ съ Мономахомъ, думающимъ о Кіевѣ. *

Василько былъ заманенъ во дворъ къ Великому Князю, и тамъ ослѣпленъ.—Давыдъ увезъ его во Владимиръ, «аки нѣкій уловъ уловивъ,» и посадилъ его во дворѣ Викѣевѣ, приставивъ стеречь его 30 мужей и двухъ отроковъ: Улана и Колчко.

Всѣ князья возстали на Святополка за совершенное злодѣяніе. Тотъ сослался на Давыда, и ему поручено было изгнать виноватаго.

Тогда Давыдъ въ страхѣ предъ угрожавшимъ нападеніемъ старался умилостивить Василька, и предлагалъ ему города Всеволожъ, Треполь или Перемышль *, съ тѣмъ, чтобъ онъ убѣдилъ братьевъ прекратить свои вооруженія.

Между тѣмъ слухи о походѣ князей замолкли, и Давыдъ вздумалъ исполнить прежнее, можетъ быть, свое намѣреніе, и отнять у Ростиславичей ихъ удѣлы, принадлежавшіе первоначально къ Владимиру, но былъ встрѣченъ Володаремъ, заперся въ Бужскѣ, и принужденъ былъ выдать Василька.

Въ слѣдующемъ году братья пришли войною, взяли городъ Всеволожъ копьемъ, и зажгли огнемъ, люди бѣжали огня, и были изсѣчены по повелѣнію Василька, который сотворилъ мщеніе на людяхъ неповинныхъ.

Потомъ подступили братья подъ Владимиръ и послали сказать жителямъ: мы пришли ни на вашъ городъ, ни на васъ, но на своихъ враговъ: Туряка, Лазаря и Василя. Они намолвили Давыда, который послушался ихъ и сотворилъ зло. Хотите ли биться за нихъ, мы готовы, а если не хотите, то выдайте ихъ. Граждане созвали вѣче и сказали Давыду: выдай сихъ мужей, мы не хотимъ биться за нихъ, «а за тя битися можемъ.» Если же ты не хочешь ихъ выдать, такъ мы отворимъ ворота, «а самъ промышляй о себѣ.» Давыдъ отвѣчалъ: ихъ нѣтъ здѣсь, и послалъ ихъ въ Луцкъ. Турякъ убѣжалъ оттуда въ Кіевъ, а Лазарь и Василь воротились въ Туріискъ. Люди, узнавши, что они въ Туріискѣ, кликнули на Давыда и сказали: выдай кого ти хотятъ, а если нѣтъ, то предаемся. Давыдъ послалъ за Василемъ и Лазаремъ, и выдалъ ихъ Ростиславичамъ. Миръ былъ заключенъ

* См. въ исторіи Кіевскаго, с. 112, и Галицкаго княжествъ.

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 115.

немедленно, въ воскресенье. Поутру на зарѣ Василь и Лазарь были повѣшены и разстрѣляны стрѣлами. «Се второе мщеніе створи-(ша), его же не бяше лѣпо створити, говоритъ лѣтописецъ, дабы Богъ отмѣстникъ былъ.» Ростиславичи отошли отъ города.

Едва успѣлъ Давыдъ избавиться отъ одного врага, какъ явился другой—Святополкъ, В. К. Кіевскій, обратившійся за помощью къ Ляхамъ, у которыхъ просилъ ея и Давыдъ. Ляхи провели обѣщаніями обоихъ. Святополкъ осадилъ Давыда во Владимирѣ, и по семинедѣльной осадѣ принудилъ его оставить свое княжество, въ великую субботу, 1099 года.

Изъ Владимира пошелъ было онъ на Ростиславичей, но былъ разбитъ ими, и возвратился во Владимиръ, гдѣ посадилъ сына своего Мстислава, рожденнаго отъ наложницы, а другаго сына Ярослава послалъ въ Угры за помощью.

Выгнанный Давыдъ ушелъ черезъ Червенъ въ Ляхи.

Не найдя помощи у Ляховъ, онъ отправился къ Половцамъ, и по дорогѣ примирился съ Володаремъ, у котораго оставилъ и жену. Половцы уже шли къ нему приглашенные. Они вмѣстѣ съ Давыдомъ поспѣшили на помощь къ осажденному въ Перемышлѣ Володарю Уграми, которыхъ привелъ Ярославъ Святополчичъ. Угры были разбиты *, и побѣдители явились подъ Владимиромъ. Мстиславъ былъ убитъ стрѣлою на заборолѣхъ. Но помощь, пришедшая изъ Кіева, рѣшила дѣло, впрочемъ не надолго. Давыдъ, принужденный бѣжать, воротился съ новою Половецкою помощью, и взялъ Владимиръ, изгнавъ Святополковыхъ посадниковъ. Онъ просилъ себѣ суда. На Увѣтицкомъ сеймѣ (1100 г. Августа 10) Давыдъ лишенъ стола Владимирскаго за ослѣпленіе Василька, и получилъ себѣ въ удѣлъ городъ Бужскъ, съ придачею отъ Святополка Дубна и Черторыйска, да отъ Мономаха и Святославичей по 200 гривенъ.

Владимиръ отданъ сыну В. К. Кіевскаго, Ярославу.

Въ 1102 обманомъ захватилъ этотъ князь бѣжавшаго двоюроднаго брата Ярослава Ярополчича на Нурѣ, и привелъ къ отцу въ Кіевъ.

Въ 1111 принималъ участіе въ походѣ на Половцевъ.

Въ продолженіи слѣдующихъ двухъ годовъ (1112 и 1113) Ярославъ ходилъ на Ятвяговъ, дикое литовское племя, жившее въ лѣсахъ, по сѣверозападнымъ границамъ Владимирскаго княжества.

Онъ женился на внукѣ Мономаховой, дочери старшаго сына его Мстислава, но жилъ съ нею нехорошо, за что въ 1117 году подвергся нападенію Великаго князя. 60 дней продолжалася осада. Ярославъ покорился и получилъ миръ. Наказавъ его Владимиръ о всемъ, «веля ему къ собѣ приходити, когда тя позову.» Въ слѣдующемъ году Ярославъ отослалъ однакожъ свою жену, за что дѣдъ пошелъ на него снова ратью. Бояре оставили Ярослава, и онъ принужденъ былъ бѣжать оттуда къ Болеславу супругу сестры своей Сбыславы, въ Угры, Мономахъ отдалъ Владимиръ сыну Роману, а по скорой его смерти—другому сыну Андрею (1119).

Въ 1121 году приходилъ Ярославъ къ Червену, искать своей отчины, но безъ успѣха.

Въ 1123 году привелъ онъ къ Владимиру многочисленное ополченіе, Ляховъ,

* См. въ исторіи княжества Кіевскаго, с. 117.

Чеховъ, Угровъ, къ которымъ присоединились и Ростиславичи; онъ надѣялся скоро взять городъ. Однажды, въ воскресенье рано поутру, разъѣзжая самъ третей подъ стѣнами, онъ бранилъ людей съ княземъ Андреемъ и говорилъ: это городъ мой. Если вы не предадитеся и не выйдете съ поклономъ, то увидите, что будетъ. Я приступлю завтра и возьму городъ. Между тѣмъ какъ онъ грозился такъ, готовилася ему смерть. Два Ляха, вѣроятно имъ оскорбленные, стерегли его въ засадѣ, на пути возвращенія въ свои товары, и выскочивъ оттуда, когда онъ показался на ввозѣ, прокололи оскепомъ. Въ ту же ночь онъ умеръ (1123). Владимиръ остался за Андреемъ Володимеровичемъ, который перешелъ отсюда по смерти старшаго брата, В. К. Мстислава (1132), въ Переяславль, а Владимиръ, по распоряженію слѣдовавшаго брата его В. К. Ярополка, былъ предоставленъ старшему Мстиславову сыну Изяславу.

Изяслава новый В. К. Всеволодъ Ольговичъ (1139) перевелъ также въ Переяславль; Владимиръ же отдалъ онъ сыну Святославу, за что и началась у него война съ Галицкимъ княземъ Володимеркомъ,* имѣвшимъ виды на эту волость.

Святославъ выведенъ былъ оттуда Изяславомъ Мстиславичемъ, когда сей послѣдній слѣлался Великимъ княземъ (1146). Ему дано было въ удѣлъ нѣсколько мелкихъ городовъ на Волыни: Бускъ, Котельница, Межибожье, впрочемъ не надолго. Онъ ушелъ къ себѣ на родину въ Черниговъ, а эти города отданы были В. К. Изяславомъ Ростиславу Георгіевичу.

Вячеславъ дядя получилъ тогда Пересопницу вмѣсто принадлежавшаго ему Турова.

* См. въ исторіи Галицкаго княжества.

Хотя Изяславъ добылъ себѣ Кіева, но онъ сидѣлъ тамъ не спокойно, и нѣсколько разъ находилъ убѣжище во Владимирѣ, откуда, въ связи съ Уграми, опять начиналъ свои поиски, оставляя во Владимирѣ брата или сына.

Въ 1149 году, разбитый дядею Юріемъ Долгорукимъ, прибѣжалъ онъ во Владимиръ только съ женою, дѣтьми и митрополитомъ Климомъ. Онъ отнесся за помощью къ Уграмъ, Чехамъ и Полякамъ, которые по родству и пришли на его зовъ. Болеславъ, король Польскій, въ Луцкѣ, возвелъ многихъ дѣтей боярскихъ въ рыцарское достоинство, «ту пасаше Болеславъ сыны боярскы мечемъ многы».

В. К. Георгій Долгорукій поспѣшилъ встрѣтить своихъ враговъ. Онъ пришелъ къ брату Вячеславу въ Пересопницу. Туда спѣшила и Галицкая помощь съ Володимеркомъ. Изяславъ выступилъ изъ Луцка и расположился станомъ у села Чемерина, близъ города Олыни. Между тѣмъ союзники, Угры и Ляхи, получили неблагопріятныя извѣстія изъ дома, и должны были думать объ отступленіи, что было весьма нелюбо Изяславу. Они хотѣли впрочемъ на прощаньѣ примирить противныя стороны. Юрій и Вячеславъ отвѣчали, что они готовы мириться, но прежде иноплеменники должны были уйдти изъ Русской земли.

Союзники ушли, Изяславъ долженъ былъ воротиться во Владимиръ. Начались переговоры, которые не привели къ желанному концу, потому что Юрій не соглашался по требованію Изяславову возвратить Новогородцамъ дани: «выжену Изяслава,» говорилъ онъ, «а волость его всю переиму.» Онъ пошелъ къ Луцку. Начались сраженія. Изяславъ пришелъ на помошь изъ Владимира.

Но Володимерко Галицкій сталъ на Полоной между Владимиромъ и Луцкомъ, «и тако разъѣха ѣ.» Изяславъ прислалъ ему сказать: «введи меня въ любовь къ стрыеви моему и своему свату Дюргеви: язъ во всемъ виноватъ передъ Богомъ и передъ нимъ.» Ростиславъ Юрьевичъ и Юрій Ярославичъ были противъ него, а Андрей Боголюбскій вмѣстѣ съ Володимеркомъ Галицкимъ приняли его сторону. * Мира хотѣлъ и старшій братъ Юрьевъ, Вячеславъ. Онъ былъ заключенъ въ Пересопницѣ. Изяславъ уступалъ Юрью Кіевъ, а Юрій возвращалъ всѣ дани Новогородскія по желанію Изяслава.... пограбленное по Переяславскомъ полку, стада или челядь, должно было быть возвращено хозяевамъ.

Изяславъ за своими стадами и своимъ товаромъ послалъ мужей своихъ и тіуновъ, а мужи одни поѣхали сами, другіе послали также своихъ тіуновъ. Юрій не управилъ ничего, и мужи воротились ни съ чѣмъ. Тогда Изяславъ послалъ къ Вячеславу и Юрію жалобу: «се, брате, на томъ есмы хрестъ цѣловали, кому свое познаваючи имати; нынѣ же, брате, оже хощеши хресту управити, то дай ны Богъ пожити; не хощеши ли управити, а то узримъ.»

Изяславъ началъ тотчасъ военныя дѣйствія, изъѣхалъ сына Юрьева Глѣба въ Пересопницѣ, и отпустилъ его за Корческъ, сказавъ: это волость моя по Горыню. Потомъ отправился къ Чернымъ Клобукамъ, занялъ внезапно Кіевъ, откуда Юрій бѣжалъ, сговорился съ дядею Вячеславомъ,—но усидѣлъ не долго, и подоспѣвшимъ на помощь Юрью Володимеркомъ, въ свою очередь, принужденъ былъ бѣжать обратно во Владиміръ. * И тамъ стало ему хуже, ибо Володимерко, возвращаясь изъ-подъ Кіева, занялъ города Волынскіе, и хотѣлъ-было овладѣть Луцкомъ. Отраженный, отошелъ онъ въ Галичъ, продолжая грозить Владимирскому князю.

Въ Пересопницѣ посадилъ онъ сына Юрьева Мстислава, замѣненнаго на осень (1150) другимъ сыномъ, Андреемъ (Боголюбскимъ), который получилъ вмѣстѣ и Туровъ съ Пинскомъ.

Изяславъ не могъ сдѣлать ничего противъ Андрея, и избралъ на время другой образъ дѣйствій, просилъ Андрея убѣдить отца о предоставленіи ему страны по Горыню, впрочемъ не унывалъ, и послалъ къ Венгерскому королю Гейзѣ брата Владимира звать на Галичъ, что тотъ и исполнилъ, но былъ упрошенъ прекратить войну. **

Собравшись снова идти на Кіевъ, Изяславъ послалъ опять брата въ Угры за помощью, и съ приведенными десятью тысячами Угровъ началъ походъ. Уклоняся отъ встрѣчи съ подоспѣвшимъ Володимеркомъ, онъ преодолѣлъ всѣ препятствія и занялъ въ третій разъ Кіевъ.

Володимерко, разсерженный оплошностью Юрья, ушелъ домой, собирая подать со всѣхъ городовъ Волынскихъ по пути. Женщины должны были вынимать серьги изъ ушей и гривны съ шеи.

Изяславъ хотѣлъ совершенно изгнать Юрья изъ Русской земли, и просилъ новой помощи у короля, но ведомые сыномъ Мстиславомъ Угры были разбиты въ Сапогынѣ.

* См. въ исторіи Галицкаго княжества.

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 161.

** См. въ исторіи Галицкаго княжества.

Мстиславъ бѣжалъ въ Луцкъ. Однако Изяславъ справился и одинъ, и заставилъ наконецъ Юрья окончательно удалиться въ Суздаль (1151).

Покончивъ съ Юрьемъ, онъ хотѣлъ покончить также и съ Володимеркомъ, надоѣдавшимъ ему не меньше Юрья. Король пришелъ наконецъ по его вызову, и они вмѣстѣ притѣснили Володимерка такъ, что тотъ смирился, и обѣщался возвратить Изяславу Волынскіе города. Король далъ ему миръ подъ этимъ условіемъ, не смотря на возраженія Изяслава.

Но лишь только король и Изяславъ отошли отъ Галича, какъ Володимерко и измѣнилъ своему слову: Изяславъ опредѣлилъ посадниковъ въ Бужскъ, Шумскъ, Тихомль, Выгошевъ, Гойницу, но Володимерко не пустилъ ихъ туда. Изяславъ послалъ къ нему съ повтореніемъ требованія мужа, при которомъ дѣятельный князь Галицкій, непримиримый врагъ Владимирскаго, скончался (1152).

Сынъ Ярославъ обѣщался исполнить требованія Изяслава, и также не исполнилъ, за что тотъ ходилъ на него ратью, и одержалъ передъ своею кончиною побѣду, но не рѣшительную.

Во Владимирѣ посадилъ Изяславъ тогда сына Ярослава, а Мстиславъ находился при немъ въ Переяславлѣ, гдѣ и остался по прибытіи въ Кіевъ призваннаго дяди, В. К. Ростислава. Но имъ обоимъ не посчастливилось, и Мстиславъ воротился изъ Переяславля на Волынь, сперва въ Луцкъ, а потомъ въ Пересопницу. *

Юрій Суздальскій, заклятой врагъ его отца, овладѣвъ великимъ княжествомъ, хотѣлъ выгнать его и оттуда, и посылалъ вои, такъ что Мстиславъ долженъ былъ отправиться за помощью въ Ляхи, оставя въ Луцкѣ брата Ярослава.

Дядя Ростиславъ Смоленскій, сойдясь съ Великимъ княземъ Кіевскимъ, примирилъ его съ племянниками, которые на зовъ его приходили въ Кіевъ съ своими полками и цѣловали крестъ. Только Мстиславъ не поѣхалъ, опасаясь, чтобъ Юрій не захватилъ его. Юрій обнадежилъ его въ любви, и послалъ къ нему мужа съ крестнымъ цѣлованіемъ.

Владимирское княжество, оставшись въ родѣ Изяслава, раздѣлилось между его сыновьями, Мстиславомъ и Ярославомъ, и братомъ Володимеромъ, на три удѣла: Владимиръ, Луцкъ и Пересопницу, (кромѣ Дорогобужа, принадлежавшаго Володимеру Андреевичу), и представило тотчасъ обыкновенныя явленія времени, то-есть междоусобія.

Мстиславъ Изяславичъ напалъ изъѣздомъ (1156) на дядю Володимера, взялъ въ плѣнъ жену и мать его, и отправилъ въ Луцкъ, всадивъ я на возы, дружину ограбилъ, и отнялъ весь товаръ, привезенный не за долго предъ тѣмъ Мстиславлею, вдовою, изъ Угоръ, отъ дочери—королевы. Володимеръ бѣжалъ въ Перемышль.

Но не долго былъ спокоенъ и Мстиславъ во Владимирѣ. На него пришелъ В. К. Юрій вмѣстѣ съ Ярославомъ Галицкимъ, ища по обѣщанію Владимирѣ для племянника своего Володимера Андреевича, котораго отецъ, меньшій сынъ Мономаховъ, княжилъ нѣсколько времени во Владимирѣ. Володимеръ ходилъ было изъ-подъ Владимира на Червенъ, и приглашалъ жителей отворить ему ворота: «язъ есмь не ратью пришелъ къ вамъ, зане

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 175.

есте людіе милін отцу моему, а язъ вамъ свой княжичъ.» Въ отвѣтъ «одинъ съ города, потягнувъ, удари его стрѣлою въ горло, но не смертельно. Въ гнѣвѣ онъ повелъ воевати много вокругъ.»

Между тѣмъ Юрій, простоявъ десять дней подъ Владиміромъ, и бившись крѣпко, не могъ взять его и отступилъ. Мстиславъ преслѣдовалъ его до Дорогобужа, «воюя и жга села, и много зла створи.» Юрій, пришедъ въ Дорогобужъ, сказалъ племяннику: я обѣщался отцу твоему и тебѣ искать Владимира, «аче ти есмь Владимира не добылъ, а се ти волость,» — и далъ ему Дорогобужъ, Пересопницу и всѣ Погорынскіе города.

Мстиславъ Изяславичъ ходилъ въ слѣдующемъ году (1158) помогать Изяславу Давыдовичу Черниговскому на Юрья, который внезапно умеръ, и Изяславъ Давыдовичъ сдѣлался Великимъ княземъ.

Не долго впрочемъ былъ Мстиславъ въ дружбѣ и съ нимъ, принявъ сторону Ярослава Галицкаго, который требовалъ выдачи Берладника. Мстиславъ, զарившійся, подобно своему отцу, на Кіевъ, предводилъ всѣми союзными полками, и пошедъ на Великаго князя, занялъ Бѣлгородъ. Берендичи и Торки, находившіеся въ станѣ Великаго князя, измѣнили ему, и вошли въ переговоры съ Мстиславомъ: «аще ны хощеши любити, якоже ны есть любилъ отецъ твой, и по городу ны даси по лѣпшему, то мы на томъ отступимъ отъ Изяслава.» Мстиславъ радъ былъ этой рѣчи, послалъ къ нимъ отрока своего Олбыря Шерошевича, «и яся имъ по всю волю ихъ, и ротѣ къ нимъ ходи.»

Изяславъ, преданный, долженъ былъ бѣжать, а Мстиславъ, Володимеръ (Андреевичъ) и Ярославъ заняли Кіевъ, Декабря 22. Мстиславу досталось много товара Изяславовой дружины, золота и серебра, челяди, коней и скота, и все спровадилъ онъ во Владиміръ.

На Кіевскій столъ призванъ былъ опять дядя Ростиславъ Смоленскій, съ которымъ Мстиславъ много спорилъ о митрополитѣ. Ростиславъ не хотѣлъ Клима, а Мстиславъ не хотѣлъ Константина. Рѣшено было отстранить обоихъ, и звать третьяго изъ Царяграда. Владимірскій князь получилъ себѣ однакожь нѣсколько городовъ въ Кіевской области.

Мстиславъ помогъ Великому князю въ 1161 году, при нападеніи на него Изяслава Давыдовича, но вскорѣ «розгнѣвався на стрыя своего Ростислава, и много рѣчи вста межи ими.» Сынъ Ростиславовъ Давидъ захватилъ посадника Мстиславова въ Торческѣ. Мстиславъ осадилъ и Володимера Андреевича въ Пересопницѣ, веля ему отступити отъ Ростислава, но тотъ не согласился, и Мстиславъ воротился во Владиміръ.

Володимеръ Мстиславичъ, изгнанный изъ Пересопницы, * овладѣлъ было Слуцкомъ, но не на долго, и братъ Ростиславъ далъ ему у себя Триполь съ четырьмя городами.

Въ 1163 дядя и племянникъ помирились. Ростиславъ возвратилъ ему отнятые города, а за Триполь далъ Каневъ.

Въ 1168 г. Мстиславъ изъ Владиміра, Ярославъ изъ Луцка, Ярополкъ изъ Бужска, Володимеръ Андреевичъ изъ Пересопницы, приходили къ Великому князю въ Кіевъ, а оттуда къ Каневу, «доидеже взыде Гречникъ и Залозникъ.»

* См. выше, с. 258.

По смерти Великаго князя Ростислава братья послали за Мстиславомъ во Владимиръ, и онъ занялъ великокняжескій столъ, столько имъ желанный, а Владимиръ достался брату его, Ярославу Луцкому (1169).

Не долго впрочемъ усидѣлъ Мстиславъ въ Кіевѣ. Онъ возставилъ противъ себѣ сильнаго князя Владимирскаго Андрея, особенно за то, что противъ его воли отпустилъ сына Романа княжить къ Новогородцамъ. Андрей прислалъ на него многочисленную рать, къ которой должны были присоединиться всѣ почти южные князья, и Мстиславъ, по отчаянномъ сопротивленіи, спасся бѣгствомъ во Владимиръ.

На слѣдующій годъ онъ ходилъ на Кіевъ съ братомъ Ярославомъ и Галицкою помочью, имѣлъ нѣкоторые успѣхи, но, вслѣдствіе отбытія Галичанъ, не могъ тамъ удержаться, и опять воротился во Владимиръ, гдѣ вскорѣ и умеръ, учинивъ ряды съ братомъ Ярославомъ, о дѣтяхъ, да не подозрѣетъ волости подъ ними.

Владимиръ наслѣдовалъ (1171) сынъ его, молодый Романъ Волынскій, прибывшій изъ Новагорода, по славной своей побѣдѣ надъ полками Андрея Боголюбскаго. Это былъ знаменитѣйшій изъ князей Волынскихъ. Онъ женился на дочери В. К. Кіевскаго Рюрика Ростиславича.

Романъ имѣлъ многія войны съ дикими Ятвягами, племенемъ Литовскимъ, и прославился между ними своими жестокостями, о коихъ осталось воспоминаніе въ пословицѣ: «злѣ Романе робишь, якъ Литвиномъ орешь.»

Узнавъ о неудовольствіи Галичанъ на своего князя Володимера, сына Ярославова, подговорилъ ихъ выгнать его, что̀ тѣ и исполнили. Призванный ими на княженіе, отдалъ свой Владимиръ брату Всеволоду, княжившему въ Бельзѣ (1188).

Въ Галичѣ ему однако не посчастливилось, и онъ долженъ былъ бѣжать оттуда предъ ратью Угорскою, подъ предводительствомъ короля Белы, который принялъ подъ свое покровительство Галицкаго князя.

Владимира братъ ему не отдалъ, и онъ бѣжалъ къ Ляхамъ, съ которыми былъ въ родствѣ, и наконецъ къ тестю, Рюрику Ростиславичу, В. К. Кіевскому. Послѣ разныхъ превратностей, неудачъ, онъ возвратилъ наконецъ себѣ Владимиръ (1195).

Рюрикъ далъ ему еще нѣсколько городовъ въ Русской землѣ, вѣроятно, за какіе-либо труды его въ отношеніи къ Литовцамъ или къ Половцамъ.

Города эти были взяты назадъ вслѣдствіе требованія В. К. Всеволода, впрочемъ съ его согласія, что было источникомъ вражды Романовой къ Рюрику. *

Романъ присталъ къ Ольговичамъ, и звалъ ихъ на Кіевъ. Рюрикъ прислалъ ему крестныя грамоты. Онъ обратился за помощью къ Казимеричамъ, своимъ двоюроднымъ братьямъ, долженъ былъ принять тамъ участіе въ ихъ войнѣ противъ дяди Мечислава, былъ разбитъ имъ, и явился къ Рюрику съ повинною головою, получилъ отъ него Полоный и полъ-Торческа Русскаго, а вслѣдъ за тѣмъ присталъ опять къ Ольговичамъ.

Область его была за то разорена около Перемиля и Каменца, союзниками, а на сѣверозападѣ Ятвягами, которыхъ впрочемъ онъ поспѣшилъ наказать.

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 201.

Между тѣмъ Володимеръ Ярославичъ Галицкій умеръ, и Романъ съ помощію союзныхъ съ нимъ Ляховъ занялъ въ другой разъ Галичъ (1197).

Съ этого времени Владимирское княжество дѣлило участь Галицкаго, * и переходя изъ рукъ въ руки, долго принадлежало племянникамъ Романовымъ, Александру и Всеволоду Всеволодовичамъ, а наконецъ досталось сыну Романову Даніилу, который женился на дочери Мстислава Галицкаго, и служилъ ему во всѣхъ войнахъ съ Уграми, Ляхами и прочими врагами.

Когда Даніилъ получилъ Галичъ, тогда Владимиръ сдѣлался удѣломъ брата его Василька.

* См. исторію Галицкаго княжества.

Иноземцы вотъ какъ описываютъ Владимиръ: «Яко така града не изобрѣтохъ ни въ нѣмечкыхъ странахъ, тако сущу оружникомъ стоящимъ на немъ, блистахуся щиты и оружници подобни солнцю.»

Отъ Владимирскаго княжества отдѣлилось Луцкое, потомъ Бельзское, Червенское, а прежде Дорогобужъ, Пересопница, Овручъ. Князья ихъ, которыхъ число умножилось, какъ и въ прочихъ Русскихъ княжествахъ, участвовали въ войнахъ Галицкихъ, Кіевскихъ, равно какъ и въ походахъ на Половцевъ.

Кромѣ двухъ сыновъ Романовыхъ, Даніила и Василька, осталось потомство отъ дяди его, Ярослава, имѣвшаго сыновей: Всеволода, Ингваря, Мстислава, Изяслава, —и отъ брата Всеволода, съ его сыновьями: Александромъ и Всеволодомъ.

ГАЛИЦКОЕ КНЯЖЕСТВО.

Области, составляющія Галицкое княжество, самое западное изъ всѣхъ Русскихъ княжествъ, смѣжныя съ Польшею и Венгріей, по склонамъ Карпатскихъ горъ, были покорены первоначально Володимиромъ Святымъ (981), и присоединены къ его Кіевскому великокняжескому столу.

По его кончинѣ овладѣлъ было ими на нѣсколько времени Болеславъ король Польскій, возвращаясь изъ Кіева (1018), гдѣ онъ помогалъ зятю своему Святославу, но послѣ него были возвращены снова В. К. Ярославомъ при помощи брата его Мстислава Тмутораканскаго (1031).

По раздѣлу Ярославову Червенскіе города принадлежали къ Владимирскому на Волыни княжеству, которое было предоставлено меньшему его сыну Игорю (1054), вскорѣ переведенному въ Смоленскъ, и тамъ умершему (1060).

Игореву волость принялъ во владѣніе старшій братъ его, Великій князь Кіевскій Изяславъ, а послѣ него она досталась Всеволоду.

Всеволодъ (1078) отдалъ Владимиръ старшему сыну убитаго за него брата, своему племяннику, Ярополку Изяславичу. Червенскіе же города внучатнымъ племянникамъ, Ростиславичамъ, которые оставались послѣ отца, погибшаго въ Тмуторакани (1066), безъ владѣнія, жили въ домѣ Ярополка, и ходили на промыслъ, въ Тмуторакань (1081), и на Владимиръ (1084),—Рюрику, Володарю и Васильку.

Такой выдѣлъ не могъ быть пріятенъ Владимирскому князю, Ярополку Изяславичу, который возсталъ было и на В. К. Всеволода, но былъ смиренъ его сыномъ Мономахомъ. *

Ростиславичей подозрѣваютъ даже въ предательскомъ убіеніи Ярополка на пути въ Звенигородъ (1087), послѣ распри и примиренія его съ В. К. Кіевскимъ, на томъ основаніи, что убійца, Нерадецъ, нашелъ убѣжище у Перемышльскаго князя Рюрика, за что В. К. Всеволодъ ходилъ на него войною.

На Любецкомъ съѣздѣ, (1097), за Ростиславичами утверждена была ихъ волость, данная В. К. Всеволодомъ: за Володаремъ Перемышль, за Василькомъ Теребовль.

Старшій братъ ихъ Рюрикъ предъ тѣмъ скончался (1092).

Оба князя отличались, даже въ то бранное время, воинскими доблестями, и имѣли обширные замыслы, особенно Василько, который воевалъ много съ Ляхами.

И новый Владимирскій князь Давидъ Игоревичъ убоялся ихъ властолюбія. Ему представилось, что не удержитъ онъ за собою

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 107.

Владимира, полученнаго по рѣшенію Любецкаго съѣзда, и онъ возбудилъ противъ Ростиславичей В. К. Святополка, а можетъ быть, подъ этимъ предлогомъ онъ хотѣлъ присоединить къ Владимирскому княжеству Червенскіе города. Какъ бы то ни было, въ гостяхъ у Святополка въ Кіевѣ Василько былъ ослѣпленъ, увезенъ и посаженъ подъ стражу во Владимирѣ 1097).

Прочіе русскіе князья, съ Мономахомъ во главѣ, вознегодовали за это злодѣяніе и рѣшились наказать виноватаго. На В. К. Кіевскаго Святополка возложено это поручeніе.

Давидъ испугался и вошелъ въ сношеніе съ заточеннымъ имъ Василькомъ, * чрезъ одно духовное лицо, Василія, прося его преклонить братьевъ къ миру, и обѣщая дать ему городъ, но Василько отвѣчалъ, что у него есть волость — Теребовль, а къ Владимиру можетъ послать боярина своего Кулмѣя. Въ бесѣдѣ съ Василіемъ несчастный Галицкій князь такъ объяснялъ свои прежнія намѣренія: «Василько оставилъ меня у себя», разсказываетъ этотъ лѣтописатель, «выслалъ вонъ слугу, сѣлъ со мною, и началъ говорить: Слышу—Давыдъ хочетъ выдать меня Ляхамъ, онъ не сытъ моею кровью, онъ хочетъ ея еще! Да, я сотворилъ Ляхамъ много зла, хотѣлъ сотворить еще больше, мстя за Русскую землю! Пускай отдаетъ Ляхамъ—я не боюся смерти. Признаюсь предъ тобою откровенно: Богъ наказалъ меня за мое возвышеніе. Какъ пришла мнѣ вѣсть, что идутъ ко мнѣ Берендичи, Торки, Печенѣги, я помыслилъ себѣ на умѣ: скажу брату Володарю и Давыду— дайте мнѣ дружину свою молодшую, а сами пейте, ѣшьте и веселитесь. Я пойду зимою на Лядскую землю, лѣтомъ возьму Лядскую землю, и отомщу за Русь. Потомъ хотѣлъ я перенять Дунайскихъ Болгаръ и поселить на своей сторонѣ. Потомъ хотѣлъ я проситься у Святополка и Володимера на Половцевъ: либо доюуду себѣ славы, либо сложу свою голову за Русскую землю. Другаго помышленія не было въ сердцѣ моемъ, ни на Святополка, ни на Давыда; не хотѣлъ я зла братьѣ моей никакого; Богъ низложилъ меня и смирилъ за мою гордость.»

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 115 и проч.

Между тѣмъ наступала Пасха. Не слыхать было ни объ какой рати. Давыдъ обнадѣялся. Не видя мстителей, онъ уже думалъ, что туча прошла мимо, и рѣшился воспользоваться своимъ злымъ дѣломъ, перенять Василькову волость.

Но Володарь, братъ Васильковъ, встрѣтилъ его у Бужска. Давыдъ не осмѣлился дать ему полка, и заперся въ Бужскѣ. Володарь осадилъ его. «И нача Володарь молвити: почто зло створивъ и не каяшися его? Да уже помянися, колико еси зла створилъ?» Давыдъ складывалъ вину на В. К. Святополка. «И рече Володарь: Богъ свидѣтель тому, а нынѣ пусти братъ мой, и створю съ тобою миръ.» Давыдъ съ радостію послалъ за Василькомъ, и приведя его, отдалъ Володарю. Миръ былъ заключенъ, и они разошлися.

Братья однако же не считали себя удовлетворенными. Въ слѣдующемъ году (1098), мстя Давыду, они взяли копьемъ его городъ Всеволожь и сожгли. Бѣжавшіе жители были изсѣчены. Потомъ осадили Давыда во Владимирѣ, и вытребовали у него мужей, которыхъ считали своими врагами-навѣтниками. Несчастные были разстрѣляны. За симъ Ростиславичи отошли восвояси.

Между тѣмъ пришелъ Великій князь Святополкъ, взявшійся наказать виновнаго.

Выгнавъ Давыда изъ Владимира (1099), по обезпеченіи себя со стороны Ляховъ, и онъ вздумалъ отнять у Ростиславичей ихъ княжество, какъ припадлежавшее его отцу и брату. Володарь вышелъ къ нему на встрѣчу. Они встрѣтились на полѣ Рожнемъ. Василько, поднявъ надъ собою крестъ, сказалъ: «Ты цѣловалъ этотъ крестъ, и взялъ еси зракъ очью моею, а теперь хочешь взять и душу мою—пусть же станетъ между нами этотъ крестъ.» Началось сраженіе. Много народу падало съ обѣихъ сторонъ. Нѣкоторые благовѣрные люди видѣли крестъ вверху надъ Васильковыми воями. Святополкъ принужденъ былъ бѣжать во Владимиръ. Братья сказали: «довлѣетъ намъ на межѣ своей стати»—и не пошли далѣе.

На Увѣтицкомъ съѣздѣ (1100) князей рѣшено было оставить у Ростиславичей одинъ Перемышль, Василька же обязывались князья кормить у себя, «а холопи наша выдайта и смерды.» Но Ростиславичи не согласились, и успѣли удержать за собою свои волости сполна.

Оба брата приняли впослѣдствіи участіе во Владимирскихъ распряхъ, стоя въ рядахъ Мономаха противъ Ярослава Святополчича (1117), которому достался Владимиръ, а послѣ въ рядахъ Ярослава Святополчича противъ Мономахова сына (1123). *

Володарь былъ плѣненъ Поляками чрезъ боярина Петрока, и выкупленъ Василькомъ за великія сокровища, не задолго передъ смертью.

Братья умерли почти въ одно время (1124), оставивъ по два сына: Володарь—Володимерка и Ростислава; Василько—Григорія и Ивана. Между ними началась было тотчасъ ссора, и Володимерко хотѣлъ изгнать брата Ростислава, котораго сторону держали Васильковичи. Но сей послѣдній умеръ вскорѣ, (оставивъ малолѣтняго сына Ивана, что послѣ прозвался Берладникомъ), также какъ и одинъ Васильковичъ, за которымъ послѣдовалъ и другой, († 1140), и вскорѣ все Галицкое княжество совокупилось въ руку Володимерка.

Володимерко прокняжилъ въ безспорномъ владѣніи почти тридцать лѣтъ (1124 1152), и успѣлъ значительно усилить, возвеличить свое княжество, въ которомъ стольнымъ городомъ при немъ сдѣлался Галичъ.

Бояре, пребывая постоянно на одномъ мѣстѣ, снискали себѣ значеніе, какого нигдѣ не имѣли въ прочихъ княжествахъ, кромѣ Новагорода. Сосѣдніе примѣры, Польскій и Угорскій, также могли имѣть на нихъ вліяніе.

Володимерко находился въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ сосѣдями, Ляхами и Уграми, которымъ подавалъ помощь противъ первыхъ, а также и съ Великими князьями Кіевскими и Суздальскимъ Юрьемъ Долгорукимъ, на дочери котораго Ольгѣ женилъ впослѣдствіи единственнаго сына Ярослава.

Сначала онъ находился какъ будто въ нѣкоторой зависимости отъ Великаго князя Кіевскаго, Всеволода Ольговича, и ходилъ, по его слову, на Вячеслава Туровскаго (1139), потомъ посылалъ свои полки въ Польшу, на помощь къ Владиславу противъ Болеславичей (1141), также по требованію В. К. Кіевскаго: но вскорѣ разссорился съ нимъ, когда тотъ отдалъ Владимиръ своему сыну Святославу (1142), между тѣмъ какъ онъ самъ имѣлъ виды на Владимиръ, и постоянно желалъ распространить предѣлы своего княжества на счетъ Владимирскаго, которое нѣкогда съ Галицкимъ составляло одно цѣлое.

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 130.

Великій князь собралъ многочисленные вои. Всѣ юго-западные князья явились на зовъ его * (1144). Изяславъ Давыдовичъ, заходя съ другой стороны, занялъ Ушицу, на лѣвомъ берегу Днѣстра, къ востоку отъ Каменца, и Микулинъ. Краковскій князь Владиславъ принялъ также участіе въ этомъ походѣ. Противники стали одни противъ другихъ на обоихъ берегахъ Серета, близь Теребовля. Русскіе князья убѣждали Володимерка, «нудяще его пріѣхати ко Всеволоду поклонитися; оному же того не хотящю, но и слышати, ниже видѣти, и не хотѣ ѣхати поклонитися ему.» Угры пришли къ нему на помощь, но не успѣли оказать никакой пользы.

Непріятели опасались переправляться чрезъ рѣку, и начали спускаться внизъ по ея теченію. Володимерко отступалъ, имѣя цѣлію заманить непріятеля въ горы и закрыть главные города: Перемышль, Звѣнигородъ и Галичъ. Всеволодъ переправился чрезъ Серетъ, и пустился его преслѣдовать. Володимерко остановился передъ Звѣнигородомъ. Противниковъ раздѣляла болотистая рѣка Бѣлка. Всеволодъ велѣлъ строить гати, и отрядилъ часть воевъ зайдти къ непріятелю въ тылъ горами со стороны Перемышля и Галича. Володимерко сталъ передъ городомъ на болоньѣ, по здѣсь трудно было ему биться, по тѣснотѣ мѣста. Галичане, узнавъ о обходѣ, испугались и сказали: мы здѣсь стоимъ, а тамъ возмутъ нашихъ женъ. Володимерко нашелся принужденнымъ искать мира, и обратился къ брату Всеволодову Игорю: если ты примиришь меня съ братомъ, то я обѣщаюсь тебѣ помогать про Кіевъ. Всеволодъ долженъ былъ уважить ходатайство брата, и миръ былъ заключенъ. Володимерко долженъ былъ взнести тысячу четыреста гривенъ серебра, «переди много глаголавъ, а послѣди много заплативъ.» Всеволодъ, цѣловавъ его съ братьею и примиривъ къ собѣ, сказалъ ему: вотъ отсчиталъ ты теперь, такъ ужь больше не грѣши, —и возвратилъ ему Ушицу и Микулинъ, занятые вспомогательными воями.

Въ слѣдующемъ году пришелъ искать себѣ убѣжища въ Галичѣ тотъ польскій бояринъ Петрокъ, котораго кознями плѣненъ былъ нѣкогда отецъ Володимерка. Ограбленный, ослѣпленный, изувѣченный, съ женою и дѣтьми, онъ изгнанъ былъ изъ Польши, и прибѣгнулъ подъ покровительство Галицкаго князя (1145).

Между тѣмъ племянникъ его, Иванъ Ростиславичъ, достигнулъ давно мужескаго возраста, и хотѣлъ себѣ волости. Онъ жилъ, кажется, праздно въ Звѣнигородѣ. Галичане, недовольные Володимеркомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ бояре, вздумали призвать его къ себѣ на столъ, только-что кончилась война съ Всеволодомъ. Воспользуясь отсутствіемъ князя, уѣхавшаго на ловы въ Тисменицу, они послали звать къ себѣ Ивана (1145). Тотъ пріѣхалъ. Володимерко совокупилъ дружину, и осадилъ его немедля въ Галичѣ. Три недѣли продолжалась осада. Иванъ выходилъ изъ города биться, и многіе падали съ обѣихъ сторонъ; наконецъ въ недѣлю мясопустную случилось, что Володимерко отрѣзалъ Ивана отъ города, куда не могъ тотъ возвратиться. Онъ принужденъ былъ пробиваться сквозь полкъ, и спасся къ Дунаю, а оттуда полемъ прибѣжалъ къ Всеволоду въ Кіевъ. Галичане бились еще недѣлю послѣ бѣгства Иванова, и наконецъ должны были отворить ворота. Володимерко изсѣкъ многихъ людей, а другихъ наказалъ различными казнями.

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 142.

Не могъ онъ простить и Великому князю за доставленіе убѣжища противному бѣглецу. Въ отмщеніе взялъ онъ городъ Прилукъ, въ верховьяхъ великаго Буга.

Но и Всеволодъ не былъ такого рода князь, который бы могъ оставить всякое какое бы то ни было дѣйствіе противъ себя, безъ наказанія. Въ 1146 году онъ пришелъ опять съ многочисленнымъ полкомъ на Галичъ. Война началась осадою Звѣнигорода. Острогъ сожженъ въ первый день. Жители, сотворивше вѣче, рѣшились сдаться; но мужественный воевода Иванъ Халдѣевичъ, захвативъ трехъ зачинщиковъ, разрубилъ каждаго на двое и выбросилъ изъ города. Тѣмъ и загрозилъ прочимъ. Звѣнигородцы начали биться безъ лести. Всеволодъ зажегъ городъ въ трехъ мѣстахъ, они погасили, и восклицая кіріелеисонъ, заставили Всеволода удалиться домой безъ успѣха.

Онъ сбирался идти въ третій разъ на Галичъ, но смерть помѣшала ему.

Въ междоусобіяхъ Кіевскихъ, по смерти В. К. Всеволода, Володимерко принялъ дѣятельное участіе, держа сторону Юрія Володимеровича Долгорукаго, отъ котораго надѣялся такъ или иначе получить Волынскіе города въ вознагражденіе. Онъ и породнился съ нимъ, женивъ своего сына на его дочери. Ходивъ нѣсколько разъ съ своими полками до Кіева, онъ нѣсколько разъ рѣшалъ судьбу войны, подвергавшейся безпрестанно случайностямъ.

Его помощь Юрію возстановляла противъ него соперника Юрьева, Изяслава Мстиславича, княжившаго нѣкогда во Владимирѣ, который, въ свою очередь, связанный родствомъ съ Уграми, наводилъ ихъ нѣсколько разъ на Галичъ, и только различными хитростями Володимерко успѣвалъ спасаться отъ бѣды.

Въ 1149 году, когда Юрій выгналъ Изяслава изъ Кіева, и хотѣлъ отнять у него Владимиръ, Володимерко пришелъ на помощь къ Великому князю, стоявшему въ Пересопницѣ у брата Вячеслава. Володимерко съ главными своими силами остановился у Шумска, па пути изъ Кременца къ Острогу. Польскіе и Угорскіе помощники Изяславовы должны были, по своимъ обстоятельствамъ, идти во свояси, и онъ остался одинъ противъ Юрья съ его союзниками. Изяславъ смирился и прибѣгнулъ съ просьбою къ Володимерку о ходатайствѣ предъ дядею. Многоглаголивый Володимерко, «ладя ѣ», сказалъ: «Богъ поставилъ насъ волостелями въ месть злодѣямъ и въ добродѣтель благочестивымъ. Какъ можемъ мы молиться Богу: Отче нашъ, остави намъ прегрѣшенія наша, яко же мы оставляемъ. Изяславъ вамъ племянникъ, какъ бы сынъ вашъ, не творится предъ вами правъ, но кланяется и милости у васъ проситъ. Я не простъ есмь ходатай между вами. Ангела же Богъ къ вамъ не пошлетъ, а пророка или апостола въ наши дни нѣтуть.» Вячеславъ Туровскій присталъ къ совѣту Галицкаго князя, и оба вмѣстѣ успѣли убѣдить Юрья.

Миръ былъ заключенъ въ Пересопницѣ. Юрій не исполнилъ впрочемъ условій, и Изяславъ, посредствомъ быстрыхъ и искусныхъ движеній, овладѣлъ Кіевымъ.

Володимерко побѣжалъ къ Юрью съ помочью, черезъ Болохово, мимо Мунарева, къ Володареву. Изяславъ, уладившійся между тѣмъ съ дядею Вячеславомъ, вышелъ на встрѣчу къ Звѣнигороду, а тотъ уже шелъ черезъ Перепетово. Черезъ Стугну и Ольшаницу, вверху, они сошлись, и Володи-

* См. въ исторіи Кіевскаго и Владимирскаго княжествъ, с. 158.

мерко, благодаря своей силѣ, принудилъ его вои разбѣжаться, и едва собственный полкъ Изяславовъ уцѣлѣлъ. Тѣмъ и доставилъ Галицкій князь Кіевъ опять Юрью, съ которымъ съимался въ Печерскомъ монастырѣ. Кіяне однако же не довѣряли ему, и увели Юрья въ городъ. Володимерко поклонился гробамъ святыхъ мучениковъ въ Вышгородѣ, святой Софіи, Десятинной Богородицѣ въ Кіевѣ, помолился въ Печерскомъ монастырѣ... Князья сотворили любовь между собою велику. На Кіевъ Володимерко шелъ чрезъ Подоліе къ рѣчкѣ Стугнѣ, а изъ Кіева къ Горынѣ и потомъ къ Луцку.

На возвратномъ пути онъ посадилъ сына Юрьева Мстислава въ Пересопницѣ, занялъ города, предоставленные ему, вѣроятно по договору, и хотѣлъ было взять самый Луцкъ, но граждане отбились.

Изяславъ просилъ помощи у Короля Венгерскаго, жалуясь, что Володимерко выгналъ его изъ Кіева, и грозится придти во Владимиръ. Король отвѣчалъ: «Володимеръ узнаетъ, кого затронулъ»,—собралъ свои полки и пошелъ войною на Галичъ, а пріятели изъ Угровъ дали о томъ знать Галицкому князю подъ рукою. Вѣроятно этотъ отрядъ вступилъ въ окрестностяхъ города Дукля, на Рѣшовъ, мимо Краковской границы. Володимерко стоялъ тогда у Бельза, и услышавъ, что Король вшелъ уже въ гору, покинулъ свои возы и погналъ съ дружиною къ Перемышлю. Король, прошедъ гору, взялъ Санокъ, и опустошилъ многія села около Перемышля.. Володимерко увидѣлъ, что ему нѣтъ возможности оборониться отъ такой силы, обратился къ архіепископу и двумъ епископамъ, бывшимъ при Королѣ, и къ мужамъ его, съ золотомъ и многими дарами, чтобъ тѣ уговорили Короля возвратиться домой. Они дѣйствительно успѣли убѣдить Короля, который, подъ предлогомъ наступленія морозовъ, ибо время было о Дмитріевѣ днѣ, оставилъ Галицкія владѣнія.

Избавясь отъ бѣды, Володимерко остался при прежнемъ расположеніи, то-есть съ дружбою къ свату своему Юрью и враждою къ Изяславу. Весною 1151 года Король прислалъ по обѣщанію помощь къ Изяславу, которая вступила вѣроятно въ Галицкіе предѣлы по прежнему пути, къ Рѣшову, лѣсами, на Томашовъ, Криловъ и Владимиръ. Володимерко съ своей стороны поспѣшилъ съ своими полками къ Юрью на помощь, и настигъ Изяслава сперва въ Пересопницѣ, потомъ на Ушѣ. Изяславъ, стоя на другомъ берегу, разложилъ великіе огни, и тѣмъ обманувъ Володимерка, отступилъ къ Мичску. Изъ Мичска поспѣшилъ впередъ, захватилъ Бѣлгородъ врасплохъ, и явился передъ Кіевымъ, откуда Юрій, ничего не ожидая, долженъ былъ бѣжать въ Городокъ, на другую сторону Днѣпра. Володимерко съ Андреемъ, сыномъ Юрьевымъ, стоя на Ушѣ, ничего о томъ не знали. Такъ все это сдѣлалось скоро. Они послали провѣдать, что происходитъ впереди, сторожей, которые принесли имъ вѣсть, что Юрій уже въ Городцѣ, а Изяславъ занялъ Кіевъ.

Володимерко разсердился, и обратился съ горькими упреками къ Андрею и бывшему съ нимъ двоюродному его брату, Володимеру Андреевичу: «удивительно княженіе свата моего: рать идетъ на него изъ Владимира; ты, сынъ его, сидишь въ Пересопницѣ, другой сынъ въ Бѣлгородѣ, какъ же ея не устеречи. Если такъ вы княжите съ отцомъ своимъ, такъ правьте сами, а мнѣ на Изяслава одному идти нельзя. Изяславъ вчера хотѣлъ со мною биться, на вашего отца

идя, и ко мнѣ оборачиваясь,—и вотъ уже онъ въ Русской землѣ, что же мнѣ дѣлать. Прощайте, идите къ отцу,»—и поворотивъ коней, отошелъ онъ назадъ въ Галичъ.

На возвратномъ пути онъ взялъ серебро по всѣмъ городамъ. Мичскъ пригрозилъ даже взять на щитъ, еслибъ граждане не принесли столько, сколько онъ требовалъ. Мичане, не могши набрать столько, повыпяли серебро изъ ушей и съ шеи, и принесли ему въ слиткахъ.

Юрій однакожь не уныль и собирался съ силами. Дѣла его пошли хорошо, и онъ послалъ звать, для лучшаго успѣха, Володимерка. Володимерко двинулся, и по пути узналъ, что Изяславичъ Мстиславъ, идущій къ отцу на помощь съ Уграми, остановился у Сапогыня, куда Володимеръ Андреевичъ прислалъ питья много изъ Дорогобужа, и Мстиславъ пировалъ и пилъ съ Уграми, и получивъ вѣсть отъ дяди, передалъ онъ ее Униамъ: «идетъ Володимерко.» «Ну что же,» отвѣчали Угры пьяные, «пусть придетъ, мы подеремся съ нимъ.» Мстиславъ, на ночь разставивъ сторожей, легъ спать съ Уграми. Въ полночь прибѣжали сторожа съ крикомъ: «Володимерко идетъ.» Мстиславъ съ дружиною, сѣвъ на коней, началъ будить Угровъ, а тѣ лежали мертво пьяные. Володимерко ударилъ на нихъ и перебилъ множество. Мстиславъ съ дружиною убѣжалъ въ Луцкъ.

А Изяславъ между тѣмъ совершенно разбилъ Юрья за Рутомъ и принудилъ удалиться въ Залѣсскую свою сторону. Володимерку нечего было дѣлать, и онъ воротился въ Галичъ.

Изяславъ, упоенный успѣхомъ, звалъ Короля на Володимерка (1152): «се Володимеръ Галицкой дружину мою и твою избилъ; гадай, братъ, какъ намъ на себя покоръ не положити, и отомстить за себя и за дружину.»

Король отвѣчалъ: «отче, кланяюсь тебѣ. Прислалъ ты мнѣ сказать про обиду Галицкаго князя: я собираюсь, собирайся и ты. Намъ оставить такого дѣла нельзя, а какъ Богъ дастъ.»

Изяславъ послалъ сына Мстислава вести Короля на Галичъ. Король далъ знать: «я сажусь на коня съ сыномъ твоимъ Мстиславомъ, садись и ты.»

Плохо приходилось Володимерку.

Изяславъ собрался со всѣми полками своими, и за Дукельскою низменностію пошелъ тою дорогою, королевскою, по которой Король приходилъ съ Ярославомъ Святополчичемъ на Андрея Мономахича подъ Владимиръ.

За Саномъ пригналъ къ нему посолъ во стѣ дружины, сказать, что Король его дожидается уже пятый день. Онъ двинулся къ Ярославлю, переправясь чрезъ Санъ между Лежайскомъ и Крешевымъ. Отъ Короля пришелъ къ нему мужъ съ тысячью воиновъ. Изяславъ поспѣшилъ впередъ, и соединился съ зятемъ, къ великой радости обоихъ. Здѣсь въ шатрѣ начали они думать, какъ ударить за-утро. Полковъ у Короля было 73, кромѣ Изяславовыхъ, кромѣ коней повозныхъ и товарныхъ. Рано Король велѣлъ ударить въ бубны, и исполчивъ полки свои, сказалъ Изяславу: «поѣзжай съ своими полками близь моего полка, и останавливайся гдѣ я остановлюсь: добро намъ о всемъ гадати вмѣстѣ.» Изяславъ отвѣчалъ: «такъ буди.» Они расположились станомъ на лѣвомъ берегу Сана, ниже Перемышля. День былъ воскресный, а въ воскресенье Король имѣлъ обыкновеніе ничего не предпринимать. Володимерко съ своими полками стоялъ на правомъ берегу. Поутру Король началъ ставить

полки свои па бродахъ. Галичане напротивъ, и не могоша стягнути противу Королеви. Изяславъ сталъ выше Короля на другомъ бродѣ. Другіе Угорскіе полки еще выше. Всѣ они поткнулись въ бродъ, и ворвались въ полки Володимерковы и смяли ихъ. Володимерко, отступившій за твердыню, не выдержалъ, подался. Нападеніе стремительное со всѣхъ сторонъ усиливалось. Онъ принужденъ былъ бѣжать, и попалъ было къ Települ и Чернымъ Клобукамъ, и едва спасся въ Перемышль съ Избыгнѣвомъ Ивачевичемъ. Битва происходила въ треугольникѣ между рѣками Саномъ, Вягромъ и тою возвышенностію, на которой стоитъ Перемышль. Онъ былъ бы тогда взятъ, потому что въ городѣ никого не оставалось, но воины Угорскіе всѣ бросились на загородный дворъ княжъ, на лугу, надъ рѣкою Саномъ, гдѣ было много всякаго товара.

Изяславъ и Король стали товарами передъ городомъ, надъ рѣкою Вягромъ. Володимерко, не видя никакой надежды на успѣхъ, началъ слаться къ Королю, мира прося, а на ночь отрядилъ пословъ къ архіепископу и воеводамъ: молитесь о мнѣ Королю, я раненъ крѣпко, каюсь передъ Королемъ, что сталъ противъ него и сердце повередилъ ему, но Богъ грѣхи отдаетъ, пусть и онъ проститъ мнѣ вину, и не выдастъ меня Изяславу. Я очень боленъ, и если умру, поручу сына своего Королю. Напомните ему, какъ я служилъ отцу его до сыти своимъ копіемъ и своими полками, когда тотъ былъ слѣпъ, какъ я бился за него съ Ляхами. Пусть онъ все это вспомнитъ и меня проститъ. Съ этими словами Володимерко прислалъ архіепископу и мужамъ многіе дары, золотомъ и серебромъ, сосудами и портами. Поутру Король, съѣхався съ Изяславомъ, повѣдалъ ему рѣчи Володимерковы: онъ кланяется и молится, говоритъ, что раненъ и боленъ при смерти: что ты отмолвишь ему? Изяславъ и слышать не хотѣлъ о мирѣ: сыну, говорилъ онъ, если Володимерко и умретъ, то это ему Божья казнь за то, что сступилъ намъ крестнаго цѣлованія. Что онъ исправилъ тебѣ изъ обѣщаннаго и первое и второе? Да еще и сорόмъ положилъ на обоихъ насъ: нечего ему вѣрить. Далъ его намъ Богъ въ руки, такъ мы должны его взять, и волость его отнять. Мстиславъ, сынъ Изяслава, которому досталось отъ Володимерка подъ Сапогынемъ, препиралъ Короля еще пуще отца, и высчитывалъ всѣ вины Володимерковы. Но противная сторона, архіепископы и мужи, получившіе имѣніе великое, превозмогли. Король рѣшилъ: не могу его убить, онъ молится и кланяется, и въ винахъ своихъ раскаивается; ежели сступитъ того, на чемъ теперь крестъ цѣлуетъ, то какъ Богъ дастъ: либо мнѣ быть въ Угорской землѣ, либо ему въ Галицкой.

Володимерко прислалъ пословъ къ Изяславу: братъ, виноватъ, прости меня, и присоедини свою просьбу къ Королю—проститъ меня, а мнѣ дай Богъ съ тобою быти.

Изяславъ оставался непреклоненъ, но по нуждѣ долженъ былъ согласиться съ Королемъ, и начались переговоры. Король сказалъ Володимерку: на томъ долженъ ты цѣловать крестъ, чтобъ возвратить Изяславу всѣ Русскіе города, предаться ему вполнѣ, и не отлучаться ни въ добрѣ, ни въ лихѣ. Володимерко обѣщалъ все.

Въ шатрѣ у короля собрались всѣ— Изяславъ съ братомъ Володимеромъ и сыномъ Мстиславомъ. Рѣшено послать мужей къ Володимерку съ крестомъ. Изяславъ не хотѣлъ водить его ко кресту. Тогда Гейза

сказалъ: право ти, отче, молвлю—сей есть крестъ, на немъ же Христосъ Богъ нашъ восхотѣлъ пригвоздитися. Предокъ нашъ Стефанъ досталъ его по милости Господней. Если онъ поцѣлуетъ крестъ, и въ тотъ часъ живъ останется,—завѣряю тебя: либо я голову свою сложу, либо достану тебѣ Галицкую землю, а нынѣ убить его не могу. Мстиславъ сказалъ тогда Королю и отцу: вы поступаете по христіанской вѣрѣ честному кресту, и отдавая свой гнѣвъ, но я вамъ предъ тѣмъ же честнымъ крестомъ объявляю вотъ что: какъ вы его ведете ко кресту, такъ онъ крестнаго цѣлованія сступитъ. А ты, Король, своего слова не забудь, что сказалъ: если онъ сступитъ, то тебѣ у Галича стоять. Король отвѣчалъ: такъ и будетъ. До сихъ поръ отецъ мой Изяславъ звалъ меня къ себѣ на помощь, а если Володимерко измѣнитъ, то я позову отца моего Изяслава къ себѣ на помощь. Мужи королевскіе отправились приводить Галицкаго князя ко кресту. Изяславъ присоединилъ къ нимъ своего мужа Петра Борисовича.

Посланные должны были сказать Володимерку: Богъ далъ намъ тебя и волость твою за твою вину, но ты просишь насъ, и мы отдаемъ тебѣ гнѣвъ, и волости у тебя не отнимаемъ. Ты долженъ только возвратить, что захватилъ, и Изяслава не отлучаться, а быть съ нимъ во всѣхъ мѣстахъ.

Посланные мужи приводили ко кресту Володимерка, который лежалъ какъ будто изнемогая отъ ранъ, а ранъ у него не было.

Нѣсколько времени Король и Изяславъ провели вмѣстѣ въ великой любви и великомъ весельѣ, и потомъ разъѣхались: Король въ Угры, Изяславъ въ Русскую землю.

Пришедъ во Владиміръ, Изяславъ послалъ посадниковъ въ города, на коихъ цѣловалъ крестъ Володимерко: въ Бужскъ, Шумскъ, Тихомль, Выгошевъ, Гнойницу,—и Володимерко ихъ не отдалъ. Вотъ онъ былъ каковъ! Изяславъ извѣстилъ Короля: намъ уже не ворочаться, ни тебѣ, ни мнѣ; я только являю тебѣ, что Володимерко сступилъ крестнаго цѣлованія; не забывай же своего слова, что ты сказалъ.

Володимерко этимъ не удовольствовался, и услышавъ, что Юрій грозитъ опять В. К. Кіевскому, отправился самъ противъ него, но долженъ былъ возвратиться въ Галичъ, узнавъ, что Изяславъ спѣшитъ его встрѣтить.

В. К. Кіевскій справился съ Юрьемъ окончательно и прогналъ его домой за лѣса.

Тогда послалъ онъ своего мужа Петра Борисовича къ Володимерку съ крестными грамотами, напомнить о крестномъ цѣлованіи, и требовать возвращенія Волынскихъ городовъ, а въ противномъ случаѣ угрозить войною.

Володимерко отвѣчалъ: скажи брату, что онъ напалъ на меня врасплохъ и навелъ на меня Короля, такъ я либо голову сложу, либо самъ отомщу.—Но подумай, Князь, возразилъ Петръ, что ты цѣловалъ крестъ, и что ты хочешь теперь измѣнить своей клятвѣ. А Володимерко: этотъ ли крестикъ малый? Малъ крестъ, Князь, сказалъ Петръ, но сила его на небѣ и на землѣ велика. Ты помнишь ли, что говорилъ Король, какъ Богъ своею волею на томъ крестѣ руцѣ свои простерлъ, и привелъ и Богъ по своей милости къ святому Стефану; ты помнишь ли, что говорилъ Король: не будешь живъ, если измѣнишь этому кресту. Ну, сказалъ Володимерко, ты поговорилъ довольно, а теперь ступай вонъ, и возвращайся къ своему Князю.

Петръ положилъ предъ нимъ крестныя грамоты и вышелъ вонъ; ему не дали ни повоза, ни корма. Онъ долженъ былъ ѣхать

на своихъ коняхъ. Когда онъ съѣхалъ съ княжаго двора, Володимерко шелъ къ вечернѣ къ Святому Спасу, и съ переходовъ увидѣлъ посла отъѣзжающаго: поѣхалъ мужъ Русской, сказалъ онъ насмѣхаясь, отъимавъ у насъ всѣ волости,—и взошелъ на палати.

По окончаніи вечерни, Володимерко вышелъ изъ церкви, и лишь только ступилъ онъ на ту ступень, съ которой наругался надъ Петромъ, какъ вскрикнулъ: оле тѣ нѣкто мя удари за плече,—не могъ двинуться съ того мѣста, и готовъ былъ упасть (хотя летѣти). Его схватили подъ руки и понесли въ горенку, положили въ укропъ. Одни говорили, что подступила дна, (ломъ въ костяхъ) другіе объясняли иначе, и много было толкованій. Къ вечеру князь Володимеръ началъ разнемогаться сильно, и какъ было влягомо, (на ночь), преставился (1153).

Изяславовъ мужъ Петръ выѣхалъ изъ Галича и остановился ночевать въ селѣ Болшовѣ. Подходило время къ курамъ, какъ прискакалъ къ нему дѣтскій изъ Галича, и сказалъ: не ѣзди дальше, но пожди, пока за тобой пришлютъ. Петру было это очень непріятно: ему не хотѣлось ѣхать назадъ въ городъ, и принимать тамъ новую скорбь, и онъ очень тужилъ, а дѣтскій не сказалъ ему ничего о князевой смерти.

Передъ обѣдомъ прискакалъ къ нему еще дѣтскій и позвалъ въ городъ: Князь тебя зоветъ. Петръ воротился въ городъ, въѣхалъ на княжій дворъ, и увидѣлъ слугъ княжьихъ, идущихъ къ нему на встрѣчу съ сѣней въ черныхъ мятлехъ. Петръ удивился, и не понималъ, что это значитъ, взошелъ на сѣни, и увидѣлъ князя Ярослава, сидящаго на отцевомъ мѣстѣ въ черной мятлѣ и клобукѣ. Такъ и всѣ мужи его. Передъ Петромъ поставили столецъ. Ярославъ взглянулъ на Петра и расплакался. Петръ все еще не зналъ ничего и спрашивалъ: что это такое. Ему отвѣчали, что нынѣшнею ночью Богъ князя поялъ. «Да я вчера поѣхалъ, онъ былъ здоровъ.» Онъ почувствовалъ ударъ въ плечо, и съ той поры началъ изнемогать. «Воля Божія», сказалъ Петръ, «всѣмъ намъ быть тамъ.» Ярославъ объявилъ Петру: мы позвали тебя вотъ для чего: Богъ волею своею сотворилъ, какъ ему было угодно. Поѣзжай же ты къ отцу моему Изяславу, поклонися ему отъ меня, и скажи ему: что у тебя съ отцемъ моимъ было, то знали вы и Богъ. Теперь я сижу на его столѣ, и занялъ его мѣсто. Полкъ его и дружина его у меня, одно только копіе поставлено у гроба его, и то принадлежитъ мнѣ. Кланяюсь отцу моему Изяславу и прошу тебя: будь мнѣ отцемъ и прими меня, какъ сына своего Мстислава. Пусть Мстиславъ ѣздитъ подлѣ твоего стремени съ одной стороны, а я буду ѣздить подлѣ твоего стремени съ другой стороны со всѣми своими полками.

Съ сими словами отпустилъ онъ Петра Бориславича.

Не смотря на обѣщанія, молодой Князь Галицкій, по полученнымъ примѣрамъ, не думалъ отдавать городовъ названному отцу. Изяславъ не могъ перенести такого оскорбленія, призвалъ подчиненныхъ ему князей, и пошелъ на него ратью. Ярославъ выступилъ на встрѣчу. Пока вои бились о Серетъ, онъ самъ пошелъ къ Теребовлю. Ярославъ послѣдовалъ за нимъ, хотя и не успѣлъ помѣшать его переправѣ черезъ Гнисновъ. Полки стали одни противъ другихъ. Галицкіе мужи отослали своего Князя въ городъ. Ты молодъ, Князь, сказали они ему, при томъ у насъ одинъ. Если случится съ тобою недоброе, что тогда намъ будетъ дѣлать! Поѣзжай

лучше прочь и смотри на насъ издали, какъ будемъ мы биться. Отецъ твой насъ любилъ и кормилъ, и мы хотимъ за честь твою и за честь твоего отца сложить свои головы. Если насъ побьютъ, мы прибѣжимъ къ тебѣ, и затворимся вмѣстѣ въ городѣ.

Соступилися полки, и была сѣча злая, бились противники отъ полудня до вечера. Произошло смятеніе, и неизвѣстность, кто побѣдилъ. Изяславъ обратилъ въ бѣгство Галичанъ, спасавшихся въ городъ, а братья его отъ нихъ побѣжали: Святополкъ Владимировичъ, Владимиръ Мстиславичъ и Мстиславъ Изяславичъ. На разгонѣ Изяславъ плѣнилъ Галицкихъ мужей, а Галичане Изяславовыхъ. Возвратясь, онъ поставилъ на полчищѣ стяги Галицкіе, подъ которые собралось много Галичанъ, и попало въ плѣнъ къ Изяславу. Ихъ набралось больше, чѣмъ оставалось у него своей дружины, и онъ убоялся нападенія на другой день изъ Галича.

Онъ велѣлъ избить плѣнниковъ, кромѣ лучшихъ мужей, уведенныхъ въ Кіевъ, въ ожиданіи выкупа. Жестокость, которою онъ, въ сердцахъ на Галичанъ, посрамилъ себя въ концѣ своей жизни. Бысть плачь великъ по всей землѣ Галицкой, свидѣтельствуетъ лѣтописецъ.

Онъ прожилъ не долго послѣ этой рѣзни, († 1153), и молодой Ярославъ избавился отъ опаснаго врага.

Кіевскій столъ достался наконецъ Юрью Володимеричу Долгорукому, тестю Ярослава. Галицкій князь удержалъ, вѣроятно, Волынскіе города, и помогалъ Юрью въ его походахъ на Мстислава Изяславича къ Луцку (1155), на Владиміръ (1157), на Изяслава Давыдовича Черниговскаго, на Половцевъ. Въ благодарность за свои услуги онъ просилъ выдать ему двоюроднаго его брата, Ивана Берладника, который находился въ Суздалѣ, и прислалъ за нимъ князя Святополка и Коснятина Сѣрославича со многою дружиною. Въ оковахъ привезенъ былъ несчастный князь, но митрополитъ и игумены отвели Великаго Князя отъ такого безсовѣстнаго дѣла: грѣхъ тебѣ, цѣловавши крестъ, держать его въ такой нуждѣ, а ты еще хочешь и выдать его на убійство. Юрій послушался, и отправилъ его скованнаго назадъ въ Суздаль. На дорогѣ перехватилъ его Изяславъ Давыдовичъ Черниговскій, и увелъ къ себѣ въ Черниговъ.

Юрій просидѣлъ на Кіевскомъ столѣ не долго. Онъ умеръ въ 1158 году, и Великимъ княземъ сдѣлался Изяславъ Давыдовичъ Черниговскій, покровитель Берладника.

Ярославъ не считалъ себя твердымъ на своемъ столѣ, пока живъ былъ этотъ законный наслѣдникъ и притязатель на цѣлую половину Галицкаго удѣла, находившійся подъ покровительствомъ Великаго князя Кіевскаго. Онъ подмолвилъ всѣхъ князей Русскихъ и даже Лядскихъ, самаго Венгерскаго короля, чтобы они были помощниками ему на Ивана, и всѣ обѣщались, отправили каждый особыхъ пословъ въ Кіевъ, требовать у Изяслава выдачи. Изяславъ переспорилъ всѣхъ, далъ отказъ на-чисто, и вскорѣ послы отъѣхали безъ успѣха, но Берладникъ испугался, бѣжалъ изъ Кіева на Дунай, можетъ быть, свѣдома Изяславова, пакостилъ тамъ рыболовамъ Галицкимъ, захватывалъ суда, и грабилъ, принявъ къ себѣ многихъ Половцевъ и жителей Берлада. Всѣ вмѣстѣ пошли они на предѣлы Галицкіе. Иванъ пошелъ къ Кучелмину, котораго жители приняли его съ радостію, потомъ осадили Ушицу, изъ коей, не смотря на засаду Ярославову, перескочило къ Ивану много смердовъ

чрезъ заборола. Половцы хотѣли взять городъ на щитъ, но Иванъ не допустилъ, и буйные кочевники въ сердцахъ оставили его. Великій князь прислалъ за Иваномъ и отозвалъ его въ Кіевъ. Услышавъ о намѣреніи Ярослава идти на него войною съ своими союзниками, Волынскими князьями, онъ составилъ оборонительный союзъ, но нападеніе не состоялось: тѣ, провѣдавъ о согласіи братьевъ, отказались отъ своего намѣренія.

Въ слѣдующемъ году (1159) самъ Великій князь вздумалъ идти на Галичъ, ища волости Ивану Ростиславичу, котораго звали Галичане, «веляче ему всѣсти на конѣ: только ты явишь свои стяги, и мы отступимъ отъ Ярослава.»

Ярославъ сговорился съ Волынскими князьями, имѣвшими свои намѣренія относительно Великаго князя Изяслава Давидовича, и далъ имъ свои полки, чтобъ идти къ нему на встрѣчу. Союзники заняли Бѣлгородъ, изъ котораго выходя, бились съ Изяславомъ, и наконецъ, вслѣдствіе измѣны Торковъ и Берендѣевъ, принудили его бѣжать; такимъ образомъ онъ лишился Кіева, и отказавшись прежде отъ Чернигова, остался теперь не при чемъ. *

Берладникъ бѣжалъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, защищалъ его супругу, осажденную въ Вырѣ, и наконецъ очутился оттуда въ Селунѣ, гдѣ вскорѣ умеръ, (1161), вѣроятно отравленный подосланными убійцами.

Ярославъ остался безъ соперниковъ владѣть спокойно своимъ богатымъ княжествомъ.

Въ томъ же 1159 году Галицкіе полки вмѣстѣ съ Волынскими князьями избили Половцевъ между Мунаревымъ и Ярополчемъ, и отполонили много душъ, захваченныхъ ими.

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 179.

Въ слѣдующихъ войнахъ противъ Изяслава Давидовича, Ярославъ принималъ участіе и присылалъ помощь съ Тудоромъ Елчичемъ къ Святославу Ольговичу Черниговскому (1159).

Въ 1161 году В. К. Ростиславу Изяславичу въ войнѣ, въ которой * погибъ Изяславъ Давидовичъ, покровитель противнаго ему Берладника.

Въ 1164 году случилось ужасное наводненіе въ Галичѣ, и вода выступила изъ рѣки Днѣпра до Выкова болота; потонуло до 300 человѣкъ, ѣхавшихъ съ солью изъ Удеча. Много людей и возовъ снято было съ деревьевъ.

Въ 1165 году нашелъ убѣжище у князя Ярослава Андроникъ Комнинъ, сынъ Исаакія, и братъ царствовавшаго императора Мануила. Галицкій князь далъ ему на содержаніе нѣсколько городовъ, и, по примиреніи его съ братомъ, чрезъ присланныхъ двухъ митрополитовъ, отпустилъ въ Константинополь съ честію, въ сопровожденіи епископа Козьмы и переднихъ людей.

Въ 1166 г. Ярославъ женилъ старшаго сына своего Володимера на дочери Черниговскаго князя Святослава Всеволодовича.

Съ В. К. Ростиславомъ Ярославъ оставался въ союзѣ, и въ 1167 г. посылалъ къ нему помощь для возведенія Гречниковъ.

По смерти Ростислава и изгнаніи Мстислава Изяславича, Ярославъ присылалъ ему пять полковъ, помогая добывать Кіева, (1170). Воевода Коснятинъ Сѣрославичъ однакожь оставилъ его, представивъ ложную грамоту, повелѣвавшую ему оставаться только пять дней при Мстиславѣ, и тѣмъ порѣшилъ судьбу осады Вышегородской. **

* ib. с. 183. ** ib. с. 189.

Ярославъ былъ силенъ и славенъ. Княжество его наслаждалось спокойствіемъ, но въ семействѣ у него возникли прискорбные и опасные раздоры: княгиня его Ольга, дочь Юрьева, сестра Андрея, имъ оскорбленная, бѣжала въ Ляхи съ своимъ сыномъ Володимеромъ, Коснятиномъ Сѣрославичемъ, и многими боярами (1172). Она пробыла тамъ восемь мѣсяцевъ. Нѣкоторые изъ оставшихся бояръ, державшихъ ея сторону, прислали звать ее домой, обѣщая захватить князя Ярослава. Сынъ ея Володимеръ просилъ тогда у Святослава Мстиславича, брата Романова, Червна: сидя тамъ, мнѣ будетъ удобно пересылаться съ Галичемъ; если я сяду въ Галичѣ, то я возворочу тебѣ Бужскъ, и придамъ еще три города. Святославъ согласился и обѣщалъ помогать ему. Какъ отправился онъ съ матерью къ Червну, пришла къ нему вѣсть изъ Галича отъ пріятелей: торопись скорѣе, отца твоего мы взяли, и пріятелей его Чаргову чадь избили, а се твой ворогъ Настаска. Галичане сложили костеръ, положили на дрова эту несчастную любовницу своего князя, и сожгли, а сына ея побочнаго, Олега, послали въ заточеніе, Князя привели ко кресту, чтобъ ему имѣть княгиню въ правду,—и такъ было дѣло кончено.

Но видно миръ не водворился между супругами. Жена на слѣдующій годъ (1173) бѣжала опять съ сыномъ къ Ярославу Мстиславичу Луцкому, который обѣщался ему искать волости. Тогда Ярославъ Галицкій нанялъ Ляховъ, не надѣясь видно на своихъ, за три тысячи гривенъ серебромъ, и требовалъ выдачи сына. Ляхи сожгли два города. Ярославъ Луцкій отпустилъ Владимира въ Торческъ, вмѣстѣ съ матерью, къ Михалку, ея брату. Оттуда вызывалъ его тесть Святославъ въ Черниговъ, но Михалко выдалъ племянника за брата, плѣненнаго Ростиславичами, которые предали его отцу. Между тѣмъ несчастная Ольга добралась до Владимира, постриглась тамъ подъ именемъ Евфросиніи, и вскорѣ скончалась, положена у Св. Богородицы Золотоверхой въ Владимирѣ.

Но и мужъ ея, Галицкій князь Ярославъ, не находилъ себѣ покоя. Сынъ Володимеръ велъ распутную жизнь. Ярославъ выгналъ его отъ себя въ 1183 году.

Володимеръ пришелъ къ Роману во Владимиръ. Романъ, блюдяся отца его, не далъ ему и опочить у себя; онъ пошелъ къ Ингварю въ Дорогобужъ, и тотъ не принялъ его, по той же причинѣ; онъ отправился къ Святополку въ Туровъ, къ Давиду въ Смоленскъ, Давидъ препроводилъ его къ дядѣ Всеволоду во Владимиръ. Никто не давалъ ему убѣжища; наконецъ у Игоря Святославича Сѣверскаго, женатаго на сестрѣ его, принятъ онъ былъ съ честью въ Путивлѣ, и чрезъ два года примирился съ отцемъ.

Впрочемъ отецъ все-таки не хотѣлъ оставлять ему Галича. Умирая (1187) въ тяжкой болѣзни, созвалъ онъ къ себѣ мужей своихъ, Галицкую землю всю, духовенство, нищихъ и богатыхъ, сильныхъ и худыхъ: «отцы и братья,» сказалъ онъ имъ обливаясь слезами, «я умираю, согрѣшилъ я вамъ тяжко, сколько никто не согрѣшалъ. Простите и отдайте.» Прошло три дня. Ярославъ велѣлъ раздавать имѣніе свое бѣднымъ, въ церкви и монастыри. Три дня раздавалось оно по всему Галичу, и не могло все быть роздано. Столько было у князя всякаго добра. Онъ сказалъ мужамъ своимъ: «вотъ я одною своею худой головою ходя, удержалъ всю Галицкую землю, а мѣсто свое

Олегу приказываю, сыну моему меньшему, Володимеру даю Перемышль.» Урядивъ такъ, Ярославъ велѣлъ привести къ присягѣ всѣхъ мужей, и самаго Володимера, чтобъ не искать ему подъ братомъ Олегомъ Галича. Олегъ былъ Настасьичь и Ярославу милъ, замѣчаетъ лѣтопись, а Володимеръ не ходилъ по его волѣ, потому и не далъ ему Галича. Октября 1 онъ скончался, а 2 положенъ былъ въ церкви Св. Богородицы.

«Бѣ же князь мудръ и рѣченъ языкомъ, (видно въ отца, многоглаголиваго Володимерка,) честенъ въ земляхъ и славенъ полкы, гдѣ бо бяшеть ему обида, самъ не ходяшеть полкы своими, но посылашеть я съ воеводами, бѣ бо разстроилъ землю свою и милостыню сильну раздавашеть,» и проч.

Слово о полку Игоревѣ такъ изображаетъ Ярослава: «Галичькый Осмосмысле Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ; подперъ горы Угорскія своими желѣзными полкы, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены (кидая громады) чрезъ облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текуть; отворяеши Кыеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями.»

По смерти Ярослава, Галицкая земля, усиленная подобно Суздальской, вслѣдствіе совокупности, оставаясь во владѣніи одного рода, при Володарѣ и Василькѣ, Володимеркѣ и Ярославѣ, впродолженіи ста почти лѣтъ, подверглась одинакой участи съ прочими княжествами. Начались междоусобія, смуты боярскія, а потомъ иноземное и единоплеменное вмѣшательство.

Мужи Галицкіе, сдумавъ съ Володимеромъ, тотчасъ преступили крестное цѣлованіе, и выгнали Олега изъ Галича. Онъ бѣжалъ къ Рюрику во Вручій. (Дальнѣйшая участь его неизвѣстна), и Володимеръ сѣлъ на столѣ. Но не умѣлъ на немъ удержаться: онъ не любилъ думы съ мужами, а проводилъ время въ пьянствѣ и блудѣ; взялъ у попа жену, и поставилъ себѣ женою, отъ которой прижилъ двухъ сыновъ. Да и кромѣ ея, гдѣ улюбилъ жену или чью дочь, Володимеръ насиловалъ всѣхъ.

Сосѣдній князь, Романъ Волынскій, выдавшій дочь за его старшаго сына, услышавъ, что мужи Галицкіе недовольны своимъ княземъ, вошелъ съ ними въ сношеніе, и всячески старался подустить ихъ, чтобъ они выгнали развратнаго Володимера, а его приняли къ себѣ на столъ. Мужи Галицкіе послѣдовали совѣту, совокупили полки, и утвердившеся крестомъ, возстали на своего князя, но не смѣли захватить его, потому что не всѣ были въ думѣ, а многіе держали еще его сторону. Они послали сказать ему: «князь, мы возстали не на тебя, мы не хотимъ только кланяться попадьѣ, и убьемъ её, а ты выбирай кого хочешь; мы возмемъ за тебя.» Они пригрозили такъ, зная напередъ, что Володимеръ не отпуститъ попадьи, и хотѣли только имѣть предлогъ, чтобъ его прогнать. Володимеръ испугался, захватилъ золото и серебро, взялъ свою любезную, съ двумя сыновьями, и уѣхалъ въ Угры къ королю, съ частію своей дружины. Галичане отняли у него невѣстку Романовну, и послали за Романомъ. Романъ отдалъ свой Владимиръ навсегда брату Всеволоду и сѣлъ въ Галичѣ (1188).

Король между тѣмъ принялъ изгнанника, и со всѣми полками пошелъ искать ему стола. Романъ, не ожидавшій такого оборота обстоятельствъ, увидѣлъ, что ему сопротивляться не подъ силу, забралъ весь добытокъ

Володимеръ, и съ дружиною бѣжалъ въ свою отчину. Тамъ не пустилъ его братъ, и онъ, отправивъ жену съ Галичанками къ тестю въ Овручь на Пинскъ, обратился къ Ляхамъ. Не найдя тамъ успѣха, пошелъ къ Рюрику въ Овручь съ тѣми мужами, которые приводили его на княженіе.

Король Бела, занявъ Галичъ, не отдалъ его Володимеру, какъ обѣщался, а посадилъ сына Андрея. Несчастнаго же увелъ съ собою назадъ, и заточилъ на столпѣ съ женою.

Романъ между тѣмъ, получивъ помощь отъ Рюрика, съ сыномъ его Ростиславомъ и воеводою Славномъ Борисовичемъ, пошелъ на Галичъ. Передніе его хотѣли заѣхать Прѣспенскъ. Жители затворились. Подоспѣвшіе Угры и Галичане напали на отрядъ и разбили его. Романъ, отпустивъ шурина, поѣхалъ опять къ Казимиру, дядѣ по матери, искать помощи, противъ брата, который не пускалъ его во Владимиръ. Но Казимиръ, тесть Всеволодовъ, не могъ дать ея, а далъ другой дядя Мешко (Мечиславъ) Великопольскій, и также безъ успѣха. Только уже вслѣдствіе угрозы Рюриковой, получилъ Романъ свой Владимиръ, а братъ отошелъ на старое мѣсто въ Бельзъ.

Бела не надѣялся удержать за собою Галича, и предложилъ Великому князю Кіевскому, Святославу Всеволодовичу, съ которымъ имѣлъ прежде какія-то сношенія, прислать къ нему сына. Святославъ возмечталъ получить Галичъ и послалъ Глѣба. Рюрику, ревнивому союзнику его, это было непріятно, и онъ, упрекая, помѣшалъ предпріятію. Князья помирились и рѣшились идти вмѣстѣ на Галичъ. Митрополитъ ободрилъ ихъ, сказавъ: «се иноплеменники заяли вашу отчину, и лѣпо было бъ вамъ потрудиться.» Они пошли, но не могли между собою согласиться въ дѣлежѣ: Святославъ предлагалъ Рюрику Галичъ, а себѣ выговаривалъ всю Русскую землю около Кіева, а Рюрикъ не хотѣлъ лишиться Русской земли, и предлагалъ подѣлиться Галичемъ. Союзники должны были воротиться, и Угры остались владѣть въ Галичѣ (1189). *

Тамъ возникла третья сторона послѣ Русской и Угорской: члены ея позвали Берладникова сына, скитальца, подобно отцу, жившаго у Давида въ Смоленскѣ. Испросившись у Давида, онъ поспѣшилъ на родину, взялъ два города на Украйнѣ, и оттуда пошелъ къ Галичу, слѣдуя совѣту Галицкихъ мужей. Но другіе, чьи сыновья и братья были у короля, держались крѣпко за королевича. Король прислалъ къ нему сильную помощь еще прежде, прослыша о замыслахъ Русскихъ князей. Королевичъ привелъ снова къ присягѣ всѣхъ Галичанъ, подозрѣвая ихъ соумышленіе съ Ростиславомъ Берладничемъ. «Правые цѣловали крестъ не вѣдаюче, а виноватые блюдучеся Угровъ.» Ростиславъ шелъ въ полной увѣренности, съ малой дружиною, полагаясь на обѣщанія Галичанъ отступить отъ королевича при первой встрѣчѣ. Этого ничего не случилось. Спутники его увидѣли лесть братьевъ своихъ, и ушли. Дружина ему сказала: «Князь, ты видишь измѣну. Ступай прочь.» Несчастный отвѣчалъ: «братья! вы знаете, на чемъ они крестъ мнѣ цѣловали. Если они хотятъ теперь ловить головы моей, Богъ имъ судья! Не хочу я блудить по чужой землѣ. Лучше сложить мнѣ голову здѣсь, на своей отчинѣ.» Онъ бросился на противниковъ. Угры и Галичане окружили его, сбросили съ копя, и крѣпко раненаго,

* См. въ исторію Кіевскаго княжества, с. 198.

еле-жива унесли въ Галичъ. Многіе изъ Галичанъ усовѣстились, возопіяли, и хотѣли отнявъ его у Угровъ, пріять на княженіе. Угры, убоясь, приложили зеліе смертное къ ранамъ, и несчастный умеръ вскорѣ.

Такъ погибъ благородный юноша, раздѣляя судьбу отца и дѣда, насильственною смертію, лишенный своей законной отчины. Онъ былъ погребенъ въ монастырѣ Св. Іоанна.

Распри у Угровъ съ Галичанами не прерывались. Угры, испытывая безпрестанно вражду на себѣ, отвѣчали ею же, и причиняли всякое зло Галичанамъ, отнимали женъ у мужей, насиловали, ставили коней въ божницы и избы. Галичанамъ приходилось тяжко терпѣть отъ иноплеменниковъ-находниковъ (1189).

Между тѣмъ Володимеръ успѣлъ бѣжать отъ короля. Ему поставленъ былъ шатеръ на каменной вежѣ, гдѣ держалъ его Бела съ попадьею и двумя дѣтьми. Ночью, изрѣзалъ онъ шатеръ, свилъ веревки изъ холстины, и спустился по нимъ внизъ на землю. Двое изъ сторожей помогли Володимеру пробраться въ землю Нѣмецкую къ Императору (Фридриху Барбароссѣ). Императоръ, узнавъ, что онъ племянникъ сильному князю Суздальскому, принялъ его съ великою честію и любовью, и приставя своего мужа, послалъ въ Ляхи къ Казимиру, чтобъ тотъ доправилъ ему Галича. Володимеръ обѣщался платить ему дань по двѣ тысячи гривенъ серебра въ годъ. Казимиръ послалъ его съ своимъ мужемъ Миклаемъ къ Галичанамъ. Галичане, выведенные изъ терпѣнья буйствомъ Угровъ, выгнали королевича Андрея, (послѣ двухлѣтняго господства), и приняли Володимера на Спасовъ день, 1190 года, Августа 6.

Володимеръ, сѣвъ наконецъ на столѣ отца и дѣда, кажется, нѣсколько образумился и исправился. Окруженный врагами и сомнительными друзьями, онъ придумалъ искать себѣ опоры и защиты въ Великомъ князѣ Суздальскомъ, Всеволодѣ Юрьевичѣ, своемъ дядѣ, который въ то время слылъ за сильнѣйшаго государя на Руси, и пользовался общимъ уваженіемъ. Онъ отправилъ посольство въ Суздаль: «отче господине, удержи Галичъ за мною, а я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ, и изъ твоей воли не выйду никогда.» Всеволодъ Суздальскій повѣстилъ всѣхъ князей и короля въ Ляхахъ, и водилъ ихъ кресту, что они подъ сестричичемъ его Галича искать не будутъ.

Десять лѣтъ прожилъ Володимеръ съ тѣхъ поръ, княжа въ Галичѣ покойно. Страна, послѣ всѣхъ своихъ тревогъ и волненій, успокоилась и отдохнула.

Володимеръ умеръ около 1200 года, и опять начались смятенія, продолжавшіяся лѣтъ двадцать.

И достался все-таки Галичъ, хотя и подъ старость, Роману, который искалъ его ужь почти двадцать лѣтъ, приступалъ къ нему много разъ, и нѣсколько времени владѣлъ. Елена, племянница его, княжившая въ Краковѣ, дала ему помощь вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Лесткомъ. Романъ занялъ быстрымъ движеніемъ Галичъ, — и жестоко, по сказаніямъ современнаго Польскаго лѣтописателя, Кадлубка, наказалъ своихъ противниковъ и недоброжелателей, подвергъ ихъ страшнымъ казнямъ. Чтобъ спокойно ѣсть медовый сотъ, говорилъ онъ, надо задавить пчелъ.

На него выступилъ тесть, В. К. Кіевскій, Рюрикъ Ростиславичъ, который также давно

зарился на Галичъ, и питалъ злобу на Романа за его неблагодарность, за оскорбленіе дочери, которую онъ еще прежде (1197) бросилъ и хотѣлъ постричь. Можетъ-быть, подговаривали его сами Галичане, выведенные изъ терпѣнія жестокостями Романа.

Но между тѣмъ какъ Рюрикъ искалъ себѣ союзниковъ, и привелъ Ольговичей, чтобъ идти вмѣстѣ на Галичъ, Романъ, упредивъ ихъ, явился внезапно въ Русской землѣ съ полками Галицкими и Владимирскими. Черные Клобуки, не довольные Рюрикомъ, скопившись, вышли къ нему на встрѣчу. Изъ всѣхъ городовъ Русскихъ люди валили къ нему толпами. Онъ подступилъ къ Кіеву. Кіяне отворили ему ворота Подольные, въ Копыревѣ концѣ. Онъ послалъ къ Рюрику и Ольговичамъ на гору сказать имъ—чтобъ Рюрикъ шелъ во Вручій, а Ольговичи въ Черниговъ.

Тѣ должны были согласиться, видя передъ собою необоримую силу, (1202).

На Кіевскій столъ посадилъ Романъ Ингваря Ярославича, съ согласіемъ В. К. Суздальскаго Всеволода, который видно еще прежде сошелся съ нимъ, раздраженный противъ Рюрика.

Тою же зимою (1203) Романъ ходилъ на Половцевъ, по просьбѣ императора Алексѣя Комнина, защитить имперію отъ Половцевъ, опустошавшихъ Ѳракію. Романъ взялъ вежи Половецкія, освободилъ Христіанскихъ плѣнниковъ, и привелъ много полона, къ великой радости Русской земли и Греческой.

Но Рюрикъ не могъ сидѣть равнодушно во Вручемъ. Онъ нанялъ Половцевъ и взялъ Кіевъ, подвергшійся совершенному опустошенію (1204).* Не надѣясь удержать велико-княжескаго стола, ушелъ онъ однакожъ къ себѣ во Вручій. Туда явился Романъ и старался отвести его отъ Ольговичей и отъ Половцевъ, обѣщаясь исходатайствовать ему Кіевъ. Рюрикъ поцѣловалъ крестъ ему, В. К. Всеволоду и его дѣтямъ (1204).

На слѣдующій годъ ходатайствовалъ Романъ предъ В. К. Всеволодомъ и объ Ольговичахъ.

Ни чѣмъ нельзя объяснить сихъ дѣйствій Романовыхъ, кромѣ намѣреній его ударить всѣми русскими силами на Половцевъ, куда онъ за годъ проложилъ себѣ дорогу.

Походъ этотъ былъ совершенъ на зиму (1204): Романъ Галицкій, Рюрикъ Кіевскій, Ярославъ Переяславскій и другіе князья, приняли участіе. Ольговичи отряжены были на Литву, безпокоившую Русскіе предѣлы своими набѣгами. Зима была лютая, и Половцы были жестоко наказаны, потерпѣли великій уронъ. Русскіе князья возвратились со многимъ полономъ, гоня передъ собою ихъ многочисленныя стада.

Въ Триполѣ было общее мироположенье о волостяхъ, по мѣрѣ того, кто сколько пострадалъ за Русскую землю. Рюрикъ заспорилъ, и Романъ вспылилъ. Бывъ сильнѣе на ту пору всѣхъ прочихъ князей, стремительный, онъ не зналъ мѣры своему гнѣву:— велѣлъ постричь Рюрика, жену его, дочь его, въ монашество, а сыновей Ростислава и Володимера увелъ съ собою въ Галичъ.

(Они были отпущены вскорѣ, по ходатайству В. К. Суздальскаго, который посадилъ Ростислава, своего зятя, въ Кіевѣ).

Въ это время прибылъ къ Галицкому князю посолъ Иннокентія III, властолюбиваго Папы Римскаго. Онъ старался доказать Роману

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 206.

превосходство закона Латинскаго, но, опровергаемый Романомъ, искуснымъ въ препіяхъ богословскихъ, сказалъ ему наконецъ, что Папа можетъ надѣлить его городами и сдѣлать великимъ Королемъ посредствомъ меча Петрова. Романъ, обнаживъ собственный мечъ свой, съ гордостію отвѣчалъ: «Такой ли у Папы? пока онъ у меня при бедрѣ, мнѣ не нужно другаго, и кровію беру я города, по примѣру дѣдовъ, что размножили землю Русскую.»

Воротясь изъ Половцевъ, Романъ пошелъ въ Польшу помогать своему двоюродному брату Лешку противъ дяди Мечислава Стараго, и взялъ два города. Мечиславъ умеръ. Сынъ его Владиславъ Тонконогій избранъ вмѣсто его, и примирился съ Лесткомъ, который обратился съ просьбою о томъ же къ Роману. Романъ потребовалъ вознагражденія за убытки, а въ залогъ область Люблинскую.

Отъѣхавъ въ малѣ дружинѣ отъ своего полка, подъ Завихвостомъ, на берегу Вислы, неосторожный витязь былъ настигнутъ Ляхами и убитъ. Малочисленная дружина его пала около него, (1205).

Такъ погибъ этотъ знаменитый Русскій князь, который въ молодости отразилъ блистательную рать Андрея Боголюбскаго отъ Новгорода, въ старости сдѣлался сильнѣйшимъ государемъ на югѣ, овладѣлъ Галичемъ, располагалъ Кіевымъ, поразилъ Половцевъ, защитилъ Византійскую имперію отъ нападенія варваровъ, смирилъ Ятвяговъ и Литву. Галичане отнесли тѣло его въ Галичъ, и положили въ церкви Св. Богородицы.

Волынскій лѣтописатель поминаетъ его какъ «приснопамятнаго самодержца всея Руси, одолѣвшаго всимъ поганьскымъ языкомъ, ума мудростью ходяща по заповѣдемъ Божіимъ. Устремилъ бо ся бяше на поганыя, яко и левъ, сердитъ же бысть, яко же и рысь, и губяше, яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ, храборъ бо бѣ, яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя Измаильтяны, рекомыя Половци.»

А Слово о полку Игоревѣ такъ говоритъ, обращаясь къ Роману и брату его: «а ты, буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло; высоко плаваеши на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи,* подъ шеломы Латинскыми. Тѣми тресну земля, и многы страны: Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулици своя повергоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи.»

Vir strenuus et robustus, (мужъ ретивый и крѣпкій), называетъ его Византійскій лѣтописатель, Никита Хоніатъ, описавшій помощь его Грекамъ противъ Половцевъ.

Романъ оставилъ двухъ сыновъ отъ второй жены своей, которую лѣтопись называетъ ятровью и Андрею, Королю Венгерскому, и Лестку Бѣлому, Королю Польскому, Даніила, четырехъ лѣтъ, и Василька, двухъ лѣтъ. Галичане присягнули имъ.

Рюрикъ, услышавъ о смерти своего врага, скинулъ тотчасъ монашескія порты, напялъ Половцевъ, и поднялся на Галичъ вмѣстѣ съ подговоренными Ольговичами.

Вдова Романова, вѣроятно Угорская княжна, услыша о грозѣ, обратилась съ просьбою о заступѣ къ родственнику своему, Андрею, Королю Венгерскому, который продолжалъ еще называться и Галицкимъ. Свиданіе было въ Санокѣ.

* Верхняя часть брони.

Андрей принялъ Данiила какъ «милаго» своего сына, и въ охраненiе осиротѣлаго семейства далъ свою значительную засаду, Мокiя великаго, слѣпоокаго, Корочуна, Воплта и сына его Витомира, Благиню и иныхъ Угровъ, при которыхъ Галичане, не любившiе Романа, слѣдовательно и дѣтей его, не могли причинить имъ никакого вреда, точно такъ какъ и Рюрикъ,—по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ.

Бояре Галицкiе и Владимирскiе встрѣтили его въ Микулинѣ на рѣкѣ Серетѣ, сразились—и принуждены были отступить. Но въ Галичѣ нашелъ Рюрикъ встрѣчу сильнѣе, и долженъ былъ удалиться въ Русь безъ успѣха.

Въ слѣдующемъ году (1206) собрались Ольговичи на снемъ въ Черниговѣ, и рѣшились идти опять на Галичъ съ Половцами. Они соединились въ Кiевѣ съ Рюрикомъ и его дѣтьми, который пригласилъ Берендѣевъ.

Съ другой стороны, Владимиру угрожали Ляхи. Галичане просили опять помощи у Короля, а вдова, не дождавшись его, рѣшилась искать спасенiя съ дѣтьми во Владимирѣ. Король, перешедъ гору, загородилъ дорогу Ляхамъ, и омирилъ ихъ. Они отошли прочь. Русскiе князья, также услышавъ о движенiи королевскомъ, остановились и не смѣли идти далѣе. Они стояли нѣсколько дней безъ дѣйствiя. Король, сдумавъ съ Галичанами, послалъ въ Переяславль звать Ярослава, сына Всеволодова, сильнѣйшаго Князя на Руси. Онъ ждалъ двѣ недѣли. Между тѣмъ ни Русскiе князья не подступали къ Галичу, ни король. Наконецъ они всѣ устали и разошлись: король за горы, князья домой въ Русь. По удаленiи короля, Галичане убоялись, чтобъ они не пришли назадъ. Бояринъ Володиславъ съ братомъ, кормиличичи, (сыновья кормильцовы) изгнанные покойнымъ Романомъ, невѣрья ради, и теперь воротившiеся въ Галичъ, указали на Игоревичей,—хваля ихъ достоинства, — племянниковъ послѣднему Галицкому князю Володимеру, сыновей его родной сестры, бывшей за Игоремъ Святославичемъ Сѣверскимъ.

Тотчасъ послано было за Володимеромъ, бывшимъ съ союзнымъ, отступавшимъ войскомъ, только еще въ двухъ дняхъ пути. Укрывшись отъ братьевъ, онъ прискакалъ въ Галичъ, и былъ посаженъ на столъ, а братъ Романъ въ Звѣнигородѣ. Ярославъ Всеволодичъ также прiѣхалъ, но уже поздно: три дни какъ Володимеръ былъ въ Галичѣ, и Ярославъ долженъ былъ воротиться въ Переяславль.

Володимеръ, по совѣту нѣкоторыхъ бояръ, хотя искоренить Романово племя, вслѣдъ за княгинею послалъ попа къ Владимирцамъ сказать: «не останется городъ вашъ на землѣ, если не выдадите Романовичу: возмите на княженiе брата моего Святослава.»

Владимирцы хотѣли убить попа. Нѣкоторые бояре, задумавшiе измѣну, спасли его, говоря: «не подобаетъ убити посла.» Княгиня, провѣдавъ о зломъ умыслѣ предать ихъ, посовѣтовалась съ дядькою Мирославомъ, и на ночь бѣжала въ Ляхи. Данила взялъ дядька на руки, а Василька попъ Юрiй съ кормилицею; вышли они, пролѣзши чрезъ отверстiе въ городской стѣнѣ, (дырею граднею). Несчастные не знали куда приклонить голову; отецъ ихъ былъ убитъ въ Ляхахъ, а Лестко мира еще не сотворилъ.

Однако Лестко не помянулъ вражды, но съ великою честiю принялъ ятровь свою съ дѣтьми.

Оставивъ Василька у себя, онъ послалъ Данила съ посломъ своимъ Вячеславомъ Лысымъ къ королю Андрею: «я не помянулъ свады Романовой: а тебѣ онъ былъ другъ, и ты клялся, оставшись въ животѣ, имѣть любовь къ его племени. Теперь дѣти его въ изгнаньи. Пойдемъ вмѣстѣ возвратить имъ отечество.»

А гонитель сиротъ, Володимеръ Игоревичъ, прислалъ дары Андрею и Лестку, и благодѣтели успокоились, медля своею помощію. Даніилъ остался въ Венгріи, Василько съ матерью въ Польшѣ.

Игоревичи такъ укрѣпились, что могли посылать помощь старшему изъ Ольговичей, Всеволоду Чермному, въ войнахъ его съ Рюрикомъ Ростиславичемъ. Но согласіе ихъ продолжалось не много, они перессорились между собою. Романъ бѣжалъ въ Угры, привелъ оттуда полки, и пришелъ биться съ братомъ, побѣдилъ его и занялъ Галичъ, а Володимеръ удалился въ свой Путивль (1208).

Такимъ образомъ одинъ благодѣтель не только пропустилъ случай помочь дѣтямъ Романовымъ, но еще помогъ ихъ врагу овладѣть ихъ достояніемъ, можетъ-быть обѣщавшему подданство.

Точно такъ поступилъ и другой: какъ Андрей пособилъ Роману, такъ Лестко, вмѣстѣ съ братомъ Кондратомъ, пособилъ Александру Всеволодовичу, овладѣть Владиміромъ. Владимирцы предалися ему, какъ сыновцу Романову, а Ляхи, пришедшіе съ ними, пустились грабить, поплѣнили городъ весь, приступили къ собору, хотя изломать двери. Александръ пожаловался Лестку. Лестко съ братомъ изрубили нѣсколько Ляховъ, и спасли остановъ города и церковь Св. Богородицы. Владимирцы раскаялись въ своемъ легковѣріи: безъ Александра Ляхи не перешли бы и Буга. Александръ сѣлъ во Владимирѣ, а Святославъ Игоревичъ уведенъ въ плѣнъ къ Ляхамъ. Лестко женился на дочери Ингваря, князя Луцкаго, который, какъ старшій въ родѣ Мстислава великаго, занялъ мѣсто Александрово, впрочемъ не надолго: онъ, не любимый боярами, уступивъ опять Владимиръ Александру, воротился въ Луцкъ.

Берестьяне прислали къ Лестку просить у него Романовой съ дѣтьми къ себѣ. Лестко отпустилъ. Городъ встрѣтилъ Василька, какъ бы великаго Романа жива видяще. (Даніилъ все еще оставался въ Венгріи). Послѣ мать, жалуясь предъ Лесткомъ на Александра: яко сій всю землю нашу и отчину держитъ, а сынъ мой во единюмъ Берестьи,» выпросила ему еще Бельзъ, за который были уступлены Украйные города, на лѣвомъ берегу Буга: Угровескъ, Верещинъ, Столпье и Комовъ.

Дикіе Литовцы и Ятвяги, смиренные Романомъ, пользуясь разстройствомъ земли, вторглись въ ея предѣлы и разорили окрестности Туріиска, переправились на лѣвую сторону Буга, опустошили селенія около Комова, подступили даже подъ стѣны Червена, имѣя главный обозъ въ Уханяхъ. Владимирцы отбили ихъ и прогнали, но съ большимъ для себя урономъ.

Король Андрей, видя безпрерывный мятежъ въ Галичѣ, или недовольный Романомъ, призываемый нѣкоторыми боярами, прислалъ туда войско, подъ начальствомъ воеводы Бенедикта. Бенедиктъ захватилъ Романа, моющагося въ банѣ, и препроводилъ въ Ляхи, а самъ остался управлять. Бенедиктъ неистовствовалъ въ Галичѣ, «томитель бѣ боярамъ и гражданамъ, и блудъ творя, и оскверняху жены же и черницы и попадьи, вправду бѣ антихристъ за скверная дѣла его.

Бѣ бо Тимоѳей въ Галичѣ премудръ книжникъ, отечество имѣя въ градѣ Кіевѣ, притчею рече слово о семъ томителѣ Бенедиктѣ, яко въ послѣднія времена тремя имены наречется антихристъ. Бѣгаше бо Тимоѳей отъ лица его.» Несчастные Галичане не знали къ кому обратиться: они призвали Мстислава Пересопницкаго, но онъ не могъ ничего сдѣлать противъ Бенедикта. Илья Щепановичъ, смѣясь, возвелъ его на Галичину могилу около города, и сказалъ: «ну вотъ, князь, ты посидѣлъ на Галичинѣ могилѣ, такъ и въ Галичѣ покняжилъ!»

Между тѣмъ Романъ бѣжалъ изъ Угровъ на родину. Галичане прислали пословъ къ изгнанному ими Володимеру звать его съ братомъ къ себѣ: «виноваты передъ вами, избавьте насъ отъ мучителя Бенедикта.»

Братья пришли ратью, и Бенедиктъ не въ силахъ былъ имъ противиться: онъ спасся въ Угры. Володимеръ сѣлъ въ Галичѣ, а сыну своему Изяславу далъ Теребовль. Романъ сѣлъ въ Звѣнигородѣ, Святославъ въ Перемышлѣ (1211). Другой сынъ Володимеровъ, Всеволодъ, былъ посланъ въ Угры съ дарами и просьбою выдать имъ Даніила.

Бояре продолжали мятися. Игоревичи рѣшились на страшное дѣло—перебить ихъ всѣхъ, и воспользовавшись какимъ-то случаемъ, исполнили свое звѣрское намѣреніе: пять-сотъ человѣкъ Галицкихъ бояръ погибло, а прочіе разбѣжались: Володиславъ кормиличичь, Юрій Витановичь, Илія Щепановичь, Судиславъ, Филиппъ и еще нѣсколько.

Они увидѣли Даніила въ Угорской землѣ, и выпросили его у Короля, чтобъ избавиться отъ Игоревичей. Король далъ имъ многочисленные вои. Они собрались всѣ и выступили въ походъ. Первый городъ, осажденный ими, былъ Перемышль. Володиславъ сказалъ: «братья! чего вы дожидаетесь. Не Игоревичи ли избили отцевъ вашихъ и братьевъ вашихъ. За нихъ ли хотите вы положить души свои. Они, пришедъ, завладѣли вашими отечествіями, разграбили ваши имѣнія, дочерей вашихъ выдали за рабовъ.» Жители послушались, сдались, и выдали Святослава. Отъ Перемышля полки направились къ Звѣнигороду.

На помощь къ Даніилу пришли сосѣдніе Русскіе князья: Мстиславъ Нѣмый изъ Пересопницы, Александръ съ братомъ изъ Владиміра, сынъ Ингваревъ изъ Луцка, вои изъ Дорогобужа, Шумска, отъ Василька изъ Бельза Вячеславъ Толстый, Мирославъ, Демьянъ, Воротиславъ, отъ Лестка изъ Ляховъ Судиславъ Бернатовичъ. Звѣнигородцы бились; но не могли устоять противъ такого союзнаго ополченія, такъ что и Половцы, приведенные Изяславомъ и Володимеричемъ, не принесли имъ большой пользы. Когда Угры отошли за рѣку Лютую, Половцы наперли, и одинъ изъ воеводъ Угорскихъ, Марцелъ, отбѣжалъ отъ своей хоругви, къ великому стыду, но Русскіе князья ее выручили. Романъ оставилъ городъ, намѣреваясь искать помощи на Руси, но въ Шумскѣ на мосту взятъ онъ былъ Зернькомъ и Чухомою, и выданъ Даніилу и Униамъ. Они послали тогда сказать Звѣнигородцамъ: «сдавайтесь, князь вашъ взятъ.» Звѣнигородцы сдались. Оттуда пошли всѣ къ Галичу. Володимеръ бѣжалъ съ сыномъ своимъ Изяславомъ, и былъ преслѣдованъ до рѣки Нѣзды. У Изяслава на Нѣздѣ отняли коней сумныхъ. Галичъ былъ занятъ. И княгиня пріѣхала Романовая видѣть сына своего Данила. Ребенокъ не узналъ ея.

Бояре Владимирскіе и Галицкіе, Вячеславъ Владимирскій, и Володиславъ Галицкій, и воеводы Галицкіе посадили князя Данiила на столѣ отца его В. К. Романа, въ церкви Св. Богородицы. Взятыхъ въ плѣнъ князей: Романа, Святослава, Ростислава, Галичане, пылая мщеніемъ, рѣшили повѣсить, а Угры хотѣли вести къ Королю, но получивъ великіе дары, согласились. Несчастные сыновья Игоря Святославича Сѣверскаго получили достойное наказаніе за свое злодѣйство: они были повѣшены (въ Сентябрѣ).

Спокойствіе не возстановилось. Бояре вздумали вскорѣ выгнать мать Даніилову, чтобъ управляться самимъ собою. Данило не хотѣлъ разстаться съ матерью и плакалъ. Александръ, тіунъ Шумавинскій, взялъ коня ея за поводъ. Данило ударилъ его мечемъ, и ранилъ коня. Мать взяла у него мечъ изъ рукъ, и упросила остаться у невѣрныхъ Галичанъ по Володиславову совѣту, а сама уѣхала въ Бельзъ.

Король разсердился и пришелъ въ Галичъ (1212). Онъ призвалъ ятровь свою изъ Бельза, съ боярами Владимирскими пришли на совѣтъ другіе князья, Ингварь Луцкій и иные. «Володиславъ княжится, а ятровь мою выгналъ,» такъ пожаловался Король на совѣтѣ. Володиславъ былъ захваченъ, и окованный желѣзами, отведенъ въ Угры. Судиславъ откупился золотомъ. Яволодъ и Ярополкъ, братья его, приводившіе Мстислава, бѣжали къ нему въ Пересопницу, и звали его опять въ Галичъ.

Мстиславъ пришелъ съ ними къ Бужску. Тамошніе бояре, Глѣбъ Поповичъ, Иванко Станиславичъ и братъ его Сбыславъ, возвѣстили въ Галичѣ новое нашествіе.

Княгиня Романовая съ сыномъ Даниломъ, опять должна была искать спасенія въ Уграхъ. Вячеславъ Толстый провожалъ ее, а Василько съ Мирославомъ удалились въ Бельзъ. Но и тотъ должны они были потерять. Лестко, убѣжденный тестемъ своимъ Александромъ, подступилъ къ Бельзу, и взялъ для него городъ. Василько долженъ былъ идти въ Каменецъ, сопровождаемый только нѣкоторыми боярами. Вотъ все, что оставалось у Романовичей изъ ихъ пространной отчины.

Король собрался опять на Галичъ, но лишь только перешелъ онъ горы, какъ получилъ извѣстіе о домашнемъ смятеніи. Супруга его была умерщвлена, ея братъ, архіепископъ, имѣлъ ту же участь. Многіе вожди погибли. Магнаты, озлобленные на Короля, за разрушеніе ихъ многихъ замковъ, служившихъ притономъ для разбойничьихъ шаекъ, хотѣли свергнуть его съ престола. Онъ долженъ былъ воротиться изъ Галицкаго похода.

Бояринъ Володиславъ, получившій свободу во время сихъ замѣшательствъ, собралъ вои и подступилъ къ Галичу на Мстислава. Мстиславъ бѣжалъ, и Володиславъ вокняжился.

Даніилъ съ матерью, обманувшись еще разъ въ своихъ надеждахъ, отпросился у Короля въ Ляхи, принятъ былъ Лесткомъ съ честію, и оттуда удалился къ матери, и брату Васильку въ Каменецъ, гдѣ былъ принятъ съ великою радостію.

Собралось новое ополченіе противъ Володислава: Мстиславъ изъ Пересопницы, Александръ изъ Владимира, Всеволодъ изъ Бельза съ своими полками, Даніилъ изъ Каменца, всѣ великіе бояре Даніилова отца собрались у него. Ярополкъ и Яволодъ затворились въ Галичѣ, а Володиславъ вышелъ съ Уграми и Чехами на рѣку Боброку. Лестко выслалъ на него

Ляховъ, Даніилъ Мирослава и Демьяна, Мстиславъ Глѣба Еремеевича и Юрья Прокопьича. Они сразились. Сѣча была великая. Ляхи и Русь одолѣли. Даніилъ, едва могшій еще сидѣть на конѣ, принималъ участіе въ битвѣ. Володиславъ бѣжалъ, потерявъ много воевъ. Но Галичъ все-таки не былъ взятъ. Ляхи, повоевавъ около Теребовля, Моклекова и Збыража, взявъ Быковенъ, отошли домой съ великою добычей. Лестко вытребовалъ только у Александра Тихомль и Перемиль, въ пользу Романовичей. Тамъ водворились они съ матерью, и смотрѣли оттуда на Владиміръ, призывая время, когда бѣ имъ была возвращена ихъ отчина: «се ли ово ли, Володимеръ будетъ наю.»

Такимъ образомъ Галицкое княжество переходило изъ рукъ въ руки. Малолѣтніе Романовичи съ дѣятельной своей матерью не могли удержать его, ни другіе Русскіе князья, приходившіе по зову бояръ, которые, съ своей стороны, увеличивали замѣшательство.

Ляхи и Угры, помогавшіе Романовой, рѣшились наконецъ овладѣть богатымъ княжествомъ, въ свою пользу. Лестко, по совѣту боярина своего Пакослава, предложилъ Королю чрезъ пословъ дочь свою въ замужство за сына его Коломана, и пусть сидетъ онъ княжитъ въ Галичѣ,—а боярину не есть лѣпо княжити тамъ.

Андрею улюбился совѣтъ. Онъ снялся съ Лесткомъ въ Спишѣ. Галичъ взятъ и Володиславъ плѣненъ. Коломанъ пятилѣтній женатъ на трехлѣтней дочери Лестка Соломіи, прибывшей въ сопровожденіи Краковскаго епископа Кадлубка. Папа, Иннокентій III, которому поданы виды на присоединеніе Галича къ Римской церкви, поручилъ Стригонскому архіепископу помазать и вѣнчать его на Галицкое королевство. Въ посланіи своемъ 1214 года, Король Венгерскій приписываетъ себѣ титулъ Hallіciae et Lodomiriae. Такимъ образомъ Коломанъ получилъ Галичъ, Лестку уступленъ Перемышль, а Пакославъ награжденъ Любачевымъ. Володиславъ посланъ въ заточеніе, гдѣ вскорѣ и умеръ, «нашедъ зло, княженія деля, племени своему и дѣтямъ своимъ,» которыхъ не хотѣлъ принимать къ себѣ на службу ни одинъ князь.

Пакославъ, главный виновникъ сей сдѣлки, доброжелатель Романовой, подалъ еще совѣтъ Лестку, чтобъ тотъ вытребовалъ у Александра Владиміръ для Даніила и Василька: «если не отдашь, то приду на тебя съ Романовичами.» Александръ уступилъ (1211).

Казалось, все уладилось, и оставалось въ покоѣ лѣтъ пять, какъ вдругъ Король, неизвѣстно по какой причинѣ, отнялъ Перемышль у Лестка и Любачевъ у Пакослава.

Лестко вознегодовалъ, — и предложилъ Галичъ Мстиславу Новогородскому, котораго слава гремѣла тогда на всемъ сѣверѣ, который недавно порѣшилъ дѣла Кіевскія въ пользу своихъ родичей противъ Всеволода Чермнаго*. «Ты мнѣ братъ,» писалъ онъ къ Мстиславу въ Новгородъ, въ злобѣ на Андрея, — «иди и сядь въ Галичѣ.»

Проведя почти всю свою жизнь на югѣ, знакомый со всѣми тамошними дѣлами, Мстиславъ давно уже видно зарился на эту богатую и обильную волость, и хотѣлъ положить свой топоръ на вѣсы рѣшенія, для чего, вѣроятно, и пріѣзжалъ въ Русь изъ Новагорода еще въ 1206 году, вскорѣ по смерти Романовой.

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 209.

Рѣшась теперь при благопріятныхъ обстоятельствахъ приступить къ исполненію давняго замысла, онъ принялъ приглашеніе Лестка, и простился съ Новогородцами. * Добравшись до Кіева, онъ и началъ собирать вои. Сборы продолжались не долго. Кто былъ не радъ стать подъ стяги Мстиславовы, любимые побѣдою! Снарядясь, онъ пошелъ наконецъ въ походъ,—и одинъ страхъ отъ его имени обратилъ враговъ въ бѣгство. Воронье, что терзали бѣдный Галичъ, разлетѣлись, почуявъ сокола. Свирѣпый Бенедиктъ Лысый, намѣстникъ Андреевъ, бѣжалъ въ Угры съ Судиславомъ, опекуномъ малолѣтнаго Королевича, Галичъ сталъ пустъ, и Мстиславъ безъ всякаго затрудненія сѣлъ на столѣ Галицкомъ. Легкій успѣхъ, — но труды были еще впереди!

Угры не могли же отказаться легко отъ своей завидной добычи. Мстиславъ на всякій случай долженъ былъ приготовляться къ встрѣчѣ. Онъ выдалъ дочь свою Анну за Даніила, получившаго между тѣмъ, послѣ многихъ бѣдъ и превратностей, отчину свою, княжество Владимирское, — надѣясь имѣть въ немъ вѣрнаго сотрудника и помощника противъ иноплеменниковъ. Но не съ одними Уграми предстояла борьба.

Непостоянный Лестко взялъ вскорѣ ихъ сторону, хоть противъ нихъ только-что призвалъ Мстислава,—и вотъ по какому случаю:

Во время смутъ онъ овладѣлъ нѣкоторыми городами Владимирскими. Даніилъ, возмужавъ и утвердясь на отцовскомъ столѣ, потребовалъ ихъ назадъ. Лестку не хотѣлось разстаться съ ними. Даніилъ пожаловался Мстиславу. Тотъ отвѣчалъ: «за первую любовь, я не могу возстать на него; ищи другихъ помощниковъ.»

Молодой князь Владимирскій рѣшился управиться одинъ, и заняль всю свою Украйну, разбилъ и Ляховъ, высланныхъ Лесткомъ воевать по Бугу. Тогда Лестко озлобился, и полагая, что зять дѣйствуетъ за одно съ тестемъ, вступилъ тотчасъ въ переговоры съ Андреемъ: «Я отказываюсь отъ части своей въ Галичѣ,» говорилъ онъ, «и отдаю все зятю, (т.-е. Андрееву сыну, женатому на его дочери), выгонимъ только Русскихъ.»

Андрей не могъ ничего желать лучше. Онъ собралъ войско, и подступилъ къ Перемышлю. Ярунъ тысяцкій долженъ былъ бѣжать. Вои, присланные Мстиславомъ къ Городку, отложившемуся съ людьми Судислава, были разбиты подоспѣвшими Уграми и Ляхами. Въ схваткѣ убитъ дьякъ Мстиславовъ Василій, по прозванію Молза; съ Михалка Скулы враги сняли трое золотыхъ цѣпей, потомъ отсѣкли голову и принесли къ Коломану. Мстиславъ стоялъ на Зубрьѣ, съ князьями Кіевскими и Черниговскими. Туда прибѣжали къ нему разбитые бояре, и извѣстили его о силѣ вражеской. Онъ увидѣлъ, что не можетъ спорить теперь, и отошелъ дальше назадъ, убѣдивъ Даніила и Александра Бельзскаго подержаться въ Галичѣ. Даніилъ затворился, а Александръ не поспѣлъ. Коломанъ и Ляхи подступили къ городу, бились долго на Кровавомъ Броду, но оставили его, устремились на Мстислава, и принудили выйдти изъ земли. Онъ успѣлъ однакожъ дать знать зятю, чтобъ тотъ выходилъ изъ засады, и Даніилъ, оказавъ великую храбрость и ловкость, прошелъ почти черезъ непріятельскіе полки, достигнулъ Днѣстра, оттуда приплылъ къ Мстиславу, который великую хвалу сотворилъ своему мужественному зятю, далъ

* См. въ исторіи Новогородскаго княжества.

ему многіе дары, и даже борзаго своего сиваго коня. Онъ не думалъ, разумѣется, уступать, и не имѣя почти никакихъ у себя воевъ, рѣшился найдти ихъ индѣ. «Пойди, Княже, въ свой Владимиръ,» сказалъ онъ, «а я пойду въ Половцы, и мы отомстимъ свой соромъ.»

Угры торжествовали. Къ Коломану на помощь пришелъ въ Галичъ воевода Филя прегордый, какъ отзывается объ немъ Волынская лѣтопись: «онъ надѣялся объять всю землю, потребить море, и говорилъ обыкновенно: острый мечу, борзый коню—многая Руси.» Еще была у него пословица: однимъ камнемъ можно горшковъ перебить много.

Наконецъ пронесся слухъ, что идетъ Мстиславъ съ Половцами. Лестко поспѣшилъ на Даніила, бороня ему идти на помощь къ тестю. Фильній не сомнѣвался въ побѣдѣ: оставивъ молодаго Коломана въ Галичѣ съ женою, онъ укрѣпилъ городъ, и къ великому соблазну православныхъ, употребилъ церковь Пресвятыя Богородицы подъ стѣну, а самъ пошелъ на встрѣчу съ Уграми, Ляхами и Галичанами. Мстиславъ ожидалъ его, вмѣстѣ съ вѣрнымъ своимъ другомъ, и первымъ сподвижникомъ подъ Липицами, княземъ Володимеромъ Рюриковичемъ Смоленскимъ. Половцы поставлены были въ засадѣ, чтобъ ударить, когда разгорится бой. Полки приближались. Нетерпѣливый Мстиславъ выѣхалъ впередъ на высокій холмъ, чтобъ обозрѣть вѣрнѣе ихъ количество и силу....

Володимеръ, замѣтивъ изъ своего полка его одного на виду передъ врагами, испугался, чтобъ не случилось чего съ нимъ,—а отъ него зависѣло все,—прискакалъ къ безстрашному и убѣждалъ воротиться назадъ къ своимъ. Мстиславъ спускается быстро и тотчасъ велитъ начать сраженіе, обѣщая своимъ воямъ побѣду силою честнаго креста. Полки сступились. А на Володимеровомъ крылѣ дѣло загорѣлось еще прежде. Ляхи напирали сильно. Наши будто оробѣли, побѣжали, князья съ ними. Ляхи пустились въ погоню. Часть Венгровъ присоединилась къ преслѣдователямъ, считая побѣду рѣшенною. Всѣ они удалились на большое разстояніе отъ побоища, а Мстиславъ все еще стоялъ. Увидя противъ себя малочисленный остатокъ, онъ ударилъ съ Половцами въ тылъ Венграмъ и Галичанамъ, и привелъ ихъ въ совершенное замѣшательство. Тогда и Володимеръ Рюриковичъ, условясь, вѣроятно, заранѣе, оборотился на нихъ съ прочими бѣглецами—и враги были смяты совершенно. Фильній былъ взятъ здѣсь въ плѣнъ. Безъ воеводы упалъ духъ у воевъ. Бѣжать было некуда, и сражаться нельзя. Половцамъ и Русскимъ оставался только трудъ убивать ихъ. Между тѣмъ первые Ляхи возвращались съ пѣснями на побоище, не предчувствуя пораженія Венгровъ и Галичанъ. Половцы окружили ихъ со всѣхъ сторонъ съ однимъ княземъ, и началась новая рѣзня. Они бѣжали: на другой сторонѣ развѣвалось бѣлое знамя; несчастные Ляхи устремились туда, думая, что это ихъ товарищи держатся, а знамя было распущено Русскими, которые принимали ихъ на мечи, по приказанію Мстислава, не велѣвшаго давать никому пощады. Побѣда одержана совершенная. Нельзя было счесть убитыхъ, трупы лежали ворохами, кровь вездѣ лилась потоками. Вопли раненыхъ и умирающихъ слышны были въ Галичѣ. А Половцы принялись грабить—коней, одеждъ, оружія, множество Поляковъ и Венгерцевъ угнали они въ неволю. Тогда и Галичане, услышавъ о побѣдѣ, начали убивать тайно

остававшихся у нихъ Венгровъ, какъ овецъ. Русскіе превозносили Мстислава до небесъ, и за такую совершенную побѣду, что одержалъ онъ, и за приказъ не давать пощады Украмъ и Ляхамъ. Красное ты наше солнышко, ясный ты нашъ соколъ; самъ Богъ посылаетъ тебя смирять гордыхъ и строптивыхъ, чтобъ не смѣли хвалиться предъ тобою побѣдою, — восклицали они въ восторгѣ, и слава Мстислава между Русскими воями совершенно утвердилась: нѣтъ ему равнаго воителя!

Онъ подступилъ къ Галичу.

Остававшіеся тамъ съ Коломаномъ Угры и Ляхи рѣшились съ отчаянія защищаться до послѣдней капли крови. Смерть ждала ихъ предъ городомъ та же, что и въ городѣ. Приготовляясь къ осадѣ, они выгнали всѣхъ жителей съ женами и дѣтьми, опасаясь голода, равно какъ и измѣны съ ихъ стороны. Плѣнный Фильній, вѣроятно, по приказу Мстислава, совѣтовалъ имъ не противиться побѣдителю, которому самъ Богъ предалъ во власть всю Галицкую землю, — но они не послушались. Потомъ послалъ къ нимъ Мстиславъ своего тысяцкаго Димитрія съ предложеніемъ сдаться, и также безъ успѣха. Наконецъ самъ подъѣхалъ къ крѣпости, и въ третій разъ они отказались. «Ну такъ готовьтесь на убой, а не къ сраженію,» угрозилъ раздраженный князь. Полки его окружили со всѣхъ сторонъ крѣпость. Къ несчастію осажденныхъ, одни заднія ворота оставили они безъ нужнаго вниманія. Русскіе сдѣлали подъ ними подкопъ, ворвались въ крѣпость, и впустили туда ночью Мстислава съ его людьми. Произошло всеобщее замѣшательство. Враги метались изъ стороны въ сторону среди ночнаго мрака, и падали подъ остріемъ меча. Славный лѣтописатель Польскій, архіепископъ Краковскій Кадлубко, и канцлеръ Иванъ успѣли убѣжать изъ города. Коломанъ съ женою спасся въ церковь, которую еще до похода укрѣпилъ самъ Фильвій, соединивъ ее съ ближайшею стѣною. Нѣсколько Угровъ и Ляховъ послѣдовало за нимъ; одни взбѣжали на каморы церковныя, другіе поднялись на веревкахъ, и начали бросать оттуда каменьями. На разсвѣтѣ Мстиславъ окружилъ это послѣднее убѣжище, и вызывалъ Коломана для переговоровъ. Приближенные убѣждали его не выходить и не соглашаться ни на что, въ надеждѣ, не подоспѣетъ ли помощь отъ отца, который долженъ былъ уже получить извѣстіе объ ихъ положеніи. Мстиславъ стоялъ.

Хлѣба было припасено хотя мало въ церкви, но пить было нечего, и жажда одолѣвала несчастныхъ. Мстиславъ, сжалясь, послалъ имъ бочку воды, и они приняли ее какъ драгоцѣннѣйшій даръ, и раздѣлили между собою по мѣркѣ, хотя впрочемъ и половина не утолила жажды.

Наконецъ къ жаждѣ присоединился и голодъ. О помощи было неслыхать ниоткуда, — и осажденные отворили ворота. Мстиславъ велѣлъ вывесть Венгерскихъ и Польскихъ бояръ съ ихъ женами, и роздалъ ихъ по Половцамъ и по своей дружинѣ. Послѣдній вышелъ молодой Коломанъ съ женою, и былъ отосланъ подъ стражею въ Торческъ. Враждебный Мстиславу Галицкій бояринъ Судиславъ попался здѣсь также въ его власть. Онъ обнималъ ноги князевы и обѣщался работать ему вѣрно. Князь не попомнилъ зла, повѣрилъ словамъ его, себѣ на бѣду, и, почтивъ его честію великою, далъ ему Звенигородъ.

Торжество Мстислава было полное, и раздѣлить оное пріѣхалъ вскорѣ храбрый

Даніилъ, которому Лестко мѣшалъ до сихъ поръ соединиться съ нимъ и принять участіе въ войнѣ. Русскіе епископы вѣнчали Мстислава, какъ утверждаютъ нѣкоторые изъ новыхъ лѣтописцевъ, златымъ вѣнцемъ Коломановымъ, доставшимся ему въ руки, и онъ принялъ на себя имя Царя Галицкаго.

Андрей, услышавъ о происшедшемъ, прислалъ къ Мстиславу вельможу своего Яроша требовать, чтобъ тотъ освободилъ его сына и всѣхъ плѣнниковъ, не то — подниметъ на него все царство свое и придетъ войною. «Побѣда не въ твоихъ рукахъ, а въ Божіихъ,» отвѣчалъ Мстиславъ спокойно, «приходи, и я тебя встрѣчу, надѣяся на помощь небесную.»

Второе посольство привезло рѣчи болѣе умѣренныя. Король Венгерскій увидѣлъ, что Мстислава устрашить ничѣмъ нельзя, и что лучше прибѣгать къ другимъ средствамъ. Супруга Андрея отправила къ нему отъ себя особыхъ мужей молить о сынѣ. Мстиславъ долго не соглашался, опасаясь, чтобъ Галицкіе бояре, его не любившіе, не приняли опять стороны Коломановой, и не затѣяли новой войны. Посольства не прерывались. Предложенія слѣдовали одни за другими. Начались переговоры. Наконецъ рѣшено было, особенно вслѣдствіе совѣтовъ Судиславовыхъ, что Мстиславъ освобождаетъ Коломана и плѣнныхъ Угровъ, а онъ отказывается отъ Галицкаго княжества, которое чрезъ три года предоставляется въ приданое дочери Мстиславовой, Маріи, вступающей въ супружество со вторымъ Андреевымъ сыномъ Андреемъ; теперь Угры получаютъ только Перемышль.

Лестко озлобился на Андрея за этотъ договоръ, коимъ дочь его лишалась Галича, и старался посредствомъ Папы разрушить его, но напрасно, и по неволѣ помирился онъ съ Русскими князьями.

Мстиславъ имѣлъ еще случай показать доброе сердце, умилостививъ Даніила, который хотѣлъ было наказать войною двоюроднаго князя Бельзскаго за его союзъ со врагами: тесть сказалъ зятю: «пожалуй брата Александра,» — и онъ, разоривъ только окрестности Бельза, воротился въ Володимиръ.

Такимъ образомъ дѣла, кажется, совершенно устроились: Мстиславъ до времени владѣлъ безспорно Галичемъ, зять его Даніилъ Волынью. Враги смирились, сосѣди утихли, и никто не смѣлъ потревожить доблихъ князей, одного въ возрастѣ цвѣтущей юности, другаго въ лѣтахъ мужественной старости, окруженныхъ вѣрными, испытанными дружинами, но издали неслися новыя, еще болѣе грозныя, тучи.

ТУРОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО.

Туровъ, нынѣ мѣстечко въ Мозырскомъ повѣтѣ Минской губерніи, получилъ во второй половинѣ X столѣтія Норманскихъ поселенцевъ. Приплывъ, вѣроятно, по западной Двинѣ, одни изъ нихъ, съ вождемъ своимъ Рогвольдомъ, остановились въ Полоцкѣ у Кривичей, другіе съ Туромъ добрались до Припети, впадающей въ Днѣпръ, и поселились на берегахъ ея, положивъ основаніе особому княжеству Туровскому.

Володимеръ Святый отдалъ Туровъ старшему своему сыну-пасынку, *Святополку*, вступившему въ бракъ съ дочерью Польскаго короля Болеслава Храбраго.

Католичка, она привела съ собою католическаго епископа Рейнберна Колбергскаго, который началъ проповѣдывать свое ученіе между туземцами.

На Святополка падало подозрѣніе, что онъ отъ отчима хочетъ передаться къ тестю, отъ Руси къ Польшѣ.

Володимеръ велѣлъ заточить ихъ всѣхъ троихъ, князя, жену и епископа, въ темницу въ Кіевѣ, говоритъ лѣтописатель Нѣмецкій Дитмаръ, но по смерти, а можетъ-быть и передъ смертію, его они были освобождены.

Святополкъ, какъ старшій, сѣлъ на великокняжескій столъ, который старался утвердить за собою убіеніемъ братьевъ: Бориса, Глѣба и Святослава. Вслѣдъ за ними онъ погибъ самъ, и наслѣдникъ его Ярославъ сдѣлался государемъ всея Руси. *

Туровъ отдалъ онъ, какъ и отецъ его Володимеръ, старшему своему сыну *Изяславу*.

Изъ Турова (1054) Изяславъ, по смерти отца, сѣлъ на великокняжескій столъ.

Въ 1078 году, Туровъ, вмѣстѣ съ Владиміромъ Волынскимъ, отданъ В. К. Всеволодомъ старшему сыну Изяславову *Ярополку*.

По его смерти (1086), Туровъ достался другому его брату *Святополку*, который отсюда также, какъ Святополкъ первый и Изяславъ, поступилъ на великое княженіе.

---

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 57.

Туровъ принадлежалъ, вѣроятно, сыну его *Ярославу*, вмѣстѣ съ Владиміромъ, какъ прежде.

По смерти Ярослава, убитаго Ляхами подъ Владиміромъ, Туровъ достался Володимеру *Мономаху* (1127), который отдалъ его сыну *Вячеславу*.

Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, занявъ столъ великаго княжества, гналъ Вячеслава изъ Турова, говоря ему (1112): «сѣдиши во Кіевской волости, а мнѣ достоитъ; а ты пойди въ Переяславль, отчину свою.»

Онъ отдалъ Туровъ сыну своему Святославу. Послѣ переходилъ этотъ городъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, въ Мономаховомъ родѣ. Юрій Долгорукій отдалъ его сыну Борису, 1157.

Наконецъ Туровъ возвратился въ родъ Изяславовъ, Святополковъ, въ лицѣ *Юрья Ярославича*, остававшагося, вѣроятно, малолѣтнымъ при смерти отца, (1157—1167).

Изяславъ Давидовичъ, занявъ великокняжескій столъ, хотѣлъ было покорить Туровъ (1157) съ Пинскомъ для Володимера Мстиславича. «И бьяхуться крѣпко, выходячи изъ города, и много бываше язвеныхъ. И многу мольбу створиваше Гюрги Ярославичь, высылая изъ города къ Изяславу, река: брате, прими мя въ любовь къ себѣ. Изяславъ же того не восхотѣ.»

Впрочемъ послѣ десятинедѣльной осады онъ со всѣми своими помощниками, вслѣдствіе конскаго падежа, принужденъ былъ отступить.

Юрій выдержалъ еще другую осаду отъ Мстислава Изяславича въ 1160 году.

У Юрія было шесть сыновъ, между которыми раздѣлилось его малое владѣніе: Дубровица, Пинскъ, Слуцкъ, Клеческъ.

Рюрикъ Ростиславичъ Кіевскій, женатый на его дочери, могъ поддерживать оставшихся шурьевъ своимъ вліяніемъ.

Потомки ихъ должны до сихъ поръ вестися на Волыни.

Всѣхъ князей знаменитѣе былъ Епископъ Туровскій Кириллъ, котораго труды представитъ исторія духовной жизни.

ПОЛОЦКОЕ КНЯЖЕСТВО.

Полоцкъ, на Западной Двинѣ, въ землѣ Кривичей, существовалъ до Рюрика. Онъ былъ извѣстенъ Норманнамъ, Грекамъ, Арабамъ. Рюрикъ посадилъ въ Полоцкѣ своего мужа. Во время Святослава водворился здѣсь Рогволодъ, Норманнъ, пришедшій изъ-за моря родоначальникъ по женскому колѣну Полоцкихъ князей, Всеславичей, * которые враждовали съ самаго начала прочимъ князьямъ Русскимъ.

«О сихъ Всеславичахъ,» говоритъ древняя лѣтопись, описывая происхожденіе этой вражды, «такъ разсказываютъ свѣдущіе: Рогволодъ держалъ Полоцкую землю, владѣлъ ею, и княжилъ въ ней, а Володимеръ былъ тогда въ Новѣгородѣ, еще очень молодой и поганый, (язычникъ); и былъ у него воеводою Добрыня, храбрый и нарядный мужъ. Сей послалъ къ Рогволоду просить у него дочери за Володимера. Рогволодъ спросилъ дочь свою: хочешь ли за Володимера? Она отвѣчала: не хочу разуть робичича, ** но хочу Ярополка. Володимеръ разгнѣвался о той рѣчи, что сказала: не хочу я за робичича,—и пожаловался Добрынѣ. Тотъ исполнился ярости, и собралъ вои. Они пошли на Полтескъ и побѣдили Рогволода. Рогволодъ убѣжалъ въ городъ. Они приступили къ городу, взяли городъ, и захватили самого Рогволода, и жену, и дочь его. Добрыня поносилъ ему и дочери его, называлъ ее робичицею, и велѣлъ Володимеру быть съ нею передъ отцемъ ея и матерью. Потомъ убилъ отца, а ее далъ женою Володимеру. Она была прозвана Гориславою, и родила Изяслава. Послѣ Володимеръ взялъ себѣ другихъ женъ, и началъ ей негодовати, (разлюбилъ ее). Нѣколи онъ пришелъ къ ней и уснулъ. Она хотѣла зарѣзать его ножемъ, и ключися ему убудитися, (случилось ему проснуться), и онъ схватилъ ее за руку. Она сказала: «я сжалилася, потому что ты изъ-за меня убилъ моего отца, и землю его полонилъ, а нынѣ ты уже не любишь меня и этого младенца.» Володимеръ велѣлъ ей устроиться во всю тварь царскую, какъ въ день ея посага, (посяга), и сѣсть на постели свѣтлой въ храминѣ, да пришедъ потнетъ ю, (пронзить ее). Она исполнила такъ, и давъ въ руки сыну своему Изяславу мечъ нагъ (обнаженный), сказала: какъ придетъ сюда отецъ, выступи и скажи: отче, развѣ думаешь, что ты здѣсь одинъ? Володимеръ отвѣчалъ: а кто тебя зналъ здѣсь, и бросилъ

---

* У Володимера отъ Рогнѣды былъ сынъ Изяславъ, у И. Брячиславъ, у Б. Всеславъ, по имени котораго всѣ потомки и называются Всеславичами, см. ниже.

** Володимеръ родился отъ Малуши, ключницы Ольгиной.

свой мечъ, созвалъ бояръ, и разсказалъ имъ (все происшедшее). Они порѣшили: не убивай ея, ради дитяти сего, но воздвигни отчину ея, и отдай ей съ сыномъ своимъ. Володимеръ построилъ городъ, назвалъ его Изяславлемъ, и отдалъ имъ. Вотъ съ какихъ поръ Рогволожи внуки взимаютъ мечъ противъ Ярославлихъ внуковъ.»

Изяславъ скончался еще при жизни отца, Володимера, въ 1001 году.

Сынъ его *Брячиславъ* началъ уже враждебныя дѣйствія, вскорѣ по его кончинѣ, и напалъ въ 1021 году на Новгородъ, съ помощію Норманновъ.

Война его съ Ярославомъ описывается въ Еймундовой сагѣ съ разными баснословными подробностями.

Ярославъ настигнулъ его при рѣкѣ Судомирѣ, на возвратномъ пути изъ Новагорода къ Полоцку, и отнялъ всю добычу. По заключенному миру Брячиславъ получилъ себѣ Витебскъ и Усвятъ.

Брячиславъ умеръ въ 1043 году, и его мѣсто заступилъ сынъ *Всеславъ*, знаменитѣйшій изъ князей Полоцкихъ. Преданіе говоритъ, что мать его родила отъ волхвованья. На головѣ у него оказалось язвено, и волхвы велѣли матери обвязать голову, а ему носить эту повязку до живота своего, «которую и носитъ Всеславъ,» говоритъ лѣтописатель подъ 1043 годомъ, «до сего дне на себѣ; сего ради не милостивъ есть на кровопролитье.»

Съ 1064 года Всеславъ началъ рать. По слѣдамъ отца, ходилъ онъ (1067) на Новгородъ, и ограбилъ городъ.

«Всеславъ разшибе славу Ярослав(л)ю, скочи волкомъ до Немигы съ Дудутокъ.»

Ярославичи пришли на него за то войною, взяли Минскъ, изсѣкли мужей, а женъ и дѣтей взяли на щитъ.

На Немизѣ, Марта 3, 1067 года, была сѣча злая, говоритъ лѣтопись, и многіе пали.

Пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ описываетъ сѣчу такъ: «на Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чѣпи харалужными, на тоцѣ (на току) животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ (не благомъ) бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Руськыхъ сыновъ.»

Ярославичи потомъ обманомъ уговорили Всеслава переправиться къ нимъ чрезъ Днѣпръ, поцѣловавъ крестъ, что не сдѣлаютъ ему зла. Іюля 10, когда онъ приплылъ къ нимъ въ ладьѣ, они захватили его на Рши у Смоленска, и отослали въ Кіевъ. Тамъ посаженъ онъ былъ въ порубъ съ двумя сыновьями.

На слѣдующій годъ (1067), въ Кіевѣ, среди народнаго мятежа, вслѣдствіе отказа В. К. Изяслава идти вновь на Половцевъ, дружина совѣтовала Великому Князю убить Всеслава, но тотъ не согласился, — Всеславъ освобожденный посаженъ на столъ (Сентября 15).

Когда Изяславъ воротился съ Польскою помощью, чрезъ семь мѣсяцевъ (1068), Всеславъ вышелъ къ нему на встрѣчу, но тайкомъ отъ Кіевлянъ бѣжалъ ночью изъ Бѣлгорода въ Полоцкъ. «Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ полночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мглѣ,» (обернувшись синею мглою).

Изяславъ прогналъ его и оттуда, и посадилъ сына своего Мстислава, который вскорѣ тамъ умеръ, замѣщенный Святополкомъ (1069).

Всеславъ напалъ тогда въ другой разъ на Новгородъ, и былъ отраженъ княземъ Глѣбомъ съ Новгородцами (Октября 23, на память Св. Іакова).

Онъ не унывалъ, собрался съ новыми силами, и чрезъ годъ (1071) выгналъ Святополка изъ Полоцка, но былъ опять побѣжденъ братомъ его Ярополкомъ у Голотическа.

Болѣе о немъ ничего не извѣстно. Его кончина записана въ 1101 г. Апрѣля 14, въ середу, въ 9 часу дня. Вѣроятно онъ успѣлъ послѣ Ярополковой побѣды возвратить себѣ отчину. Слово о полку Игоревѣ прославляетъ его такъ: «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь волкомъ рыскаше; изъ Кыева дорыскаше до Куръ Тьмутораканя, великому Хорсови волкомъ путь прерыскаше.»

Онъ оставилъ многихъ сыновъ: Романа, Давида, Рогволода, Бориса, Глѣба, Ростислава, Святослава, о которыхъ вмѣстѣ упоминается въ лѣтописи только подъ 1106 годомъ: «побѣдиша Зимегола Всеславичь, всю братью, и дружины убиша девять тысячь.»

Примѣчательнѣйшій изъ нихъ былъ Глѣбъ, князь Минскій, на котораго приходило еще въ 1104 году ополченіе южныхъ князей: Путята отъ Великаго князя Кіевскаго Святополка, Ярополкъ отъ отца Мономаха, и Олегъ Святославичъ, имѣя при себѣ брата Глѣбова Давида. Успѣха никакого не было, и князья воротились домой.

Десять лѣтъ прошло спокойно, но въ 1115 г. Кіевская лѣтопись разсказываетъ, что Глѣбъ воевалъ Дреговичей, пожегъ Случескъ, и не каялся въ винѣ своей, а упрекалъ еще Мономаха, и говорилъ противъ него. Володимеръ выступилъ съ сынами своими и Ольговичами: Вячеславъ взялъ Оршу и Копысу, а Давидъ съ Ярополкомъ Друцкъ на щитъ, самъ Володимеръ пошелъ къ Минску, и когда Глѣбъ увидѣлъ, что онъ началъ ставить истбу у своихъ товаровъ, то началъ просить пощады, высылая пословъ. Мономахъ, не хотя проливать крови въ дни постные, далъ ему миръ. Глѣбъ вышелъ изъ города съ дѣтьми и дружиною, поклонился и обѣщалъ слушаться во всемъ. Наказавъ о всемъ, Володимеръ возвратился въ Кіевъ, а Ярополкъ срубилъ городъ Желди для полоненныхъ Дручанъ.

Черезъ годъ (1117) Глѣбъ выведенъ былъ однако же изъ Минска, вѣроятно не сдержавъ своего обѣщанія.

Мономахъ привелъ его въ Кіевъ, гдѣ онъ и умеръ 1119 года, Сентября 13.

Онъ далъ съ княгинею въ монастырь 600 гривенъ серебра и 50 золота. Жена его, дочь Ярополка Изяславича, дожила до глубокой старости (1157), и похоронена въ Печерскомъ монастырѣ, въ головахъ у Св. Ѳеодосія. Она дала сто гривенъ серебра и 50 гривенъ золота по смерти князя, а по своей смерти пять селъ и съ челядью, и все имѣніе до повоя.

Рогволодовичи продолжали враждовать Ярославичамъ.

Въ 1128 году сынъ Мономаховъ Мстиславъ, Великій князь Кіевскій, вооружился со всѣми силами противъ Полоцкихъ князей, «зане не были въ его воли,» и не слушались его, когда онъ звалъ ихъ на помощь въ Русскую землю, «по паче молвяху Бонякови Шелудивому въ здоровье.» Мстиславъ разгнѣвался и хотѣлъ идти войною, но нельзя было ему идти, потому что Половцы налегли тогда на Русь. Онъ стоялъ и перемогался, біяся

съ ними, но лишь только «опорознился онъ отъ рати,» (сдѣлался свободнымъ), какъ и приступилъ къ исполненію своего намѣренія.

Посланные имъ братья и сыновья разными дорогами, должны были въ одинъ день Августа 11, напасть со всѣхъ сторонъ на Полоцкія области и пустить на воропъ.

Брячиславъ, сынъ Полоцкаго князя Давида, вышелъ изъ Логожска къ отцу съ людьми своими, но на половинѣ дороги остановился, не рѣшаясь куда идти, и попался въ руки шурину своему Изяславу Мстиславичу, который отвелъ плѣнника съ его людьми къ дядѣ Вячеславу, стоявшему и бившемуся передъ Изяславлемъ. Изяславцы, видя князя своего и Логожанъ безъ пакости, спросили у Вячеслава клятвы, что не отдастъ ихъ на щитъ, и сдалися. Отроки его однако же по недоразумѣнію пустились грабить, такъ что съ трудомъ былъ сохраненъ товаръ Мстиславлей, жены Брячислава. Полочане рѣшились выгнать князя своего Давыда съ его дѣтьми, и просили себѣ у Мстислава княземъ Рогволода, брата Давыдова, на что Мстиславъ и согласился.

Черезъ годъ, въ 1130 году, поточилъ однако же Мстиславъ всѣхъ Полоцкихъ князей въ Греки съ женами и дѣтьми, «еже преступиша крестное цѣлованіе. Первѣе посла по Кривитьстѣи князѣ, по Давыда, по Ростислава, и Святослава, и Рогволодича два, и усажа у три лодьи, и поточи й Царьграду за неслушаніе ихъ,» а мужей своихъ посажалъ по ихъ городамъ.

Полоцкъ отданъ былъ имъ старшему сыну Изяславу. Изяслава, по смерти Мстиславовой, (1132), В. К. Ярополкъ вызвалъ оттуда въ Переяславль, а Полоцкъ передалъ другому племяннику Святославу.

Полочане выгнали его однако же отъ себя, и посадили у себя Василька Рогволодовича, который видно возвратился изъ ссылки, и занялъ отцовскій столъ, можетъ-быть воспользуясь Кіевскими смятеніями. Мы узнаемъ объ этомъ изъ извѣстія, что онъ (1138) пропустилъ свободно чрезъ свои владѣнія Всеволода Мстиславича, изгнаннаго Новогородцами и призваннаго Плесковичами изъ Кіева, «забы злобу отца его,» Мстислава, поточившаго Полоцкихъ князей въ Грецію.

Дочь свою Василько выдалъ замужъ за сына В. К. Кіевскаго Всеволода Ольговича, Святослава.

Подъ 1140 отмѣчено въ лѣтописи, что воротились изъ Царьграда еще два княжича: прочіе или перемерли тамъ, или возвращеніе ихъ, какъ Васильково, не записано.

Въ 1144 въ Полоцкѣ княжилъ Рогволодъ Борисовичь, который женился на дочери В. К. Изяслава Мстиславича.

Онъ былъ согнанъ Полочанами со стола, и отосланъ въ Минскъ подъ стражею (1151), гдѣ и жилъ въ великой нуждѣ.

Полочане прислали къ Святославу Ольговичу, Сѣверскому князю, съ любовію, и поддались подъ его покровительство, «яко имѣти его отцемъ себѣ, и ходить въ его послушаньѣ.»

За симъ, вслѣдствіе общей причины, размноженія князей, начинаются въ Полоцкѣ междоусобія между братьями, въ коихъ, по родству, принимаютъ по временамъ участіе и прочіе Русскіе князья. Княземъ себѣ, послѣ изгнаннаго Рогволода Борисовича, посадили Полочане двоюроднаго брата его, Ростислава Глѣбовича.

Спустя восемь лѣтъ, Рогволодъ Борисовичь является у Святослава Ольговича, который даетъ ему свой полкъ искать себѣ волости, «потому что братья его обидѣли, и отняли у него волость и жизнь его всю.» Пріѣхавъ къ Слуцку, онъ началъ слаться къ Другчанамъ, которые звали его къ себѣ: «пріѣзжай, князь, не стряпай, мы рады тебѣ, и если намъ съ дѣтьми придется биться за тебя, мы готовы биться.» Больше трехъ сотъ людей Другчанъ и Полчанъ выѣхало къ нему, и онъ вступилъ въ городъ съ великою честію, откуда князь Глѣбъ Ростиславичь былъ выгнанъ, и уѣхалъ къ отцу (1158) въ Полоцкъ.

И въ Полоцкѣ началось смятеніе: многіе хотѣли Рогволода. Насилу Ростиславъ Глѣбовичь установилъ людей, одаривъ многими дарами, и приведя ихъ ко кресту; а самъ съ братьями Всеволодомъ и Володаремъ Глѣбовичами выступилъ противъ Рогволода къ Друцку. Рогволодъ затворился въ городѣ. Начались сѣчи, и наконецъ противники заключили миръ.

Ростиславъ придалъ волости Рогволоду, и воротился во-свояси, но не долго пользовался тамъ покоемъ. Напрасно Полчане цѣловали ему крестъ и говорили прежде: «Ты нашъ князь, и дай Богъ намъ съ тобою пожити, безъ всякаго извѣта.» Напрасно, ибо преступили крестное цѣлованіе, сотворили совѣтъ золъ на князя и послали втаінѣ сказать Рогволоду Борисовичу въ Друцкъ: «князь ты нашъ, согрѣшили мы предъ Богомъ и предъ тобою, вставши на тебя безъ вины, разграбивши твою жизнь и твоей дружины, отдавши самаго тебя на великую муку Глѣбовичамъ. Если ты не помянешь всего этого, что мы сдѣлали тебѣ своимъ безуміемъ, и поцѣлуешь намъ крестъ, то мы люди твои, а ты намъ князь.» Рогволодъ исполнилъ ихъ желаніе, поцѣловалъ имъ крестъ, чтобъ не помнить зла. Полочане начали придумывать средство, какъ бы имъ захватить своего князя: пригласили его въ Петровъ день на братчину къ Святой Богородицѣ, съ тѣмъ чтобъ тамъ его взять. Пріятели Ростиславовы изъ Полочанъ дали ему объ томъ знать. Онъ надѣлъ на себя броню подъ одежду, и никто не осмѣлился поднять на него руки. На другой день Полочане стали приглашать его къ себѣ въ городъ, а онъ былъ тогда на Бѣлчицѣ: «пріѣзжай къ намъ, князь, у насъ есть рѣчи до тебя.» Ростиславъ отвѣчалъ посламъ: «да я вчера былъ у васъ, что же вы не говорили со мною, если у васъ есть рѣчи до меня.» Однако безъ всякаго умысла поѣхалъ къ нимъ въ городъ. На встрѣчу пригналъ къ нему дѣтскій изъ города предупредить его: «не ѣзди, князь, въ городѣ вѣче, дружину твою избиваютъ, а тебя хотятъ взять.» Ростиславъ воротился, и совокупясь со всею своею дружиною на Бѣлчицѣ, отошелъ съ полкомъ къ брату Володарю въ Минскъ. Дорогою, съ сердцевъ, много вреда причинилъ онъ Полоцкой волости, скотомъ и челядью. Полочане послали за Рогволодомъ въ Друцкъ, и сѣлъ онъ на столѣ отца своего и дѣда съ честію великою, къ удовольствію Полочанъ.

Потомъ Рогволодъ собрался съ силами, Полочанами, Смольянами и Новогородцами, чтобъ идти на Ростислава къ Минску. Ростиславъ Мстиславичь Смоленскій прислалъ къ Рогволоду, (женатому на его племянницѣ), двухъ сыновей своихъ въ помощь, Романа и Рюрика. Идя къ Минску, онъ зашелъ прежде къ Изяславлю на брата его Всеволода,

который затворился въ городѣ. Всеволодъ имѣлъ великую любовь къ Рогволоду, и надѣяся на ту любовь, вышелъ и поклонился ему. Рогволодъ далъ ему Стрѣжевъ, а Изяславль отдалъ Брячиславу: того бо бяше отчина; оттуда пошелъ онъ къ Минску, стоялъ десять дней подъ Минскомъ, и наконецъ заключилъ миръ. Князья поцѣловали крестъ, кромѣ Володаря, который былъ подъ Литвою въ лѣсахъ (1158).

Но мира у нихъ не было. Въ слѣдующемъ году опять ходилъ на Ростислава Роговолодъ съ Полочанами, и помочью В. К. Ростислава, уже Кіевскаго, который прислалъ ему шестьсотъ Торковъ, съ Жирославомъ Нажировичемъ. Впрочемъ они ушли до мира прочь, поморивъ коней. Рогволодъ стоялъ подъ городомъ шесть недѣль, и заключилъ миръ съ Ростиславомъ на своей волѣ, выстоявъ Володшу изъ поруба, и Брячислава изъ желѣзъ, Васильковичей, захваченныхъ предъ тѣмъ Глѣбовичами, изъ-за чего и походъ, видно, состоялся (1159).

Рогволодъ показалъ свою благодарность Великому Князю, проводивъ благополучно его сына Святослава, выгнаннаго изъ Новагорода, до Смоленска (1160).

На Ростислава (Глѣбовича) онъ ходилъ еще разъ, и заключилъ наконецъ съ нимъ миръ, вѣроятно, на всей воли своей (1160).

Но походъ на Володаря (Глѣбовича) къ Городцу (Гродно) былъ ему пагубенъ (1161): Володарь не далъ ему полку днемъ, а на ночь напалъ на него врасплохъ съ Литвою, и разбилъ его совершенно: много было у него убито, а еще больше захвачено въ плѣнъ. Рогволодъ бѣжалъ въ Слуцкъ, а оттуда чрезъ три дня перешелъ въ Друцкъ, но въ Полоцкъ не смѣлъ показаться, потому что у него погибло много Полочанъ. И дѣйствительно Полочане посадили у себя въ Полоцкѣ Васильковича Всеслава, (троюроднаго племянника Рогволоду).

Володарь Глѣбовичъ, оставшійся старшимъ между Полоцкими князьями, не могъ дозволить княженіе въ Полоцкѣ племяннику равнодушно, и, собравшись съ силами, пошелъ на него ратью. Всеславъ Васильковичъ вышелъ къ нему на встрѣчу съ Полочанами, но Володарь не далъ ему соединиться съ своими помощниками, и ударилъ въ него изнезапы, и разбилъ. Всеславъ бѣжалъ къ Витебску. Володарь вошелъ въ Полоцкъ и цѣловалъ крестъ съ Полочанами, потомъ вышелъ къ Витебску на Давыда Ростиславича и укрывшагося у него Василька. Они начали биться о рѣку. Давыдъ потому не давалъ ему полка, что ожидалъ брата Романа съ Смольянами. Въ полночь послышался громъ, какъ будто вои бродились черезъ рѣку, и страхъ напалъ на дружину Володареву: «чего стоишь, князь, здѣсь, и не ѣдешь прочь. Слышишь — Романъ бродитъ, а оттуда грозитъ Давыдъ.» И побѣжалъ Володарь отъ Витебска. Поутру уже увидѣлъ Давидъ, что Володарь бѣжалъ, и не послалъ никого за нимъ въ погоню, только въ лѣсу было много перехватано блудившихъ. Всеслава Давыдъ Ростиславичъ посадилъ опять въ Полоцкѣ (1166).

Смоленскіе князья имѣли случай оказать ему еще услугу. Когда въ 1178 г. Мстиславъ Ростиславичъ пошелъ было войною на него изъ Новагорода, намѣреваясь возвратить одинъ погостъ, захваченный за сто лѣтъ предъ тѣмъ Всеславомъ первымъ, то Романъ Смоленскій прислалъ къ нему сына въ помощь, и уговорилъ брата отложить свое намѣреніе.

Въ 1180 г. Полоцкіе князья являются помогающими В. К. Святославу Всеволодовичу, шедшему домой изъ Новагорода послѣ похода на В. К. Всеволода Суздальскаго: Всеславъ съ Полочаны, братъ его Брячиславъ изъ Витебска, (съ ними была Ливь и Литва), Всеславъ Микуличъ изъ Логожска, Андрей Володьшичъ и сыновья его, Изяславъ, Василько Брячиславичъ. Снемшись, они прошли, на встрѣчу Святославу, мимо Друцка, куда пришелъ предъ тѣмъ Давыдъ Ростиславичъ Смоленскій, помогавшій Глѣбу Рогволодовичу. Дѣло кончилось сожженіемъ Друцка.

Въ 1186 г. Полоцкое княжество подверглось нападенію Давыда Смоленскаго съ сыномъ Мстиславомъ Новогородскимъ, которымъ помогали Василько Володаревичъ изъ Логожска и Всеславъ изъ Друцка.

Полочане, сознавая безсилье свое бороться, умилостивили враговъ на сумежьѣ дарами многими.

1195 г. Полоцкіе князья помогали Ольговичамъ, и содѣйствовали къ ихъ побѣдѣ надъ полками Давыда Смоленскаго. Борисъ Друцкой взялъ въ плѣнъ Мстислава Романовича Смоленскаго, который былъ послѣ имъ отпущенъ.*

Это—послѣднее извѣстіе Русскихъ лѣтописей о Полоцкомъ княжествѣ. Вскорѣ водворились въ сосѣдствѣ, и даже на его земляхъ, Нѣмцы, которые сдѣлались опаснѣйшими его врагами.

Отъ Нѣмецкихъ лѣтописателей, между коими первое мѣсто занимаетъ Генрихъ Латышъ (1226—1227), получаются нѣкоторыя свѣдѣнія о Полоцкихъ князьяхъ. Нѣмцы искали сперва ихъ пріязни и покровительства.

Древнѣйшій пришелецъ, монахъ Мейнгардъ, который провожалъ часто Бременскихъ купцовъ, начавшихъ плавать въ устье Двины, съ 1159 года, построилъ первую церковь (1187) при деревушкѣ Икескола, съ позволенія Полоцкаго князя Володимера. Онъ назначенъ былъ епископомъ.

Съ его времени число поселенцевъ увеличивалось съ каждымъ годомъ, и третій между ними Албертъ былъ собственно основателемъ Нѣмецкаго владычества въ нынѣшнихъ Остзейскихъ губерніяхъ.

Полоцкіе князья, бравшіе дань съ здѣшнихъ племенъ, увидѣли вскорѣ свою ошибку, допустивъ поселеніе, хотѣли помѣшать ему, но было уже поздно.

Самыя племена почуяли бѣду, и соединялись по временамъ, Куры, Есты, Зимегола, Литва, Ливь, но не могли и не умѣли дѣйствовать дружно. Напротивъ, часто продолжали они воевать между собою, напримѣръ Ливы съ Естами, чѣмъ и пользовались Нѣмцы.

Изъ Полоцкихъ князей Ливонскія лѣтописи упоминаютъ о Володимерѣ Полоцкомъ, Всеволодѣ въ Герцике, (близъ Шкокмансгофа), и Вячкѣ, въ Кокенгаузенѣ (Крейцбургъ въ Лифляндской губерніи).

Въ 1201 году епископъ Албертъ положилъ основаніе въ устьѣ Двины городу Ригѣ, которая сдѣлалась главною точкою опоры и средоточіемъ незваныхъ гостей.

Вѣроятно около этого же времени онъ основалъ орденъ Христовыхъ воиновъ, или Меченосцевъ, и перевелъ союзъ Цистернскихъ монаховъ съ горы святаго Николая въ устье Двины.

Въ Мартѣ 1206 года епископъ Албертъ послалъ въ Полоцкъ къ князю Полоцкому

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 203.

Володимеру аббата Дитриха просить о пріязни, а тамъ былъ уже старшина Ливонскій Ако изъ Гольма, который приходилъ жаловаться на Нѣмцевъ, и убѣдилъ князя предпринять военный походъ на Ригу. Дитрихъ нашелъ случай предувѣдомить Алберта, который сбирался плыть въ Германію. Онъ остался, и походъ былъ отложенъ. Отправлены послы съ аббатомъ до Кокенгаузена, изъ которыхъ одинъ, Стефанъ, приглашалъ епископа для переговоровъ 30 Мая на рѣкѣ Огерѣ, а другіе старались между тѣмъ возбудить Ливовъ и Естовъ къ войнѣ противъ Нѣмцевъ.

Ливы изъ Гольма, Трейдена и Вейнале, вмѣстѣ съ нѣсколькими Литовцами, собрались, овладѣли 4 Іюня крѣпостью Гольмомъ, и угрожали Ригѣ. Но Рижскіе Нѣмцы съ Зимеголою (Semgallen) отняли Гольмъ опять. По минованіи опасности Албертъ уѣхалъ въ Германію.

Тогда Володимеръ, около 15 Іюля, спустился изъ Полоцка внизъ по Двинѣ съ многочисленными воями, напалъ-было на Икскуль, и потомъ осадилъ Гольмъ, но по одиннадцатидневной осадѣ, услыша о подплывавшихъ Латинскихъ судахъ, воротился домой.

Одинъ изъ Полоцкихъ князей, владѣвшій Кокенгаузеномъ, Вячко (Wescera de Kukonoys), заключилъ (1207) оборонительный договоръ противъ Литвы съ епископомъ Албертомъ, коимъ уступилъ сему послѣднему половину своей волости и крѣпости.

Около Рождества подданные его Селоны пропустили Литву, которая напала на епископскую области по правому берегу Трейденской Аа, но была побита.

Одинъ изъ рыцарей, Даніилъ Банкеровъ изъ Леневардена, напалъ на Вячка и взялъ его въ плѣнъ, но епископъ Албертъ велѣлъ освободить его, принялъ благосклонно въ Ригѣ и далъ двадцать благонадежныхъ воиновъ для защиты и укрѣпленія Кокенгаузена. Вячко впрочемъ не былъ доволенъ такою милостію, не повѣрилъ Нѣмцамъ и рѣшился мстить. Полагая, что Албертъ съ прошлогодними поклонниками отплылъ изъ Двины, велѣлъ онъ Русскимъ, и подчиненнымъ Леттамъ и Селонамъ, избить данныхъ ему Нѣмцевъ, и звалъ Полоцкаго князя на Ригу. Но Албертъ былъ еще тамъ, удержанный противными вѣтрами. Онъ убѣдилъ триста поклонниковъ остаться въ Лифляндіи, и кликнулъ кличь всѣмъ Нѣмцамъ и Ливамъ собраться въ Ригѣ. Устрашенный Вячко зажегъ свою крѣпость, и спасся бѣгствомъ въ Русь, вѣроятно въ Полоцкъ, а Албертъ отплылъ въ Германію.

На весну 1208 года онъ возвратился въ Лифляндію съ новыми многочисленными поклонниками, и распорядился тотчасъ возстановить и укрѣпить Кокенгаузенъ и стеречь отсюда Русь и Литву.

Осенью Лифляндскіе Нѣмцы съ христіанскими своими союзниками предприняли походъ на князя Всеволода, княжившаго въ Герцике. Онъ былъ женатъ на дочери Литовскаго князя Дангеруте, и враждовалъ Нѣмцамъ. Нѣмцы взяли и сожгли городъ. Чтобъ освободить свое плѣненное семейство, и возвратить себѣ городъ Герцике, онъ долженъ былъ ѣхать въ Ригу, уговориться съ епископомъ Албертомъ объ уступкѣ подданной ему дотолѣ страны Ливовъ и Леттовъ, и за возвращенное ему княжество Герцике присягнуть въ вѣрности.

Въ 1210 году было общее покушеніе Куровъ, Естовъ, Литвы, Зимеголы, вмѣстѣ съ Русскими изъ Полоцка и Герцике, на Нѣмцевъ въ Лифляндіи, въ Кокенгаузенѣ и Ригѣ, но безъ пользы.

Несмотря на свои успѣхи, Нѣмцы все еще сознавали свою слабость, и въ 1210 году Лифляндскіе старшины въ Ригѣ послали рыцаря Рудольфа въ Полоцкъ съ порученіемъ стараться о заключеніи мира. Вслѣдъ за нимъ другой рыцарь Ордена Арнольдъ, послѣ схватки съ Естами явился въ Полоцкѣ, и просьбами своими достигъ того, что князь Володимеръ дозволилъ Рижскимъ купцамъ вести по прежнему торговлю, и послалъ въ Ригу уполномоченнаго Лудольфа изъ Смоленска, который осенью заключилъ миръ съ условіемъ, чтобы Ливы платили ежегодно должную дань Полоцкому князю, или епископъ Албертъ за нихъ.

Въ 1211 году область Герцике была раздѣлена между четырьмя Лифляндскими епископами и братьями Алберта.

Весною 1212 года Рижскій епископъ имѣлъ свиданіе съ Полоцкимъ Княземъ. При посредничествѣ Князя Володимера Псковскаго они заключили торговый договоръ и союзъ противъ Литвы; вмѣстѣ съ этимъ Володимеръ отказался отъ подати съ Леттовъ и Ливовъ, и предоставилъ Нѣмцамъ земскую власть надъ ними.

Въ 1215 году рыцари нападали на Герцике за невѣрность и непокорность Князя и ограбили городъ.

Въ 1216 году Есты убѣдили Князя Володимера Полоцкаго напасть на Ригу; а сами они брались напасть на Ливовъ и Леттовъ, и запереть гавань. Володимеръ собралъ большое войско изъ Руси и Латышей, хотѣлъ уже садиться на суда, какъ вдругъ упалъ и скоропостижно умеръ.

Число Нѣмцевъ увеличивалось безпрестанно: Албертъ безпрестанно ѣздилъ въ Германію, и приводилъ оттуда новыя толпы; страна освобождалась отъ Русской зависимости, и Нѣмцы напротивъ утверждали болѣе и болѣе свое владычество, и вмѣстѣ уничтожали слѣды православной вѣры, заставляя туземцевъ принимать Римскую.

Въ 1222 году встрѣчается извѣстіе въ лѣтописяхъ Ливонскихъ о посольствѣ Полоцкихъ князей, въ числѣ прочихъ, въ Ригу, для заключенія мира съ Нѣмцами.

Подъ 1223 и 1224 годами въ Ливонскихъ и Новогородскихъ лѣтописяхъ находимъ мы послѣднее извѣстіе о Вячкѣ, который изгнанъ былъ Нѣмцами изъ своего Кокенгаузена, и искалъ себѣ спасенія на Руси. Новогородцы посадили его въ Дерптѣ и дали ему двѣсти воиновъ, чтобъ онъ бралъ дань съ окружныхъ Естовъ, и покорялъ что можетъ. Нѣмцы не дали ему и здѣсь покоя: съ большими силами напали на него, — самъ Албертъ съ епископами и рыцарями, и осадили городъ. Вячко защищался храбро и отвергалъ всѣ предложенія, въ надеждѣ на Новогородскую помощь. Нѣмцы рѣшились на приступъ. Городъ былъ взятъ и сожженъ, всѣ защитники перебиты, и въ ихъ числѣ мужественный Вячко.

НОВГОРОДЪ.

Новгородъ, избраніемъ Рюрика давъ Государей Русскому государству, остался, по его смерти, почти совершеннымъ особнякомъ.

Олегъ, преемникъ его, уходя отсюда вмѣстѣ съ младенцемъ Игоремъ (882) на югъ, въ Кіевъ, оставилъ здѣсь, вѣроятно, мужа, посадника, какъ оставлялъ и по дорогѣ въ Смоленскѣ и Любечѣ.

Изъ Кіева, утвердившись, онъ опредѣлилъ дани Словенамъ, Кривичамъ и Мери. Это, безъ сомнѣнія, тѣ двѣ тысячи гривенъ, (20 т. р.) которыя посадники Новгородскіе платили Володимеру, а Ярославъ въ концѣ жизни отцевой отказывался. Третья тысяча гривенъ (10 т. р.) раздавалась, по его распоряженію, гридямъ или военной засадѣ. Вотъ единственная связь Новагорода съ основавшимся въ Кіевѣ государствомъ. Заморскимъ Варягамъ присудилъ Олегъ платить триста гривенъ (3т. р.) мира деля.

Послѣ Олега, вдова Игорева, Ольга, приходила (947) въ Новгородъ, и уставила дани и погосты по Мстѣ и Лугѣ.

Черезъ сто лѣтъ (970) Новгородцы, не удовольствуясь видно посадниками, захотѣли имѣть у себя опять князя, и пришли просить его у Святослава. А не то, сказали они ему, мы найдемъ себѣ князя въ другомъ мѣстѣ. Да кто къ вамъ пойдетъ, возразилъ Святославъ, и дѣйствительно старшіе сыновья, Ярополкъ и Олегъ, отперлись. Тогда Новогородцы, по совѣту Добрыни, испросили себѣ Володимера, рожденнаго отъ сестры его, ключницы Ольгиной, Малуши.

Когда Володимеръ, по смерти отца Святослава, услышавъ объ убіеніи брата Олега, бѣжалъ къ Варягамъ, то Ярополкъ прислалъ въ Новгородъ своихъ посадниковъ (972).

Воротясь съ вспомогательными сѣверными воями, Володимеръ прогналъ ихъ, помощію Новгородцевъ и нанятыхъ Варяговъ, овладѣлъ Кіевомъ, и отмстилъ старшему брату смертію за смерть средняго брата Олега (980). Сдѣлавшись Великимъ Княземъ, онъ сохранялъ власть свою надъ Новгородомъ, зависѣвшимъ отъ него вполнѣ.

Описывая введеніе христіанской вѣры, лѣтопись говоритъ, что Володимеръ далъ Новгороду архіепископа: пришелъ въ Новгородъ архіепископъ Іоакимъ, (которому приписывается особое сказаніе), разрушилъ требища, изрубилъ Перуна, и велѣлъ бросить въ Волховъ. Его поволокли веревками, били палками по дорогѣ къ рѣкѣ; никому не велѣно было принимать его. Отправился изъ Пидьбы рано утромъ мѣстный житель продавать горшки въ городъ, и увидѣвъ плывущаго по рѣкѣ идола, оттолкнулъ его шестомъ. «Ты, Перунище, пилъ и ѣлъ до

сыти, а нынѣ плови уже проче. И плы съ свѣта въ окромѣшное.» Ходила еще въ народѣ молва, что Перунъ, плывя подъ мостомъ, бросилъ Новогородцамъ палицу, и какъ будто завѣщалъ имъ междоусобныя распри.

Ко времени введенія христіанства принадлежитъ народная пословица: Путята крести мечемъ (въ Новгородѣ), а Добрыня огнемъ.

Володимеръ, вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ съ Печенѣгами, приходилъ въ 996 году въ Новгородъ «по верховныя вои.»

Онъ посадилъ здѣсь старшаго сына Вышеслава, а потомъ Ярослава (988), который сидѣлъ прежде въ Ростовѣ; Ростовъ, слѣдовательно, Новогородскій городъ, находился уже въ его распоряженіи.

Ярославъ женился на дочери Шведскаго Короля Олафа, Ингигердѣ, (1019), и далъ по условію родственнику ея Рагнвальду Ладогу (Альдейгаборгъ) съ данями.

Онъ княжилъ слишкомъ тридцать лѣтъ въ Новгородѣ, и подъ конецъ отказался платить опредѣленную съ Новогородцевъ дань своему отцу.

Володимеръ на старости велѣлъ было уже «теребить путь» и «мостить мостъ,» чтобъ идти на сына въ Новгородъ, но внезапная его кончина отвратила законопреступную войну (1015).

Ярославъ долженъ былъ повести ее съ двоюроднымъ своимъ братомъ Святополкомъ, который началъ княженіе въ Кіевѣ избіеніемъ братьевъ. А между тѣмъ Новогородскій князь только-что разсорился предъ тѣмъ съ Новогородцами. Призванные имъ на помощь Норманны причиняли насиліе жителямъ и женамъ ихъ. Новогородцы встали, и избили ихъ на дворѣ Парамона. Ярославъ озлобился, и лестію призвалъ къ себѣ въ Ракому нарочитыхъ мужей, и изсѣкъ ихъ. Въ эту самую ночь получилъ онъ извѣстіе отъ сестры Передславы о происшествіяхъ въ Кіевѣ, и на другой день обратился, плачущій, съ просьбою о помощи къ остальнымъ Новогородцамъ. «Аще, княже, братья наша изсѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти.» Ярославъ собралъ тысячу Варяговъ, кромѣ другихъ воевъ.

Пришедъ къ Кіеву, они остановились на берегу Днѣпра, и стояли три мѣсяца. Воевода Святополковъ, ѣздя на противоположной сторонѣ, укорялъ Новогородцевъ: что пришли, плотники, съ хромцемъ своимъ? Мы поставимъ васъ хоромы намъ рубити. Новогородцы, раздраженные, рѣшились переправиться на другой день, оттолкнули свои лодки и сразились. Побѣда осталась за ними. Святополкъ бѣжалъ, и Ярославъ сдѣлался Великимъ Княземъ Кіевскимъ (1016).*

Черезъ годъ Святополкъ возвратился съ Польскою помощью, подъ предводительствомъ тестя своего, Болеслава Храбраго, который побѣдилъ Ярослава на берегу Буга, и тотъ бѣжалъ въ Новгородъ самъ-четвертъ; онъ хотѣлъ было бѣжать еще дальше, за море, но Новогородцы удержали его, съ посадникомъ Коснятиномъ, сыномъ Добрыни, и изломали его лады, сказавъ: хотимъ еще биться съ Святополкомъ и Болеславомъ. «Начаша скотъ собирати отъ мужа по четыре куны, (160 к.) отъ старостъ по десяти гривенъ, (100 р.) и отъ бояръ по осмнадцати гривенъ (180 р.).»

Наняли Варяговъ и пошли къ Кіеву.

На берегахъ Альты они одержали рѣшительную побѣду надъ Святополкомъ, оставленнымъ передъ тѣмъ за измѣну и Болеславомъ. Ярославъ, занявъ Кіевскій столъ, одѣлилъ воевъ, старостамъ далъ онъ по десяти гривенъ, смердамъ по гривнѣ, (10 р.) и всѣмъ Новогородцамъ по десяти гривенъ (100 р.).

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 56.

Ярославъ часто прiѣзжалъ въ Новгородъ, получалъ отсюда помощь, и самъ помогалъ, напримѣръ, преслѣдуя ограбившаго Новгородъ, въ 1021 году, Брячислава Полоцкаго.

Въ 1030 году основалъ онъ Юрьевъ (Дерптъ) для собиранья дани съ ближайшихъ береговъ Варяжскаго моря.

Въ 1032 году посадилъ онъ здѣсь старшаго своего сына Володимера, а Епископомъ поставилъ Луку Жидяту, отъ котораго сохранялось поученіе.

Володимеръ ходилъ отсюда на Емь (въ южной Финляндіи) въ 1042 году, а Улебъ на Желѣзныя ворота.

Володимера въ 1043 году посылалъ Ярославъ на Грековъ — послѣднiй походъ Норманскiй, кончившiйся неблагополучно. *

Въ 1045 году заложенъ былъ Володимеромъ знаменитый соборъ Св. Софіи, которой имя вскорѣ сдѣлалось тождественнымъ съ Новгородомъ.

Тамъ и лежитъ этотъ ея основатель, умершій еще при жизни отца, въ 1052 году, вмѣстѣ съ матерью своей, Норманской княгиней Ингигердой, которая умерла, вѣроятно, также въ Новѣгородѣ, въ 1050 году.

Въ благодарность за оказанныя услуги, Ярославъ, (скончавшійся въ 1054 году), далъ, вѣроятно, Новогородцамъ, вмѣстѣ съ правомъ избирать себѣ князей, разныя льготы, что касается до самоуправленія и самосуда, на которыя до позднѣйшаго времени они ссылались.

Оставаясь съ древними обширными владѣніями, и распространяя безпрестанно свои предѣлы, не допуская у себя никакого дѣлежа, не позволяя князьямъ имѣть даже частную собственность, Новгородское избирательное княжество не подверглось общей участи — мельчать и слабѣть, подобно прочимъ. Бояре, оставаясь на мѣстѣ, сдѣлались вскорѣ землевладѣльцами и приняли большее участіе въ управленіи общественными дѣлами.

Дань съ обширныхъ владѣній и выгодная торговля, которую вели Новогородцы съ Даніей, Готландомъ и вообще всѣми берегами Балтійскаго моря, съ сѣверомъ и западомъ, доставляя нужные товары, особенно драгоцѣнные мѣха, служила источникомъ богатства, копившагося годъ отъ года, болѣе и болѣе въ дому Святой Софіи. Купцы и люди житые составили значительное сословіе.

Знакомство съ Нѣмецкими сосѣдями доставляло Новугороду различныя житейскія свѣдѣнія, подобно какъ Кіевъ заимствовался ими отъ Грековъ изъ Царяграда.

Князья Новогородскіе были, по преимуществу, предводителями въ Новогородскихъ походахъ.

Вмѣстѣ съ князьями дѣятельное участіе въ управленіи приняли, съ одной стороны, Архіепископъ, а съ другой посадники. Вѣча рѣшали дѣла.

Всѣ должности были выборныя.

Новогородцы продолжали свои походы, коихъ главною цѣлью были Финскія племена, окружавшія ихъ со всѣхъ сторонъ.

Нѣкоторые походы предпринимались вольницею, которая въ этомъ отношеніи наслѣдовала обычай древнихъ Норманскихъ витязей.

Во время кончины Ярослава (1054), Изяславъ, старшій послѣ Володимера, сынъ его, находился въ Новѣгородѣ, и былъ, вѣроятно, нареченъ княземъ, о чемъ свидѣтельство заключается въ послѣсловіи къ знаменитому Остромирову Евангелію: «написахъ же Евангеліе се рабу Божію наречену сущу въ крещеніи Іосифъ, а мирьски

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 61 и проч.

Остромиръ, близоку сущу Изяславу князю. Изяславу же Князю тогда предръжащу обѣ власти, и отца своего Ярослава, и брата своего Володимера. Самъ же Изяславъ Князь правляше столъ отца своего Ярослава Кыевѣ, а брата своего столъ поручи правити близоку своему Остромиру Новѣгородѣ.»

Остромиръ ходилъ отсюда на сосѣднюю, къ западу, Чудь (1055) и былъ убитъ на сраженіи, въ коемъ пало много Новогородцевъ. Вслѣдъ за Остромиромъ ходилъ самъ Изяславъ на Чудь и взялъ городъ Солнечную руку (?).

Въ 1064 году ушелъ изъ Новагорода на югъ, молодой, удалой сынъ умершаго здѣсь Володимера, Ростиславъ, съ сыномъ посадника Остромира, Вышатою, Порѣемъ, и другими молодцами Новогородскими, покорилъ тамъ Тмутаракань, разнесъ страхъ и ужасъ Русскаго имени по всѣмъ окрестнымъ странамъ, въ Крыму и на Кавказѣ, и умеръ черезъ два года, отравленный Греками, оставивъ трехъ сыновей, столько же впослѣдствіи славныхъ, Ростиславичей. *

Въ 1066 году Новгородъ подвергся нападенію Полоцкаго князя. Молодой Всеславъ, по слѣдамъ отца Брячислава, напалъ на Новгородъ, занялъ его до Неревскаго конца, ограбилъ Святую Софію, снялъ даже колокола, паникадила. «О велика бяше бѣда въ часъ той,» восклицаетъ Новогородскій лѣтописецъ.

Ярославичи наказали его и полонили. **

Въ 1069 г. по возвращеніи изъ Кіева, Всеславъ приходилъ опять на Новгородъ. Княземъ былъ тогда Глѣбъ Святославичь, княжившій прежде въ Тмутараканѣ, и присланный отцемъ Святославомъ, который занялъ было великокняжескій столъ. Новогородцы поставили полкъ у Звѣринца на Кзени и отбилися.

Въ княженіе Глѣбово проявился въ Новѣгородѣ волхвъ, который смущалъ и привлекалъ къ себѣ народъ своими предсказаніями. Онъ говорилъ, что знаетъ все, «творяся яко Богъ,» хулилъ вѣру христіанскую, и хвалился перейдти Волховъ передъ всѣми по водѣ. Почти весь городъ повѣрилъ ему, и хотѣлъ убить Епископа. Епископъ облекся въ ризы, взялъ крестъ и сказалъ народу на вѣчѣ: «кто хочетъ вѣрить волхву, тотъ иди къ нему; кто вѣруетъ, тотъ иди ко кресту.» Вѣче раздѣлилось пополамъ: князь Глѣбъ и дружина его отошли на сторону къ Епископу, а люди всѣ стали за волхва. Произошло смятеніе. Тогда Князь Глѣбъ, спрятавъ топоръ подъ полою, приблизился къ волхву и спросилъ его: знаешь ли, что будетъ поутру и что случится до вечера? волхвъ отвѣчалъ: все знаю. Глѣбъ спросилъ еще: а знаешь ли, что произойдетъ теперь?— Великія чудеса сотворю, сказалъ волхвъ. Тогда Глѣбъ выхватилъ топоръ изъ-подъ полы, ударилъ волхва, и палъ онъ мертвый, разсѣченный на двое. Люди разошлись и успокоились.

Этотъ Глѣбъ убитъ былъ въ Заволочьѣ, въ одномъ изъ походовъ Новогородскихъ противъ Финскихъ племенъ. Мѣсто его занялъ Святополкъ, — сынъ павшаго между тѣмъ на бою съ Олегомъ Святославичемъ Великаго Князя Изяслава, старшаго племянника сѣвшему на княженіе Всеволоду.

Въ 1087 г. онъ перешелъ оттуда на княженіе въ свой Туровъ, и В. К. Всеволодъ далъ Новогородцамъ внука Мстислава, имѣвшаго пятнадцать лѣтъ отъ роду.

* См. въ исторіи Галицкаго княжества, с. 262.
** См. въ исторіи княжества Кіевскаго, с. 100.

Въ 1093 г. В. К. Святополкъ и Володимеръ Мономахъ, распоряжавшійся всѣми волостями на Руси, посадили въ Новѣгородѣ Давыда Святославича, переведя его изъ Смоленска, а Мстиславъ былъ посланъ въ Ростовъ; но чрезъ два года, послѣ того какъ Давыдъ поѣхалъ было за чѣмъ-то въ свой прежній Смоленскъ, Новогородцы не пустили его къ себѣ, а призвали опять Мстислава изъ Ростова.

Мстиславъ узнавъ въ Новѣгородѣ (1096), что отчина его, Ростовъ и Суздаль, занята Олегомъ Святославичемъ, а братъ Изяславъ убитъ съ нимъ на сраженіи, послалъ къ нему посла сказать: «иди изъ Суздаля Мурому, а въ чужой волости не сиди; я помирю тебя съ отцемъ.» Олегъ не только не послушалъ его, но думалъ даже перенять у него и Новгородъ. Мстиславъ отправился на него въ походъ съ Новогородцами, отрядивъ прежде въ сторожи Добрыню Рагуиловича. Тотъ изымалъ данниковъ, присланныхъ отъ Олега съ братомъ его Ярославомъ въ сторожахъ. Мстиславъ шелъ быстро, и Олегъ, не надѣясь бороться съ нимъ, изъявилъ свое согласіе помириться въ отвѣтъ на второе предложеніе Мстислава. Мстиславъ, обнадеженный, распустилъ дружину по селамъ, какъ вдругъ среди обѣда, въ Ѳедорову субботу, получаетъ извѣстіе, что Олегъ уже идетъ на него и стоитъ на Клязмѣ. Онъ началъ сбирать дружину, Новгородцевъ, Бѣлозерцевъ и Ростовцевъ, и приготовился встрѣтить врага подъ Суздалемъ. Олегъ приблизился. Четыре дни стояли они другъ противъ друга. Въ четвергъ по Ѳедоровѣ недѣли пришелъ на помощь къ Мстиславу изъ Переяславля братъ его Вячеславъ. Въ пятницу произошло сраженіе на рѣкѣ Колокшѣ, на которомъ одержалъ совершенную побѣду Мстиславъ. Новгородцы долго помнили эту побѣду. Написавъ письмо къ отцу съ совѣтомъ о примиреніи, Мстиславъ возвратился въ Новгородъ. Сіе же бысть исходящу лѣту 6604, индикта 4, на полы, то-есть въ Мартѣ 1097 г. *

Подъ этимъ же годомъ, въ Суздальской лѣтописи помѣщенъ разсказъ, содержащій любопытныя свѣдѣнія въ общемъ обиходѣ того времени о дальнихъ странахъ сѣверныхъ, подвластныхъ тогда уже Новугороду.

Вотъ я разскажу, говоритъ лѣтописатель, что слышалъ, четыре года назадъ, отъ Гюряты Роговича Новогородца: я посылалъ, говорилъ онъ мнѣ, отрока своего въ Печеру, къ людямъ, которые даютъ дань Новугороду. Оттуда отрокъ мой ходилъ въ Югру. Югра— народъ нѣмой, и живетъ въ сосѣдствѣ съ Самоядью на полуночныхъ странахъ. Югра разсказывали моему отроку: чудеса происходятъ въ горахъ, — зайдуче луку моря, — чего прежде и слыхомъ не было слышано. «Се же третье лѣто поча быти. Суть... горы, имъ же высота, ако донебесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотя высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало,» и оттуда говорятъ люди, но нельзя понять ихъ рѣчи; они показываютъ на желѣзо, помаваютъ рукою, прося желѣза, и кто дастъ имъ ножъ ли, или сѣкиру, и они даютъ мѣхами противу. Дорога до тѣхъ горъ непроходимая, пропастями, снѣгомъ и лѣсомъ. Потому мы и ходимъ туда рѣдко. А живутъ люди и дальше, къ полуночи.

Я сказалъ Гюрятѣ, что это должно быть люди заклепенін Александромъ, Македонскимъ Царемъ, какъ разсказываетъ о томъ Меѳодій Патарійскій: Александръ, придя въ восточныя страны до моря, «нарічемое Солнче мѣсто,»

* См. въ исторіи Черниговскаго княжества, с. 217.

увидѣлъ тамъ «человѣкы нечистые, отъ племени Афетова, которые ѣдять всякую скверну, комаровъ и мухъ, котковъ и зміевъ, не погребаютъ мертвыхъ.» Александръ убоялся, чтобъ они не умножилися и не осквернили земли, и загналъ ихъ на полуночныя страны, въ горы высокія, и Божіимъ повелѣніемъ «ступишася о нихъ горы полуночныя, токмо не ступишася о нихъ горы на 12 локоть, и ту створишася врата мѣдяны, и помазашася сунклитомъ, и аще хотять огнемъ взяти, не возмогутъ и жещи; вещь бо сунклитова сица есть: ни огнь можетъ вжещи его, ни желѣзо его приметь. Въ послѣдніе же дни изыдутъ восемь колѣнъ отъ пустыни Етривскія, изыдутъ и сіи скверные языкы, яже суть въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнію Божію.»

Въ 1102 году Святополкъ и Володимеръ уговорились, чтобъ «Новугороду быти Святополчу» и Святополку посадить тамъ своего сына, а Володимеру получить за то для своего сына Владиміръ. Призванъ былъ Мстиславъ съ Новогородцами. На общемъ совѣщаніи, въ избѣ, мужи Володимеровы сказали имъ: вотъ вамъ сынъ Святополковъ—берите его въ Новгородъ, а Мстиславъ пусть идетъ во Владиміръ. Новогородцы отвѣчали Святополку, какъ нѣкогда отцы ихъ сыну Ольгину, Святославу: Мы присланы къ тебѣ, Князь, вотъ съ чѣмъ,— намъ велѣно передать—не хотимъ ни Святополка, ни сына его. Если у сына твоего двѣ головы, такъ пошли его; Мстислава далъ намъ Всеволодъ, и мы вскормили его себѣ княземъ.

Сколько ни спорилъ Великій Князь Святополкъ съ ними, они устояли на своемъ и увели къ себѣ Мстислава назадъ.

Мстиславъ ходилъ часто съ ними (1105, 1111, 1113, 1116) на сосѣднія племена Чуди, (ея имя сохранилось въ имени Чудскаго озера,) съ которою отъ временъ Ярослава, основавшаго Дерптъ въ 1030 году, не слыхать было никакихъ непріязненныхъ отношеній.

Всѣ эти походы были очень удачны и оканчивались собраніемъ дани и полученіемъ большей добычи:

Походъ 1105 г. начатъ былъ изъ Ладоги.

Въ 1111 г. цѣлію была Очела, (въ Эстляндіи, на берегу верхней Аа,) на границѣ Леттовъ и Эстовъ, по сосѣдству съ Новогородскими волостями.

Въ 1113 г. была побѣждена Чудь на бору.

Въ 1116 г. Мстиславъ взялъ Медвѣжью голову, (Оденпе, близъ Дерпта).

Въ этомъ году заложилъ городъ (крѣпость, дѣтинецъ въ Новѣгородѣ) шире прежняго.

Тогда же Павелъ, посадникъ Ладожскій, заложилъ городъ каменный въ Ладогѣ.

Въ 1117 году, Марта 17, Великій князь Володимеръ призвалъ Мстислава къ себѣ, въ Кіевъ, и посадилъ его въ Вышгородѣ, а въ Новѣгородѣ оставленъ княземъ старшій сынъ Мстиславовъ, внукъ Володимеровъ, Всеволодъ-Гавріилъ.

Памятниками Мстиславова княженія тамъ остались, кромѣ расширенной имъ крѣпости: церковь св. Благовѣщенія (1103) на Городищѣ, въ древнемъ пребываніи Варяжскихъ князей, на островѣ между Волховомъ и Волховцемъ, верстахъ въ двухъ отъ Новагорода.

Церковь Святаго Николы на княжемъ дворѣ (1112).

Церковь св. Ѳедора Тирона (1115) среди Щирковы улицы и Разважи, которую заложилъ Воигость.

Въ годъ отбытія Мстиславова игуменомъ Антоніемъ Римляниномъ начата церковь каменная въ его монастырѣ.

Святая Софія украсилась стѣнпымъ писаніемъ, на иждивеніи епископа св. Никиты, Печерскаго инока, который въ началѣ Мстиславова княженія (1096—1108) былъ, вѣроятно, главнымъ ему помощникомъ и совѣтникомъ.*

Послѣднее распоряженіе Володимерово, то есть отозваніе Мстислава и назначеніе княземъ его молодаго сына, подало поводъ, кажется, къ неудовольствіямъ въ Новѣгородѣ, гдѣ произошло возмущеніе (1118).

Должно было принять особыя мѣры. Мономахъ разгнѣвался на Новогородцевъ, сказано въ лѣтописи, за то что они грабили Даньслава и Поздрчу, вѣроятно, ему преданныхъ мужей, разгнѣвался за что-то на сотскаго на Ставра,—и заточилъ ихъ всѣхъ. Всѣ бояре Новогородскіе, призванные въ Кіевъ, были заведены честному кресту; нѣкоторые, болѣе заподозрѣнные или обвиненные, были оставлены въ Кіевѣ, а прочіе отпущены домой.

Черезъ годъ (1020) присланъ былъ даже посадникъ изъ Кіева въ Новгородъ, Борисъ. Въ 1122 году Мстиславъ взялъ себѣ въ жену дочь посадника Новогородскаго Дмитрія Завидича. (Первая жена его Христина умерла въ 1121 году).

Въ слѣдующемъ году и сынъ его Всеволодъ женился въ Новѣгородѣ.

* См. въ исторіи духовной жизни.

Каменный домъ, построенный св. Никитою, цѣлъ до сего времени, — покрайней мѣрѣ стѣны, —и извѣстенъ подъ именемъ Никитскаго.

Въ ризницѣ Софійскаго собора показываются его вещи.

Всеволодъ, по слѣдамъ отца, ходилъ также часто въ походъ на сосѣднія финскія племена, (1124, 1130, 1132, 1133).

Первый походъ на Емь, (въ южной Финляндіи), въ великое говѣніе, хотя и былъ успѣшенъ, но лютъ былъ путь, и хлѣбъ покупался по ногатѣ (50 к. с.).

Походъ 1130 года, противъ юго-восточныхъ Эстовъ, представляетъ особое явленіе въ исторіи Новагорода. Онъ предпринятъ былъ собственно В. К. Кіевскимъ Мстиславомъ, который послалъ на Чудь сыновъ своихъ, Всеволода, Изяслава и Ростислава. Много людей было побито, жены и дѣти взяты въ плѣнъ, хоромы сожжены.

Въ походъ 1132 года сотворися пакость велика, много добрыхъ мужъ избиша въ Клинѣ (Вагія) Новогородецъ, Генваря 23, въ субботу.

Изъ внутреннихъ событій въ Новѣгородѣ, въ княженіе Всеволодово, за это время, замѣтимъ слѣдующія,—церковныя:

Въ 1119 году Кирьякъ игуменъ и князь Всеволодъ заложили каменную церковь въ Юрьевѣ монастырѣ, которому В. К. Мстиславъ въ 1125 году далъ слѣдующую грамоту, до насъ дошедшую:* Се язъ Мьстиславъ, Володимерь сынъ, держа Русьску землю въ свое княженіе, повелѣлъ есмь сыну своему Всеволоду отдати Буйцѣ и вено Во ь ское Святому Георгіеви съ вирами и продажами (съ головными и прочими пошлинами и пенями), и язъ далъ рукою своею и осеньнее полюдіе даровное полтретія десяти гривенъ... А се язъ Всеволодъ далъ есмь блюдо серебрено во 30 гривенъ серебра... велѣлъ есмь бити въ не на обѣдѣ, коли

* См. снимокъ въ приложенномъ атласѣ.

игуменъ обѣдаетъ; даже кто запортитъ или ту дань и се блюдо, да судить ему Богъ въ день пришествія своего, и тъ Св. Георгій.

Въ 1127 году была совершена каменная Антоніева церковь.

Въ 1127 г. Всеволодъ заложилъ церковь св. Іоанна на Петрятинѣ дворѣ, во имя сына своего, не за долго предъ тѣмъ рожденнаго, и далъ ей многія преимущества, въ особой грамотѣ,* доказывающей, что князь пользовался тогда въ Новѣгородѣ гораздо большею властію, чѣмъ послѣ.

Изъ необыкновенныхъ явленій природы въ лѣтописи замѣчены:

«Въ лѣто 6632, (1124) мѣсяца Августа въ 11 день, передъ вечернею, почя убывати солнця, и погибе вся. О великъ страхъ и тьма бысть! И звѣзды быша и мѣсяць, и пакы нача прибывати, и вборзѣ наполнися, и ради быша вси по граду.»

«Въ лѣто 6633, (1125) бяше буря велика съ громомъ и градомъ, и хоромы раздра, и съ божниць вълны раздьра, стада скотины истопи въ Волховѣ, а другыя одва перемаша живы.»

«Въ лѣто 6635 (1127) паде метыль густъ (сѣрный дождь) по земли и по водѣ, и по хоромомъ, по двѣ нощи, а по четыри дни.

Въ этомъ году свирѣпствовалъ въ Новѣгородѣ голодъ: снѣгъ лежалъ до Яковля дня, а на осень морозъ уби вършь, (верхнее, зелень), и озимицу. Осминка ржи (1/2 четверти) во всю зиму продавалась по полугривнѣ (5 р. с.).

А на слѣдующій годъ (1128) цѣны еще поднялись, и продавалась ржи осминка по гривнѣ, (10 р. с.) люди ѣли липовый листъ, березовую кору, мохъ истолокши съ плевами и соломою, ушь,* конину; умирали съ голоду, трупы валялись по улицамъ, на торгу, и по дорогамъ. (Нельзя) нелга было выходить изъ домовъ отъ смрада. Отцы и матери сажали дѣтей въ ладьи и отдавали гостямъ даромъ; многіе разбѣжались по чужимъ землямъ. «Туга, бѣда на всѣхъ. И тако, по грѣхомъ нашимъ, погибе земля наша.»

Въ 1131 году погибло семь лодей, возвращавшихся изъ-за моря, съ Готъ. Товаръ потонулъ, а люди спаслись—нагіе, и воротились домой здоровые.

1131 года, на мѣсто уволившагося Іоанна, поставленъ архіепископомъ Новугороду знаменитый Нифонтъ, изъ Печерскихъ иноковъ.

Въ 1132 году скончался отецъ Всеволодовъ, В. К. Кіевскій, а прежде Новогородскій, Мстиславъ Володимеровичъ.

Онъ имѣлъ большое вліяніе на дѣла Новогородскія, что видно не только въ грамотѣ 1125 г., и по походу 1130 года, отъ него происшедшему, но и по другимъ обстоятельствамъ: въ 1129 году напримѣръ прислалъ онъ, изъ Кіева, подобно отцу Мономаху, своего посадника въ Новгородъ, Данила; сынъ его Всеволодъ часто является къ нему въ Кіевъ изъ Новагорода.

По кончинѣ Мстиславовой, 1132 года, Всеволодъ призываемъ былъ въ Русь дядею Ярополкомъ, который хотѣлъ дать ему Переяславль, согласно съ волею его отца; а по смерти, прочилъ, можетъ быть, какъ говорили, самый Кіевъ. Новогородцы оскорбились, потому что Всеволодъ цѣловалъ имъ крестъ на томъ, чтобъ не разставаться съ ними, и

* См. въ обозрѣніи торговли.

* Родъ лютика или купальницы, ranunculus pratensis.

умереть у нихъ. Онъ было воротился, потому что ему на югѣ не посчастливилось,* и произошла великая встань въ людяхъ, — пришли Псковичи и Ладожане, — и они всѣ сообща порѣшили выгнать князя, но, одумавшись, воротили его съ Устьевъ. Посадничество дано въ городѣ Рагуилу, а во Псковѣ Мирославу. Спокойствіе возстановилось, но не надолго.

Въ слѣдующемъ 1133 году присыланъ былъ въ Новгородъ отъ В. К. Кіевскаго Ярополка къ братьи Изяславъ Мстиславичъ, которому выдана была дань Печерская, «и тако хрестъ цѣловаше.»

Въ 1134 году Всеволодъ ходилъ съ Новогородцами на Чудь, и взялъ городъ Юрьевъ, зимою, февраля 9, на память св. Никифора.

Тогда же обновленъ былъ обрушившійся мостъ чрезъ Волховъ.

Въ этомъ году опять приходилъ въ Новгородъ Изяславъ Мстиславичъ, которому братъ Всеволодъ хотѣлъ доставить Суздаль. Новогородцы пошли съ своимъ княземъ, но воротились съ Дубны, (впадающей въ Волгу ниже Корчевы), и на дорогѣ отняли посадничество у Петрила, и дали Иванку Павловичу.

Зимою пришелъ въ Новгородъ митрополитъ Михаилъ, вмѣстѣ съ посломъ Новогородскимъ, игуменомъ Исаіею. Новгородцы собирались опять на Суздаль. Можетъ быть, были и другія столкновенія, подобныя послѣдующимъ, кои надо было порѣшить войною. Митрополитъ отсовѣтывалъ имъ, но они не послушались, а его задержали. Вышли они 31 Декабря. На Жданой горѣ, (во Владимирской губ.) погибъ храбрый посадникъ Иванко Павловичъ и Петрило Микульчичъ и много добрыхъ мужей, а Суздальцевъ больше.

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 137.

Впрочемъ походъ этотъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій, и «сотворше миръ,» Новогородцы возвратились и митрополита отпустили.

Съ этого времени смуты на югѣ, въ Кіевѣ, умножились, а слабый Ярополкъ не былъ способенъ, подобно брату Мстиславу и отцу Мономаху, поддерживать и охранять миръ и тишину; всѣ князья тамъ перессорились между собою: братья Великаго князя, Ольговичи, племянники, дѣти Мстислава.

1135 года Новогородскій посадникъ Мирославъ, переведенный не задолго предъ тѣмъ изъ Пскова, ходилъ мирить Кіянъ съ Черниговцами. Враги старались склонить Новгородцевъ, каждый на свою сторону. Посредничество не имѣло успѣха. На зиму пошелъ еще архіепископъ Нифонтъ съ лучшими мужами, и былъ свидѣтелемъ заключенія мира.

Сильно взмялася вся земля Русская, говоритъ лѣтопись, но и въ Новѣгородѣ утихнувшія безпокойства начали развиваться больше и больше. Новогородцы безпрестанно мѣняли посадниковъ, а наконецъ принялись и за князей, какъ будто наверстывая свободу, стѣсненную Мономахомъ и Мстиславомъ.

Въ 1136 году, призвавъ Псковичей и Ладожанъ, на шумномъ вѣчѣ, положили они вновь выгнать К. Всеволода, и вотъ что ставили они ему въ вину: 1) Не блюдетъ смердовъ. 2) Оставлялъ Новгородъ и хотѣлъ сѣсть въ Переяславлѣ. 3) Бѣжалъ съ сраженія (ѣхалъ съ полку) прежде всѣхъ. 4) Измѣняетъ свои намѣренія: сперва велѣлъ приступить къ Всеволоду Черниговскому, а потомъ велѣлъ отступить отъ него.

Мая 28 они посадили Всеволода подъ стражу съ женою, дѣтьми и тещею, на епископскомъ дворѣ, велѣвъ стеречь его день и ночь, по 30 человѣкъ съ оружіемъ, пока придетъ князь. Держали они его такимъ

образомъ два мѣсяца, и отпустили 15 Іюля. Всеволодъ удалился въ Кіевъ къ дяди, В. К. Ярополку, который далъ ему Вышгородъ.

Унимать Новгородцевъ было некому, потому что всѣ южные и восточные князья, (Кіевскіе, Черниговскіе, Суздальскіе), заняты были своими распрями, и Новогородцы возвратили себѣ вполнѣ самоуправленіе, стѣсненное Мономахомъ и Мстиславомъ.

Избранный ими Святославъ Сѣверскій, братъ Черниговскаго князя Всеволода Ольговича, пришелъ «19 Іюля, прежде 14 каландъ Августа, въ воскресенье, на соборъ св. Евфимія, въ 3 часу дня, а лунѣ небесной въ 19 день.» Но его избраніемъ миръ не водворился, а потрясенъ былъ еще болѣе: въ Новѣгородѣ оставалось много приверженцевъ изгнаннаго князя.

Въ томъ же году, наставшу индикту 15, (слѣдовательно въ Сентябрѣ), убитъ Георгіи Жирославичъ, и сброшенъ съ моста, вѣроятно за преданность ко Всеволоду. Тогда же «милостники» Всеволодовы стрѣляли въ князя Святослава. Епископъ Нифонтъ, всѣми чтимый, держалъ Всеволодову сторону. Онъ отказался вѣнчать князя Святослава, и запретилъ своимъ попамъ и чернцамъ вѣнчать его, говоря: «недостоитъ ее поятн (вѣроятно по какому нибудь родству). Святославъ оженился въ Новѣгородѣ и вѣнчася своими попами у св. Николы.»

Въ 1137 году Константинъ посадникъ съ многими добрыми мужами бѣжалъ изъ Новагорода къ Всеволоду, въ Вышгородъ. Плесковичи прислали съ нимъ Жиряту съ дружиною. Всѣ пріятели звали его въ Новгородъ, говоря: пойди, княже, хотятъ тебе опять. Всеволодъ согласился.

Когда стало извѣстно въ Новѣгородѣ, что Всеволодъ пришелъ въ Псковъ съ братомъ Святополкомъ, поднялся великій мятежъ. Нѣкоторые граждане побѣжали къ нему во Псковъ. Ихъ дома преданы разграбленію— Константиновъ, Нѣжатинъ и многихъ другихъ. Отыскивали всѣхъ пріятелей Всеволодовыхъ между боярами, и собравъ съ нихъ полторы тысячи гривенъ серебра, (15 т. р. с.) дали купцамъ крутиться на войну. Святославъ Ольговичъ совокупилъ всю землю Новогородскую, привелъ брата своего Глѣба съ Курянами, съ Половцами, и пошелъ на Плесковъ выгнать Всеволода. Плесковичи объявили рѣшительно, что князя не выдадутъ, засѣкли всѣ осѣки, и приготовились къ оборонѣ.

Тогда Новогородцы съ своимъ княземъ одумались, и съ Дубровны воротились назадъ: не станемъ проливать кровь съ братьею, пусть управитъ насъ Богъ своимъ промысломъ.

Впрочемъ Всеволодъ-Гавріилъ въ тотъ же годъ (1137) умеръ, и погребенъ въ Троицкомъ соборѣ. (Впослѣдствіи онъ былъ причтенъ къ лику Святыхъ).

Плесковичи ялись за брата его, Святополка, и не было у Новогородцевъ мира ни съ ними, ни съ Суздальцами, ни съ Смольянами, ни съ Полочанами, ни съ Кіянами.

Все лѣто осьминка (не) великая (четверикъ?) стояла по 7 рѣзаней, (около $1^1/_2$ р. с.).

Въ слѣдующемъ году (1138), Апрѣля 17, въ недѣлю третью по Пасхѣ, неугомонные Новогородцы выгнали и Святослава, сидѣвшаго у нихъ два года безъ трехъ мѣсяцевъ, и послали за княземъ къ Юрью Володимеровичу Суздальскому, просить у него сына Ростислава.

Вдругъ разнесся слухъ, что идетъ Святополкъ съ Плесковичами. Весь городъ всполошился и бросился къ Сильницу, но тамъ никого не было. Святославлюю однакожъ

задержали они съ лучшими мужами, и засадили въ монастырѣ св. Варвары, «ждуще оправы Ярополку со Всеволодомъ.»

Самого же Святослава задержали на пути Смольяне, и посадили въ Смядынп монастырѣ.

Мая 10 пришелъ Ростиславъ, — и съ Плесковичи помирились Новогородцы.

Въ 1139 году позвалъ Новогородцевъ на В. К. Всеволода Юрій Суздальскій, пришедшій въ Смоленскъ. Новогородцы не послушались, и тогда Ростиславъ бѣжалъ къ отцу въ Смоленскъ, сидѣвъ въ Новогородѣ годъ и четыре мѣсяца.

Юрій разсердился на нихъ и взялъ Новый торгъ. Это былъ первый случай, въ коемъ Новогородцы увидали, чего они должны ожидать и бояться со стороны Суздальскихъ князей.

Новогородцы послали опять за Святославомъ Ольговичемъ. Братъ его, В. К. Всеволодъ, хотѣлъ утвердить власть надъ Новымъ городомъ, подобно Мономаху и Мстиславу, и уговорилъ брата согласиться. Новогородцы ходили ему ротѣ. Долго волновался городъ, и Святославъ пришелъ Декабря 25.

Въ 1140 году поточены были въ Кіевъ къ Всеволоду Константинъ Микуличъ, Полюдъ Константиновичъ, Демьянъ и нѣсколько другихъ мужей, шестеро заключены въ оковы, вѣроятно по жалобѣ Святославовой, —и вскорѣ начали Новогородцы на вѣчахъ вставать на него «про его злобу.» Онъ, увидѣвъ общее неудовольствіе, послалъ сказать брату В. К. Всеволоду: тягота, братъ, въ этихъ людяхъ, я не хочу у нихъ оставаться, пришли сюда кого хочешь. Всеволодъ прислалъ Ивана Войтишича, предлагая имъ сына, и требуя въ посольство мужей лѣпшихъ, которые и были отправлены. Новогородцы продолжали волноваться, и удерживали Святослава впредь до прибытія новаго князя. Кумъ Святославовъ, тысяцкій, пріятель далъ знать ему, подъ рукою, что быть худу, и что хотятъ его захватить. Святославъ бѣжалъ съ женою и дружиною на Полоцкъ къ Смоленску. Якуна поймали на Плисѣ, и привели вмѣстѣ съ братомъ Прокопьемъ. Раздѣли ихъ до нага, какъ мать родила, били мало не до смерти, и сбросили съ моста, но Богъ спасъ Якуна: онъ прибрелъ къ берегу, и его оставили въ живыхъ, а взяли тысячу гривенъ, (10 т. р. с.) да съ брата сто, (тысячу р. с.) и заточили ихъ въ Чудь, сковавши руками къ шеѣ.

Юрій привелъ ихъ послѣ къ себѣ, и женъ ихъ изъ Новагорода, и содержалъ въ великой чести.

Святославу Ольговичу принадлежитъ уставъ о церковной дани, коимъ опредѣляется епископу вмѣсто десятинъ отъ виръ и продажъ, сто гривенъ (тысячу р. с,) изъ клѣти княжеской, кромѣ уѣздныхъ оброковъ и пошлины съ купеческихъ судовъ.

Всеволодъ, хотѣвшій дать имъ сына, остановился и удержалъ Новогородскихъ мужей, къ нему присланныхъ послами. Новогородцы отправили къ нему епископа съ новыми послами и сказали: дай намъ сына, а Святослава, брата твоего, не хотимъ. И онъ отпустилъ наконецъ къ нимъ сына Святослава. Не успѣлъ Святославъ доѣхать до Чернигова, какъ Новогородцы передумали, и прислали сказать Великому князю: не хотимъ ни сына твоего, ни брата, ни племени вашего, а хотимъ племени Володимеря. Всеволодъ, разсердившись, велѣлъ тогда воротить епископа съ мужами, и задержалъ ихъ въ Кіевѣ. Новогородцы стали просить его шурина, Мстиславича. Всеволодъ, не хотя перепускать Новогорода Володимерову племени, призвалъ своихъ шурьевъ и далъ Берестій, говоря:

за Новымгородомъ не гонитесь, пусть посидятъ о своей силѣ, гдѣ-то они найдутъ себѣ князя! Пословъ же продержалъ у себя съ епископомъ зиму и лѣто.

Такимъ образомъ Новогородцы сидѣли опять безъ князя девять мѣсяцевъ, и жито не шло къ нимъ ни откуда. Въ нетерпѣніи они послали наконецъ въ Суздаль, звать къ себѣ Судилу, Нѣжата, Страшка, которые бѣжали туда изъ-за Святослава и Якуна. Они дали посадничество Судилу, и велѣли сказать Юрью: поди къ намъ самъ, либо сына пусти: Святополка (Мстиславича) Всеволодъ къ намъ не пускаетъ, а Ольговича мы не хочемъ.

Юрій прислалъ Ростислава, который и прежде у нихъ былъ. Ростиславъ прибылъ къ нимъ Ноября 26.

Между тѣмъ послы Новогородскіе—епископъ и купцы, сидѣли въ Кіевѣ задержанные. Они твердили, что Новогородцы не хотятъ иного князя, кромѣ Святополка. Всеволодъ согласился наконецъ, убѣжденный женою, Мстиславлеей, и далъ имъ шурина изъ своею руку.

Новогородцы прослыша, что ѣдетъ къ нимъ Святополкъ, засадили Ростислава на епископскомъ дворѣ, гдѣ и проспдѣлъ онъ четыре мѣсяца.

Святополкъ пришелъ 19 Апрѣля, а Ростиславъ отпущенъ къ отцу, который вознегодовалъ сильно на Новогородцевъ за такое ихъ коловратство.

Съ сихъ поръ усиливаются и умножаются безпрерывныя столкновенія и распри Новогородцевъ съ Юрьемъ Суздальскимъ, которыя продолжались и при его преемникахъ.

Суздаль, и послѣ Владимиръ, откуда получалось въ Новѣгородѣ жито, тяготѣлъ надъ Новымгородомъ болѣе и болѣе, и приводилъ его къ себѣ въ зависимость. Возникла сторона пріятелей Суздальскихъ, между посадниками и боярами. Только въ краткіе промежутки, и то въ ближайшее время, Новогородцы обращались иногда по прежнему къ Кіеву, и избирали тамошнихъ князей, какъ защитниковъ отъ притѣсненій. Нѣсколько лѣтъ впрочемъ прошло спокойно, пока сидѣлъ на Кіевскомъ столѣ В. К. Всеволодъ Ольговичъ, покровитель Новогородскаго князя, и пока Юрій Суздальскій не думалъ еще, или не смѣлъ искать Кіева.

Въ 1142 году Емь, пользуясь смятеніями, приходила воевать Новогородскую волость. Ладожане избили ихъ 400 человѣкъ, и не выпустили ни одного.

Король Свѣйскій приходилъ съ епископомъ о 60 шнекахъ напасть на гостей, шедшихъ изъ-за моря на трехъ ладьяхъ. Произошла битва. У непріятеля отлучено три ладьи, а избито полтораста человѣкъ.

Въ 1143 году Святополкъ женился въ Новѣгородѣ, приведя жену изъ Моравы. Братъ его Изяславъ приходилъ къ нему и зимовалъ въ Новѣгородѣ.

Стояла вся осенина дождева отъ Госпожина дни до Корочюна, и вода въ этомъ году поднялась въ Волховѣ и вездѣ, вельми высока. Мостъ разшибло, и четыре городни занесло «безъ знатьбѣ.»

Въ 1144 году построенъ черезъ Волховъ весь новый мостъ, по сторонѣ ветхаго.

Исписанъ притворъ въ Святой Софіи епископомъ Нифонтомъ.

Поставленъ попомъ переписчикъ Новогородской лѣтописи.

Въ 1145 году Новогородцы, по зову Всеволоду, ходили на помощь Кіянамъ въ Галицкомъ походѣ съ воеводою Неревинымъ, и воротились съ любовію.

В. К. Кіевскій, Всеволодъ Ольговичь, воротясь изъ похода, умеръ (1146), и всѣ дѣла на югѣ измѣнились. Великокняжескій столъ достался Изяславу Мстиславичу, брату Новогородскаго Святополка. Юрій Суздальскій вступилъ въ союзъ противъ него съ Святославомъ Ольговичемъ Сѣверскимъ, — началась продолжительная война, среди которой доставалось всѣмъ соприкосновеннымъ, союзнымъ и враждебнымъ властямъ.

Въ 1147 году пришелъ Юрій воевать Новогородскую волость, взялъ Новый торгъ и всю Мсту. Въ отвѣтъ ему ходилъ Святополкъ со всею областію Новогородскою на Юрья. Новогородцы воротились съ Новаго торга по причинѣ распутицы.

Въ слѣдующемъ году архіепископъ Нифонтъ ходилъ къ Юрью въ Суздаль, мира деля; Юрій принялъ его съ честію, но мира не далъ, и удерживалъ за собою Новогородскія дани, хотя и выпустилъ всѣхъ Новоторжцевъ и захваченныхъ гостей, цѣлыхъ и невредимыхъ.

Въ 1148 году Святополкъ былъ выведенъ «злобы его ради.» Изяславъ прислалъ сына Ярослава, а брату далъ Владимиръ; вскорѣ и самъ Великій Князь пришелъ приглашенный Новогородцами.

Новогородцы вышли къ нему на встрѣчу за три днища отъ города. Въ воскресенье встрѣтилъ его сынъ Ярославъ съ боярами Новогородскими, и поѣхали вмѣстѣ къ обѣднѣ къ Святой Софіи. Посланы были подвойскіе и бирючи кликать по улицамъ, и звать къ князю всѣхъ на обѣдъ, отъ мала до велика. «И тако обѣдавше, веселишася радостью великою, и съ честью разъидошася въ свои домы.» Поутру послалъ Изяславъ на Ярославъ дворъ звонить вѣче. Новогородцы и Плесковичи собрались на вѣче. Изяславъ сказалъ: братцы, сынъ мой и вы прислали мнѣ жаловаться, что васъ обижаетъ стрый мой Юрій. Вотъ я и пришелъ къ вамъ, оставя Русскую землю для васъ и для вашихъ обидъ. Гадайте же, братцы, чтò намъ дѣлать, какъ идти, чтобъ покончить съ нимъ либо миромъ, либо ратью. Новогородцы въ одинъ голосъ воскликнули: ты нашъ князь, ты нашъ Володимеръ, ты нашъ Мстиславъ. Рады идти съ тобою за наши обиды. Еще собрались Новогородцы, и порѣшили всѣмъ идти на войну, всякой душѣ: хоть кто и дьякъ будетъ, и гуменцо у кого пострижено, но не поставленъ, пусть и тотъ идетъ, а поставленъ — пусть Богу молится.

Новогородцы, Плесковичи, Корела, пошли всѣми силами на Юрья къ Ростову. Пришедъ къ устью Медвѣдицы, Изяславъ остановился въ ожиданіи брата Ростислава, который чрезъ четыре дня пришелъ съ полками Русскими и Смоленскими. Ольговичи же не приходили къ нимъ на помощь, по уговору, выжидая въ Вятичахъ, чѣмъ кончится дѣло. Братья пустились внизъ по Волгѣ. Отъ Юрья не было никакой вѣсти. Онъ не отпускалъ ихъ посла, отправленнаго къ нему еще, ни слалъ къ нимъ своего, — и они начали опустошенія по обоимъ берегамъ рѣки до Углича поля и до устья Мологи, взяли и сожгли шесть городовъ. Остановясь, они пустили Новгородцевъ и Русь воевать дальше, и тѣ съ огнемъ и мечемъ дошли почти вплоть до Ярославля. Они привели много всякаго полону и семь тысячь человѣкъ. На вербной недѣлѣ наступило тепло, и братья рѣшились воротиться, видя, что рѣки ся рушаютъ.

Юрій не оставался въ долгу. На лѣто ходили данники Новогородскіе вмалѣ; услышавъ это, Юрій выслалъ на нихъ Берладника.

Они сразились между собою, и съ обѣихъ сторонъ пало много.

Но главное нападеніе устремлено на югъ, гдѣ В. К. Изяславъ дорого поплатился за свое посѣщеніе Поволожья съ Новогородцами и другими воями. Лѣтомъ, соединясь съ своими союзниками, подступилъ Юрій къ Кіеву, и заставилъ Изяслава отказаться отъ Кіева, бѣжать во Владиміръ.*

А потомъ не оставилъ его въ покоѣ и тамъ, и только въ уваженіе ходатайства старшаго брата Вячеслава далъ, ему миръ. Изяславъ, при заключеніи условій, всѣми силами старался выговарить у Юрья дани Новогородскія, имъ захваченныя, на что Юрій наконецъ и согласился.

Епископъ Нифонтъ возвратился (1151), отпущенный Юрьемъ, къ радости Новогородцевъ: онъ ходилъ въ Кіевъ, позванный митрополитомъ Климомъ, котораго избраніе отрицалъ, и посаженъ былъ въ Печерскій монастырь, гдѣ и сидѣлъ, пока пришелъ Юрій.

По возвращеніи Епископъ побилъ свинцомъ святую Софію, и известью обмазалъ кругомъ.

Въ 1154 году, Марта 26, Новогородцы изгнали Ярослава Изяславича, и призвали Ростислава Мстиславича изъ Смоленска, который однакожь, вскорѣ по смерти брата В. К. Изяслава, ушелъ въ Кіевъ, оставивъ имъ сына Давида. Вознегодовали Новогородцы за то, что не далъ имъ ряду, а пуще разстроилъ все, и выгнали сына, а послали епископа Нифонта съ передними мужами къ Юрью, просить опять у него сына Мстислава, который пришелъ Генваря 30, 1155 года.

Въ слѣдующемъ году 1156, архіепископъ Нифонтъ преставился въ Кіевѣ, пошедъ на встрѣчу митрополиту. Злые языки говорили: «облупивъ Св. Софію, пошелъ къ Царюграду.» Это несправедливо, замѣчаетъ лѣтописатель: «кто изъ насъ не знаетъ, какъ украсилъ Нифонтъ Св. Софію, исписалъ притворы, сотворилъ кивотъ, устроилъ снаружи, а въ Плесковѣ создалъ каменную церковь Св. Спаса, въ Ладогѣ Св. Климента. Богъ за грѣхи наши не далъ намъ видѣть у себя его гробъ.»*

Ростиславъ Смоленскій не могъ простить Новогородцамъ своего безчестія. Онъ имѣлъ видно много сторонниковъ въ городѣ. Люди поднялись (1157) на Мстислава Юрьевича, и хотѣли выгнать его изъ Новагорода, но торговый полъ вступился за князя, и сталъ по немъ въ оружіи. Братья готовы уже были сступиться, но къ счастію разобранъ былъ мостъ. Сторожа стерегли по обоимъ краямъ. Пришли сыновья Ростислава, Святославъ и Давидъ, а за ними на третій день и самъ Ростиславъ.

Мстиславъ бѣжалъ, и все утихло.

Ростиславъ, посадивъ сына Святослава на столъ въ Новѣгородѣ (1158), а Давида на Новомъ торгу, оставилъ Новгородъ съ княгинею.

Между тѣмъ дѣла на югѣ приняли совершенно другой оборотъ. Юрій, врагъ Новогородцевъ, умеръ на Кіевскомъ столѣ, въ 1158 году, Мая 15. Мѣсто его занялъ чрезъ нѣсколько времени Ростиславъ Смоленскій, а въ Суздалѣ и Владимірѣ мужественный сынъ Андрей, который вскорѣ сдѣлался для Новогородцевъ гораздо тяжеле Юрья.

Андрей изъ отношеній и дѣйствій отца своего Юрья выразумѣлъ, какое вліяніе можетъ онъ получить на Новгородъ, имѣя въ своихъ рукахъ не только значительною

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества с. 152 и проч.

* См. въ атласѣ сохранившійся антиминсъ Нифонтовъ.

частію его торговлю, но даже и пропитаніе, и, управясь съ домашними дѣлами, рѣшительно объявилъ Новогородцамъ: «вѣдомо вамъ буди — хочу искать Новагорода и добромъ и лихомъ; цѣлуйте же крестъ мнѣ, чтобъ имѣть меня княземъ себѣ, а мнѣ добра вамъ хотѣти.»

«И оттолѣ,» говоритъ лѣтописецъ, «начашася Новогородци мясти и вѣчи часто начаша творити.» Почуяло ихъ сердце, что приближается къ нимъ отъ близкаго Владимира туча, какой не видывали они еще отъ Кіевской далекой Руси, и что придется имъ когда-то потерять свою дорогую волюшку. Андрей, сказавъ это слово, ступилъ первый шагъ къ Новугороду, проложилъ дорогу, по которой пошли неукоснительно его преемники, князья Владимирскіе, а еще успѣшнѣе Московскіе, и съ которой Ивану Третьему досталось ступить только одинъ шагъ, уже послѣдній, до Св. Софіи.

Но мы на прежнее возвратимся.

Новогородцы не поладили съ своимъ княземъ (**1160**), и чрезъ нѣсколько времени на вѣчѣ рѣшили сказать ему: «не можемъ держать двухъ князей, выведи брата Давида съ Новаго торга.» Святославъ не хотѣлъ ихъ сердить, и, выведя Давида, отослалъ его къ Роману въ Смоленскъ. Новогородцы не удовольствовались. Чрезъ малое время они опять созвали вѣче на самаго Святослава. Князь пребывалъ въ Городищѣ у Святаго Благовѣщенія, какъ пригналъ къ нему вѣстникъ сказать: «князь, въ городѣ дѣется великое зло, хотятъ тебя взять.» Святославъ отвѣчалъ: «Чѣмъ же я прогнѣвилъ ихъ? Вчера еще цѣловали они крестъ мнѣ и отцу моему, имѣть меня княземъ себѣ до живота моего.» Нахлынуло множество народа. Они заперли князя въ истопкѣ, а княгиню отослали въ монастырь, дружину перековали, товаръ разграбили. Потомъ отправили князя въ Ладогу.

Когда извѣстіе о томъ дошло до Кіева, В. К. Ростиславъ въ гнѣвѣ велѣлъ перехватать всѣхъ Новогородцевъ, бывшихъ по торговлѣ въ Кіевѣ, и вмѣтать ихъ въ Пересѣченскій погребъ. Тамъ ночью задохлось четырнадцать человѣкъ. Ростиславъ, огорченный, велѣлъ на другой день выпустить ихъ и развести по городамъ.

Чтобъ привлечь на свою сторону Андрея, Новогородцы прислали къ нему просить его сына на княженіе. Андрей предлагалъ имъ брата, отъ котораго они отказывались, ибо онъ княжилъ у нихъ прежде, и почему-то не угодилъ имъ. Тогда Андрей прислалъ имъ племянника Мстислава Ростиславича, разумѣется, на выгодныхъ для себя условіяхъ.

Вскорѣ однакожъ Андрей уладился о Новѣгородѣ съ В. К. Кіевскимъ Ростиславомъ, утвердившимся окончательно въ Кіевѣ, —и вывелъ племянника, вмѣсто котораго введенъ опять Святославъ Ростиславичь, на всей волѣ его.

Андрей за уступку выговорилъ себѣ, кажется, Двинскую область.

Святославъ княжилъ у нихъ долго (**1161—1167**) не въ примѣръ другихъ князей, вѣроятно потому, что они боялись поступить противъ воли В. К. Владимирскаго Андрея, и вмѣстѣ противъ воли В. К. Кіевскаго Ростислава, которые дѣйствовали сообща, и съ которыми бороться было невозможно.

Къ тому же случился у нихъ голодъ, не рѣдкое ихъ несчастіе: «все лѣто стояло вёдромъ, и пригорѣло жито, а на осень всю ярь убилъ морозъ, зимою же стоялъ теплынь и часто шелъ дождь; кадка малая (четверикъ?) стоила семь кунъ (около 3 р. с.). «О велика скорбь бяше въ людяхъ и нужда.»

Наконецъ Новогородцы завздорили съ Святославомъ (1166). Отецъ его, В. К. Ростиславъ собрался къ нимъ, чтобъ уладить дѣло, но не могъ добраться до Новагорода по причинѣ болѣзни, и велѣлъ сыну выѣхать съ Новогородцами на Луки. Новогородцы привезли многіе дары, и клялись ему не искать себѣ другаго князя кромѣ его сына, и разлучиться съ нимъ только смертію.

Но прошло не много времени, и прежнія неудовольствія возобновились еще съ большею силою. Новогородцы вышли изъ терпѣнія, и Святославъ также. Онъ уѣхалъ отъ нихъ на Луки, и прислалъ сказать имъ: «не хочу княжить у васъ.» Они собрались на вѣчѣ, и поклялись между собою: не хотѣть Святослава. Пошли прогнать его съ Лукъ, и послали къ Кіевскому Великому князю, Мстиславу Изяславичу, занявшему столъ по смерти Святославова отца Ростислава, просить у него сына Романа. Слава о доблестяхъ Мстиславовыхъ внушила имъ надежду найдти въ Кіевскомъ Великомъ князѣ заступника себѣ противъ притязаній Андреевыхъ, тѣмъ болѣе, что самъ онъ былъ также нерасположенъ къ Великому князю Владимирскому.

Святославъ, услышавъ, что идутъ на него, отошелъ изъ Лукъ къ Торопцу, и потомъ на Волгу. Андрей подалъ ему помощь, и онъ сжегъ Новый торгъ. Новоторжцы отступили къ Новугороду. Братья его Романъ и Мстиславъ сожгли Луки.

Андрей сложился съ Смольянами и Полочанами. Они заняли всѣ пути и перехватили пословъ Новогородскихъ, силою мѣстяче Святослава въ Новгородъ. Нѣтъ вамъ инаго князя, говорили они, кромѣ Святослава.

Новогородцы крѣпились, убили посадника Захарію, Неревина, Нѣзду бирюча, обвиняя ихъ въ перевѣтахъ съ Святославомъ. Онъ подошелъ было къ Русѣ съ Суздальцами и прочими союзниками. Новогородцы поспѣшили на встрѣчу съ Якуномъ, и враги отступили. Якунъ и выбранъ былъ посадникомъ.

Между тѣмъ Даньславу Лазутиничу удалось съ дружиною пробраться окольною дорогою въ Кіевъ, и привести оттуда князя Романа Мстиславича, Апрѣля 14, во вторую недѣлю по великомъ днѣ, индикта 1, (1168), и рады были Новогородцы своему хотѣнію: они сидѣли безъ князя о Якунѣ отъ Семена дня до великаго дня, ждуче отъ Мстислава сына.

Должно было ожидать войны съ Андреемъ, который не могъ спустить подобнаго оскорбленія. Новогородцы вмѣстѣ съ Псковичами сходили прежде на его союзниковъ: пожгли Полоцкую волость, не доходя только тридцати верстъ до стольнаго города. На весну Романъ пожегъ Торопецъ, Смоленскій городъ, и привелъ много плѣнниковъ.

Даньславъ Лазутиничь, привезшій Новогородцамъ князя, отправился данникомъ за волокъ въ Двинскую область, завладѣнную Андреемъ. Суздальцы пытались было пресѣчь ему дорогу, но были имъ разбиты, и онъ собралъ всю дань, такъ что заплатившіе Суздальцамъ должны были потерпѣть вдвое.

Андрей рѣшился прежде всего наказать В. К. Мстислава Кіевскаго. Многочисленная рать его, собранная отъ всѣхъ князей Русскихъ, ему покорныхъ, явилась подъ Кіевымъ. Мстиславъ, послѣ краткаго сопротивленія, долженъ былъ искать себѣ спасенія въ бѣгствѣ, и побѣдитель, старшій сынъ Андреевъ, Мстиславъ, посадилъ на Кіевскій столъ своего дядю, Глѣба Переяславскаго.

Покоривъ себѣ Кіевъ, Андрей обратился къ Новугороду. Собрались полки Суздальскіе, Ростовскіе и Владимирскіе; князья Рязанскій,

Муромскій, прислали сыновей съ своими воями, Смоленскій съ братомъ. Толико бысть множество вой, что и числа ихъ нѣтуть, говоритъ лѣтописецъ. Андрей поручилъ ихъ опять сыну своему Мстиславу, покорителю Кіева, и главнымъ воеводою назначилъ прежняго, Бориса Жидиславича.

Лѣтописатели раздѣляютъ негодованіе Андреево. Имъ всѣмъ было какъ будто оскорбительно, зачѣмъ Новогородцы живутъ не какъ прочіе, и могутъ распоряжаться въ своихъ князьяхъ по произволенію. «Нельзя» говорятъ, «оправдывать Новогородцевъ тѣмъ, что они освобождены прадѣдами князей нашихъ. Пусть это такъ, но развѣ передніе князья велѣли имъ переступать крестъ и соромлять своихъ внуковъ или правнуковъ, цѣловать имъ крестъ и послѣ измѣнять присягѣ? Злое навѣрстіе въ нихъ вкоренилось. До которыхъ поръ Богу терпѣть надъ ними! Вотъ и навелъ онъ наказаніе на нихъ рукою благовѣрнаго князя Андрея.»

Лишь только вступила рать въ предѣлы Новогородскіе, какъ и начала предавать все огню и мечу, воины жгли села, убивали людей, полонили женъ и дѣтей, похищали имѣніе. На пространствѣ трехъ сотъ верстъ все было разорено и опустошено.

Новогородцы рѣшились у себя защищаться. Молодой ихъ князь, тотъ славный Романъ, чтò покоритъ впослѣдствіи всю Волынь и весь Галичь, приведетъ въ ужасъ Литву, запрягши ее въ плугъ, и распространитъ свои владѣнія за Дунай и Карпаты, тогда еще юноша, у котораго, разумѣется, билось сердце на подвигъ, и рука рвалась на ударъ, ободрялъ ихъ къ сопротивленію. Ему хотѣлось уже попытать своей силы, потѣшиться въ битвѣ, помѣряться съ могучимъ противникомъ.

Вмѣстѣ съ посадникомъ Якуномъ, такимъ же молодцемъ, принялись они твердить городъ, устроивать острогъ, укрѣплять ворота; разставлять сторожей, рядить ратныхъ людей, въ ожиданіи непріятелей.

И вотъ они явились. Начались приступы. Суздальцы, увѣренные въ побѣдѣ, подѣлили уже въ умѣ между собою Новогородскія улицы. Три дня возобновлялись сѣчи. Романъ отражалъ успѣшно всѣ нападенія; однако силы его начали ослабѣвать, число воиновъ уменьшалось, враги напирали плотнѣе и плотнѣе, казалось, что городу нельзя будетъ держаться долго...

Но у Новогородцевъ былъ еще иной защитникъ, иной воитель. Это Архіепископъ Іоаннъ, мужъ праведный, который славился въ народѣ многими великими подвигами вѣры. Между тѣмъ какъ его соотечественники бились, проливали кровь и принимали смерть за Святую Софію, Іоаннъ молился, молился денно и нощно. Вдругъ, на молитвѣ, въ тишинѣ, ночью, послышался ему голосъ: «иди въ церковь на Ильинѣ улицѣ, возьми образъ Божіей Матери, поставь его на забралѣ города и вы узрите спасеніе.»

Поутру онъ повѣдалъ людямъ о полученномъ свыше откровеніи. Всѣ исполнились радости и надежды, одушевились вѣрою, пошли соборомъ на Ильину улицу. Митрополитъ совершилъ молебное пѣніе передъ святою иконою. Потомъ повергнулся передъ нею на колѣна, и плачущій, рыдающій, произнесъ молитву: «О Пречистая Мати, упованіе наше! грѣшные, мы молимся Тебѣ со слезами—не предай насъ!» Съ сими словами онъ взялъ ее на руки; казалось, она сама о себѣ подвигнулась. Народъ въ умиленіи, въ восторгѣ, не могъ выговорить ни слова, и только восклицалъ: Господи

помилуй! Архіепископъ передалъ икону двумъ дьяконамъ, и торжественнымъ ходомъ, со всѣмъ духовенствомъ, подъ вѣяніемъ хоругвей, въ сопровожденіи народа, отнесли ее къ укрѣпленіямъ и поставили па стѣнѣ. Битва отчаянная тамъ кипѣла. Стрѣлы, какъ дождь, сыпались за стѣны. Вдругъ одна ударилась въ икону, и икона, разсказываютъ, оборотилась къ городу. Слезы потекли изъ очей Божіей Матери, кои архіепископъ принялъ на свой фелонь. Новогородцы получили «якобы нѣкую силу дерзости.» Въ то же время туманъ покрылъ Суздальцевъ: они не видя, начали убивать другъ друга. Новогородцы бросились изъ укрѣпленія и довершили пораженіе. Вся осаждающая рать предалась поспѣшному бѣгству (1170).

Множество Суздальцевъ попалось въ плѣнъ, такъ что продавались они въ Новѣгородѣ по двѣ ногаты. Остальные возвращались по мѣстамъ разореннымъ, терпѣли ужасный недостатокъ въ продовольствіи: иные умирали съ голода, другіе въ великій постъ ѣли конское мясо.

Новогородцы приписали свое спасеніе отъ такой многочисленной рати заступленію Пресвятыя Богородицы, и, въ изъявленіе своей благодарности, положили праздновать ежегодно, 27 Ноября, ея честному знаменію, чтò послѣ исполнялось ими вмѣстѣ уже со всею православною церковію — однакожъ долго кромѣ Суздаля!

Андрей не достигъ своей цѣли, рать его была разбита, онъ, казалось, долженъ былъ уступить,—нѣтъ, побѣжденный, онъ все-таки остался побѣдителемъ, и уступили Новогородцы, а не онъ. Сила его не зависѣла уже отъ случайностей. Новогородцы вскорѣ должны были указать путь отъ себя храброму своему защитнику, князю Роману, и прислали къ Андрею просить о мирѣ и князѣ. Ужасная дороговь возникла у нихъ вслѣдствіе разоренія, недостатка въ подвозѣ, изъ сосѣднихъ, Андрею подчиненыхъ областей, или неурожая: кадь ржи продавалась (4 четверти) почти по 4 гривны, (40 р. с.) хлѣбъ по двѣ ногаты (1 р. с.), а пудъ меду по 10 кунъ (4 р. с.).

Андрей, довольный ихъ покорностью, далъ имъ Рюрика, брата умершему между тѣмъ Святославу Ростиславичу, за котораго онъ началъ войну.

Рюрикъ прожилъ у нихъ не долго, недовольный, кажется, своимъ положеніемъ; неудовольствіе его обнаружилось отнятіемъ посадничества у Жирослава, преданнаго Андрею, который и бѣжалъ къ нему въ Суздаль. Андрей не поладилъ и съ прочими Ростиславичами. Рюрикъ не могъ уже оставаться въ Новѣгородѣ, и поспѣшилъ оттуда вонъ, а Новогородцы послали къ Андрею просить князя себѣ (1171).

Андрей прислалъ сперва посадничать того же Жирослава, прибѣжавшаго отъ Рюрика подъ его покровительство, а потомъ далъ сына своего меньшаго Георгія (1172). Новогородцы слушались его во всемъ, и самъ архіепископъ Іоаннъ, который столько прославился во время послѣдней осады города, приходилъ къ нему во Владимиръ па всю правду.

Новогородцы ходили по зову Андрееву съ молодымъ княземъ своимъ, Георгіемъ Андреевичемъ, на помощь къ его воямъ подъ Кіевъ противъ Ростиславичей.

Такимъ образомъ они подчинились почти совершенно В. К. Суздальскому, какъ вдругъ онъ былъ убитъ въ Боголюбовѣ своими приближенными, составившими противъ него тайный заговоръ, (1174). Новогородцы

обрадовались, разумѣется, избавясь отъ сильнаго противника, надѣясь освободиться изъ-подъ ненавистной власти.

Во Владимирѣ произошли смятенія. Дружины выбрали себѣ въ князья племянниковъ Андрея, сыновей старшаго его брата Ростислава, шуриновъ Рязанскаго князя Глѣба. Они не умѣли утвердиться, и принуждены были уступить дядямъ, Михаилу и Всеволоду, меньшимъ дѣтямъ Юрья Долгорукаго.

Ростиславичей приняли къ себѣ Новогородцы, не задолго предъ тѣмъ выгнавшіе Андреева сына Георгія. Они разсчитывали, что враги В. К. Суздальскаго лучшіе для нихъ друзья и помощники.

Мстиславъ Ростиславичь женился въ Новѣгородѣ, взявъ за себя дочь посадника Якуна Мирославича. Его вызвали однакожь вскорѣ Ростовцы, по смерти Михалковой, и онъ оставилъ сына въ Новѣгородѣ.

Эта война была также несчастлива для Мстислава, и онъ долженъ былъ воротиться въ Новгородъ, но Новогородцы указали ему путь вмѣстѣ съ сыномъ Святославомъ (1176): «Ты ударилъ пятою Новгородъ, и пошелъ на стрыя своего Михалка, поваблепъ Ростовцами; Михалка Богъ поялъ, а съ братомъ его Всеволодомъ разсудилъ тебя: чегожь тебѣ у насъ надо?» Мстиславъ ушелъ въ Рязань.

Новгородцы взяли у Всеволода племянника, Ярослава Мстиславича. Глѣбъ Рязанскій и его шурья начали съ счастливымъ Владимирскимъ княземъ новую войну, но всѣ были побѣждены и взяты въ плѣнъ.

Въ слѣдующемъ однако же году (1177) отпущены въ Русь, и съ дороги поворотили на Новгородъ. Новогородцы посадили опять Мстислава у себя на столѣ, брата его Ярополка въ Новомъ торгу, а Ярославу Мстиславичу дали Ламскій Волокъ.

Война съ В. К. Суздальскимъ, который все болѣе и болѣе оказывался достойнымъ преемникомъ брата своего Андрея, была неизбѣжна. Вскорѣ пришелъ онъ подъ Торжекъ. Жители обѣщали дань и медлили. Дружина побудила князя взять городъ приступомъ. Городъ сожженъ, люди полонены, имущество взято на щитъ за Новогородскую неправду. Ярополкъ бѣжалъ.

Отпустивъ полонъ ко Владимиру, Всеволодъ обратился къ Волоку Ламскому. Выручивъ прежде князя, племянника, онъ пустилъ людей на воропъ, и городъ былъ сожженъ.

Мстиславъ вскорѣ умеръ въ Новѣгородѣ, Апрѣля 20, индикта 10, 1178 г.

По его смерти Новогородцы перевели къ себѣ Ярополка, бѣжавшаго изъ Торжка.

Всеволодъ заблагоразсудилъ принять прежнія мѣры въ отношеніи Новогородцевъ, и велѣлъ перехватить купцевъ Новогородскихъ, торговавшихъ въ его волости.

Новогородцы изгнали тогда Ярополка, привели къ себѣ Романа Смоленскаго, который прожилъ у нихъ нѣсколько мѣсяцевъ, и они послали въ Русь за Мстиславомъ, братомъ его. Мстиславъ отказывался, говоря: «не могу идти изъ своей отчины и разойтися съ своею братьею.» Но братія и мужи уговорили его исполнить желаніе Новогородцевъ: «иди, братъ, если тебя зовутъ съ честію. Развѣ Новгородъ не наша отчина?» Мстиславъ послушался, думая воротиться при первомъ случаѣ въ Русскую землю. Онъ пришелъ въ Новгородъ съ боярами Новогородскими, и былъ принятъ съ великою честію, 1 Ноября.

Посидѣвъ нѣсколько, Мстиславъ созвалъ мужей Новогородскихъ, и предложилъ имъ идти на Чудь, и отмстить поганымъ за ихъ

обиды. Новогородцы были очень рады и собрались вслѣдъ за своимъ княземъ (1179). Мстиславъ опустошилъ Чудскую землю, и возвратился ополонившись челядью и скотомъ. Возвращаясь отъ Чуди, онъ зашелъ въ Плесковъ, захватилъ сотскихъ, не хотѣвшихъ племянника его Бориса, и утвердился съ людьми.

Проведя зиму въ Новѣгородѣ, пошелъ весною на зятя своего Всеслава въ Полоцкъ, возвратить одинъ погостъ, заведенный за Полоцкъ первымъ Всеславомъ за сто лѣтъ назадъ, да сосуды церковные и ерусалимъ, имъ же захваченные. Когда пришелъ онъ на Луки, намѣреваясь оправить эту старую обиду, то братъ его старшій, Романъ Смоленскій, прислалъ къ нему мужа сказать: «обиды тебѣ до Всеслава нѣтъ, а если хочешь идти на него, то пойди прежде на меня.» Всеславу же послалъ Романъ помочь съ сыномъ Мстиславомъ. Мстиславъ не захотѣлъ вередить сердца брату старѣйшему, и возвратился въ Новгородъ.

Тамъ онъ занемогъ, и приказавъ дитя свое, Володимера, Борису Захарьичу, поручая его съ волостью братьямъ Рюрику и Давиду, Іюня 13 въ пятницу (1180) скончался, и положенъ въ той гробницѣ, гдѣ лежитъ Володимеръ, сынъ Ярославовъ. Новогородцы искренно оплакали его, приговаривая: «не пойдемъ мы больше съ тобою, господине, въ иныя земли, порабощать поганыхъ въ область Новогородскую. Тебѣ хотѣлось, господине, всѣхъ поганыхъ привести подъ нашу волю, ты отмстилъ имъ за наши обиды, какъ и дѣдъ твой Мстиславъ. Ему перевновалъ ты, господине, и наслѣдилъ путь дѣда своего. Теперь не увидимъ тебя больше, господине, и солнце наше закатилось.» Такъ, говоритъ лѣтопись, плакало надъ нимъ все множество Новогородское—сильные и худые, нищіе и убогіе. Дружина предана была ему безгранично, онъ уступалъ ей всегда всю добычу, и рѣчами своими подавалъ дерзость воямъ своимъ. Не только Новогородцы, но вся земля Русская не могла забыть его доблести. И Черные Клобуки помнили долго его приголубленье. Не было никакой страны, которая не любила бы его, и не желала бы имѣть своимъ княземъ: «всегда бо тосняшеться на великія дѣла.»

По смерти Мстислава, Новогородцы посылали въ Русь къ новому врагу Всеволода, Великому князю Святославу Всеволодовичу, который прислалъ имъ сына Володимера, пришедшаго въ Новгородъ 17 Августа (1180).

Онъ водилъ Новогородцевъ въ помощь отцу своему противъ Всеволода, и они принимали значительное участіе въ походахъ и битвахъ на рѣкѣ Вленѣ, верстахъ въ сорока отъ Переяславля. На возвратномъ пути Великій князь Кіевскій навѣстилъ сына въ Новѣгородѣ.

Ярополкъ получилъ опять Новый торгъ, и тотчасъ началъ воевать Поволжье.

Между тѣмъ какъ Новогородцы пошли провожать Святослава къ Дрютеску, Всеволодъ со всѣмъ полкомъ своимъ пришелъ къ Торжку, съ Муромцами и Рязанцами. Новоторжцы затворились и сидѣли пять недѣль. Ярополкъ былъ устрѣленъ, и жители умирали съ голода за недостаткомъ корма. Городъ былъ сожженъ, и жители, вмѣстѣ съ княземъ, окованные, отведены въ плѣнъ.

Новогородцы, послѣ всѣхъ неудачныхъ опытовъ, принуждены были смириться, указали путь Володимеру, и просили себѣ князя у Всеволода. Тотъ далъ свояка своего, Ярослава Володимеровича (1182).

Новой князь прожилъ у нихъ около трехъ лѣтъ, и «негодоваху ему Новогородцы, зане много творяху пакости волости Новогородстей.» Всеволодъ вывелъ его, (1184), и они испросили у Давыда Смоленскаго сына Мстислава, который прожилъ у нихъ года два, но видно было имъ тягостно оставаться не въ ладахъ съ В. К. Суздальскимъ, и они опять обратились къ нему съ просьбою, (1181, Ноября 20), объ Ярославѣ, который остался у нихъ теперь уже очень долго, разумѣется, въ силу покровительства Всеволодова.

Ярославъ ходилъ съ ними на Финскія племена, нѣсколько лѣтъ почти сряду, можеть-быть, также—по мысли Всеволода.

1186. Молодцы ходили на Емь о Вышатѣ Васильевичѣ, и возвратились съ полономъ.

1187. Погибло данниковъ Новогородскихъ въ Печерѣ и за Волокомъ, головъ со сто.

1191. Новогородцы ходили съ Корелою на Емь, и опустошили землю ихъ.

Въ томъ же году Ярославъ былъ позванъ Полоцкими князьями и Полочанами сняться на рубежѣ. Они положили между собою любовь, и рѣшили зимою идти либо на Чудь, либо на Литву. Походъ состоялся на Чудь. Ярославъ взялъ городъ Юрьевъ, и воротился съ великимъ полономъ.

1192. Ярославъ ходилъ въ Плесковъ, и посылалъ оттуда дворъ свой (дружину) воевать. Взята была Медвѣжья голова и сожжена.

1193. Новогородцы пошли на Югру съ воеводою Ядрѣемъ, взяли одинъ городъ, и подошли къ другому. Жители затворились, и выслали сказать имъ: «мы припасемъ для васъ дань, серебро, соболи и прочія узорочья—не губите же своихъ смердовъ и своей дани.» Между тѣмъ они собирали военную силу и снаряжались. Изготовясь, прислали звать воеводу за данью съ 12 вячшими мужами. Воевода имѣлъ неосторожность пойдти съ попомъ Иванкомъ Легеномъ и прочими. Они были убиты наканунѣ св. Варвары. Потомъ пошло за ними человѣкъ 30, и наконецъ 50; всѣ погибли. Нѣкто Савка держалъ перевѣты князю Югорскому, и сказалъ ему: «если не убьешь Якова Прокшинича и пустишь его въ Новгородъ живаго, то онъ приведетъ на тебя новую рать, и землю твою пусту сотворитъ.» Югорскій князь велѣлъ убить его. Яковъ сказалъ Савицѣ: «Богъ тебѣ судья и Святая Софія, за то, что подумалъ на свою братью. Кровь наша взыщется на тебѣ.» При этихъ словахъ онъ былъ убитъ. Прочіе, стоявшіе подъ городомъ около шести недѣль, «слушаюче лестьбѣ ихъ,»—ихъ было 80 человѣкъ,—изнемогшіе отъ голода, были поражены на Николинъ день. Во всю зиму не было вѣсти объ нихъ въ Новгородъ, и никто не зналъ, живы ли они, или мертвы, къ великой печали Князя, владыки и всего города.

На другой уже годъ (1194) пришелъ избытокъ изъ Югры. Дорогою убиты были Сбышка Волосовичь, Завидъ Негочевичь и Моиславъ поповичь, обвиненные въ совѣтахъ на свою братью; другіе откупились кунами. А то Богови судити, замѣчаетъ лѣтописатель.

Новгородъ и Ладога были опустошены пожарами.

Въ 1195 г. В. К. Владимирскій Всеволодъ позвалъ Новогородцевъ на Черниговъ и на все Ольгово племя, и они не отперлись—пошли съ княземъ Ярославомъ и огнищане,

и гридьба, и купцы. Но война не состоялась, и Всеволодъ отъ Торжка отпустилъ ихъ съ честію.

Новогородцы вознегодовали за что-то на своего Князя, и снарядили посольство къ Всеволоду, Мирошку посадника, Бориса Жирославича, Никифора соцкаго—просить у него сына. Всеволодъ задержалъ посольство у себя во Владимирѣ.

Въ слѣдующемъ году Новогородцы послали къ Всеволоду новое посольство, просить, чтобъ онъ отпустилъ къ нимъ задержаннаго посадника Мирошку, Иванка, Ѳому и прочихъ мужей. Онъ, собравшись на Черниговъ, велѣлъ Новогородцамъ идти съ Ярославомъ на Луки, а задержанныхъ пословъ повелъ за собою. Войны не было и Всеволодъ отпустилъ Новогородцевъ съ Лукъ домой, сказавъ имъ, чтобъ они выбирали себѣ Князя, гдѣ хотятъ, «а Новгородъ выложиша вси Князи въ свободу, и дѣимъ любо, туже себѣ Князя поимають.» Возвратившись во Владимиръ, онъ отпустилъ Ѳому, а Мирошка и Иванка не отпустилъ. Новогородцы разгнѣвались, и послали за Княземъ къ Черниговскому Ярославу Всеволодовичу, просить у него сына, а Ярославу показали путь осенью на Юрьевъ день, и сидѣли всю зиму безъ Князя, «и жаляху по немъ въ Новѣгородѣ добріи, а зліи радовахуся.»

Ярославъ пошелъ на Новый Торгъ, и Новоторжцы приняли его съ поклономъ. Онъ забралъ дани по всему верху, по Мстѣ, и за Волокомъ; Всеволодъ велѣлъ хватать всѣхъ Новогородцевъ за Волокомъ и по всѣмъ волостямъ своимъ, и содержалъ ихъ во Владимирѣ, гдѣ они впрочемъ ходили по волѣ.

Ярославъ пришелъ изъ Чернигова «на вербницю, настанущю лѣту Мартомъ мѣсяцемъ (1197).» Онъ просидѣлъ шесть мѣсяць одину, (только), отъ вербницы до Семенова дни (Симеона Столпника). Новогородцы выгнали его, и послали за Ярославомъ, который былъ въ то время позванъ В. К. Всеволодомъ во Владимиръ. Во Владимирѣ было снаряжено особое посольство, передніе мужи и сотскіе, которые приняли Ярослава со всею правдою и честію. Ярославъ пришелъ на зиму по крещеніи за (черезъ) недѣлю (1198), и «сѣдѣ на столѣ своемъ, и обуяся съ людьми, и добро все бысть. И Мирошка приде посадникъ, сѣдѣвъ два лѣта за Новгородъ, и вси прiидоша невреджени ничимъ же, и ради быша Новѣгородѣ вси отъ мала и до велика.»

Этотъ годъ проведенъ былъ дѣятельно. Ярославъ посадилъ сына Изяслава княжитина Лукахъ,—оплечье Новогороду отъ Литвы.— На осень приходили Полочане съ Литвою, и пожгли хоромы, но Лучане устереглись, и удержались въ городѣ.

Въ отмщеніе Ярославъ ходилъ на зиму съ Новогородцами, Плесковичами, Новоторжцами, Ладожанами и всею областію Новогородскою на Полоцкъ. Полочане встрѣтили ихъ съ поклономъ на озерѣ Каспле, и миръ былъ заключенъ.

Въ этомъ и предыдущемъ году построено нѣсколько церквей въ Новѣгородѣ и прочихъ городахъ: Спаса Преображенія на горѣ, а прозвище Нередицѣ, Св. Иліи на холму, Св. Преображенія въ Русѣ, Св. Никифора на Островѣ, монастырь Св. Евфиміи въ Плотникахъ.

У Ярослава умерли въ этомъ году два его сына: Изяславъ, посаженный на Лукахъ, Ростиславъ въ Новѣгородѣ.

А въ слѣдующемъ году (1199) В. К. Всеволоду вздумалось вывести Ярослава изъ Новагорода, и прислать туда сына, чего желали недавно Новогородцы, и въ чемъ онъ имъ рѣшительно отказывалъ. Онъ велѣлъ владыкѣ Мартирію, посаднику Мирошкѣ и вячшимъ мужамъ прiѣхать къ нему во Владимиръ за *сыномъ*. Разительное доказательство его власти! На озерѣ Серегерѣ Архiепископъ Мартирiй скончался, тѣло его отвезено было въ Новгородъ къ Св. Софiи, а посадникъ Мирошка и вячшiе мужи прибыли къ Всеволоду, и сказали: «ты *господинъ* Князь великiй, Всеволодъ Юрьевичь, просимъ у тебя сына княжить Новугороду, зане отчина тебѣ и дѣдина Новгородъ.» Всеволодъ принялъ пословъ съ великою честiю, утвердилъ честнымъ крестомъ на всей волѣ своей, и далъ имъ въ Князи Святослава, еще младенца четырехъ-лѣтняго. Согласясь съ посадникомъ, Всеволодъ далъ Новогородцамъ также Архiепископа Митрофана, который поѣхалъ въ Кiевъ ставиться въ сопровожденiи Новогородскихъ и Всеволодовыхъ мужей.

Внутри все успокоилось а внѣ происходило смятенiе: Литва опять набѣжала (1200), взяла Ловоть и прошла до Чернянъ. Новогородцы погнались за ними и побили 80 человѣкъ, остальные бѣжали, а изъ своихъ пало 15: Рагуилъ Прокопьиничь съ братомъ Олексою, Гюргя Сбыкшиничь, Ратмиръ Нѣжатиничь, Страшко серебреникъ вѣсецъ, Внѣздъ Ягиничь, Лука, Мирошкинъ отрокъ, Микита Лазаревичь, Жирошка Огасовичь, Осипъ подвойскiй, Романъ Пыктъ, и еще четверо. Полонъ былъ весь отнятъ.

Въ томъ же году Нѣздило Пыхтиничь посланъ былъ на Луки воеводою. Онъ ходилъ съ Лукъ въ малѣ дружинѣ на Лотыголу на торонѣ (набѣгомъ). Кто съ Молбовичь не пошелъ съ ними, съ тѣхъ, избивши, взяли кунъ. Новогородцы застали людей въ одринахъ. Убито было 40 человѣкъ, а жены и дѣти взяты въ плѣнъ.

1201 года, въ Сентябрѣ, возвратился Архiепископъ Митрофанъ, ходившiй ставиться въ Кiевъ съ Новогородскими и Всеволожими мужами.

Варяги отпущены были безъ мира за море, а на осень пришли они горою (по сухому пути) на миръ, и данъ имъ былъ миръ на всей волѣ Новогородской.

Въ 1205 году В. К. Всеволодъ прислалъ въ Новгородъ старшаго своего сына: «въ землѣ вашей рать ходитъ, а князь вашъ, сынъ мой, Святославъ, малъ. Я даю вамъ старшаго моего сына Константина,» и радъ бысть весь градъ своему хотѣнiю.»

Въ 1208 году приходилъ Лазарь, Всеволодовъ мужъ, изъ Владимира, и Борисъ Мирошкиничъ, и велѣлъ Всеволодъ убить Олексу Сбыславича, на Ярославовомъ дворѣ, и онъ былъ убитъ въ субботу Марта 17, на Святаго Алексiя. «А заутра плака Святая Богородица у Св. Якова, въ Неревскомъ концѣ.»

Всѣ эти событiя показываютъ ясно, что Новгородъ лишился на время своей независимости, и В. К. Всеволодъ дѣлалъ тамъ что хотѣлъ, къ великому негодованiю, хотя и тайному, Новогородцевъ.

Въ 1209 году они съ княземъ Константиномъ, позванные, пришли къ Всеволоду, который сбирался идти на Черниговъ. Всѣ вои скопилися на Окѣ. Обстоятельства перемѣнились, и Всеволодъ вмѣсто Чернигова оборотился на Рязань, и осадилъ Пронскъ. Взявъ городъ, онъ заключилъ

миръ и отошелъ прочь. На возвратномъ пути Новогородцевъ отпустилъ онъ съ Коломны, одаривъ безъ числа, и вда имъ волю всю и уставы старыхъ князь, его же хотяху Новогородцы, и рече имъ: кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните. Сына Константина и посадника Димитрія Мирошкинича оставилъ онъ у себя, съ семью вячшими мужами. Въ Новѣгородѣ, по возвращеніи воевъ, произошло сильное смятеніе, какъ бы въ исполненіе правъ, возвращенныхъ Всеволодомъ. Сотворено было вѣче на посадника Димитрія и братьевъ его: они обвинялись, «яко ти повелѣша на Новогородьцихъ сребро имати, а по волости куны брати, по купцемъ виру дикую, и повозы возити, и все зло.» Люди бросились на дворы ихъ грабежемъ, зажгли Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ, поимали житіе ихъ, а села и челядь распродали, изъискали всѣ сокровища, а избытокъ раздѣлили по зубу, по три гривны по всему городу и на щитъ, а кто тайкомъ что взялъ, про то одинъ Богъ вѣдаетъ. Многіе разбогатѣли. Что на доскахъ было, то оставлено князю.» Вскорѣ посадникъ Димитрій умеръ во Владимирѣ, и тѣло его было привезено въ Новгородъ. Раздраженные Новогородцы хотѣли сбросить его съ моста, но Архіепископъ Митрофанъ не допустилъ, и похоронилъ его честно у св. Юрья въ монастырѣ подлѣ отца. Святославъ, сынъ Всеволодовъ, прибылъ въ Новгородъ въ недѣлю мясопустную. Новогородцы отдали ему доски Димитріевы, «а бяше на нихъ безъ числа,» и поцѣловали крестъ честный, «яко не хочемъ у себе держати дѣтій Дмитровыхъ, ни Володислава, ни Бориса, ни Твердислава Станиловича и Овстрата Домажировича,» —и Князь отослалъ ихъ къ отцу въ заточеніе, «а на инѣхъ серебро поимаша безъ числа.» Посадничество дано Твердиславу Михалковичу.

Милостивыя слова Всеволодовы, какъ и прежнія, ясно стало, не имѣли никакого положительнаго смысла; онъ продолжалъ смотрѣть на Новгородъ, какъ на подвластный ему городъ.

Новогородцы, не привыкшіе къ такому образу дѣйствій, роптали, скорбѣли, и жалобы ихъ разносились всюду.

И вотъ услышалъ ихъ удалый Князь Мстиславъ Мстиславичь, сидя въ своемъ Торопцѣ. — Что же? Онъ вздумалъ вступиться за Новгородъ, (гдѣ княжилъ недавно его отецъ, любимецъ Новогородцевъ), и съ малой дружиной своей пришелъ въ близкій Торжекъ.

Тамъ, не говоря ни слова, не объявляя никому причины, захватываетъ онъ посадника и бояръ, Всеволодова сына, княжившаго въ Новѣгородѣ, Святослава, налагаетъ на нихъ оковы, беретъ имѣніе, до чего рука дошла, и посылаетъ сказать Новогородцамъ: «кланяюсь Святой Софіи и гробу отца моего и всѣмъ Новогородцамъ. Я услышалъ о насильѣ, что вы терпите отъ Князей. Мнѣ жаль стало моей отчины—и вотъ пришелъ я къ вамъ на помочь.»

Новогородцы обрадовались безъ памяти такому заступнику, не думаному, не гаданому. Безъ размышленія, безъ соображенія о томъ, будутъ ли они въ силахъ бороться съ могущественнымъ Всеволодомъ, они принимаютъ тотчасъ предложеніе Мстислава, и отправляютъ къ нему почетное посольство: «приходи, Князь, мы ждемъ тебя.» А сына Всеволодова сажаютъ на Владычнѣмъ дворѣ подъ стражу со всѣми его мужами, пока управятся съ отцемъ.

Мстиславъ пришелъ въ Новгородъ, и былъ торжественно посаженъ на столѣ. Новогородцы ликовали. Но дѣятельный Мстиславъ не думалъ о пирахъ и весельяхъ, а собравъ всѣ вои, поспѣшилъ на встрѣчу Всеволоду, отъ котораго надо было опасаться сильнаго нападенія за кровную обиду....

Нѣтъ, старому Князю, передъ жданной смертью, жаль или страшно стало за свое милое дѣтище: онъ искренно или притворно укротился. «Ты мнѣ сынъ, «прислалъ онъ сказать Мстиславу, «а я тебѣ отецъ. Пусти мнѣ Святослава и мужей его; отдай, что захватилъ, а я отпущу гостей Новогородскихъ съ товарами.» Мстиславъ согласился, и они примирились. Такимъ образомъ Торопецкій Князь сдѣлался Княземъ Новогородскимъ, и счастіе объявило себя на его сторонѣ.

Но онъ былъ остороженъ, и боялся повѣрить, чтобъ Великій Князь Суздальскій уступилъ ему такъ дешево Новгородъ и забылъ обиду. Тогда же осмотрѣлъ границы и распорядился вездѣ для обороны: гдѣ велѣлъ срубить городъ; гдѣ опредѣлилъ надежнаго посадника; Луки поручилъ брату, Володимеру Псковскому; а самъ сталъ на опасномъ мѣстѣ, въ Торжкѣ, блюсти главной волости Новогородской.

Наконецъ, убѣдясь, что со стороны Суздальскаго княжества ему опасаться нечего, Мстиславъ пошелъ ходить съ мечемъ по сосѣдямъ, которые давно не видали Русскихъ воевъ.

Въ 1212 году напалъ онъ на Чудь, рекомую Торму, (въ Дерптскомъ уѣздѣ), и возвратился съ богатою добычею, пригнавъ множество скота.

На зиму ходилъ онъ еще на другую Чудь, и подступилъ къ Медвѣжьей Головѣ. Жители вышли изъ города и поклонились Князю. Онъ взялъ съ нихъ дань и далъ имъ миръ.

Потомъ (1214) со Псковскимъ и Торопецкимъ Князьями ходилъ Мстиславъ на третье племя Чуди, Ереву (въ уѣздѣ Вейсенштеинскомъ Эстляндской губ.), прошелъ всю Чудскую землю до моря, потратилъ ихъ села, взялъ ихъ осѣки, и осадилъ городъ Воробіинъ (Верпель, въ Викскомъ уѣздѣ, Эстляндской губ.) Чудь Еревская поклонилась ему также, какъ и Торма. Онъ взялъ дань, отдалъ двѣ части Новогородцамъ, а третью своимъ дворянамъ.

Не успѣлъ онъ воротиться въ Новгородъ, какъ явились къ нему послы отъ братьевъ: Всеволодъ Чермный, твердый въ своемъ намѣреніи, выгонялъ остальныхъ Ростиславичей изъ Руси за то, что они будто содѣйствовали гибели двухъ Олеговичей въ Галичѣ.* «Поди къ намъ,» звали изгнанники своего брата, «поищемъ нашей отчины. Всеволодъ Святославичь не творитъ намъ части въ Русской земли.» Мстиславъ созвалъ вѣче на Ярославлѣ дворѣ, и обратился къ Новогородцамъ съ просьбою идти Кіеву на Всеволода. «Куда ты глазами взглянешь, туда мы головы свои бросимъ,» отвѣчали они любимому Князю, и Мстиславъ собрался съ ними, немедля, въ походъ. Полки дошли благополучно до Смоленска. Здѣсь случилась ссора у Смольянъ съ Новогородцами, которые убили одного Смольянина, и потомъ отказались идти за Княземъ. Князь сталъ звать ихъ на вѣче—разобрать дѣло вмѣстѣ. Они не шли. Тогда Мстиславъ, «цѣловавъ всѣхъ,» поклонился имъ, пожелалъ добраго здоровья, и ушелъ въ походъ одинъ съ своею дружиной.

Новогородцамъ стало совѣстно; они сотворили вѣче о себѣ, и почали гадать.

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 208.

Посадникъ Твердиславъ сказалъ: «братцы, дѣды и отцы наши страдали за Русскую землю. Пойдемъ и мы.» И Новогородцы догнали Мстислава, помирились съ нимъ, продолжали путь вмѣстѣ, достигли непріятельскихъ волостей, разорили по Днѣпру Черниговскіе города, взяли Рѣчицу на щитъ. Наконецъ подступили они подъ Вышгородъ и начали биться. Мстиславъ одолѣлъ, и Всеволодъ бѣжалъ за Днѣпръ. Вышегородцы отворили ворота. Мстиславъ тотчасъ вступилъ въ Кіевъ, посадилъ на столъ двоюроднаго своего брата, Мстислава Романовича, и пошелъ Чернигову, преслѣдуя врага. Двѣнадцать дней продолжалась осада. Всеволодъ умилостивилъ, кажется, добраго противника, отказавшись отъ своихъ притязаній. Князья взяли миръ, и Новогородцы, осыпанные подарками съ Княземъ, воротились домой всѣ здравы.

Мстиславъ не долго остался съ ними. Побывавъ на Руси, онъ увидѣлъ и услышалъ много новаго, особенно по Галицкимъ дѣламъ, и рѣшился попытать своего счастья. Вскорѣ по возвращеніи онъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и распрощался съ Новогородцами, сказавъ имъ: «есть мнѣ орудья въ Руси, и вы вольны въ Князьяхъ.»

Новогородцы избрали (1215) зятя Мстиславова, сына Всеволодова, Великаго Князя Суздальскаго, который, жестокій врагъ ихъ, не задолго предъ тѣмъ умеръ, (1212) оставивъ свой столъ второму сыну Георгію, мимо старшаго Константина. Этотъ выборъ былъ очень неудаченъ. Ярославъ не походилъ на Мстислава. Гордый, раздражительный, упрямый, мстительный, онъ не могъ ужиться съ Новогородцами. Вскорѣ начались у нихъ распри; Ярославъ управлялся по своему, и наконецъ уѣхалъ отъ нихъ въ Торжокъ, близкій къ его Твери. Новогородцы послали къ нему пословъ, съ объясненіями и приглашеніями: онъ, не отвѣчая ни слова, задерживалъ пословъ, хваталъ вездѣ купцевъ съ ихъ товарами, а въ Новгородѣ случился на ту пору ужасный голодъ и дороговизна хлѣба, такъ что бѣдные жители продавали дѣтей своихъ гостямъ одерень (въ рабство). Ярославъ не пускалъ туда ни одного воза съ хлѣбомъ, и Новогородцы не знали, что имъ дѣлать, опять послали пословъ, и опять Ярославъ задержалъ ихъ, въ третій разъ также, — «и бысть въ Новѣгородѣ печаль и вопль....»

Вдругъ, откуда ни возмись, является между ими дорогой ихъ Мстиславъ. Мудрено описать ихъ удивленіе, а радости было еще больше. «Кланяюсь святой Софіи,» возговорилъ онъ зычнымъ голосомъ, созвавъ вѣче, «я услышалъ о вашихъ бѣдахъ. Либо ворочу вамъ вашихъ мужей и ваши волости, либо повалю головою за Новгородъ.» Новогородцы были въ восторгѣ. Князь поцѣловалъ имъ крестъ, они ему — въ животъ и смерть. Намѣстникъ Ярославовъ былъ тутъ же взятъ, и дворяне его окованы.

Когда пришла вѣсть къ Ярославу, что содѣялося въ Новѣгородѣ, и кто туда пожаловалъ, — онъ понялъ, что дѣла примутъ другой оборотъ, и что надо думать ужь и о себѣ: изгошилъ твердь, (укрѣпилъ городъ), засѣкъ всѣ пути отъ Новагорода, заперъ рѣку Тверцу, а въ Новгородъ подослалъ сто Новогородскихъ мужей изъ числа имъ захваченныхъ, чтобъ они старались всячески выжить оттуда Мстислава. Мужи взялись, а пріѣхавъ къ себѣ домой, отперлись отъ Ярослава, и стали со всѣми своими за одно

противъ общаго ворога, о которомъ теперь никто и слышать не хотѣлъ.

Мстиславъ былъ готовъ впрочемъ кончить съ нимъ дѣло полюбовно, и послалъ Торжку попа Юрья съ своимъ мужемъ сказать ему: «сыну, кланяюсь тебѣ! мужей моихъ и гостей пусти, а самъ съ Торжка иди, и возми со мной любовь.»

Ярославъ упорствовалъ, и отпустилъ попа безъ мира, а Новогородцевъ созвалъ всѣхъ на поле за городъ, въ мясопустную субботу, мужей и гостей, числомъ больше двухъ тысячъ, оковалъ и разослалъ по своимъ городамъ, конями ихъ и товарами одѣлилъ своихъ, началъ и пригототовляться встрѣтить Мстислава, надѣясь на помощь брата своего Георгія, Великаго князя Суздальскаго, котораго сторону держалъ онъ противъ старшаго Константина.

Тяжело приходилось Новогородцамъ. Лучшіе ихъ люди были изоиманы, меньшіе разошлись отъ города по сторонамъ. Много перемерло. На лицо было мало,—и тѣ, разтревоженные, истомленные, упали духомъ. Одинъ Мстиславъ не унывалъ. Онъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, поговорилъ, и прогналъ робость. «И въ многѣ, братья, Богъ, и въ малѣ Богъ и въ правдѣ. Да не будетъ Новгородъ Торжкомъ, ни Торжекъ Новымгородомъ. Гдѣ святая Софія, тамъ Новгородъ. Пойдемъ же искать мужей своихъ—вашей братьи и волости.»

На новый годъ, Марта 1, во вторникъ на чистой недѣлѣ, (1216), выступилъ Мстиславъ на зятя своего Ярослава,—но по другой дорогѣ, по которой тотъ не ожидалъ его: озеромъ Селигеромъ. (Такъ успѣхъ былъ ненадеженъ, и опасность была такъ велика, что черезъ день изъ Новагорода бѣжало нѣсколько мужей, переступивъ крестъ, къ Ярославу, съ женами и дѣтьми). Мстиславъ, пришедъвъ свою волость, послалъ людей въ зажитье запастися кормомъ для себя и для коней, что и было исполнено. Онъ стоялъ уже вверху Волги, какъ услышалъ, что дѣятельный Ярославъ прислалъ и въ эту сторону брата Святослава съ многими воями осаждать Ржевку, его городецъ въ Торопецкой волости, гдѣ затворился и отбивался Ярунъ съ сотней воиновъ. Мстиславъ поспѣшилъ къ нему на помощь, съ своими пятью стами, (вотъ все его ополченіе), но осаждавшіе удалились еще прежде. Тогда Мстиславъ, вмѣстѣ съ братомъ Володимеромъ Псковскимъ, двинулся впередъ, и взялъ Зубцовъ на Вазузѣ. Тамъ приспѣлъ къ нему еще союзникъ, двоюродный братъ, князь Володимеръ Рюриковичъ, съ Смольянами, и они пошли по Волгѣ воююче. Остановясь на Холохольнѣ, князья повторили Ярославу предложеніе о мирѣ. «Мира не хочу,» отвѣчалъ имъ гордый, «вы пошли,— ну, и идите, и изо ста человѣкъ не останется у насъ по одному.» «Такъ и быть,» сказали промежъ себя князья, «ты Ярославъ съ плотью, а мы съ честнымъ крестомъ.»

Новогородцы совѣтовали Князьямъ идти на Торжекъ. «Нѣтъ, не годится,» отвѣчали они, «если пойдемъ на Торжекъ, то мы попустошимъ Новогородскую волость, а мы лучше поворотимъ къ Твери.» Они поворотили къ Твери, и начали жечь села....

Ярославъ, услышавъ о разореніи своей волости, оставилъ Торжокъ, и, забравъ старѣйшихъ бояръ и Новгородцевъ молодыхъ изборомъ, а Новоторжцевъ всѣхъ, переѣхалъ въ Тверь, чтобъ ее защитить.

Посланные имъ сто избранныхъ мужей въ сторожу наткнулись, въ 15 верстахъ отъ города, на соединенныхъ князей, которые, разставивъ полки давали видъ рати великой. Ярунъ съ молодью бросился на нихъ, большая часть сторожей осталась на мѣстѣ, другіе взяты въ плѣнъ, и немногіе спаслися бѣгствомъ назадъ въ Тверь.

Но Мстиславъ не думалъ идти туда, а устремился въ другую сторону. «Пойдемъ къ Переяславлю,» сказалъ онъ Князьямъ. Этотъ путь былъ далекъ, идти трудно, но тамъ дожидался его, какъ говорилъ онъ, третій другъ.

Кто же былъ этотъ другъ, на котораго могъ надѣяться Мстиславъ? Константинъ, сынъ Всеволодовъ, старшій братъ Ярослава и Георгія, который съ досадою сидѣлъ въ Ростовѣ, и ждалъ случая отнять у меньшаго брата Владиміръ, принадлежавшій ему по праву. Если Юрій былъ за Ярослава, то по этой одной причинѣ Константинъ долженъ былъ взять сторону Мстислава. Такъ разсчитывалъ сей послѣдній, и не ошибся въ разсчетѣ.

Князья обошли Тверь низомъ, прошли Шошу и Дубну *, и отрядили къ Константину боярина Яволода, котораго пошелъ провожать на рубежъ Володимеръ Псковскій съ Псковичами и Смольяне. Они всѣ шли по Волгѣ воююче, взяли и пожгли городъ Коснятинъ и все Поволожье. Тамъ встрѣтилъ ихъ изъ Ростова воевода Еремей, и повѣдалъ имъ: «Князь Константинъ кланяется вамъ; онъ радъ, слыша о вашемъ приближеніи. Вотъ вамъ отъ него пять сотъ мужей, а вы пошлите къ нему отъ себя со всѣми рѣчами шурина его Всеволода.» Они отправили къ нему Всеволода, и продолжали идти внизъ по Волгѣ, потомъ поворотили къ Переяславлю, побросавъ воза, и сѣвъ на коней. Апрѣля 9, на Великъ день, въ городищѣ на Саррѣ, присоединился къ нимъ самъ Константинъ Всеволодовичъ. Они обрадовались свидѣвшеся и поцѣловали крестъ, спѣша вмѣстѣ къ Переяславлю,—но Ярослава тамъ уже не было. Онъ ушелъ къ брату Георгію во Владиміръ. Князья сами оборотились туда.

Новогородская война принимала другое значеніе. Междоусобіе перенеслось въ предѣлы Суздальскаго княжества, дотолѣ свободнаго отъ войнъ. Дѣло пошло не объ одной выручкѣ Новогородскихъ мужей, и спорѣ между Мстиславомъ и Ярославомъ, а о столѣ Великаго княжества: кому сидѣть—старшему Константину, имѣвшему право, или младшему Юрью, которому отдалъ отецъ.

Ярославъ и Юрій стояли на рѣкѣ Кзѣ, а Мстиславъ и Володимеръ съ Новогородцами поставили своихъ близъ Юрьева; Константинъ дальше, на рѣкѣ Липицѣ. Рѣшительный часъ наступалъ.

Какъ ни смѣлъ и запальчивъ былъ Мстиславъ, однако, увидѣвъ полки Юрья и Ярослава стояще, разсчелъ, что силы у нихъ далеко неравны, и еще испытывалъ мира. Онъ послалъ Ларіона соцкаго къ своимъ противникамъ, сказать—Князю Юрью: «кланяемся. Обиды намъ съ тобою нѣтъ, обида намъ съ Ярославомъ.» Князь Юрій отвѣчалъ: «братъ Ярославъ и я едино есмя.» Князю Ярославу посолъ сказалъ отъ Мстислава: «пусти мужей Новогородскихъ; что зашелъ волости Новогородской, Волокъ, вороти, и миръ съ нами возми; крестъ намъ поцѣлуй.» Ярославъ отвѣчалъ: «мира не хочу, мужи у меня, а вы далеко зашли, и попали какъ рыба на сухо.»

* Эти рѣки протекаютъ между нынѣшними Московскою и Тверскою губерніями.

Ларіонъ принесъ отвѣтъ того и другаго брата своимъ князьямъ. Тогда они послали къ обоимъ братьямъ вмѣстѣ послѣднюю рѣчь: «братья княже Юрій и Ярославъ! Мы пришли не на кровопролитье. Не дай Богъ крови творити. Управимся такъ. Мы всѣ одинъ родъ, отдадимъ старѣйшинство князю Константину.» Отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный, и надо было готовиться къ битвамъ.

Мстиславъ и Володимеръ такъ укрѣпляли своихъ воевъ: «братья, мы вошли въ землю сильную: станемъ крѣпко. Назадъ оглядываться нечего; побѣгше не уйти! Позабудемъ же домовъ, женъ и дѣтей. Двухъ смертей не бывать, одной не миновать. Биться будемъ, кто хочетъ пѣшій, кто хочетъ на конѣ.» Новогородцы закричали: «не хотимъ измерети на коняхъ, но какъ отцы наши на Колокшѣ будемъ биться пѣши,»—соскочили съ коней, сбросили съ себя платье, разулись,—и кинулись впередъ пѣшіе. Мстиславъ былъ тому очень радъ. Смольяне бросились также пѣшіе. За ними отрядилъ князь Володимеръ своего мужа, Ивора Михайловича съ полкомъ, а сами князья и воеводы слѣдовали сзади на коняхъ.

Исходъ сраженія и послѣдующія событія принадлежатъ болѣе къ исторіи Владимирскаго княжества, чѣмъ Новогородскаго.*

Мстиславъ съ Новогородцами и Константиномъ Ростовскимъ одержали рѣшительную побѣду, апрѣля 21, въ четвергъ на второй недѣлѣ, по пасхѣ.

На ступѣ Суздальцевъ и Переяславцевъ пало безъ числа, а изъ Новогородцевъ только: Дмитръ Плесковитинъ, Антонъ котельникъ, Иванко Прибышиничъ опонникъ, да въ загонѣ (при преслѣдованіи) Иванко поповичъ, Семьюнъ Петриловичъ, Терскій данникъ.

«Сильные полки побѣдили они,» говоритъ лѣтописецъ, «взяли свою честь и славу.»

Война кончилась: Константинъ посаженъ былъ на столѣ во Владимирѣ, а Георгій получилъ себѣ во владѣніе городокъ Радиловъ. Князья и Новогородцы были одарены безъ числа.

Опредѣливъ всѣ условія, союзные князья разошлись: Мстиславъ къ себѣ домой въ Новгородъ, Константинъ во Владимиръ, Володимеръ одинъ въ Псковъ, другой въ Смоленскъ.

Мстиславъ забралъ всѣхъ Новогородцевъ, что были съ Ярославомъ въ полку,—и пришли въ Новгородъ всѣ здравые.

Можно себѣ представить, какая радость была въ Новѣгородѣ, когда всѣ мужи пріѣхали изъ тяжкаго, долгаго плѣна, волости возвращены, и противная власть Суздальская надъ ними была уничтожена. Они вспомнили старое время, и дорогъ имъ сталъ Мстиславъ еще болѣе. Но полюбовались они имъ не долго, не долго отдыхалъ у нихъ мужественный витязь.

Посадникомъ вмѣсто Гюргя Иванковича, опредѣленъ Твердиславъ Михаиловичъ.

На слѣдующій годъ, (1217), оставивъ въ Новѣгородѣ княгиню, и сына своего Василія, Мстиславъ уѣхалъ въ Кіевъ, и взялъ съ собою Гюргя Иванковича, Сбыслава Степаныча, Алексу Путиловича.

Литва воевала по Шелони. Новогородцы отправились на нихъ съ княземъ Володимеромъ, который случился у нихъ для своихъ орудій, и посадникомъ Твердиславомъ, но не настигли. Потомъ осадили они Медвѣжью Голову. Чудь явилась къ нимъ

* См. ниже въ исторіи Владимирскаго княжества.

съ поклономъ, а между тѣмъ послала за Нѣмецкою помощью. Новогородцы, отошедши далеко отъ товаровъ, начали гадать съ Плесковичами о Чудской рѣчи, а тѣ между тѣмъ напали на товары. Новогородцы прибѣжали съ вѣча въ товары, схватились за оружіе, и выбили ихъ изъ товаръ. Нѣмцы побѣжали къ городу. Новогородцы убили двухъ воеводъ, а третьяго взяли въ плѣнъ. Коней отняли семь сотъ.

Во время этого похода Мстиславъ воротился въ Новгородъ, и захватилъ Станимира Дерновича съ сыномъ Нѣздилою, заключилъ въ оковы, взялъ имѣніе; но потомъ отпустилъ.

Былъ въ Новѣгородѣ большой пожаръ 31 Мая, отъ Ивана Ярышевича, и погорѣлъ весь полъ, не осталось ни одного хорома; огонь проникъ и въ каменныя божницы, куда хотѣли укрыться нѣкоторые съ имѣніями. Церквей сгорѣло 15, у каменныхъ огорѣли верхи и притворы. Въ Варяжской божницѣ погибло Варяжскаго товара безъ числа.

Въ 1218 году ходилъ Мстиславъ въ Торжекъ, и взялъ Бориса Некуриншинича, отнялъ много имѣнія, и потомъ отпустилъ его. Вскорѣ, созвавъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, онъ сказалъ: «Кланяюсь Св. Софіи, и гробу отца моего, и вамъ всѣмъ. Хочу искать Галича, но васъ не забуду никогда. Приведи меня Богъ лечь у Св. Софіи подлѣ отца. Прощайте.» Новогородцы много и долго уговаривали Мстислава, который сдѣлалъ имъ столько добра, и такъ пришелся имъ по нраву, котораго они такъ любили, къ которому такъ привыкли. «Не ходи князь,» молили они его печальные, «останься съ нами, куда тебѣ!» и никакъ не могли убѣдить. Онъ распростился съ ними, и уѣхалъ — искать новыхъ опасностей и новыхъ подвиговъ въ сторонѣ, совершенно противоположной Суздалю и Новгороду— въ Галичѣ.

Новогородцы послали въ Смоленскъ за Святославомъ Мстиславичемъ, который пришелъ къ нимъ Августа 1.

Спокойствіе было непродолжительно. На зиму бѣжалъ Матвѣй Душильчевичъ, связавъ Моисѣица, бирюча ябеднича. Онъ былъ настигнутъ и приведенъ въ Городище. Въ городѣ разпространилась ложная молва, что Матея выдалъ князю посадникъ Твердиславъ. Онпиловцы зазвонили у Св. Николы, и звонили всю ночь, Неревскій конецъ, у Сорока Святыхъ, тако же коняче люди на Твердислава. Князь, учювъ голку (услыша шумъ) и мятежъ, отпустилъ Матея. Онпиловцы поднялись всѣ въ броняхъ, даже дѣти, какъ будто на войну, Неревляне также, а Загородцы не вставали ни за тѣхъ ни за другихъ, но дожидались конца. Твердиславъ, воззря на Святую Софію, сказалъ: «если я виноватъ, да буду ту мертвъ, а если я правъ, такъ оправь меня Господи»,—и пошелъ съ Людинымъ концемъ и съ Прусами, и началась сѣча у городныхъ воротъ, одни побѣжали на онполъ, а другіе въ конецъ. Мостъ переметали, и онпиловцы переправились въ ладьяхъ. Изъ Прусовъ убитъ одинъ мужъ, изъ кончанъ другой, изъ онпиловцевъ Иванъ Душилькевичъ, братъ Матеевъ, изъ Неревскаго конца Коснятинъ Прокошиничъ, и еще шесть мужей. Переранено же множество народа. Это случилось Января 27, 1219 года. Вѣча не прекращались цѣлую недѣлю. Князь Святославъ прислалъ наконецъ своего тысяцкаго на вѣче сказать: «не могу быть съ Твердиславомъ, и отнимаю отъ него посадничество.»

Новогородцы спросили: «въ чемъ же его вина.» Святославъ отвѣчалъ: «безъ вины.» Твердиславъ сказалъ: «я радъ, что вины за мною нѣтъ, а вы, братья, вольны, и въ посадничествѣ и въ князьяхъ.» Тогда Новогородцы дали такой отвѣтъ: «княже, оже нѣту вины его, ты намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа нелишити, а тобѣ ся кланяемъ, а се нашь посадникъ, а въ то ся не вдадимъ,»—и князь уступилъ, и бысть миръ.

Святославъ ходилъ съ Володимеромъ Псковскимъ на Леттовъ и Ливовъ. Они проникли до нижней Аа, но были отражены и должны были воротиться вслѣдствіе нападенія Литвы на Псковъ.

Въ слѣдующемъ году Мстиславъ Романовичъ прислалъ въ Новгородъ меньшаго своего сына Всеволода, говоря: «примите Всеволода, а Святослава старѣйшаго пустите ко мнѣ.» Новогородцы исполнили его волю.

Зимою Семьюнъ Еминъ, въ четырехъ стахъ, ходилъ на Тоймакары. Но В. К. Владимирскій Юрій, занявшій по смерти старшаго брата Константина, и братъ его Ярославъ Переяславскій не пустили ихъ чрезъ свою землю. Они возвратились въ ладьяхъ, и стали, «на зло,» шатрами по полю, взводя на Твердислава и Якуна тысяцкаго, будто они засылали къ Юрью повѣренныхъ съ совѣтомъ не пропускать Новогородцевъ. Городъ взволновался, и посадничество отнято у Твердислава, и дано Семену Борисовичу, а тысяцкое у Якуна, и дано Семьюну Емину.

Всеволодъ ходилъ съ Новогородцами къ Пертуеву, (Пернау). Нѣмцы, Литва и Ливь встрѣтили сторожей и билися, побѣда осталась на нашей сторонѣ, но безъ всякой пользы.

Воротившись отъ Пертуева, они отдали посадничество Твердиславу и тысяцкое Якуну.

Антоній, архіепископъ Новогородскій, отлучился въ Новый Торгъ; Новогородцы въ отсутствіе его ввели сверженнаго Митрофана опять на столъ, а Антонію послали сказать: «иди куда хочешь.» Антоній отошелъ въ монастырь Св. Спаса въ Нередицахъ. Тогда Новогородцы одумались и сказали Митрофану и Антону: «идите къ Митрополиту, и кого онъ назначитъ, тотъ и будетъ нашимъ владыкою.» Съ ними были отпущены два попа Вассіанъ и Борисъ.

Въ 1220 году возвратился Архіепископъ Митрофанъ, оправленный Богомъ и Св. Софіею; Антонію же, удержанному Митрополитомъ у себя, дана епископія Перемышлевская.

Всеволодъ ходилъ своимъ орудіемъ (по своему дѣлу) въ Смоленскъ, и, воротясь, разсерженный безъ вины на Твердислава, хотѣлъ убить его. Князь пришелъ съ Городища на Ярославовъ дворъ, со всѣмъ дворомъ своимъ, въ полномъ вооруженіи въ броняхъ, какъ бы на войну. Новогородцы собрались также въ оружіи, и стали полкомъ на княжемъ дворѣ. Твердиславъ былъ боленъ, и привезли его на носилкахъ къ Борису и Глѣбу. Прусы, Загородцы, Людинъ конецъ, скопились около него, и раздѣлились на пять полковъ. Князь, уразумѣвъ ихъ рядъ (намѣреніе), «что они хотятъ крѣпко животы свои отдати,» не выѣхалъ къ нимъ, но выслалъ Архіепископа Митрофана «со всѣми добрыми повѣстьми,» и владыка свелъ всѣхъ въ любовь: князь и Твердиславъ поцѣловали крестъ, «и братья вся вкупѣ быша.» Твердиславъ, соединись съ княземъ въ любовь, отказался за болѣзнію отъ посадничества, которое отдано было Иванку Дмитровичу. Твердиславъ же

былъ боленъ еще семь недѣль, и тайно отъ жены, дѣтей и всей братьи, ушелъ въ Аркажъ монастырь, гдѣ и постригся. Жена постриглась послѣ въ монастырѣ Св. Варвары.

Въ слѣдующемъ году (1221) Новогородцы показали путь князю Всеволоду: «не хотимъ тебя, иди куда хочешь,» — и онъ ушелъ къ отцу въ Русь.

Крещенные Есты съ Нѣмцами нападали на Новогородскія волости.

Въ 1222 году посылали Новогородцы владыку Митрофана, посадника Иванка и старѣйшихъ мужей къ Великому князю Владимирскому, просить у него сына, и Георгій, далъ имъ Всеволода на всей воли Новогородской, одаривъ Архіепископа и всѣхъ мужей безъ числа. Вскорѣ присылалъ онъ имъ еще брата Святослава въ помощь для похода ихъ къ Кеси (Венденъ). Много воевали они, но не взяли города, которому привела помощь Литва. Казалось, все было согласно, но Всеволодъ тою же зимою, утаився, ночью, бѣжалъ изъ Новагорода со всѣмъ дворомъ своимъ. Новогородцы опечалилися и послали сказать В. К. Георгію: если не хочешь держать Новагорода сыномъ, то дай намъ брата, и онъ далъ имъ брата Ярослава.

Ярославъ, нѣкогда ненавистный, пришелъ къ нимъ (1223), и они были рады, пошли съ нимъ немедля на Литву. Около Торопца погнались за ними до Усвята, но не догнали. Потомъ ходилъ Ярославъ со всею областью къ Колываню, и повоевалъ всю волость Чудскую. Добыто много золота, всякаго полона, но городъ не былъ взятъ.

Ярославъ по возвращеніи оставилъ Новгородъ съ княгинею и дѣтьми, и отправился въ свой Переяславль, какъ ни упрашивали его Новогородцы клапяясь: не ходи князь. Они послали къ Георгію за сыномъ, и тотъ далъ имъ опять Всеволода.

Архіепископъ Митрофанъ скончался Іюля 3, на святаго Іакинѳа, свѣтающу понедѣльнику, и на его мѣсто введенъ былъ въ дворъ Арсеній, мужъ добрый и зѣло боящійся Бога, чернецъ изъ Хутына монастыря.

Въ слѣдующемъ году (1224) Новогородцы испытали много горя: Нѣмцы, которые усиливались съ каждымъ годомъ въ сосѣдствѣ, и искали сначала ихъ пріязни, напримѣръ епископъ Албертъ, присылавшій посольство въ 1220 году, начали дѣйствія наступательныя, взяли городъ Юрьевъ, послѣ долгой и жаркой осады, и убили князя Вячка, одного изъ Полоцкихъ князей, посаженнаго тамъ Новогородцами, которые не успѣли подать ему помощи. Литва побѣдила Рушанъ, которые выѣхали-было къ ней на встрѣчу съ посадникомъ Ѳедоромъ. Они были ссажены съ коней, и многіе убиты: Домажиръ Торлиничъ и сынъ его, Богша и прочіе. Остальные разбѣжались по лѣсамъ.

Внутреннія смятенія умножались съ каждымъ годомъ.

ПСКОВЪ.

Въ предѣлахъ Псковскаго княжества, заселеннаго Славянскимъ племенемъ Кривичей, и составлявшаго часть волости Новгородской, древнѣйшимъ городомъ былъ Изборскъ, въ 15 верстахъ отъ Псковскаго озера, и 40 почти отъ Пскова, къ западу, на высокой горѣ, близь рѣки Исы, и Славянскихъ ключей.

Въ Изборскѣ имѣлъ свое пребываніе третій братъ Рюриковъ Труворъ. До сихъ поръ показываютъ здѣсь на кладбищѣ надгробный его камень, огромной величины, съ изсѣченными въ немъ прямыми чертами, въ разныхъ соединеніяхъ.

Псковъ былъ, вѣроятно, основанъ кѣмъ нибудь изъ мужей Рюрика, которымъ онъ велѣлъ «городы рубити.»

О Псковѣ первое извѣстіе встрѣчается въ лѣтописи Нестора подъ годомъ 903, гдѣ сказано о В. К. Ольгѣ: «Игореви же возрастшу, и хожаше по Олзѣ, и слушаше его, и приведоша ему жену отъ Плескова, именемъ Ольгу.» Отъ рода Варяжска, прибавляетъ ея житіе, и другія новѣйшія сказанія. Безъ сомнѣнія, она принадлежала къ семейству какого нибудь Нормана, въ здѣшнихъ краяхъ поселившагося при Рюрикѣ, изъ числа находниковъ Варяговъ, которые разсыпались тогда по всѣмъ городамъ.

Принявъ на себя управленіе по смерти своего мужа, Великая Княгиня Ольга приходила въ Новгородъ (946) «и устави по Мстѣ погосты,» говоритъ Несторъ, «и дани, и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей землѣ, знаменья и мѣста и погосты, и сани ея стоять въ Плесковѣ и до сего дне...»

И до сихъ поръ сохраняется здѣсь память объ Ольгѣ, во многихъ собственныхъ именахъ: близь Пороменской церкви, на самомъ берегу рѣки Великой, стоитъ часовня, извѣстная подъ именемъ Св. Ольги, при источникѣ, изъ котораго, и лѣтомъ и зимою, струится чистая вода, имѣющая цѣлебное свойство для почерпающихъ съ вѣрою. На этомъ мѣстѣ, говоритъ преданіе, Св. Ольга, посѣтивъ здѣшнія страны, около 957 г., увидѣла надъ возвышеніемъ противоположнаго берега, гдѣ нынѣ стоитъ Троицкій соборъ, три свѣтозарные луча, и, по сему чудному явленію, предрекла, какъ о просвѣщеніи Псковской области вѣрою въ Живоначальную Троицу, такъ и о величіи и славѣ города. Она водрузила здѣсь крестъ, перенесенный

въ послѣдствіи въ соборъ, гдѣ нынѣ находится его подобіе изъ дубоваго дерева, а настоящій крестъ сгорѣлъ въ пожаръ 1509 года.

Преданіе говоритъ еще, что В. К. Ольга, построила церковь Св. Власія, на мѣстѣ которой стоитъ нынѣ Власьевская часовня, у Довмонтовой стѣны, при съѣздѣ на пловучій мостъ, чрезъ рѣку Великую.

Одинъ рукавъ рѣки Великой, около острова, въ полутора верстѣ ниже села Выбутскаго, родины по преданію, Ольги, называется до сихъ поръ Ольгиными слудами (слуда—подводный камень); другой же рукавъ, глубже, Ольгиными воротами.

Въ окрестностяхъ Святогорскаго монастыря, ближе къ устью рѣки Великой, находится деревня Перино, или Ольгинъ городокъ, и Житникъ, или Ольгинъ дворецъ.

Какъ Псковъ основанъ былъ на границѣ Новгородскихъ волостей, для обороны отъ западныхъ сосѣдей, Финновъ и Латышей, такъ Ярославъ, отодвигая далѣе эти границы, построилъ на рѣкѣ Амовжѣ Юрьевъ, (нынѣшній (Дерптъ), для собиранія дани съ окрестныхъ Чудскихъ племенъ.

При Ярославѣ заточенъ былъ во Псковѣ въ 1036 году братъ его Судиславъ, который сидѣлъ здѣсь 24 года, и освобожденъ въ 1059 году, переведенный въ Кіевъ, гдѣ онъ и постригся.

Псковъ, принадлежа къ Новугороду, управляемый посадниками, принималъ участіе въ его дѣйствіяхъ, особенно во всѣхъ походахъ противъ Чудскихъ племенъ, и подвергался также ихъ нападеніямъ, а съ другой стороны нападеніямъ Литвы, когда она усилилась.

Псковичи участвовали въ походахъ Новгородцевъ съ Мстиславомъ и сыномъ его Всеволодомъ (1116, 1123, 1130); съ послѣднимъ княземъ ходили они и на Суздаль въ 1135 году.

Въ 1137 году, на короткое время, Псковъ сдѣлался пребываніемъ Новогородскаго князя Всеволода сына Мстиславова, внука Мономахова, изгнаннаго изъ Новагорода въ 1136 году. Псковичи, какъ на вѣчѣ въ Новѣгородѣ, такъ и послѣ, держали его сторону. *

Всеволодъ пришелъ во Псковъ, вызванный Новгородскими и Псковскими мужами, пріятелями его. Новгородцы, услышавъ о возвращеніи Всеволода, поднялись ратью.

Вновь избранный ими князь Святославъ Ольговичъ привелъ брата Глѣба съ Курянами, нанялъ Половцевъ и хотѣлъ прогнать Всеволода, но Псковичи не покорилися Новгородцамъ, и объявили, что Всеволода не выдадутъ, засѣкли осѣки всѣ, и показали такую рѣшимость защищаться, что Новгородцы сдумали съ Дубровны воротиться. Всеволодъ прожилъ недолго, успѣвъ однако пріобрѣсти общую любовь всѣхъ Псковичей, и былъ причтенъ впослѣдствіи къ лику святыхъ. Онъ скончался 11 Февраля, въ четвергъ, на масленой недѣлѣ, 1138 года. Въ лѣтописяхъ осталось за нимъ названіе Псковскаго князя.

Ему принадлежитъ довершеніе Троицкаго собора, гдѣ и почиваютъ нетлѣнныя мощи его, перенесенныя изъ церкви Димитрія Селунскаго, въ 1192 году. Надъ гробницею виситъ его изображеніе и мечь, Франкской работы, съ латинскою

* См. въ исторіи Новгорода, с. 309.

надписью: *honorem meum nemini dabo,* (чести моей никому не отдамъ). Прежде висѣлъ здѣсь и щитъ его.

Въ молитвахъ, до сихъ поръ возсылаемыхъ на службѣ благовѣрному князю Всеволоду-Гавріилу, слышится: «Своимъ честнымъ моленіемъ испроси у Христа на поганыя Латыни побѣды. Градъ свой Псковъ сохраняй отъ находящихъ Латынь.»

Въ житіи его читается, что однажды онъ сказалъ въ сновидѣніи о Псковѣ: «Христосъ бо мой Господь предаде мнѣ градъ сей Псковъ хранити и соблюдати отъ поганыхъ и безбожныхъ Нѣмецъ».

По смерти Всеволода, Псковичи яли(с)я за брата его Святополка, и остались въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Новугороду, но недолго, и вскорѣ всѣ дѣла пришли въ первобытное положеніе, т. е. Псковъ остался по прежнему пригородомъ Новгородскимъ.

Псковичи находились въ числѣ воевъ Новгородскихъ, въ походахъ на Смоленскъ, 1158, на Смоленскъ и Полоцкъ въ 1170 году.

Зимою 1177 г. вся Чудская земля (Эсты) приходила на Псковъ. Было нѣсколько сраженій, на которыхъ пали Вячеславъ и Никита Захарьиничи, Станимиръ Иваничь и нѣкоторые другіе мужи, равно какъ и множество Чуди.

Съ 1183 года появляется новый врагъ Пскову—Литва, начавшая нападать на пограничныя волости.

Въ 1190 году Плесковичи избили Чудь поморскую; они пришли въ 7 шнекахъ, и обволочилися около порога въ озеро; люди всѣ были избиты, а шнеки привезены въ городъ.

Въ 1191 году Псковичи принимали участіе въ походѣ Ярослава изъ Лукъ противъ Эстовъ, и взяли вмѣстѣ Юрьевъ.

Въ 1192 году Ярославъ приходилъ въ Псковъ на Петровъ день, и послалъ дворъ свой вмѣстѣ съ Плесковичами воевать Чудь. Они взяли и сожгли Медвѣжью Голову.

Въ 1198 году посаженъ былъ Ярославомъ сынъ его Изяславъ княжить на Лукахъ—«отъ Литвы оплечье Новугороду.»

Осенью Полочане съ Литвою напали на Луки и пожгли хоромы.

Въ отмщеніе Ярославъ въ томъ же году съ Новгородцами и Псковичами, Новоторжцами и Ладожанами, ходили на Полоцкъ. Полочане отклонили войну своею покорностію.

1201 г., Нѣмецкіе купцы везли драгоцѣнные товары въ Псковъ, которые отняли у нихъ Эсты, жившіе около Оденпе и Дерпта.

Въ 1211 году Мстиславъ Новгородскій далъ Лучанамъ Псковскаго князя Володимера Мстиславича, своего брата.

Въ 1213 году онъ былъ выгнанъ, за родственный союзъ съ Нѣмцами, а въ его отсутствіе Литва изъѣхала Псковъ и пожгла, а Псковичи были на озерѣ.

Володимеръ нашелъ убѣжище въ Ригѣ у Епископа Алберта, за брата котораго онъ отдалъ дочь свою. Онъ содѣйствовалъ тамъ послѣ заключенію мира между Володимеромъ Полоцкимъ и Епископомъ Албертомъ. Потомъ управлялъ въ нѣкоторыхъ замкахъ, подвластныхъ Нѣмцамъ.

Псковичи съ новымъ княземъ своимъ, Всеволодомъ Борисовичемъ, и Давидомъ

Торопецкимъ, братомъ Мстислава, принимали участіе въ походѣ Новгородскаго князя на Чудь Ереву, и дошли съ огнемъ и мечемъ до самаго моря, въ 1214 году.

Въ 1216 году Псковскій князь Володимеръ является помощникомъ брата своего Мстислава Новгородскаго въ войнѣ противъ Суздальскихъ князей.

Въ этомъ же году изъ Новагорода, ходилъ онъ на городъ Одеппе, и наложилъ на Унганновъ тяжкую дань, за то, что они отъ Греческаго исповѣданія перешли къ Латинскому и покорились Нѣмцамъ.

1216. Псковичи требовали отъ Леттовъ въ Толовѣ обыкновенную дань, сожгли городъ Беверинъ, были полонены Вендскимъ Комтуромъ Бертольдомъ, и, по требованію Мстислава Мстиславича Новгородскаго, отпущены на волю.

1217. Новгородцы, съ посадникомъ Твердиславомъ и Володимеромъ Псковскимъ, преслѣдовали нападавшихъ Литовцевъ и осадили Медвѣжью Голову. Нѣмцы пришли на помощь, но разбитые должны были уступить на предложенныхъ Новгородцами условіяхъ, и отдали брата Албертова Дитриха въ заложники.

1218, Псковичи съ княземъ своимъ Володимеромъ и Новгородцами, чрезъ Унганнію, нападали на страну Леттовъ и Ливовъ до Епископской волости, на правой и нижней Аа, отражены отъ Вендепа, но должны были воротиться вслѣдствіе нападенія Литвы на Псковъ. Военныя дѣйствія на границахъ продолжались безпрерывно—съ Леттами, Эстами, Нѣмцами и Литвою.

Въ 1224 году Псковичи и Новгородцы заключили миръ съ Нѣмцами, которые уступили имъ прежнюю дань съ Толовы.

Псковъ, пригородъ Новогородскій, во все продолженіе этого времени, кромѣ одного случая сопротивленія, раздѣлялъ судьбы своего города, которому служилъ оборонoю съ запада, получалъ отъ него посадниковъ, и подъ конецъ князей, а впрочемъ жилъ и развивался независимо, производя значительную торговлю по близкой Двинѣ.

СУЗДАЛЬСКОЕ ИЛИ ВЛАДИМИРСКОЕ (НА КЛЯЗЬМѢ) КНЯЖЕСТВО.

Залѣсская (относительно Кіевской Руси) сторона, занимая восточную часть ея владѣній, соприкасалась на сѣверѣ съ Новогородскими волостями, а съ востока и юга была окружена Финскими племенами, разсѣянными и внутри нѣкоторыхъ мѣстностей.

Древнѣйшіе города ея, Ростовъ и Бѣлоозеро, были сначала поселеніями Финскими: въ Ростовѣ жила Меря, въ Бѣлоозерѣ Весь. Суздаль также именемъ своимъ доказываетъ Финское свое происхожденіе. Къ нимъ пришли Новогородскіе Словене, можетъ-быть смѣшанные съ Варягами, и утвердили надъ ними власть свою: они сдѣлались волостями Новогородскими еще въ предъисторическое время. При Рюрикѣ, приславшемъ сюда мужей своихъ, Варяжская составная часть населенія усилилась, и сообщила свой строй всему населенію. Отъ Новагорода Ростовъ и Бѣлоозеро перешли, вѣроятно, во власть Великаго князя Кіевскаго Олега или Володимера, который посадилъ въ Ростовѣ сына Ярослава. Вѣроятно, отъ его имени и построенъ на Волгѣ городъ Ярославль. Онъ былъ переведенъ отсюда въ Новгородъ. Ростовъ же отданъ былъ тогда Св. Борису.

Сдѣлавшись Великимъ княземъ Кіевскимъ, Ярославъ, предоставилъ Залѣсскую сторону третьему, любимому сыну своему Всеволоду, при Переяславскомъ его княжествѣ.

Сынъ Всеволодовъ, Володимеръ Мономахъ, ѣздилъ часто въ эту область для собранія дани и прочихъ хозяйственныхъ распоряженій, что̀ видно изъ его поученія, написаннаго имъ на пути въ Ростовъ, около 1096 года.*

Онъ посадилъ въ Ростовѣ сына Мстислава, который оттуда переведенъ былъ въ Новгородъ.

Мѣсто его занялъ другой сынъ Володимеровъ, Изяславъ, который хотѣлъ захватить себѣ и чужой Муромъ, принадлежавшій къ Черниговскому удѣлу втораго Ярославова сына Святослава, но поплатился жизнію за свое любостяжаніе, на сраженіи съ спасшимся сюда Олегомъ Святославичемъ, который въ свою очередь хотѣлъ овладѣть всею страною, и грозилъ отсюда даже Новугороду. Мстиславъ Новогородскій принудилъ его отказаться отъ такого намѣренія.**

* См. въ исторіи Переяславскаго княжества, с. 245.

** См. въ исторіи Черниговскаго княжества, с. 216 и пр.

Володимеръ Мономахъ предоставилъ здѣшнюю сторону меньшимъ своимъ дѣтямъ, изъ коихъ Юрій, получившій впослѣдствіи прозваніе Долгорукаго, водворенъ здѣсь, кажется, еще прежде Олеговскаго погрома, судя по слѣдующему мѣсту изъ Володимерова письма къ Олегу, по кончинѣ Изяславовой: «если ты мыслишь на меня лихое, да то ти сѣдитъ сынъ твой хрестьный (Мстиславъ) съ *малымъ братомъ своимъ*, хлѣбъ ѣдучи дѣдень.»

Юрій Володимеричь женатъ отцемъ на Аепиной дочери, Осеневой внукѣ, Половецкаго князя, Января 12, 1108 года.

Мономахъ въ одинъ изъ послѣдующихъ путей основалъ здѣсь городъ на Клязьмѣ, и назвалъ по своему имени Владимиромъ, который вскорѣ взялъ преимущество предъ старшимъ Суздалемъ, и послужилъ ступенью къ будущему возвышенію сѣверо-восточной Россіи надъ юго-западною, Великороссіи надъ Малороссіей.

Изъ первоначальныхъ дѣйствій Юріевыхъ лѣтописи сохранили только извѣстіе о походѣ на Болгаръ, знаменитое, торговое племя, которое пострадало столько отъ нашествія Святославова.* Юрій возвратился оттуда съ богатымъ полономъ, въ 1020 г.

При кончинѣ отца въ 1125 году, Юрій находился въ Кіевѣ, и ему вѣрно не хотѣлось ѣхать оттуда въ свою дикую, лѣсистую сторону.

При старшемъ братѣ Мстиславѣ онъ не смѣлъ самовольствовать, и оставался дома въ покоѣ, но при слабомъ Ярополкѣ онъ пытался было водвориться въ Переяславлѣ, который сперва занялъ насильственно, выгнавъ племянника, Всеволода Новогородскаго (1132), а потомъ вымѣнялъ на Суздаль, но вскорѣ принужденъ былъ отъ него отказаться и уйдти во-свояси (1134).

Мстиславичи, въ свою очередь, хотѣли было отнять отъ него Суздаль, и Всеволодъ Мстиславичь, выгнанный имъ изъ Переяславля приходилъ два раза (1134) войною на Суздаль, намѣреваясь посадить тамъ брата, Изяслава Мстиславича, остававшагося безъ волости.

Сраженіе на Жданой горѣ (1135) не доставило никакой пользы паходникамъ, не смотря на ихъ побѣду.

При Всеволодѣ Ольговичѣ Юрій не могъ предпринять ничего относительно южной Руси, и походъ его 1135 года не могъ состояться за отказомъ Новогородцевъ, хотя и избравшихъ предъ тѣмъ къ себѣ его сына Ростислава. Ростиславъ долженъ былъ бѣжать къ отцу (1139).

Юрій разсердился, и на возвратномъ пути въ Суздаль взялъ Новый Торгъ, и опустошилъ пограничныя села.

Съ сихъ поръ начинаютъ Суздальскіе князья налегать на Новгородъ.

Послѣ кончины Всеволода Ольговича, когда столъ Кіевскій достался племяннику Изяславу Мстиславичу, Юрій принялъ дѣятельное участіе въ распряхъ Кіевскихъ, какъ союзникъ Сѣверскаго князя Святослава Ольговича, враждовавшаго Великому князю по своимъ причинамъ.* Юрій надѣялся, разумѣется, посредствомъ этого союза достать себѣ вождѣлѣнный Кіевъ, захваченный не по праву племянникомъ.

* См. выше с. 30.

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 146.

Первый походъ его на помощь Святославу Ольговичу (1146) прервался отъ Козельска, вслѣдствіе нападеній Рязанскаго князя на его собственныя волости, по вызову Великаго князя Изяслава Мстиславича.

Юрій послалъ къ Святославу въ помощь сына своего Ивана, которому Сѣверскій князь далъ Курскъ съ Посемьемъ.

Дѣла Святославовы однакожь ухуждались часъ отъ часу. Изяславъ съ своими союзниками Давыдовичами, стремительнымъ походомъ, занялъ его волости, начиная съ Новагорода (Сѣверскаго), и преслѣдуя по пятамъ, принудилъ спасаться бѣгствомъ отъ Карачева въ Дѣдославль, и оттуда къ Колтеску. Юрій прислалъ ему сюда тысячу человѣкъ дружины Бѣлозерской. Святославъ хотѣлъ идти съ ними на Давыдовичей къ Изяславлю, какъ вдругъ занемогъ Иванко Юрьевичь. Святославъ остался при немъ, и не отпустилъ дружины, а Давыдовичи, услышавъ о полученной имъ помочи, поручили продолженіе враждебныхъ дѣйствій Вятичамъ, и отправились домой отъ Дѣдославля.

Иванко умеръ въ понедѣльникъ на ночь, на масленицѣ, 24 Февраля, 1147 года.

На утро пріѣхали два брата его, Борисъ и Глѣбъ, сотворили плачь великъ, и взявъ тѣло его, повезли въ Суздаль къ отцу «съ жалостію.»

Святославъ отошелъ на верхъ Оки и сталъ въ Лобыньскѣ; Юрій прислалъ къ нему пословъ утѣшать его и сказать: «Не тужи о сыну моемъ, аще того Богъ отъялъ, а другій ти сынъ пришлю.» Вмѣстѣ съ симъ Юрій одарилъ Святослава, жену его и дружину многими дарами, повелику, паволокою и скорою.

Продолженіе войны было несомнѣнно.

Юрій хотѣлъ ея, чтобъ достать себѣ Кіевъ, Святославъ хотѣлъ ея, чтобъ выручить брата, и Давидовичи хотѣли ея, чтобъ утвердить за собою захваченныя вмѣстѣ Новгород-Сѣверскія волости, Изяславъ, чтобъ порѣшить съ неугомоннымъ врагомъ.

На весну возобновились враждебныя дѣйствія: Юрій началъ воевать Новгородскую волость, гдѣ княжилъ братъ Изяславовъ, взялъ Новый Торгъ и всю Мсту, а Святославу велѣлъ воевать Смоленскую волость Ростислава, брата Изяславова, и тотъ взялъ людъ Голядъ, на верху Протвы. «И тако ополонишася дружина Святославля,» сказано въ Кіевской лѣтописи, «и приславъ Гюрги и рече: пріиди ко мнѣ, брате, въ Московъ.»

Московъ, такъ значится въ одномъ спискѣ лѣтописи, въ другомъ Москова, въ третьемъ Москва! Что за имя? Какое странное! Въ первый разъ только оно здѣсь послышалось. Не ошибка ли это? Нѣтъ—не ошибка: Такъ значится во всѣхъ спискахъ лѣтописи. Чтоже это такое: деревня, село, или городъ? Гдѣ находится Москва?

На краю волостей Суздальскихъ, Черниговскихъ, Рязанскихъ и Смоленскихъ, къ югу отъ выше названнаго люда Голяди, тамъ гдѣ протекаетъ мелкая рѣчка Москва, берущая начало за Можайскомъ, и принимаетъ въ себѣ другія рѣчки, еще меньшія, Яузу и Неглинную, разсыпано по горамъ и долинамъ нѣсколько селеній, и въ срединѣ ихъ, на крутомъ берегу, мелькаетъ деревянный городокъ, окруженный дремучимъ боромъ. Это будущій Кремль, его окружность—это славная Москва.

Думалъ ли Юрій Долгорукій, что этому бѣдному городишку, который готовъ онъ былъ промѣнять съ придачею на одинъ конецъ, не только Кіевскій, но и Переяславскій, предопредѣлена слава, предъ коей поникнетъ и старый Ростовъ съ Суздалемъ, и великій Новгородъ, и самъ славный Кіевъ, которому посвящены были теперь всѣ его труды, всѣ его думы и мечтанія.

Думалъ ли Святославъ Ольговичь, что его любезный Новгородъ Сѣверскій и дорогіе Вятичи, достанутся нѣкогда во власть этого захолустья, и вмѣнятъ себѣ въ великую честь считаться его пригородами.

Думалъ ли кто нибудь на Руси, что здѣсь на этомъ берегу, на этой горѣ, въ этомъ лѣсу, средоточіе Русскаго могущества, что здѣсь скрыто то таинственное ядро, къ которому прильнетъ, которое притянетъ, соберетъ около себя всю землю Русскую и многія иныя.

Думалъ ли самъ лѣтописатель, занося случайно извѣстіе объ обѣдѣ въ свою лѣтопись, начертывая странное имя города съ сомнѣніемъ и колебашіемъ, думалъ ли лѣтописатель, что этою строкой его будутъ дальніе потомки дорожить гораздо болѣе, чѣмъ подробнымъ и тщательнымъ описаніемъ всей междоусобной войны Великаго князя Изяслава Мстиславича Кіевскаго и его дяди Юрія Володимеровича Суздальскаго, съ ея сраженіями, побѣдами, нападеніями и переговорами; что всѣ онѣ почти позабудутся и пренебрегутся, а эта строка сдѣлается предметомъ глубокихъ размышленій и тщательныхъ изслѣдованій....

Но когда же все это будетъ? скоро ли? Нѣтъ, не скоро! Долго еще силѣ Русской носиться по вѣянію вѣтровъ, долго еще сила эта будетъ искать себѣ мѣста, и найдя его здѣсь, не скоро она остановится, осядется, водворится!... А потомъ начнутся испытанія! Москва будетъ терпѣть, страдать, мучиться, горѣть, и долго не будутъ понимать ея сами соотечественники; она подвергнется бранямъ и ругательствамъ, клевѣтамъ и напраслинамъ, но она восторжествуетъ наконецъ съ Русскимъ началомъ въ сердцѣ, возметъ все свое, ей предопредѣленное, возвысится, возвеличится, спасетъ отечество, подастъ руку помощи меньшой братіи, единоплеменной и единовѣрной.... Когда же это будетъ? Не скоро, не скоро. Пройдутъ вѣка, смѣнится много поколѣній, перетерпится много горя, уяснятся чувствованія, очистятся понятія. Теперь Москва— бѣднѣйшій городокъ, но здѣсь начинается ея исторія.

Князья разъѣхались на другой день послѣ пира. Что имъ было дѣлать въ пустыни, гдѣ случайно привелось встрѣтиться, такъ сказать, по дорогѣ на перекресткѣ своихъ путей? Юрій узналъ, что по особенному ряду братьевъ Изяслава Кіевскаго и Ростислава Смоленскаго, противъ него вооружаются Новгородцы и Смольяне. Онъ долженъ былъ поспѣшить назадъ, чтобъ приготовляться для встрѣчи враговъ съ другой стороны. На осень дѣйствительно выступилъ противъ него братъ В. К. Изяслава Святополкъ со всею Новгородскою землею, но воротился за распутіемъ отъ Новаго Торга.

Слѣдующій годъ (1148) Юрій оставался дома, пославъ на помощь къ Святославу сына Глѣба. Въ Суздаль приходилъ къ нему мира деля знаменитый Новгородскій Епископъ Нифонтъ, который выпросилъ захваченныхъ Новоторжцевъ и «гость весь

цѣлъ,» (всѣхъ задержанныхъ купцевъ). Онъ освятилъ церковь Св. Богородицы великимъ освященіемъ, и Юрій оказалъ ему любовь и уваженіе, но мира Новгородцамъ не далъ.

Юрій имѣлъ въ это время еще семейное огорченіе. Старшій сынъ его Ростиславъ ушелъ отъ него изъ Суздаля, и обратился къ врагу его, В. К. Кіевскому Изяславу. «Отецъ меня обидѣлъ,» сказалъ онъ, «и не даетъ мнѣ волости въ Суздальской землѣ; я пришелъ къ тебѣ—ты старше всѣхъ въ Владимировыхъ внукахъ; я хочу потрудиться за Русскую землю и ѣздить подлѣ тебя.» Изяславъ принялъ его и далъ ему пять городовъ.

На зиму Изяславъ приходилъ въ Новгородъ и вмѣстѣ съ Новгородцами пошелъ отсюда воевать Юрьевы волости. Они взяли по Волгѣ шесть городовъ и опустошили страну до Ярославля, и захватили до семи тысячь плѣнниковъ. Распутица заставила ихъ воротиться. Юрій отплатилъ немедленно посѣщеніе, къ чему побудилъ его въ особенности сынъ его Ростиславъ, который, по возвращеніи В. К. Изяслава изъ Волжскаго похода, былъ лишенъ имъ волостей, по навѣтамъ, и съ безчестіемъ отосланъ въ насадѣ по Днѣпру къ отцу. Онъ просилъ прощенія у отца и побуждалъ идти на Кіевъ: «тебя ждетъ вся Русская земля и Черные Клобуки.» Въ негодованіи Юрій сказалъ: «неужели мнѣ и дѣтямъ моимъ нѣтъ части въ Русской землѣ.» Онъ собрался со всѣми силами и 24 Іюля 1149 г. выступилъ на Вятичи.

Въ Ярышевѣ имѣлъ онъ свиданіе съ Святославомъ Ольговичемъ, который опять взялъ его сторону. На Супоѣ соединились съ нимъ приглашенные Половцы. Ополченіе явилось подъ Переяславлемъ. Юрій требовалъ себѣ Переяславля и уступалъ Кіевъ. Изяславъ не соглашался. Сраженіе 23 Августа кончилось его пораженіемъ, и Юрій, къ великой его радости, паче чаянія, занялъ Кіевскій столъ.*

Тотчасъ и началъ онъ свои распоряженія, предпочагая остаться тамъ на всегда, и пренебрегая свою Залѣсную сторону, Суздальское княжество. Всѣхъ сыновей своихъ онъ разсажалъ по Кіевскимъ городамъ, Ростислава въ Переяславлѣ, Андрея въ Вышгородѣ, Бориса въ Бѣлградѣ, Глѣба въ Каневѣ. Суздальское княжество предоставлено меньшому сыну Васильку.

Въ томъ же году данники Новгородскіе ходили вмалѣ по смежнымъ съ Суздальскими волостями странамъ: Юрій выслалъ на нихъ Берладника—была схватка сильная, но Суздальцевъ пало больше.

Недовольный своимъ успѣхомъ, Юрій хотѣлъ доканать своего противника: выжену Изяслава, говорилъ онъ, и перейму волость его.

Однако же помирился съ нимъ, по совѣту Володимерка Галичскаго и сына Андрея, но не исполнилъ условій, касательно возвращенія даней Новгородскихъ, и пограбленнаго товара по Переяславскомъ полку, что̀ послужило вскорѣ поводомъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій.

Онъ выдалъ тогда дочь свою (1150) за Володимеркова сына Ярослава, своего новаго союзника, а другую за Святославова сына Олега.

Изяславъ не ожиданный приблизился къ Кіеву. Юрій, не приготовясь его встрѣтить, бѣжалъ въ городокъ Остерскій. Его выручилъ изъ бѣды Володимерко, но не надолго.

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 154 и проч.

Бывъ разбитъ совершенно за Рутомъ, бѣжалъ за Днѣпръ вмѣстѣ съ дѣтьми, былъ тамъ осажденъ неутомимымъ Изяславомъ, и долженъ былъ дать обѣщаніе, что не будетъ искать Кіева подъ Изяславомъ и Вячеславомъ, и воротится въ свой Суздаль.

Святославъ Ольговичь на возвратномъ скорбномъ пути принялъ изгнанника съ великою почестію, и далъ ему повозы.

Въ слѣдующемъ году (1152) услышавъ, что мстительные враги сожгли его Городецъ, единственную точку опоры на любезномъ югѣ, воскликнулъ: «они сожгли мой Городецъ, я имъ отожгу,» и снарядился въ походъ. Повоевавъ около Чернигова, онъ долженъ былъ воротиться домой, будучи не въ силахъ бороться съ подоспѣвшимъ на помощь В. К. Изяславомъ и оставилъ вѣрному своему союзнику Святославу Ольговичу сына Василька съ 50 человѣкъ дружины, а самъ чрезъ Вятичи ушолъ въ Суздаль.

Но его тянуло къ Кіеву, и онъ въ 1154 году собрался въ новый походъ съ Ростовцами, Суздальцами, со всѣми дѣтьми. По дорогѣ, въ Вятичахъ, сдѣлался въ его вояхъ конскій падежъ, и онъ опять долженъ былъ поворотить на Суздаль.

Возвратяся, услышалъ онъ о неожиданной смерти непримиримаго своего врага, В. К. Изяслава Мстиславича. Не долго думая поспѣшилъ онъ въ путь. По дорогѣ въ Смоленскъ узнаетъ онъ о кончинѣ старшаго брата Вячеслава, и о занятіи великокняжескаго стола Черниговскимъ князсмъ Ярославомъ Давидовичемъ.

Отпустивъ сына Мстислава, за которымъ приходилъ Епископъ Нифонтъ, въ Новгородъ, онъ спѣшилъ впередъ.

Далѣе встрѣтилъ его съ поклономъ старый другъ, Святославъ Ольговичь Сѣверскій, а потомъ въ Стародубѣ и Святославъ Всеволодовичь. Слѣдовательно всѣ главные князья признали его старшинство.

Остановясь у Моровійска, онъ послалъ сказать Изяславу Давидовичу: «мнѣ отчина Кіевъ, а не тебѣ. Ступай домой, въ Черниговъ.» Избезумился я, отвѣчалъ Изяславъ, виноватъ,—и Юрій вступилъ наконецъ съ торжествомъ въ Кіевъ на вербницу въ 1155 году, достигнувъ на старости, лѣтъ семидесяти, своей желанной цѣли.

Онъ роздалъ всѣ волости своимъ дѣтямъ, Андрею Вышгородъ, Борису Туровъ, Глѣбу Переяславль, Васильку Поросье, Мстиславъ оставался въ Новѣгородѣ.

Суздальское княжество предназначалось, имъ, вѣроятно, какъ и Мономахомъ, меньшимъ его дѣтямъ: Михаилу и Всеволоду.

Должно сознаться, что оно обязано Юрью Володимеровичу Долгорукому первоначальнымъ своимъ гражданскимъ устройствомъ. Онъ основалъ здѣсь нѣсколько городовъ, Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, Москву. Многія церкви остались памятниками его княженія.

Старшій сынъ Андрей, не хотѣлъ оставаться на югѣ: не долго прожилъ онъ въ Вышгородѣ; какъ отца тянуло всю жизнь на югъ къ Кіеву, такъ сыну улюбился сѣверъ съ Владимиромъ.

Ему надоѣли, кажется, эти нескончаемыя, безплодныя войны за Кіевъ; онъ разсчелъ, что его отцу, уже семидесятилѣтнему, не долго оставалось жить на свѣтѣ, а послѣ этой близкой смерти Кіевъ ему достаться никакъ не могъ при такомъ множествѣ соискателей, изъ которыхъ иные имѣли и права гораздо больше, чѣмъ онъ, а именно всѣ старшіе двоюродные братья,

не говоря объ Изяславѣ Давидовичѣ, уже сидѣвшемъ на Кіевскомъ престолѣ, и о Святославѣ Ольговичѣ, имѣвшемъ притязаніе даже прежде Изяслава и Юрья. А тамъ еще издали глядѣли съ жадностію на Кіевъ ретивые дѣти Изяславовы. . . . Борьба съ ними со всѣми, вмѣстѣ или по одиночкѣ, притомъ безъ права, не предвѣщала вѣрнаго успѣха, а трудовъ множество; въ Суздальскомъ же княжествѣ ожидало его владѣніе обширное, почти безспорное; онъ родился тамъ, или, по крайней мѣрѣ, провелъ лучшіе годы жизни, привыкъ къ землѣ,. людямъ и обычаямъ. Жена его была оттуда родомъ, и предпочитала, разумѣется, ту спокойную страну новой, незнакомой, исполненной безпрерывныхъ опасностей; ея братья, Кучковичи, близкіе къ Андрею, твердили безпрестанно объ своей родинѣ, и убѣждали сестру и зятя туда переселиться.

Какъ бы то ни было, Андрей, вскорѣ по водвореніи въ Вышгородѣ, рѣшился оставить этотъ удѣлъ, и въ 1155 году, безъ отчей воли и даже вѣдома, тайно, почью, съ женою, дѣтьми и Дворомъ, отправился на нашу далекую, залѣсскую сторону, взявъ съ собою изъ Руси только древнюю икону Богоматери, икону, которая впослѣдствіи получила такое важное значеніе въ Русской Исторіи, и нынѣ составляетъ первую Московскую святыню, въ Успенскомъ соборѣ подъ именемъ Владимирской.

Благочестивое преданіе сообщаетъ объ этомъ, важномъ по своимъ слѣдствіямъ, переселеніи нѣсколько любопытныхъ подробностей....

Случилось Андрею, думавшему уже долго о своемъ отъѣздѣ, разговориться въ искренней бесѣдѣ съ близкими людьми о святыхъ иконахъ, отъ коихъ бываютъ чудеса — исцѣленія, указанія, пособія, и другія. Бояре сообщили ему, что здѣсь въ Вышгородѣ носится слухъ о Греческой иконѣ Божіей Матери, привезенной купцемъ изъ Царяграда, и поставленной Княземъ Юрьемъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ, будто она не хочетъ здѣсь оставаться. Крылошане разсказываютъ-де, что они увидѣли ее однажды ставшую среди церкви на воздухѣ. Они осмѣлились перенести ее на прежнее мѣсто, и тогда обратилась она лицемъ къ олтарю. Священники отнесли ее въ олтарь, и поставили за святою трапезой, но послѣ она явилась опять о себѣ, внѣ трапезы.

Андрей, слыша эти рѣчи, разгорѣлся духомъ, какъ говоритъ преданіе: ему представилось, кажется, что спутница, покровительница, заступница для задуманнаго имъ дѣла нашлася, — онъ поспѣшилъ въ монастырь: ликъ Святоіі Дѣвы сіялъ въ его глазахъ паче всѣхъ иконъ. Князь палъ предъ нимъ ницъ и взмолился усердно: «Владычице, аще хощеши, можешь помощницею быти намъ въ Ростовской землѣ, идѣ же тщимся шествовати, простри руцѣ свои на мольбу Сыну своему, сохрани и заступи ны отъ всякаго зла.»

Снарядившись, ночью, путники пришли въ церковь, и отслужили со слезами молебное пѣніе: Князь Андрей взялъ образъ на свои руки, и всѣ, помолясь, отправились въ далекій путь. Крылошане церковные, священникъ Никола и зять его, Нестеръ, слѣдовали за ними.

Многими чудесами ознаменовалось путешествіе святой иконы, предъ которою по всей дорогѣ пѣлись молебны: тамъ на Яузѣ, Андрей послалъ всадника искать броду, и

несчастный вдругъ сталъ невидимъ, въ переполнившейся рѣкѣ. Князь, обвиняя себя въ его гибели, обратился съ молитвою къ Божественной Спутницѣ, и въ то же мгновеніе утопавшій всплылъ живой и невредимый; тамъ, на поляхъ Рогожскихъ, взбѣсившийся конь сбилъ съ себя служителя, и затопталъ жену священника Николы, которая слѣзла предъ тѣмъ съ своего воза. Мужъ палъ со слезами предъ иконою, и увѣчная очнулась во здравіи. Наконецъ, не доходя до Владимира, на берегу рѣки Клязьмы, кони, везшіе святую икону, вдругъ остановились. Никакими усиліями нельзя было побудить, чтобъ они двинулись съ мѣста. Перепрягли другихъ, и тѣ стали какъ вкопаные. Князь Андрей уразумѣлъ, что Владычицѣ не угодно шествовать далѣе, остановился на этомъ мѣстѣ, назвалъ его Боголюбимымъ и обѣщался построить церковь.* Доселѣ преданіе.

Андрей совершилъ благополучно путь, и водворился въ Владимирѣ. Ему было тогда подъ пятьдесятъ лѣтъ. У него было нѣсколько дѣтей—два взрослыхъ сына и дочь. Отецъ оставилъ его, кажется, въ покоѣ. Хотя старику тяжело было лишиться такой твердой опоры, но подлѣ него оставалось еще много доблестныхъ сыновей.... Онъ впрочемъ не долго прожилъ въ Кіевѣ безъ Андрея, и чрезъ два года скончался, наканунѣ новой опасности, когда новый врагъ стоялъ уже передъ Кіевскими воротами (1159).* Андрей сотворилъ по немъ великую память.

Ростовцы и Суздальцы посадили Андрея на отчемъ столѣ въ Ростовѣ и Суздалѣ, «занеже,» сказано въ лѣтописи, «бѣ любимъ всѣми за премногую его добродѣтель, юже имѣяше къ Богу и ко всѣмъ сущимъ подъ нимъ.» А впрочемъ эти княжества, по завѣщанію Юрья, должны были принадлежать меньшимъ его дѣтямъ.

Сихъ послѣднихъ Андрей вскорѣ выгналъ, вмѣстѣ съ мачихой, второю женою Долгорукаго, и передними мужами отцовскими, «желая быть самовластецъ всей земли,» а можетъ быть вмѣстѣ и въ исполненіе воли избравшихъ его городовъ. Княгиня, Гречанка родомъ, отправилась въ родной свой городъ Константинополь, и сынъ ея, Василько, получилъ себѣ въ удѣлъ отъ Императора четыре города по Дунаю.

Десять лѣтъ прожилъ Андрей спокойно въ своемъ княжествѣ, приводя въ порядокъ хозяйскія дѣла, ладяся съ сосѣдями, укрѣпляя силы для будущихъ дѣйствій, строя церкви и украшая зданіями стольный свой городъ..

Въ 1158 г. заложилъ онъ въ Владимирѣ церковь Успенія Божіей Матери объ единомъ верхѣ, и далъ ей много имѣнія, слободы, купленныя съ даньми, лучшія села, десятину въ стадахъ своихъ и десятый торгъ. Черезъ два года она была совершена. Андрей украсилъ ее дивно многоразличными иконами, сосудами и драгими каменьями, а верхъ ея позлатилъ. Изъ всѣхъ земель, сказано въ лѣтописи, по вѣрѣ его и по тщанію къ Святой Богородицѣ, пришли къ нему мастеры и украсили ее паче всѣхъ церквей. Черезъ годъ она была расписана. На икону Покровительницы своей онъ всковалъ болѣе 30 гривенъ или фунтовъ золота, кромѣ серебра, великаго жемчуга и камени дорогаго, и поставилъ ее въ новозданномъ храмѣ.

* См. рисунокъ нынѣшней часовни на этомъ мѣстѣ.
** См. въ исторіи Кіевскаго княжества, с. 178.

Въ 1164 году соорудилъ онъ церковь на Золотыхъ воротахъ, построенныхъ имъ по образцу, и въ воспоминаніе о Ярославовыхъ Золотыхъ воротахъ въ Кіевѣ.

Онъ также окончилъ церковь Святаго Спаса, начатую его отцемъ, и нѣсколько монастырей.

Городъ Владиміръ заложилъ больше прежняго.

Десятилѣтнее спокойное княженіе его во Владимирѣ было возмущено только ересью Леонтья, епископа, котораго изгналъ онъ прежде вмѣстѣ съ братьями, а потомъ принялъ въ Ростовъ, вмѣсто Суздаля: Леонтій началъ запрещать скоромное въ господскіе праздники, даже въ Рождество и Крещеніе, коли они придутся въ середу или пятницу. Великій Князь просилъ у него разрѣшенія на мясо отъ Воскресенія до недѣли Всѣхъ Святыхъ. Епископъ дозволялъ только на Святой недѣлѣ. Произошла великая тяжа между духовными передъ Княземъ и всѣми людьми. Суздальскій епископъ Θеодоръ доказывалъ Леонтію неосновательность его заповѣди, но тотъ не хотѣлъ слушать, и уѣхалъ за рѣшеніемъ въ Царьградъ. На Дунаѣ, въ ставкѣ Императора Мануила, въ присутствіи пословъ Суздальскаго, Черниговскаго, Переяславскаго, Кіевскаго, рѣшено было, къ удовольствію Князя Андрея, Болгарскимъ святителемъ Адріаномъ, это важное преніе, растревожившее весь Русскій православный міръ. Леонтій однако не былъ убѣжденъ, и противорѣчилъ столь дерзко, что вельможи Греческіе хотѣли утопить его въ Дунаѣ (1164).

Другой Ростовскій епископъ Θеодоръ ослушался послѣ Андрея, не хотѣвъ ѣхать въ Кіевъ ставиться. Лѣтописи разсказываютъ ужасы объ его жестокостяхъ: много пострадали люди, говорятъ они, въ его держаніе, не только простцы, но даже монахи, игумены, священники: онъ брилъ имъ головы и бороды, выжигалъ глаза, вырѣзывалъ языки, распиналъ по стѣнѣ, заточалъ, предавалъ работѣ и мучилъ немилостиво, хотя восхитити отъ всѣхъ имѣній, несытый какъ адъ. Въ отвѣтъ на увѣщанія Князя, онъ затворилъ всѣ церкви во Владимирѣ, и ключи взялъ къ себѣ, такъ что не было нигдѣ ни звона, ни пѣнія, даже у самой Богородицы Владимирской. Князь, вышедъ изъ терпѣнія, послалъ Θеодора судиться къ митрополиту Константину въ Кіевъ. Тотъ обвинилъ его всѣми винами, велѣлъ отвести на Песій островъ, гдѣ отсѣкли ему правую руку, вырѣзали языкъ и вынули очи: зане хулу измолви на Святую Богородицу (1164).

Изъ внѣшнихъ дѣйствій Андреевыхъ во все это время примѣчательна только война противъ Волжскихъ Болгаръ, сильныхъ и богатыхъ его сосѣдей съ юго-восточной стороны (1164). Желая ли обезопасить себя съ ихъ границы и внушить страхъ отъ Русскаго имени, которое здѣсь давно не было слышно, или вслѣдствіе какой-нибудь распри и за добычею, Андрей съ сыномъ Изяславомъ и Муромскимъ Княземъ, взявъ съ собою чудотворный образъ, отправился за Оку и Волгу. Передъ сраженіемъ онъ пріобщился Святыхъ Таинъ, и обратился съ молитвою къ своей Божественной Помощницѣ. Вслѣдъ за Княземъ, всѣ воины ударили челомъ передъ иконою, и, облобызавъ ее, пошли смѣло противъ враговъ. Болгаре были разбиты, и Великій Князь Андрей съ конниками преслѣдовалъ ихъ далеко. Пѣшцы остались на полчищѣ подъ знаменами, около Божіей Матери. Князья, воротясь, пали ницъ предъ нею, хвалу воздая со слезами и радостію

великою. Андрей взялъ еще три города, и наконецъ столицу Болгарскую, на берегахъ Волги, знаменитый Бряхимовъ, котораго обширныя развалины мы видимъ теперь въ верстахъ уже двадцати отъ рѣки. Съ богатой добычей и славою возвратился Великій Князь Суздальскій въ отчизну, и уставилъ праздновать своей Покровительницѣ, въ благодарное воспоминаніе о счастливомъ походѣ, 1 Августа, что̀ совершается православною Церковію и до сихъ поръ.

Въ дѣлахъ южной Руси Андрей не принималъ во все это время никакого участія, если только мы исключимъ малую помощь, посланную имъ въ 1160 году, съ сыномъ Изяславомъ, по просьбѣ союзника его Изяслава Давидовича, для его племянника, Князя Вщижскаго, Святослава Володимеровича, за котораго выдалъ дочь свою. Но онъ готовился къ дѣйствіямъ.

Сосѣдніе Князья, Рязанскіе, Муромскіе, Смоленскіе, Полоцкіе, такъ или иначе, признали надъ собою волю Андрееву, и во всѣхъ слѣдующихъ его предпріятіяхъ находились въ числѣ его воевъ.

Первымъ предметомъ его замысловъ былъ Новгородъ, богатое и сильное, не подверженное раздѣленію и междоусобіямъ, цвѣтущее торговлею, княжество, съ котораго не спускалъ онъ глазъ съ самаго своего водворенія во Владимирѣ.

Андрей тогда еще (1160) послалъ сказать Новогородцамъ: «вѣдомо вамъ буди, что я хочу искать Новагорода добромъ или лихомъ; цѣлуйте мнѣ крестъ на томъ, чтобъ имѣть мене отцомъ себѣ, а мнѣ желать вамъ добра.» Съ тѣхъ поръ, замѣчаетъ лѣтописецъ, начали Новогородцы «мястися и часто творить вѣча.» Почуяло ихъ сердце, что заходитъ на нихъ отъ близкаго Владимира туча,. какой не видывали они еще отъ Кіевской далекой Руси, и что придется имъ когда-то потерять свою дорогую волюшку. Андрей, сказавъ это слово, ступилъ первый шагъ къ Новугороду, проложилъ дорогу, по которой пошли неукоснительно его преемники, Князья Владимирскіе, а еще шибче Московскіе, и съ котораго Ивану Третьему досталось ступить только одинъ шагъ, уже послѣдній, до Святой Софіи. Но мы на прежнее возвратимся.

Въ слѣдующемъ году, чтобъ умилостивить Андрея, Новогородцы прислали просить у него сына. Сына онъ почему-то не давалъ, а предлагалъ брата, отъ котораго тѣ отказывались, ибо онъ княжилъ уже у нихъ и не угодилъ имъ; тогда онъ далъ племянника Мстислава Ростиславича, разумѣется, на условіяхъ, на какихъ хотѣли, или, какъ говорилось тогда, на всей волѣ своей (1160).

Но вскорѣ перемѣнилъ свое рѣшеніе, и вывелъ племянника изъ Новагорода, урядяся съ старшимъ своимъ двоюроднымъ братомъ, Великимъ Княземъ Кіевскимъ, Ростиславомъ Мстиславичемъ, который прислалъ туда сына своего Святослава, не безъ особливыхъ выгодъ для Андрея, уступая ему, кажется, Двинскую дань (1161).

Святославъ жилъ у нихъ долго, но наконецъ они разсорились. Новогородцы, по старой привычкѣ, указали ему путь отъ себя, поцѣловавъ Святую Богородицу, «яко не хотѣти его.» Андрей заступился за Святослава, какъ за своего подручника, и отправилъ къ нему помочь на Волгу, куда тотъ удалился. Выгнанный Князь сожегъ Новый Торгъ, а прочіе союзники, Смольняне и Полочане, по волѣ Князя Андрея, Великіе Луки.

Они ходили-было къ Русѣ, но не дошедши, воротились, какъ услышали о приготовленной встрѣчѣ (1167). Новогородцы избрали къ себѣ на столъ сына Великаго Князя Кіевскаго Мстислава Изяславича, Романа. Союзники перехватили пословъ, и заняли всѣ пути, чтобъ до него не могло дойдти никакой вѣсти о происходившемъ. Андрей, «силою мѣстяче» (насильно помѣщая)—на столъ Новогородскій своего подручника, говорилъ Новогородцамъ: нѣтъ вамъ другаго Князя, кромѣ Святослава. Новогородцы, не привыкшіе къ такому языку, возмущалися, убили Посадника и другихъ чиновниковъ, державшихъ перевѣтъ къ изгнанному Князю, и настаивали на своемъ выборѣ. Новые послы, съ Даньславомъ Лазутиничемъ, успѣли пробраться окольными дорогами, мимо всѣхъ засадъ, въ Кіевъ, и привезли наконецъ Князя, котораго Новогородцы ожидали отъ Семена дня до Велика, сидя объ одномъ Посадникѣ Якунѣ (1168). Новогородцы обрадовались своему хотѣнію,—но вознегодовалъ на нихъ Андрей за упорство и ослушаніе, вознегодовалъ еще болѣе на Кіевскаго Мстислава, какъ тотъ осмѣлился, вопреки ему, дать сына строптивому городу.

Онъ рѣшился наказать и Мстислава и Новгородъ, и начать съ перваго, котораго не любилъ издавна. Ему досадно было, что этотъ младшій Князь, хотя и по условію съ старшими, занялъ великое княжество Кіевское, къ коему самъ онъ, Андрей, по праву былъ ближе сына Изяславова. Прочіе Русскіе князья также завидовали ему, начали сносиваться рѣчьми на него съ Андреемъ, и утвердились крестомъ между собою.

Многочисленная рать собралась по зову Андрееву. Къ полкамъ Ростовскимъ, Суздальскимъ, Владимирскимъ, съ старшимъ сыномъ его Мстиславомъ, присоединились Романъ изъ Смоленска, Глѣбъ изъ Переяславля, Олегъ Святославичь и братъ его Игорь Черниговскіе, Володимеръ изъ Дорогобужа, Рюрикъ изъ Вручаго, Давидъ изъ Вышгорода, братъ его Мстиславъ, братъ Андреевъ Всеволодъ Георгіевичь, племянникъ Мстиславъ Ростиславичъ, всего 11 Князей. Главнымъ воеводою посланъ былъ Борисъ Жидиславичь. Самъ Андрей не пошелъ, увѣренный, что дѣло обойдется успѣшно и безъ него.

Всѣ полки снялись въ Вышгородѣ, и на второй недѣлѣ поста оступили Кіевъ. Мстиславъ затворился и бился крѣпко изъ города. Помощниковъ у него не было никого, кромѣ Торковъ и Берендѣевъ, и тѣ льстили подъ нимъ. Три дня приступали полки, и собственная дружина его ослабѣла. «Что, Князь, стоишь?» говорили ему, «намъ ихъ не перемочи». Мстиславъ не могъ противиться долѣе: съ четвертаго приступа городъ былъ взятъ, и Мстиславъ, прискорбный, долженъ былъ оставить Кіевъ. Бастѣева чадь погналась къ Василеву, стрѣляя въ плеча ему, и захватила много отъ его дружины: Дмитра хоробраго, Олекса дворскаго, Сбыслава Жирославича, Ивана Творимирича, Рода, тіуна его, и многихъ другихъ. За Уновью Мстиславъ соединился съ братомъ Ярославомъ, и оба поспѣшили въ свой Владимиръ (Волынскій), а жена его и дѣти достались въ плѣнъ побѣдителямъ.

Кіевъ былъ взятъ въ Мартѣ, на второй недѣлѣ поста (1169). Сборная рать бросилась грабить по горѣ и подолью, Суздальцы, Смольяне, Черниговцы и Олегова дружина хватали ризы, иконы, книги, колокола изъ Десятинной церкви, отъ Святой Софіи.

Дома, церкви и монастыри, загорѣлись. Въ монастырѣ Печерскомъ показался-было огонь, но пожаръ былъ потушенъ. «И бысть въ Кіевѣ,» говоритъ тамошній лѣтописецъ, «стенаніе и туга и скорбь неутѣшимая и слезы непрестанныя. Сія же вся содѣяшася грѣхъ ради нашихъ.» А Суздальскій лѣтописатель почитаетъ это бѣдствіе наказаніемъ за Митрополичью неправду. Какая же была эта неправда? Митрополитъ не задолго предъ тѣмъ запретилъ Печерскаго игумена Поликарпа, не веля ему ѣсть молока и мяса въ господскіе праздники, что казалось страшнымъ грѣхомъ, привлекшимъ общее тяжелое наказаніе.

Мстиславъ, разумѣется, по мысли и волѣ своего отца, посадилъ въ Кіевѣ дядю Глѣба Юрьевича; никто не смѣлъ противиться, хотя и были еще двое старшихъ двоюродныхъ братьевъ. Слабые, они радовались, что по крайней мѣрѣ у Мстислава Кіевъ былъ отнятъ. Сынъ Андреевъ возвратился во Владимиръ съ честію и славою великою.

Отецъ его былъ очень доволенъ, исполнивъ свое желаніе—наказать примѣрно ослушника и принять въ свое распоряженіе древнюю Русскую столицу. Брать ее себѣ онъ не думалъ, утвердя мѣстопребываніе навсегда въ любезномъ ему Владимирѣ.

Теперь чередъ дошелъ до Новгорода. Лѣтописатели раздѣляютъ негодованіе Андреево: имъ всѣмъ было какъ будто оскорбительно, зачѣмъ Новогородцы живутъ не какъ прочіе, и могутъ распоряжаться въ своихъ Князьяхъ по произволенію. «Нельзя,» говорятъ они, «оправдывать Новгородцевъ тѣмъ, что они освобождены прадѣдами Князей нашихъ. Пусть это такъ, но развѣ передніе Князи велѣли имъ переступать крестъ и соромлять своихъ внуковъ или правнуковъ, цѣловать имъ крестъ и послѣ измѣнять присягѣ? Злое невѣрствіе въ нихъ вкоренилось. До которыхъ поръ Богу терпѣть надъ ними! Вотъ и навелъ онъ наказаніе на нихъ рукою благовѣрнаго Князя Андрея.»

Новогородцы между тѣмъ успѣли сходить съ молодымъ своимъ Княземъ на волости союзниковъ Андрея, Полоцкія и Смоленскія, пожгли и пополонили ихъ. Данникъ ихъ, Даньславъ Лазутиничь, тотъ, который ходилъ въ Кіевъ за Романомъ, посланъ былъ съ дружиною, по сту мужей отъ конца, за Волокъ собирать дань съ Двинской области, предавшейся Андрею, и разбилъ Суздальскій полкъ, что высланъ былъ къ нему на встрѣчу, взялъ всю дань, а съ Суздальскихъ смердовъ другую.

Новыя причины къ прогнѣвленію Андрея, который не любилъ спускать обидъ. Давно уже онъ кликнулъ кличь, и собрались у него полки Ростовскіе, Суздальскіе и Владимирскіе; князь Рязанскій прислалъ къ нему сына съ полкомъ; Князь Муромскій прислалъ сына съ полкомъ. «Толико бысть множество вой,» говоритъ лѣтописецъ, «что и числа ихъ нѣтуть.» Андрей поручилъ ихъ опять сыну своему Мстиславу, побѣдителю Кіева, и главнымъ воеводою назначилъ прежняго, Бориса Жидиславича.

Лишь только вступила рать въ предѣлы Новогородскіе, какъ и начала предавать все огню и мечу; жгли села, убивали людей, полонили женъ и дѣтей, похищали имѣніе. На пространствѣ трехъ сотъ верстъ все было разорено и опустошено.

Новогородцы рѣшились у себя защищаться и такъ бились успѣшно, что вся осаждающая рать предалась поспѣшному бѣгству (1170).*

* См. въ исторіи Новогородскаго княжества, с. 296.

Множество Суздальцевъ попалось въ плѣнъ, такъ что продавались они въ Новѣгородѣ по двѣ ногаты (по рублю). Остальные возвращались по мѣстамъ разореннымъ, терпѣли ужасный недостатокъ въ продовольствіи, иные умирали съ голода, другіе въ великій постъ ѣли конское мясо.

Новогородцы приписали свое спасеніе отъ такой многочисленной рати заступленію Пресвятыя Богородицы, и въ изъявленіе своей благодарности, положили праздновать ежегодно 27 Ноября ея честному Знаменію, что̀ послѣ исполнялóсь ими вмѣстѣ уже со всею православною церковію, —однакожъ долго кромѣ Суздаля!

Андрей не достигъ своей цѣли, рать его была разбита, онъ, казалось, долженъ былъ уступить, —нѣтъ, побѣжденный, онъ всетаки остался побѣдителемъ, и уступили Новогородцы, а не онъ. Сила его не зависѣла уже отъ случайностей: Новогородцы вскорѣ должны были указать путь отъ себя храброму своему защитнику, князю Роману, и прислали къ Андрею просить его о мирѣ и князѣ. Ужасная дороговь возникла у нихъ вслѣдствіе разоренія, недостатка въ подвозѣ изъ сосѣднихъ, Андрею подчиненныхъ областей, или неурожая.

Андрей, довольный ихъ покорностію, далъ имъ Рюрика, брата умершему между тѣмъ Святославу Ростиславичу, за котораго онъ началъ войну (1171).

Андрей посылалъ тогда еще рать на Болгаръ съ сыномъ Мстиславомъ и воеводою Борисомъ Жидиславичемъ, державшимъ весь нарядъ. Рязанскій и Муромскій князья выставили также полки съ своими сыновьями. Всѣмъ не любъ былъ походъ: зимою воевать Болгаръ непогодье, но хотя-нехотя всѣ пошли въ исполненіе воли Андреевой Князья соединились на устьѣ Оки, постояли двѣ недѣли, и не дождавшись всѣхъ воевъ, пустились впередъ съ переднею дружиною. Они напали на Болгаръ врасплохъ, взяли шесть селъ, седьмой городъ, изсѣкли мужей, полонили женъ и дѣтей, и отправились съ богатою добычею назадъ. Болгаре опомнились, что ихъ было мало, пустились-было въ 6 тысячахъ въ погоню, но не догнали двадцати верстъ: Мстиславъ, отпустившій впередъ дружину, былъ уже на устьѣ, и могъ свободно убраться во свояси (1172). Онъ вскорѣ умеръ во Владимирѣ.

Между тѣмъ не стало въ Кіевѣ брата Андреева, Глѣба (1172). Ростиславичи, княжившіе въ городахъ окружныхъ, соблюдая свои выгоды, осмѣлились безъ вѣдома Андреева призвать на великое княженіе— Володимера Мстиславича, изъ Дорогобужа, дѣйствительно старшаго изъ потомковъ Мономаховыхъ. Андрей приказалъ Володимеру идти вонъ изъ Кіева назадъ въ Дорогобужъ, а Роману приказалъ идти изъ Смоленска въ Кіевъ, пославъ сказать Ростиславичамъ «вы нарекли меня отцемъ, и я хочу вамъ добра; я даю Кіевъ вашему брату Роману.» Романъ Смоленскій, по слову Андрееву пришелъ въ Кіевъ, а Володимеръ между тѣмъ умеръ (1172).

Новогородцы, прогнавшіе своего Рюрика который началъ-было дѣйствовать несогласно съ Андреемъ, отнявъ посадничество отъ преданнаго ему Жирослава, просили опять себѣ князя у него. Андрей прислалъ сперва посадничать того же Жирослава прибѣжавшаго отъ Рюрика подъ его покровительство, а потомъ далъ сына своего меньшаго, Георгія (1172). Новогородцы

слушались его во всемъ, и самъ Архіепископъ Іоаннъ, который столько прославился во время послѣдней осады города, приходилъ къ нему, Владиміру, на всю правду.

Но вдругъ одинъ нечаянный слухъ нарушилъ его спокойствіе: ему сказали, что братъ его Глѣбъ въ Кіевѣ умеръ не своею, а насильственною смертью, изведенный Кіевскими боярами, и онъ потребовалъ ихъ у Ростиславичей: «выдайте мнѣ Григоря Хотовича, Степанца и Олексу Святославця, — это враги всѣмъ намъ.» Ростиславичи не хотѣли ихъ выдать, и отпустили Григоря отъ себя. Разсерженный Андрей прислалъ сказать Роману: «ты не ходишь въ моей волѣ съ братьею своею— иди же изъ Кіева, а Давидъ изъ Вышгорода, Мстиславъ изъ Бѣлагорода. Ступайте въ Смоленскъ и тамъ дѣлитесь между собою. Кіевъ я отдаю брату Михалку.»

Такъ былъ силенъ Андрей, что одного своего слова онъ считалъ достаточнымъ, дабы выслать многихъ князей изъ ихъ княжествъ, и произвести совершенно новое между ними размѣщеніе.

И этого слова было въ самомъ дѣлѣ достаточно: Романъ, услышавъ его, собрался и безпрекословно выѣхалъ изъ Кіева, а Рюрикъ, Давидъ и Мстиславъ огорчились, и рѣшились попытаться, не успѣютъ ли перемѣнить гнѣва на милость. Они послали сказать Андрею: «братъ! правда, мы нарекли тебя отцомъ своимъ, цѣловали крестъ тебѣ, и стоимъ въ крестномъ цѣлованіи, хотяче добра тебѣ, а ты брата нашего Романа вывелъ изъ Кіева, и намъ кажешь путь изъ Русской земли, безъ всякой со стороны нашей вины. Но Богъ и сила крестная надъ всѣми!»

Андрей не давалъ имъ никакого отвѣта.

Между тѣмъ Михалко, которому онъ назначилъ Кіевъ, не пожелалъ переѣзжать туда, а послалъ меньшаго брата Всеволода съ племянникомъ Ярополкомъ.

Ростиславичи, видя, что имъ отъ Андрея надѣяться нечего, сгадавше, напали ночью на Кіевъ изъѣздомъ, захватили Всеволода и его племянника, всѣхъ бояръ, и отдали Кіевъ брату Рюрику, уговорясь съ Михалкомъ.

Ольговичи Черниговскіе, не терпѣвшіе Ростиславичей, рады были этому случаю, и послали своихъ мужей къ Андрею, поводяче его на ослушниковъ: «кто тебѣ ворогъ,» говорили они, «тотъ и намъ ворогъ; мы готовы съ тобою.»

Андрей уже и самъ «разжегся гнѣвомъ,» и послалъ Михна мечника съ новымъ приказомъ въ Кіевъ: «поѣзжай къ Ростиславичамъ, и скажи Рюрику, —пусть онъ идетъ въ Смоленскъ къ брату въ свою отчину; Давиду скажи: пусть идетъ въ Берладъ; а Мстиславу скажи: все отъ него, я не велю ему быть въ Русской землѣ!»

Мстиславъ, навыкшій отъ юности не бояться никого, кромѣ Бога, какъ говоритъ лѣтописецъ, выслушавъ этотъ грозный приказъ, велѣлъ передъ собою остричь голову и бороду Андрееву послу. «Иди же теперь къ своему Князю,» сказалъ онъ, «и донеси ему: мы считали его до сихъ поръ отцемъ себѣ, по любви; но если онъ прислалъ тебя съ такими рѣчьми ко мнѣ, не какъ Князю, а какъ подручнику и простому человѣку, то я не хочу знать его. Чтò умыслилъ онъ, пусть и дѣлаетъ тò, а Богъ за всѣмъ!»

Обруганный, обезчещенный посолъ явился во Владиміръ. Когда Андрей увидѣлъ его въ такомъ положеніи, остриженнаго,

безъ бороды, «образъ лица его потускнѣлъ», говоритъ лѣтописецъ, «и взострися на рать, и бысть готовъ.»

Всѣ вои собралися на его зовъ: и Ростовцы, и Суздальцы, и Владимирцы, Переяславцы, Бѣлозерцы, Муромцы, Рязанцы. Сами Новогородцы пришли съ юнымъ сыномъ его Георгіемъ. Рать поручилъ Андрей опять испытанному воеводѣ Борису Жидиславичу, и велѣлъ ему—Рюрика и Давида выгнать изъ своей отчины, «а Мстислава, взявши, не троньте, и приведите ко мнѣ.»

Лѣтописецъ, передавая эти слова, самъ, кажется, вострепеталъ, и такъ при нихъ разсуждаетъ: «Андрей Князь, толикъ умникъ сы во всихъ дѣлѣхъ, добль сы, и погуби смыслъ свой невоздержаніемъ, распалѣвся гнѣвомъ, такова убо слова похвальна испусти!»

Когда ополченіе проходило мимо Смоленска, Князь Романъ выслалъ сына съ своими полками, принужденный идти противъ родныхъ братьевъ, страха ради Андреева.

Потомъ, по дорогѣ, получивъ приказъ, присоединились Князья Полоцкіе, Пинскій, Туровскій, Городенскій; потомъ Ольговичи съ полками Черниговскимъ и Новгородъ-Сѣверскимъ; наконецъ братья Андреевы, Михалко и Всеволодъ, предъ тѣмъ выпущенные изъ плѣна, племянники Ярополкъ и Мстиславъ Ростиславичи, Володимеръ Глѣбовичь Переяславскій.

Всѣ князья и вои остановились у Князя Черниговскаго Святослава Всеволодовича, по указу Андрееву, для совѣщанія, и потомъ пошли на Кіевъ.

Кіевъ былъ уже пустъ: Ростиславичи оставили его и разъѣхались по своимъ городамъ: Рюрикъ затворился въ Бѣлгородѣ, Мстиславъ въ Вышгородѣ, а Давидъ уѣхалъ въ Галичь, просить помощи у тамошняго Князя Ярослава.

Князья, занявъ оставленный Кіевъ, поспѣшили къ Вышгороду, гдѣ засѣлъ главный противникъ Андреевъ, Мстиславъ, котораго должно имъ было представить живаго Суздальскому Великому Князю.

Святославъ Всеволодовичь Черниговскій, старшій между всѣми Князьями, которыхъ числомъ было двадцать, отрядилъ впередъ Всеволода Юрьевича и Игоря съ моложьшими Князьями. Мстиславъ не унывалъ. Увидя подходившую рать, изрядилъ полки свои, и вышелъ къ ней встрѣчу на болонье. Полки тѣ и другіе жадали боя. Стрѣльцы сшиблись, и начали стрѣляться, гоняясь между собою. Примѣтивъ замѣшательство между своими, Мстиславъ подскочилъ къ дружинѣ и воскликнулъ: «братья, ударимъ, надѣясь на помощь Божью и святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба!» Противники стояли на три полка: Новогородцы и Суздальцы, а по срединѣ Всеволодъ Юрьевичь. Мстиславъ бросился на средину и потопталъ ее; а другіе ратные, увидя, что онъ вмалѣ, окружили его, и все перемѣшалось. «И было ужасное смятеніе», говоритъ лѣтописецъ «и стонъ, и крикъ, и голоса незнаемые, ломъ копійный и стукъ оружьиный; отъ множества праха не видать ни конниковъ, ни пѣшцевъ.» Крѣпко бились враги и разошлись къ ночи; впрочемъ убитыхъ, къ удивленію, оказалось не много, а больше раненыхъ. Таковъ былъ бой перваго дня на болонѣ у Мстислава, съ Всеволодомъ, Игоремъ и другими молодшими Князьями. А на завтра пришли всѣ силы, окружили городъ, и начали приступать ежедневно; изъ города также выбѣгали

биться часто. Мстиславъ держался. Много было въ его дружинѣ раненыхъ и смертныхъ добрыхъ мужей, но онъ не думалъ сдаваться. Девять недѣль продолжалась осада.

На десятой недѣлѣ приходитъ на Ростиславичей же Ярославъ Изяславичь Луцкій, со всею Волынскою землею, и вмѣстѣ требуетъ себѣ старѣйшинства предъ Ольговичами, которымъ Андрей предоставлялъ Кіевъ. Ольговичи не уступаютъ ему Кіева, и строптивый Ярославъ вступаетъ въ переговоры съ Ростиславичами, уряжается о Кіевѣ, и переходитъ на ихъ сторону.

Между осаждающими разнесся слухъ, что Галичане идутъ еще на помощь къ Ростиславичамъ, и что Черные Клобуки готовы перейдти на ихъ сторону.

Какъ бы то ни было, по справедливой или мнимой причинѣ, полки Черниговскіе устрашились, и не дождавшись свѣта, бросились черезъ Днѣпръ въ великомъ смятеніи, такъ что и удерживать ихъ никому было невозможно, и множество потонуло въ рѣкѣ. За ними послѣдовала и остальная рать Суздальская. Мстиславъ, увидѣвъ такое внезапное бѣгство, никому не гонящу, выѣхалъ изъ города съ дружиною, ударилъ на станъ, и взялъ множество колодниковъ.

Много пота утеръ онъ и много мужества показалъ онъ съ своею дружиною, за то и наградилъ его Богъ побѣдою, паче всякаго чаянія.

Вся сила Андреева со стыдомъ возвратилась во Владиміръ. Тяжело было Великому Князю, на старости лѣтъ, потерпѣть такое униженіе,—но Ростиславичи,—кто бы подумалъ,—чувствуя его силу, видя, что Кіева, переходившаго послѣ изъ рукъ въ руки, отъ Ярослава Луцкаго къ Святославу Черниговскому, получить они не могутъ безъ воли и помощи Андреевой, смирились передъ нимъ, и послали къ нему, съ повинной головою, просить стольнаго города Русскаго брату ихъ Роману (1174).

Андрей отвѣчалъ: «подождите, я послалъ къ братьямъ въ Русь. Когда будетъ вѣсть отъ нихъ, я дамъ отвѣтъ.»

Андрей разсуждалъ съ собою, простить ли Ростиславичей, или наказать ихъ и послать на нихъ новую рать, чего требовать отъ нихъ, или кому отдать Кіевъ,—онъ разсуждалъ, а между тѣмъ дни, или лучше, часы его были изочтены, и въ темнотѣ ночной точилось уже то острее, коимъ пресѣчется завтра нить его жизни.

Старый Князь разсердился за что-то на одного изъ Кучковичей, своихъ шурьевъ, которые находились всегда при немъ со времени его женитьбы, провожали его въ Кіевъ, уговорили переселиться оттуда въ Суздальскія области, и пользовались особенною его милостью. Онъ велѣлъ взять виноватаго и казнить. Братъ его Якимъ, услышавъ о такомъ приказѣ, передалъ его своимъ роднымъ. и всѣ вспыхнули злобою. Въ пятницу, наканунѣ Петра и Павла, послѣ обѣдни, собрались они у Петра, Кучкова зятя, зазвавъ къ себѣ и другихъ слугъ княжескихъ—Анбала ключника, Ефрема Моизовича, и прочихъ, человѣкъ двадцать. Якимъ началъ: «нельзя намъ стерпѣть этого: Князь казнитъ нынѣ одного, а завтра доберется пожалуй и до насъ. Добра ждать нечего. Надо же подумать о себѣ....» Всѣ согласились съ нимъ, и, ни сколько не откладывая, рѣшились на другую ночь убить своего кормителя и господина.

Въ десяти верстахъ отъ Владимира, вправо, на берегу рѣки Нерли, которая живописно извиваясь по обширной долинѣ, впадаетъ здѣсь въ Клязьму,—на холму, стоитъ уединенная обитель, подъ сѣнiю древнихъ широколиственныхъ липъ и дубовъ. Близъ нея возвышается старый валъ, прорытый большой дорогою Нижегородскою. Поодаль въ сторонѣ, вы видите ряды деревянныхъ избъ съ косятчатыми окнами, съ узорными коньками. Эта обитель — Успенская, гдѣ соборная церковь построена Великимъ Княземъ Суздальскимъ Андреемъ; это село—Андреевъ городъ Боголюбовъ, гдѣ жили его дворяне и служители; эти узкія окна подъ тоненькими столбиками, между церковью и колокольнею, принадлежали къ его покоямъ. Отсюда разсылалъ онъ приказы къ Князьямъ, кому идти на княженье, кому сходить съ княженья; отсюда распоряжался онъ и Кiевомъ и Новгородомъ; сюда, по его призыву, собирались къ нему полки Ростовскіе, Суздальскіе, Владимирскіе, Рязанскіе и пр.

Смерклось. Шумъ постепенно утихаетъ. Горожане, отслушавъ всенощную, разошлись спокойно по домамъ. По широкой улицѣ не видать уже болѣе никого изъ прохожихъ. Православные, каждый у себя, приготовляются къ новому празднику. Вотъ наступаетъ и ночь. Огни погасли. Всѣ ложатся спать. Одни только заговорщики не смыкаютъ глазъ, каждый въ своемъ дому готовясь къ замышленному кровавому дѣлу. Вотъ смолкло все и на дворѣ княжескомъ: затворены тесовыя ворота, заперты двери. Остались только ходить дозоромъ сторожа. Старый Князь, совершивъ по обычаю вечернюю молитву, отошелъ ко сну, одинъ; подлѣ него, въ другой горницѣ, спитъ дѣтскій—вся его прислуга.

Заговорщики вылѣзаютъ изъ логовищъ, сходятся, и, видя, что весь городъ спитъ уже крѣпкимъ сномъ, и никто помѣшать имъ не можетъ, идутъ съ оружіемъ къ княжескому двору.

Они убили сторожей, выломали двери въ сѣняхъ, бросились къ спальнѣ—и вдругъ отшатнулись, испугались, сами не зная чего. Трепетъ пробѣжалъ по ихъ жиламъ. Тихо отошли они прочь, не зная еще, на что имъ рѣшиться. «Зайдемъ въ медушу,» сказалъ кто-то. Они пошли въ княжую медушу, напились вина и крѣпкаго меду, хмѣль началъ разбирать ихъ, и они, уже смѣлѣе, воротились въ сѣни. Одинъ подошелъ къ ложницѣ, гдѣ спалъ Андрей, постучался и началъ кликать: «господине, Княже великій!» «Кто тамъ?»—спросилъ Андрей, проснувшійся на шумъ. «Прокофій,» отвѣчалъ тотъ. «Нѣтъ, это не Прокофьевъ голосъ,» сказалъ Андрей. Тогда подскочили къ двери прочіе, и выломали ее, двое вошли. Въ горницѣ было темно. Андрей, удивясь необыкновенному шуму, вскочилъ уже съ постели, и искалъ своего меча, меча Святаго Бориса,—а меча не было: его унесъ прежде ключникъ Анбалъ. Злодѣи напали на князя. Андрей сталъ бороться и повалилъ одного на землю, а другой, думая, что поваленъ Князь, въ темнотѣ, ударилъ мечемъ товарища и убилъ. Тотъ закричалъ; прочіе, ждавшіе въ сѣняхъ, прибѣжали на крикъ, какъ звѣри свирѣпые, и напали всѣ на Князя. Онъ все еще оборонялся, потому что былъ силенъ, и вопилъ: «Злодѣи, за что вы хотите убить меня? Что я вамъ сдѣлалъ? Богъ отомститъ вамъ за меня и за мой хлѣбъ. Вы забыли о Горясѣрѣ.» Они били его мечами и саблями, кололи копьями, и наконецъ думая, что онъ уже испустилъ духъ, схватили

поспѣшно трупъ своего сообщника, и выбѣжали, а Андрей еще былъ живъ. Очнувшись отъ ударовъ, но все еще безъ полной памяти, онъ побѣжалъ за убійцами, и стоналъ громко отъ боли. Тѣ услышали голосъ и воротились. Андрей спрятался подъ сѣнями за столпомъ всходнымъ. «Гдѣ онъ?» —спрашивали убійцы въ испугѣ другъ у друга. «Кажется,» сказалъ одинъ, «онъ сошелъ съ сѣней внизъ.» — «Посмотрите тамъ, гдѣ мы его били,» сказалъ другой. Нѣкоторые побѣжали вверхъ, и тотчасъ воротились, принеся въ отвѣтъ, что тамъ его нѣту. «Мы пропали,» кричали прочіе. «Огня!» —Засвѣтили огонь, зажгли свѣчи, одни пошли со свѣчами опять въ спальню, и оттуда уже по слѣдамъ крови нашли подъ столпомъ несчастнаго Андрея, который, увидя ихъ приближеніе, успѣлъ только обратиться съ молитвою къ Богу о грѣхахъ своихъ. Они поразили его мечами, а Петръ отсѣкъ ему правую руку.

Убивъ Князя, злодѣи отошли въ другую горницу, и убили любимаго Андреева дѣтскаго, Прокофья, а потомъ поднялись на сѣни, забрали все имѣніе княжее, золото, серебро, жемчугъ, каменье дорогое и всякое узорочье, сложили на княжихъ (милостныхъ) коней, и услали все, еще до свѣта, прочь.

Горожане Боголюбскіе, проснувшись, ждали праздничнаго благовѣста къ обѣднѣ, чтобъ идти въ церковь, какъ услышали, что Князь убитъ. Они изумились, и не знали чтò дѣлать. Страхъ обнялъ всѣхъ. Ждали еще, чтò будетъ. Вступяться въ дѣло было некому: сынъ его, послѣдній, княжилъ въ Новѣгородѣ, братья—на Руси, передніе люди сами участвовали въ заговорѣ.

Убійцы, обобравъ княжее (милостное) оружіе, чтò раздавалось воинамъ, старались приманить на свою сторону его дворянъ, опасаясь, чтобъ не вышла на нихъ дружина Владимирская, и совокупили наконецъ полкъ. Тогда послали они сказать Владимирцамъ: «Не помышляете ли вы что на насъ? Лучше сговориться намъ всѣмъ вмѣстѣ. Дума была не одна наша; изъ васъ были въ той же думѣ.» Владимирцы отвѣчали: кто съ вами въ думѣ, тотъ вашъ, а намъ его не надо,— но не предпринимали никакихъ дѣйствій. Сообщники были тому и рады, принялись грабить домъ княжъ, избили дѣтскихъ его и мечниковъ, опустошили ихъ домы, отняли все имѣніе у дѣлателей, чтò пришли строить церковь. Смотря на нихъ, принялись грабить и другіе. Унимать было некому. Грабежъ распространился тотчасъ во Владимирѣ и въ волости. Домы посадниковъ и тіуновъ вездѣ были разоряемы. Люди не разбираютъ, говоритъ лѣтописецъ, что гдѣ законъ, тамъ и обидъ много. Страхъ напалъ на народъ, и никто не понималъ, чтò дѣлается. Произошло общее смятеніе. Уже попу Микулицѣ пришла въ голову благая мысль, одѣвшись въ ризы, взять чудотворную икону Божіей Матери и пойдти съ нею по городу. Тогда только прекратился грабежъ во Владимирѣ, и утихло смятеніе.

Между тѣмъ тѣло Андреево лежало забытое, не погребенное. Кіевлянинъ Кузмище осмѣлился наконецъ войдти на княжій дворъ, чтобъ поклониться покойнику, и не видя тѣла на мѣстѣ убіенія, спрашивалъ, гдѣ оно. «Валяется на огородѣ,» ему отвѣчали, «не моги брать его. Кто его приметъ, тотъ намъ ворогъ, мы и того убьемъ.» Кузмище однакожъ пошелъ, отыскалъ убіеннаго, и началъ плакать надъ нимъ, причитая: «Господине мой! Что сталось съ тобою, отъ чего ты не очютилъ скверныхъ ворожбитъ своихъ,

отъ чего же ты не домыслилъ побѣдить ихъ, какъ побѣдилъ Болгаръ?»

Анбалъ, одинъ изъ заговорщиковъ, любимецъ княжій, которому Андрей далъ ключь отъ всего дома и волю надо всѣмъ, родомъ Ясинъ, проходилъ мимо. «Анбале вороже,» сказалъ, увидѣвъ его, Кузмище, «брось коверъ, прикрыть тѣло господина нашего.» — «Поди прочь,» закричалъ въ отвѣтъ Анбалъ, «мы хотимъ вывеечи его псомъ.» — «Ахъ ты жидъ, окаянный,» воскликнулъ Кузмище, «ужъ ты хочешь вывеечи псомъ княжее тѣло? Помнишь ли, въ какомъ рубищѣ пришелъ ты, и теперь ходишь въ оксамитѣ, а Князь лежитъ нагой? Смилуйся, сбрось же что-нибудь.» Анбалъ сбросилъ коверъ и корзно. Кузмище обвертѣлъ тѣло и понесъ въ церковь. Она была заперта. — «Отоприте,» говорилъ онъ. «Кинь тутъ на паперти, чтобъ тебя лихо взяло,» отвѣчали слуги, всѣ пьяные. (Порини и́ ту въ притворѣ, печаль ти имъ). «Уже и парубки твои не узнаютъ тебя, господине,» плакалъ Кузмище, — «а бывало придетъ какой гость изъ Царяграда, или изъ другихъ странъ Русской земли, — латинянинъ, христіанинъ, — ты приказывалъ отводить всякаго въ церковь, на полати: пусть онъ посмотритъ славы Божіей и церковнаго украшенія — а теперь тебя самаго не пускаютъ въ церковь твою!» Кузмище долженъ былъ оставить тѣло Андреево на паперти, прикрывъ корзномъ.... Оно лежало тутъ два дня и двѣ ночи. Наконецъ уже игуменъ Арсеній, отъ Козмы и Демьяна, тщетно дожидавшись старшихъ, пришелъ въ церковь и сказалъ: «долго ли же Князю лежать здѣсь? отомкните божницу, положимте его въ колоду (буду) или гробъ, и отпоемъ надъ нимъ, а когда престанетъ злоба сія, тогда придутъ изъ Владимира, и отнесутъ его туда.» Крылошане Боголюбскіе взяли тѣло, вложили въ каменный гробъ, отнесли въ церковь, и отпѣли надъ нимъ погребальное вмѣстѣ съ игуменомъ Арсеніемъ. А въ шестой день образумились дѣйствительно и Володимирцы. «Нарядите носилицы, поѣдемъ взять Князя и своего господина,» сказали они игумену Ѳеодулу и Лукѣ демественику Пресвятой Богородицы. А Микулицѣ велѣли собрать поповъ, и, оболокшеся въ ризы, выйдти съ Пресвятою Богородицею за Серебреные ворота: «тутъ дожидайтеся Князя.» Когда Владимирцы съ крылошанами поѣхали по Князя въ Боголюбовъ, люди всѣ высыпали встрѣчать его за городомъ. Долго смотрѣли они въ ту сторону, откуда должно было показаться погребальное шествіе.... И вотъ изъ-за горы «поча выступати стягъ отъ Боголюбаго». Тогда всѣ зарыдали, и вопль слышать было далече. Народъ плакалъ и причиталъ: «въ Кіевъ ли ты ѣдешь, господине, тѣми ли вороты Золотыми, въ ту ли церковь, что̀ хотѣлъ поставить на великомъ дворѣ на Ярославовомъ, въ память всему твоему отечеству?» Тихо приближался гробъ. Всѣ люди заливались слезами. Тѣло было принесено, и положено съ честію и пѣсньми богохвальными у Святой Богородицы Золотоверхой, что̀ онъ самъ создалъ.

Если вы будете во Владимирѣ, ступайте въ Кремль поклониться этому древнему зданію зодчества въ Русскомъ царствѣ. На правой сторонѣ отъ сѣверныхъ дверей стоитъ серебряная гробница, и не далеко отъ нея виситъ древній шитый образъ во весь ростъ усопшаго. Помолитесь ему, и поклонитесь мощамъ благовѣрнаго Князя Андрея. Это былъ самый смышленый Князь своего времени, который умѣлъ захватить въ свои

руки власть почти надъ всею своею братьею, котораго слушались равно и Кіевъ, и Новгородъ, и Ростовъ, и Суздаль, и Владиміръ, Князья Смоленскіе, Полоцкіе, Волынскіе, и прочіе. Но не тѣмъ онъ заслужилъ себѣ особливую память въ лѣтописяхъ отечества, а вотъ чѣмъ: онъ оборотилъ средоточіе Русской государственной тяжести въ нашу сторону, онъ вывелъ на позорище Исторіи другое племя, Великорусское, самое младшее изъ всѣхъ племенъ здѣшнихъ, изъ всѣхъ племенъ Славянскихъ, и, второй Рюрикъ, положилъ основаніе другому княжеству, которое приметъ въ одинъ изъ меньшихъ городовъ своихъ, заложенный отцемъ его, всѣ прочіе, и заключитъ въ себѣ судьбы отечества.

Потомство Андреево пресѣклось. Два старшихъ сына, слуги его побѣдъ, Изяславъ и Мстиславъ, умерли еще при его жизни. Внука, Мстиславова сына, Василія, слѣдъ пропалъ въ лѣтописяхъ, гдѣ записано только его рожденіе и кончина. Меньшаго сына, Георгія, Новогородцы тотчасъ по смерти Андреевой выгнали отъ себя, и онъ, по какому-то удивительному стеченію случайностей, очутился въ Грузіи, супругомъ знаменитой царицы Тамари, славной своими побѣдами и любовью къ исторіи, стихотворству, просвѣщенію, и потомъ изгнанный, скончался неизвѣстно гдѣ.

А что сдѣлалось съ его убійцами?

Отъ Владиміра въ семи верстахъ, вверхъ по Клязьмѣ, не далеко отъ рѣки, на лѣвой по теченію ея сторонѣ, есть озеро, заросшее отъ береговъ мохомъ, которое прозывается Пловучимъ. По этому озеру всегда плаваютъ какія-то темныя глыбы, и переносятся часто вѣтромъ съ одного конца на другой. Однажды въ году изъ глубины этого озера слышится, говорятъ, человѣческій стонъ. Это бываетъ 29 Іюня, на память Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, въ день убіенія Андреева. Простой народъ думаетъ, что тѣла убійцъ Андреевыхъ, которые были казнены впослѣдствіи братомъ его Михалкомъ, зашиты были въ короба и брошены здѣсь въ воду.

А куда дѣлася Андреева сила?

Андреева сила разсѣялася вмѣстѣ съ его смертію, какъ разсѣявается грозная туча, постигнутая вихремъ. Ея какъ будто и не бывало, и всѣ труды его пропали вмѣстѣ съ нимъ. Какъ наслѣдовать изъ его рода было некому, такъ и наслѣдовать было нечего, развѣ наслѣдникъ или преемникъ, самъ своею особою, съумѣетъ сдѣлаться тѣмъ же, чѣмъ былъ Андрей.

Узнавъ о княжей смерти, Ростовцы и Суздальцы, Переяславцы и вся дружина, отъ мала и до велика, съѣхались во Владиміръ и думали на вѣчѣ: «Князь нашъ убитъ, а дѣтей у него нѣтъ, —одинъ сынокъ малъ въ Новѣгородѣ, —братья его въ Руси. Кого жъ намъ взять къ себѣ въ Князья.» Рязанскіе послы, Дѣдилецъ и Борисъ, указывали на братьевъ своей Княгини. «Въ самомъ дѣлѣ такъ,» разсудили думцы, «Рязанскіе Князья, что Муромскіе, у насъ въ сосѣдствѣ: они могутъ пойти ратью на насъ, пока нѣтъ Князя. Пошлемъ лучше къ Глѣбу и скажемъ: Князя нашего Богъ поялъ, и мы хотимъ твоихъ шурьевъ, Ростиславичей, Мстислава и Ярополка.»

Эти Князья были племянниками Андрея, — сыновья старшаго брата Ростислава. Избирая ихъ, граждане преступали, какъ прежде, при избраніи Андрея, свое крестное цѣлованіе Юрью на меньшихъ его дѣтяхъ.

Всѣ утвердились Святою Богородицею и послали сказать Глѣбу: «тебѣ твоя шурина, а наша Князя, шлемъ къ тебѣ пословъ. и просимъ, ты приставь къ нимъ своихъ, и пусть ѣдутъ вмѣстѣ за нашими Князьями.»

Глѣбу было очень любо, что вскладываютъ на него честь, и хотятъ его шурьевъ: онъ исполнилъ Суздальское желаніе.

Послы нашли избранныхъ, вмѣстѣ съ ихъ дядями Юрьевичами, меньшими братьями Андрея, въ Черниговѣ, и сказали молодымъ Князьямъ: «вашъ отецъ добръ былъ, когда жилъ у насъ; поѣзжайте къ намъ княжить, а другихъ мы не хотимъ.» Мстиславъ и Ярополкъ отвѣчали: «спасибо дружинѣ, что не забываетъ любви отца нашего.» Посовѣтовавшись между собою, подъ вліяніемъ Святослава Черниговскаго, который былъ имъ покровителемъ, они сказали дядямъ: «либо лихо, либо добро всѣмъ намъ, а поѣдемте всѣ четверо вмѣстѣ.» И утвердясь между собою предъ святымъ крестомъ, у Черниговскаго Епископа Антонія, они поѣхали—Юрьевича два и Ростиславича два, Михалку, по соглашенію, держащу старѣйшинство.

Двое отправились впередъ—Михалко Юрьевичь и Ярополкъ Ростиславичь, и прибыли въ Москву, перепутье между старой Русью и новой, Малой и Великой.

Ростовцы, услышавъ, что кромѣ избранныхъ ими Князей, ѣдутъ еще двое дядей, вознегодовали, и велѣли Ярополку продолжать путь одному, а Михалку пождать мало. Ярополкъ уѣхалъ отъ него тайно Переяславлю.

Михалко, лишь только узналъ объ его отъѣздѣ, какъ и самъ поѣхалъ Владиміру, и былъ принятъ Владимирцами.

Ростовцы, поцѣловавшіе крестъ Ярополку, взволновались, какъ тѣ смѣли принять Князя къ себѣ вопреки ихъ рѣшенію. «Это холопы наши каменьщики,» кричали они, «мы сожжемъ ихъ и посадимъ у нихъ опять Посадника. Владиміръ пригородъ нашъ.» Владимирцы не могли сносить такой обиды, и рѣшились стоять на своемъ, хотя ихъ дружина, въ числѣ полуторы тысячи, вышла еще прежде на встрѣчу къ Князьямъ, и въ Переяславлѣ должна была цѣловать крестъ Ярополку, вмѣстѣ съ прочими. Когда тѣ пришли съ Рязанцами и Муромцами принудить ихъ силою къ покорности, они затворились въ городѣ и начали биться. Семь недѣль продолжалась осада, и Князья не могли одолѣть города. Но голодъ измѣнилъ дѣло. Они сказали Михаилу: «Мирись или промышляй о себѣ.» «Дѣлать нечего,» отвѣчалъ сынъ Юрьевъ, «не погибать же вамъ изъ-за меня,» и, простясь съ ними, уѣхалъ въ Русь.

Ярополкъ и Мстиславъ, утвердясь крестнымъ цѣлованіемъ съ жителями, чтобъ не дѣлать имъ никакаго зла, вступили въ городъ. Владимирцы не имѣли впрочемъ ничего противъ этихъ Князей, замѣчаетъ лѣтописецъ, но не хотѣли только поддаться Ростовцамъ, которые хвалились передъ ними безпрестанно: «мы старшіе, что намъ любо то и сотворимъ.»

Князья утѣшили ихъ, и раздѣлили между собою волости: Мстиславъ сѣлъ въ Ростовѣ, а Ярополкъ во Владимирѣ. Сына Мстиславова приняли къ себѣ Новогородцы.

Но они усидѣли не долго. Роздавъ посадничества Русскимъ дѣтскимъ, которые начали притѣснять народъ продажами и вирами, Князья возбудили противъ себя общее неудовольствіе. Они были молоды, и слушали

своихъ бояръ, а бояре учили на многое иманіе. Изъ соборной церкви они даже взяли серебро и золото, отняли городъ и дани. Владимирцы вышли изъ терпѣнія. «Мы вольные люди,» говорили они, «пріяли сами Князя къ себѣ, а они поступаютъ какъ будто, не въ своей волости, не рядятъ, а грабятъ; грабятъ не только волость, но и церкви. А промышляйте, братья!» Владимирцы, впрочемъ, послали сперва къ Ростовцамъ и Суздальцамъ явить свою обиду. Тѣ на словахъ были за нихъ, а дѣломъ были далече, и бояре крѣпко держались Князей. Но Владимирцы стояли твердо, и послали прямо въ Черниговъ звать къ себѣ Михаила: «ты старшій въ братьѣ своей, иди къ намъ. Если Ростовцы и Суздальцы изъ-за тебя замыслятъ что-нибудь на насъ, то какъ съ ними Богъ дастъ и Святая Богородица!»

Михалко и братъ его Всеволодъ отправились, Черниговскій князь Святославъ далъ имъ сына Володимера съ полкомъ. Михалка уя болѣзнь велика на Свинѣ; его понесли на носилкахъ, еле жива, и такъ донесли до Кучкова, рекше до Москвы. Здѣсь князья были встрѣчены Владимирцами съ Андреевичемъ Юрьемъ.

Племянники, сдумавше съ своей дружиною, рѣшились не допускать ихъ до Владимира. Ярополкъ пошелъ въ встрѣчу съ полкомъ своимъ, преградить имъ путь, но, къ счастію, они минулися дорогами: Михалко чрезъ силу, держалъ путь ко Владиміру, а Ярополкъ прибылъ въ Москву. Тогда онъ рѣшился оборотиться и ударить на Михалка сзади, а Мстиславъ, которому далъ онъ знать, долженъ былъ припять его спереди отъ Владимира.

Мстиславъ, получивъ эту вѣсть отъ брата, поскакалъ на Михалка съ дружиною, «какъ на зайцевъ,» и встрѣтилъ его уже въ пяти верстахъ отъ Владимира, больнаго, несомаго на носилкахъ. Ростовцы бросились на Владимирцевъ, «какъ будто съѣсть ихъ хотѣли;» но тѣ дружно приняли натискъ, оборонились, и въ свою очередъ ударили съ такою силою, что Ростовцы не выдержали, и бросивъ стягъ, принуждены были бѣжать. Мстиславъ спасся въ Новгородъ, а Ярополкъ въ Рязань. Сраженіе происходило почти подъ Владимиромъ, и всѣ люди, съ духовенствомъ и крестами, вышли послѣ встрѣтить братьевъ-побѣдителей (1175).

Радость въ городѣ была несказанная. «Ялись за правду мизенніи люди Владимирскіе,» говоритъ лѣтописецъ, «не убоялись двоихъ Князей, бывшихъ въ ихъ волости, положили ни во что прещенія бояръ, семь недѣль оставались безъ головы, говоря, либо найдемъ себѣ Князя Михаила, либо головы свои положимъ,—и Богъ имъ помогъ, и увидѣли они у себя опять Князя всея Ростовскія земли.»

Суздальцы прислали сказать Михалку: «мы, Князь, на полку томъ не были съ Мстиславомъ, а были съ нимъ только бояре; ты лиха на насъ за то не держи, и пріѣзжай къ намъ.»

Михалко поѣхалъ въ Суздаль, а изъ Суздаля въ Ростовъ, и сотворилъ вездѣ людямъ парядъ, утвердился крестнымъ цѣлованіемъ, и принялъ честь со многими дарами отъ Ростовцевъ.

Посадивъ брата своего Всеволода въ Переяславлѣ, онъ ходилъ къ Рязани войной на Глѣба; но Глѣбъ умилостивилъ его, признавъ себя виноватымъ, и обѣщаясь воротить все до золотника, что взялъ у своихъ шурьевъ, равно какъ и образъ Божія Матери.

Михалко жилъ не долго; онъ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (1176). Владимирцы

поцѣловали крестъ меньшему его брату, Всеволоду, а Ростовцы воротились къ прежней своей думѣ. Они послали за Мстиславомъ въ Новгородъ извѣстить, что Михалко умеръ, и что они не хотятъ никого, кромѣ его.

Мстиславъ пріѣхалъ въ Ростовъ, и совокупивъ Ростовцевъ, бояръ и гридбу, пасынковъ и всю дружину, пошелъ ко Владиміру.

Всеволодъ вышелъ на встрѣчу съ остальными боярами, и послалъ сказать ему: «Братъ, тебя привела старѣйшая дружина, Ростовцы, а меня привели Владимирцы. Я останусь въ Владимирѣ, а ты ступай въ Ростовъ, и мы оттуда возмемъ миръ. Суздаль же пусть останется пока у насъ общимъ: кого похотятъ они, тотъ и будетъ имъ Князь.»

Мстиславъ выслушалъ рѣчь эту и склонялся, но бояре сказали ему: «хоть бы ты далъ ему миръ, но мы не даемъ.» Особенно возставали Матьяшъ Бутовичь, Добрыня Долгій, и другіе злые люди. Мстиславъ ихъ послушался.

Всеволодъ передалъ между тѣмъ Переяславцамъ свои переговоры, и тѣ ему отвѣчали: «ну что же, Князь, ты хочешь ему добра, а онъ ловитъ твоей головы. Стой крѣпко.»

Соперники сразились на полѣ Юрьевскомъ, и Всеволодъ побѣдилъ: Мстиславъ бѣжалъ, Добрыня Долгій, Иванко Степановичь убиты, множество Ростовцевъ и бояръ взяты въ плѣнъ. Владимирцы повязали плѣнниковъ, взяли ихъ села, погнали скотъ и коней во Владиміръ.

Мстиславъ бѣжалъ въ Ростовъ, а изъ Ростова въ Новгородъ, но Новгородцы уже не приняли его: «ты Князь,» сказали они ему, «ударилъ пятою Новгородъ, и ушелъ къ Ростовцамъ съ ихъ подговору, на дядю своего Михалка,—ну вотъ Михалка Богъ взялъ, а Всеволода Богъ разсудилъ съ тобою: что же тебѣ дѣлать у насъ?»

Мстиславъ обратился тогда къ зятю, Рязанскому Глѣбу, и старался склонить его на свою сторону. Тотъ пришелъ на Москву и сжегъ ее. Всеволодъ хотѣлъ-было самъ тотчасъ напасть на него, но былъ удержанъ Новгородцами, Милонѣжковой чадью, которые совѣтовали ему дождаться ихъ помощи, и возвратился во Владиміръ. На зиму, получивъ помощь изъ Руси, отъ Святослава Всеволодовича, и отъ племянника Глѣба изъ Переяславля, онъ пошелъ Рязаню. Когда уже былъ въ Коломнѣ, пришла къ нему вѣсть, что Глѣбъ съ Половцами пришелъ другимъ путемъ къ Владиміру, пожегъ села боярскія, а женъ, дѣтей и товаръ, отдалъ поганымъ на щитъ, запалилъ многія церкви.

Всеволодъ воротился отъ Коломны, и нашелъ Глѣба на Колокшѣ, съ Половцами и полономъ. Они стояли другъ противъ друга мѣсяцъ, потому что нельзя было перейдти рѣки твердью. Наконецъ Всеволодъ рѣшился дать полкъ, и на масленицѣ пустилъ возы на Глѣбову сторону рѣки. Рязанскій Князь нарядилъ людей съ Мстиславомъ на возы, а самъ съ сыновьями и Ярополкомъ перешелъ Колокшу ко Всеволоду, на Прускову гору. Между тѣмъ Мстиславу не удалось около возовъ, къ которымъ Всеволодъ прислалъ въ помощь нѣсколько дружины съ Переяславцами: онъ не выдержалъ и бѣжалъ. Глѣбъ, увидя его бѣгство, оробѣлъ, постоялъ немного, и также бѣжалъ. Всеволодъ погнался за ними, убивая и плѣняя. Тогда самого Глѣба взяли руками, и сына его Романа, шурина Мстислава Ростиславича, всю его дружину, всѣхъ его думцевъ.

Здѣсь попался и Борисъ Жидиславичъ, знаменитый воевода Андреевъ, Дѣдилецъ, Ольстинъ и множество другихъ. Половцы всѣ были избиты оружіемъ.

Всеволодъ воротился въ Владиміръ съ побѣдою и славою. Князь Рязанскій, бояре и дружина, приведены плѣнниками, а свои освобождены. Новая радость во Владимирѣ.

На третій день сдѣлался мятежъ: встали бояре и купцы, и приступили къ Всеволоду. «Князь, мы хотимъ добра тебѣ и кладемъ за тебя свои головы, а ты держишь вороговъ своихъ на свободѣ: вороги твои и наши, — Суздальцы и Растовцы. Либо казни ихъ, либо слѣпи, либо отдай намъ.» Всеволоду не хотѣлось поступить такъ жестоко, и онъ, для утишенія мятежа, посадилъ колодниковъ въ порубъ, а между тѣмъ послалъ въ Рязань за остальнымъ соперникомъ, Ярополкомъ: «у васъ мой ворогъ, отдайте его, не то приду къ вамъ.»

Рязанцы подумали: «Князь нашъ и братья наши погибли изъ-за чужаго Князя,» и согласились: поѣхали въ Воронежъ, взяли тамъ Ярополка, и выдали руками Всеволоду. Тотъ велѣлъ посадить его вмѣстѣ съ прочими.

Между тѣмъ Глѣбова жена молилась о своемъ мужѣ. Мстиславъ Новогородскій, зять Глѣбовъ, убѣждалъ Святослава Всеволодовича, союзника Всеволодова, вступиться за Ростиславичей: Князь Черниговскій прислалъ епископа Ефрема и игумена къ Владимирскому Князю ходатайствовать за плѣнниковъ, и просить ихъ въ Русь. Но Глѣбъ самъ не согласился, и сказалъ: «лучше здѣсь умру, а не пойду.» Онъ въ самомъ дѣлѣ вскорѣ умеръ, а Романъ, сынъ его, былъ наконецъ, по долгомъ моленіи, за крестомъ, отпущенъ. Освобождены были и Ростиславичи изъ поруба, будто ослѣпленные.

Такимъ образомъ братъ Андреевъ, Великій Князь Суздальскій Всеволодъ, освободился отъ всѣхъ своихъ враговъ, и сила Андреева, разсѣявшаяся по его смерти, собралася, хотя отчасти опять въ одной рукѣ.... (1177).

Послѣдній сынъ князя Юрья Владиміровича Долгорукаго, отъ второй жены его, Гречанки родомъ, и слѣдовательно меньшой почти изъ всѣхъ многочисленныхъ внуковъ Мономаховыхъ,—тотъ, кому предназначено было судьбой продолжить дѣло Андреево, возвеличить Владимирское княжество, утвердить средоточіе будущаго государства на сѣверѣ, быть главою всѣхъ дѣйствующихъ лицъ своего времени, наконецъ сдѣлаться прародителемъ славнѣйшей отрасли Рюрикова дома, князей сѣверныхъ,—Владимирскихъ, Суздальскихъ, Ростовскихъ, Нижегородскихъ, Тверскихъ, Московскихъ, а чрезъ сихъ послѣднихъ, и всѣхъ царей Русскихъ, до Ѳеодора Іоанновича включительно,—*Всеволодъ* началъ свое долгое и многозначительное поприще очень несчастливо, тихо и бѣдно.

Оставшись ребенкомъ послѣ отца, умершаго на Кіевскомъ, любезномъ для него столѣ, въ 1157 году, и завѣщавшаго еще прежде меньшимъ дѣтямъ Суздальское княжество, онъ возвратился было съ матерью въ свою отчину, но вскорѣ, лѣтъ чрезъ пять (1162), изгнанъ былъ старшимъ братомъ Андреемъ Боголюбскимъ, который давно уже тамъ водворился (съ 1155 г.), и не хотѣлъ дѣлить власти ни съ кѣмъ изъ своихъ родственниковъ.

Въ Грецію, отчизну печальной вдовы, удалилось осиротѣлое и обездоленное семейство, и Императоръ Мануилъ Комнинъ далъ старшему изъ нихъ брату Васильку одинъ Ѳракійскій городъ во владѣніе.

Неизвѣстно, сколько времени продолжалось изгнаніе. Въ 1169 году мы видимъ Юрьевичей, уже возмужалыхъ, на Руси. Они примирились съ своимъ гонителемъ, Великимъ княземъ Суздальскимъ, и служили ему противъ Великаго князя Кіевскаго, Мстислава Изяславича. Вѣроятно, они получили себѣ за то какіе нибудь удѣлы, послѣ того какъ Кіевъ поступилъ въ распоряженіе Андрея.

Въ новой войнѣ его съ Ростиславичами за Кіевъ братья опять находятся въ числѣ его воевъ: нашему Всеволоду, какъ младшему между всѣми, участвовавшими князьями, привелось начать первое сраженіе подъ Вышгородомъ, и получить урокъ въ ратномъ дѣлѣ отъ храбрѣйшаго воителя того времени, Мстислава храбраго, — урокъ, принятый впрочемъ съ честію.

По пораженіи Андреевой рати, младшіе Юрьевичи остались на югѣ едвали не безъ пристанища. Со смертію Андрея, ихъ главнаго прежде лиходѣя, наступилъ для нихъ, казалось, счастливый случай воротиться на родину, и получить отцовское наслѣдіе; но тамошніе граждане сочли себя въ правѣ избрать князя по своей волѣ, несмотря на свою прежнюю присягу. * Послѣдующія происшествія обратились въ ихъ пользу, какъ мы видѣли выше, и Всеволодъ избавился благополучно отъ своихъ враговъ, получилъ въ единственное, безспорное владѣніе почти всю сѣверную Русь—Владиміръ, Суздаль, Ростовъ, Переяславль, Москву, Тверь, Поволжье, Бѣлоозеро, — это была область обширная, сильная, богатая, что касается до естественныхъ произведеній, нужныхъ для жизни, не слыхавшая никогда почти объ усобицахъ, невидавшая давно никакого врага, ни своего, ни чужаго. Сѣверная Русь со стольнымъ городомъ Владиміромъ находилась теперь точно въ томъ положеніи, въ какомъ была южная—Кіевъ, при первыхъ князьяхъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ по одиначкѣ, до Ярослава включительно, и потому имѣвшихъ время и возможность основать, распространить и усилить свое княжество-государство. Всеволодъ, подобно имъ, заступилъ теперь послѣ кратковременной усобицы, одинъ, мѣсто Юрья и Андрея, — и на сорокъ лѣтъ оставался одинъ же на сѣверѣ, между тѣмъ какъ на югѣ народилось уже князей до ста, которые всѣ хотѣли ѣсть, и искали себѣ хлѣба, вырывая куски другъ у друга вмѣстѣ съ Половцами.

Вотъ въ чемъ состояла простая тайна сѣверной силы, вотъ въ чемъ состояла простая тайна Владимірскаго преимущества предъ Кіевской Русью, дробившеюся все мельче и мельче. Здѣсь случилось быть одному князю, а тамъ число безпрестанно умножалось. Пока сохранялись эти численныя отношенія, то есть, пока здѣшній князь стоялъ одинъ лицемъ къ лицу множества тамошнихъ князей, до тѣхъ поръ онъ могъ, если только хотѣлъ, имѣть значительное вліяніе на всѣ ихъ дѣла, даже не отличаясь отъ природы чрезвычайными способностями, а властолюбивый, высокомѣрный, дѣятельный, даровитый, какъ Андрей, кольми паче. Всеволодъ же не уступалъ старшему брату въ доблестяхъ. При самомъ вступленіи на поприще, не смотря на молодость, онъ показалъ много смѣлости и твердости, равно какъ и расчетливости, осторожности. Такъ во все продолженіе своего княженія, умѣя пользоваться обстоятельствами, не пропуская ни одного

* См. выше с. 356.

случая къ какимъ бы ни было пріобрѣтеніямъ, Всеволодъ, безъ слишкомъ особенныхъ усилій съ своей стороны, безъ вызова происшествій, становился могущественнѣе и значительнѣе съ каждымъ годомъ.

По счастливому стеченію обстоятельствъ, однимъ и тѣмъ же ударомъ, которымъ пріобрѣтены были Всеволодомъ Владиміръ, Ростовъ и Суздаль, тѣмъ же ударомъ поражена была и сосѣдняя Рязань, и ему нечего стало опасаться Рязани, какъ Кіевъ опасался Чернигова.

Подчинивъ себѣ Рязань, которая сама подавала ему безпрестанно поводы къ участію въ ея дѣлахъ, прибравъ къ своимъ рукамъ Новгородъ, зависѣвшій отъ него по естественному своему положенію, овладѣвъ вымороченымъПереяславлемъ(Русскимъ), и возобновивъ любезный отцовскій Городецъ на Острѣ, выговоривъ себѣ многіе города отъ Кіевскаго княжества, за помощь, безъ коей тамошніе князья не могли обойтись, пособивъ удержаться за Днѣпромъ Мономаховичамъ, которые за то должны были признать его своимъ главою и получить отъ его руки Кіевъ, приводя въ повиновеніе Черниговскихъ Олеговичей, оказывая покровительство Галичу, стѣснивъ сосѣднее царство Болгарское, и нанеся удары не только близкой Мордвѣ, но и отдаленнымъ Половцамъ, Всеволодъ достигъ наконецъ нечувствительно цѣли Андреевой и Мономаховой, то есть, господства, господства въ предѣлахъ еще обширнѣйшихъ, чѣмъ какое было у этихъ могущественныхъ князей,—казалось, что удѣльное разстройство прекращается, княжество его готово сдѣлаться вполнѣ государствомъ, и онъ самъ становится самодержцемъ; но не станемъ упреждать происшествій, и передадимъ ихъ по порядку.

Новогородцамъ хотѣлось сбросить съ себя непрошенную стѣснительную опеку Князей Суздальскихъ, и они приняли опять изгнанныхъ Всеволодомъ племянниковъ, Мстислава и Ярополка, (которыхъ ослѣпленіе было, кажется, мнимое, для народа Владимірскаго, или для самаго Всеволода),— и посадили перваго у себя, а втораго въ Торжкѣ; Ярославу же Мстиславичу, данному имъ Всеволодомъ, послѣ первой разлуки съ Мстиславомъ, поручили Волокъ Ламскій, крайній городъ ихъ владѣній, близъ границъ Суздальскаго княжества. Враги тамошнему Князю казались имъ самыми надежными друзьями, покровителями и защитниками; но Всеволодъ не могъ, даже для самосохраненія, оставить ихъ въ покоѣ.

Управясь дома, онъ пошелъ къ Торжку (1177). Жители обѣщали дань и медлили. Владимірская дружина, привыкшая въ послѣднее время своевольничать, начала роптать: «Мы не цѣловать ихъ пріѣхали. Они лгутъ, Князь, и Богу и тебѣ.» Толкнули коней, вскакали въ городъ, зажгли, мужей повязали, а женъ, дѣтей, имущество, взяли на щитъ за Новогородскую неправду (Декабря 8). Ярополкъ бѣжалъ.

Изъ Торжка, отправивъ полонъ Владиміру, обратился Всеволодъ къ Волоку Ламскому, съ остальной дружиною. Они пустили на воронъ, выручивъ прежде Князя, и сожгли городъ, а люди выбѣгли.

Мстиславъ вскорѣ умеръ (Апрѣля 20 1178 г.), и Новогородцы посадили у себя бѣжавшаго изъ Торжка Ярополка.

Всеволодъ, воротясь изъ похода, вздумалъ дѣйствовать иначе, и какъ показали слѣдствія, гораздо удачнѣе, хоть и тише, легче: онъ велѣлъ перехватать и разсажать подъ стражу всѣхъ гостей Новогородскихъ,

торговавшихъ въ его волостяхъ. Новогородцы тотчасъ указали тогда путь Ярополку (1178), чего желалъ на первый случай Всеволодъ,— но обратились за Княземъ еще не къ нему, а къ Роману Смоленскому, потомъ къ брату его Мстиславу (1179), и наконецъ къ новому врагу Всеволода, Великому Князю Кіевскому Святославу Всеволодовичу (1180), который прислалъ имъ сына Владимира, женатаго не за долго предъ тѣмъ на братаннѣ Всеволодовой, Михалковой дочери.

Святославъ, старшій тогда между всѣми Князьями Русскими, только-что получилъ великое княжество, и распоряжался въ то же время всѣми волостями Ольговичей, слѣдовательно, относительно, былъ сильнѣе всѣхъ на югѣ.

Всеволодъ разошелся съ нимъ по слѣдующему случаю:

Дѣти несчастнаго Князя Глѣба, который дорого заплатилъ за мгновенную честь на него возложенную Ростовцами и Суздальцами, принять отъ его руки его шуриновъ на княженіе, были выпущены изъ Владимирскаго плѣна, въ уваженіе ходатайства многихъ родственныхъ имъ Князей, разумѣется, на условіи совершенной покорности, или, какъ говорилось тогда, на всей воли Великаго Князя Суздальскаго.

Вскорѣ (1180) они перессорились между собою, и подали поводъ ему утвердить власть надъ собою еще крѣпче, прислав къ нему жаловаться, младшіе на старшихъ: «Ты господинъ, ты отецъ (вотъ уже какой языкъ послышался на Руси). Братъ нашъ старшій Романъ отнимаетъ у насъ волости, слушая тестя своего Святослава, а къ тебѣ крестъ цѣловалъ и переступилъ.»

Всеволодъ пошелъ къ Рязаню. Въ Коломнѣ встрѣтили его двое недовольныхъ княжичей съ поклономъ, и онъ принялъ ихъ въ любовь. Глѣба, сына Святославова, присланнаго Черниговскимъ Княземъ въ помощь къ зятю Роману, и найденнаго имъ тамъ же, Всеволодъ, безъ дальнихъ околичностей, не смотря на близкія связи съ его отцемъ, своимъ благодѣтелемъ, зазвалъ къ себѣ, и, оковавъ, отослалъ во Владимиръ. Сторожи Суздальскіе встрѣтились съ сторожами Рязанскими, и обратили ихъ въ бѣгство. Романъ бѣжалъ въ поле, и миновалъ Рязань, затворивъ тамъ согласныхъ съ собою братьевъ, Игоря и Святослава, а наконецъ, когда Всеволодъ взялъ Борисовъ-Глѣбовъ, то смирился передъ нимъ, и получилъ миръ. Великій Князь Суздальскій сотворилъ порядъ всей братьѣ, раздавъ имъ волости по старѣйшинству.

Святославъ Черниговскій, нѣкогда благодѣтель Всеволодовъ въ изгнаніи, не могъ снести, разумѣется, хладнокровно нанесеннаго оскорбленія. Онъ шелъ мститься за сына. Другой сынъ его, Володимеръ, только что избранный Новогородцами, велъ къ нему помощь изъ Новагорода. Они снялись въ Твери, опустошили берега Волги, и подступили почти къ Переяславлю. На рѣкѣ Вленѣ, въ 40 верстахъ отъ города, встрѣтилъ ихъ Всеволодъ съ полками Суздальскими, Рязанскими и Муромскими. Суздальцы стояли на горахъ, въ пропастяхъ и ломахъ, такъ что ихъ нельзя было достать. Всеволодъ удерживался отъ сраженія. Однажды только отрядилъ онъ Рязанскихъ Князей въ товары Святославовы, которые произвели было тамъ замѣшательство, но послѣ принуждены были бѣжать. Святославъ послалъ попа своего къ Всеволоду: «братъ и сынъ! много дѣлалъ я добра тебѣ, и не чаялъ такого отъ тебя возмездья; но если ты

умыслилъ уже на меня зло, и взялъ моего сына, то не далеко тебѣ искать меня: отступи отъ рѣки и дай мнѣ путь; я перейду на твою сторону, и Богъ насъ разсудитъ. Еслиже ты не хочешь дать мнѣ пути, то я дамъ тебѣ; переѣзжай сюда, и Богъ насъ разсудитъ.» Всеволодъ не отвѣчалъ и изымалъ посла. Святославъ дожидался долго, и наконецъ, опасаясь оттепели, отошелъ, сжегши по дорогѣ Дмитровъ. Всеволодъ не велѣлъ гнаться за нимъ.

Ему надо было управиться съ Новогородцами, которые опять посадили Ярополка въ Новомъ Торгу,—и онъ началъ тотчасъ воевать Поволжье (1181). Всеволодъ пришелъ со всѣмъ полкомъ своимъ, съ Муромскою и Рязанскою помощью, къ городу. Новоторжцы затворились и сидѣли пять недѣль. Послѣдовалъ жестокій голодъ; Князь устрѣленъ, и они должны были сдаться. Городъ сожженъ, жители съ женами и дѣтьми отведены въ плѣнъ, и самъ Ярополкъ съ ними, окованный.

Всеволодъ помирился впрочемъ скоро съ В К. Святославомъ. Ему, видно, совѣстно стало прежнихъ своихъ отношеній; онъ выпустилъ Глѣба изъ оковъ, и сватáлся съ старымъ Святославомъ, давъ за его меньшаго сына свою вторую свояченицу (1182).

Новогородцы принуждены были смириться, послѣ всѣхъ своихъ неудачныхъ опытовъ, и, указавъ путь Володимеру Святославичу, просили Князя у Всеволода: онъ далъ имъ своего свояка Ярослава Володимировича (1182), который княжилъ у нихъ очень долго, и былъ выведенъ только однажды на краткое время.

Такимъ образомъ домашнія и сосѣднія дѣла устроились какъ нельзя лучше; Новгородцы смирились, Рязань слушалась, южные князья находились въ дружбѣ, и Всеволодъ, съ ихъ помощью, могъ предпринять походъ внѣшній на богатыхъ Болгаръ, куда любили ходить часто и ходили такъ счастливо Юрій и Андрей.

Ополченіе собралось большое (1183). Князья Черниговскій и Смоленскій прислали къ Всеволоду сыновей своихъ; всѣ Глѣбовичи Рязанскіе, Муромскій князь, соединили съ нимъ полки свои. Окою и Волгою пошли они въ землю Болгарскую, стали у Тухчина городка, а на третій двинулись къ Великому городу, сторожамъ напередъ ѣздившимъ. Къ лодьямъ отряженъ былъ Бѣлозерскій полкъ съ воеводою Ѳомою Лазковичемъ. На пути при устьѣ Цѣвцы, наши сторожа увидѣли полкъ въ полѣ, и сочли его Болгарскимъ. Но тотчасъ пятеро мужей изъ этого полка явилось къ Всеволоду, и ударили челомъ предъ нимъ: кланяются тебѣ, князь, Половцы Емяковы, пришли мы воевать Болгаръ со Княземъ Болгарскимъ. Всеволодъ, сдумавъ съ братьею и съ дружиною, привелъ ихъ въ роту Половецкую, взялъ къ себѣ и продолжалъ путь. Перейдя Черемшанъ, онъ нарядилъ полки, и началъ думать съ дружиною, а Изяславъ Глѣбовичь, племянникъ его, взявъ копье, пустился къ плоту, что Болгаре, вышедъ изъ города, учинили твердью. Онъ гонилъ ихъ за плотъ къ воротамъ, копье свое изломалъ, какъ вдругъ ударило его стрѣлою сквозь броню подъ самое сердце, и принесли его свои еле живаго въ товары. Между тѣмъ другіе Болгары, изъ городовъ Собѣкуля и Челмата, пошли въ лодьяхъ, а изъ Торцьскаго на коняхъ, на наши лодьи. Тѣ вышли противу, приняли дружно, и Болгаре побѣжали, бросились въ свои учаны. Наши сѣкли ихъ преслѣдуя, а многіе потонули въ опрокинувшихся учанахъ. Великій Князь стоялъ десять дней подъ городомъ. Болгаре выслали

къ нему съ миромъ, и онъ, видя брата изнемогающаго, далъ имъ миръ, и отошелъ къ исадамъ. Тамъ умеръ Изяславъ. Всеволодъ послалъ коней на Мордву, а самъ воротился во Владиміръ.

Черезъ годъ (1185) посылалъ онъ на Болгаръ воеводъ своихъ съ Городчанами, которые взяли многія села, и воротилися съ полономъ.

Рязанскіе Князья служили ему вѣрно во всѣхъ этихъ походахъ — и противъ Новогородцевъ, и противъ Святослава, и противъ Болгаръ: они не смѣли его ослушаться, но вражда между ними не прекращалась, а напротивъ возгорѣлась до такой степени, что старшіе — Романъ, Игорь, Володимеръ, искали убить младшихъ (1185). Тѣ провѣдали, и начали твердить свой городъ Пронскъ. Старшіе пришли съ воями и стали разорять села. Всеволодъ прислалъ къ нимъ пословъ съ увѣщаніями: «Братья, что вы дѣлаете? Не дивно, что поганые воевали прежде нашу землю, а вы теперь ищете сами убить другъ друга!» Они же, «воспріимше помыслъ буй,» начали злобствовать еще сильнѣе и воздвигать бóльшую вражду. Тогда Великій Князь Суздальскій прислалъ осажденнымъ, по ихъ просьбѣ, триста человѣкъ Владимирской дружины. Битвы продолжались. Всеволодъ послалъ еще свояка своего Ярослава Володимеровича, да двухъ Муромскихъ князей, и осаждавшіе, при этой вѣсти удалились отъ города. Тогда одинъ изъ освобожденныхъ князей, Всеволодъ выѣхалъ изъ Пронска, на встрѣчу къ покровителямъ въ Коломну, объявить имъ о происшедшемъ, и оттуда съ ними на совѣтъ во Владиміръ, — а старшіе, узнавъ, что Святославъ остался въ Пронскѣ одинъ, воротились и возобновили осаду. Они обманули Святослава; Святославъ отворилъ ворота. Братья вошли и отдали городъ ему, приведя ко кресту, а жену Всеволодову, свою ятровь, съ дѣтьми, и что осталось дружины его, бояръ, повязавъ, увели въ Рязань; имѣніе расхитили, Владимирцевъ, присланныхъ въ засаду, полонили.

Великій Князь собиралъ вои и требовалъ задержанной дружины у Святослава: Отдай мою дружину добромъ, какъ ты взялъ ее у меня, выбивъ челомъ. Если ты помирился съ своею братьей, такъ зачѣмъ же держать тебѣ моихъ людей. Они ратны, когда ты ратенъ, а ты миренъ, такъ и они мирны.

Тогда Рязанскіе Князья, услышавъ объ его сборѣ, прислали къ нему сказать: ты господинъ, ты отецъ, ты братъ; гдѣ твоя обида будетъ, мы прежде тебя сложимъ свои головы, а нынѣ не имѣй на насъ гнѣва! Мы воевали своего брата, потому что насъ не слушаетъ, а тебѣ кланяемся, и мужей твоихъ пущаемъ. Всеволодъ не слушалъ ихъ, и уже только въ слѣдующемъ году (1186), въ уваженіе ходатайства Черниговскаго епископа Порфирія и своего епископа Луки, приходившаго съ мужами Черниговскими Всеволодовичей, Святослава и Ярослава, далъ Рязани миръ, пославъ туда вмѣстѣ съ этими послами своихъ пословъ, и свободивъ плѣнниковъ. Порфирій справилъ однакожъ свое посольство невѣрно, не по-святительски, а какъ перевѣтникъ и ложъ. Утаяся отъ прочихъ пословъ, онъ изворочалъ рѣчь Великаго Князя Суздальскаго передъ Рязанскими Князьями, и отошелъ инымъ путемъ въ страну свою. Всеволодъ, узнавъ о напраслинѣ, хотѣлъ было послать за нимъ, но оставилъ, а на Рязань пошелъ вмѣстѣ съ своякомъ своимъ

Княземъ Ярославомъ Володимеровичемъ и Муромскимъ Княземъ Давыдомъ Юрьевичемъ. Всеволодъ Глѣбовичъ изъ Коломны ходилъ съ ними на братью свою. Перебродясь чрезъ Оку, они пожгли многія села, сотворили землю (1186) пусту, и воротились съ великимъ полономъ.

Южные Князья начали искать его союза и пріязни. Великій Князь Кіевскій Святославъ Всеволодовичъ, глава Ольговичей, женилъ своего племянника Ростислава Ярославича на его дочери Всеславѣ; дѣятельнѣйшій изъ Ростиславичей, сидѣвшій нѣсколько разъ на столѣ великаго княжества, Рюрикъ просилъ у него дочери еще осмилѣтней, Верхуславы, въ замужство за старшаго сына своего Ростислава. Богатый и многолюдный поѣздъ явился за нею во Владимирѣ; Рюрикъ прислалъ Князя Глѣба Туровскаго, своего шурина съ женою, тысяцкаго Славна съ женою, и иныхъ многихъ бояръ съ женами. Съ велика дня отправились они изъ Руси, а на Борисовъ день (2 Мая) отдалъ имъ Великій Князь дочь свою, и далъ по ней многое множество, безъ числа, золота и серебра; сватовъ всѣхъ одарилъ богатыми дарами и отпустилъ съ великою честію. До трехъ становъ проводили горестные отецъ и мать свое милое дѣтище и простились съ нею съ горькими слезами, давъ ей въ провожатые близкаго роственника своего боярина Якова съ женою, и иныхъ бояръ, снабженныхъ многообразными дарами для всѣхъ новыхъ родственниковъ. На Офросиньинъ день приведена была невѣста въ Бѣлгородъ, и принята съ честію и любовію, заутра Богослова вѣнчана была у Святыхъ Апостолъ епископомъ Максимомъ. «Сотворилъ же Рюрикъ Ростиславу велми сильну свадьбу, ака же нѣсть бывала въ Руси, и быша на свадбѣ князи многи, за двадцать князей; снохѣ же своей далъ многіе дары и городъ Брагинъ; Якова же свата и съ бояры отпустилъ въ Суздалъ съ великою честію и дарами многими одаривъ (1189).

Слава о силѣ Всеволодовой и значеніи тогда распространилась уже столько, что Императоръ Нѣмецкій, къ которому спасся бѣгствомъ изъ Венгріи Галицкій Князь Володимеръ Святославичъ, узнавъ отъ него, что Великій Князь Суздальскій Всеволодъ ему дядя, принялъ его съ любовью, и поручилъ Польскому Королю Казимиру доправить ему Галича. Володимеръ былъ посаженъ на столъ отца и дѣда, съ обязательствомъ платить Императору по двѣ тысячи гривенъ серебра ежегодно (1190). Онъ искалъ однакожъ подпоры больше во Всеволодѣ, и прислалъ сказать ему: «Отче господине! удержи за мною Галичь, а я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ, и *изъ твоей воли не выйду.*» Всеволодъ послалъ повѣстить по всѣмъ князьямъ и королю въ Ляхи, и привести ихъ ко кресту, чтобъ они подъ сестричичемъ его Галича никогда не искали. Володимеръ утвердился въ своей отчинѣ, и съ тѣхъ поръ никто не пошелъ на него болѣе.

Такъ точно, когда В. К. Святославъ Кіевскій хотѣлъ было присвоить что-то отъ Смоленской области, Всеволодъ вмѣстѣ съ Рюрикомъ, убѣдили его оставить свои притязанія, и онъ послушался.

Святославъ, заспоря о волостяхъ съ Рязанскими князьями, съ которыми былъ въ сосѣдствѣ, хотѣлъ было вмѣстѣ съ своими братьями, идти на нихъ войною, и послалъ къ Всеволоду *просячеся у него* на Рязань. Всеволодъ не изъявилъ своего

согласія, и Великій Князь Кіевскій возвратился отъ Карачева (1194).

По смерти Свяаослава, сначала благодѣтеля, потомъ на короткое время противника, а потомъ союзника и единомысленника Всеволодова, Кіевъ занялъ Рюрикъ Ростиславичь, сватъ его, позванный къ умиравшему князю и принятый Кіевлянами, (1194 въ Іюлѣ), а Всеволодъ, тогда уже старшій изъ всѣхъ наличныхъ князей, прислалъ мужей своихъ *посадить его* на Кіевскій столъ, чего прежде никогда не бывало, и чѣмъ ясно объявилось его первенство. Въ дѣлахъ южной Руси онъ началъ тогда принимать дѣятельное участіе.

Вскорѣ онъ вознегодовалъ на Рюрика и прислалъ къ нему пословъ сказать: «Вы нарекли меня старшимъ въ Володимеровомъ племени, а нынѣ ты сѣлъ въ Кіевѣ, и не учинилъ мнѣ части въ Русской землѣ: раздалъ области инымъ младшимъ, а мнѣ ничего; если такъ, да то ты, а то Кіевская область; кому ты далъ ее, съ тѣмъ и стереги. Я посмотрю, какъ вы удержите; а мнѣ не надо.»

Рюрикъ приведенъ былъ въ большое затрудненіе, потому что города, требуемые себѣ Всеволодомъ, Торческъ, Треполь, Богуславль, Корсунь, Каневъ, онъ отдалъ зятю своему Роману Волынскому, славному сыну Мстислава Изяславича, еще въ молодости защитившему Новгородъ отъ сильной рати Андрея Боголюбскаго, — и цѣловалъ ему крестъ. Рюрикъ предложилъ Всеволоду другую волость, но тотъ не согласился. Тогда онъ, по многихъ совѣтахъ съ дружиною и духовенствомъ, обратился къ Роману, объясняя, что имъ всѣмъ *нельзя быть* безъ Всеволода, на которомъ положили они старѣйшинство всего Володимерова племени, уладился съ нимъ, и исполнилъ Всеволодову волю.

Всеволодъ далъ тогда шурину Романову, а своему зятю, Рюрикову сыну, Ростиславу, Торческъ Романъ оскорбился, началъ подозрѣвать, и отступился къ Ольговичамъ, поводя ихъ на Кіевъ и на тестя своего.

Рюрикъ послалъ сказать Всеволоду: «ты братъ въ Володимеровомъ племени старшій. Романко измѣнилъ намъ. Гадай о Русской землѣ, о своей чести и о нашей.»

Романъ смирился, побѣжденный съ своими помощниками Казимиричами—надо было наказать и Ольговичей, которые обнаружили свои замыслы на Кіевъ. *

Рюрикъ и Всеволодъ потребовали отъ нихъ, чтобъ они поцѣловали крестъ не искать Кіева и Смоленска, отчины ихъ, ни подъ ними, ни подъ ихъ дѣтьми: какъ раздѣлилъ дѣдъ нашъ Ярославъ по Днѣпръ, а Кіевъ вамъ не надо. Ольговичи отвѣчали Всеволоду: «если *ты велишь* блюсти Кіевъ подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ, то въ томъ стоимъ; но если ты велишь лишиться его намъ отнынѣ навсегда, то мы ни Угры, ни Ляхи, но единаго дѣда внуки; при вашемъ животѣ не ищемъ его, а по васъ кому Богъ дастъ.» Долго они спорили между собою и много рѣчей было между ними: Всеволодъ, хотя оправить все племя Володимерово, пригрозилъ наконецъ на нихъ войною. Ольговичи убоялись, и послали мужей своихъ съ игуменомъ Діонисіемъ къ Всеволоду, кланяючеся и *емлючеся ему подъ всю волю его*. Всеволодъ повѣрилъ имъ, и слѣзъ съ коня, а Ольговичи послали на Давыда Ростиславича

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества, ст. 201.

Смоленску, и побѣдивъ взяли въ плѣнъ племянника его Мстислава Романовича. Рюрикъ звалъ В. К. Владимирскаго отомстить обиду и стыдъ (1195).

Всеволодъ пошелъ Чернигову, и, соединясь съ Давыдовичами Смоленскими, занялъ города Вятичей. Ярославъ выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу, сталъ подъ лѣсы своими, засѣкся отъ нихъ, а по рѣкѣ велѣлъ мосты подсѣчи, и послалъ мужей своихъ сказать имъ: «братъ и сватъ! отчину нашу и хлѣбъ нашъ ты взялъ; если ты любишь съ нами рядъ правый, и хочешь въ любви съ нами быти, то мы любви не бѣгаемъ, и на всей волѣ твоей станемъ; если же ты умыслилъ что—все-таки не бѣжимъ: какъ разсудитъ насъ съ вами Богъ и Святой Спасъ.»

Всеволодъ началъ думать съ Давыдомъ, Рязанскими князьями и мужами своими, и былъ расположенъ помириться, но Давыдъ стоялъ идти Чернигову, по условію съ Рюрикомъ, и тамъ заключить миръ вмѣстѣ. Всеволодъ не послушался и предложилъ такой рядъ: отпустить свата Мстислава Романовича, Ярополка выгнать изъ земли своей, отъ союза съ Романомъ Мстиславичемъ отказаться. Ярославъ соглашался на все кромѣ послѣдняго ряда, потому что Романъ помогъ ему на своего тестя Рюрика. Всеволодъ послалъ наконецъ мужей своихъ, и умолвилъ съ нимъ про волость свою и про дѣтей своихъ, а Кіева не искать подъ Рюрикомъ, и Смоленска подъ Давыдомъ. Мужи Ярославовы водили кресту Всеволода, Давыда и Рязанскихъ князей; мужи Всеволодовы—Ярослава и всѣхъ Ольговичей (1196).

Покончивъ съ Ольговичами, Всеволодъ извѣстилъ Рюрика, который былъ очень недоволенъ, особенно за Романа, оставленнаго съ средствами вредить ему. «Сватъ» говорилъ онъ Суздальскому Великому Князю чрезъ присланныхъ мужей: «крестъ цѣловалъ ты мнѣ на томъ, кто мнѣ ворогъ, то и тебѣ ворогъ, и просилъ у меня части въ Русской землѣ; я далъ тебѣ область лучшую, не отъ обилья, а отнявъ у братьи своей, и у зятя своего Романа. Онъ сдѣлался мнѣ ворогомъ изъ-за кого, какъ не изъ-за тебя. Ты обѣщалъ мнѣ сѣсть на коня и помочь мнѣ, по перевелъ все лѣто и зиму ту; нынѣ сѣлъ на коня, да какъ помогъ? Свой рядъ взялъ, а про кого была мнѣ и рать, про зятя своего, того далъ рядить Ярославу и съ волостью, что я же далъ ему. Да про кого же я и на коня сажалъ тебя! Съ Ольговичами у меня не было никакой обиды, и они Кіева подо мной не искали. Недобръ я былъ съ ними, потому что съ тобою они были недобры. Отъ того я воевалъ съ ними и волость свою зажегъ. А ты нынѣ не исправилъ мнѣ того, на чемъ крестъ цѣловалъ.»

Рюрикъ отнялъ у Всеволода за то Русскіе города. Но тотъ скоро отомстилъ ему, по окончаніи распри съ Новгородомъ происшедшей по слѣдующему случаю: * сбираясь въ 1195 году, къ Чернигову, Всеволодъ звалъ Новогородцевъ въ помощь, и они явились, огнищане, гридьба и купцы, но были отпущены съ честію изъ Новаго Торга, потому что походъ не состоялся. Они ободрились видно тогда прислать мужей своихъ къ Всеволоду, Мирошку посадника, Бориса Жирославича, Никифора соцкаго, чтобъ пожаловаться на шурина Ярослава, вѣрнаго и лучшаго слугу Всеволодова, за притѣсненія, и *просить сына.*

---

* См. въ исторіи Новогородскаго княжества, с. 322.

Всеволодъ, видно, разсердился, сына не далъ, а мужей задержалъ. Новогородцы присылали за ними въ слѣдующемъ году, но напрасно. Князь велѣлъ идти имъ на Луки, а самъ, пойдя въ другой разъ къ Чернигову, взялъ съ собою задержанныхъ мужей.

Новогородцы еще явились съ просьбами. Всеволодъ отвѣчалъ, чтобъ они выбирали себѣ князя, гдѣ хотятъ, а изъ мужей отпустилъ только нѣкоторыхъ. Новогородцы «разгнѣвались,» выгнали сами Ярослава, и взяли себѣ княземъ сына у князя Черниговскаго. Выгнанный Ярославъ между тѣмъ былъ принятъ Новоторжцами, самыми близкими къ мести Всеволодовой, и началъ брать дань по всему верху, по Мстѣ за Волокомъ. А Всеволодъ употребилъ прежнюю мѣру, оказавшуюся столь дѣйствительною: велѣлъ изоимать Новогородцевъ за Волокомъ и на всей землѣ своей, и привезти во Владимиръ, гдѣ они ходили впрочемъ на свободѣ.

Новогородцы опять смирились, и, продержавъ у себя Черниговскаго князя только полгода, принуждены были исполнить волю Всеволодову, и просить себѣ опять Ярослава (1197).

Всеволодъ велѣлъ Ярославу придти изъ Торжка къ себѣ во Владимиръ, а Новогородскимъ переднимъ мужамъ *явиться за нимъ* туда же. Такъ и было исполнено. Они пришли и взяли его со всею правдою и честію во Владимирѣ, какъ бы изъ рукъ Великаго Князя Суздальскаго, въ знаменіе его верховной власти, а ихъ подчиненности. Всеволодъ отпустилъ тогда и всѣхъ Новогородцевъ, томившихся у него въ неволѣ, — посадникъ Мирошка, сидѣвшій два года подъ стражею, возвратился также въ Новгородъ, къ общему удовольствію его сограждaнъ.

Но чрезъ годъ (1199) Всеволоду вздумалось самому вывести Ярослава изъ Новгорода, и посадить тамъ сына. Онъ *велѣлъ* владыкѣ Мартирію, посаднику Мирошкѣ и вячшимъ мужамъ *пріѣхать* къ нему во Владимиръ *за сыномъ*. Разительное доказательство его власти! На озерѣ Серегерѣ архіепископъ Мартирій скончался, тѣло его отвезено было въ Новгородъ къ Святой Софіи, а посадникъ Мирошка и вячшіе мужи прибыли къ Всеволоду и сказали: ты *господинъ* Князь Великій Всеволодъ Юрьевичь! просимъ у тебя сына княжить Новугороду, *зане отчина тебѣ и дѣдина Новгородъ*. Всеволодъ принялъ пословъ съ великою честію, утвердилъ честнымъ крестомъ на всей волѣ своей, и далъ имъ въ князи Святослава, еще младенца, четырехъ-лѣтняго, который и приведенъ былъ къ нимъ въ 1200 году, Января 1.

Согласясь съ посадникомъ, Всеволодъ далъ Новогородцамъ архіепископа Митрофана, который поѣхалъ въ Кіевъ ставиться въ сопровожденіи Новогородскихъ и Всеволодовыхъ мужей.

Наступала пора отомстить Рюрику, который взялъ предъ тѣмъ назадъ города, уступленные имъ Великому Князю Суздальскому.

Всеволодъ не спускалъ глазъ съ юга, и въ 1195 году онъ прислалъ тіуна своего Гюрю съ людьми, создать «градъ на Городци на Востри» и обновилъ свою отчину. Въ 1197 году, далъ епископа Павла въ Переяславль. Въ 1198 году, по смерти племянника Ярослава Мстиславича въ Переяславлѣ Русскомъ, прислалъ туда княжить сына своего Ярослава, еще отрока, также какъ въ Новгородъ младенца Святослава. Теперь у Рюрика съ Романомъ новая началась распря. Всеволодъ принялъ сторону Романа, который

заставилъ тестя отказаться отъ Кіева, и идти въ свой старый Овручь. На Кіевскомъ столѣ посаженъ былъ тогда именемъ Всеволодовымъ и Романомъ Ингварь Ярославичь Луцкій (1202). Рюрикъ хотя взялъ городъ, (1204 г. Января 1) соединясь съ Половцами и Ольговичами, но не могъ его удержать за собою безъ согласія Всеволодова, и удалился въ свой Овручь.

Романъ, желая отвесть своего тестя отъ Половцевъ и Ольговичей, взявшихъ тогда его сторону, пришелъ-было къ нему мириться во Вручій. Слися, сказалъ онъ, къ свату своему Великому Князю Всеволоду, и я слюся къ нему, къ своему отцу и господину, и молимся ему, чтобъ онъ отдалъ тебѣ Кіевъ опять. Рюрикъ повѣрилъ Роману, и поцѣловалъ крестъ Всеволоду, съ сынами и братьею.

И Всеволодъ не помяну зла, укротился, достигнувъ своей цѣли, то есть, получивъ можетъ быть прежніе города: онъ отдалъ Рюрику Кіевъ опять.

Ольговичи также, при посредствѣ Романовомъ, который молился за нихъ Великому Князю, дабы пріялъ ихъ въ любовь, примирились съ Всеволодомъ, и онъ прислалъ боярина своего Михаила Борисовича привести ихъ къ кресту. Черниговскіе бояре ѣздили Владимиру, и Великій Князь цѣловалъ при нихъ крестъ. Романъ присягнулъ также.

Южная Русь успокоилась хоть не надолго; Всеволодъ обратился къ сѣверной.

Онъ рѣшился вывести Святослава, княжившаго четыре года, изъ Новагорода, сказавъ Новогородцамъ: «по землѣ вашей ходитъ рать, а Князь вашъ, сынъ мой, Святославъ малъ: даю вамъ старѣйшаго сына своего Константина» (1205).

Отпуская Константина, Всеволодъ сказалъ ему: «Сынъ мой Константинъ! Богъ положилъ на тебѣ старѣйшинство во всей братьѣ твоей и во всей Русской землѣ, а Новгородъ великій имѣетъ старѣйшинство между всѣми княженьями въ Русской землѣ. По имени твоемъ и хвала твоя. Поѣзжай въ свой городъ. И я даю тебѣ старѣйшинство.» Всеволодъ далъ ему мечь и крестъ: «се буди тебѣ охранникъ и помощникъ, а мечь прещенье и спасенье, пасти люди твои, оли противны.» Съ сими словами, цѣловавъ, отпустилъ его. Всѣ братья его—Георгій, Володимеръ, Іоаннъ, бояре отца его, купцы, проводили его съ честью великою, до рѣки Шедакши. Отъ множества людей, говоритъ лѣтопись, великій былъ говоръ, доходящій какъ будто до неба: всѣ радовались, и, настигшу вечеру, поклонились ему братья его, мужи отца его, послы отъ братьевъ, воздавая хвалу великую, и простились.

Такимъ образомъ, Всеволодъ сдѣлался какъ бы полнымъ господиномъ Новагорода, и, разумѣется, дѣлалъ, что хотѣлъ.

Въ 1208 году пришелъ Лазарь, Всеволодовъ мужъ, изъ Владимира, повелѣлъ убить Олексу Сбыславича,—и убили его безъ вины на Ярославлѣ дворѣ. Разительное доказательство Всеволодова самоуправства, которое смиренный Новгородъ долженъ былъ вытерпѣть безпрекословно. Святая Богородица плакала на другой день у Святаго Іоанна, свидѣтельствуетъ лѣтописецъ.

Вскорѣ по отбытіи Константина, мать его, Великая Княгиня, Ясыня родомъ, одержимая жестокою болѣзнію, впродолженіи осми лѣтъ, почувствовала приближеніе кончины и изъявила желаніе постричься. Великій Князь Всеволодъ, сынъ Георгій, ею особенно любимый, дочь Верхуслава, Ростиславляя,

пріѣхавшая изъ Кіева погостить у родителей, епископъ Іоаннъ, и Симонъ игуменъ, отецъ ей духовный, бояре и боярыни всѣ, духовенство и горожане, проводили ее до монастыря, ею основаннаго, со многими слезами, «зане бяше до всѣхъ преизлиха добра.» Великая Княгиня наречена въ монастырѣ Маріею, и прожила только осмнадцать дней, была погребена тамъ, оплаканная семействомъ и городомъ.

Между тѣмъ на югѣ произошли перемѣны: Романъ, цѣловавшій крестъ вмѣстѣ съ прочими князьями, не только выгналъ Рюрика, но и постригъ его. — Вскорѣ погибъ онъ въ походѣ на Ляховъ (1205), и Рюрикъ сѣлъ на Кіевскій столъ, но тутъ явился ему новый врагъ, Всеволодъ Черниговскій, сынъ Святослава, который, наслѣдовавъ Черниговъ послѣ Игоря Святославича, принялся за мысль, занимавшую нѣсколько времени его дѣда, (Всеволода), изгнать Володимерово потомство изъ Руси. Онъ отнялъ Кіевъ у Рюрика, и потомъ выгналъ Всеволодова сына изъ Переяславля, сказавъ ему: «иди къ отцу своему въ Суздаль, а Галича не ищи подъ моей братьею, (его избирали предъ тѣмъ Галичане *); если же ты не уйдешь добромъ, то я приду на тебя ратью. «Молодой Ярославъ, которому судьба назначала много превратностей, долженъ былъ повиноваться, и просилъ у него пути, на чемъ тотъ цѣловалъ крестъ. Нѣсколько разъ Кіевъ переходилъ изъ рукъ въ руки у Всеволода съ Рюрикомъ, пока наконецъ Великій Князь Суздальскій рѣшился положить конецъ междоусобію, сжаляся о томъ, что Ольговичи съ Половцами воюютъ землю Русскую.

«Развѣ имъ однимъ отчина Русская земля,» сказалъ онъ, «а намъ развѣ она не отчина. Хочу поити Чернигову: какъ насъ управитъ съ ними Богъ.» Онъ послалъ за сыномъ своимъ Константиномъ, который, собравъ Новогородцевъ, Псковичей, Ладожанъ, Новоторжцевъ, прибылъ къ нему на встрѣчу въ Москву; Рязанскіе и Муромскіе князья должны были придти также (1207).

Послушные зову, они немедля снарядились, и пошли на соединеніе съ нимъ по крутому берегу Оки. Вдругъ Всеволодъ, встрѣченный уже въ Москвѣ сыномъ Константиномъ съ Новогородцами, узнаетъ, вѣрно или нѣтъ, что они идутъ къ нему на льстяхъ, свѣчавшись съ врагами его Ольговичами. Онъ рѣшился прежде всего покончить съ ними, и отъ Москвы поворотилъ назадъ къ Коломнѣ. Дойдя до Оки, Великій Князь остановился шатрами на пологомъ берегу. Въ тотъ же день подоспѣли и Рязанскіе князья: Романъ, что за тридцать лѣтъ сидѣлъ у него въ порубѣ, Святославъ, измѣнившій ему въ Пронскѣ, съ двумя сынами, и еще четверо племянниковъ, сыновъ Игоря и Володимера. Поцѣловавъ ихъ, Всеволодъ велѣлъ имъ сѣсть въ шатрѣ, а самъ остался въ полстницѣ, и послалъ къ нимъ на обличеніе князя Давыда Муромскаго, и мужа своего Михаила Борисовича. Долго ходили сіи посредники между князьями, онымъ клянущимся и ротящимся, что злаго умысла у нихъ никакого не бывало, какъ вдругъ, двое изъ нихъ, «братичичи, а имъ своя» Глѣбъ и Олегъ Володимеричи, явились обличителями. Когда Великій Князь услышалъ, что истина воображена, то велѣлъ изымать ихъ вмѣстѣ съ думцами, (несчастное семейство, несшее изъ рода въ родъ измѣны и казни), и вести Владимиру, а самъ пошелъ Пронску черезъ Оку. Михаилъ Всеволодовичъ, услышавъ, что стрыи его изоиманы, а на него рать

* См. въ исторіи Галицкаго княжества, с. 280.

идетъ, бѣжалъ Чернигову къ тестю. Проняне приняли къ себѣ Изяслава Володимерича, третьяго брата обличителей, или, какъ называетъ ихъ Новогородская лѣтопись, клевѣтниковъ, и затворились въ городѣ. Князь Великій прислалъ къ нимъ Михаила Борисовича омирить ихъ, но они, надѣясь, на градную твердость, рѣшились защищаться. Суздальцы приступали со всѣхъ сторонъ, отняли воду. Проняне бились изъ всѣхъ силъ, и по ночамъ выходили красть воду. Великій Князь велѣлъ наконецъ стеречь въ оружіи день и ночь, и распредѣлилъ всѣхъ князей, кому стоять противъ какихъ воротъ и биться: Константину сыну съ Новогородцами и Бѣлозерцами противъ одних воротъ на горѣ, Ярославу съ Переяславцами противъ другихъ, Давыду съ Муромцами противъ третьихъ, а самъ, съ сыновьями Юрьемъ и Володимеромъ, и при нихъ Рязанскіе Глѣбъ и Олегъ Володимеричи за рѣкою съ поля Половецкаго. Проняне всетаки бились, выходя уже изъ города не для брани, а для жажи водныя: многіе люди умирали даже въ городѣ. И у осаждавшихъ оказался недостатокъ въ продовольствіи; надо было послать по кормъ къ лодьямъ на Оку. На лодьи напалъ тогда Романъ Игоревичь, вышедъ изъ Рязани съ полкомъ своимъ. Всеволодовъ полкъ, къ которому приставленъ былъ Олегъ Володимеровичь, погналъ скорѣе къ лодьямъ на помощь. Рязанцы, оставя лодейниковъ, выстроились противъ, и сразились. Олегъ побѣдилъ Романа, и возвратился Пронску къ Великому Князю съ побѣдою. Три недѣли длилася осада, и наконецъ передалися Проняне. Всеволодъ омирилъ ихъ, посадилъ у нихъ Олега Володимерича, а самъ пошелъ Рязани, сажая посадниковъ своихъ по всѣмъ городамъ. Когда онъ былъ у Добраго, и на утро хотѣлъ бродиться черезъ Проню, Рязанцы прислались къ нему съ поклономъ, моля, чтобъ онъ не подходилъ къ городу, Епископъ Арсеній слалъ одного за другимъ пословъ, моляся, чтобъ онъ не шелъ далѣе: «Князь Великій! не опусти мѣстъ честныхъ, не пожги церквей святыхъ, въ нихъ же жертва Богу и мольба за тебя совершается. Мы исполнимъ теперь всю волю твою, все, чего ты хочешь.» Всеволодъ отошелъ къ Коломнѣ. На устьѣ Мерьской, на пути ко Владимиру, постигнулъ его самъ епископъ съ мольбою и поклономъ отъ всѣхъ людей.

Рязанцы сдумавше, послали остатокъ князей своихъ и съ княгинями къ Великому Князю во Владимиръ.

Всеволодъ въ слѣдующемъ году (1208), считая Рязань уже своею, послалъ сына своего Ярослава на столъ, а Рязанцы, лесть имуще къ нему, хотя цѣловали крестъ, но не управили, изъимали людей и сковали; другихъ изморили, въ погребахъ засыпавше.

Тогда Всеволодъ снарядился вновь, и пришедъ ста у города Рязаня, Ярославъ вышелъ къ нему и цѣловалъ его съ радостію. Рязанцы все еще говорили «буюю рѣчь по своему обычаю и непокорству.» Великій Князь велѣлъ всѣмъ людямъ выйдти изъ города, и съ товаромъ, а другіе говорятъ, что онъ вызвалъ ихъ къ себѣ лестію, и, когда вышли всѣ, велѣлъ зажечь городъ, пославъ къ городу полки; оттуда пошелъ онъ Бѣлугороду, и велѣлъ зажечь его также. Потомъ взявъ всѣхъ Рязанцевъ и епископа ихъ Арсенія, со всѣми своими полками и сыномъ Ярославомъ возвратился во Владиміръ, и расточилъ колодниковъ по городамъ.

(Михаилъ Всеволодовичъ, бѣжавшій изъ Пронска, и Изяславъ Володимировичъ, заступившій его мѣсто, приходили было воевать около Москвы, но прогнаны, побѣжденные сыномъ Великаго Князя Юрьемъ).

Оставивъ намѣреніе идти на Черниговъ, по полученіи извѣстія оттуда объ успѣхѣ Рюрика, вновь занявшаго Кіевъ, (1207) Всеволодъ отпустилъ Новогородцевъ домой, одарилъ ихъ безъ числа, и отдалъ имъ волю ихъ всю, уставы старыхъ князей, чего желали Новгородцы, сказавъ, какъ прежде: кто вамъ добръ, того любите, а злыхъ казните.

Можетъ быть послѣднее дѣйствіе Всеволода (умерщвленіе Олексы Сбыславича) возбудило особенное раздраженіе въ Новѣгородѣ, и осторожный Великій Князь хотѣлъ своими ласками изгладить произведенное тягостное впечатлѣніе. Впрочемъ, это были только слова, какъ и прежде, ибо Всеволодъ все-таки прислалъ княземъ меньшаго сына, малолѣтнаго Святослава, съ своими мужами, а Константина оставилъ у себя, давъ ему Ростовъ. Ясно, что вліяніе осталось прежнее.

Въ это время Всеволодъ находился наверху своего могущества и значенія: Новгородъ находился почти въ его власти, Рязань была покорена совершенно, Кіевскій князь обязанъ ему своимъ столомъ, на который и былъ его мужами посаженъ, Черниговскіе обратились предъ тѣмъ съ повинной головою, Галичь признавалъ его покровительство.

Всеволодъ дѣлалъ, что хотѣлъ вездѣ на Руси. Противниковъ не было. Ослушаться, казалось, немогъ никто.

И въ это самое время князь самаго незначительнаго Смоленскаго удѣла, Мстиславъ Мстиславичь Торопецкій, осмѣлился объявить себя его противникомъ. Услышавъ о притѣсненіяхъ Великаго Князя Суздальскаго, и о негодованіи Новогородцевъ, самъ назвался къ нимъ въ князья, чего никогда прежде ни съ кѣмъ не случалось. Изъ своего Торопца пришелъ онъ въ Торжекъ, оковалъ посадника, изымалъ дворянъ Святославовыхъ, захватилъ имущество, все, до чего дошла рука, и послалъ сказать Новогородцамъ: кланяюсь Святой Софіи, гробу отца моего и всемъ Новогородцамъ. Я слышалъ про насилье къ вамъ отъ вашихъ князей, и мнѣ жаль стало моей отчины—я пришелъ къ вамъ. Новогородцы обрадовались, и послали за нимъ съ великою честію, а Всеволодова сына Святослава засадили на Владычнемъ дворѣ съ мужами его, «пока будетъ управа съ отцемъ.» Мстиславъ пошелъ со всѣмъ полкомъ на Всеволода (1210).

Всеволодъ, выслалъ на него Константина съ братьею, какъ вдругъ перемѣнилъ всѣ намѣренія и прислалъ ему сказать: «ты мнѣ сынъ, а я тебѣ отецъ, пусти ко мнѣ Святослава съ мужами, и все, еже засѣдѣлъ, исправи—я ослобожу гостей и товары ихъ.» Мстиславъ отпустилъ сына и мужей его. Всеволодъ—гостей Новогородскихъ съ ихъ товарами.

Надо удивляться, какимъ образомъ Всеволодъ могъ такъ легко перенесть полученное оскорбленіе: развѣ онъ хотѣлъ выручить скорѣе сына, во чтобы ни стало, и отлагалъ отмщеніе до другаго времени, болѣе благопріятнаго?

Какъ бы то ни было, Новгородъ освободился на эту пору совершенно изъ-подъ его вліянія. Обстоятельства измѣнились,

въ ущербъ могущественному Князю Суздальскому и въ прочихъ областяхъ Русскихъ,* а наконецъ и дома.

Въ 1209 году Великій князь Всеволодъ, уже въ старости, женился во второй разъ, взявъ за себя Полоцкую княжну Васильковну.

Онъ послалъ въ Ростовъ за старшимъ сыномъ Константиномъ, у котораго было уже два сына, (Василій, род. 1209 г. и Всеволодъ, род. 1211 г.), дая ему по своемъ животѣ Владиміръ, а Ростовъ Юрью. Константинъ, узнавъ о такомъ рѣшеніи, отказался ѣхать къ нему, и спрашивалъ себѣ Ростовъ вмѣстѣ со Владиміромъ. Отецъ послалъ за нимъ во второй разъ, и получилъ тотъ же отказъ и тоже требованіе. Разгнѣванный Всеволодъ рѣшился лишить старшаго непослушнаго, доселѣ любимаго сына Константина великаго княжества. Онъ созвалъ, со всѣхъ волостей и городовъ, бояръ, игуменовъ, поповъ, купцовъ, дворянъ и всѣхъ людей, епископа Іоанна,—новое явленіе,—и отдалъ по себѣ Владиміръ сыну своему Юрью, (женатому за годъ на Всеволодовнѣ, дочери Чермнаго, 1210 г.) приказалъ ему всю братью, и всѣхъ водилъ кресту. Всѣ люди цѣловали крестъ на Юрья, Константинъ же воздвиже брови своя съ гнѣвомъ на братью свою, а болѣе всѣхъ на Юрья.

Такимъ образомъ В. К. Суздальскій увидѣлъ въ этой братней распрѣ начало того зла, той болѣзни, которая разстроила, ослабила и приводила къ гибели всѣ Русскія княжества; такимъ образомъ предъ его глазами началися междоусобія, приготовившія Суздальскому княжеству, вмѣстѣ съ размноженіемъ князей одинакую участь, съ участію древнѣйшихъ княжествъ, оказалось, что сила его была также случайною, временною, какъ Андреева, Мономахова, и зависѣла отъ его личности, равно какъ отъ стеченія счастливыхъ обстоятельствъ, не заключая въ себѣ ничего прочнаго, не смотря на наружный блескъ и далекую славу. Всеволодъ достигъ своей цѣли только для того, чтобы на верху своего могущества, когда желать ему ничего не оставалось, увидѣть разрушеніе своего зданія, стольже легкое и скорое, какъ было и разрушеніе братняго зданія,—увидѣть на старости, при смерти, открывшійся внезапно и неожиданно, подъ его ногами, источникъ зла, который грозилъ его потомству тѣмъ же наводненіемъ, въ коемъ потонули князья южной Руси.

Онъ не долго пережилъ свое огорченіе, и скончался Апрѣля 14, въ 1212 году, имѣя слишкомъ шестдесятъ лѣтъ отъ роду. Лѣтописецъ такъ изображаетъ его свойства: много мужествовавъ и дерзость имѣвъ, на бранехъ показавъ, украшенъ всѣми добрыми нравы злыя казня, а добросмысленныя милуя: князь бо не туне мечь носитъ, въ месть злодѣемъ, а въ похвалу добро творящимъ... судя судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лица сильныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меньшихъ, и работящихъ сироты и насильствующимъ.» Въ лѣтописи записаны два его полюдья.

Семейство оставилъ Всеволодъ многочисленное, по коему и прозывается онъ въ Родословныхъ книгахъ: Большое гнѣздо.

Сыновья его: Константинъ, (род. 1185), Георгій (род. 1187), Ярославъ (род. 1191), Володимеръ (род. 1192), Святославъ (род. 1196), Иванъ (род. 1198), Борисъ (род.

* См. въ исторіи Кіевскаго княжества. с. 208, Галицкаго, с. 280 и проч.—Черниговскаго, с. 230.

1187), и Глѣбъ, скончались въ младенчествѣ, первый (1188), послѣдній въ (1189) г. Дочери: Всеслава, за мужемъ (1186) за Ростиславомъ Ярославичемъ Черниговскимъ, Верхуслава, за Ростиславомъ Рюриковичемъ Кіевскимъ (1187), Елена, сконч. въ 1203 г., Пелагея-Сбыслава, четвертая дочь, род. 1180 г.

Памятниками Всеволодова княженія остались во Владимирѣ: Соборъ св. Димитрія, основанный имъ въ честь своего ангела. Онъ успѣлъ пріобрѣсть для этого собора гробовую доску отъ св. Димитрія Селунскаго, вмѣстѣ съ сорочкою святаго мученика, что было поводомъ къ великому торжеству во Владимирѣ въ 1197 году.

Монастырь Рождественскій, (1192—1196), гдѣ до времени Петра перваго почивали мощи св. Александра Невскаго.

Всеволодомъ поставлены были многія церкви и въ другихъ городахъ его княжества: въ Суздалѣ Святыя Богородицы, «яже бѣ опадала старостью и безнарядьемъ.»

Крѣпости построилъ онъ въ старомъ Городцѣ Остерскомъ близь Кіева, въ Переяславѣ, въ Суздалѣ, (срубленъ градъ 1190), и во Владимирѣ (1194).

Не успѣли братья опустить тѣло своего отца, В. К. Всеволода, въ могилу, какъ и начались распри. Великій Князь Владимирскій не могъ уже думать ни о Новѣгородѣ, ни о Кіевѣ, ни о какомъ значеніи предъ прочими князьями, а развѣ только о томъ, какъ удержать за собою столицу, угрожаемую соперниками.

Первымъ дѣломъ *Георгія* было отпустить Рязанскихъ князей съ ихъ людьми и епископомъ Арсеніемъ.

Между тѣмъ старшій братъ Константинъ приготовляется къ войнѣ въ своемъ Ростовѣ. Къ нему передался братъ Святославъ. Чтобъ предупредить ихъ, Георгій, собравъ полки, пошелъ съ остальными братьями къ Ростову.

Князья помирились, но не надолго. Володимеръ бѣжалъ отъ Георгія къ Константину, который далъ ему вызванному съ Волока, Москву, а Святославъ бѣжалъ отъ Константина къ Георгію, которой далъ ему Юрьевъ Польской.

Въ слѣдующемъ году 1213 новая война, набѣги и опустошенія, (Константинъ около Костромы, Георгій около Ростова) и примиреніе. Володимера Георгій вывелъ изъ Москвы, и далъ ему Переяславль Русскій.

Прошло два года въ покоѣ; но вражда между братьями не утихала, и первый встрѣтившійся случай ее обнаружилъ: третій братъ ихъ Ярославъ призванъ былъ на столъ въ Новгородъ, и дѣйствіями самоуправства, жестокими поступками, вывелъ гражданъ изъ терпѣнія. Мстиславъ, прежній любимый князь, явился къ нимъ на помощь. Онъ началъ войну противъ Ярослава, который ушелъ предъ тѣмъ въ Торжекъ, захвативъ съ собою многихъ знатныхъ Новгородцевъ, и держалъ нѣсколько посольствъ, присланныхъ за нимъ изъ Новагорода, а также и всѣхъ Новгородцевъ, попавшихся ему въ руки. Мстиславъ, оставляя Ярослава въ Торжкѣ, рѣшился идти къ Переяславлю, въ надеждѣ на помощь брата Ярославова Константина, въ чемъ и не ошибся. Константинъ Ростовскій присоединилъ къ нему свои полки.* Ярославъ изъ Переяславля ушелъ во Владимиръ къ брату Георгію.

Новогородская война приняла другое значеніе. Междоусобіе перенеслось въ предѣлы Суздальскаго Княжества, дотолѣ почти

* См. выше въ исторіи Новгородскаго княжества, с. 326.

свободнаго отъ войнъ. Дѣло пошло не объ одной выручкѣ Новогородскихъ мужей и спорѣ между Мстиславомъ и Ярославомъ, а о столѣ Великаго княжества: кому сидѣть—старшему Константину, имѣвшему право, или младшему Юрью, которому отдалъ отецъ.

И Юрій, почувствовавъ это, поднялъ всю свою силу—и Суздальцевъ, и Муромцевъ, и Бродниковъ, и Городчанъ, «было согнано и до поселей и до пѣшцевъ.» Нечего говорить, что и Ярославъ вывелъ всѣ свои полки, съ захваченными Новгородцами и Новоторжцами; меньшіе братья также. У Юрья стяговъ было 13, а трубъ и бубновъ 40. Константинъ со всѣми своими полками былъ при Мстиславѣ. «Оле страшно чудо и дивно, братья,» восклицаетъ лѣтописатель, «дѣти шли на отца, братъ на брата, рабы на господина, а господинъ на рабовъ.»

Во Владимирскомъ княжествѣ, на сѣверѣ, начинались тѣ же междоусобія, что были и на югѣ, между Князьями Кіевскими, Черниговскими, Галицкими и прочими.

Полки сблизились.

Ярославъ и Юрій стояли на рѣкѣ Кзѣ, а Мтиславъ и Володимеръ съ Новогородцами поставили своихъ близъ Юрьева; Константинъ дальше, на рѣкѣ Липицѣ. Рѣшительный часъ наступилъ.

Какъ ни смѣлъ и запальчивъ былъ Мстиславъ, однако, увидѣвъ полки Юрья и Ярослава стояще, разсчелъ, что силы у нихъ далеко неравны, и испытывалъ мира. Онъ послалъ Ларіона Соцкаго къ своимъ противникамъ, сказать—князю Юрью: «Кланяемся. Обиды намъ съ тобою нѣтъ, обида намъ съ Ярославомъ.» Князь Юрій отвѣчалъ: «братъ Ярославъ и я едино есмя.» Князю Ярославу посолъ сказалъ отъ Мстислава: «пусти мужей Новогородскихъ; что зашелъ волости Новогородской, Волокъ, вороти, и миръ съ нами возми; крестъ намъ поцѣлуй.» Ярославъ отвѣчалъ: «мира не хочу, мужи у меня, а вы далеко зашли, и попали какъ рыба на сухо.»

Ларіонъ принесъ отвѣтъ того и другаго брата своимъ князьямъ. Тогда они послали къ обоимъ братьямъ вмѣстѣ послѣднюю рѣчь: «братья княже Юрій и Ярославъ! Мы пришли не на кровопролитье. Не дай Богъ крови творити. Управимся такъ. Мы всѣ одинъ родъ. Отдадимъ старѣйшинство князю Константину. Посадите его во Владимирѣ, а вамъ Суздальская земля вся.» Князь Юрій отвѣчалъ: «скажи братьѣ моей, князьямъ Мстиславу и Володимеру—вы пришли, такъ и уйдите, куда хотите. Если отецъ не смогъ помирить меня съ Константиномъ, то вамъ нечего браться за то. А брату Константину молви: переможешь насъ, тебѣ вся земля.»

Такъ надмилися Юрій и Ярославъ, видя свою силу, что не хотѣли слушать о мирѣ,—и начали пировать въ шатрѣ съ своими боярами. Веселье было шумное. Только и рѣчей, что о предстоявшей битвѣ. Почти всѣ не сомнѣвались въ побѣдѣ,—но было и противное мнѣніе. Одинъ бояринъ сказалъ Юрію и Ярославу: «а лучшебъ, князья, вамъ помириться, и отдать старѣйшинство князю Константину. Меньшая братья въ вашей воли, и спорить съ вами не будутъ. Подумайте о томъ, что при нашихъ полкахъ нѣтъ Ростиславова племени,—мудры тѣ князья, и рядны, и хоробры, а каковъ Мстиславъ Мстиславичь въ томъ племени, вы сами вѣдаете: дана ему отъ Бога храбрость изо всѣхъ! И мужи ихъ, Новогородцы и Смольяне, дерзи къ бою. А, господина, гадайта?» Не люба была эта

рѣчь князьямъ Юрью и Ярославу. За то другіе говорили: «князья Юрій и Ярославъ, не опасайтеся! Не было того ни при отцѣ вашемъ, ни при дѣдѣ, ни при прадѣдахъ, чтобъ вошелъ кто ратью въ сильную землю Суздальскую, и вышелъ изъ нея цѣлъ. Хотя бы вся Русская земля наступила,—и Галицкая, и Кіевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новогородская, и Рязанская, и тѣ не успѣли бы ничего противу нашей силы,—а нынѣшніе полки, да мы сѣдлами ихъ закидаемъ.» Такія слова нравились князю Ярославу, и онъ, жестокаго сердца, обратясь къ боярамъ и первымъ людямъ своимъ, сказалъ: «пришелъ бы товаръ въ руки, вамъ все—кони, брони, порты, только небрать никого живаго; кто возметъ, тотъ самъ будетъ убитъ. Хоть бы золотомъ у кого было шито оплечье, все равно, убивать; кто утечетъ изъ полка, не убитъ... поимаемъ... вѣшать, либо распинать. Чтобъ не осталось ни одного въ живыхъ. А о князьяхъ, что попадутся къ намъ въ руки, мы разсудимъ послѣ.»

Потомъ князья отпустили людей, и остались одни,—начали дѣлить города между собою. Князь Юрій заключилъ: «мнѣ, братъ князь Ярославъ, Владимирская земля и Ростовская, тебѣ Новгородъ, а Смоленскъ брату Святославу; Кіевъ отдать Черниговскимъ князьямъ, а Галичь намъ же.» Они поцѣловали крестъ между собою, и написали грамоты, чтобы того непереступати.

А что происходило въ Мстиславовомъ стану? Тамъ небыло такой надежды и веселья; напротивъ, сомнѣніе колебало сердца. Братья опасались больше всего, чтобъ Константинъ, убоясь силы, не измѣнилъ имъ. Долго толковали они между собою, и наконецъ привели его снова къ кресту,—потомъ начали приготовляться къ бою, и велѣвъ затрубить въ трубы, и кликнуть во всѣхъ полкахъ, двинулись къ Липицамъ, куда вызывали ихъ противники.

А Суздальцы, ночью, отошли отъ Липицъ чрезъ оврагъ на гору Авдову. Мстиславъ, Володимеръ, Константинъ и Всеволодъ, поставили свои полки на горѣ Юрьевой, подъ коей протекалъ ручей Тунегъ. Они послали еще къ Юрью трехъ мужей просить мира,— «а если не дашь мира, то отступи дальше па ровное мѣсто, и мы перейдемъ па вашу сторону; или мы оборотимся назадъ къ Липицамъ, а вы станете на наше мѣсто.» Юрій отвѣчалъ: «ни мира не беру, ни отступаю; вы прошли столько земли,— черезъ этотъ ли оврагъ не переберетесь.» Суздальцы надѣялись на свое укрѣпленіе: гора была оплетена плетнемъ, осована кольемъ, на случай ночнаго нападенія.

Завернула стужа, подулъ сильный вѣтеръ: князья послали было свою молодь противъ Ярославовыхъ людей, но какъ-то не жарко схватились они, бились цѣлый день до ночи, и ничего не вышло.

Среди опасеній, въ нерѣшимости, пришла имъ въ голову новая мысль—идти прямо ко Владимиру, оставленному безъ защиты. Не трогая полковъ, они начали доспѣвать въ станахъ. Противники, замѣтивъ движеніе, подумали, что они хотятъ бѣжать, спустились было съ горы, а тѣ оборотились и попятили Суздальцевъ. Между тѣмъ подоспѣлъ Володимеръ Псковскій изъ Ростова.

Константинъ отговорилъ идти на Владимиръ: «если мы пойдемъ мимо ихъ, то они возмутъ насъ въ тыпъ, а другое дѣло: мои люди къ бою не дерзки, разойдутся по городамъ.» «Такъ пойдемъ на нихъ прямо, братья Володимеръ и Константинъ,»

воскликнулъ Мстиславъ, которому становилось уже скучно среди этой неизвѣстности и нерѣшимости, — «гора насъ не побѣдитъ и гора намъ не поможетъ.» Это было Апрѣля 21, въ четвергъ, на второй недѣлѣ но Пасхѣ.

Полки выстроились: Володимеръ Смоленскій сталъ съ краю противъ Ярослава, подлѣ него Мстиславъ и Всеволодъ съ Новогородцами передъ Юрьемъ; Володимеръ Псковскій съ Псковичами, а за нимъ Константинъ съ Ростовцами, лицемъ къ меньшей братьѣ.

Мстиславъ и Володимеръ такъ укрѣпляли своихъ воевъ: «братья, мы вошли въ землю сильную: станемъ крѣпко. Назадъ оглядываться нечего; побѣгше не уйти! Позабудемъ же домовъ, женъ и дѣтей. Двухъ смертей небывать, одной не миновать. Биться будемъ, кто хочетъ пѣшій, кто хочетъ на конѣ.» Новогородцы закричали: «не хотимъ измрети на коняхъ, но какъ отцы наши на Колокшѣ будемъ биться пѣши,» — соскочили съ коней, сбросили съ себя платье, разулись, — и кинулись впередъ пѣшіе. Мстиславъ былъ тому очень радъ. Смольяне бросились также пѣшіе. За ними отрядилъ князь Володимеръ своего мужа Ивора Михайловича съ полкомъ, а сами князья и воеводы слѣдовали сзади на коняхъ.

Передніе, не дождавшись никого, съ крикомъ и воплемъ ударили въ Ярославовыхъ пѣшцевъ. Тѣ не выдержали перваго напора, подались назадъ, а эти за ними, — бьютъ, подсѣкаютъ стягъ Ярославовъ, — и вотъ подоспѣлъ съ полкомъ Иворъ, подъ, которымъ въ оврагѣ споткнулся было конь, и онъ едва выбрался отуда.... вмѣстѣ досѣкаются они до другаго стяга Ярославова.... здѣсь завязывается жаркая схватка, а князья еще недоѣхали. Мстиславъ видитъ издали опасность.... онъ не утерпѣлъ. «Не дай Богъ, братъ Володимеръ, выдать добрыхъ людей,» кричитъ онъ брату, и пускается во весь опоръ на противниковъ сквозь своихъ пѣшцевъ. Полкъ его за нимъ. За нимъ и Володимеръ съ Смольянами, Всеволодъ Мстиславичь съ дружиною. Ударили и Володимеръ съ Псковичами и Константинъ съ Ростовцами. Мтиславъ впереди. Ничто противустать ему не можетъ. Всѣ предъ нимъ уклоняются, всѣ пятятся. Три раза безъ сопротивленія проѣхалъ онъ сквозь полки Ярославовы и Юрьевы, сѣкучи топоромъ людей, кто попадался ему на дорогѣ. Топоръ у него былъ съ поворозою на рукѣ. Кого доставала его рука, тотъ уже не поднимался съ мѣста. Володимеръ не отставалъ отъ Мстислава. И такой крикъ поднялся отъ живыхъ, вытье отъ прободенныхъ, что въ городѣ Юрьевѣ было все слышно. Будто стонъ стоялъ въ полѣ. Враги, ошеломленные отъ ударовъ, объятые страхомъ, пустились бѣжать по всѣмъ дорогамъ, кто въ ближній городъ, кто во Владиміръ, кто въ Переяславль.

А Юрій еще держится противъ брата Константина. Вражда у нихъ закоренѣлая. Имъ сѣча па животъ или смерть. Побѣдителю столъ великаго княжества, побѣжденному нѣтъ надежды и на кусокъ хлѣба. Ему терять больше всѣхъ. Онъ держится. Братъ Ярославъ, виновникъ войны, стоитъ уже подлѣ него, помогаетъ....

Между тѣмъ Мстиславъ и Володимеръ досѣклись до Ярославовыхъ товаровъ. Вои его всѣ разбѣжались: Мстиславъ закричалъ: «братья Новогородцы! не стойте къ товару, прилежите бою, чтобъ не воротились они, образумясь. Тогда они вѣдь изматутъ насъ!» И Новогородцы стали крѣпко, а Смольяне

принялись грабить товары, —но никто не возвращался. Сѣча продолжается только на другой сторонѣ, да и тамъ уже недолго.

Юрій, видя «полки пожинаемые вездѣ яко класы на нивѣ,» видя вои Ярославовы сбиты, наконецъ смутился.... еще нѣсколько ударовъ.... страхъ запалъ въ сердце, и онъ въ отчаяньѣ поворотилъ своего коня въ сторону, братъ Ярославъ въ другую; они поскакали безъ памяти....

Трехъ коней задушилъ Юрій дорогою, — и прискакалъ во Владиміръ на четвертомъ, въ одной сорочкѣ; подкладъ и тотъ онъ изъ подъ себя выбросилъ. Ступъ былъ въ часъ обѣда, а онъ прискакалъ во Владиміръ о полуднѣ. Вотъ какъ онъ гналъ! Во Владимирѣ оставались только жены и дѣти, чернцы и попы. Завидя скачущаго ратника, они обрадовались, подумавъ: наши одолѣваютъ, посолъ отъ князя! А какъ спознали, что это былъ самъ князь Юрій, то ужасъ напалъ на всѣхъ. Юрій въ безпамятствѣ кричалъ еще издали: твердите городъ, твердите городъ, и началъ ѣздить около стѣнъ и распоряжаться. Къ вечеру набѣжали многіе съ битвы, кто раненый, кто нагой, полумертвой—и поднялся въ городѣ плачь вмѣсто жданнаго веселья....

Поутру князь созвалъ людей. «Братья Владимирцы,» сказалъ онъ жалобно, «затворимся въ городѣ. Можетъ быть, Богъ дастъ, мы отобьемся.» «Княже Юрій,» отвѣчали люди, «съ кѣмъ затвориться намъ? Братья наши избиты, а другіе изоиманы. Остальные прибѣжали безъ оружія. Съ кѣмъ же мы станемъ?» Князь Юрій сказалъ: «все это знаю, но не выдайте меня брату Константину, ни Мстиславу, ни Володимеру, чтобъ я вышелъ изъ города по своей волѣ.» Владимирцы обѣщались.

А что происходило съ Ярославомъ? Какъ Юрій во Владимиръ, такъ Ярославъ прискакалъ въ Переяславль на пятомъ конѣ, заморивъ четырехъ. Но ему мало было перваго зла, замѣчаетъ лѣтописецъ, ему мало было крови, пролитой въ Новѣгородѣ, Торжкѣ, на Волокѣ: съ сердцевъ, велѣлъ онъ перехватать всѣхъ Новогородцевъ и Смольянъ, которые пришли гостбою въ землю его, и пометать кого въ погребъ, кого въ тѣсную избу, кого въ гридницу,— полтораста ихъ въ одну ночь задохлось; только пятнадцать человѣкъ Смольянъ, посаженныхъ особо, остались въ живыхъ.

Возвратимся къ побѣдителямъ, или лучше къ побѣдителю, потому что онъ, Мстиславъ, одинъ, крѣпкой своею мышцею, доставилъ побѣду надъ непріятелемъ, который былъ ихъ во столько разъ сильнѣе.

Не уйдти бы Юрью и Ярославу, говоритъ лѣтописецъ, еслибъ Мстиславъ захотѣлъ ихъ преслѣдовать, и онъ въ тотъ же день изгонилъ бы Владимиръ. Но, милостивое племя Ростиславле, князья не хотѣли гнаться, и остались на мѣстѣ побоища. На другой день тихо подошли вои ко Владимиру, и остановились предъ стѣнами. Князья объѣхали стѣны, кругомъ высматривая, съ которой стороны занять его. Ночью загорѣлся княжій дворъ. Въ суматохѣ легко было напасть на городъ и ворваться; такъ и хотѣли Новогородцы,—по великодушный Мстиславъ не пустилъ; его примѣру послѣдовалъ и Володимеръ, не позволивъ на другую ночь, во вторникъ, Смольянамъ воспользоваться новымъ общимъ пожаромъ города, со втораго часа ночи до свѣта. Юрій выслалъ къ князьямъ съ челобитьемъ: «не ходите на меня теперь, а заутро я самъ выйду изъ города.»

Поутру рано выѣхалъ Князь Юрій съ двумя братьями, поклонился князьямъ Мстиславу и Володимеру, и сказалъ: «Братья, вамъ челомъ бью! Вамъ животъ дати и хлѣбомъ накормити, а братъ мой Константинъ въ вашей воли, онъ не будетъ спорить о томъ, что вы обо мнѣ положите.»

Мстиславъ и Володимеръ управили ихъ, и отдали старшему Константину столъ великаго княжества, а Юрью Радиловъ городецъ, куда тотъ немедля и отплылъ, въ ладьяхъ и насадахъ, съ женою и людьми своими. Оставляя любезный свой Владимиръ, онъ зашелъ въ Соборъ, и ударивъ челомъ у отчаго гроба, плачущій сказалъ: «суди Богъ брату Ярославу—до чего онъ меня довелъ.» А Константинъ въѣхалъ въ Владимиръ, встрѣченный священствомъ и всѣми людьми, одарилъ всѣхъ князей и бояръ на радостяхъ многими дарами, и привелъ Владимирцевъ къ кресту.

Ярославъ, между тѣмъ, затворился въ Переяславлѣ, «пребывая въ злобѣ, и дыша гнѣвомъ.» Онъ не хотѣлъ покориться, надѣяся выдержать осаду. Но не долго продолжалась его надежда. Мстиславъ не думалъ оставить дѣла безъ конца. Въ пятницу, на третьей недѣлѣ по Пасхѣ, двинулись его вои къ Переяславлю.... и смутился Ярославъ! Увидя, что какъ-нибудь дѣло кончиться не можетъ, началъ высылать пословъ на встрѣчу князьямъ, моляся о мирѣ. Князья шли впередъ, неслушая его рѣчей.

Во вторникъ поутру выѣхалъ онъ самъ, и какъ ни тяжело было его гордому сердцу, ударилъ челомъ князю Константину: «Господине! Дѣлай со мною что хочешь. Не выдавай меня только отцу моему князю Мстиславу, ни князю Володимеру, а накорми хлѣбомъ самъ, какъ тебѣ угодно.»

И князь Константинъ исполнилъ его желаніе, управилъ его съ тестемъ, велѣлъ освободить Новогородскихъ мужей, бояръ, купцевъ, возвратить ихъ имѣніе, отказаться отъ волостей. Не доходя еще Переяславля, князья уладилися между собою совершенно.

Въ среду на Преполовенье пришли они къ городу. Ярославъ одарилъ князей и воевъ многими дарами. Мстиславъ принялъ дары, но въ городъ въѣхать не хотѣлъ, а потребовалъ къ себѣ только дочь, жену Ярославову, также, что живыхъ оставалось тамъ Новогородцевъ, и расположился станомъ за городомъ. Князь Ярославъ нѣсколько разъ присылалъ къ тестю съ мольбою о своей княгинѣ, но Мстиславъ оставался непреклоннымъ. Напрасно Ярославъ говорилъ: «мало ли какія ссоры бываютъ между князьями. Я виноватъ, и крестъ меня убилъ,» но Мстиславъ никакъ не хотѣлъ отпустить къ нему дочери.

Константинъ сѣлъ на столъ великаго княжества, принадлежавшій ему по старшинству.

Ему, набожному и благочестивому, сѣверная сторона обязана основаніемъ знаменитыхъ церквей, преимущественно въ любимомъ имъ Ростовѣ, Ярославлѣ, Владимирѣ. Во Владимирѣ, принесеніе епископомъ Полоцкимъ мощей Логина сотника и Маріи Магдалины, положенныхъ въ соборѣ Димитріевомъ, подало поводъ къ великому торжеству церковному и народному.

Добрый отъ природы, онъ примирился вскорѣ съ братомъ Георгіемъ, которому еще при отцѣ не хотѣлъ уступать любимаго Ростова, и послѣ спорилъ о старѣйшинствѣ. Онъ призвалъ его изъ Радилова городка съ Симономъ и боярами, и сказалъ ему: по животѣ моемъ Владимиръ тебѣ, нынѣ возми себѣ Суздаль.

Братъ Володимеръ, возвратившійся изъ Руси, получилъ еще прежде Стародубъ.

Сыновьямъ своимъ, малолѣтнымъ, онъ далъ удѣлы: Васильку Ростовъ, и Всеволоду Ярославль.

Лѣтописецъ влагаетъ ему въ уста слѣдующее наставленіе: чада моя возлюбленная! будьте въ любви между собою, Бога бойтеся,. заповѣди соблюдайте, примите мои нравы, что видѣли меня творяща, нищихъ и вдовицъ непрѣзрите, церкви не отлучайтесь, іерейскій и монашескій чинъ почитайте, книжнаго поученья слушайтесь, слушайтесь старшихъ, что васъ на добро учатъ, потому что вы еще въ младоденствѣ. Чувствую, что я долженъ умереть скоро, поручаю васъ брату и господину Георгію, который заступитъ для васъ мое мѣсто.

Дѣйствительно, онъ скончался въ слѣдующемъ году, (1217), на Срѣтенный день. Преданіе приписываетъ ему особенную любовь къ образованію и собраніе книгъ. Епископъ Симонъ торжественно положилъ его тѣло подлѣ Андреева, въ храмѣ Владимирской Богоматери. Весь народъ собрался на его погребеніе. Княгиня Константиновая постриглась надъ его гробомъ, и не прожила больше двухъ лѣтъ послѣ своего мужа.

Георгій занялъ тогда столъ великокняжескій безпрекословно.

Въ владѣніяхъ, принадлежавшихъ одному Андрею и одному Всеволоду, теперь уже стало семь князей: братья—Ярославъ княжилъ въ Переяславлѣ, Святославъ въ Юрьевѣ, Володимеръ въ Стародубѣ, Иванъ... племянники Василько въ Ростовѣ, Всеволодъ въ Ярославлѣ. Они жили впрочемъ довольно дружно, хоть и не безъ временныхъ неудовольствій, и слушались старшаго брата, который былъ ихъ всѣхъ сильнѣе.

Княженіе Георгіево примѣчательно распространеніемъ предѣловъ Руси на востокъ, куда путь проложили еще первые князья: Юрій, Андрей и Всеволодъ, еще предъ кончиною посылавшій своего меченошу Козьму Ратшича, который взялъ Тепру. Нѣсколько разъ ходили его полки на Мордву и на Болгаръ.

Въ 1220 г., въ отмщеніе Болгарамъ, которые за годъ приходили на Устюгъ, и взяли его лестію, и нападали на Унжу, Георгій посылалъ на нихъ свои полки съ братомъ Святославомъ, къ которому присоединились полки Переяславскій отъ Ярослава, Ростовскіе отъ Василька, Муромскіе съ молодыми своими князьями. Воеводою опредѣленъ Еремей Глѣбовичь. Ополченіе собралось на Волгѣ, въ устьѣ Оки, въ ладьяхъ и насадахъ, и поплыло внизъ. Отъ Исадъ противъ Болгарскаго города Ошля вышло оно на берегъ, и двинулось лѣсомъ. Болгаре встрѣтили ихъ на коняхъ, выстрѣлили разъ, и обратились въ городъ, гдѣ и заперлись. Острогъ около города былъ укрѣпленъ дубовымъ тыномъ, за нимъ два оплота, между которыми насыпанъ валъ. По тому валу скакали воины и стрѣляли изъ-за тына. Святославъ устремился къ городу, отрядилъ впередъ людей съ огнемъ и сѣкирами, за ними стрѣльцевъ и копейщиковъ. Передовые подрубили тынъ, разсѣкли оплоты и зажгли. Болгаре всѣ побѣжали въ городъ, наши вслѣдъ и зажгли городъ. Дымъ поднялся къ небу, и вдругъ вѣтромъ потянуло его отъ города на полки Святославовы. Отъ дыма и зноя, безъ воды, воинамъ стало не въ терпежъ, и Святославъ велѣлъ всѣмъ отступить и отдохнуть. Отдохнувши Святославъ сказалъ: «пойдемъ-те братцы съ повѣтру, на другую сторону.»

Полки обошли городъ. Князь воскликнулъ: братцы и други! сегодня намъ на долю добро или зло, примемся крѣпко,—и бросился къ городу впереди всѣхъ. Воины поскакали за нимъ, подрубили тынъ, разсѣкли оплоты, и съ этой стороны зажгли. Болгаре бѣжать. Полки за ними, сѣкуще, вѣтеръ разносилъ пламя повсюду. Городъ загорѣлся, со всѣхъ сторонъ послышался тамъ стонъ и вопль. Князь Болгарскій выбѣжалъ другими воротами, и спасся на коняхъ въ малой дружинѣ. Что выбѣжало за нимъ пѣшцевъ, то всѣ были побиты. Женщины и дѣти побраты въ плѣнъ. Другіе сгорѣли въ городѣ. Иные предали себя смерти сами. Святославъ дождался, пока весь городъ сгоритъ,—нѣкоторые изъ воевъ сунулись было въ городъ для корысти, и едва спаслись отъ огня. По взятіи Ошля, Іюня 15, Святославъ воротился къ лодьямъ, и поплылъ вверхъ по Волгѣ. Болгаре изъ великаго града и прочихъ городовъ, услышавъ о разореніи Ошля, собрались съ князьями своими на берегъ, кто на коняхъ, кто пѣшіе. Князь велѣлъ полкамъ своимъ оболочиться въ брони, паволочить стяги, и бьюще въ бубны, трубя въ трубы и сопѣли, проплыли они мимо несчастныхъ, которые, видя своихъ соотечественниковъ, уводимыхъ въ неволю, кто отца, кто дѣтей и родныхъ, прощались съ ними, плача и рыдая. Въ устьѣ Камы пришелъ къ нимъ Вячеславъ Добрыничь съ Ростовцами и Устюжанами, посланный прежде Василькомъ изъ Устюга воевать по Камѣ. Они привезли также много полона и добычи. Святославъ послалъ вѣсть брату Георгію о счастливомъ окончаніи похода. Дошедъ до Городца, онъ вышелъ изъ лодей, и отправился къ Владиміру на коняхъ. Георгій встрѣтилъ ополченіе въ Боголюбовѣ, на рѣкѣ Сурамлѣ, и сотворилъ брату и воямъ во Владимірѣ учрежденіе веліе по три дни, одарилъ всѣхъ, начиная съ брата, дарами многими, золотомъ, серебромъ, порты разноличными, поволоками, аксамитами, бѣлью, коньми, оружіемъ коегождо по достоинству.

На зиму прислали Болгаре пословъ къ Георгію просить мира. Онъ не согласился на ихъ просьбу и началъ приготовляться къ новому походу, велѣлъ Васильку идти на Городецъ, и вслѣдъ за нимъ самъ отправился въ путь. Когда онъ былъ на Омуту, пришли вторые послы Болгарскіе съ челобитьемъ. Великій Князь не слушалъ ихъ, продолжалъ путь, и достигнулъ Городца, гдѣ присоединился къ нему и племянникъ Василько. Послы повѣстили своимъ, что князь уже въ Городцѣ, мира не даетъ, но хочетъ идти опять на нихъ; Болгаре послали третьихъ пословъ съ мольбами и дарами великими. Георгій принялъ ихъ, постановилъ быть миру, какъ стоялъ при отцѣ его Всеволодѣ и дѣдѣ Георгіѣ, и отправилъ мужей своихъ водить ихъ ротѣ по ихъ закону.

Въ слѣдующемъ (1221) году для утвержденія своей власти на востокѣ, Георгій поставилъ, при слитіи рѣкъ Оки и Волги, Новгородъ нижній.

Новгородъ, освободившійся, помощію Мстислава изъ-подъ ига Всеволодова, подъ конецъ его жизни, почувствовалъ опять свою зависимость отъ Владимірскихъ князей, и послѣ Мстислава, избиравъ къ себѣ на столъ иныхъ князей, Смоленскихъ и Кіевскихъ, обратился наконецъ къ В. К. Суздальскому Георгію, послалъ къ нему владыку Митрофана, посадника Ивана и старѣйшихъ мужей, просить у него сына,—и онъ далъ имъ (1222) Всеволода, на всей

впрочемъ волѣ Новогородской; въ томже году прислалъ имъ брата Святослава въ помощь противъ Чуди. Но Всеволодъ оставался у нихъ не долго, и на ту же зиму бѣжалъ отъ нихъ тайно ночью со всѣмъ дворомъ своимъ, можетъ быть, изъ ложнаго страха. Новогородцы прискорбные послали опять къ Георгію старѣйшихъ мужей своихъ: если тебѣ неугодно, сказали они, держать Новагорода сыномъ, то дай намъ брата, — и Георгій далъ имъ Ярослава, столько имъ противнаго, а черезъ годъ (1223) опять сына Всеволода, который, неполадивъ по прежнему, ушелъ опять ночью съ дворомъ своимъ на Торжекъ. Туда пришелъ къ нему отецъ съ своими послами, братъ его Ярославъ, Василько съ Ростовцами, Михаилъ съ Черниговцами. Новогородцы прислали къ нему двухъ мужей просить: княже, пусти къ намъ дѣтя, а самъ съ Торжку иди. Георгій отвѣчалъ: выдайте мнѣ такихъ-то мужей; не выдадите, я поилъ копей Тверью, напою и Волховомъ. Новогородцы выдать мужей не хотѣли, и начали укрѣплять свой городъ. Поймите у меня шурина моего Михаила, предложилъ послѣднее свое условіе Георгій; Новогородцы согласились, и Великій князь, причинивъ имъ много пакости, и взявъ семь тысячь новую, оставилъ ихъ предѣлы.

Что касается до южной Руси, Переяславль оставался въ распоряженіи Великаго Князя Суздальскаго, и Георгій съ самаго начала послалъ туда брата Володимера, (1215), который ходилъ оттуда на Половцевъ, былъ разбитъ ими и взятъ въ плѣнъ.

Володимеръ, княживъ въ Переяславлѣ, оженился Глѣбовною Черниговскаго князя. Старшій сынъ Георгія Володимерною Рюриковича Кіевскаго.

Самъ Георгій женатъ былъ на дочери Всеволода Чермнаго, и сыну его, содѣлавшемуся въ послѣдствіи знаменитымъ и святымъ, Михаилу, Георгій помогалъ (1224) получить Новгородъ, приходилъ также на помощь противъ Олега Курскаго (1223), съ которымъ заключить миръ содѣйствовалъ случившійся тамъ Митрополитъ Кириллъ.

Михаилъ провинился однако же передъ братомъ Георгія, Ярославомъ, который собрался на него войною. Тогда съ юга прибыло великое посольство во Владимиръ, отъ Володимера Рюриковича Кіевскаго, и Михаила Всеволодовича Черниговскаго, митрополитъ Кіевскій, епископъ Черниговскій, многіе игумены и бояре, просить у В. К. посредства, и Ярославъ послушался своего брата, къ великому удовольствію всѣхъ.

Вообще послѣ войны братьевъ, рѣшившейся сраженіемъ при Липицѣ, хотя они жили довольно дружно, опасаясь В. К. Георгія, который все-таки былъ сильнѣе ихъ всѣхъ, но бывали предлоги и къ недоразумѣніямъ, грозившіе обычными слѣдствіями.

МУРОМСКОЕ КНЯЖЕСТВО.

Муромъ, на рѣкѣ Окѣ, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ въ Россіи, основанный, вѣроятно, Новогородцами, еще до Рюрика, среди Финскаго племени Муромы. Этотъ городъ имѣлъ издревле по Окѣ торговыя сношенія съ Болгарами, жившими по средней Волгѣ.

Ко времени Володимера святаго народныя пѣсни относятъ подвиги знаменитаго Русскаго богатыря, Ильи Муромца, котораго имя до сихъ поръ слышится во многихъ мѣстностяхъ около смежнаго съ городомъ села Карачарова.

Володимеръ отдалъ Муромъ Глѣбу, преданному смерти въ Смоленскѣ, на пути отсюда въ Кіевъ, сообщниками Святополка.

По раздѣленію Ярослава, Муромъ достался второму сыну, Святославу, и его потомству.

Послѣ него на короткое время занялъ было его сынъ Мономаховъ, Изяславъ, и принужденъ былъ возвратить прибывшему Олегу Святославичу, — на сраженіи, па которомъ лишился жизни (1095).

По Любецкому съѣзду, Муромъ утвержденъ за сыновьями Святослава, и меньшій сынъ его, Ярославъ, является основателемъ здѣсь гражданскаго устройства, и насадителемъ христіанской вѣры, какъ свидѣтельствуетъ житіе его, — подъ именемъ Константина, послѣ упорной борьбы съ здѣшнимъ идолопоклонствомъ.

Въ 1123 году, по смерти старшаго брата Давида, онъ получилъ право на столъ Черниговскій, и предоставилъ Муромъ, по обычаю, племяннику, Всеволоду Давидовичу.

Въ Черниговѣ прокняжилъ онъ недолго: другій племянникъ, Всеволодъ Ольговичь, напалъ на него въ расплохъ, изсѣкъ его дружину и разграбилъ. Самаго же отпустилъ въ Муромъ (1128).

Ярославъ обращался оттуда къ В. К. Кіевскому Мстиславу за защитой и помощью, которую тотъ сначала обѣщалъ съ клятвой, но, послѣ, умилостивленный зятемъ своимъ Всеволодомъ, и убѣжденный духовенствомъ, отказался.

Ярославъ долженъ былъ возвратиться назадъ въ Муромъ, и Муромское княжество отдѣлилось такимъ образомъ совершенно отъ Черниговскаго.

Ярославъ скончался въ 1129 году, оставивъ трехъ сыновей: Святослава, Ростислава, Георгія.

При нихъ Муромское княжество раздѣлилось на Муромское и Рязанское.

Ростиславъ Ярославичь, по требованію В. К. Изяслава Мстиславича, присланному полемъ, воевалъ (1146) область Юрьеву, во время войны его на югѣ за Игоря Ольговича, чтобъ развлечь его силы.

Въ слѣдующемъ году онъ долженъ былъ бѣжать отъ напавшихъ Юрьевичей, Ростислава и Андрея. А наконецъ (1152) принужденъ былъ подавать помощь Юрью.

Имъ основанъ на берегу Оки городъ Ростиславль 1153.

Муромскіе князья вскорѣ подчинились Суздальскимъ, и полки ихъ упоминаются во всѣхъ походахъ В. К. Андрея, Всеволода и Георгія, на Кіевъ (1169, 1173), Новгородъ (1170, 1181, 1215), Рязань (1185, 1186), Черниговъ (1190, 1207), Болгаръ (1164, 1172, 1182, 1184, 1220).

РЯЗАНСКОЕ КНЯЖЕСТВО.

Старая Рязань, верстахъ въ пятидесяти отъ новой Рязани, нынѣ довольно обширное село, по теченію Оки, на правомъ берегу. Часть природной крутизны влѣво при переправѣ именуется Сокольею горою, а далѣе, на возвышеніи, гдѣ поселена деревня, Фатьяновымъ столпомъ. Вправо еще болѣе возвышенъ нагорный берегъ, и на самой вершинѣ его находится *городокъ*, въ длину 389, въ ширину 336 саженъ, обнесенный съ трехъ сторонъ довольно высокимъ валомъ, а съ четвертой, западной, укрѣпленный крутымъ берегомъ Оки, близь протекающей.

Рязанское княжество отдѣлилось отъ Муромскаго окончательно со временъ Глѣба Ростиславича, который, получивъ Рязань отъ отца, перешедшаго въ Муромъ, началъ собою особую княжескую отрасль (1144).

Въ 1155 году Рязанскіе князья входятъ въ сношеніе съ Смоленскимъ княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ, противъ Суздаля, и причисляются къ его ротникамъ: «имѣяхуть и' отцемъ себѣ.»

Въ княженіе В. К. Владимирскаго, Андрея Боголюбскаго, Рязанскіе князья подчиняются ему, наравнѣ съ Муромскими, и принимаютъ участіе во всѣхъ его походахъ.

По убіеніи Андреевомъ (1174), на вѣчѣ во Владимирѣ было думано: «Князь нашъ убитъ, дѣтей у него нѣтъ, одинъ сынокъ въ Новѣгородѣ, а братья въ Руси. Кого выбрать намъ въ князья: ну какъ сосѣди наши, Рязанскіе и Муромскіе князья, нападутъ на насъ внезапно, пока князей нѣтъ: пошлемъ лучше къ Глѣбу просить у него шурьевъ (сыновьевъ Ростислава, старшаго брата Андреева, Мстислава и Ярополка)— пусть отправитъ пословъ за ними вмѣстѣ съ нашими послами.»

Совѣтъ подали Рязанскіе послы Дѣдилецъ и Борисъ: роковое вмѣшательство, приведшее ихъ родину къ погибели!

Глѣбъ обрадовался чести, на него возлагаемой, и исполнилъ желаніе дружинъ.*

Ростиславичи пришли и водворились въ Ростовѣ и Владимирѣ, но имъ не посчастливилось въ землѣ Суздальской; неблагоразумнымъ правленіемъ они возбудили противъ

* См. въ исторіи Суздальскаго княжества, с. 356.

себя негодованіе гражданъ; въ происшедшемъ междоусобіи между ними и ихъ дядями, вновь призванными, изъ Руси, Рязанцы помогали первымъ, и должны были пострадать за свое участіе.

Михалко пришелъ на нихъ войною. Глѣбъ выслалъ къ нему пословъ на встрѣчу къ рѣкѣ Мерской, съ повинною, и обѣщалъ возвратить все награбленное во Владимирѣ, и полученное отъ Мстислава и Ярослава, до золотника, образъ Святоі Богородицы, книги, и пр., что̀ и исполнилъ.

Михалко вскорѣ умеръ, и, во вновь происшедшей войнѣ, Глѣбъ Рязанскій, помогая шурину Мстиславу Ростиславичу, который не принятый въ своемъ Новѣгородѣ обратился за помощью къ нему, пошелъ войною на Всеволода, и сжегъ городъ его Москву. Всеволодъ, въ ожиданіи Новогородцевъ, не могъ мѣшать ему (1176).

На зиму Глѣбъ пришелъ и къ Владимиру съ Половцами. А Всеволодъ, напротивъ, подступилъ было къ Коломнѣ, думая встрѣтить его тамъ.

Глѣбъ опустошилъ волости, пожегъ многія села боярскія, отдалъ женъ и дѣтей на щитъ, ограбилъ церкви, особенно Андрееву Боголюбскую. Всеволодъ воротившись встрѣтилъ Глѣба на рѣкѣ Колокшѣ съ полономъ.

Цѣлыймѣсяцъ стояли одинъ противъ другаго противники, задерживаемые рѣкою. На масленицѣ Всеволодъ переправилъ свои воза на ту сторону рѣки, гдѣ стоялъ Глѣбъ.

Глѣбъ отрядилъ противъ нихъ Мстислава Ростиславича. Всеволодъ прислалъ въ помощь племянника Володимера съ Переяславцами. А Глѣбъ съ сыновьями и Ярополкомъ, переправясь черезъ Колокшу, пошелъ на Прускову гору противъ Всеволода. Не успѣли они еще дойти до него на стрѣлище, какъ увидѣли, что Мстиславъ отряженный впередъ, не выдержавъ нападенія, побѣжалъ.

Тогда и Глѣбъ, постоявъ мало, за нимъ послѣдовалъ.

Всеволодъ, преслѣдуя, всѣхъ ихъ забралъ въ полонъ, Глѣба съ сыновьями, шурина его Мстислава, перевязалъ его думцевъ: Бориса Жирославича, Ольстина, Дѣдильца и прочихъ.

Подъ стражею во Владимирѣ они всѣ едва были спасены отъ ярости народной, и посажены въ порубъ.

За Ярополкомъ Ростиславичемъ, остававшимся въ Рязани, Всеволодъ послалъ пословъ: у васъ скрывается нашъ ворогъ; если не выдадите, то я пріиду съ войною.

Рязанцы сдумавши на вѣчѣ порѣшили: «князь нашъ и бояре наши погибли изъ-за чужаго князя,» поѣхали въ Воронежъ, взяли Ярополка, и отвезли сами во Владимиръ.

Жена Глѣбова послала къ Черн овскому князю Святославу Всеволодовичу просить его ходатайства о мужѣ, сынѣ и братьяхъ. Святославъ прислалъ Порфирія, епископа Черниговскаго, и Ефрема игумена, которыхъ Всеволодъ задержалъ у себя два года. Святославъ предлагалъ отправить Глѣба въ Русь, но Глѣбъ не соглашался: лучше здѣсь умру, говорилъ онъ, но не пойду. И онъ дѣйствительно умеръ Іюня 30 (1179), а вслѣдъ за нимъ и жена его. Сынъ Романъ былъ отпущенъ въ Рязань, приведенный ко кресту.

Въ слѣдующемъ году (1180) братья перессорились, дѣля между собою Рязанскую отчину. Всеволодъ и Володимеръ Глѣбовичи

прислали къ В. К. Всеволоду жалобу на старшаго своего брата Романа: ты господинъ, ты отецъ,—братъ нашъ Романъ отнимаетъ у насъ волости, слушая тестя своего Святослава, а къ тебѣ онъ крестъ цѣловалъ, и переступилъ.

Всеволодъ двинулся на Рязань; въ Коломнѣ встрѣтили его княжичи съ поклономъ; туда подошелъ и Глѣбъ, сынъ Святослава Черниговскаго, котораго онъ присылалъ зятю Роману въ помочь. Всеволодъ пригласилъ его къ себѣ, тотъ волею-неволею долженъ былъ принять приглашеніе, потому что былъ въ его рукахъ. Окованный онъ былъ отправленъ во Владиміръ.

Сторожа Рязанскіе встрѣтились съ Суздальскими, перебродясь черезъ Оку, и были разбиты ими, припертые къ рѣкѣ. Романъ, услышавъ это, бѣжалъ въ поле мимо Рязани, затворивъ въ ней братьевъ Игоря и Святослава. Всеволодъ взялъ городъ Борисовъ-Глѣбовъ, и подъ Рязанью заключилъ миръ съ Романомъ на всей воли своеіі, порядъ сотворивъ всей братьѣ, и роздавъ имъ волости по старшинству.

Святославъ Черниговскій, мстя за сына, приходилъ на него войною, и Рязанскіе князья должны были помогать Всеволоду, равно какъ и Муромскіе, но этотъ походъ остался безъ послѣдствій. *

Рязанскіе князья вмѣстѣ съ Муромскими участвовали въ походѣ В. К. Всеволода на Болгаръ 1184 года.

Въ 1186 году, братья опять перессорились между собою: Романъ, Игорь, Володимеръ, со Всеволодомъ и Святославомъ, зовя ихъ къ себѣ лестью, думали захватить и убить ихъ.

Узнавши меньшіе отошли къ Пронску, и принялись городъ твердить. Старшіе явились съ полкомъ и начали воевать городъ и села.

Великій Князь Суздальскій хотѣлъ ихъ уговорить, по напрасно. Они раздражились еще болѣе. Осажденные просили Всеволода о помощи; онъ послалъ Владимирской дружины 300 человѣкъ, и вслѣдъ за ними свояка своего Ярослава, съ Муромскими князьями, Володимеромъ и Давидомъ. Тогда осаждавшіе бѣжали отъ города.

Всеволодъ Глѣбовичъ, услышавъ объ идущей помощи, оставилъ брата Святослава въ Пронскѣ, а самъ поѣхалъ къ Коломнѣ на встрѣчу Ярославу, Володимеру и Давыду, шедшимъ къ нимъ отъ Великаго Князя.

Помощники, узнавъ отъ него о бѣгствѣ старшихъ братьевъ, сочли дѣло конченнымъ, и возвратились въ Владиміръ, взявъ съ собою па совѣтъ и пришедшаго изъ Пронска Всеволода.

Между тѣмъ Романъ, Игорь и Володимеръ явились снова передъ Пронскомъ, и начали биться; переняли воду, и требовали сдачи у сидѣвшаго тамъ Святослава: «не морися голодомъ съ дружиною, и людей не мори, а выдь къ намъ, мы тебя не съѣдимъ, только не приставай къ брату Всеволоду.» Бояре совѣтовали ему тоже: «братъ твой уѣхалъ во Владиміръ тебя выдавъ.» —

Святославъ послушался и отворилъ городъ. Братья дѣйствительно поцѣловали ему крестъ, и посадили его въ Пронскѣ, а дружину Всеволодову, жену его съ дѣтьми, свою ятровь, увели въ Рязань, равно какъ и

* См. въ исторіи Суздальскаго княжества. с. 363.

бояръ его, имѣніе же разобрали. Владимирцевъ, присланныхъ въ засаду къ нимъ, повязали.

Братъ ихъ Всеволодъ былъ очень огорченъ судьбою жены съ дѣтьми и боярами, расхищеніемъ имѣнія, и образомъ дѣйствій брата Святослава. Онъ сѣлъ въ Коломнѣ, и началъ воевать вокругъ.

Великій Князь также былъ приведенъ въ негодованіе, началъ собирать вои, и между тѣмъ требовалъ возвращенія своей дружины.*

Рязанскіе князья, убоясь приготовленій Всеволода, прислали сказать ему: «ты нашъ отецъ, господинъ, братъ; гдѣ будетъ твоя обида, тамъ прежде тебя мы сложимъ свои головы за тебя; не имѣй гнѣва на насъ за то, что мы воевали на своего брата за его непослушаніе—а тебѣ мы кланяемся и мужей твоихъ отпускаемъ.» (1186).

Въ слѣдующемъ году (1187) Черниговскій епископъ Порфирій приходилъ къ Великому Князю прося у него мира Рязанскимъ князьямъ. (Рязань принадлежала къ его епископіи). Всеволодъ согласился, отпустилъ Рязанцевъ, и послалъ епископа въ Рязань съ миромъ, приставивъ къ нему мужей своихъ, вмѣстѣ съ Черниговскими мужами, Святослава и Ярослава Всеволодовичей, но епископъ «инако рѣчь изворача къ нимъ, не яко святитель, но яко перевѣтникъ и ложь.»

Вѣроломство его было обнаружено, и онъ долженъ былъ воротиться въ Черниговъ другою дорогою.

Великій Князь пошелъ на Рязань вмѣстѣ съ своякомъ Ярославомъ Володимеровичемъ, и Володимеромъ Муромскимъ, къ которымъ присоединился Всеволодъ Глѣбовичъ изъ Коломны. Перебродивши Оку, они прошли до Копонова, опустошили страну, и воротились со многимъ полономъ.

Вѣроятно послѣ этого похода заключенъ былъ миръ, и Рязанское княжество воспользовалось спокойствіемъ на нѣсколько времени.

Рязанскіе князья имѣли послѣ еще споръ о пограничныхъ волостяхъ съ В К. Святославомъ Черниговскимъ, который собрался на нихъ ратью со всѣми Ольговичами, прося позволенія у Великаго Князя Всеволода, но тотъ ему не позволилъ.

Въ 1196 году Рязанскіе и Муромскіе князья присылали въ помощь полки свои Великому Князю Всеволоду, шедшему доставать Рюрику Кіевъ.

Прошло еще десять лѣтъ въ мирѣ, и опять перемѣнились отношенія Рязани къ Владимиру. В. К. Всеволодъ собрался войною на Ольговичей, и призвалъ къ себѣ Рязанскую помощь, какъ и прежде.

Въ Москвѣ встрѣтивъ сына Константина съ Новогородцами, онъ получилъ извѣстіе, что Рязанскіе князья сговорились съ его врагами Ольговичами, и идутъ къ нему «на льстяхъ.»

Онъ поворотилъ къ нимъ на встрѣчу, вмѣстѣ съ своими братьями, и остановился въ шатрѣ на берегу Оки.

Туда пришли къ нему Рязанскіе князья: Романъ, Святославъ, братъ его, два Игоревича, Ингварь и Юрій, два Володимерича, Глѣбъ и Олегъ, а Всеволодъ братъ ихъ умеръ въ Пронскѣ.

Цѣловавъ ихъ Великій Князь велѣлъ сѣсть имъ въ шатрѣ, а самъ сидѣлъ въ полстницѣ, и

* См. въ исторіи Суздальскаго княжества, с. 365.

прислалъ къ нимъ на обличеніе князя Давида Муромскаго и мужа своего Михаила Борисовича. Они клялись и божились, что ни въ чемъ не виноваты, но Володимеричи подтвердили извѣтъ. Великій Князь услышавъ, что «воображена истина,» велѣлъ изъимать обвиненныхъ, и отвезть съ думцами ихъ во Владиміръ. (Это было въ субботу, Сентября 22, 1207 года), а самъ пошелъ къ Пронску, перебродясь въ воскресенье черезъ Оку.

Михаилъ, князь Пронскій, услышавъ, что стрыеве его изойманы, а отца у него нѣтъ, рать на него идетъ, испугался, и бѣжалъ въ Черниговъ къ тестю. Проняне взяли къ себѣ Изяслава Володимерича, и заперлись въ городѣ.

Всеволодъ подступилъ къ Пронску въ слѣдующую субботу, и послалъ мужа своего Михаила Борисовича склонить гражданъ къ миру, но они, понадѣясь на градскую твердость, не послушались, и отвѣчали рѣчью буею. Тогда Великій Князь велѣлъ оступить городъ со всѣхъ сторонъ и перенять воду. Проняне все-таки бились, выходя по ночамъ красть воду. Великій Князь нарядилъ стражу въ оружіи, и поставилъ князей противъ всѣхъ воротъ. Проняне умирали отъ жажды.

Имѣя нужду въ запасахъ различныхъ, Великій Князь отрядилъ нѣсколько воевъ съ Ольгомъ Володимеричемъ на Оку по кормъ. Въ Ужескѣ пришла имъ вѣсть, что изъ Рязани выступилъ съ полкомъ Романъ Игоревичь, и бьется съ лодейниками у Ольгова. Олегъ поспѣшилъ на помощь и побѣдилъ Романа.

Проняне, не надѣясь теперь ни откуда помощи, сдались наконецъ черезъ три недѣли, въ четвергъ, 18 Октября.

Великій Князь, омиривъ ихъ, далъ имъ князя Ольга Володимеровича, и пошелъ къ Рязани, сажая вездѣ своихъ посадниковъ. У Добраго, гдѣ онъ хотѣлъ бродиться черезъ Проню, пришелъ къ нему епископъ Арсеній просить о мирѣ, и обѣщалъ полную покорность о его волѣ.

Всеволодъ послушалъ, отошелъ къ Коломнѣ, оттуда на устье Мерской, гдѣ опять настигнулъ его епископъ съ просьбою о пощадѣ. Рязанцы, сдумавши, прислали ему остатокъ своихъ князей съ княгинями. Всеволодъ воротился въ Владиміръ въ среду, 21 Ноября.

Въ слѣдующемъ году, Всеволодъ послалъ сына своего Ярослава въ Рязань на столъ (1208). Рязанцы цѣловали ему крестъ, но недолго находились у него въ послушаніи, изоймали людей его и заковали, другихъ засадили въ погреба и уморили.

Великій Князь тотчасъ снарядился въ походъ, и Ярославъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу, а Рязанцы прислали рѣчь буюю, по своему обычаю и непокорству. Великій Князь велѣлъ всѣмъ людямъ выйдти изъ города съ товаромъ, и зажечь его, потомъ пошелъ къ Бѣлогороду и сжегъ его также. Взялъ епископа Арсенія и прочихъ Рязанцевъ, и отвелъ съ собою въ Владиміръ.

Рязанцы не унимались. Князь Михаилъ, возвратясь изъ Чернигова, и Изяславъ Володимеричь, приходили воевать волость Всеволодову около Москвы, но были разбиты высланнымъ на нихъ сыномъ Георгіемъ.

Въ такомъ положеніи находилась Рязань до кончины Всеволодовой въ 1212 году.

Сынъ его Георгій, впослѣдствіи занявъ великокняжескій столъ, отпустилъ Рязанскихъ князей съ епископомъ Арсеніемъ и всѣми людьми въ Рязань.

Недолго прожило спокойно это несчастное семейство, на которомъ какъ будто лежала печать особеннаго гнѣва Божія. Черезъ пять лѣтъ по возвращеніи изъ Владимирскаго плѣна, собрались они на сеймъ въ Исадахъ: Изяславъ, Киръ-Михаилъ, Ростиславъ, Святославъ, Глѣбъ, Романъ. Ингварь не успѣлъ пріѣхать.

Глѣбъ Володимеровичь, тотъ, который и прежде участвовалъ въ извѣтѣ на братьевъ, сговорился теперь съ братомъ Константиномъ перебить братью, и пригласилъ ихъ въ свой шатеръ, якобы на «честь пиренья.» Всѣ шестеро пришли съ боярами и слугами, не имѣя ни малѣйшаго подозрѣнія.

Злодѣй снарядилъ своихъ слугъ и братнихъ, и скрылъ вмѣстѣ съ Половцами вооруженныхъ въ полстницѣ близь шатра. Началось питье и веселье. Вдругъ Глѣбъ и Константинъ извлекаютъ свои мечи, и начинаютъ рубить, сперва Князей, братьевъ своихъ, потомъ бояръ ихъ и слугъ. Погибло множество людей.

Приключилась сія злоба на память Святаго Пророка Иліи, огненнаго восхожденія, Іюля 20, 1217 года.

Глѣбъ не могъ воспользоваться своимъ злодѣйствомъ, и долженъ былъ бѣжать къ Половцамъ, оттуда пришелъ онъ съ ихъ помощью чрезъ два года, но былъ разбитъ совершенно Рязанскимъ княземъ Ингваремъ, уцѣлѣвшимъ отъ побоища, и едва спасся бѣгствомъ. Говорятъ, что онъ сошелъ съ ума.

Рязань, совершенно разстроенная, среди сихъ междоусобій, подверглась первая всероссійскому бѣдствію.

ОБОЗРѢНІЕ ВНѢШНИХЪ ВОЙНЪ И ОТНОШЕНІЙ.

Впродолженіи перваго, Норманскаго, періода, Русь находилась въ близкихъ связяхъ съ Норманнами, отъ которыхъ происходила, и Греціей, куда ходила воевать, за славою и добычею, и откуда послѣ получила христіанскую вѣру. Послѣ кончины Ярослава, эти связи значительно ослабли, если не совершенно прекратились, ибо на Сѣверѣ вполнѣ образовались самостоятельныя государства: Швеція, Данія, Норвегія, —и выселковъ, странствій, бранныхъ и мирныхъ, оттуда болѣе не предпринималось; а на Югѣ, къ Византіи, дорога заперлась для Руси размножившимися восточными ордами, преимущественно Половцами; самая Русь, бранное племя, раздѣленное по многимъ княжествамъ, не могло предпринять походовъ, подобныхъ прежнимъ, и пускаться на долго изъ дома въ дальніе края.

Война наступательная уступила мѣсто оборонительной.

Всѣхъ пагубнѣе для древней Руси были *Половцы*, занявшіе мѣсто Печенѣговъ Норманскаго періода.

Половцы, кочевое племя, родственное нынѣшнимъ Киргизамъ, пришедшее со степей изъ-за Каспійскаго моря, оттѣснили или истребили прочія дикія племена, жившія въ югозападной Россіи, па сѣверъ отъ Каспійскаго и Чернаго морей, до нынѣшней Молдавіи, преимущественно между Волгою и Днѣпромъ.

Половцы набѣгали безпрестанно, и опустошали южныя княжества, въ особенности Переяславское и Кіевское, и явились наконецъ и со стороны Рязанской.

Это были разбойные набѣги, подобные Крымскимъ набѣгамъ 17 и 18, и Кавказскимъ 19 столѣтія. Причинъ искать нечего, кромѣ желанія обогащаться.

Къ несчастію, въ разгарѣ междоусобій, Князья сами прибѣгали часто за помощью къ Половцамъ, и звали ихъ къ себѣ за наемную плату.

Первый примѣръ подали дѣти Святославовы, Ярославича, которые и несли за то укоризну между нашими предками. Володимеръ Мономахъ, въ союзѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Святополкомъ, нанесъ Половцамъ

сильные удары; сынъ его Мстиславъ загналъ ихъ за Донъ, Волгу, Яикъ, но при междоусобіи ихъ дѣтей и внуковъ съ Олеговичами они опять поднялись, и успѣли причинить много зла, на примѣръ посылая помощь Всеволоду Ольговичу, и потомъ Святополку Ольговичу Сѣверскому, связанному съ ними родствомъ, въ войнахъ его противъ В. К. Изяслава Мстиславича.

Половцы мѣшали южной Греческой торговлѣ, и князья соединенными силами, вспоминая старое время, пошли на нихъ сами войною (1180), и одержали верхъ. Особенно прославилися походы Игоря Святославича Сѣверскаго и Романа Волынскаго.

Отъ набѣговъ Половецкихъ, по границѣ Русскихъ поселеній, были возведены валы, которыхъ остатки сохранились до нашего времени.

Русскіе князья старались также удерживать Половцевъ отъ набѣговъ дарами, посредствомъ съѣздовъ, и брачныхъ союзовъ (1094, 1107), наконецъ посредствомъ поселенія на границѣ другихъ восточныхъ племенъ, болѣе смирныхъ и склонныхъ къ осѣдлой жизни, на правой сторонѣ Днѣпра, вплоть до Переславскаго и Кіевскаго княжествъ по рѣкѣ Роси.

Средоточіемъ этихъ поселеній былъ городъ Торческъ, на берегу Торчи, впадающей слѣва въ рѣку Рось, въ Таращанскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи.

Военные поселенцы, помогая намъ содержать стражу противъ Половцевъ, иногда и измѣняли намъ, смотря по обстоятельствамъ, но вообще принимали дѣятельное участіе въ судьбахъ Кіевскаго княжества.

Въ послѣднее время Половцы притихли, и знакомство съ осѣдлымъ и образованнымъ племенемъ, вѣроятно, содѣйствовало укрощенію ихъ нравовъ.

Остатки прочихъ восточныхъ племенъ, кочевавшихъ по степямъ Новороссійскимъ, или смѣшались съ Половцами, или подчинились Русскимъ князьямъ, и вошли въ составъ ихъ пограничной стражи.

Поселенные Торки, Печенѣги, Берендичи, Ковуи, Каепичи, извѣстные у насъ подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ, соединясь съ остатками военнаго Русскаго населенія, сдѣлались послѣ нашествія Татаръ родоначальниками Малороссійскихъ и Запорожскихъ казаковъ.

Кромѣ Половцевъ древняя Русь имѣла еще многихъ другихъ враговъ, которые усилились, благодаря междоусобіямъ, преимущественно въ концѣ нашего періода.

Ляхи, послѣ Болеславова похода за Святополка, находились по большей части въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Руси, и почти всѣ короли Польскіе имѣли въ супружествѣ Русскихъ княженъ; они являлись на Руси только съ помощью къ князьямъ или родственникамъ. Замѣтимъ, что всѣ почти Польскіе короли изъ дома Піастовъ имѣли Русское происхожденіе, отъ Русскихъ княженъ, а именно:

Казимиръ I, (†1058), Болеславъ II, Смѣлый (†1081), Болеславъ III, Кривоустый (†1139), по первому браку, Болеславъ IV, Кудрявый (†1194) по двумъ бракамъ, Мстиславъ III, Старый (†1201), по второму браку, Казимиръ II, Справедливый (†1194), Лешекъ Бѣлый (†1237).

Въ періодѣ отъ Ярослава до Татаръ, изъ 10 королей Польскихъ семеро были женаты на Русскихъ княжнахъ, изъ нихъ—трема (Казимиръ I, Болеславъ III, Казимиръ II),

валася собственно династія, (исключеніе составляютъ: Владиславъ Германъ, Владиславъ II и Владиславъ Тонконогій.)

Къ нимъ присоединить должно Конрада (†1247), сына Казимирова, и брата Лешку Бѣлому, дѣда Владиславу Локетку, который былъ женатъ на Русской княжнѣ, и сдѣлался ближайшимъ родоначальникомъ слѣдующихъ королей—даже до Ядвиги, начавшей съ Ягайломъ Литовскимъ новую династію Ягеллоновъ.

Съ помощію Ляхи приходили—къ Изяславу Ярославичу (1068, 1077), Ярополку Изяславичу (1086), Ярославу Святополчичу (1123), Всеволоду Ольговичу (1140, 1146), и проч.

Такъ точно и Русскіе князья ходили помогать Ляхамъ, напримѣръ Мономахъ и Олегъ Святославичъ (1076), Всеволодъ Ольговичъ (1142, 1145) и проч.

Изъ враждебныхъ Ляхамъ князей, вначалѣ, замѣчателенъ особенно Теребовльскій Василько Ростиславичъ. *

По смерти Романа Волынскаго (около 1206 года) Галицкое княжество сдѣлалось предметомъ спора между Ляхами, Уграми, дѣтьми Романа, Кіевскими и Сѣверскими князьями, призванными отъ бояръ Галицкихъ. Лешко Бѣлый, Король Польскій, сынъ Казимира II Справедливаго, то помогалъ Ольговичамъ, то дѣтямъ Романовымъ, то противъ нихъ тестю своему Александру Всеволодовичу Бѣльзскому, то дѣйствовалъ въ союзѣ съ Уграми, наконецъ призвалъ на нихъ князя Мстислава изъ Новагорода, потомъ поссорился и съ Мстиславомъ, вступилъ въ союзъ опять съ Андреемъ Угорскимъ, и опять противъ него, и проч.*

Первыя сношенія съ *Уграми*, (знакомыми со времени поселенія ихъ въ странахъ Дунайскихъ) происходили, также какъ и съ Ляхами, преимущественно вслѣдствіе брачныхъ союзовъ.

Изяславъ Мстиславовичъ, В. К. Кіевскій, (1146—1153), боряся съ Юріемъ Володимеровичемъ, Долгорукимъ, Суздальскимъ, имѣлъ себѣ главнаго помощника въ зятѣ своемъ, женатомъ на родной, меньшей сестрѣ его, Евфросиніи,—Гейзѣ, Королѣ Венгерскомъ, и противъ Юрья, и противъ союзника его Володимерка Галицкаго.

Со смерти Ярослава Володимерковича (1187) сношенія съ Уграми перемѣняютъ свой характеръ, и изъ родственныхъ, вспомогательныхъ, становятся притязательными: короли возъимѣли мысль воспользоваться смятеніями, возникшими въ Галичѣ, и покорить его своей власти, но нашли себѣ противниковъ въ Русскихъ Князьяхъ и въ Ляхахъ. **

Ятвяги, древнее Сарматское племя, дикіе обитатели нынѣшняго Подляшья. Русскіе походы на нихъ относятся къ 1112, 1113, 1120 годамъ. Ихъ набѣги на Волынь 1205, 1207.

Литва, племя древле-Славянское, но весьма рано отдѣлившееся отъ своего корня,

---

* См. выше с. 263.

* См. выше с. 280 и проч.
** См. выше, с. 281.

подпавшее вліянію съ одной стороны Нѣмцевъ, а съ другой Финновъ, и занявшее западную, лѣсистую окраину Русской земли, причисляется къ древнѣйшимъ данникамъ Руси, по свидѣтельству Нестора.

Мстиславъ, сынъ Мономаховъ, предпринималъ большой походъ на Литву съ подручными ему князьями (1132).

Впродолженіи удѣльнаго періода Литовцы набѣгали изъ лѣсовъ своихъ на области Владиміро-Волынскаго и Полоцкаго, наконецъ Новогородскаго и Псковскаго, княжествъ, иногда съ успѣхомъ, 1183, 1213, 1224, иногда съ потерею 1193, 1200, 1203.

Съ *Чудью*, (такъ назывались у насъ, по преимуществу, жители Эстляндіи), находились въ безпрерывныхъ сношеніяхъ Новогородцы и Псковичи, ведя противъ нихъ большею частію войны наступательныя, вѣроятно изъ-за дани, которую тѣ должны были платить со временъ Ярослава, построившаго въ 1030 году городъ Юрьевъ (Дерптъ), какъ мѣсто опоры для владычества надъ сосѣдними Финскими и Летскими племенами.

Изъ частныхъ названій Чуди и ея владѣній, по нашимъ лѣтописямъ, мы знаемъ слѣдующія:

Одепие, Медвѣжья голова, на югъ отъ Дерпта.

Кесь—Венденъ.

Колывань—Ревель.

Чудь Торма — въ Дерптскомъ уѣздѣ, Лифляндской губерніи.

Чудь Ерева—въ Вейсенштейнскомъ уѣздѣ Естляндской губерніи.

Чудь Очела—по верхней части Трейденской Аа, близь границы Леттовъ и Естовъ.

Чудь Толова—нынѣ Трикатенъ у рѣчки Аббель, впадающей въ Аа, въ верстахъ 20 отъ Вольмара.

Лотыголою назывались у насъ вообще всѣ Летты или Латыши.

Зимѣгола—жители Семигальскаго княжества, въ восточной части Курляндской губерніи.

Походы на Чудь, болѣе или менѣе значительные, относятся къ годамъ: 1042, 1079, 1105, 1106, 1111, 1113, 1116, 1123, 1130, 1131, 1133, 1142, 1143, 1149, 1176, 1179, 1186, 1187, 1190, 1191, 1192, 1193, 1200, 1212, 1214, 1217, 1219, 1223.

Всѣ эти походы совершались Новогородцами, подъ предводительствомъ ихъ князей.

Чудь, собственно Есты, въ концѣ этого періода призывали часто Русскихъ противъ утвердившихся въ ихъ сосѣдствѣ Нѣмцевъ.

Но тяжеле Русскихъ для Финскихъ и Литовскихъ племенъ сдѣлались *Нѣмцы*, которые утвердились въ устьѣ Западной Двины, къ началѣ XIII столѣтія.

Въ первый разъ Бременскіе купцы явились тамъ въ 1159 году, и начали торговать внизъ по теченію рѣки.

Около 1187 года, Меингардъ, Латинскій священникъ, изъ Голштинскаго монастыря Зигеберга, провожавшій часто и прежде Нѣмецкихъ купцовъ, которые приплывали въ Двину, построилъ церковь въ Икесколѣ, испросивъ дозволеніе Полоцкаго князя Володимера, которому Ливы платили дань. Вскорѣ, послѣ того, лѣтомъ 1187 года Меингардъ основалъ тутъ крѣпкій замокъ,

и Папа Климентъ III буллами 25 Сентября и 1 Октября, 1188 года, утвердилъ Меингарда епископомъ Искульскимъ, подъ вѣдѣніемъ Бременской митрополіи.

Около 1192 года Меингардъ построилъ большую крѣпость на Двинѣ. Онъ умеръ Октября 12, 1196 года.

Въ 1197 году пришелъ въ страну Ливовъ второй Лифляндскій епископъ Бертольдъ. Онъ палъ на сраженіи противъ побѣжденныхъ имъ Ливовъ, около нынѣшней Риги, Іюля 24, 1198 года.

Не смотря на свое пораженіе Ливы поднялись опять противъ пришельцевъ, овладѣли построенною Меингардомъ крѣпостію Гольмомъ, и полонили всѣхъ христіанъ.

Около 1 Марта, 1199 года, Бременскій каноникъ Албертъ посвященъ былъ третьимъ Лифляндскимъ епископомъ.

Третьяго Ливонскаго епископа Альберта (1199 года, Марта съ 1,) должно считать основателемъ Нѣмецкаго владычества въ Балтійскомъ поморьѣ. Одаренный высшими способностями, онъ дѣйствовалъ съ одинакимъ успѣхомъ, какъ проповѣдникъ, воинъ, дипломатъ, мужъ государственный. Окинувъ зоркимъ взглядомъ вновь открывшееся предъ нимъ поприще, онъ увидѣлъ, что безъ военной силы сдѣлать на немъ ничего нельзя, и потому возымѣлъ мысль основать крѣпость въ устьѣ Двины, и вмѣстѣ, для успѣха своей проповѣди, учредить Орденъ, по образцу Нѣмецкаго Ордена, дѣйствовавшаго въ сосѣдней языческой Пруссіи, — мысль, совершенно согласную съ духомъ времени, возбужденнымъ въ Европѣ крестовыми походами. Приглашенные рыцари должны были помогать ему въ распространеніи христіанской вѣры между туземцами, и получать себѣ за то часть покоряемыхъ земель въ потомственное владѣніе.

Епископъ Альбертъ весною 1200 года явился изъ Германіи съ флотомъ изъ 23 судовъ въ странѣ Ливовъ, отнялъ у нихъ опять Гольмъ, и освободилъ христіанъ въ Икскolѣ. Послѣ нѣкоторыхъ сраженій заключёнъ былъ миръ съ Ливами.

Въ слѣдующемъ 1201 году, въ началѣ, посланный имъ въ Римъ, монахъ Дитрихъ, исходатайствовалъ у папы Иннокентія III полномочіе Альберту проповѣдывать, и буллу, коею, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, запрещалось купцамъ торговать по рѣкѣ Аа, въ ущербъ новому предположенному городу.

Лѣтомъ, 1201 года, епископъ Альбертъ, возвратившись изр Германіи, началъ строеніе города Риги. Онъ предоставилъ рыцарямъ Даніилу Баннерову и Конраду Мейндорфу укрѣпленія Лейнварденъ и Икскуль, на ленномъ правѣ, и заключилъ съ Курами мирный договоръ. Конвентъ духовный переведенъ былъ изъ Икскула въ Ригу. Тогда же послѣдовало и учрежденіе Ордена Христовыхъ рыцарей или Меченосцевъ.

Въ 1202 году, братъ Альбертовъ, Энгельбертъ, прибылъ изъ Германіи съ первыми гражданами для города Риги.

Самъ епископъ Альбертъ ѣздилъ почти всякій годъ въ Германію проповѣдывать святую войну на сѣверѣ, и привозилъ съ собою охотниковъ, которые, привлекаемые надеждою получать земли во владѣніе, стекались къ нему толпами; другіе принимали на себя годичную обязанность потрудиться во славу имени Божьяго.

Туземцы,—Ливы, Летты, Есты, не могли представить достаточнаго сопротивленія, не смотря на постоянную злобу, съ коею они смотрѣли на поселеніе между ними чуждаго племени.

Русскіе князья увидѣли также свою ошибку, когда допущенные пришельцы предъ ихъ глазами начали хозяйничать въ подданныхъ имъ странахъ. Чрезъ годъ по основаніи Риги Полоцкій князь Володимеръ осадилъ Икскульскую. крѣпость, и заставилъ Ливовъ платить себѣ обычную дань. Пограничный удѣльный князь изъ Herzike * воевалъ до самой Риги.

Въ 1205 году Альбертъ построилъ монастырь въ Динаминдѣ, сжегъ Ашераденъ, гдѣ было, видно, Русское владѣніе.

Съ сихъ поръ мы видимъ безпрестанное колебаніе здѣшнихъ обстоятельствъ и отношеній. Усиливались Нѣмцы прибывавшею къ нимъ помощью изъ отечества, они возвышали голосъ, и Полоцкіе пограничные князья въ Герцике и Кукенойсѣ старались снискать ихъ благосклонность, туземцы притихали, и на оборотъ, когда Нѣмцы слабѣли, тогда туземцы поднимались; Русскіе князья возобновляли свои требованія; Нѣмцы изъявляли покорность, и заискивали дружбы въ Полоцкѣ, въ Новѣгородѣ и въ Псковѣ.

Во всякомъ случаѣ, основаніе владѣнія было ими положено. Нужны были только благопріятныя обстоятельства, чтобъ этому владѣнію утвердиться и распространиться: онѣ наступили—въ ослабленіи Русскихъ князей и въ умноженіи Нѣмецкихъ поселенцевъ. Епископъ Альбертъ заключилъ съ рыцарями договоръ, по которому предоставлялась имъ третья часть всѣхъ пріобрѣтеній, что было подтверждено Папою и Императоромъ.

Въ 1206 году, епископъ Альбертъ посылалъ повѣреннаго своего аббата Дитриха, къ Полоцкому князю, искать его дружбы, а тотъ сбирался идти уже на него войною, подговариваемый Ливами. Нападеніе не состоялось, потому что Дитрихъ предувѣдомилъ своего государя, который могъ приготовиться къ оборонѣ. Русскіе посланники провожали аббата до Кокенгаузена, и звали епископа для переговоровъ при рѣкѣ Огерѣ, а Ливы и Летты убѣждали начинать войну. Они начали ее одни, и, овладѣвъ крѣпостію Гольмомъ, угрожали Ригѣ. Нѣмцы однакожъ успѣли отнять крѣпость. Но лишь только епископъ отплылъ въ Германію, какъ Володимеръ Полоцкій спустился съ многочисленнымъ войскомъ по Двинѣ, напалъ на Икскуль, осадилъ Гольмъ, и оставилъ осаду, только услышавъ о приближавшихся латинскихъ судахъ.

Съ епископомъ, въ 1207 году, наѣхало много новыхъ сотрудниковъ, которые и начали тотчасъ наступательныя дѣйствія. Они напали на удѣльнаго Полоцкаго князя Вячка въ Кукенойсѣ, (1208, въ Мартѣ), несмотря на его сближеніе съ епископомъ, котораго онъ встрѣтилъ предъ тѣмъ съ своими мужами, прося помощи противъ Литвы, и принятъ былъ съ почетомъ въ Ригѣ.

Албертъ, еще опасавшійся Русской вражды, взялъ однакожъ его сторону, велѣлъ отпустить изъ плѣна, и далъ ему предъ

* Herzike—должно быть испорченное имя изъ какаго нибудь Русскаго имени; такъ Ливонскій лѣтописатель изъ Пскова, Плескова,дѣлалъ Plescecove, изъ Полоцка Ploseeke, изъ Вячка Vesceke, изъ Мстислава Miscislave.

Кукенойсъ также есть какое нибудь испорченное Русское имя.

новымъ отъѣздомъ въ Германію двадцать собственныхъ воиновъ для охраны и подмоги, вѣроятно соглядатаевъ.

Но Вячко озлился на Нѣмцевъ, которые сожгли его крѣпость и подвергли его, взятаго въ плѣнъ, униженію. Предполагая Алберта отплывшимъ, велѣлъ умертвить своимъ Русскимъ и преданнымъ ему Леттамъ и Селонамъ, данныхъ ему помощниковъ, собрался идти на Ригу съ помощію всегда готовыхъ туземцевъ-язычниковъ.

Между тѣмъ Албертъ, задержанный противными вѣтрами стоялъ еще въ устьѣ Двины. Раздраженный въ свою очередь видимымъ вѣроломствомъ Русскаго князя, онъ убѣдилъ триста своихъ спутниковъ остаться еще въ Лифляндіи, и объявилъ общій походъ на Вячка, созывая къ себѣ всѣхъ Нѣмцевъ. Вячко, не въ силахъ бороться, сжегъ свою крѣпость, и удалился въ Русь.

Герцике подвергнулся участи Кокенгаузена. Альбертъ пошелъ на него самъ. Городъ былъ взятъ и сожженъ. Чтобъ получить его опять въ свое владѣніе, Всеволодъ долженъ былъ пріѣхать въ Ригу, уступить подданныя ему волости Ливовъ и Леттовъ, и принести присягу въ вѣрности епископу. Вотъ въ какомъ положеніи были уже Нѣмцы, недавно еще смиренные просители.

По возвращеніи, лѣтомъ слѣдующаго года Албертъ возстановилъ Кокенгаузенъ, утверждая эту крѣпость точкою опоры противъ Литовцевъ и Русскихъ.

Несмотря на такіе успѣхи относительно Кокенгаузена и Герцике, Албертъ все еще опасался Полоцка, и лѣтомъ 1210 года, вѣроятно потому что помощниковъ прибыло мало изъ Германіи, посланъ былъ въ Полоцкъ отъ имени Лифляндскихъ старшинъ рыцарь Рудольфъ для заключенія, какимъ бы то ни было образомъ, мира съ Полоцкимъ княземъ.

Рижскій посолъ исходатайствовалъ свободную торговлю для Латинскихъ купцевъ и отправленіе въ Ригу уполномоченнаго. Изъ Полоцка посломъ назначенъ былъ Лудольфъ Смоленскій, и по заключенному имъ договору, осенью, Ливы обязались взносить ежегодно слѣдующую съ нихъ дань Полоцкому князю, или епископъ за нихъ.

Между тѣмъ Нѣмцы распространяли свои завоеванія и къ востоку, въ Естляндіи, искони тянувшей къ Новугороду. Во Новѣгородѣ случился тогда воинственный князь, славный Мстиславъ Мстиславичъ, который, услышавъ о дѣйствіяхъ Нѣмецкаго войска въ Естоніи, поднялся на Вагію, (къ сѣверо-западу отъ Чудскаго озера), изъ Вагіи на Герву, къ западу отъ Вагіи, (въ Вейсенштеинскомъ уѣздѣ Естляндской губерніи, въ Русскихъ лѣтописяхъ на Чудь Ереву,) и, ненайдя тамъ Нѣмцевъ, перешелъ въ Гаррію, къ сѣверо-западу и осадилъ крѣпость Варболе, (въ Русскихъ лѣтописяхъ Воробьевъ носъ, по Естонски варблене-воробей), бился нѣсколько дней, и когда жители обѣщали заплатить 700 марокъ ногатами дани, воротился въ свояси.

Въ Новогородской лѣтописи сказано, что Мстиславъ прошелъ «сквозь землю Чудскую къ морю.»

Храбрый Мстиславъ отвлекся войною сперва въ Суздальскую землю, а потомъ на югъ въ Галичь: еслибъ онъ остался въ Новѣгородѣ, то дѣла на сѣверо-западѣ могли бъ пойдти иначе.

Между тѣмъ Нѣмцы всякій годъ прибывая, усиливались болѣе и болѣе: новыя свѣжія силы давали имъ возможность исполнять безопасно свои замыслы, пользуясь всякими средствами: такимъ образомъ, не болѣе какъ чрезъ два года послѣ принятаго Албертомъ на себя обязательства платить дань, въ случаѣ нужды, за Ливовъ Полоцкому князю, по новому договору Володимеръ отказался отъ верховной власти надъ Ливами и Леттами, и заключилъ съ Албертомъ торговый и вмѣстѣ оборонительный договоръ противъ Литвы. Посредникомъ былъ князь Володимеръ Псковскій, вступившій въ родственную связь съ епископомъ, и отдавшій свою дочь въ замужство за его брата.

Этотъ Псковскій князь, изгнанный изъ Пскова за свое сближеніе съ Нѣмцами, получилъ отъ нихъ помѣстье въ Лифляндіи, но не надолго, и стѣсненный долженъ былъ спасаться въ Русь, какъ прежде Вячко.

Точно также Герцике подвергался безпрерывнымъ нападеніямъ (1214 и 1216).

Вѣроятно эти князья, Володимеръ, Всеволодъ и Вячко, вмѣстѣ съ туземцами, которые не упускали ни одного случая вредить и мѣшать Нѣмцемъ, питая непримиримую вражду къ нимъ, убѣдили Полоцкаго князя Володимера предпринять большой походъ на Ригу. Собралось многочисленное ополченіе. Князь готовился къ отплытію, какъ вдругъ садясь уже на суда упалъ и скоропостижно умеръ (1216). Всѣ вои разсѣялись, и Нѣмцы избѣгли большой опасности съ этой сторопы.

Но Новогородцы, съ своей стороны, осадили Оденпе, и потребовали съ Унганіевъ бо̀льшей дани за то, что тѣ перешли отъ Греческаго обряда къ Римскому. Володимеръ Псковскій принималъ участіе въ этомъ походѣ.

Въ слѣдующемъ 1217 году Новогородцы съ Естами разбили совершенно Нѣмцевъ, и заняли Оденпе, послѣ 17-ти дневнаго жестокой осады. По договору Нѣмцы должны были удалиться въ Ливонію. Братъ Альбертовъ взятъ былъ заложникомъ въ Новгородъ.

Володимеръ Псковскій, съ сыномъ и другими князьями, чрезъ Унганію, проникъ въ страну Леттовъ и Ливовъ, до Епископской области, по нижней Аа и правому ея берегу, но былъ отбитъ отъ Вендена, и долженъ былъ воротиться въ Псковъ, чтобъ обороняться отъ нападавшихъ Литовцевъ.

Албертъ, видно, испугался: можетъ быть и Полочане затѣвали что нибудь, — а Нѣмецкой помощи было недостаточно,—и онъ отправился въ Данію съ своими сотрудниками просить Короля Вольдемара о помощи отъ Русскихъ и Естовъ.

Король обѣщался привесть ее въ слѣдующемъ году, за что Албертъ отказывался отъ притязаній своихъ на Естляндію, на которую Датчане давно уже смотрѣли съ завистію, нападали, еще въ 1206 году, на островъ Езель, и получили, подобно Нѣмцамъ, отъ папы Гонорія III, право на всѣ здѣшнія земли, по мѣрѣ обращенія ихъ въ христіанскую вѣру.

Согласно съ даннымъ словомъ Король въ слѣдующемъ году (1219) присталъ къ берегамъ Естляндіи, и на мѣстѣ прежняго Естонскаго укрѣпленія основалъ сильную крѣпость Ревель.

Алберту не понравилось, кажется, такое сосѣдство, и онъ отправился въ 1221 году въ Италію, къ Императору Фридриху II, просить у него помощи противъ Датчанъ, Русскихъ и язычниковъ. Императоръ не могъ ничего сдѣлать для него, и подалъ только совѣтъ о сохраненіи мира.

Тогда, въ крайнихъ обстоятельствахъ епископу Рижскому не осталось ничего предпринять, какъ обратиться опять къ самому Вольдемару. Король видно потребовалъ верховной власти нетолько на Естляндію, но и на Лифляндію, и Албертъ принужденъ былъ уступить, подъ условіемъ согласія своихъ соотечественниковъ и товарищей.

Послѣ, однакожъ, подъ предлогомъ возраженій со стороны капитула, ордена и города, благодаря ходатайству архіепископа Андрея, признана была независимость Лифляндіи, съ обязательствомъ непремѣннымъ дѣйствовать вообще противъ Русскихъ, туземцевъ и язычниковъ.

Новогородцы въ походахъ 1223 года съ Всеволодомъ Юрьевичемъ и Ярославомъ Всеволодовичемъ, имѣли временный успѣхъ. Занявъ Оденпе и Дерптъ, Ярославъ осаждалъ и Ревель, но долженъ былъ отступить отъ крѣпости.

Посаженный Новогородцами въ Дерптѣ, Вячко былъ осажденъ Нѣмцами въ 1224 году, и, по отчаянномъ сопротивленіи, вслѣдствіе не подоспѣвшей помощи, былъ совершенно разбитъ, крѣпость взята и сожжена, защитники истреблены, и между ними палъ мужественный Вячко.

Той же участи подверглись остальные Русскіе въ Феллинѣ, Кукенойсѣ и прочихъ городахъ.

Туземцы, — Ливы, Летты, и особенно Есты, съ перваго водворенія иноплеменниковъ, —сперва подлѣ нихъ, а потомъ между ними, —подымались съ оружіемъ въ рукахъ, возбуждали князей Полоцкихъ, Псковскихъ и Новогородскихъ, къ которымъ, несмотря на прежнія войны, они чувствовали всетаки больше расположенія, чѣмъ къ Нѣмцамъ, —ни одного года непроходило въ покоѣ, съ ихъ стороны, —но всѣ усилія ихъ были напрасны, тѣмъ болѣе, что между собою они не могли соглашаться по долгу и дѣйствовать вмѣстѣ, часто ссорились, и даже ходили другъ на друга войною, чѣмъ смышленные пришельцы умѣли пользоваться, и наконецъ покорили ихъ совершенно подъ свое иго, начавъ съ торговли, продолжая введеніемъ христіанской вѣры, и кончивъ поселеніями и завоеваніями.

Христіанская вѣра, введенная между нѣкоторыми изъ Латышскихъ и Чудскихъ племенъ, посредствомъ Русскихъ проповѣдниковъ изъ Полоцка, Пскова и Новагорода, по православному Греческому ученію, была насильственно замѣнена Римскимъ-папскимъ. Такъ напримѣръ подъ 1214 г. у Ливонскаго лѣтописателя есть извѣстіе что Чудь Толова обѣщалась епископу перейдти отъ Греческаго исповѣданія къ Римскому. Въ 1216 году Владиміръ Псковскій требовалъ отъ Унганнов бо́льшей дани за то, что они перешли къ новымъ проповѣдникамъ.

Вмѣстѣ съ Нѣмцами явились на Балтійское поморье, какъ выше показано, еще другіе враги, пытавшіе отнять у Русскихъ здѣшнія владѣнія, — Датчане и Шведы, потомки древнихъ Норманновъ-Варяговъ.

Датчане начали свои нападенія на Естляндію въ 1193—1197 годахъ

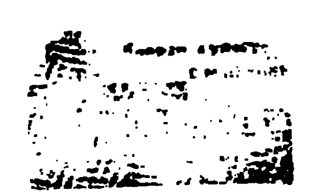
Лѣтомъ 1206 года Вольдемаръ, Король Датскій, по примѣру Нѣмецкихъ рыцарей, предпринималъ походъ на островъ Езель.

Папа Гонорій III предоставилъ (1218) Датскому Королю, по его просьбѣ всю землю, которую онъ отниметъ у языческихъ Естовъ.

Въ 1219 году основанъ былъ имъ городъ Ревель на мѣстѣ старой Естонской крѣпости.

Нѣмцы столкнулись было съ Датчанами, но послѣ кратко-временныхъ раздоровъ сговорились дѣйствовать сообща противъ Русскихъ и язычниковъ, что и начали исполнять къ обоюдной пользѣ.

Шведы явились сначала въ западной Естляндіи, а потомъ избрали цѣлью своихъ нападеній Ижерскую Новогородскую пятину.



ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.